Biogr.
106 nd

(Boccaccio)
Wesselowski

Bayerische Staatsbibliothek
<36647163610019

БОККАЧЧЬО,

ЕГО СРЕДА И СВЕРСТНИКИ.

АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1894.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1894 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

VII. Сомнѣнія и исканіе идеала въ строгой поэзіи и ригористической морали (Корбаччьо).

I. Серьезное настроеніе послѣднихъ новеллъ Декамерона и сонеты о безцѣльно проведенной жизни. Ихъ психологическое значеніе. Сонеты на смерть Фьямметты и случайныя увлеченія: послѣ идеализаціи чувственности—чувственность безъ идеализаціи; послѣ признанія любви, какъ законнаго, самодовлѣющаго принципа жизни—поворотъ къ старому нравственному критерію и взгляду на любовь, какъ на неразумное вожделѣніе.— Внутренняя борьба: приливы самобичеванія и уколы самолюбія. — Боккаччьо ухаживаетъ за вдовой, которая надъ нимъ глумится: личный элементъ Корбаччьо 3—10

II. Анализъ Корбаччьо . 10—44

III. Литературные элементы Корбаччьо и его психологическая оцѣнка. Выходъ изъ борьбы къ самосознанію ученаго, къ требованію серьезныхъ цѣлей въ жизни и дѣятельности. Отнынѣ Аристей - Боккаччьо отдается строгой латинской поэзіи—Саффо̀. Разборъ XII-й эклоги, ея сравненіе съ III-й эклогой Петрарки; идеальное пониманіе поэзіи.—Эклоги Боккаччьо, какъ образцы его строгой поэтической манеры. Исторія латинской эклоги въ Италіи до Боккаччьо; общая характеристика его эклогъ и разборъ XIV-й. Ихъ эстетическая оцѣнка. Что такое «обращеніе» Боккаччьо? 45—67

VIII. Петрарка, эрудиція и вопросы практической жизни. Личная свобода или обезпеченность подъ литературнымъ патронатомъ?

I. Міросозерцаніе ранняго итальянскаго гуманизма. Итальянскій гуманизмъ, какъ вѣковой народно-историческій процессъ, кульминирующій на первый разъ въ

Стр.

Петраркѣ и Боккаччьо. Вопросъ объ ихъ непосредственныхъ предшественникахъ и тѣхъ изъ современниковъ, которые самостоятельно приготовили себя къ ихъ вліянію. Корреспонденты Боккаччьо и Петрарки. Манія гуманизма . 71—84

II. Начитанность и эрудиція Боккаччьо. Синкретизмъ литературныхъ вкусовъ, отъ котораго онъ освобождается постепенно. Средневѣковые и классическіе элементы его чтеній; какъ начинаютъ читать классиковъ? Проявленія критицизма и работы надъ рукописными текстами; Боккаччьо переписчикъ; его библіотека. Анализъ двухъ рабочихъ сборниковъ . 84—105

III. Боккаччьо въ 1350-мъ году. Явленіе Петрарки. Его характеристика и идеализація у Боккаччьо въ біографіи, написанной заглазно. Петрарка во Флоренціи, въ кружкѣ флорентійскихъ гуманистовъ; Симонидъ-Нелли. Обаяніе Петрарки; Боккаччьо видитъ въ немъ олицетвореніе своего жизненнаго идеала, отдается ему, какъ нравственному руководителю. Первыя письма. Филостропъ-Петрарка и Тифлосъ-Боккаччьо XV-й эклоги. . 105—133

IV. Боккаччьо у Петрарки въ 1351-мъ году съ приглашеніемъ флорентійской комуны занять каѳедру въ университетѣ. Интимныя бесѣды: Петрарка громитъ тираннію Эгона-Висконти; принимаетъ приглашеніе флорентійцевъ, по вмѣсто того ѣдетъ въ Авиньонъ, оттуда ко двору Висконти. Недоумѣніе Боккаччьо; онъ проситъ Петрарку объяснить противорѣчія своихъ убѣжденій и поступка . 133—147

V. Политическія воззрѣнія Петрарки и Боккаччьо; ихъ идеальное и практическое содержаніе. Въ недоумѣніи Боккаччьо сказался не столько демократизмъ убѣжденій, сколько флорентійскій муниципализмъ и вожделѣнія личной свободы при житейской непрактичности. 147—165

VI. Боккаччьо пытается устроиться въ Неаполѣ при Аччьяйоли. Характеристика Занобп да Страда. Неаполитанскія неудачи; поэты и патроны въ XIV-мъ вѣкѣ; противорѣчія личной свободы и литературной карьеры. Боккаччьо уѣзжаетъ изъ Неаполя, не устроившись; его письма къ Занобп . 166—184

VII. Петрарка у Висконти. Что онъ отвѣчаетъ на вопросы друзей? . 184—198

VIII. Боккаччьо послѣ неаполитанской поѣздки. Неудачи карьеры и успокоеніе въ фиктивномъ идеалѣ бѣдности. Недочеты самолюбія: вѣнчаніе Занобп. Боккаччьо отрицается названія поэта; ободряющее письмо Петрарки. 198—205

Стр.

IX. Тревоги анализа и самоопредѣленія. Вопросы нравственности и славы, судьбы и призванія (De Claris Mulieribus, De Casibus Virorum Illustrium, Vita di Dante).

I. Памятники латинской эрудиціи Боккаччьо. Ихъ хронологіи 209—214

II. Книга «объ именитыхъ женщинахъ». Анализъ содержанія и общія точки зрѣнія: критерій нравственности и извѣстности, славы 214—237

III. Книга о «Роковой участи великихъ людей». Ея разборъ и характеристика міросозерцанія: вопросы судьбы и призванія 237—278

IV. Біографія Данте; Петрарка и Боккаччьо о признаніи Данте. Дантофилы и гуманисты. Источники біографіи, ея содержаніе и личный моментъ.—Вопросъ о значеніи поэзіи 278—320

X. Призваніе поэта: Studium fuit alma poesis (Генеалогіи Боговъ.—De Montibus).

I. Посвятительное письмо къ Генеалогіямъ. Ея источники классическіе, средневѣковые и современные: Петрарка, Данте, Франческо да Барберино, Андалоне ди Негро, Паоло изъ Перуджіи 323—341

II. Источники Генеалогій: Теодонцій, Варлаамъ 341—350

III. Леонтій Пилатъ и исторія Гомеровскаго перевода 350—375

IV. Генеалогіи Боговъ: планъ, анализъ содержанія и пріемы толкованія 376—398

V. Къ стилистикѣ Генеалогій: введенія въ отдѣльныя книги и общія мѣста 399—405

VI. Анализъ XIV-й и XV-й книги Генеалогій: защита поэзіи и автора 309—432

VII. Значеніе Генеалогій въ развитіи Боккаччьо. Въ чемъ состояли нападки на Декамеронъ и Генеалогіи? 432—437

VIII. De Montibus; цѣли Географическаго словаря. Петрарка и Боккаччьо на путяхъ гуманизма. Латинскіе труды Боккаччьо, какъ показатели его развитія во второй половинѣ его жизни 437—449

XI. Практическіе недочеты и бѣдный досугъ въ Чертальдо.

I. Боккаччьо съ 1350-го года. Общественные порядки во Флоренціи; недовольство, сомнѣнія и подавляющія откровенія Чьяни. Какъ отнеслись къ нимъ Боккаччьо и Петрарка?—Вторая поѣздка въ Неаполь въ 1361—2-мъ году по вызову Аччьяйоли и его мажордома Нелли; Боккаччьо оскорбленъ ихъ неряшливымъ пріемомъ и

Стр.

поспѣшно удаляется. Изъ Венеціи, гдѣ онъ гоститъ у Петрарки, написано въ 1363-мъ году его обличительное письмо къ Нелли 453—488

II. Посланіе къ Нелли и VIII-я эклога взаимно освѣщаютъ другъ друга; какъ отнесся Петрарка къ неаполитанскому эпизоду Боккаччьо? Смерть Нелли глубоко поражаетъ Петрарку, онъ тревожится и за Боккаччьо и зоветъ его къ себѣ 488—500

III. Боккаччьо въ добровольномъ изгнаніи Чертальдо. Его пессимистическое настроеніе; письмо Петрарки о сожженныхъ стихотвореніяхъ и типъ старика Церретія-Боккаччьо XVI-й эклоги. Пессимизмъ De «Casibus» и біографіи Данте отражаютъ настроеніе 1363—4-хъ годовъ, равно какъ и увѣщательное посланіе къ Пино деи Росси 500—515

IV. Бѣдность біографическаго матерьяла за 1365–70-й годы. Боккаччьо съ посольствомъ въ Авиньонѣ въ 1365-мъ году и письмо Петрарки отъ 14-го декабря. Боккаччьо въ Равеннѣ, справляется для Петрарки о Петрѣ Даміани. Знакомится въ Венеціи съ семьей Петрарки; письмо къ нему отъ 30-го іюня 1367-го года. Ходитъ съ посольствомъ въ Римъ въ 1367-мъ году; дѣловыя отношенія 1367—68-го годовъ; въ 1368-мъ снова у Петрарки въ Падуѣ. Относящіеся сюда письма Колуччіо Салутати 515—526

V. Послѣдняя неаполитанская поѣздка 1370—71-го годовъ. Загадочность ея поводовъ и цѣлей: случайная или намѣренная? Новыя знакомства и старые счеты: письмо къ аббату Никколò ди Монтефальконе и старческая раздражительность; бесѣды съ Убертино и письмо къ Маттео ди Амброзіо. Друзья хотятъ пристроить Боккаччьо, онъ спѣшитъ домой. Письма 1371—72-го года изъ Чертальдо, досказывающія исторію неаполитанскаго путешествія: къ Никколò Орсини, Якову Пиццинге и Пьетро ди Монтефорте. — Поѣздка къ Петраркѣ въ 1372-мъ году и тайное удаленіе 526—540

VI. Боккаччьо въ дѣловомъ документѣ 1373-го года; его болѣзнь и письма къ Кавальканти (отрицаніе Декамерона); посвященіе ему De Casibus. Письмо къ брату Мартину изъ Синьи съ толкованіемъ эклогъ. Братъ Мартинъ и Анджело Торини, какъ архаическіе литературные типы, характеризующіе старческіе интересы Боккаччьо. Его настроеніе; дантовская поэзія въ пониманіи Боккаччьо, отъ Амето до Чтеній о Божественной Комедіи, отражаетъ ростъ его сознанія 541—552

Стр.

XII. Послѣдніе годы и старческій синтезъ. Чтенія о Божественной Комедіи.

I. Учрежденіе во Флоренціи каѳедры для толкованія Божественной Комедіи. Боккаччьо выбранъ первымъ дантовскимъ лекторомъ. Значеніе этого избранія и литературныя партіи во Флоренціи. Разборъ «Чтеній»: вступительная лекція и общіе вопросы; ихъ связь съ приписаннымъ Данте посланіемъ къ Can Grande della Scala; отношеніе Боккаччьо къ предшествовавшимъ толкователямъ. Характеристика его комментарія: дословнаго и иносказательнаго. Отдѣлъ дословнаго комментарія: стилистически-грамматическаго и реальнаго; его энциклопедическій характеръ и общіе вопросы: вопросъ о судьбѣ и свободной волѣ въ послѣдней старческой формулѣ. Суровость христіанства Боккаччьо и пессимистическій взглядъ на явленія исторіи и жизни; критика флорентійскихъ порядковъ.— Отдѣлъ иносказательнаго толкованія; обиліе аллегоризма. Какъ понятъ общій планъ дантовскаго иносказанія: схема грѣховъ, наказуемыхъ въ аду; хожденіе по тремъ загробнымъ царствамъ — аллегорія психологическаго процесса, совершающагося въ человѣкѣ, въ особенности въ самомъ Данте; оттуда заключенія къ его нравственной характеристикѣ.— Образъ Данте въ постановкѣ «Біографіи» и въ Чтеніяхъ; ихъ общая оцѣнка; что сталось съ ихъ рукописнымъ оригиналомъ? . 555—585

II. Впечатлѣніе Чтеній на слушателей (Рамбальди изъ Имолы и Саккетти) и нападки на Боккаччьо; изъ какого лагеря онѣ исходили? Болѣзнь и частный неуспѣхъ заставляютъ его прекратить чтенія и удалиться въ Чертальдо. Послѣднія письма къ нему Петрарки; еще разъ общіе вопросы и жизненные счеты. Новелла о Гризельдѣ въ латинскомъ пересказѣ Петрарки; къ характеристикѣ гуманистической реторики. Кто такой клеркъ въ Clerc's Tale Чосера? Чосеръ и Боккаччьо-Лоллій 585—603

III. Дошли-ли до Боккаччьо послѣднія письма Петрарки? Объ ихъ существованіи онъ узналъ отъ Луиджи Марсили. — Смерть Петрарки; впечатлѣніе, произведенное ею въ гуманистическахъ кружкахъ; что потерялъ въ немъ Боккаччьо? Его письмо къ Франческо да Броссано и панегерикъ «Африкѣ». Психологическое значеніе сонета на смерть Петрарки. Кончина Боккаччьо 21-го декабря 1375-го года; его завѣщаніе и эпитафія. Эпитафія Салутати; его письма къ Франческо да Броссано и Марсили—и первые посмертные отзывы о Боккаччьо

(канцона Саккетти; біографіи Филиппо Виллани и Бандини и др.); они сводятся къ прославленію его ученыхъ латинскихъ трудовъ, минуя въ немъ итальяоскаго поэта. Петрарка и Боккаччьо въ вопросахъ латинскаго гуманизма и итальянской поэзіи; ихъ послѣдователи понимаютъ ихъ крайне односторонне, обостряя древній споръ между дантофилами и сторонниками классической поэзіи Петрарки. Характеристика классическаго и итальянскаго теченій въ литературѣ конца XIV-го и первой половины XV-го вѣка; что сталось съ традиціей Декамерона? Его эстетическая и стилистическая реабилитація у Лоренцо деи Медичи................ 603—629

IV. Декамеронъ болѣе яркій показатель ранняго итальянскаго гуманизма, чѣмъ Генеалогіи Боговъ. Еще разъ вопросъ объ опредѣленіи итальянскаго гуманизма: не періода, а вѣковаго культурнаго процесса. Его латинскій характеръ; недочеты и просвѣты. Боккаччьо въ исторической перспективѣ итальянскаго гуманизма... 626—629

Приложенія.

Нѣсколько словъ о слѣдующихъ ниже текстахъ..... 633—637

I. Oratio domini Zenobii florentini ad Karolum quartum Romanorum Imperatorem in commendatione famae... 639—660

II. Novella del Chericho d'Alessandria................ 661—671

III. Изъ «Libro di difinitioni compilato e descritto per Jacomo di Giovanni di Ser Minoccio cittadino di Siena». Quistione quarta................................ 673—680

VII.

СОМНѢНІЯ И ИСКАНІЕ ИДЕАЛА ВЪ СТРОГОЙ ПОЭЗІИ И РИГОРИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ (КОРБАЧЧЬО).

I.

Равновѣсіе любви и долга въ повѣстяхъ Декамерона не говоритъ за внутреннюю уравновѣшенность его автора. Въ послѣднемъ днѣ нѣтъ прежняго смѣха, настроеніе серьезно-великодушно: уже зарождаются, быть можетъ, въ душѣ Боккаччьо тѣ сомнѣнія, которыя позже заставятъ его отречься отъ своихъ новеллъ; сомнѣнія, навѣянныя не критиками-ригористами, а опытомъ жизни. Декамеронъ конченъ въ 1353—4 годахъ, Боккаччьо было лѣтъ сорокъ, и какъ у людей, страстно пожившихъ, у него явилось раннее сознаніе старости, обострившееся до отчаянія, что жизнь прошла безцѣльно, даромъ, въ плотскихъ утѣхахъ [1]), въ вожделѣніяхъ, отъ которыхъ не спасла его и та, которая впервые ихъ возбудила [2]), Фьямметта. Надо опомниться, подумать о тихой гавани спасенія [3]). Къ какому времени относятся сонеты Боккаччьо на эту тему — рѣшить трудно, но одинъ изъ нихъ написанъ въ 1348 году, когда начатъ былъ Декамеронъ, или вскорѣ послѣ того: Боккаччьо говоритъ, что перешелъ за половину отмѣреннаго человѣку возраста, ему было, стало быть, 35 лѣтъ, согласно съ его толкованіемъ извѣстнаго дантовскаго стиха: Nel mezzo del cammin di nostra vita. «Когда я оглядываюсь назадъ и вижу, что

1) Сонетъ XLIX: affezion carnali.

2) Сон. LXXXI (appetito, fervente desio), XCI, XCII, XCIII.

3) Сон. I; сл. еще LXV.

я миновалъ, что̀, можетъ быть, утратилъ, чѣмъ злоупотребилъ, потворствуя какому-нибудь влеченію—я печалюсь и гнѣваюсь на себя, понимая, что то, что дается намъ однажды, умчалось, я самъ отогналъ его отъ себя, а теперь сѣтую напрасно — ибо мнѣ не суждено возстановить новымъ счастьемъ [1]) мои утраты въ этой бренной, жалкой жизни: дуга моихъ лѣтъ уже перекинулась на другую сторону, мнѣ не вернуться къ первому дню, и я вижу, близится и послѣдній» [2]).

Фьямметта воспитала его любовь, годы разлуки и самонаблюденія надъ неулегшимся еще чувствомъ очистили его, дантовскія вліянія раскрыли ему перспективы идеализма, въ которыя онъ вжился воображеніемъ, которыя перечувствовалъ художнически. Въ циклѣ сонетовъ на смерть Фьямметты ея апотеозъ укладывается въ формы, навѣянныя Данте и Чино изъ Пистойи, какъ у Петрарки и Франческо да Барберино, но въ нихъ есть искренніе, сердечныя ноты: благодарность, доносящаяся съ земли. Сонетъ LXVII повторяетъ мотивъ одного поэтическаго видѣнія въ садахъ Филоколо, только тамъ это духъ любви, здѣсь ангелъ, предвѣстникъ смерти: огонекъ спустился на золотистые волосы Фьямметты, увѣнчанныя алыми цвѣтами, огонекъ становится свѣтлымъ облачкомъ, въ немъ ангелъ, окутанный въ золото и восточный сапфиръ, точно жемчужина въ оправѣ золотого перстня; ангелъ уносится въ небо одинъ, въ сіяніи. Я тогда возрадовался, чая великое, говоритъ поэтъ, а мнѣ надо было бы знать, что то Господь зоветъ къ себѣ мадонну. — И она умерла: ночью по звѣздному небу поднимается огонекъ [3]), чтобы занять свое мѣсто въ числѣ звѣздъ, и слышится голосъ: кто хочетъ быть со мною, тому надлежитъ быть благимъ и смиреннымъ [4]). Это Фьямметта: съ собой она унесла его сердце; ея безподобной красоты не описать, кто хочетъ увидѣть ее, пусть вознесется на крыльяхъ добродѣ-

1) Bel soggiorno?
2) Сон. XLII.
3) Fiamma.
4) Сон. XCVIII.

тели къ высотамъ, гдѣ она пребываетъ [1]), откуда она спускается къ поэту: Чего ищешь ты, неразумный, чего смотришь кругомъ? Въ прахъ обратилось то тѣло, которое было когда-то предметомъ твоей страсти; почему не возведешь ты свои очи къ небу, гдѣ мое чело сіяетъ краше прежняго, полное желаній? [2]).— И поэтъ стремится къ ней, ему опостылѣла печальная юдоль жизни; онъ не будетъ пѣть про свое горе, чтобы не порадовать тѣхъ, которыхъ печалило его счастье [3]). Онъ хочетъ умереть; Данте, поетъ онъ, если ты пребываешь въ сферѣ Любви, созерцая Беатриче, увлекшую тебя за собою, и если любовь не забывается и тамъ, исполни мою просьбу: я знаю, что Фьямметта среди блаженныхъ душъ третьяго неба, она видитъ, какъ я тоскую, пусть смилуется надо мною и вымолитъ для меня скорое соединеніе съ нею [4]).— Много лѣтъ спустя въ сонетѣ на смерть Петрарки тѣ-же образы и тѣ-же мысли посѣтили его еще разъ [5]). Часто ему кажется, что онъ уже совлекъ съ себя тяжесть плоти и несется птицей къ той, которая въ этой жизни обуздывала его своей горделивой сдержанностью [6]); если бы огонь (fiamma) очей, нынѣ блаженныхъ, бывшихъ мнѣ когда-то стрѣлами и цѣпями, утишилъ мои страданія и осушилъ слезы, я внималъ бы теперь ангельскому пѣнію и не заблуждался бы по стезямъ земныхъ надеждъ; но она, нынѣ безсмертная, презираетъ нашу бренность и смѣется надъ суетной мыслью, увлекающею меня туда, гдѣ она еще болѣе разжигается—и я боюсь, что мои крылья никогда не оперятся и не поднимутъ меня отъ суеты свѣта въ обитель міра [7]).—Однажды это сбылось въ сновидѣніи: онъ вознесся къ небу, видитъ ее радостную, пламенѣющую, она

1) Сон. XXI.
2) Сон. XXIX (pien de' tuoi desiri).
3) Сон. LVIII.
4) Сон. LX.
5) Сон. XCVII.
6) Con il suo altero sdegno mi fe' guerra, сон. LXXIII.
7) Сон. XC.

протягиваетъ къ нему руку; если-бы она взяла его тогда, онъ никогда-бы не вернулся на землю [1]).

Если въ этихъ сонетахъ реторика не прикрасила правды чувства, то въ №№ LXXIII, LXXXI и LXXXVII мы находимъ откровенное признаніе того, чѣмъ была въ аффектахъ Боккаччьо Фьямметта. Признаніе для насъ не новое: Фьямметта обуздывала его своею сдержанностью, своей «благородною любовью», но не спасла отъ «излишней горячности духа, воспитанной неупорядоченнымъ желаніемъ» [2]). Онъ продолжалъ увлекаться, будучи уже человѣкомъ зрѣлымъ и степеннымъ, принимая любовное «пламя въ свою матерую грудь», какъ маэстро Альберто [3]), какъ Гвидо Кавальканти, Данте и Чино, но одна чувственность уже не поднимала его на высоту, на которой она прежде одухотворялись силами платоническаго Амура. Вмѣстѣ съ Фьямметтой поблекли и лучи идеала, когда-то просвѣтлявшіе житейскую грязь: Боккаччьо ощутилъ себя прежнимъ Діонео, и эта мысль гнететъ его своею неизбѣжностью; онъ ухаживаетъ по мелочамъ и не находитъ въ этой любви того удовлетворенія, которое доставляло ему когда-то сознаніе ея присущей ей самой законности.

Къ этому времени слѣдуетъ отнести его связь съ безыменной матерью его рано умершихъ дѣтей, его малолѣтней дочери Віоланты, которую онъ такъ любовно вспоминаетъ въ письмѣ къ Петраркѣ отъ 1367 года [4]) и въ XIV эклогѣ, гдѣ она прилетаетъ къ нему изъ райскихъ селеній въ просвѣтленномъ образѣ Олимпіи. Ей было пять съ половиною лѣтъ, когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ передъ поѣздкою въ Неаполь, очевидно въ ноябрѣ 1361 года; она родилась, стало быть, въ маѣ 1355 года.

Овидій не помогаетъ; Боккаччьо пріучается смотрѣть на него какъ на doctor adulterii [5]) — такова точка зрѣнія Генеалогій бо-

1) Сон. LXXXVIII.
2) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 1.
3) l. c. I, 10.
4) Corazzini, стр. 123 слѣд.
5) Trist. II, v. 212. Сл. Art. Am. II, 497: lascivi.... praeceptor amoris.

говъ [1]) и толкованій къ Божественной Комедіи [2]); видитъ въ любви лишь физіологическій актъ, неразумное вожделѣніе, вредное и безпорядочное, котораго должны остерегаться всѣ, дорожащіе своимъ достоинствомъ [3]). Когда Фьямметта проводила этотъ взглядъ въ бесѣдахъ Филоколо, Боккаччьо протестовалъ [4]), теперь онъ самъ склоняется къ щепетильной нравственности, къ оберегу семейнаго начала. Ему было 54 года, когда пріѣхавъ въ 1367 году въ Венецію и не заставъ тамъ Петрарки, онъ не рѣшился остановиться у его дочери, мужа которой не было въ то время дома, ибо, пишетъ онъ другу, «въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, ты знаешь чистоту моихъ отношеній ко всему, что тебя касается, но другіе того не знаютъ, и хотя моя сѣдая голова и возрастъ и тѣло, безпомощное отъ излишней тучности, должны были-бы удалить всякія подозрѣнія», тѣмъ не менѣе могли бы найтись люди, которые стали бы искать слѣдовъ тамъ, гдѣ моей ноги никогда и не было. — Мы далеки не только отъ Овидія, но и отъ понятія одухотворяющей любви; слышатся другія рѣчи:

Der Teufel, den man Venus nennt,
Er ist der schlimmste von Allen
(Heine, die Götter im Exil);

ригоризмъ, обращенный на самого себя, къ воспоминаніямъ, кончится сокрушеніемъ, страхомъ за принесенный вредъ — и извѣстнымъ отрицаніемъ Декамерона въ письмѣ къ Магинарду деи Кавальканти. Торжествовалъ старый нравственный критерій, къ которому такъ беззаботно относились многіе разсказы Декамерона, и Боккаччьо также страстно и нервно отдавался сознанію своей грѣховности, какъ прежде вѣрилъ въ рѣшающую силу чувства. Тогда его нормировала Фьямметта, теперь онъ искалъ успокоенія въ руководствѣ Петрарки.

1) l. XIV, c. 19.
2) lez. XVII, vol. I, 408—9 ed. Milanesi.
3) Canzone I.
4) Сл. выше т. I, стр. 169—70.

Все это обошлось не безъ борьбы, признаки которой можно услѣдить во второй части Декамерона. Прежде сознанія грѣховности явились уколы самолюбія: пора оставить любовь, ты начинаешь сѣдѣть, пожалѣй себя, говоритъ себѣ Боккаччьо [1]); онъ увлекался и бывалъ обманутъ; серьезныя люди говорили ему, что ему мѣсто на Парнассѣ и любовь не по возрасту [2]); онъ забывалъ одно и помнилъ другое: онъ человѣкъ ученый, школяръ—и надъ нимъ-то наглумились! Въ 7-й новеллѣ VIII-го дня школяръ завлекъ на башню проведшую его вдову и, заставляя ее печься на солнцѣ, тѣшится вслухъ своей местью надъ «дрянной и преступной» бабой, изъ-за которой едва не умеръ «порядочный человѣкъ», чья жизнь можетъ въ одинъ день принести свѣту болѣе пользы, чѣмъ жизнь ста тысячъ ей подобныхъ. Теперь онъ научитъ ее, «что̀ значитъ издѣваться надъ людьми, у которыхъ есть какое-либо пониманіе, что̀ значитъ издѣваться надъ учеными» [3]). Если способъ мести подвернулся ему случайный, то изъ этого не выходитъ, чтобъ онъ не располагалъ другими: «еслибъ у меня не было ни одного пути, у меня все-таки оставалось-бы перо, которымъ я написалъ бы о тебѣ такое и такъ, что еслибъ ты узнала о томъ,—а ты узнала бы навѣрное—тысячу разъ пожелала бы не родиться на свѣтъ. Могущество пера гораздо больше, чѣмъ полагаютъ тѣ, которые не познали его на опытѣ. Клянусь Богомъ..., я написалъ бы о тебѣ такое, что, устыдившись не только другихъ, но и самой себя, ты, лишь бы не видѣть себя, вырвала-бы себѣ глаза; потому не упрекай море, что небольшой ручеекъ умножилъ его воды» [4]).

Угрозы школяра привелъ въ исполненіе авторъ Корбаччьо; краски Декамерона, сатирическія выходки Гвидо Кавальканти (Guata, Manetto, quella scrignatuzza) и Чекко Анджольери (Deh! guata, Ciampol, ben questa vecchiuzza) блѣднѣютъ передъ завя-

1) Сон. LXIV.

2) Дек. Вступленіе въ IV-й день = пер. I, стр. 272.

3) Дек. VIII, 7 = пер. II, стр. 150.

4) l. с. стр. 151.

тымъ реализмомъ, полнымъ шаржа и гнѣва и ювеналовскихъ мотивовъ; до такой яркости сатиры, личной и вмѣстѣ житейской, Боккаччьо поднялся развѣ еще разъ въ письмѣ къ Нелли, но уже въ одномъ изъ его юношескихъ посланій къ какому-то анониму [1]) встрѣчаются тѣ-же приливы страстнаго негодованія и угрозъ: онъ сошелся съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который обманулъ его дружбу, выдавъ кому то довѣренную ему тайну, окруживъ себя обществомъ, которое запятнало имя Боккаччьо — и онъ величаетъ его Діонеемъ, Эбіономъ, Кассилидомъ, громитъ въ письмѣ, накопляя всѣ ужасы реторики, и заставитъ испытать еще бо̀льшую кару, о которой тому и не снилось.

Corbaccio — воронъ, грающій недоброе: это сторона сатиры; второе заглавіе подсказываетъ мораль: Labirinto d'amore.

Hunc mundum typice labyrinthus denotat iste
Intranti largus, redeunti sed nimis artus

гласитъ подпись подъ мозаичнымъ изображеніемъ лабиринта, X-го вѣка, на полу церкви S. Savino въ Пьяченцѣ. Лабиринтъ — это жизнь, погрязшая въ грѣхахъ любви, откуда трудно выбраться безъ Виргилія, говоритъ Боккаччьо; кто вступитъ въ этотъ гибельный лабиринтъ [2]), толкуетъ онъ въ De Casibus [3]), либо бываетъ изверженъ изъ него послѣ долгихъ обманчивыхъ блужданій, либо погибаетъ отъ усилій и разставленныхъ ковъ. Божественная Комедія подсказала въ Корбаччьо образы для страстной инвективы противъ Амура, какъ опредѣлила аллегорическій стиль Любовнаго Видѣнія. Корбаччьо его прямое отрицаніе: кругъ развитія завершился.

Страстность Корбаччьо несомнѣнно отражаетъ личный фактъ: Боккаччьо увлекся какой-то вдовой и нашелъ соперника. Сохранился его игривый сонетъ къ Антоніо Пуччи: ему нравятся вдова и дѣвушка, равныя по красамъ и добродѣтелямъ; обѣихъ любить

1) Corazzini, стр. 441 слѣд.
2) Huius ... pestis.... labyrinthum.
3) l. IV, c. 19.

невозможно; какую предпочесть? Пуччи отвѣчаетъ, раскланиваясь: твои нѣжные, идущіе отъ сердца стихи [1]) такъ запали мнѣ въ сердце, что я весь къ твоимъ услугамъ, и хотя сознаю себя во всѣхъ отношеніяхъ недостойнѣе тебя [2]), отвѣчу, какъ съумѣю: кто влюбился въ дѣвушку, никогда не увѣренъ въ томъ, что получитъ; потому говорю тебѣ, какъ отецъ сыну: ради вдовушки оставь лилію,

Che per la viduetta lasci il giglio [3]).

Относится-ли это поэтическое преніе къ факту Корбаччьо— мы не знаемъ; ясной кажется связь послѣдняго съ новеллой о школярѣ: тамъ и здѣсь положеніе то-же, месть «перомъ», которую сулитъ новелла, исполнена въ сатирѣ; таковы могли быть и ихъ хронологическія отношенія. Разсказъ о школярѣ является въ 8-мъ днѣ Декамерона, оконченнаго, какъ думаютъ (безъ точныхъ, впрочемъ, основаній), около 1353 года; въ Корбаччьо говорится объ авторѣ, что онъ уже сорокъ лѣтъ, какъ вышелъ изъ пеленокъ, и лѣтъ двадцать пять, какъ позналъ обычаи свѣта [4]). На пеленки полагаютъ два года, что даетъ съ сорока годами — сорокъ два; это отнесло-бы насъ къ 1355 году. Мнѣ кажется, что вопросъ о пеленкахъ здѣсь лишній и что изъ общаго мѣста нельзя извлечь хронологіи: Боккаччьо было лѣтъ сорокъ — вотъ все, что можно добыть изъ указаній сатиры; это было въ 1553 году, и именно въ концѣ года [5]) или началѣ 1354, по флорентинскому лѣтосчисленію, начинавшемуся съ 25 марта. Легко представить себѣ, что одинъ и тотъ-же пережитый поэтомъ урокъ отложился у него въ новеллу, кстати, пристроившуюся къ схемѣ захожей повѣсти, и въ обличеніе Корбаччьо; ихъ мизогиническое настроеніе одно и то-же.

4) Le tue dolci rime naturali.

2) Bench'io d'ogni esser sia di te minore.

3) Сл. въ Rime di Giovanni Boccacci ed. Moutier, стр. 98—99.

4) Corbaccio, стр. 183.

5) Сл. ib. стр. 187: percioccbè volere dir tutto non ne basterebbe l'anno il quale è tosto per entrar nuovo.

II.

Новеллы Декамерона написаны въ «благодарность» людямъ, которые когда-то соболѣзновали автору въ его любовныхъ невзгодахъ [1]); Корбаччьо также написанъ въ порывѣ признательности за милость, ниспосланную не по заслугамъ, а по благости Той, которыя вымолила ее у пожелавшаго того-же, что и Она, то-есть спасенія заблудшаго. Корбаччьо — дань благодарности, отчего авторъ призываетъ помощь Господа, дабы его писаніе было во славу и похвалу его святѣйшаго имени и на пользу и утѣшеніе читающимъ.

Недавно сидѣлъ я одиноко въ своей комнатѣ, погруженный въ раздумье о неудачахъ моей плотской любви [2]), такъ начинаетъ свой разсказъ Боккаччьо; мысль о томъ, что женщина, которую я неразумно избралъ своей дамой, обращается со мною жестоко безъ вины съ моей стороны, заставила меня сѣтовать и вздыхать и проливать слезы негодованія и желать смерти, какъ выхода. Я уже рѣшился на то, когда меня объяли страхъ худшей участи и состраданіе къ самому себѣ. Еще разъ вернулись слезы и новое желаніе смерти, а затѣмъ и размышленіе, посланное, думается мнѣ, свыше: Неразумный! Неужели ты не видишь, что ты самъ ожесточился на себя, не кто другой? Развѣ она принуждала тебя любить себя? Ты скажешь: она знаетъ, что я ее люблю, и потому должна бы полюбить меня. Но, можетъ быть, ты ея не нравишься; вини себя, что твой выборъ былъ плохъ. Но посмотримъ, что выйдетъ, если ты ожесточишься противъ себя, продолжаетъ испытующая мысль: все, что дѣлаетъ человѣкъ, совершаетъ либо въ удовольствіе себѣ, либо въ угоду другому, либо себѣ и другимъ, или наоборотъ.—По этимъ рубрикамъ [3]) разбирается положеніе поэта; заключеніе одно: надо

1) Дек. Введеніе = пер. I, стр. 1.
2) Corbaccio, стр. 156: carnale amore.
3) Стр. 158—9.

отогнать отъ себя вожделѣніе смерти, не лишать себя того, чего не пріобрѣлъ; не радуй своей смертью тѣхъ, кто тебя не любитъ, полюби жизнь и постарайся продлить ее. Кто знаетъ: можетъ быть, ты еще порадуешься участи той, которая, по твоему мнѣнію, такъ обижаетъ тебя; не поживешь, не увидишь и мести. И такъ: живи и своей жизнью досади ей.

Чудно дѣйствуетъ божественное утѣшеніе на человѣческіе умы! говоритъ Боккаччьо; мои глаза [1]) точно прозрѣли, я понялъ свое заблужденіе и плакалъ отъ стыда, порицая себя и придя къ сознанію, что я далеко хуже того, чѣмъ себя считалъ [2]). Осушивъ слезы, я рѣшился оставить уединеніе, вредное для всякаго, болѣющаго духомъ, и вышелъ съ лицомъ спокойнымъ, на сколько позволило испытанное мною волненіе духа. Я искалъ общества и нашелъ таковое, полезное въ моемъ настроеніи. Оно собралось въ уютномъ мѣстѣ, и мы, по старому обычаю, принялись бесѣдовать о капризной измѣнчивости судьбы, о неразуміи полагающихся на нее. Затѣмъ перешли къ попросу о неизмѣнчивости природы, о чудесномъ и достойномъ хвалы порядкѣ ея явленій, не возбуждающемъ нашего удивленія потому только, что мы къ нему присмотрѣлись, какъ къ чему-то обычному; а далѣе зашла рѣчь о предметахъ божественныхъ, которые лишь крайними частицами доступны самымъ выспреннимъ умамъ, такъ они превышаютъ пониманіе смертныхъ. Бесѣды кончились съ наступленіемъ ночи, и я вернулся въ свою комнату, ободренный; поѣвъ умѣренно, я долгое время съ наслажденіемъ передумывалъ содержаніе бывшихъ между нами рѣчей, пока не обуялъ меня крѣпкій сонъ. Но враждебная мнѣ судьба [3]) умудрилась досадить мнѣ и во снѣ, вызвавъ передъ недремлющей фантазіей различные образы.

Мнѣ казалось, что я иду по прекрасной тропѣ; мѣсто было

1) Стр. 160: occhi della mente = Purg. X, 122: la vista della mente.

2) l. c.: ch'io non arbitrava.

3) Стр. 161: mia nimica fortuna. Сл. т. I, стр. 79.

мнѣ незнакомое, но я какъ-будто и не желалъ узнать, гдѣ оно; мнѣ было пріятно, и чѣмъ далѣе, тѣмъ пріятнѣе, точно въ концѣ пути меня ждала неизреченная радость. Такъ страстно было желаніе добраться до цѣли, что я бѣжалъ, казалось, у меня отросли крылья, и я летѣлъ. А между тѣмъ виды по пути стали другіе: вмѣсто зеленой травы и цвѣтовъ появились камни, крапива, волчецъ и репейникъ; темная мгла тумана гналась за мной, и обступивъ внезапно, остановила мой полетъ. Я не зналъ, гдѣ я, надежды пали; когда туманъ порѣдѣлъ, я увидалъ, въ наступившемъ уже мракѣ ночи, что я въ пустынномъ мѣстѣ, полномъ колючихъ растеній и пней, безъ тропы и дорогъ, кругомъ суровыя горы, достигавшія, казалось, неба. Какъ я забрался сюда и какъ отсюда выйду—этого я не вѣдалъ; до меня доносились ревъ и мычанье дикихъ звѣрей. Печаль и страхъ обуяли меня, я чаялъ себѣ смерти и тихо сѣтовалъ, призывая Божью помощь, когда увидѣлъ мужа, медленно приближавшагося ко мнѣ съ восточной стороны. Онъ былъ высокаго роста, смуглый, волосы черные съ просѣдью, лѣтъ шестидесяти или болѣе, сухой и жилистый, не особенно красивый; на немъ была длинная, широкая одежда краснаго цвѣта, болѣе яркаго, чѣмъ въ какой красятъ ткани наши мастера. Его видъ нагналъ на меня и страхъ и надежду: быть можетъ, онъ хозяинъ въ этой мѣстности и накажетъ меня за мое вторженіе, напустивъ на меня дикихъ звѣрей; съ другой стороны онъ показался мнѣ полнымъ благости; я какъ-будто видѣлъ его, только не здѣсь; если въ немъ есть искра состраданія [1]), онъ покажетъ мнѣ, какъ отсюда выбраться. Когда онъ подошелъ ближе, я припомнилъ, гдѣ его видѣлъ, искалъ лишь въ памяти, какъ его звать, когда, окликнувъ меня моимъ именемъ, онъ спросилъ ласково: Какая злая судьба, какая лихая доля завела тебя въ эту пустыню? Куда дѣлось твое благоразуміе? Если ты такъ-же разсудителенъ, какимъ бывалъ [2]), ты

1) Стр. 164: spirito di pietà alcuno = Inf. XIII, 36.
2) Стр. 165: quanto solevi.

долженъ былъ-бы знать, что это—юдоль тѣлесной смерти, хуже того — гибель души. — Услышавъ эти слова, отзывавшіяся состраданіемъ ко мнѣ, я заплакалъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ, не безъ стыда, прерывающимся голосомъ: Ложное увлеченіе бренностью привело [1]) меня сюда, какъ я полагаю; многихъ, болѣе мудрыхъ, чѣмъ я, оно доводило до не меньшей гибели; но если ты явился сюда по божественному милосердію, не по моимъ заслугамъ, молю тебя во имя общей родины, именемъ Бога, сжалься надо мною и скажи, какъ мнѣ выйти изъ этого мѣста, полнаго такого трепета.—Казалось, онъ улыбнулся на мои рѣчи и отвѣчалъ: Твое присутствіе здѣсь, твои слова показываютъ ясно (еслибъ я не зналъ того инымъ путемъ), что ты въ самомъ дѣлѣ лишился ума, и еще находишься въ живыхъ. Если бы ты вѣдалъ, чьи очи навели тебя на этотъ путь, не осмѣлился бы просить меня о своемъ спасеніи, ибо будь я еще тѣмъ, чѣмъ былъ, я не подалъ бы тебѣ помощи, а нанесъ бы позоръ и ущербъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ той жизнью, мой гнѣвъ смѣнился на милость.— При этихъ словахъ холодъ пробѣжалъ по моимъ членамъ, волосы стали дыбомъ и отнялся голосъ; такъ часто бываетъ во снѣ, что хочется бѣжать отъ опасности, и не можешь, точно оцепенѣли ноги; какъ я тогда не проснулся, не знаю. А призракъ сказалъ мнѣ, смѣясь: Не бойся, я явился сюда не затѣмъ, чтобъ учинить тебѣ зло, а чтобы извлечь тебя отсюда. — Я сталъ молить его сдѣлать это поскорѣе.—На это нужно время, отвѣчалъ онъ, ибо если доступъ сюда свободенъ всякому, руководимому любострастіемъ и неразуміемъ, выйти отсюда не такъ-то легко, на это надо разсудительность и твердость и помощь Того, по чьей волѣ ты вступилъ сюда. — Такъ какъ у насъ есть время для бесѣды, я хотѣлъ бы предложить тебѣ два вопроса, одинаково напрашивающихся на первую очередь: что это за мѣсто, дано-ли оно тебѣ въ обитель и можетъ-ли всякій, сюда

1) Стр. 165: il falso piacere delle caduche cose = Purg. XXII, 34—5.

вошедшій, выйти отсюда самъ собою? Кто послалъ тебя мнѣ на помощь? — Мѣсто это зовутъ разно, но одинаково удачно, отвѣчалъ призракъ: одни Лабиринтомъ Любви, другіе Очарованной долиной, Хлѣвомъ Венеры, Юдолью вздоховъ и печали. Оно не дано мнѣ въ обитель, смерть лишила меня возможности вступить въ нее; моя обитель не менѣе сурова, но въ ней менѣе опасности, а кто по своему неразумію забредетъ въ эту, не выйдетъ изъ нея безъ божественнаго просвѣщенія. — Да поможетъ тебѣ Тотъ, кто все можетъ [1]); но объясни мнѣ, гдѣ ты обрѣтаешься? — Я нахожусь въ области, гдѣ чаю себѣ несомнѣннаго спасенія, продолжалъ онъ въ отвѣтъ на мой вопросъ: въ ней опасности меньше, ибо нѣтъ возможности грѣшить, но страданія на столько больше, что насъ поддерживаетъ лишь надежда на лучшую жизнь, иначе, кажется, безсмертные духи умерли бы. А чтобы дать тебѣ понять это отчасти, знай, что моя одежда, цвѣтъ которой, по вашему мнѣнію, присталъ лишь лицамъ, отличеннымъ особымъ почетомъ, не изъ рукотворной ткани, а сдѣлана божественнымъ искусствомъ изъ огня, столь палящаго, что, въ сравненіи съ нимъ, вашъ огонь — холодный ледъ. Онъ сосетъ мои соки съ такой силой, что всѣ ваши рѣки не утолили бы моей жажды. Это мнѣ кара за мое ненасытное любостяжаніе и недостойную терпѣливость, съ которой я переносилъ преступныя и нечестныя нравы той, которую лучше было бы тебѣ никогда не видѣть, какъ ты самъ говоришь [2]). Отвѣчая на твой второй вопросъ, скажу, что явился я по волѣ и велѣнію безконечнаго Бога, Творца всего сущаго, которымъ все живетъ, который печется о нашемъ покоѣ и спасеніи болѣе, чѣмъ мы сами.

При этихъ словахъ мною овладѣло глубокое смиреніе передъ величіемъ, всемогуществомъ и благостью Господа, и вмѣстѣ сознаніе моей низости, бренности, неблагодарности и великихъ

1) Стр. 168: colui che può; сл. стр. 172: che può quello che vuole = Par. IV, 117, Inf. X, 126.

2) Стр. 169: della qual tu vorresti d'aver veduta esser digiuno; сл. Inf. XXVIII, 87.

прегрѣшеній. Такъ сильно было мое раскаяніе, что не только глаза увлажились слезами, но, казалось, самое сердце таяло, какъ снѣгъ на солнцѣ. Чувствуя свою неспособность воздать благодарность за такія милости, я молчалъ, и призракъ, должно быть, понялъ, какая тому причина. Знаю я, блаженный духъ, началъ я по нѣкоторомъ времени, и моя совѣсть говоритъ мнѣ, что все сказанное тобой—истина; но я еще мѣряю божественную благость земною мѣркой, и чудно мнѣ, что я такъ много оскорбилъ Его, а Онъ приходитъ мнѣ на помощь. — Ты говоришь, какъ человѣкъ, не знающій, какова божественная благость, полагая, что дѣйствуетъ она, какъ дѣйствуете вы, не находящіе покоя, пока не воздадите за всякую малѣйшую обиду. Но, я вижу, тебя посѣтило раскаяніе и ты сталъ доступнѣе и послушнѣе грядущимъ наставленіямъ, потому я открою тебѣ одну изъ причинъ, побудившихъ божественную благость послать меня тебѣ на помощь: не человѣческій, а ангельскій гласъ повѣдалъ мнѣ, что, какова бы впрочемъ ни была твоя жизнь, ты всегда особо чтилъ и благоговѣйно памятовалъ Ту, которая носила во чревѣ своемъ наше Спасеніе, Живой Источникъ Милосердія, Матерь благости и состраданія, и на нее возлагалъ свою твердую надежду. Увидѣвъ тебя заблудшимъ въ этой долинѣ, Она, не ожидая твоей просьбы, умолила Сына своего о твоемъ спасеніи— и я явился по Его волѣ и уйду не ранѣе, какъ освободивъ тебя.

Твои отвѣты меня удовлетворили, сказалъ я духу, и хотя возмездіе Господа состоитъ въ томъ, чтобы вновь сдѣлать тебя прекраснымъ [1]) Ему въ угоду, я все-же сострадаю тебѣ и желалъ бы, по возможности, облегчить твою участь. Я радъ, что ты не низвергнутъ въ адъ, а готовишься, отбывъ покаяніе, воззойти въ царство славы. Я знаю, каковы благость и милость Божіи, испыталъ ихъ во многихъ опасныхъ случаяхъ, хотя продолжалъ коснѣть въ неблагодарности, но я усердно молю Его, могу-

1) Стр. 172: di nuovo rifarti bello. Сл. Purg. II, 75, XVI, 32.

щаго содѣлать все, что пожелаетъ, дабы Онъ, не разъ спасавшій меня отъ вѣчной смерти, направилъ и укрѣпилъ мои шаги на стезѣ вѣчной жизни. Но скажи мнѣ: кто здѣсь обитаетъ? Не тѣ-ли, которыхъ Амуръ сослалъ сюда, изгнавъ изъ своего двора, или одни звѣри, ревъ которыхъ я слышалъ въ теченіе всей ночи? — Вижу я, что свѣтъ истины еще не осѣнилъ тебя, и ты еще почитаешь высшимъ блаженствомъ наибольшее бѣдствіе, полагая, что въ вашей плотской любви есть нѣчто благое. Но прислушайся къ моимъ словамъ:

Эта печальная долина и есть Дворъ Амура, какъ ты его называешь, тѣ звѣри — несчастные, подобно тебѣ попавшіе въ его сѣти; ихъ то голоса, когда они толкуютъ о любви, и звучатъ, какъ ревъ въ ушахъ разумныхъ людей. Я назвалъ эту долину Лабиринтомъ и удивляюсь, почему ты объ томъ спрашиваешь, ибо, сколько мнѣ извѣстно, самъ ты бывалъ здѣсь не разъ, хотя и не въ такой тяготѣ, какъ теперь. — Я позналъ, что онъ говорилъ правду, и точно каясь въ своей винѣ и придя въ сознаніе, отвѣчалъ: Да, я дѣйствительно часто бывалъ здѣсь, и съ бо̀льшой удачей, какъ казалось отягченному плотью уму; помню, что выбирался я отсюда разными способами, не столько собственнымъ умомъ, сколько по милости другихъ, но печаль и страхъ отбили у меня память, точно я здѣсь никогда и не бывалъ. Теперь я понимаю, что̀ дѣлаетъ людей звѣрями, что̀ означаетъ дикость этой долины и ея названія и отсутствіе дорогъ и тропинокъ.—Такъ какъ твой умственный мракъ начинаетъ разсѣяваться и удаляется былой страхъ, я хочу побесѣдовать съ тобою, стоя, ибо сѣсть негдѣ, сказалъ духъ. Я знаю, да то доказываютъ и твои слова и твое пребываніе здѣсь, что ты глубоко завязъ въ когтяхъ Амура; отъ меня не скрыто, кто тому причиной: помнишь, что я сказалъ о той, которую лучше было бы тебѣ не видѣть? [1]). Но повѣдай мнѣ, какъ попалъ ты въ ея сѣти, разскажи, не стыдись, какъ будто бы я былъ ей чужимъ человѣкомъ, хотя когда-то она была мнѣ дороже, чѣмъ слѣдовало.

1) Стр. 174: la qual tu vorresti d'aver veduta essere digiuno.

Отогнавъ стыдъ я отвѣчалъ: Твоя просьба побуждаетъ меня повѣдать тебѣ то, что я открылъ одному лишь вѣрному товарищу, и ей самой въ письмахъ. Да и безъ твоего ободренія мнѣ нечего было бы стыдиться, а тебѣ гнѣваться, потому что по твоей кончинѣ она и по каноническимъ законамъ стала не твоей, а свободной. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ случилось мнѣ, на мое несчастье, бесѣдовать съ твоимъ сосѣдомъ и родственникомъ, котораго нечего называть. Переходя отъ одного предмета къ другому, дошли мы и до вопроса о красивыхъ женщинахъ, начиная отъ древнихъ и до современныхъ, изъ которыхъ пришлось похвалить немногихъ; тѣмъ не менѣе, перечисляя нѣкоторыхъ изъ нашихъ горожанокъ, мой товарищъ упомянулъ и ту, которая когда то была твоей и которую я дотолѣ не зналъ, и разсказалъ о ней чудеса: у нея великодушіе и щедрость Александра, природнымъ умомъ она превосходитъ всѣхъ женщинъ, краснорѣчива, какъ любой изысканный, изощрившійся риторъ, къ тому-же прелестна и мила и полна всѣхъ качествъ, приличествующихъ благородной дамѣ.— Сознаюсь, что слушая его разсказъ, я почиталъ счастливцемъ того, кому она достанется въ удѣлъ и, почти рѣшившись попытать своего счастія, разспросилъ объ ея имени и родѣ [1]) и гдѣ она живетъ — не тамъ, гдѣ ты ее оставилъ. Разставшись съ пріятелемъ и не мѣшкая долго, я отправился въ одно мѣсто, гдѣ могъ разсчитывать увидѣть ее, и такъ благопріятствовала мнѣ судьба, милостивая ко мнѣ во всемъ мнѣ неполезномъ, что мое желаніе осуществилось. Удивительное дѣло: я зналъ одно, что она одѣта въ черномъ, но лишь только увидѣлъ ее, какъ догадался, что это она. Такъ какъ я всегда былъ убѣжденъ, что открытая любовь либо полна невзгодъ, либо не доведетъ до желанной цѣли, я рѣшился не открываться никому (лишь впослѣдствіи своему другу) и не осмѣливался спросить—она ли это. Но и здѣсь помогла судьба: какая-то дама сзади меня сказала другой: Посмотри-ка, какъ идутъ къ такой-то бѣлыя повязки на

1) Стр. 176: gentilezza.

черномъ платьѣ; я услышалъ и ея имя. Я не солгу, что разглядѣвъ ее, я нашелъ, что разсказанное о ней не только вѣрно, но и ниже дѣйствительности, и какъ огонь, охвативъ маслянистую поверхность [1]), спускается затѣмъ во внутренность предмета, такъ мое лицо зардѣлось, а когда прошли внѣшніе знаки смущенія, я почувствовалъ любовное пламя въ сердцѣ [2]).

Духъ внималъ этому разсказу, казалось, не безъ удовольствія. Ты повѣдалъ мнѣ, какъ ты самъ наложилъ себѣ цѣпи на шею, продолжалъ онъ; но скажи же мнѣ: открылся ли ты ей въ любви, подала-ли она тебѣ какую-нибудь надежду? — Я рѣшился написать ей: или она склонится къ моей любви, думалось мнѣ, и отвѣтитъ, или она оцѣнитъ ее, но не склонясь, благоразумно устранитъ мои надежды. На это письмо я получилъ записочку, очень неумѣло написанную, точно въ стихахъ, только одна стопа была длиннѣе другой. Спрашивали, кто я такой, обнаруживали знакомство съ однимъ философскимъ, хотя и ложнымъ ученіемъ, вынесеннымъ, навѣрно, изъ проповѣди, не изъ книги и не изъ школы: будто душа одного человѣка переходитъ въ другого; говорилось, что ей нравятся мужчины, соединяющіе умъ съ мужествомъ, услужливость и обходительность [3]) съ благородствомъ. Изъ всего этого я понялъ, что говорившій мнѣ о ней либо самъ обманулся на счетъ ея природнаго ума, либо меня хотѣлъ обмануть. Не смотря на это моя любовь не утолилась, мнѣ показалось даже, что и письмо написано, чтобы ободрить меня къ дальнѣйшимъ посланіямъ, обнадежить и поощрить къ работѣ надъ собой, чтобъ ей понравиться. И я рѣшился на это, хотя никакихъ требуемыхъ качествъ за мной не было. Я написалъ ей еще разъ, но никакого отвѣта не получилъ. — Что-же побудило тебя вчера плакать и желать смерти? спросилъ меня духъ. — Объ этомъ лучше было бы умолчать [4]); во первыхъ,

1) Стр. 177; сл. выше т. I, стр. 184, прим. 2; стр. 504.

2) Стр. 177—8.

3) Стр. 179: cortesia.

4) Il tacere sarebbe più onesto. Сл. Purg. XVI, 45.

сознаніе, что я сталъ неразумнымъ животнымъ и, потративъ большую часть жизни на то, чтобы чему нибудь научиться, въ минуту нужды оказался неучемъ; во вторыхъ ея стараніе разгласить всюду о моей любви къ ней. Въ первомъ отношеніи я не могу себѣ простить, что такъ легко довѣрился розсказнямъ о высокихъ качествахъ женщины и неосмотрительно позволилъ себѣ угодить въ сѣти любви, поступившись свободой и разумомъ. Что до второго, то здѣсь она виновна во многомъ, ибо влюбившись въ нѣкоего господина, котораго сосѣди зовутъ Авессаломомъ, чѣмъ онъ себя и считаетъ, не будучи таковымъ, она, желая привязать его къ себѣ, показала ему мое письмо, и оба глумились надо мной, а онъ сдѣлалъ меня посмѣшищемъ, разсказывая обо мнѣ, что ему вздумается; онъ-же внушилъ и ея письмо ко мнѣ. Самъ я видѣлъ собственными глазами, какъ она, хихикая, показывала на меня другимъ, вѣроятно, приговаривая: Посмотрите-ка, каковъ дуракъ? Это мой ухаживатель, какъ мнѣ не быть счастливой! Такъ говорила она нѣкоторымъ женщинамъ, про честность которыхъ я, да и другіе кое-что знаемъ. Что за непристойное и постыдное дѣло, что на человѣка, не скажу благороднаго, ибо таковымъ я себя не считаю, но выросшаго среди достойныхъ людей, постоянно водившагося съ ними, довольно также, если и не въ совершенствѣ, знающаго свѣтъ [1])—на этого-то человѣка женщина указываетъ взглядомъ и пальцемъ, точно на какого-то сумашедшаго! Признаюсь, это привело меня въ такое негодованіе, что нѣсколько разъ у меня являлась мысль прибѣгнуть къ словамъ, которые были не къ ея чести, но искорка разума, оставшаяся во мнѣ, доказывала, что это было бы бóльшимъ позоромъ мнѣ, чѣмъ ей; я воздержался и пришелъ въ порывѣ гнѣва къ знакомому тебѣ неистовому рѣшенію [2]).

Выслушавъ меня, духъ что то говорилъ про себя, какъ бы размышляя. Хочется мнѣ потолковать съ тобою обстоятельнѣе, началъ онъ снова, на пользу твою и другихъ, во первыхъ

1) Стр. 181.
2) Стр. 182: disordinato appetito.

о тебѣ самомъ, во вторыхъ о ней, а наконецъ и о причинахъ, доведшихъ тебя до такого отчаянія. Начну съ тебя. Тебя слѣдуетъ попрекнуть за многое, но я коснусь только твоихъ лѣтъ и занятій. Если не обманываютъ меня твои побѣлѣвшіе виски и сѣдая борода, ты лѣтъ сорокъ, какъ вышелъ изъ пеленокъ, и двадцать пять, какъ позналъ свѣтъ [1]). Если долгій любовный искусъ юношескихъ лѣтъ не научилъ тебя, то приближающаяся старость, умѣряющая пылъ, должна была-бы открыть тебѣ глаза, куда можетъ повергнуть тебя эта неразумная страсть и хватитъ-ли у тебя силъ подняться. Ты понялъ-бы, что въ дѣлахъ любви женщины предпочитаютъ молодыхъ людей тѣмъ, кто клонится къ старости, и что даже юношамъ не пристало то глупое ухаживаніе, которое женщинамъ такъ нравится. Прилично-ли тебѣ теперь плясать и пѣть и выходить на турниры? [2]), бѣгать по ночамъ, переодѣваться и прятаться, когда и гдѣ захочетъ твоя милая, можетъ быть, съ той лишь цѣлью, чтобы похвастаться, что она увлекла человѣка зрѣлаго? Все это тебѣ не по лѣтамъ, тебѣ подобало бы не поддаваться страстямъ, а подавлять ихъ, наставляя юношей благими дѣлами, которые увеличили бы твою славу. — Но перейду къ вопросу о твоихъ занятіяхъ: сколько мнѣ извѣстно, ты никогда не учился ремеслу, всегда ненавидѣлъ торговое дѣло, и даже хвалился этимъ, принимая въ разсчетъ свои дарованія [3]) и малую склонность къ занятіямъ, въ которыхъ иные старѣются, юнѣя умомъ [4]). Съ малыхъ лѣтъ ты отдался, болѣе, чѣмъ желалъ того отецъ, священной философіи, особенно поэзіи, въ которой, быть можетъ, ты проявилъ болѣе страстнаго желанія, чѣмъ высоты пониманія [5]). Она то и должна была бы научить тебя, что̀ такое любовь и женщины, что̀ такое ты самъ и что̀ тебѣ прилично. Любовь — это страсть, ослѣпляющая умъ, сбивающая дарованіе (ingegno) съ пути,

1) Стр. 183: li costumi del mondo.
2) Сл. Дек. VIII, 7 = пер. I, стр. 151—2.
3) Ingegno.
4) Стр. 184—5.
5) Стр. 185: altezza d'ingegno.

ослабляющая память, расточающая достатокъ, истощающая тѣлесныя силы, врагъ юности и старости, родоначальница пороковъ, обитающая въ пустыхъ сердцахъ; нѣчто неразумное, непорядочное и непостоянное, что̀ поражаетъ нездоровые умы и лишаетъ человѣка свободы. Перебери древнія повѣсти и современность, и ты увидишь, сколько зла произошло отъ того, кого ты вмѣстѣ съ другими называешь богомъ, величая его, оскорбляя тѣмъ Господа, нанося вредъ своимъ занятіямъ и себѣ самому. Если бы твоя философія не показывала тебѣ всего этого, долженъ былъ-бы показать собственный опытъ — и древнее изображеніе крылатаго, обнаженнаго Амура-стрѣлка, съ повязкою на глазахъ. Но твои занятія могли научить тебя, кромѣ того, что такое женщина: женщина—это несовершенное животное, исполненное тысячью отвратительныхъ страстей; еслибы мужчины были разумны, они приближались бы къ нимъ не иначе, какъ къ совершенію нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ природныхъ отправленій, отбывъ которыя, человѣкъ спѣшитъ удалиться; въ этомъ отношеніи звѣри разумнѣе его. Нѣтъ животнаго болѣе грязнаго; это онѣ сами отлично знаютъ, считая скотомъ всякого, питающаго къ нимъ вожделѣніе. Но говорить объ этомъ подробно не хватило бы года — а мы наканунѣ новаго. Полныя лукавства [1]), онѣ стараются всѣми силами выйти изъ своего низменнаго положенія [2]) и стать на̀большими, уловляя нашу свободу въ сѣти своей красоты, которую умножаютъ различными способами, притираньями и красками, порой обращая дѣйствіемъ сѣры, искусственныхъ водъ и солнечныхъ лучей черные волосы въ золотистые, то заплетая ихъ въ косу, то распуская по плечамъ, то собирая на головѣ, лишь бы къ лицу; прельщая то пѣньемъ, то пляскою. Такимъ-то образомъ онѣ становятся женами многихъ и любовницами еще бо̀льшаго числа, и, возмечтавъ, начинаютъ стремиться къ власти, хотя знаютъ, что рождены рабынями. Притворяясь кроткими и ласковыми, они выпрашиваютъ у мужей платья и украшенія,

1) Стр. 187: malizia.

2) Стр. 187: infima e bassa condizione.

и тѣ сами даютъ имъ въ руки оружіе противъ себя. Ставъ изъ рабынь подругами, онѣ всѣми способами силятся захватить власть, разсчитывая, что если имъ спустятъ то, чего не дозволятъ слугамъ, онѣ въ самомъ дѣлѣ — хозяйки. И вотъ онѣ начинаютъ рядиться; нѣтъ той нескромной моды, введенной къ намъ публичными женщинами, которую-бы онѣ не переняли. Въ домѣ отъ нихъ нѣтъ житья, какъ то знаютъ всѣ, то испытавшіе: точно голодныя волчицы, зіяющія на мужнино добро, онѣ постоянно бранятся съ прислугой и родней, будто охраняя то, что въ сущности расточаютъ [1]). Ночью тѣ-же распри, на супружескомъ ложѣ никогда не спится. Вижу я, ты меня не любишь, говоритъ одна, другая у тебя на сердцѣ [2]); я не слѣпая, у меня лучшіе развѣдчики, чѣмъ ты полагаешь. Бѣдная я! Сколько времени я съ тобой, а не разу еще не слышала, когда ложусь, чтобъ ты сказалъ: Добро пожаловать, моя радость! Но клянусь Богомъ, я еще устрою тебѣ то-же, что ты строишь мнѣ. Развѣ я ужь такъ подурнѣла, не красива, какъ такая-то? Знаешь-ли что? Кто двоихъ цѣлуетъ, тому одна навѣрно опротивѣла. Пойди прочь, меня ты не коснешься, ступай къ той, кому ты ровня, потому что меня ты не достоинъ. Посмотри-ка, на что ты самъ похожъ! Надо это прикончить. Не изъ грязи-же ты меня поднялъ; сколько было такихъ, которые взяли-бы меня и безъ приданаго, и я была бы хозяйкой, а тебѣ я принесла столько-то сотъ флориновъ и стаканомъ воды не могла располагать безъ ворчанья твоихъ братьевъ и слугъ. Пусть отсохнетъ нога у того, кто связалъ меня съ тобой! — Такъ мучаютъ они бѣдняковъ; кто прогонитъ изъ-за нихъ отца или сына, кто отдѣлится отъ братьевъ. Добившись своего, онѣ всю заботу обращаютъ на своднь и любовниковъ. Самая цѣломудренная изъ нихъ пред-

1) Стр. 188; сл. Iuv. sat. VI, 510: amicos conjugis odit Et servos, gravis est rationibus.

2) Стр. 189; сл. Iuv. ib. v. 268: Semper habet lites alternaque iurgia lectus, In quo nupta iacet; minime dormitur in illo. Quum gravis illa viro. . . . Aut odit pueros aut ficta pellice plorat Uberibus semper lacrimis semperque paratis.

почла бы остаться скорѣе при одномъ глазѣ, чѣмъ при одномъ любовникѣ [1]). Ихъ сладострастіе не знаетъ мѣры и выбора: слуга, крестьянинъ, мельникъ или эѳіопъ — все равно [2]); бывали такія, что возвращались усталыя, не удовлетворенныя, изъ публичнаго дома [3]). Онѣ представляются робкими, боязливыми, когда приходится исполнять благовидныя требованія мужа [4]), на высотѣ у нихъ кружится голова, моря онѣ не выносятъ [5]), ночью боятся привидѣній; шорохъ крысы, стукъ окна, паденіе камня заставляетъ ихъ сомлѣть; но когда дѣло идетъ объ ихъ нечестныхъ дѣлахъ, онѣ храбры духомъ [6]): пробираются къ своимъ милымъ по крышамъ, прячутъ ихъ въ сундукахъ, принимаютъ на ложѣ при мужьяхъ, что̀ хуже, забавляются съ любовникомъ въ присутствіи супруга. А сколько бываетъ выкидышей, покинутыхъ дѣтей, сколько ихъ убиваютъ? [7]). — Какъ всѣ, обыкшіе творить злое, ожидаютъ того-же и отъ другихъ, женщины подозрительны, потому онѣ и водятся съ звѣздочетами, некромантами, знахарками и вѣщуньями, которые кормятъ ихъ баснями [8]); не удовлетворенныя ими, онѣ начинаютъ приставать за разъясненіями къ мужьямъ, но рѣдко имъ вѣрятъ и приходятъ въ неописанный гнѣвъ. Тигры, львы и змѣи человѣчнѣе ихъ, нѣтъ пощады ни другу, ни брату, ни отцу, ни мужу, и ядъ и поджогъ и мечъ

1) Стр. 190; сл. Iuv. l. c. 53; Unus Hiberinae vir sufficit? Ocius illud Extorquebis, ut haec oculo contenta sit uno.

2) Стр. 190; сл. Iuv. ib. 331: Si nihil est, servis incurritur; abstuleris spem Servorum, veniet conductus aquarius и т. д.

3) Стр. 190; сл. Iuv. Ib. 116 Dormire virum quum senserat uxor.... Intravit calidum veteri centone lupanar.... Et lassata viris nec dum satiata recessit.

4) Стр. 190; quantunque la cagion fosse onesta.

5) Стр. 190: сл. Iuv. ib. 94: Justa pericli Si ratio est et honesta, timent pavidoque gelantur pectore.... Si jubeat conjux, durum est conscendere navem: Tunc sentina gravis, tunc summus vertitur aer.

6) Iuv. ib. 100: Quae moechum sequitur, stomacho valet.

7) Стр. 191; сл. Iuv. ib. 595: Tantum artes huius, tantum medicamina possunt Quae steriles facit atque homines in ventre necandos Conducit и т. д.

8) Стр. 192; сл. Iuv. ib. 553: Chaldaeis sed maior erit fiducia: quiquid Dixerit astrologus, credent a fonte relatum Hammonis. Сл. Andr. Capellani, De Amore, l. III, c. 355.

тотчасъ же идутъ въ ходъ. Нѣтъ бо̀льшаго чуда, какъ то, что Господь ихъ терпитъ! — Къ тому же все это отродье страшно любостяжательно: онѣ обираютъ мужей, своихъ собственныхъ дѣтей [1]), которыхъ опекаютъ, любовниковъ, къ которымъ равнодушны, и не задумаются выйти за богатаго старика, слюняваго, разбитаго, беззубаго, въ надеждѣ скоро овдовѣть [2]). Если годы позволятъ ему имѣть потомство, тѣмъ лучше, иначе дѣти явятся, хотя бы и подставныя, чтобы вдовѣ можно было благодѣтельствовать на счетъ опекаемаго. — Вѣтрянныя и непостоянныя во всемъ, кромѣ сладострастія, полныя самомнѣнія, онѣ упрямы и непокорны. Если богатая женщина невыносима [3]), то нѣтъ ничего непріятнѣе бѣдной, когда она строптива. Онѣ послушны лишь тогда, когда добиваются нарядовъ и объятій, во всѣхъ другихъ случаяхъ вмѣняютъ послушаніе въ знакъ рабства. — Болтливы онѣ до надоѣдливости; бѣдные ученые претерпѣваютъ холодъ и голодъ, проводятъ безсонныя ночи и убѣждаются послѣ многихъ лѣтъ, что мало чему научились; женщинамъ стоитъ простоять въ церкви обѣдню, и онѣ уже знаютъ, какъ вращается твердь, сколько и какихъ звѣздъ на небѣ, какъ происходитъ громъ и молнія и градъ, что дѣлается въ Индіи или Испаніи, откуда выходитъ Нилъ; съ кѣмъ спала ея сосѣдка, отъ кого другая беременна, и сколько той курица несетъ въ годъ яицъ. Однимъ словомъ имъ вѣдомо все, что когда-либо совершали троянцы, греки и римляне, и, если не найдется другихъ слушателей, онѣ болтаютъ о томъ съ служанкой, булочницей или прачкой [4]). Такую-же мудрость преподаютъ онѣ и дочкамъ: какъ грабить мужей, полу-

1) Стр. 193: lor pupilli figliuoli; сл. Iuv. ib. 629: Vos ego, pupilli, moneo, quibus amplior res est, Custodite animas et nulli credite mensae.

2) Стр. 193; сл. Iuv. ib. Ille senis tremulum caput descendere jussit In coelum et longa manantia labra salivam.

3) Стр. 194; сл. Iuv. ib. 460: Intolerabilius nihil est quam femina dives.

4) Сл: Дек. I, 10=пер. I, стр. 65; сл. Iuv. ib. 402: Haec eadem novit, quid toto fiat in orbe; Quid Seres, quid Thraces agant; secreta novercae Et pueri; quis amet, quis diripiatur adulter. Dicet, quis viduam praegnatam fecerit et quo Mense и т. д.

чать любовныя записочки, притворяться больной[1]); откуда только являются у нихъ слезы, по первому требованію, про то Богъ знаетъ! А какъ покорно онѣ выслушиваютъ замѣчанія на счетъ какой-либо прорухи, особенно, если кто увидитъ ее собственными глазами! Это было не такъ! говорятъ онѣ тогда, либо: Ты отъявленно лжешь, у тебя въ глазахъ двоится, мозги въ починкѣ, пей меньше; въ умѣ-ли ты? Ты бредишь на яву! Если онѣ станутъ утверждать, что видѣли летающаго осла, придется согласиться, чтобы не навлечь на себя смертельной вражды, ибо онѣ надменны, и если кто вздумаетъ принижать ихъ умъ, говорятъ: Развѣ сивиллы не были мудрыми? Точно каждая изъ нихъ считаетъ себя одинадцатой сивиллой. Но вотъ что дивно, что въ теченіи столькихъ тысячъ лѣтъ нашлось всего десять мудрыхъ женщинъ. Онѣ идутъ и далѣе, утверждая, что все хорошее — женскаго рода: звѣзды, планеты, музы, добродѣтели[2]), неблагоразумно отдавая себя подъ защиту Пресвятой Дѣвы и другихъ святыхъ, такихъ-же женщинъ, какъ онѣ. Но Пресвятая Дѣва, чистая и полная благости, такъ далека отъ плотскія скверны, что въ сравненіи съ другими, создана почти не изъ природнаго естества, а изъ какой-то пятой стихіи, какъ будущій сосудъ и обитель Сына Божія; святыя-же восхотѣли подражать ей, пренебрегли свѣтомъ, бѣжали его, презирая земную красоту въ чаяніи небесной. Еслибъ позволено было обвинить природу, устроительницу всего сущаго[3]), я сказалъ-бы что она сильно проступилась, вселивъ столь великіе и мужественные умы въ столь презрѣнныя тѣла, какъ женскія. Потому да умолкнетъ этотъ родъ, порочный и развратный, и да не украшаетъ себя чужими добродѣтелями! Если между ними объявится порой женщина, заслуживающая уваже-

1) Стр. 195; сл. Iuv. ib. 239: Scilicet expectas, ut tradat mater honestos Atque alios mores, quam quos habet?... 231: Illa docet spoliis nudi gaudere mariti; Illa docet missis a corruptore tabellis Nil rude nec simplex rescribere.... tunc corpore sano Advocat Archigenen.

2) Ovid. A. A. III, 23: Ipsa quoque et cultu est et nomine femina Virtus.

3) Стр. 198: maestra delle cose.

нія, то ее слѣдуетъ хвалить болѣе, чѣмъ мужчину, потому что ея побѣда была труднѣе; но въ этихъ похвалахъ не было необходимости нашимъ прадѣдамъ, не доживутъ до нихъ и наши потомки: скорѣе лебеди почернѣютъ, вороны станутъ бѣлыми [1]), чѣмъ обратятся на правый путь наши женщины, затыкающія уши отъ нравоученій, какъ аспидъ отъ трубнаго звука заклинателя [2]).

Я не сказалъ тебѣ еще, какъ это отродье жадно, упрямо, строптиво, тщеславно и завистливо, нерадиво, полно гнѣва и сумасбродно—и увѣренъ, что еслибъ дошли до нихъ мои обличенія, онѣ, вмѣсто того, чтобъ познать себя и исправиться, обвинили-бы меня въ томъ, что я говорю неправду, ибо при жизни я любилъ, будто-бы, не ихъ, а кое-что другое. Далъ-бы Богъ, чтобъ онѣ никогда мнѣ не нравились! Теперь мнѣ было-бы меньше муки.

Но перейду къ твоимъ занятіямъ. Онѣ-то по крайней мѣрѣ, если не собственное сознаніе, должны были-бы пояснить тебѣ, что ты — мужчина, созданный по подобію Божію, совершеннѣйшее животное, назначенное властвовать, не повиноваться. Это объявилось на нашемъ прародителѣ, извѣстно съ древности и теперь еще ведется у всѣхъ народовъ, что мужчинамъ, а не женщинамъ, предоставлена власть и руководство, чѣмъ ясно показывается преимущество первыхъ надъ послѣдними. Самый простой и незначущій человѣкъ, если только онъ не лишенъ здраваго смысла, превосходитъ женщину, считаемую за доблестнѣйшую своего времени, тѣмъ болѣе человѣкъ, выдѣлившійся изъ ремесленной толпы благодаря занятіямъ священными науками [3]) и философіей. Къ числу таковыхъ принадлежишь и ты: трудомъ и талантомъ, при помощи Божіей, въ которой нѣтъ отказа достойному, если онъ помолитъ о ней, ты удостоился пріобщиться къ наибольшимъ [4]). Почему-же унижаешь ты себя, подчиняясь дрянной

1) Стр. 198; сл. Ovid. A. A. 165: Rara avis in terris nigroque simillima cycno.
2) Стр. 199.
3) Стр. 201: sacri studi.
4) Ib. tra'maggiori,

женщинѣ? Самъ ты знаешь, что тебѣ не подобаетъ посѣщать храмы и общественныя мѣста, полныя народа, а жить въ уединеніи, изощряя умъ въ работѣ и поэзіи [1]), чтобы стать лучше и по мѣрѣ силъ, болѣе словомъ, чѣмъ дѣломъ, умножить твою славу, конечную цѣль твоихъ стремленій — послѣ надежды на вѣчную жизнь. Въ лѣсахъ и уединеніи тебя никогда не покинутъ касталійскія нимфы, которымъ хотятъ уподобить себя эти порочныя; ихъ красота — небесная, никогда онѣ не пренебрегутъ тобой, не наглумятся, не затѣютъ съ тобою разговора о томъ, какой ленъ тоньше, изъ Витербо или романьольскій, или что булочница истопила слишкомъ жарко, а у служанки не поднялось тѣсто; онѣ не разскажутъ тебѣ, что дѣлала въ прошлую ночь такая-то сосѣдка, сколько Отче Нашъ прочитала за проповѣдью другая, и надо-ли нѣтъ перемѣнить на платьѣ галуны. Онѣ ангельскимъ голосомъ повѣдаютъ тебѣ о томъ, что было отъ начала свѣта и понынѣ, и покоясь съ тобою въ тѣни на травѣ у потока, послѣднихъ волнъ котораго никто не видѣлъ, объяснятъ тебѣ причины, почему смѣняются времена года, вращаются солнце и луна [2]); какая тайная сила питаетъ растенія и укрощаетъ дикихъ животныхъ; откуда спускаются къ намъ души, какими ступенями восходятъ къ безконечному божественному благу, и по какимъ стремнинамъ свергаются въ бездны. Затѣмъ, пропѣвъ тебѣ стихи Гомера, Виргилія и другихъ древнихъ поэтовъ, онѣ, коли захочешь, споютъ тебѣ и твои собственные. Такое общество всегда тебѣ открыто, а для кого ты его оставляешь? Праведно поступили-бы онѣ, еслибъ изгнали тебя изъ своего прелестнаго сонма, когда, отдавшись животной страсти, не стыдясь, грязный и запятнанный, ты снова возвращаешься къ нимъ. И это такъ и будетъ, если ты не перестанешь, онѣ также умѣютъ негодовать; а какой стыдъ будетъ для тебя, если это случится!

Но знаешь-ли ты, подъ чье иго ты подставилъ свою выю? Я

1) Ib. versificando.

2) Сл. Virg. Georg., l. II, v. 475—8.

разскажу тебѣ о ней, кичащейся своимъ всевѣденіемъ [1]), дабы ты не подумалъ, что она отличается отъ другихъ. Эту женщину, вѣрнѣе дракона, я почти не зналъ, когда по желанію друзей и родныхъ женился на ней по смерти первой жены, которая была гораздо ея сноснѣе. Она была вдова и уже знакома съ искусствомъ обмана. Въ домъ она вошла голубкой, но затѣмъ стала змѣей, и я сознаюсь, что мое излишнее благодушіе было причиной всѣхъ моихъ бѣдъ. Я пытался было обуздать ее, но зло такъ укоренилось, что его пришлось переносить, а не врачевать; и я склонилъ выю, чтобы не подливать масла въ огонь. Она то и дѣлала, что кричала и бранилась и била прислугу, и хотя принесла съ собой незначительное приданое, держала высокомѣрныя рѣчи, точно я изъ крестьянъ [2]), а она изъ швабскаго дома [3]), и ея родъ мнѣ не извѣстенъ. Имъ она кичилась [4]), не зная о немъ ничего, развѣ когда, пересчитывая вывѣшенные въ церкви фамильные гербовые щиты, по ихъ количеству и древности судила о своемъ благородствѣ. Но если бы на десять недостойныхъ мужчинъ ея рода, болѣе удачливыхъ своимъ плодородіемъ, чѣмъ доблестью, повѣсить одинъ гербъ, и снять взамѣнъ его одинъ изъ тѣхъ, которымъ отличены были между ними получившіе рыцарское званіе (хотя къ нимъ оно шло, какъ сѣдло къ свиньѣ), я убѣжденъ что рыцарскихъ гербовъ не оказалось бы ни одного, а негодныхъ цѣлыя сотни. Невѣжды полагаютъ рыцарское званіе въ платьѣ, подбитомъ бѣличьимъ мѣхомъ, въ мечѣ и позолоченныхъ шпорахъ, которыми могъ бы обзавестись любой ремесленникъ и крестьянинъ, въ кускѣ ткани и какомъ-нибудь гербѣ, который можно было-бы повѣсить въ церкви по смерти. Таковы нынѣшніе рыцари; на сколько они далеки отъ настоящихъ, то вѣдаетъ Господь.

1) Corbaccio, стр. 203: uno gran salmista.

2) Стр. 204: da Capalle.

3) Сл. Div. Comm. Par. III, стр. 119.

4) Сл. Iuv. l. c. 166 слѣд.: Quis feret uxorem, cui constant omnia? malo—Malo Venusinam, quam te, Cornelia mater Gracchorum, si cum magnis virtutibus affers Grande supercilium et numeras in dote triumphos и т. д.

Такъ величалась она и кичилась, а я, сложивъ по трусости оружіе, ожидалъ, что она опомнится, пока не увидѣлъ, что принесъ къ себѣ не миръ и покой, а распрю и пламя и недолю. Я началъ избѣгать своего дома и возвращался въ него къ ночи, какъ въ тюрьму. Ставъ хозяйкой, она во всемъ завела свои порядки: носила платья, какія ей хотѣлось, не тѣ, какія я ей дѣлалъ, провѣряла счеты моихъ доходовъ, распоряжаясь деньгами по своему усмотрѣнію и уличая меня въ недовѣріи, если я медлилъ передать ей что-либо оставшееся у меня на рукахъ. Такъ она добилась своего, слагая оружіе лишь послѣ побѣды, тогда какъ я, по неразумію своему обнаруживалъ все бо̀льшую слабость, желая избѣгнуть непріятностей; за эту-то слабость я и горю теперь въ этой огненной одеждѣ. Теперь-то она и начала проявлять всѣ тѣ доблести, о которыхъ такъ торжественно докладывалъ тебѣ твой другъ. Мнѣ онѣ хорошо извѣстны. Нѣтъ въ нашемъ городѣ женщины суетнѣе ея. Вообразила она себѣ, что особая красота женщины въ полныхъ, румяныхъ щекахъ и развитыхъ, выпяченныхъ ягодицахъ; это, слышно, нравится въ Александріи. И она добилась того: пока я постился, въ видахъ сбереженія, она питалась каплунами, макаронами съ пармезаномъ, которыя пожирала, какъ свинья, не съ блюда, а въ мискѣ, словно недавно вышла изъ «Голодной башни»[1]). Ей требовались молочныя телята, сѣрыя куропатки, фазаны, жирные дрозды, голуби, ломбардскія похлебки, макароны съ начинкой, оладьи съ бузиной, крупичатые торты и рагу̀, которые она глотала, какъ крестьянинъ фиги, черешни или дыни, когда онъ до нихъ доберется. Кислаго и ѣдкаго, что сушитъ тѣло, она избѣгала, какъ врага, за-то знала толкъ въ хорошихъ винахъ и попивала усердно, въ чемъ ты самъ могъ бы убѣдиться, пока я былъ въ живыхъ, еслибъ обратилъ вниманіе на ея щеки и болтливость. Не знаю, похудѣла-ли она съ поста, который наложила на себя въ мое спасеніе; еслибъ даже она держала его при тебѣ и мнѣ пришлось въ томъ расписаться, я все-же не повѣрилъ бы тому.

1) Стр. 207; сл. Inf. XXXIII, 22—3.

При этихъ словахъ, не смотря на печальное настроеніе духа и раскаяніе, я не могъ удержаться отъ смѣха. А духъ продолжалъ, не смущаясь: И вотъ твоя дама, настоящая чертова прелестница, не удовольствовалась тѣмъ, чтобы стать плотнѣе, а пожелала, чтобъ тѣло у нея было нѣжное и блестящее. Стала она готовить разныя притиранія, перегонять воду; понадобилась ей кровь разныхъ животныхъ, всякія травы; мой домъ наполнился горнами, кубами, горшечками, склянками; не было во Флоренціи аптекаря, огородника или булочника, который бы не работалъ на нее. Всѣмъ этимъ она притиралась и красилась такъ, что когда мнѣ случалось поцѣловать ее, я увязалъ губами [1]. Ты не повѣришь, какими сортами золы она мыла свою златокудрую головку и съ какимъ торжествомъ совершалось хожденіе въ баню, изъ которой она приходила болѣе испачканной, чѣмъ отправляясь туда. При ней всегда были двѣ или три женщины изъ тѣхъ, которыя ходятъ лощить стекломъ кожу дамъ на лицѣ и шеѣ, вырывая ненужные волоски, а съ этимъ полезнымъ ремесломъ соединяютъ и другое: посредницъ любви. Но мнѣ не хватило бы недѣли, еслибъ я хотѣлъ разсказать, какъ пріобрѣталась и охранялась эта искусственная красота, скорѣе безобразіе. Всего то она боялась: солнца и воздуха, пыли и вѣтра; муха, сѣвшая на лицо, была для нея такимъ несчастіемъ, что въ сравненіи съ нимъ потеря Акры христіанами показалась бы пустякомъ [2]. Случилось однажды, что муха пристала къ ней, а она только что притерлась какимъ-то новымъ зельемъ; какъ она ни отгоняла ее, та назойливо возвращалась; тогда схвативъ метлу, она стала метаться за ней по всему дому, и не попадись она ей подъ руку, я увѣренъ, она лопнула бы отъ злости. Какъ ты думаешь: если бы о ту пору ей попался какой-нибудь щитъ или золоченый мечъ ея родичей-рыцарей, вѣдь она навѣрно вступила бы съ мухой въ бой? Ночью жужжаніе комара

1) Стр. 209; сл. Iuv. l. c. 463: hinc miseri viscantur labra mariti.
2) Стр. 210; сл. Inf. XXVII, 89.

приводило ее въ неистовство, весь домъ поднимался на ноги, и она не ранѣе успокоивалась, какъ когда ей подносили преступника, осмѣливавшагося досаждать ей и грозившаго испортить ея прелестное личико. Но всего потѣшнѣе было видѣть, какъ она убирала себѣ голову. Когда она была помоложе (ближе къ сорока, чѣмъ къ тридцати годамъ, хотя, будучи дурной счетчицей, она давала себѣ двадцать восемь лѣтъ), она всегда запасалась, въ какую-бы то ни было пору года, зеленью и цвѣтами шести сортовъ, изъ которыхъ плела гирлянды. Вставъ спозаранку, омывъ своими снадобьями лицо и шею, она садилась у зеркала или и у двухъ, чтобы видѣть себя со всѣхъ сторонъ, какое зеркало ей болѣе польститъ. Окруженная склянками и всякими зельями, она приказывала причесать себя, на волосы клала какую-то повязку изъ пеньки, которую зовутъ косами; пришпиливъ её тонкой шелковой сѣткой, она начинала накалывать цвѣты, убирая голову, словно павлиный хвостъ, и все смотрясь въ зеркало. Съ годами, когда въ волосахъ показалась сѣдина, хотя ее ежедневно удаляли, вмѣсто зелени и цвѣтовъ явились шпильки и вуали. И здѣсь та-же возня [1]: Этотъ вуаль слишкомъ мало поджелтили, говоритъ она служанкѣ, этотъ слишкомъ свѣсился; тотъ спусти, этотъ подтяни на лбу; переколи пониже шпильку да возьми стеклышко и соскобли волосокъ подъ лѣвымъ ухомъ. Случалось, что служанка не угождала, и она гнала ее, разражаясь бранью: Пойди прочь, тебѣ бы только кострюли чистить! Позови ко мнѣ такую-то. И работа начиналась снова; затѣмъ, помусливъ палецъ, она, точно кошка лапкой, принималась приглаживать тотъ или другой волосокъ, и не только глядѣлась въ зеркало, но приказывала и служанкѣ оглядѣть себя, все-ли у нея въ порядкѣ, точно дѣло шло о ея чести [2], а когда выходила къ поджидавшимъ ее подругамъ, бесѣда шла о томъ-же.

1) Сл. стр. 212 слѣд. и Iuv. !. c. 490: Disponit crinem laceratis ipsa capillis.... Psecas infelix.

2) Стр. 213: non altrimenti che se la sua fama o la sua vita da quel dipendesse; сл. Iuv. l. c. 500: tamquam famae discrimen agatur, Aut animae.

Я хорошо знаю, что все это не новость, вѣдь другія женщины дѣлаютъ то-же самое; тѣмъ скорѣе ты поймешь, что изъ всего этого выходило. Когда ее спрашивали, для кого она такъ рядится, она отвѣчала, что для меня, чтобъ мнѣ понравиться, а я будто волочусь за служанками и пропащими женщинами. Она отъявленно лгала, а я такъ не разъ замѣчалъ, какъ она бодрилась, словно соколъ, съ котораго сняли клобучекъ [1]), когда проходилъ какой-нибудь молодой человѣкъ; а въ какомъ она бывала восторгѣ, когда ее хвалили, и какъ готова была убить своими собственными руками того, кто отозвался о ней нелестно! Такою-то суетностью и прелестями и откровенностью взглядовъ и словъ [2]), не приличныхъ порядочной женщинѣ, она привлекала къ себѣ любовниковъ, изъ которыхъ многіе добились цѣли, не утоливъ ея пламени. Я не пускаюсь въ подробности, это было-бы плохимъ средствомъ къ твоему уврачеванію, ибо я знаю, что мужчины, желающіе сближенія съ женщиной, тѣмъ сильнѣе пылаютъ, чѣмъ страстнѣе она оказывается. Скажу только, что живъ еще нѣкій рыцарь, когда-то болѣе храбрый, чѣмъ удачливый, которому она отдалась еще при моей жизни, что̀ я подозрѣвалъ, а теперь знаю. Здѣсь она проявила свою щедрость, о которой говорилъ твой другъ, одаряя его не своимъ, а моимъ добромъ, когда вещами, когда деньгами. Былъ у меня еще сосѣдъ, котораго я болѣе любилъ, чѣмъ онъ соблюдалъ мою честь; ему и еще одному своему родственнику она также не отказала въ своихъ объятіяхъ.

Мнѣ надо было бы по порядку разсказать о любезности, услужливости [3]), которая, по ея словамъ, такъ ей по сердцу. Разумѣется, по сердцу: пока она была молода, она никогда не отказывала въ услугахъ, и теперь ожидаетъ, что и ей не будетъ отказа. Дивлюсь я, какъ тебя она обошла; должно быть, Богъ тебя

1) Стр. 213; сл. Par. XIX, 34—5.
2) Стр. 214: parlante.
3) Стр. 216: cortesia.

хранитъ. Нравятся ей еще мудрые люди; она, въ самомъ дѣлѣ, мудрѣйшая; но тебѣ извѣстно, что мудрость бываетъ разная. Однихъ славятъ за то, что они отлично понимаютъ священное писаніе и умѣютъ истолковать его, другіе, свѣдущіе въ законахъ, даютъ полезные совѣты; иные, испытанные въ дѣлахъ правленія, знаютъ чего избѣгать, чему слѣдовать; многихъ считаютъ умными, потому что они хорошо ведутъ торговлю, занимаются ремесломъ, домашними дѣлами. Но есть еще родъ мудрыхъ людей, о которыхъ ты еще не слышалъ въ школѣ между философами. Какъ послѣдователи Сократа и Платона носятъ ихъ имена, такъ есть еще одна секта, принявшая имя нѣкой достойной женщины, о которой ты, чай, не разъ слыхалъ: мадонны Чангеллы [1]). По ея предложенію, послѣ долгаго и серьезнаго спора на соборѣ женщинъ положено было за правило: всѣхъ женщинъ, обладающихъ смѣлостью и отважностью и умѣньемъ отдаваться сколькимъ бы мужчинамъ имъ ни пожелалось — считать мудрыми, всѣхъ же другихъ за сопливыхъ дуръ. Въ этой-то мудрости она превзошла всякую сивиллу, и не разъ говорили, ужъ не ей-ли достоитъ занять мѣсто покойной Чангеллы и ея наслѣдницы, монны Діаны. Ты, стало быть, ошибся, иначе понявъ ея мудрость и требованіе ею—мужества. Ей нужны не бранные подвиги и не пролитіе крови, а другое; любой сарацинъ съ площади [2]) будетъ ей Ланцелотомъ, Тристаномъ, Оливьеромъ [3]), коли знаетъ свое дѣло; если годы не отняли у тебя прежней силы, тебѣ нечего было отчаяваться—въ заблужденіи, что отъ тебя ожидаютъ храбрости Амарольда Ирландскаго [4]).

Она говоритъ, что любитъ людей благородныхъ; въ благородствѣ она ничего не смыслитъ, и если сказала такъ, то лишь затѣмъ, чтобы и тебѣ показаться дамой древняго рода, ибо она считаетъ

1) Стр. 218; сл. Par. XV, 128 и выше т. I, стр. 71—2.

2) Iuv. VI, 110: Sed gladiator erat: facit hoc illos Hyacinthos.

3) Извѣстный герой Карловингскаго эпоса.

4) Герой романа о Тристанѣ.

свой родъ старше королевскаго баварскаго или французскаго. Что она благородна и — дама, этого она никогда не докажетъ, а что она древняя — въ этомъ вскорѣ убѣдитъ ея лицо. Пишетъ она тебѣ [1]), что любитъ людей, умѣющихъ красно говорить; вѣрно то, что она безконечно болтлива и одна своей болтовней помогла бы лунѣ въ ея превращеніяхъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ тазы древнихъ [2]). То она хвастается въ кругу женщинъ: моя родня, мои предки! и млѣетъ отъ восторга, когда ее слушаютъ или титулуютъ. Ей извѣстно, что творится во Франціи, что приказалъ англійскій король, будетъ-ли въ Сициліи урожай, привезутъ-ли генуэзцы или венеціянцы пряности съ востока, спала-ли прошлую ночь королева Джьованна съ мужемъ и чтò затѣваютъ у себя флорентійцы [3]),—хотя разузнать объ этомъ ей было-бы не трудно, стоило только повидаться съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ правителей, они держатъ тайну такъ-же, какъ корзина или рѣшето воду. Если правду говорятъ естествовѣды [4]), что у животнаго тотъ членъ вкуснѣе, который наиболѣе упражняется, у нея всего вкуснѣе языкъ; и во снѣ онъ болтаетъ. Кто, не зная ея, послушалъ-бы, что она говоритъ о себѣ, счелъ бы ее за святую, высокородную; знающаго оно тошнитъ. А попробуй-ка не повѣрить ея росказнямъ, она готова подраться, ибо мнитъ себя храбрѣе Галеотто съ Дальнихъ острововъ, либо Фебуса: не разъ она говорила, что, будь она мужчиной, то превзошла-бы не только Марка красавца, но и Герардина, бившагося съ медвѣдицей [5]).

1) Corbaccio, стр. 220. Выше объ этомъ не было рѣчи, сл. стр. 19.

2) Сл. выше т. I, стр. 500 и прим. 1. Сл. Iuv. l. c. 442: Jam nemo tubas, nemo aera fatiget, Una laboranti poterit succurrere lunae.

3) Сл. сходныя подробности выше, стр. 25.

4) Corbaccio, стр. 221: fisici.

5) О Галеотто, Gallehaut, дѣйствующемъ лицѣ въ романѣ о Ланцелотѣ, сл. выше т. I, стр. 539; Фебусъ относитъ насъ къ французскому роману о Guiron, переведенному въ XIV вѣкѣ итальянской прозой, тогда какъ одинъ изъ его эпизодовъ былъ пересказанъ въ стихахъ (Febusso e Breusso, poema ora per la prima volta pubblicato. Firenze, Piatti, 1847. Сл. Novati въ Romania XIX, стр. 186 слѣд.).—Герардино и Marco bello—герои полународной poemetto XIV вѣка,

Но перейду къ нѣкоторымъ сокровеннымъ предметамъ, которыхъ ты не могъ вѣдать, да и я былъ бы счастливъ, еслибъ ихъ не позналъ. Сначала устраню твое сомнѣніе: ты скажешь, что неслѣдъ говорить о подобныхъ вещахъ, что онѣ и не приличны въ устахъ такого человѣка, какъ я, направившаго свои стопы къ вѣчной славѣ. На это я тебѣ отвѣчу: не всякому недугу разумный врачъ полагаетъ ароматическое средство, иная болѣзнь требуетъ и вонючаго. Таковымъ недугомъ является твоя страсть; крѣпкое, грязное слово дѣйствуетъ здѣсь быстрѣе, чѣмъ дружественныя и пристойныя убѣжденія. Времени у насъ немного, а твое неупорядоченное желаніе [1]) требуетъ скораго врачеванія. Выслушай-ка терпѣливо, не обвиняя медика. Ты и многіе другіе любовались на цвѣтъ ея лица, похожій на утреннюю розу, и принимали его за естественный. Посмотрѣлъ бы ты на нее утромъ, когда она встаетъ съ постели, съ лицомъ зелено-желтымъ, прыщавая, точно птица въ мытяхъ, морщинистая и облѣзлая; какъ, сидя на корточкахъ, она грѣется у огня, напяливъ на голову чепецъ, съ шарфомъ на шеѣ, въ тепломъ капотѣ, и кашляетъ и отплевываетъ шлепки, вытаращивъ глаза съ синеватыми подтеками. Ты говоришь, что при видѣ ея красоты страсть забирала тебя, какъ огонь маслянистые предметы [2]); тогда она показалась бы тебѣ грудой грязи или навоза, и ты обратился бы въ бѣгство [3]). Но ты знаешь, что и задымленную стѣну и лицо можно выбѣлить, и что тѣсто поднимается, если его бьютъ [4]). Такъ и ея красота—искусственная: и стройный станъ, и грудь и все другое — не то, чѣмъ тебѣ кажется. Всѣ вы принимаете кукушку за ястреба [5]), такъ и ты, хотя тебѣ, болѣе,

въ стилѣ Пуччи, которому она и была приписана. Сл. Cantare del Bel Gherardino (Bologna, 1867, Scelta di curiosità letterarie № 79.

1) Corbaccio, стр. 223: disordinato appetito. Сл. poco regolato appetito въ Декамеронѣ, Введеніе = пер. I, стр. 1.

2) Сл. выше стр. 19, прим. 1.

3) Corbaccio, стр. 225.

4) Стр. 224.

5) Стр. 228: le gatte in sacco andate comperando.

чѣмъ другимъ, подобало бы внимать истинѣ, не тому, что кажется [1]).

Что касается до отчаянія, въ которое ты впалъ вчера по твоему неразумію, то я начну разсказъ нѣсколько издалека: и тебѣ будетъ оттого польза, да и я облегчу хоть немного свое негодованіе. До того довела меня эта мерзкая женщина, что отъ печали, которую я таилъ, кровь воспалилась и, внезапно наполнивъ сердце, была причиной мгновенной смерти. Какъ только душа моя отрѣшилась отъ бреннаго тѣла, я позналъ, что то была за женщина; она-же, несказанно довольная, тайкомъ припрятала многое изъ моихъ вещей и деньги, наслѣдье моихъ дѣтей, которыя я безразсудно ей ввѣрилъ, а на людяхъ проливала притворныя слезы, громко сѣтуя и проклиная судьбу и объявляя о своемъ намѣреніи — поселиться въ какой-нибудь келейкѣ при церкви или монастырѣ и здѣсь проводить время въ молитвѣ. Она такъ ловко притворялась, что всѣ ей повѣрили; и она устроилась по близости того монастыря, гдѣ ты ее видѣлъ, ибо здѣсь она была не на виду, и ей легче было отдаваться своимъ желаніямъ, потому что, еслибъ не достало другихъ любовниковъ, монахи всегда на лицо: они люди святые и сострадательны къ вдовамъ. И вотъ она выходила въ церковь, съ чернымъ покрываломъ на лицѣ, спущеннымъ глубоко на глаза, точно собралась строить буку; то откинетъ его, то запахнетъ, то выставитъ руку, на черномъ она выходитъ еще красивѣе. Такъ она охотится на молодыхъ людей, не довольствуясь однообразной пищей; такъ и ты попался въ ея сѣти. Безконечно перебирая четки, она и не помышляетъ о молитвахъ; ей не до того: надо перекинуться словомъ съ сосѣдкой, той шепнуть, эту выслушать. Ты скажешь, что все это она возмѣщаетъ въ своей кельѣ, но за меня она не молится, это я ощутилъ бы, молитва за усопшихъ утишила бы мои жгучія страданія, какъ холодная вода ожеги; можетъ быть, она молилась за другого: недавно у васъ умеръ нѣкто, и это такъ

1) Opinion l. c.

ее опечалило, что цѣлую недѣлю она не прикасалась къ яицамъ и макаронамъ. Ея обычныя молитвы — французскіе романы и латинскія пѣсни, пѣсня о «Загадкѣ» (Indovinello) [1]) и повѣсть о Флоріо и Бьянчифьоре; она млѣетъ, читая о любовныхъ свиданіяхъ Ланцелота и Тристана съ ихъ милыми, а въ промежуткѣ забавляется, точно дѣвочка, съ ручными звѣрьками. Въ числѣ многихъ ея пріятелей состоитъ и упомянутый мною второй Авессаломъ, которымъ она не особенно довольна; пошелъ онъ на это дѣло, презрѣвъ то, что сдѣлалъ для него Господь, хотя и многія другія законныя причины должны были бы воздержать его. Онъ за это и поплатится: есть у него сынъ, такой-же ему родной, какъ Христосъ Іосифу, тотъ за меня отомститъ; не миновать ему, что говорится въ пословицѣ: какъ оселъ лягнетъ въ стѣну, такъ и ему отдастся [2]), кто оретъ въ чужомъ полѣ, вызываетъ на то-же.

Таковы то похвальные нравы той женщины, и нечего было тебѣ такъ принимать къ сердцу обиду. Но разскажу тебѣ, какъ и что я узналъ о твоемъ письмѣ. До насъ доходятъ вѣсти съ того свѣта, и намъ бываетъ порой дозволено являться сюда. Случилось, что въ ночь того дня, когда ты писалъ ей, явился и я, влекомый какимъ то чувствомъ состраданія, побуждающимъ насъ любить не только друзей, но и недруговъ. Я вошелъ въ ея спальню, и все осмотрѣвъ, уже хотѣлъ было удалиться, когда при свѣтѣ лампады, теплившейся передъ ликомъ Мадонны, увидѣлъ ее на ложѣ, и не одну. Они чему-то смѣялись; не прошло много времени, какъ она поднялась по просьбѣ своего милаго, зажгла свѣточъ, и доставъ изъ сундука твое письмо, вернулась. Стали они читать, и я слышалъ, какъ они глумились, поминая

1) Сл. Cian, Motti di Pietro Bembo 45; Giorn Stor. d. lett. ital. XIII, 448 прим.; Zambrini, Op. Volg. 694; Poesie giocose inedite o rare pubbl. per cura del dott. Adolfo Mabellini (Firenze, 1884, стр. 33—42). Indovinello — популярная пѣсня въ октавахъ о купеческой дочери, убѣжавшей отъ брачной ночи, чтобы не забеременить. Что разумѣется подъ латинскими пѣснями, canzoni latine (стр. 233)? Вѣроятно любовныя, въ стилѣ голіардовъ.

2) Стр. 234: quale asino dà in parete, tale riceve. Сл. Дек. V, 10: quale asino dà in parete, tal riceva = пер. I, стр. 415.

твое имя: и простакъ-то, и дубина; должно быть, писалъ въ просонкахъ, принялъ одно за другое; а какъ ты думаешь: хватило-ли бы его? А еще считаетъ себя умнымъ! Чѣмъ бѣгать за благородными дамами, лучше-бы пошелъ полоть свои луковицы [1]). Палки ему нужно, отхлестать бы его по щекамъ телячьимъ желудкомъ, пока хватило-бы того и другаго! Досталось тамъ и твоимъ дорогимъ музамъ, Аристотелю и Туллію, Виргилію и Титу Ливію, которыхъ ты считаешь своими друзьями и ближними. Ихъ смѣшивали съ грязью, на счетъ ихъ кичились и насмѣхались, должно быть, поѣли они и выпили въ излишествѣ. Тутъ они условились и на счетъ отвѣта тебѣ, и еслибъ не опасенія любовника, боявшагося ея тщеславія и вѣтренности, ты получилъ бы и еще нѣсколько посланій. Что-бы сказалъ ты, если бы все это самъ услышалъ? Навѣрно бы повѣсился! Но еслибъ ты былъ въ здравомъ умѣ, не говоря уже о томъ, что могла раскрыть тебѣ твоя наука, тебѣ слѣдовало бы посмѣяться, ибо твоя милая ничѣмъ не разнится отъ женщинъ вообще. Самъ ты не разъ говорилъ, что имъ въ высшей степени нравится, когда ихъ считаютъ красивыми, и что болѣе, чѣмъ на зеркало, онѣ полагаются на число ухаживателей [2]). Вотъ почему и ей были пріятны твои взгляды, и она показывала на тебя: она, стало быть, еще можетъ нравиться, если увлекся ею ты, извѣстный знатокъ женскихъ формъ [3]). Иной объяснитъ это пожалуй иначе: она исправилась, обратилась на правый путь, а ты приставалъ къ ней; она и показывала на тебя: Посмотрите-ка на врага Божія, не даетъ мнѣ спастись! Можетъ быть, дѣлала она это не съ той и не съ другой цѣлью, а просто, чтобы пошутить и поболтать. Какая-бы тому ни была причина, ты долженъ

1) Знаменитыя Чертальдскія луковицы новеллы о fra Cipolla (Дек. VI, 10), вспомнившіяся какому-то читателю Петраркова экземпляра Плинія при перечнѣ разныхъ сортовъ луковицъ: nondum Certaldenses erant. Сл. De Nolhac, Pétrarque et l'humanisme, стр. 279, прим. 3.

2) Сл. Дек. VIII, 7 = пер. II, стр. 138.

3) Corbaccio, стр. 238.

былъ знать, что нѣтъ женщины разумной, что всѣ онѣ жестоки, низки и ужасны.

Но оставимъ это; допустимъ, что все, что твой другъ разсказывалъ о ея доблестяхъ, вѣрно; вѣдь эти добродѣтели были несовмѣстны съ твоимъ посланіемъ, ты долженъ былъ понимать это, и если увлекся, то, очевидно, не ими, а ея красотой. И ты не разглядѣлъ, что она стара и противна, и готовъ былъ умереть! Неужели ты считаешь себя ни во что, такъ малодушенъ, неотесанъ, худороденъ? [1]). Ты надѣялся овладѣть ея дряблыми прелестями, но если бы ты зналъ, что это такое, твое желаніе было бы менѣе страстно. Коли ты разсчитывалъ разжиться отъ нея, то ошибся: она была щедра моимъ добромъ, а теперь ей приходится жаться. Годовъ тебѣ она не могла бы ни прибавить, не убавить, ни научить, развѣ дурному, ни доставить блаженства, ибо ей знакомо лишь блаженство плоти, чѣмъ она сама себя осудила на вѣчныя муки. Можетъ быть, она могла сдѣлать тебя пріоромъ, чего теперь у васъ такъ добиваются; но я знаю, что сенаторы вашего Капитолія не склоняютъ нынѣ слуха къ хищнымъ высокороднымъ волкамъ, отъ которыхъ и она произошла [2]), для этого надо было-бы, чтобы она такъ же приглянулась всѣмъ избирателямъ, какъ приглянулась тебѣ; но едва-ли такіе безумцы найдутся. А сколько именитыхъ, благородныхъ мужей я могъ бы назвать, имена которыхъ ты припомнишь теперь къ своему вреду, когда могъ бы вспомнить о нихъ съ пользой для себя! Тебѣ стоило только захотѣть, и ты былъ бы имъ дорогъ, но вслѣдствіе излишней и непохвальной гордости [3]) ты не сходишься съ ними, а если съ кѣмъ сойдешься, не выносишь, если онъ не потворствуетъ твоимъ нравамъ и не потакаетъ, тогда какъ все это подобало бы дѣлать тебѣ. Они могли бы возвысить тебя, она лишь принизить, а ты склонился передъ нею, ветхой, задыхающейся старухой, кото-

1) Стр. 240: Part' egli così essere da nulla? se' tu così pusillanimo, così scaduto, così nelle fitte rimaso, così scoppiato di cerro o di grotta?

2) Стр. 241.

3) Стр 212 :sdegno.

рой слѣдовало-бы не показываться въ людяхъ, а сторожить золу въ комелькѣ [1]). Не говоря о томъ, что по милости Божiей ты пріобрѣлъ своими занятіями, а лишь о томъ, чѣмъ одарила тебя природа, тебѣ надо было-бы стыдиться — а вѣдь ты гордъ [2]) — что тебя, какъ коршуна, подманила падаль. Природа оказала тебѣ благодѣяніе, сотворивъ тебя мужчиной; я уже объяснилъ тебѣ, на сколько онъ выше женщины. Если она показалась тебѣ высокой и стройной и красивой, то вѣдь и ты не малаго роста, не хуже ея сложенъ и среди мужчинъ не менѣе красивъ, чѣмъ она между женщинами, хотя она притирается, тогда какъ ты рѣдко, если когда-нибудь, моешься простой водой; я скажу даже, что ты красивѣе ея, хотя и не занимаешься собой, что̀ мужчинѣ и неприлично; одно только, борода у тебя сильно посѣдѣла и побѣлѣли виски, а у нея нѣтъ, хотя она и гораздо старше тебя. И все-же ей бы подобало скорѣе искать твоей любви, не тебѣ ея добиваться. Одно, по твоему мнѣнію, за ней преимущество: что она благородна; но изъ-за этого она не отринула-бы тебя: что такое ея Авессаломъ? Ты заблуждаешься [3]), если держишься народнаго мнѣнія о благородствѣ. Неужто ты не знаешь, что̀ истинное благородство и что̀ ложное? Нѣтъ мальчика въ философскихъ школахъ, который бы не зналъ, что по отцу и матери мы всѣ равны, созданы однимъ Творцомъ, одарены свободной волей, и что, кто поступалъ добродѣтельно, того звали благороднымъ, кто же отдавался порокамъ, то наоборотъ. Каково-же благородство ея родичей и предковъ? Родъ ихъ былъ многочисленный, ибо они плодились — но это даръ природы, не доблесть; сильные числомъ, они разбогатѣли разбоемъ и грабежемъ и, возмнивъ о себѣ, осмѣлились возложить на себя рыцарское званіе, подобно благороднымъ. А что достойнаго и похвальнаго совершили они для государства или для част-

1) Стр. 242; сл. Дек. V, 10 = пер. I, стр 410.
2) Стр. 242.
3) Стр. 244: rificchi.... gli occhi della mente: Purg. XV, 64—5.

ныхъ людей? А еслибъ кто и совершилъ, то причемъ тутъ она? Благородство вѣдь нельзя передать въ наслѣдье; у тебя его больше, хотя и нѣтъ фамильныхъ гербовъ, но любя ее, ты запятналъ бы его, еслибъ даже за тобой стоялъ весь родъ короля Банда Бенуакскаго [1]).

Духъ умолкъ, выжидая моего отвѣта. Я слушалъ его все время, опустивъ голову, какъ человѣкъ, сознающій свой проступокъ. Благодатный духъ, началъ я, ты научилъ меня, что̀ прилично моему возрасту и занятіямъ, раскрылъ низость той, которую я избралъ дамой своего сердца [2]), показалъ, на сколько мужчина по природѣ благороднѣе женщины, и что такое — я. Самъ я сталъ совсѣмъ другимъ, но тѣмъ яснѣе представляется мнѣ моя грѣховность; это убьетъ меня, и хотя велико милосердіе Той, которая послала тебя въ мое спасеніе, я отчаяваюсь въ немъ. — Не бойся, отвѣчалъ онъ, божественная благость прощаетъ и тяжелые грѣхи, если въ нихъ принесено истинное раскаяніе.—Господь знаетъ, что я раскаялся; но что мнѣ дѣлать? наставь меня. — Ты долженъ возненавидѣть, что любилъ, возненавидѣть ея красоту и полюбить благо твоей души. Затѣмъ ты долженъ отомстить ей. Ты знаешь, что ученые такъ умѣютъ возвеличить, хотя бы и не заслуженно и ложно [3]), тѣхъ, кого захотятъ прославить, что кто бы ни послушалъ ихъ, повѣритъ, что тѣ люди по своимъ заслугамъ и доблестямъ превыше неба; наоборотъ: того, кто возбудитъ вашъ гнѣвъ, будь онъ добродѣтеленъ и полонъ достоинствъ, вы низвергаете въ глубину ада рѣчами, внушающими довѣріе. Ты хотѣлъ ее возвысить; умали ее; ты скажешь правду и, можетъ быть, это будетъ ей во спасеніе.—Если Господь сподобитъ меня выйти изъ этого лабиринта, я постараюся удовлетворить тебя; мнѣ не надо будетъ особыхъ побужденій, чтобы облегчить душу, никому другому я не предо-

1) Ban de Benoic въ романѣ о Тристанѣ.

2) Corbaccio, стр. 246: donna della mia mente.

3) Стр. 248: mentendo.

ставлю отмстить за оскорбленіе, лишь-бы мнѣ хватило жизни написать о ней въ стихахъ или прозѣ; а настоящую месть, которую люди видятъ въ одномъ лишь оружіи, я предоставляю Богу. Я ей покажу, что не надъ всѣми мужчинами можно глумиться одинаково, и разскажу о ней такое, что она еще посѣтуетъ, зачѣмъ я попался ей на глаза, какъ я скорблю, что ее увидѣлъ [1]). Лишь бы не измѣнилось у меня настроеніе, а то у насъ въ городѣ долго будутъ пѣть про ея низости и гадости, и я потщусь сохранить это для будущаго въ болѣе долговѣчныхъ стихахъ.

Онъ молчалъ, и я началъ снова: Скажи мнѣ на милость: почему на тебя, а не на кого другого, выпала доля явиться сюда на мое спасеніе? Я не помню, чтобы на томъ свѣтѣ мы вели съ тобой любовь или дружбу.—Здѣсь нѣтъ ни друзей, ни родныхъ, отвѣчалъ онъ, всѣ мы горимъ любовью [2]), всякій изъ насъ былъ бы на это готовъ и годнѣе меня; если выбрали меня, то потому, что та женщина была моею, меня ты долженъ былъ устыдиться болѣе, чѣмъ всякаго другого, да и всякій устыдился бы разсказать, что разсказалъ я; потому, наконецъ, что мнѣ ты повѣрилъ бы, какъ человѣку, который былъ въ состояніи все знать. — Какія бы тому не были причины, я тебѣ вѣрю и благодаренъ; но скажи мнѣ во имя того успокоенія, котораго ты чаешь [3]), чѣмъ мнѣ воздать тебѣ, что сдѣлать для облегченія твоей муки?—Моя негодная жена забыла меня, у нея другія заботы, дѣти слишкомъ малы, родные лучше бы заботились о другомъ, чѣмъ объ обираніи опекаемыхъ. Подай по мою душу милостыню и вели отслужить обѣдню. Но часъ твоего освобожденія приблизился; посмотри на востокъ!

Надъ горами показался свѣтъ, будто передъ восходомъ солнца, лучъ пробился до насъ, какъ бываетъ, когда солнце проглянетъ изъ-за тучъ, намѣчая на землѣ свѣтлую стезю. Чувство

1) Стр. 250: disidero d'esser digiuno d'avere veduta lei.

2) l. c. Di carità ardiamo = Purg. XV, 57.

3) Стр. 251: per quella pace che per te ardendo s'aspetta; сл. Purg. III, 74—6.

раскаянія, сознаніе грѣха овладѣло мною сильнѣе, точно какая-то тяжесть свалилась съ плечъ, и я ощутилъ себя легкимъ и проворнымъ. Ступай по этой стезѣ, сказалъ мнѣ духъ, да не сбивайся, иначе ты запутаешься въ кустарникѣ, и неизвѣстно, удалось-ли бы тебѣ снова дождаться помощи.—Онъ направилъ шаги къ высокимъ горамъ, увлекая меня за собою не безъ большого усилія. На вершинахъ мнѣ открылось чистое, свѣтлое небо, воздухъ былъ мягкій, все зеленѣло и цвѣло, такъ что я забылъ объ испытанныхъ невзгодахъ; оглянувшись назадъ, я увидѣлъ не долину, а что-то глубокое, спускавшееся до преисподней, полное ночнаго мрака и сѣтованій. Ты свободенъ, сказалъ мнѣ духъ,—и такова была моя радость, что я хотѣлъ броситься на колѣни передъ моимъ благодѣтелемъ—и проснулся, въ поту, точно въ самомъ дѣлѣ совершилъ восхожденіе. Я сталъ размышлять о видѣніи и почелъ его правдивымъ, а о чемъ дотолѣ не зналъ, то подтвердили впослѣдствіи разспросы. — Солнце уже поднялось, когда, отправившись къ друзьямъ, съ которыми привыкъ отводить душу, я разсказалъ имъ мой сонъ; точно вдохновленный Богомъ, я рѣшился выйти изъ плачевной долины, и не прошло нѣсколько дней, какъ я снова располагалъ собою, какъ, бывало, прежде. А ее я еще накажу моимъ писаніемъ: перестанетъ она показывать своимъ любовникамъ письма и будетъ поминать меня съ печалью и стыдомъ!

Но надо дать отдохнуть рукѣ; ты кончена, малая моя книжка, будь полезна, особенно молодымъ людямъ, а негоднымъ женщинамъ не показывайся на глаза, ни той, которая вызвала тебя. Отъ нея тебѣ будетъ худой привѣтъ, да она стоитъ и бо̀льшей кары, чѣмъ та, которую ты несешь съ собой. Она и дождется ея вскорѣ, по попущенію Господа, подателя всякихъ милостей [1]).

1) Сл. пересказъ Corbaccio у: С., Изъ міра пѣсенъ и любви. Тріумфы женщины. Овидій, Данте, Петрарка и Боккаччьо (Спб. 1893), стр. 500 слѣд.

III.

Данте и Ювеналъ, новелла, полная самаго откровеннаго, иногда грубаго шаржа, и мотивы чистилищной легенды — вотъ впечатлѣніе, которое выноситъ изъ Корбаччьо читатель, преслѣдующій не психологическія, а стилистическія цѣли. Съ такого именно чтенія полезно начать, чтобы тотчасъ-же разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Ювеналъ далъ нѣсколько штриховъ и красокъ для реальной картинки нравовъ, въ которой все вѣрно, до цинизма, и все преувеличено въ свѣтѣ завзятой страстности. Это бьетъ въ глаза и такъ поглощаетъ вниманіе, что за массой безпощадной житейской грязи мы невольно забываемъ, гдѣ мы, забываемъ рамку разсказа, гдѣ все полно дантовскихъ воспоминаній, не только въ стилѣ, но и въ мотивахъ: жизнь, отданная плотской любви, аллегорически изображена, какъ чистилище, съ перспективой ада въ глубинѣ; мрачная, суровая долина, отвѣчающая дикому лѣсу, въ которомъ заблудился Данте [1]); какъ онъ зашелъ туда, онъ не знаетъ [2]), такъ и Боккаччьо; того и другого выводятъ изъ юдоли плача чудесные руководители, посланные Пресвятой Дѣвой [3]), обоихъ освѣщаетъ аллегорическое солнце истины, сознанія [4]), и оба, выбравшись на правый путь, готовы броситься на колѣни передъ своими спасителями [5]).

Таковы дантовскіе элементы Корбаччьо, но мы ихъ забываемъ за колоритнымъ образомъ злой жены, онъ становится для насъ цѣлью, и мы ни разу не настраиваемся благоговѣйно къ идеямъ спасенія и нравственнаго улучшенія. Данте также бываетъ реаленъ и рѣзокъ, но все это исчезаетъ въ общемъ тонѣ поэмы, и мы не сбиваемся съ свѣтлой стези; у Боккаччьо эти противорѣ-

1) Inf. I, 5.
2) Inf. I, 10.
3) Inf. II, 94.
4) Inf. I, 16 слѣд.
5) Purg. XXX, 49—51.

чія не примирены; онъ самъ чувствуетъ несообразность грязныхъ откровеній въ устахъ духа, кающагося и наставляющаго къ тому другого — и спасается софизмомъ, что нѣкоторыя болѣзни требуютъ сильныхъ средствъ[1]). Дѣло въ томъ, что здѣсь, какъ нерѣдко, дантовскіе мотивы явились для него чѣмъ то внѣшнимъ, поэтической формулой; они попали въ тонъ, когда онъ переживалъ то настроеніе духа, которое выразилось въ его Амето и Любовномъ Видѣніи[2]), но ему не доставало мистической вѣры Данте, его религіозность нѣсколько внѣшняя [3]): онъ особо чтилъ Богородицу [4]), славословилъ ее [5]), вѣрилъ въ спасительную силу молитвъ за усопшихъ, въ дѣйствіе заупокойной обѣдни и милостыни по душу [6]), но мірскія мысли не покидаютъ ни его, ни его руководителя, отъ котораго мы ожидали бы совершенно иного настроенія. Между тѣмъ именно онъ все еще полонъ плотскаго гнѣва и въ разсказахъ о мерзостяхъ жены ищетъ средства успокоиться, отвести душу [7]). Онъ и обновляетъ въ Боккаччьо жажду мести [8]): она будетъ ему искупленіемъ, искупленіемъ и ей; такъ говоритъ духъ чистилища, гдѣ всѣ одинаково горятъ — любовью [9]). И Боккаччьо страстно отдается этой идеѣ: онъ отомститъ жестоко, всенародно, но этого мало, и онъ призываетъ еще кару Господа, Бога любви, какъ въ самомъ началѣ памфлета идея мести представляется небеснымъ утѣшеніемъ, ниспосланнымъ свыше [10]).

Корбаччьо — пѣснь безпощадной мести, за оскорбленное самолюбіе мужчины, сказать точнѣе: физіологическое самолюбіе. Эта непривлекательная сторона памфлета бьетъ въ глаза, ее

1) Corbaccio, стр. 215, 222—4.

2) Сл. выше т. I, стр. 189—191; сл. стр. 184 и 258—9 и для Амето и Любовнаго Видѣнія стр. 262 слѣд.

3) Сл. выше т. I, стр. 522.

4) Corbaccio, стр. 155, 171, 196—7.

5) Сон. LXXVIII, XCIV, XCV; сл. XCVI: молитва къ Спасителю.

6) Corbaccio, стр. 172, 232, 252.

7) Стр. 229.

8) Стр. 159—160, 248—9.

9) Стр. 250.

10) Стр. 160.

не удалишь, какъ впечатлѣніе восьмой гораціевской эподы, но она получаетъ нѣсколько другое освѣщеніе, если спросить себя; кто настоящій объектъ памфлета? Не женщина, обманувшая Боккаччьо, а онъ самъ, старый Діонео, знатокъ женщинъ [1]), плотски-страстный [2]), сознающій себя рабомъ своего темперамента, въ самой борьбѣ съ нимъ призывающій образы плоти. Образы отрицательные, пугающіе своей мерзостью; этотъ шаржъ — признакъ слабости: человѣка плоти надо было побить ею-же, надо было вдуматься въ обратную сторону медали, заставить себя возненавидѣть то, что прежде плѣняло. И Боккаччьо негодуетъ на себя, старается запугать воображеніе, вживаясь въ пониманіе любви, какъ грѣха и недуга [3]), раскрывая самыя грязныя ея подробности, упиваясь ихъ безобразіемъ, пріучая себя къ ненависти, какъ созерцаніе трупа пріучало аскета къ идеѣ смерти; можетъ быть, торжествуя сарказмомъ надъ безсиліемъ. За эту внутреннюю борьбу темперамента и сознанія поплатилась — женщина; женщины вообще. Мизогиническія теченія средневѣковаго общества, какъ-то мирившіяся съ идеалистическими, слишкомъ хорошо извѣстны [4]): онѣ питались изреченіями Сираха, Секунда и Морольфа, отражались въ фабліо и сюжетахъ захожей восточной сказки, взлелѣяли и свою теоретическую литературу — отъ популярнаго трактата Теофраста [5]), которымъ пользовался дьяконъ Лотарій (Иннокентій III) [6]) и Roman de la Rose, до Валерія [7]), Андрея Капеллана [8]) и Матеола [9]). Этими и подобными статьями, соеди-

1) Corbaccio, стр. 238.

2) Стр. 156.

3) Стр. 185.

4) Сл. выше т. I, стр. 69.

5) Liber aureolus Theophrasti de nuptiis у Іеронима, contra Iovinianum.

6) De contemptu mundi, lib. I, c. 18.

7) Epistola Valerii ad Rufinum de uxore non ducenda.

8) De Amore, l. c. lib. III (De reprobatione amoris). Сл. трактатъ другого Андрея Капеллана: De dissuasione uxorationis (изд. Raina въ Studî di Filologia romanza, fasc. 13, стр. 266 слѣд.).

9) Les Lamentations de Matheolus et le Livre de Leesce de Jehan Le Fèvre, de Besson, ed. van Hamel въ Bibl. de l'École des Hautes Études, fasc. 95, t. I (1892).

ненными въ одинъ томъ, зачитывался Оксфордскій клерикъ у Чосера; читалъ и хохоталъ къ великому смущенію Батской вдовы: примѣровъ о злыхъ женахъ онъ зналъ больше, чѣмъ сказаній о добродѣтельныхъ женахъ Библіи; да развѣ клерикъ можетъ сказать что-либо доброе о женщинахъ, коли не о святыхъ? [1]).

Боккаччьо впадаетъ въ это настроеніе подъ вліяніемъ жизненнаго момента; къ Теофрасту онъ не разъ обратится впослѣдствіи; теперь онъ прислушался къ Ювеналу. Отъ характеристики женской слабости и требованія мужскаго руководства, о чемъ говорится въ иныхъ новеллахъ Декамерона [2]), онъ сразу переходитъ къ завзятому ригористическому взгляду на женщину, какъ неспособную къ добру, какъ на созданіе низшаго разбора [3]); въ свѣтѣ правятъ мужчины: самый презрѣнный изъ нихъ лучше всякой женщины, которую почитаютъ достойнѣйшею [4]). А онъ допустилъ себя унижаться передъ развратной, молодящейся старухой, подбодряетъ себя Боккаччьо; чего искалъ онъ въ ней? Вѣдь не наживы-же, говоритъ онъ [5]), обрушая на себя ненужное подозрѣніе. Однимъ развѣ она выше его, что она дворянка; но тутъ передъ нимъ возставалъ болевой вопросъ, издавна тревожившій его въ его отношеніяхъ къ Фьямметтѣ [6]). Ему больно было его соціальное неравенство; порой онъ утѣшалъ себя увѣреніемъ, что его мать изъ хорошаго рода [7]), онъ пошелъ въ нее, но затѣмъ въ немъ проснулось самосознаніе, гордость, это «intime avénement des gueux qui sont rois» [8]). Не сословный протестъ,

1) Chaucer, Canterbury Tales, The prologue of the wyf of Bathe, v. 6251 слѣд.

2) Сл. выше т. I, стр. 528—9.

3) Corbaccio, стр. 186 слѣд.; 239.

4) Стр. 200.

5) Стр. 240—1.

6) Сл. выше т. I, стр. 13, 118, 167.

7) Сл. выше т. I, стр. 13 и эклогу XII: nec plebis fece creatus.

8) Haraucourt.

какъ у Васа [1]), Рютбёфа [2]) и Jean de Meung, не ученіе о нивеллирующей силѣ любви, какъ у Андрея Капеллана, побудили его теперь открыто поставить вопросъ о благородствѣ, какъ личной доблести, бросивъ перчатку родовой знати. Въ Италіи это рѣшеніе не ново: мы встрѣчаемъ его у Генриха изъ Сеттимелло [3]), Данте, Биндо Боники, Петрарки, Заноби (въ вѣнчальной рѣчи) и др.; у Боккаччьо въ предисловіи къ переводу 4-й декады Ливія [4]), въ Декамеронѣ [5]), позднѣе въ De Claris Mulieribus [6]), въ De Casibus [7]) по поводу Астіага, выдавшаго свою дочь за простаго мѣщанина, дабы въ ихъ сынѣ (Кирѣ) неблагородная кровь отца умѣрила прирожденное отъ матери величіе духа. Точно у насъ души отъ родителей, говоритъ Боккаччьо, Сократъ пошелъ въ отца-мраморщика и мать повитуху, а Еврипидъ и Демосѳенъ вынесли свой паѳосъ и краснорѣчіе изъ материнской утробы [8])? Иной разъ проскользнетъ и старый взглядъ на родовитость, когда напр. выражается недовѣріе, чтобы философски-образованная гетера Леонціумъ вышла изъ плебса, ибо изъ такой грязи рѣдко выдаются великіе таланты, а если и посылаются небомъ, то ихъ блескъ бываетъ омраченъ низменной долей [9]). Въ Корбаччьо [10]) этихъ колебаній не замѣтно: у Боккаччьо нѣтъ фамильныхъ гербовъ, онъ изъ крестьянъ Чертальдо, славной своими луковицами, куда иронически и отсылаетъ его дама [11]), а между тѣмъ, онъ

1) Roman de Rou v. 6027.

2) Dit d'Aristote.

3) De Divers. fortunae, l. II, v. 205 слѣд.

4) Hortis, Studi, стр. 423.

5) IV, 1; VI, 2, 5; X, 10.

6) Гл. 103.

7) II, 17.

8) Сл. еще l. c., l. V, c. 4; IX, 16; Gen. Deor. XIII, 1; XV, 11; письма къ Нелли, къ Пино деи Росси (у Corazzini, стр. 74, 166).

9) De Clar. Mul. гл. 58; сл. 45: о Саффо̀; гл. 50: о Клеліи.

10) Стр. 204—5, 220, 244—246.

11) Corbaccio, стр. 236.

благороднѣе ея [1]): его умъ, его занятія выдвинули его изъ толпы [2]); онъ не кое-кто [3]): не будь его горделивая неподатливость, его superbia [4]), онъ былъ бы своимъ человѣкомъ у людей, которые могли-бы его возвысить [5]). Его слово-сила: онъ самъ можетъ и возвеличить и принизить [6]); у него есть слава, которую онъ обязанъ умножить и лелѣять [7]). Такъ говорилъ Памфило, приготовляя свое общество къ назидательнымъ разсказамъ послѣдняго дня Декамерона: бесѣдуя о дѣлахъ великодушія «и совершая ихъ, вы несомнѣнно воспылаете духомъ.... къ доблестнымъ поступкамъ, и наша жизнь, которая въ смертномъ тѣлѣ можетъ быть лишь кратковременной, продлится въ славной молвѣ о насъ, а этого долженъ не только желать, но всѣми силами добиваться и оправдывать дѣломъ всякій, кто не служитъ лишь своей утробѣ, какъ то дѣлаютъ звѣри» [8]). «Почему не тщимся мы доблестными поступками распространить нашу славу и тѣмъ продолжить наши краткіе дни?» спрашивалъ Боккаччьо въ одномъ сонетѣ; «вотъ, что намъ приноситъ, что сохраняетъ нашу честь, снимая съ насъ пелену годовъ, украшая долголѣтіемъ» [9]). До тѣхъ поръ тому мѣшали женщины и любовь; касталійскія музы, то-есть наука, были забыты, и онѣ гнѣваются; скорѣе же къ нимфамъ, въ тихій лѣсъ, гдѣ онѣ вѣщаютъ о тайнахъ естества и божественной благости, гдѣ поютъ стихи Гомера и Виргилія, быть можетъ, и твои, говоритъ за Боккаччьо его руководитель [10]). Музы не покинутъ, онѣ не женщины.

«Музы — женщины», писалъ Боккаччьо въ защиту первыхъ

1) Стр. 245.
2) Стр. 201.
3) Стр. 240: Part'egli così essere da nulla?
4) Gen. Deor. XV, 13.
5) Corbaccio, стр. 242.
6) Стр. 248—9.
7) Стр. 201.
8) Дек. IX въ концѣ = пер. II, стр. 240.
9) Сон. XXXVI.
10) Corbaccio, стр. 201—3.

трехъ дней Декамерона, и хотя женщины «и не стоятъ того, чего стоятъ музы», тѣмъ не менѣе онѣ «были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного» [1]); Ты мой Аполлонъ, ты моя муза, пѣлъ когда-то Боккаччьо Фьямметтѣ [2]). Теперь фронтъ перемѣнился: музы не женщины, а нѣчто серьозное, цѣломудренное и назидательное, что̀ не всякому доступно и граничитъ съ наукой и философіей [3]). Онѣ требуютъ иного служенія и иной поэзіи; когда я былъ молодъ, я писалъ, что подсказывала мнѣ любовь, звучные стихи шли на встрѣчу той, которая воспламенила мое сердце; съ тѣхъ поръ какъ смерть смежила очи, гдѣ я почерпалъ свою силу, стихи мнѣ опостылѣли; я направилъ стопы вслѣдъ ей, а годы сдѣлали мою риѳму хриплой [4]). Такъ говорилъ Боккаччьо по смерти Фьямметты: нѣтъ еще отрицанія поэзіи любви, нѣтъ только ея мотива; но годы проходили, и вмѣстѣ съ ними литературныя требованія къ себѣ становились строже. «Я надѣялся воззойти на ту и другую вершину Парнаса, отвѣдать касталійскаго источника, украсить голову вѣнкомъ, столь любезнымъ Аполлону; скромный наслѣдникъ старыхъ пѣвцовъ, я предался пѣснямъ, хотя не глубокимъ, но легкимъ и игривымъ. Но суровый, тернистый путь жизни и усталые, сѣдые годы отняли у меня надежду добраться до цѣли, и я бросилъ стихи и риѳмы и утомленныя думы, и теперь ужъ не напишу, какъ писалъ бывало» [5]). Я даромъ потратилъ время и трудъ, всему виною слабость моего дарованія, не способнаго подняться на такую высоту, досказывалъ онъ въ другомъ сонетѣ [6]). Это то-же болѣзненное самосознаніе, которое заставило его сжечь часть своихъ юношескихъ

1) Дек. пер. I, стр. 276.
2) Сл. выше т. I, стр. 117.
3) Corbaccio, стр. 237: studii.
4) Сон. LI.
5) Сон. LXVIII.
6) Сон. LXXIV.

итальянскихъ стихотвореній, когда онъ убѣдился, что ему не сравниться съ лирическими красотами Петрарки.

Итальянскія, то-есть, главнымъ образомъ, любовныя стихотворенія; оставалась строгая латинская поэзія. Она манила его издавна, еще у гробницы Виргилія; ее, очевидно, онъ имѣетъ ввиду, когда оплакиваетъ упадокъ древней доблести, дѣлавшей Италію царицей міра, и касталійскихъ музъ, забытыхъ обществомъ, преданнымъ любостяжанію [1]). Онъ самъ боится потеряться въ немъ и молитъ Феба о помощи, о лаврѣ для своей сѣдѣющей головы [2]). Поэзія—это Саффо̀ XII-й эклоги, обитающая въ лавровой рощѣ, въ сонмѣ девяти музъ, между ними послѣдняя и главная та, которая въ сущности и дѣлаетъ поэзію — поэзіей: Калліопа, благозвучная [3]).

Въ этотъ заповѣдный лѣсъ зашелъ молодой [4]) Аристей-Боккаччьо и срываетъ вѣтки лавра. Что ты дѣлаешь, безумецъ? останавливаетъ его Калліопа; развѣ не знаешь, что эти вѣтви суждены тѣмъ, кто ихъ заслужилъ по праву? [5]). — Вотъ преступленіе! Я сорвалъ всего три небольшихъ, прельщенный ихъ ароматомъ; нимфа-ли ты, или богиня, пойди-ка, потряси тѣ дубы и подбери желуди — я не мѣшаю. — Ты возбуждаешь во мнѣ смѣхъ, сравнивая дубъ съ лавромъ; развѣ не знаешь ты, неразумный, что желуди—пища свиней, лавровый вѣнокъ назначенъ поэтамъ, которыхъ Аполлонъ поставилъ надъ своею рощею и священнымъ источникомъ, надъ Каменами, киѳарами и плектрами.— Такъ я въ священной рощѣ Аполлона, куда такъ стремился! Какъ

1) Сон. VI.

2) Сон. XXVI.

3) Calliopes.... Castalii nemoris custos fontisque Sonori; сл. эклогу XIV (nemoris custos regina canori—Calliopes) и пояснительное письмо Боккаччьо къ Мартину да Синья у Corazzini, стр. 264, 272: Calliopes: bona sonoritas; Gen. Deor. l. XI, c. 2 (optimae vocis); Com. lez. VII, ed. Milanesi v. I, стр. 207 (ottima voce); Benvenuto da Imola къ Purg. I, 7 слѣд.; Petrarcae Eclog. III: regina canori.... prima chori.

4) Puer.

5) Nisi conscia quiris Optatas frondes merito concesserit ante.

увидать мнѣ славный сонмъ поэтовъ, воспѣтый Мопсомъ (Петраркой), и нимфъ, и Саффо̀?—Какое дѣло тебѣ до Саффо̀, тебѣ, мальчишкѣ, свинопасу? — Я пылаю къ ней, я всѣхъ для нея оставилъ и жажду ея объятій; хочу увидать ее, невиданную; зачѣмъ—не спрашивай.—Ты жаждешь объятій Саффо̀! Но это немыслимо; помнится, еще недавно ты чистилъ стойла, готовилъ постилку свиньямъ, грязный и паршивый, а теперь полюбилъ Саффо̀! Ужь не ожидаетъ-ли тебя Паллада?—То была не Паллада, а Аргусъ (= король Робертъ); но почему-бы не любить мнѣ Саффо̀? Меня долгое время любила Галатея, любила Филлида, но теперь мягкая волна уже покрыла мои ланиты. Мудрый Панъ вручилъ мнѣ свирѣль, научилъ когда-то и пѣснямъ. Я не изъ толпы: моя мать—Кирена, ѳессалійская нимфа, мнѣ имя Аристей, я собираю медъ и желуди древняго аркадійскаго лѣса [1]); казалось-бы, знаю тебя!—Да это ты?; какъ же это я тебя не признала! Ты вѣдь великій Орфей [2]), судья богинь! [3]). Не тебя ли я видѣла прежде, какъ ты пѣлъ на площадяхъ народныя пѣсни [4]), при одобреніи глупой толпы [5])?—Да, это я, сознаюсь, но вѣдь вкусы мѣняются, мальчику нравилась народная пѣсня, ее я оставилъ хромому Вулкану [6]), съ годами явилась и новая любовь.—Давно-ли Баттъ не умѣлъ связать двухъ словъ [7]), а теперь, ставъ Аристеемъ, стремится къ высотамъ Парнаса, охваченный страстью къ ея богинямъ? Чего только не дѣлаетъ Олимпъ? Ты воображаешь себѣ, что это Филлида или Луписка, которыхъ вы яблокомъ подманиваете въ лѣсахъ — но вѣдь то великая богиня,

1) Mella vetusti *Archados* accipio nemoris. Сл. эклогу XIII: Стильбонъ о Дафнисѣ (Боккаччьо): *Archadios* Quanquam dicas habuisse magistros. Поэзія Аркадіи противополагается поэзіи Саффо̀: итальянская—высокой, латинской? Въ Амето противоположеніе Аркадіи и Академіи имѣютъ, очевидно, иной смыслъ. Сл. т. I, стр. 273.

2) Ismarius.

3) Critis es Idae.

4) Vulgare....carmen.

5) Misero plaudente popello.

6) Lemniadi claudo.

7) Nuper dissolvere linguam Vix poterat Bathos.

которую познали немногіе. — Если меонійскій пастырь (Парисъ) видѣлъ супругу громовержца и обнаженныхъ богинь, почему же мнѣ не увидѣть Саффò? — Но какъ узналъ ты о ней? — Вчера Сильванъ (Петрарка) сошелся съ Виргиліемъ (Minciadem) тамъ, гдѣ Сорга, выбившись изъ скалы, бѣжитъ по замкнутой долинѣ [1]). Въ тѣни древняго дуба они пѣли взапуски, а я слушалъ, притаившись въ кустахъ, какъ они вохваляли до небесъ Саффò; восхищенный, я позабылъ Филлиду, и новая любовь обуяла меня; я ищу Саффò — не ты-ли это? И по виду и по рѣчамъ ты богиня. — Нѣтъ, я ей слуга; что бы сказалъ ты, еслибъ увидѣлъ ее! Но много труда предстоитъ тебѣ, слишкомъ высоко ты поставилъ свою любовь!—Но кто-же ты, прелестная?—Меня звать Калліопой, я дщерь Юпитера [2]), стражъ касталійскаго лѣса и священнаго источника.—Помню, такъ пѣли о тебѣ великій Виргилій и великій Сильванъ: ты оглашаешь лѣса, вѣщая высокіе замыслы Саффò. Но гдѣ пребываетъ она?—На высотѣ Низы, у горгонейскаго источника; лавровый вѣнокъ скрываетъ ея свѣтлыя очи, покрывало дѣвственное лицо; немногіе видѣли ея встарь; мы сестры-піэриды у нея въ услуженіи, для нея поетъ Аполлонъ.— Зачѣмъ-же таится она, къ чему чуждается города?—Она сидитъ, погруженная въ думы, и то переносится въ обитель Плутона [3]), къ стонамъ его мрачнаго лѣса, то открываетъ таинства моря; передъ ней проходятъ сонмы дочерей Форка и Напей, веселыя, цвѣтущія долины Елизія, слышится пѣніе птицъ и сіяютъ свѣтила неба. Все видѣнное она обнимаетъ своимъ чудеснымъ плектромъ и хранитъ въ записи подъ зеленой корой дерева. Неужели, думаешь ты, все это допустила бы неразумная толпа, занятая стрижкой ословъ, крикливо загоняющая козлиное стадо? Весной мы безжалостно ступаемъ по цвѣтамъ [4]), которыхъ напрасно

1) Vallis.... clausae: Воклюзъ.
2) Magni Iovis inclita proles.
3) Plutarchi.
4) Chironi flores.

ищетъ потомъ игривая дѣвушка; вотъ почему скрывается Саффò.— Да это такъ: Сократъ принужденъ былъ испить цикуты [1]), побѣдитель пунійскихъ львовъ (Сципіонъ) [2]) осужденъ на изгнаніе. Всему дивятся лишь однажды, святыня теряетъ отъ частаго употребленія. —Къ тому же нашлись люди, которые стали угрожать Саффò, невинной, стараясь запятнать ея чистое чело; говорили, что она лжива, полна блуда, растлѣваетъ нравственность, другіе, осуждавшіе древній котурнъ, указывали на то, что она, какъ мимъ, водится на театрѣ, и полагали, что ее слѣдуетъ изгнать за то, что она воспѣваетъ любовныя похожденія боговъ и подъ вымышленными образами представляетъ дѣянія древнихъ. Изгнать изъ отечества— точно она царитъ въ городахъ! Иные, не понимающіе и не желающіе понять ея печали, зовутъ ее сиреной, жадной до наживы. Вотъ еще что взволновало богиню, вотъ почему она не покидаетъ своихъ вершинъ.—Но кто-же тѣ люди? Можетъ быть, ихъ одолѣло вино, вѣдь здравый человѣкъ не дойдетъ до такого безумства?—Старые люди звали ихъ эриколами (стяжателями) [3]).—Не понимаю я этого: ты говоришь вѣдь не съ Платономъ и не съ Ликургомъ; я простакъ и во многомъ не свѣдущъ.—Это тѣ, что вырываютъ изъ пасти волка похищенныхъ имъ животныхъ, торгуя широковѣщательными словами; тѣ, которые говорятъ о себѣ, что знаютъ толкъ въ болѣзняхъ скота, въ источникахъ и врачебныхъ травахъ, вліяя будто-бы на ходъ природы [4]); тѣ наконецъ, которые самоувѣренно описываютъ обители боговъ, говорятъ, что имъ открыто ихъ провидѣніе [5]), причины, почему напр. молнія падаетъ на лѣсъ, и читаютъ умилостивительныя молитвы [6]). — Но что-же понимаетъ крестьянинъ въ дѣлѣ пастуха? Что между

1) Vidi ego conflantem carmen coeleste Aracyntho—Pastorem celebrem primo, tandemque cicuta—Sublatum.

2) Qui poenos septis contriverat ante leones. Сл. Petr., Ecl. I: et Lybicos sylvis pepulisse leones.

3) Ericolas.

4) Et coeli mutare vices nemorumque fatentur.

5) Sensus.

6) Sacra atque piacula dicunt.

ними общаго? Никому-то Ериннія не позволяетъ удовлетвориться своей судьбой! Но покажи-же мнѣ путь на Парнасъ, какъ легче туда добраться, чтобы послушать Саффò? — Путь заглохъ, заполонили его старые сучьи, камни, замела пыль; тому виною жажда золота; уже многіе возвращались вспять, увидѣвъ, что дорога изрыта ямами.—Это меня не пугаетъ, часто я восходилъ на скалы снѣжнаго Ликея; все превозмогаетъ неослабный трудъ. — Талантъ выше труда [1]): даромъ потрудился желѣзный Арпинатъ [2]), хотя у него было сильное перо и звучный голосъ, но не то было дарованіе, не было поэтическаго огня. Мы родимся съ разными призваніями. Но если тебѣ такъ страстно хочется увидѣть Саффò, послушайся моего совѣта: одинъ лишь Сильванъ недавно воззошелъ къ ней, нѣтъ намъ милѣе его послѣ Виргилія, не милѣе и Луканъ [3]). Ступай къ нему, онъ повѣдаетъ тебѣ, какими путями онъ самъ взобрался на желанныя высоты.— Пойду я къ нему, понесу двухъ поросятъ, быть можетъ, и умолю его подаркомъ.

Для характеристики литературнаго перелома, совершившагося въ Боккаччьо въ связи съ его нравственными колебаніями, XII-я эклога чрезвычайно интересна; сравните ее съ III-й эклогой Петрарки, которой она видимо подражаетъ, и получится характеристика человѣка. Пастухъ Ступей (Петрарка) увидѣлъ на пустынномъ берегу лучезарную Дафне, не поэзію, а символъ поэтической славы; онъ увлеченъ ею, хочетъ съ ней объясниться, она бѣжитъ. Многимъ я нравилась, говоритъ она, нравилась и златовласому Фебу, ты кто-такой?—Самъ я знаю, отвѣчаетъ поэтъ, что желающему жить въ мирѣ не слѣдуетъ сближаться съ тѣми, кто выше его и кто ему ровня, а искать вѣрной дружбы въ сердцѣ меньшаго: тамъ лишь онъ обрѣтетъ и неослабную снисхо-

1) Vicit et ingenium vires.

2) Цицеронъ; сл. Petr. Fam. IV, 15; XXIV, 4, 12; Rer. Mem. l. I, стр. 396—7.

3) Non pastor Opheltes—Aonii pecoris stragem qui carmine pinxit.

дительность и скромныя обоюдныя ласки и милую боязливость [1]). Все это я зналъ, но любовь, побѣждавшая боговъ, побѣдила и меня.—Какая-же надежда питаетъ тебя? спрашиваетъ Дафне.—Сколько безсонныхъ ночей провелъ я въ теченіи пятнадцати лѣтъ, сколько вздоховъ подавилъ въ сердцѣ, покоренномъ любовью — объ этомъ лучше бы умолчать. Я пытался прибѣгнуть къ искусству музыки [2]), въ надеждѣ, что звукамъ и Каменамъ ты болѣе доступна, чѣмъ блеску золота, но мои пѣсни казались мнѣ самому неблагозвучными, хотя я слышалъ, какъ расхваливали ихъ Фавны и дріады [3]); часто козы, переставъ глодать вѣтки, уставлялись на меня, изумленныя, пчелы забывали ракитникъ, умолкали цикады. Я радовался, но увѣренность явилась лишь когда къ пѣснямъ меня побудилъ Аргусъ (король Робертъ). — У него одного было право повелѣть, ибо онъ одинъ разумѣлъ это, говоритъ Дафне; но скажи-же, каковы твои новыя начинанія [4]).—Ты мой покой, моя забота и наслажденіе, твердитъ ей поэтъ, ты моя единственная властительница; тебя любитъ Юпитеръ, любилъ Аполлонъ, теперь къ тебѣ пылаетъ бѣдный пастухъ; если ты одобришь его пѣсни, онъ будетъ богачемъ [5]).—И онъ разсказываетъ ей о своей встрѣчѣ съ сонмомъ музъ, какъ одна изъ нихъ [6]) ободрила его, подала ему вѣтку лавра: пойди къ Дафне, она смилуется.—Она смягчилась, ведетъ его на свой холмъ, разсказываетъ о его былой славѣ, о поэтахъ, которые здѣсь вѣнчались лавромъ, о Виргиліи [7]). Подай мнѣ свою вѣтвь; хотя и подъ

1) Eclog. III: Fidum tibi junge minoris Pectus, ubi obsequium pernox, humilesque vicissim Blanditiae, dulcisque timor.

2) L. c. Studui si musica forte Ars mihi ferret opem.

3) Сл. Eclog. I; Vox mea non ideo grata est mihi, carmina quanquam — Laudibus interdum tollant ad sidera Nymphae.

4) Eclog. III: Ille fuit qui talia posset Iure jubere suo, nosset qui talia solus. Сл. Ecl. X: celsos poteram nec prendere ramos — Ni sublatum humeris tenuisset maximus Argus.

5) Сл. Ecl. X: Laurea cognomen tribuit mihi, laurea famam, Laurea divitias, fueram qui pauper in arvis, Dives eram in sylvis.

6) Eclog. III: Regina canori.... prima chori: Калліопа; сл. выше стр. 52, прим. 3.

7) L. c. Parthenias.

другимъ созвѣздіемъ, я сплету и для тебя вѣнокъ изъ того-же лавра. Покинь всѣ другія заботы и будь моимъ. — Мои бдѣнія увѣнчались успѣхомъ, кончаетъ поэтъ, сладко теперь вспомнить о былыхъ трудахъ.

Спокойная самоувѣренность Петрарки ярко оттѣняетъ боязливую скромность Боккаччьевской эклоги. Оба начали съ легкой итальянской лирики, но одной заслушивались фавны и дріады, другой ея стыдится, какъ грѣха юности, какъ площадной поэзіи, забывъ о вѣнкѣ, который сулили ему музы Тезеиды [1]). Тамъ и здѣсь упоминаніе короля Роберта, но какая разница въ освѣщеніи! Одинъ торжественно проходилъ въ царство не только поэзіи, но и славы, другой только стремится къ ней, робко и страстно, чувствуя свою слабость, готовый работать и учиться у Петрарки и Виргилія, а Саффо толкуетъ ему, что дарованіе выше труда, какъ и Петрарка говорилъ въ своей вѣнчальной рѣчи, что поэты родятся [2]) и смѣшны тѣ, которые даромъ потратили на это всю жизнь. — Это не остановитъ рвенія Боккаччьо; поэзія представляется ему какимъ-то волшебнымъ царствомъ, полномъ глубокихъ поученій, обнимающихъ тайны всего сущаго [3]); практики жизни ее не понимаютъ, юристы, врачи, богословы преслѣдуютъ ее, какъ вредную: это тѣ, которые въ XII-й эклогѣ являются подъ именемъ ericolae [4]). Люди наживы не видятъ въ ней никакой пользы: на эту тему спорятъ въ XIII-й эклогѣ Стильбонъ, какой-то генуэзскій купецъ, съ Дафнисомъ-Боккаччьо [5]). Слѣпая

1) XII, 84 слѣд.; сл. выше т. I, стр. 312, 340—1.

2) Natura ipsa valere; то-же въ Contra med. Inv. I, стр. 1091.

3) Корбаччьо; сл. выше стр. 28.

4) Сл. выше стр. 55.

5) Сл. выше т. I, стр. 15 и письмо къ Мартину da Signa у Corazzini, стр. 265. Hortis Studi, стр. 55, относитъ эклогу къ 1365 г., когда Боккаччьо былъ въ Генуѣ. Слѣдующіе стихи содержатъ еще нѣсколько хронологическихъ указаній, впрочемъ не ясныхъ:

Romuleus nuper Cilices dispersit Amyntas,
Montanos faciens solitos innare carinis,
Sic Ligurum veniet qui calcet colla superbus
Anguis, et eripiat male pastas undique capras.

любовь заставляетъ васъ слѣдовать музамъ, которыхъ по внушенію Діоны (Венеры) вы предпочитаете другимъ богамъ, говоритъ Стильбонъ; но съ этимъ всегда соединяется худшее изъ золъ — бѣдность. — Богатство непостоянно, отвѣчаетъ Дафнисъ, мы довольствуемся немногимъ и счастливы тѣмъ, что вѣнчаемся лавромъ. Стильбонъ поетъ хвалы Хризеидѣ-богатству, Дафнисъ Саффò — поэзіи; тотъ говоритъ о торговыхъ предпріятіяхъ на корабляхъ, покоряющихъ волны, о мѣнѣ товаровъ между отдаленными частями свѣта, о желаніяхъ, удовлетворяемыхъ золотомъ; Дафнисъ о власти пѣсенъ надъ морскими богами, о мудрости Паллады, вѣщающей тайны религіи и міроваго устроенія; о звонкой пѣснѣ поэтовъ, доносящей до калабрійца вѣсти о невѣданныхъ имъ индахъ и вызывающей въ памяти живущихъ тѣни Орка.—XII-я эклога подчеркиваетъ особо этотъ элементъ воображенія [1]): Саффò сидитъ, погруженная въ думы, а ей видится и обитель Плутона и поля Елизія и сіяніе неба. Поэзія — это отраженіе жизни, схваченной въ ея сущности, далекой отъ суэты и разсчета и вожделѣній, разцвѣченная фантазіей. Это-ли не дѣло, не удовлетвореніе! Теоретическое обоснованіе этого взгляда явится въ жизнеописаніи Данте, въ Генеалогіяхъ Боговъ, въ комментаріяхъ на Божественную Комедію; тамъ мы встрѣтимъ и средневѣковую теорію аллегоріи, знакомую и Муссато и Данте съ Петраркой. «Вымышленные образы» [2]) XII-й эклоги не разумѣютъ ничего другого; собраніе эклогъ Боккаччьо даетъ о ней понятіе, вмѣстѣ съ тѣмъ это и образчикъ его строгой манеры [3]).

Змѣя указываетъ на гербъ Висконти; Джьованни Висконти владѣлъ Генуей съ 1353 по 1356 годъ.

1) Сл. выше т. I, стр. 166.

2) Facie picta.

3) Кромѣ эклогъ, латинскихъ стихотвореній Боккаччьо дошло до насъ не много. О его посланіи къ Чекко да Милето сказано было выше (т. I, стр. 376); о его панегерикѣ Данте, о Versus pro Affrica Petrarchae и отвѣтномъ посланіи къ Заноби рѣчь впереди. Hortis (Studi, стр. 309 и 350—1) приписываетъ ему небольшую пьесу (Carmina domini Johannis), помѣщенную въ одной сіэнской рукописи вслѣдъ за письмомъ Боккаччьо къ Niccolò da Montefalcone.

Онѣ написаны были въ разное время; однѣ относятся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ, другія къ началу 60-хъ. Уже на старости лѣтъ Боккаччьо посвятилъ ихъ грамматику Донату дельи Альбанцани, который просилъ его о томъ[1]). Альбанцани[2]) былъ значительно моложе Петрарки и Боккаччьо, преданный и любящій ихъ поклонникъ; они отвѣчали ему выраженіями дружбы: Петрарка посвятилъ ему свое разсужденіе: «De sui ipsius et aliorum ignorantia», сообщалъ поправки къ своимъ эклогамъ[3]), и Альбанцани комментируетъ ихъ, переводитъ жизнеописанія великихъ людей Петрарки и De Claris mulieribus Боккаччьо. Послѣдній познакомился съ нимъ въ Равеннѣ, вѣроятно, въ 1350-мъ году, при дворѣ Бернардина да Полента, сына извѣстнаго намъ Остаджіо[4]). Помнится мнѣ, говоритъ Аппенигена (=Донатъ) XVI-й эклоги, видѣлъ я старика (Боккаччьо), когда онъ жилъ въ пещерѣ у равеннскаго циклопа, какъ порой, уставъ отъ обычныхъ трудовъ, онъ гулялъ по болотистымъ лѣсамъ. Позднѣе они видѣлись въ Венеціи. XVI-я эклога служитъ какъ бы напутствіемъ остальнымъ: старый, бѣдный пастухъ Церретій (Бок-

Въ сборникѣ (Laur. XXIX, 8), принадлежавшемъ поэту, откуда извлечено его стихотвореніе къ Чекко, сохранились (безъ имени автора) Verba puelle sepulte ad transeuntem: сѣтуетъ дѣвушка-красавица, умершая безвременно, когда она уже открылась любви, и она проситъ читателя умолить любившаго ее юношу, чтобы онъ не проливалъ по ней слезъ: тогда она безъ печали вступитъ въ обитель блаженныхъ.— Слѣдуюшія за тѣмъ Verba transeuntis ad puellam sepultam вложены въ уста юноши (сл. Hortis, l. c. стр. 311 слѣд. и 353 слѣд.). Очень вѣроятно, что эти пьесы, отличающіяся странною небрежностью метра, принадлежатъ къ первымъ неаполитанскимъ опытамъ Боккаччьо, къ тѣмъ «калліопейскимъ виршамъ», о которыхъ говорится въ его юношескихъ письмахъ (сл. посланіе къ герцогу Дураццо: prout parvus et exoticus sermo Calliopeo moderamine constitutus.... declarabit inferius; въ письмѣ Cuidam viro militi, въ концѣ: Caliopeus sermo est iste.... Сл. Corazzini, стр. 439, 456). Онѣ не дошли до насъ, какъ и «многія» стихотворныя посланія Боккаччьо, о которыхъ упоминаютъ Филиппо Виллани и Манетти.

1) Gen. Deor. XV, c. 13.

2) Род. послѣ 1330 года. Сл. Hortis Studi, стр. 600.

3) Var. LXV.

4) Сл. выше т. I, стр. 375 и Novati, Donato degli Albanzani alla corte estense, изъ Arch. Stor. it. ser. V, t. VI, 1890 г., стр. 1—2 и прим. 1.

каччьо) посылаетъ Аппенниген̆ѣ пятнадцать больныхъ, хромыхъ овецъ (= пятнадцать эклогъ); на нихъ кости да кожа, и немудрено: имъ нечѣмъ кормиться на пастбищахъ горы Cerretum [2]), гдѣ они щиплютъ богородичную траву, проросшую сквозь допотопныя раковины [1]). Пусть другъ не гнушается малымъ подаркомъ; послать его Сильвану (= Петраркѣ) Церретій не рѣшился: для него онъ слишкомъ незначителенъ. — Раковины Чертальдо не разъ обращали на себя вниманіе Боккаччьо [3]); пятнадцать овецъ-эклогъ напоминаютъ образы дантовской эклоги и отвѣтнаго посланія Giovanni di Virgilio: и тамъ Титиръ (Данте) обѣщаетъ послать Мопсу (Giovanni di Virgilio) десять сосудовъ молока отъ своей любимой коровы (= десять пѣсенъ Рая), а Мопсъ отвѣчаетъ ему такимъ-же символомъ, и такъ же выражаетъ сомнѣніе: приличенъ-ли подобный даръ такому пастырю.

Данте былъ изъ первыхъ, обновившихъ въ Италіи преданіе виргиліевской эклоги; Боккаччьо зналъ его поэтическую корреспонденцію съ Giovanni di Virgilio, потому что упоминаетъ о ней въ своемъ жизнеописаніи Данте и она нашлась въ одномъ изъ принадлежавшихъ ему сборниковъ [4]); между тѣмъ въ посланіи къ Мартину да Синья, въ которомъ онъ поясняетъ скрытый смыслъ своихъ эклогъ, онъ не называетъ Данте въ числѣ предшественниковъ. Первымъ изобрѣтателемъ буколическаго стиля былъ Ѳеокритъ, говоритъ онъ въ началѣ письма, но онъ ничего не таилъ подъ личиною своихъ словъ; Виргилій вложилъ въ нихъ нѣкій иносказательный смыслъ, хотя и не всѣмъ именамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ желалъ придать такое именно значеніе; за Виргиліемъ слѣдовали другіе поэты, не стоющіе вниманія [5]), лишь мой славный учитель Петрарка нѣсколько поднялъ стиль эклоги,

1) Cerretum = Чертальдо, какъ въ Filocolo, сл. выше стр. т. I, стр. 158.

2) Rarumque vetustis — Immixtum conchis serpillum.

3) De Montibus a. v. Elsa fluvius; Gen. Deor. Prooemium: montanis Certaldi cocleis.

4) Ркп. Лауренціаны XXIX, 8.

5) Ignobiles, de quibus nil curandum est.

и всѣ лица носятъ у него знаменательныя имена. Самъ Боккаччьо слѣдовалъ пріему Виргилія [1]). Если онъ не назвалъ Данте, то потому, быть можетъ, что иносказаніе его эклоги была ему не внятно, либо не отвѣчало его требованіямъ аллегоризма. Именно виргиліевская эклога открывала къ тому широкій просторъ. Виргилій внесъ въ свой нѣсколько лощеный пастушескій мірокъ рядъ личныхъ и политическихъ аллюзій; его толкователи, вродѣ Доната, Макробія и Фульгенція, вложили въ него всю ту массу мудрости и вѣщаго знанія, которую они раскрывали въ любимомъ поэтѣ. Средніе вѣка усвоили и усилили этотъ взглядъ: въ виргиліевской буколикѣ вычитывали аллегорію созерцательной жизни. Такая широта толкованія, перенесенная на родъ эклоги вообще, достигалась путемъ насильственныхъ уравненій, дѣлающихъ чтеніе иной, напр. боккаччьевской эклоги, равносильнымъ чтенію гіероглифовъ. Ограниченный инвентарь пастушеской среды плохо отвѣчалъ тому содержанію, которое пытались выразить его средствами: пастухи, разумѣется, пасли стада, влюблялись въ Филлидъ и Галатей, плели вѣнки, жаловались на бѣдность и насиліе, пѣли взапуски; все это понималось иносказательно: подъ лѣсомъ напр. разумѣлся городъ, овцы — эклоги, пастухъ, поющій, сидя на холмѣ, своему стаду — это Кола ди Ріенцо, дающій народу благіе законы [2]) или король Робертъ [3]). При такомъ искусственномъ отношеніи формы къ содержанію впечатлѣніе реальной пастушеской жизни или идиллическое настроеніе могли быть достигнуты либо такимъ оригинальнымъ талантомъ, какъ дантовскій, либо достигались случайно и эпизодически. Поэзія умолкала передъ главною задачей: выразить возможно большое содержаніе въ формахъ, недопускавшихъ разнообразія.

Изъ XVI-ти эклогъ Боккаччьо лишь первыя двѣ говорятъ

1) Corazzini, стр. 267—8. Объ эклогахъ Петрарки сл. Gen. Deor. l. XI, 1 и l. XV, c. 6.

2) Petrarca, Ecl. V.

3) Boccaccio, Ecl. V.

о любви, и притомъ несчастной. Въ первой пастухъ Дамонъ спрашиваетъ Тиндара, что̀ побудило его покинуть поля Везувія для безплодной долины Арно? Несчастная судьба, отвѣчаетъ тотъ [1]) и въ свою очередь спрашиваетъ Дамона, почему онъ такъ грустенъ. Галла покинула меня для Памфила, отвѣчаетъ Дамонъ; онъ жаждетъ смерти, но хотѣлъ-бы насладиться лицезрѣніемъ своей милой, когда она станетъ старухой и всѣ ее забросятъ [2]).—Такъ плачется во 2-й эклогѣ Палемонъ, сидя на берегахъ Арно: Пампинея покинула его для Главка, и онъ зоветъ ее, томимый любовью [3]); онъ былъ бы ей спутникомъ на охотѣ, ухаживалъ бы за ней [4]), развлекалъ [5]). Теперь онъ умретъ, и его Тестилисъ всю жизнь будетъ плакать по немъ [6]).

Въ письмѣ къ Мартину да Синья Боккаччьо отказывается объяснить содержаніе двухъ первыхъ эклогъ: не стоитъ, онѣ говорятъ о моихъ юношескихъ увлеченіяхъ [7]). Мотивы могли быть подсказаны воспоминаніями, вспомнились Неаполь и Пампинея, но на встрѣчу явились VIII и X эклоги Виргилія, цѣлый рядъ образовъ и выраженій изъ другихъ виргиліевскихъ эклогъ— и обѣ пьесы Боккаччьо очутились центономъ. — Эклоги III — VI касаются отношеній поэта къ анжуйцамъ: Роберту, Андрею

1) durae de me voluere sorores.
Hinc igitur tauros curo deducere silvis
Alcesti, sic atra jubet voluitque cupido.

Если и здѣсь, какъ въ V и VI эклогахъ (сл. выше т. I, стр. 384—5), подъ Альцестомъ разумѣется Людовикъ Тарентскій, мы получили бы въ указанныхъ стихахъ хронологическое указаніе. Hortis (Studi, стр. 2) нашелъ его въ имени Эгона (= Giovanni Visconti) и относитъ эклогу къ 1351 году.

2) Fac cernere possim — Quos pectit croceos crines per tempora canos и т. д. Сл. сон. LXXXII и выше т. I, стр. 184—5.

3) Stant ducibus pecudes, tauro dilecta juvenca, Turtur in arboribus socium, sociamque columba Turribus inseqnitur. Сл. Ninf. Fiesol. III, 25 слѣд.

4) O tibi quot flores, violas, quotque rubentes Narcissos ferrem? и т. д. Сл. Ameto, стр. 21 и выше т. I, стр. 270—1.

5) Inde graves animi didici depellere curas Fabellisque novis, demum prohibere latratus Voce canum et culices facie removere flabello.

6) Тестилисъ загадочна, какъ въ III-й эклогѣ. Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд.

7) Fere juveniles lascivias in cortice pandunt, Corazzini, стр. 268.

и Джьованнѣ, Людовику Тарентскому [1]), VII и IX притязаній имперской власти на самостоятельность Флоренціи; VIII и X—выражаютъ настроеніе Боккаччьо, когда не сбылись его надежды устроиться подъ сѣнью Аччьяйоли; XII и XIII — поднимаютъ общіе вопросы поэзіи—и жизненной практики [2]), XV—разскрываетъ противорѣчія земныхъ страстей и добродѣтелей, ведущихъ къ небу. Въ XI эклогѣ (Pantheon), напоминающей мотивы виргиліевскихъ VI и IV, Главкъ—ап. Петръ воспѣваетъ, по просьбѣ Миртилисъ — церкви, ея судьбы отъ міроданія до послѣдняго явленія Кодра-Христа, когда земля погибнетъ въ пламени. Съ дѣланнымъ аллегоризмомъ этой эклоги [3]) стоитъ въ контрастѣ XIV, можетъ быть, лучшая изъ всего собранія. И въ ней христіанское содержаніе борется съ иносказаніемъ и образами буколики, но въ вводной сценѣ есть реалистическія черты и искренній тонъ въ просыпающемся чувствѣ отца. Не спится печальному Сильвію (Боккаччьо) ночью: кажется ему, что развеселились боги, лѣсъ наполнился птичьимъ кликомъ, песъ Ликосъ какъ-то ласково ворчитъ и дружелюбно машетъ хвостомъ. Что это онъ видитъ? Подите, слуги, посмотрите; уже настало утро. — Вставай, старикъ, докладываетъ ему Терапонъ, весь лѣсъ горитъ, пламя побѣдило мракъ ночи! Сильвій спѣшитъ и дается диву: еще ночь, сіяютъ звѣзды, а въ лѣсу свѣтло, и деревья не тронуты пламенемъ. Какой-то чудесный ароматъ разлитъ повсюду, слышно пѣніе; должно быть, боги спустились на землю, святятъ поля [4]). «Здравствуй моя отрада [5]), отецъ мой! Не бойся, я твоя дочь», говоритъ ему, спустившись съ высоты Елизія, Олимпія (= Віоланта), я пришла осушить твои слезы. — О мое утѣшеніе, моя единственная надежда! Смерть унесла тебя, когда я уѣхалъ на раздольныя пастбища Везувія, и я искалъ тебя, печальный, по

1) Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд., 383 слѣд

2) Сл. выше стр. 52 слѣд., 58—9.

3) Сл. выше т. I, стр. 255—6.

4) Pascua signant. Сл. Ameto, стр. 10 и выше т. I, стр. 267.

5) Decus nostrum.

горамъ и доламъ. Гдѣ ты была? Какъ ты выросла! Кто это съ тобой?—Неужели не узнаешь ты своихъ Марія и Юлія и милыхъ моихъ сестеръ? Вѣдь мы — твои дѣти! — Сильвій бросается къ нимъ, обнимаетъ, хочетъ, чтобы всѣ въ домѣ веселились и пѣли.— Если у тебя такая охота веселиться и пѣть, то у насъ есть свои пѣсни, незнакомыя здѣшнимъ лѣсамъ.—И Олимпія поетъ гимнъ въ похвалу Христу и Богородицѣ, первый стихъ котораго повторяется потомъ какъ припѣвъ: Мы живемъ вѣчно заслугами и божественной силой Кодра! [1]).—Что за мелодія, дивится Сильвій, что за пѣсни! такой не пѣвала ни Калліопа, ни Титиръ (Виргилій), ни Мопсъ (Гомеръ). Онъ хочетъ одарить пѣвцовъ; пусть твои дары останутся при тебѣ, говоритъ Олимпія: я ужъ не та, какой ты зналъ меня маленькой (parvula), и ничто смертное не проникаетъ въ обитель, гдѣ я обрѣтаюсь. И по просьбѣ отца она описываетъ ему христіанскій Елизій на дальнемъ востокѣ, гдѣ на вершинѣ горы высится благоуханный лѣсъ; тамъ дивные цвѣты, серебряные источники, яблоки и птицы и звѣри—все золотое, золотое солнце и серебристая луна; тамъ вѣчная весна и вѣчный день, нѣтъ печали и смерти, тамъ исполненіе всякаго желанія. Всѣмъ правитъ великій Архезилай, его образъ неизреченный; на его лонѣ покоится бѣлый агнецъ, намъ въ благодатную пищу и во спасеніе; отъ обоихъ исходитъ пламя, утѣшающее печальныхъ, просвѣщающее умственныя очи, подающее совѣтъ и силы бѣдствующимъ, вселяющее любовь. Кругомъ вѣчные сонмы сатировъ (святыхъ), облеченныхъ въ пурпуровыя, бѣлыя, желтыя одежды, они славословятъ агнца; между ними я видѣла Азилу (Asylas).— Развѣ нашъ Азила сподобился взойти на гору? онъ былъ такой благодушный, образецъ старинной вѣрности. Узналъ онъ тебя?— Узналъ и обнялъ, и поцѣловавъ въ лобъ, спросилъ: Ты-ли это, дорогая дочь нашего Сильвія? И онъ повелъ меня и заставилъ преклонить колѣна передъ Дѣвой (Parthenos), которая пріобщила меня къ своимъ ликамъ.—И Олимпія объясняетъ, по просьбѣ отца,

1) Vivimus aeternum meritis et numine Codri, т. е. Христа.

что такое Партеносъ [1]), возсѣдающая одесную Сына, окруженнаго стаями бѣлыхъ лебедей (ангеловъ).—Кто дастъ мнѣ крылья Дедала, чтобы взлетѣть туда! восклицаетъ Сильвій. — Питай голоднаго брата, напой молокомъ усталаго, помогай заключеннымъ, прикрой нагого, подними павшаго—вотъ что дастъ тебѣ орлиныя крылья, говоритъ Олимпія, исчезая въ воздухѣ.—Сильвій опечаленъ, грустная будетъ у него старость—и мы внезапно возвращаемся къ стилю эклоги, о которой забыли: «Выгоняйте, молодцы, телятъ въ поле, уже встаетъ солнце!».

Эклоги Боккаччьо невольно вызываютъ сравненіе съ буколикой Петрарки, которую онѣ имѣли ввиду. Сравненіе не можетъ касаться эстетической оцѣнки, ибо къ ней нѣтъ повода. Дѣло идетъ объ искусственномъ родѣ, исключавшемъ поэзію; можно сказать, что Петрарка движется въ немъ ровнѣе и спокойнѣе, онъ большій художникъ латинскаго стиха, но я не сказалъ-бы, чтобы онъ явился бо̀льшимъ поэтомъ. Ему удаются лирическія мѣста, лирическія положенія, вродѣ знаменитаго въ VIII эклогѣ, гдѣ съ вершины Альповъ Амиклъ открываетъ панораму Италіи и въ самомъ себѣ — любовь къ далекой родинѣ. Боккаччьо, по натурѣ, эпикъ, оттого ему удалась бытовая картина въ началѣ XIV эклоги, но въ общемъ условія жанра должны были связывать его реализмъ; онъ грузенъ и менѣе владѣетъ формой. Ему не уйти за Сильваномъ; Саффо была права: талантъ выше труда, говорила она, а онъ все хочетъ превозмочь трудомъ. Его программа того требовала: онъ обратится къ наукѣ; когда-то она питала его поэзію любви, «неупорядоченнаго желанія», теперь онъ будетъ искать въ ней упорядоченнаго міросозерцанія и въ немъ обрѣтетъ основы новой, возвышенной поэзіи. Но поэзіи не вышло, потому что не получилось цѣльнаго міросозерцанія; въ въ погонѣ за нимъ Боккаччьо перестаетъ быть поэтомъ, чтобы очутиться эрудитомъ — гуманистомъ.

Такъ совершилось «обращеніе» Боккаччьо, задолго до того

1) Alma Jovis genetrix haec est et filia nati.

времени, когда въ 1361 году вѣщанія монаха фанатика навели на него суевѣрный страхъ за свою душу. Это былъ лишь случайный моментъ въ развитіи, главныя стадіи котораго уже были пройдены; Боккаччьо привели къ нему годы и эротическіе недочеты и окрѣпшее сознаніе своей жизненной задачи. Тогда ему представилось, какіе уроки могутъ извлечь изъ его Декамерона, и онъ задумался. Такъ неудача Федры и дѣло маркизы de Brinvilliers раскрыли Расину глаза на гибельныя слѣдствія тѣхъ страстей, которыя такъ очаровывали въ поэзіи его трагедій — и онъ оставилъ на время поэзію и ударился въ религіозность. Боккаччьо ушелъ въ науку.

VIII.

ПЕТРАРКА, ЭРУДИЦІЯ И ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ЛИЧНАЯ СВОБОДА ИЛИ ОБЕЗПЕЧЕННОСТЬ ПОДЪ ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ПАТРОНАТОМЪ?

I.

Періодъ Корбаччьо и послѣднихъ дней Декамерона особенно важенъ для внутренней біографіи ихъ автора; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволяетъ намъ поставить нѣсколько общихъ вопросовъ о характерѣ того умственнаго движенія, которое мы называемъ гуманистическимъ.

Въ своей біографіи Данте Леонардо Бруни характеризуетъ два рода поэзіи: одна поэзія вдохновенія, наитія, другая, основанная на наукѣ и изученіи, соединяющая разсудочность съ воображеніемъ. Таковой представляется ему поэзія Данте. Въ основѣ ея цѣлая энциклопедія средневѣковаго знанія, церковно-философскаго и того, которое гуманисты отвели себѣ въ собственный удѣлъ; но все это объединено одной идеей, наука смиряется передъ откровеніемъ, и не она одна выводитъ къ свѣту заблудившагося въ лѣсу личныхъ и общественныхъ прегрѣшеній.

Мы не сравниваемъ Божественную Комедію съ пародіей Корбаччьо, но любопытно, какъ поставлены въ послѣдней отношенія науки и религіи: изъ чистилища плотской любви никто не можетъ выйти безъ верховной помощи, говоритъ Боккаччьо посланный свыше руководитель, но онъ же указываетъ ему на «его философію», на его «науку»: онѣ должны были бы научить тебя многому, наставляетъ онъ его и снова отсылаетъ его—къ музамъ.

Синтезъ Божественной Комедіи видимо нарушенъ: свѣтская мысль не растворяется, какъ прежде, въ религіозной, а заявляется рядомъ съ нею. Авторитетъ церкви не нарушенъ: Петрарка ре-

лигіозенъ, Боккаччьо даже суевѣренъ, но развитіе новыхъ общественныхъ формъ, при разрозненности старыхъ, и поднятый интересъ къ личной жизни постепенно выдвигаютъ вопросы, на которые чаще слышатся отвѣты, заимствованные не изъ сферы освященнаго церковью научнаго и этическаго преданія: вопросы личной нравственности и житейской практики. Жизнь ставитъ ихъ, свѣтская литература классиковъ помогаетъ ихъ формулировать; встрѣча опыта и откровеній древности ведетъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ, пускаетъ вь оборотъ массу новыхъ идей, закупающихъ своимъ старымъ классическимъ чеканомъ; критическая мысль крѣпнетъ, не приводя еще къ новому метафизическому синтезу: на это отвѣчала христіянская догма. Оттуда у Петрарки и Боккаччьо и раннихъ гуманистовъ безсознательная раздвоенность: средневѣковой разладъ духа и плоти, неба и «міра», обострился для нихъ по мѣрѣ того, какъ плоть объединялась съ понятіемъ античной красоты [1]), «міръ» становился силой; классики по вкусамъ и инстинктамъ, христіане сердцемъ, они вдумываются въ Цицерона, мечтаютъ съ Платономъ, отождествляютъ Фортуну съ промысломъ, называютъ Христа Кодромъ, но ихъ религіозный синкретизмъ останавливается на полу-пути между поэтической игрой и чаяніемъ, воззрѣнія Цицерона повѣряются ученіями церкви, и въ дѣлахъ вѣры простецъ-христіанинъ знаетъ больше Марка Туллія [2]). У этихъ людей нечего искать какой-либо ясной философской системы; что ихъ интересуетъ — это вопросы этики, психологіи, политики: о доблести и благородствѣ, о фатумѣ и свободѣ, о задачахъ поэзіи и лучшей формѣ правленія. Въ этой области анализъ могъ идти далеко, видимо не вызывая догматическихъ противорѣчій и, вмѣстѣ, обостряя личный критерій — при упадкѣ общественнаго, традиціоннаго. Обновляется античный культъ дружбы, свободно и разумно выбирающій сочувствія, тогда какъ семья связываетъ свободу, а въ любви плот-

1) Statius, Theb. VI, 571—2: membrorum.... laetitia.

2) Petrarca, De sui ipsius et aliorum ignorantia, стр. 1054.

ская страсть заглушаетъ человѣчность. Въ нареканіяхъ противъ женщинъ и брака у Петрарки и Боккаччьо, у веронскаго гуманиста XIV—V вв. маэстро Марцагайа[1]) и еще у Л. Б. Альберти сказывается не столько старческій поворотъ къ мизогиническому настроенію средневѣковыхъ ригористовъ, сколько болѣзненный культъ ушедшей въ себя индивидуальности, самодовольно повторявшей за Гораціемъ: Nil ait esse prius, melius nil Caelibe vita; храбрый ты человѣкъ (cordatissimum), пишетъ Заноби какому-то анониму, что, женившись въ молодыхъ лѣтахъ, надѣешься, что тебя хватитъ и на науку и на жену [2]). Гуманистъ ищетъ уединенія, любитъ безмолвныя красоты природы — не для общенія съ небомъ, какъ у подвижниковъ христіанства, нерѣдко почерпавшихъ въ этомъ искусѣ новыя силы для служенія обществу, любовь къ людямъ ради неба. Гуманисты не альтруистичны: въ природу они проэктируютъ самихъ себя, вынося изъ уединенія обостренное сознаніе своего «я», своего нравственнаго и умственнаго преуспѣянія, своего благородства, не унаслѣдованнаго, а пріобрѣтеннаго подвигомъ мысли. Объ этомъ они громко заявляютъ, Петрарка и Боккаччьо откровенничаютъ своими признаніями, какъ позже Руссо; безродный Боккаччьо и учитель Сентъ-Прё любятъ женщинъ выше себя по положенію, права любви поддерживаются въ нихъ преимуществами духовнаго развитія, выдвинувшими ихъ изъ толпы.

Это открываетъ намъ другую, темную сторону вопроса. Какъ и въ эпоху Августа, «odi profanum vulgus et arceo» стало теперь лозунгомъ эгоистической интеллигенціи: она по призванію аристократична, не смотря на частыя восхваленія народной свободы, высокомѣрно гадлива къ толпѣ. Въ сущности равнодушная къ вопросамъ политики, она невольно тянетъ къ той другой формѣ индивидуализма, которая выразилась въ культурной тиранніи, но въ этой связи гуманистъ лишь рѣдко находилъ

1) Сл. Cipolla, Antiche cronache Veronesi стр. XVII и 277 слѣд.

2) Ciampi, Monumenti di un Manoscritto autografo e lettere inedite di messer Giovanni Boccaccio (Milano, 1830), стр. 101.

обезпеченіе личной свободы: приходилось поступаться человѣческимъ достоинствомъ, и самосознаніе гражданина невольно блѣднѣло передъ культомъ личной славы,

Senza la qual chi sua vita consuma
Cotal vestigio in terra di se lascia
Qual fummo in aere od in acqua la schiuma [1]).

Она вдохновляетъ вѣнчальныя рѣчи Петрарка и Занѳби да Страда, ею грезитъ Боккаччьо; лавръ окруженъ новымъ культомъ, это живой символъ, въ которомъ у Петрарки растворяется и любовь. Вѣнчаніе литературныхъ произведеній (какъ было съ Ars dictandi Буонкомпаньо) и поэтовъ становится модой: въ 1215 году Муссато удостоился за свою Eccerinis лавроваго вѣнка и поднесенія козлиной шкуры — символа трагедіи; Петрарка увѣнчанъ на Капитоліи; Карлъ IV вѣнчаетъ Заноби да Страда — и всемилостивѣйше присвоиваетъ потѣшнику Дольчибене титулъ «короля итальянскихъ буффоновъ и гистріоновъ». «Великіе люди» на очереди, о нихъ пишутъ Петрарка, Боккаччьо, Гульельмо Пастренго, Филиппо Виллани, Доменико Бандино. Это вліяетъ на исторіографію — едва-ли въ смыслѣ прогресса: вмѣсто внѣшней хронологической связи лѣтописнаго разсказа съ его провиденціальнымъ прагматизмомъ — является рядъ казовыхъ біографій, прагматизмъ выражается въ морализаціи, въ разсужденіяхъ о формѣ и славѣ; личный этическій критерій переносится и на исторію: народы падаютъ, когда развиваются роскошь, гордыня и зависть, говоритъ Петрарка въ письмѣ къ генуэзскому дому; такова точка зрѣнія и учительныхъ трудовъ Боккаччьо. — Слава возбуждаетъ восторги, соревнованіе, реторическія похвалы и рѣзкія проявленія самолюбія и ложной скромности, среди постоянныхъ жалобъ на зависть и наивныхъ заявленій, что слава, безсмертіе въ рукахъ поэта, который можетъ ихъ дать.

Дружба, слава, зависть — вотъ общія мѣста гуманистиче-

1) Inf. XXIV, 49.

скихъ размышленій; особенно Фортуна. Ея всѣ ищутъ, жажда знанія принимается нерѣдко за сознаніе необъятныхъ силъ, а это создавало новыя права на жизнь, требовало новыхъ путей и новаго выраженія. Оттуда безпокойное исканіе, жажда передвиженій, напр. у Петрарки; молодой равеннецъ, ученикъ Донато дельи Альбанцани, поступаетъ въ 1360-мъ году къ Петраркѣ, приводитъ въ порядокъ его Familiares, за что безуспѣшно брались другіе; служитъ ему переписчикомъ и учится; серьезный, какъ старикъ, необычайно талантливый, съ громадной памятью, онъ въ одиннадцать дней усвоилъ Буколику своего наставника и самъ успѣшно подражаетъ классикамъ. Петрарка въ восторгѣ, пророчитъ ему блестящую будущность, а ученика уже тяготитъ его скромная доля: у него еще не отросли крылья, а онъ мечтаетъ о Римѣ и Неаполѣ, о Калабріи и Константинополѣ, гдѣ онъ научится греческому языку; объ Авиньонѣ. Дважды покидаетъ онъ Петрарку въ поискахъ за счастьемъ и теряется изъ виду на столько, что мы до сихъ поръ не въ состояніи отождествить его съ кѣмъ-либо изъ гуманистовъ наростающаго поколѣнія [1]). — Для иныхъ исканіе кончалось если не искательствомъ, то тихой пристанью хотя-бы въ хлѣбной должности секретаря папской куріи; и тамъ явился спросъ на гуманистовъ, классиковъ новаго пошиба.

Особое увлеченіе матерьяломъ классическаго знанія совпало для Италіи съ той исторической чередой, когда разложеніе старыхъ системъ, папства и имперіи, вызвало повсюду сознаніе націонализма, политическаго и культурнаго. Въ Италіи политическое единство не удалось, но чѣмъ рѣзче била въ глаза неурядица общественнаго строя, тѣмъ яснѣе выступало сознаніе культурнаго единства съ старымъ Римомъ, какъ народнымъ прошлымъ, которое понимается и живѣе и цѣльнѣе, потому что мысль освободилась отъ наивнаго синкретизма средневѣковаго съ античнымъ, а эрудиція заглядываетъ во всѣ уголки древности, проникается ея

1) Fam. XXIII, 19; сл. Fracassetti, Lettere, v. V, стр. 91 слѣд.; De Nolhac, l. c. стр. 100—2, 348.

*

міровоззрѣніемъ, интересуется ея бытомъ и искусствомъ, и не одними лишь легендами, но и реальными памятниками Рима [1]). Для знатока исторіи Италія выше того, чѣмъ представляетъ ее себѣ современное поколѣніе, говоритъ въ своей вѣнчальной рѣчи Заноби да Страда; подъ исторіей разумѣется, очевидно, римская, ибо что̀ такое исторія, если не слава, хвала Рима? [2]). Въ его славномъ прошломъ, гдѣ золотой вѣкъ имперіи уживался съ доблестями республики, культурному человѣку жилось привольнѣе, и онъ охотно уходилъ туда воображеніемъ; это пріучало его въ древности искать идеаловъ, которыми измѣрялась современность, чутье дѣйствительности слабѣло передъ героизмомъ Сципіоновъ и на почвѣ практическаго индифферентизма возникали теоретическія обобщенія, наука политики, результатъ не столько опыта, сколько классическихъ чтеній. Оттуда безпочвенность иныхъ политическихъ взглядовъ; оттуда частыя заявленія Петрарки о римлянахъ, какъ «предкахъ», и его стыдъ повѣдать Цицерону объ упадкѣ современной Италіи [3]); оттуда сознательное предпочтеніе латинской рѣчи итальянской, и элегическое чувство антика, и огульное осужденіе своихъ же среднихъ вѣковъ, какъ вѣковъ насилія и крови, когда люди забыли — поэзію [4]).

Поэзія — это показатель вообще умственнаго, идеальнаго содержанія классической древности; ея откровеніе—человѣчность, гуманизмъ; чѣмъ выше она цѣнится, тѣмъ презрительнѣе отношеніе къ хлѣбнымъ, неидейнымъ занятіямъ, какъ у романтиковъ, къ mechanicae artes, имѣющихъ ввиду одно лишь тѣло, тогда какъ свободныя искусства питаютъ душу [5]). Буржуа ненавидятъ литературу (Флоберъ): это эриколы, стяжатели Боккаччьо; церковные люди видятъ въ поэзіи одинъ соблазнъ — и гуманисты гурьбой возстаютъ на ея защиту. Практикѣ жизни они противополагаютъ

1) Петрарка, Ріэнци, Фаціо дельи Уберти, Каваллино деи Черрони и др.

2) Petrarca, Apologia contra cujusdam anonymi Galli calumnias, стр. 1076.

3) Fam. XXIV, 4, и passim.

4) Письмо Боккаччьо къ Якову dei Pizzinghe у Corazzini, стр. 193—4.

5) Petrarca, Contra med. Inv. I, стр. 1089, 1109.

удаленіе отъ дѣлъ, потому что поэзія — то-же дѣло, серьезная задача жизни, въ ней вычитываютъ небывалый, таинственный смыслъ, чтобы поставить ее въ уровень съ своими внутренними требованіями. Здѣсь гуманисты двоятся: они ищутъ въ поэзіи иносказанія (то-есть, чего-то существенно- не поэтическаго), и вмѣстѣ съ тѣмъ ея античные образцы воспитываютъ въ нихъ новый художественный критерій, чуткость къ изяществу линій и психологическаго анализа, и они вторятъ ея образамъ и выраженіямъ, нерѣдко и мишурному блеску фразы. Аллегористы стараго, средневѣковаго пошиба, античноюные своимъ восторженнымъ реторизмомъ, они воображаютъ себя латинскими поэтами, но поэзія, о какой они мечтаютъ, требуетъ успокоеннаго жизненнаго синтеза, хотя бы архаическаго, какъ у Данте. Вотъ почему такъ бѣдна ихъ латинская Саффо̀; сонеты Петрарки, Декамеронъ Боккаччьо многимъ обязаны ихъ классическимъ чтеніямъ, но вдохновеніе этихъ произведеній стоитъ внѣ той обострившейся гуманистической программы, которая побуждала Петрарку рисоваться пренебреженіемъ къ своей итальянской музѣ, а старика Боккаччьо [1]) видѣть въ Петраркѣ-латинистѣ возстановителя истинной поэзіи. Она заглохла въ Италіи со времени великихъ классиковъ, говоритъ онъ, въ средніе вѣка ея искра таилась въ нѣсколькихъ ничтожныхъ латинскихъ поэтахъ (изъ которыхъ не всѣ принадлежатъ Италіи): Катонѣ (вѣроятно, Діонисіи, авторѣ Dictamina), Просперѣ (аквитанскомъ), Памфилѣ [2]) и Арригетто (да Сеттимелло, авторѣ De Diversitate Fortunae). Боккаччьо забылъ—всю итальянскую поэзію до Данте: Данте будто-бы первый отважился вкусить отъ медоточивыхъ струй, забытыхъ въ теченіи вѣковъ, хотя шелъ онъ и не путемъ древнихъ, а необычной околицей; снова побудилъ онъ дремотствовавшихъ музъ и Феба къ пѣснямъ на родномъ языкѣ [3]), не плебейскомъ и простонародномъ, какъ пола-

1) Въ томъ же письмѣ къ Якову dei Pizzinghe, l. c. стр. 194 слѣд.

2) Сл. выше, т. I, стр. 117 слѣд.

3) Maternum.... cantum.

гали иные, ибо онъ искусно[1]) углубилъ смыслъ его реченій[2]).— Подразумѣвается аллегоризмъ Данте, онъ одинъ и спасаетъ его итальянскую рѣчь отъ обвиненія въ простонародности; лишь Петрарка вступилъ на древній, настоящій путь, возстановилъ Аполлона на его престолѣ, вернулъ піэридамъ ихъ прежнюю красу. Очевидно, не авторъ Canzoniere, а поэтъ Африки. Такъ мечталъ о себѣ и Петрарка [3]).

Таково міросозерцаніе ранняго итальянскаго гуманизма, кульминирующаго въ Петраркѣ и Боккаччьо; онъ было выраженіемъ національно-культурной идеи при политической слабости и ростѣ личнаго сознанія. Многое въ его типахъ и общихъ мѣстахъ, если не стремленіяхъ, напоминаетъ латинскихъ поэтовъ западныхъ, главнымъ образомъ, французскихъ школъ XII–XIII вѣковъ: та-же исключительность литературныхъ вкусовъ, то-же увлеченіе классической поэзіей; аллегоризмъ, играющій отождествленіями Юпитера съ христіанскимъ Богомъ, и кокетливое подражаніе пріемамъ древней реторики въ декламаціяхъ, описаніяхъ; тѣ-же идеи славы, боязнь зависти, нареканія на фортуну— и болѣзненность самосознанія, уединяющагося отъ толпы въ пессимизмъ, который питаетъ сатиру. Все это навѣяно выборками изъ чтеній, отзывается затхлостью школьнаго кружка, его расходившимися самолюбіями и наивнымъ представленіемъ, что поэзія прежде всего — трудъ; трудъ грамматика, центониста. Еще у Боккаччьо слышно это представленіе, но онъ же подсказалъ и возраженіе Петрарки: что выше труда — талантъ, вдохновеніе [4]). Чего недостаетъ тѣмъ школьнымъ поэтамъ — это не столько вдохновенія, сколько широкой подкладки, заставляющей насъ ощущать явленіе итальянскаго гуманизма, какъ народное, навѣянное не школой, а условіями культуры. Его родословной надо искать на итальянской же почвѣ, въ типахъ и теченіяхъ,

1) Artificioso schemate.

2) Сл. Gen. Deor. XIV, 2: noster Dantes, dato sermone materno sed artificiose scriberet.

3) Africa IX, 222 слѣд.

4) Сл. выше стр. 56, 58.

услѣдить которыя дѣло будущаго историка. Въ эпоху отъ учениковъ Сенеки старшаго до Симмаха онъ встрѣтитъ на почвѣ Рима такой же болѣзненный культъ литературной профессіи и то же чванное самосознаніе литератора при ослабленіи другихъ соціальныхъ интересовъ. Грамматики свѣтской школы, отъ готской эпохи до Ансельма Перипатетика продолжаютъ этотъ типъ въ противорѣчіи съ общимъ теченіемъ средневѣковой мысли. Блюстители классическаго преданія, проникнутые свѣтскими интересами, они идутъ въ уровень тѣхъ культурныхъ слоевъ, которыя участвовали въ паганіяхъ короля Гуго, проникались чисто-языческимъ настроеніемъ такой пьесы, какъ: O admirabile Veneris idolum! (не позже VII вѣка), а въ VIII—X вѣкахъ вызывали упреки ревнителей въ нравственной распущенности, гражданскомъ безразличіи, слабости религіозныхъ интересовъ—темной сторонѣ индивидуализма, не сдержаннаго авторитетомъ сильной власти и глубокаго вѣрованія; тѣхъ слоевъ и настроеній, которыхъ не сломила реформа XI вѣка, потому что она была церковная, не общественно-религіозная.

Это уже то движеніе, которое мы назовемъ гуманистическимъ, когда въ немъ явится сознаніе критерія и матеріалъ классической мысли и идеаловъ будетъ служить цѣлямъ не грубаго переживанія или грамматической забавы, а личнаго обновленія. Обновленія на почвѣ родной старины, какъ въ программѣ романтиковъ. Сѣверно-европейскій романтизмъ сбросилъ съ себя вѣка преданій и фижмъ, чтобы обновиться въ природѣ, въ свободной народной старинѣ, или въ томъ, что казалось народностью, со включеніемъ католичества. Гуманизмъ, въ періодъ своей сознательности — это романтизмъ самой чистой романской расы, передъ которой открылась обѣтованная земля и забытыя народныя основы. «Ужасное начало», «неприступная гора», казалось, миновали, за ними очутились «прекрасная, чудная поляна», и путники любуются ею тѣмъ болѣе, «чѣмъ болѣе было труда при восхожденіи и спускѣ» [1]).

1) Декамеронъ, Введеніе въ 1-й день = тр. I, стр. 5.

Такой именно вѣковой процессъ мы вправѣ предположить, онъ совершался постепенно, ускользая отъ глазъ; вотъ почему яркіе образы Петрарки и Боккаччьо поражаютъ насъ, являясь въ концѣ неосвѣщенной перспективы.

Въ нее мы не заглянемъ; нашей ближайшей цѣлью было-бы узнать, кто были сверстники этихъ дѣятелей, близко стоявшіе къ нимъ по возрасту, прошедшіе школу не у нихъ и тѣмъ не менѣе приготовившіе себя къ ихъ вліянію. Такая постановка вопроса выяснила бы намъ въ общемъ движеніи долю массы, спросъ времени и мѣру личныхъ воздѣйствій.

Разумѣется, мы не ожидаемъ великихъ откровеній: забытое исторіей обыкновенно забыто по праву, но оно должно быть поставлено въ счетъ именамъ, удержавшимся въ исторической памяти. Къ сожалѣнію для отвѣта не достаетъ матерьяловъ, генезисъ скрывается за результатами, на которые вожди уже наложили свою печать. Движеніе широко обняло всю Италію, коснулось разныхъ профессій; немногочисленныя письма Боккаччьо скупы указаніями. Въ числѣ его неаполитанскихъ учителей и покровителей мы видѣли людей старой школы, вродѣ Діонисія изъ Борго Санъ Сеполькро и короля Роберта, эрудитовъ въ стилѣ Паоло изъ Перуджіи[1]), но они не яркіе представители того увлеченія латинскою древностью и литературой, которое становится впослѣдствіи казовымъ признакомъ гуманизма. Въ поколѣніи до Петрарки ихъ нужно искать въ Конвеневоле изъ Прато, его учителѣ, въ аретинскомъ грамматикѣ Бандино († 1348), судя по восторженнымъ отзывамъ о немъ его сына, Доменико; въ университетѣ съ Джьованни ди Вирджиліо, авторомъ эклогъ и аллегорическихъ толкованій на Овидіевы Метаморфозы, сѣтовавшемъ на то, что Данте не предпочелъ написать свою Божественную Комедію по латыни; въ ученомъ нотаріатѣ, игравшемъ такую роль въ культурномъ развитіи Италіи — съ падуанскимъ юристомъ и поэтомъ Ловато Ловати, котораго такъ высоко ставилъ

1) См. выше т. I, стр. 30 слѣд.; 79 слѣд.

Петрарка[1]), съ его младшимъ современникомъ Альбертино Муссато, авторомъ первой извѣстной намъ трагедіи сенековскаго типа, Eccerinis, съ племянникомъ Ловато, эпиграфистомъ Роландомъ да Пьяццола. Отмѣтимъ для Виченцы поэта и историка Феррето деи Феррети и юрисконсульта Джери изъ Ареццо[2]).

Къ нимъ-то примыкаютъ молодые гуманистическіе кружки; мы познакомились съ однимъ изъ нихъ, неаполитанскимъ, и его представителемъ Барбато; его характеристика можетъ быть вмѣнена всему движенію[3]). Тому-же движенію принадлежатъ, вѣроятно, и Чекко деи Росси изъ Форли[4]), и Пьетро де Мульо или де Реторика, пріятель Петрарки и Боккаччьо, частный преподаватель реторики въ Болоньѣ въ половинѣ 40-хъ годовъ, позднѣе, около 1360-го, извѣстный профессоръ въ Падуѣ. Боккаччьо поздравлялъ его съ этимъ переходомъ, направляя къ нему двухъ учениковъ, жаждавшихъ его наставленій: одинъ изъ нихъ, Джьованни изъ Сіэны, молодой учитель грамматики въ флорентинскихъ школахъ, человѣкъ бѣдный, которому Боккаччьо просилъ оказать помощь, пріискавъ ему занятіе репетитора; другой—пріоръ изъ Чертальдо, Актеонъ, обратившійся въ оленя, шутитъ Боккаччьо; онъ и направилъ его отъ собакъ и ястреба въ школу къ тому-же Джьованни; еще не многому научился Актеонъ, но уже стыдится возможнаго неуспѣха и потому послѣдовалъ за своимъ учителемъ; пусть и на него Пьетро обратитъ свое вниманіе во имя дружбы къ пишущему и къ достославному Франческо Петраркѣ, ихъ общему наставнику[5]).

Болѣе матерьяла для характеристики гуманистическаго движенія, совмѣстнаго съ Боккаччьо и Петраркой, представляетъ

1) Rer. mem. II, 3, стр. 422.

2) Novati, Nuovi Studi su Albertino Mussato, Giorn. Stor. della letter. ital. fasc. 16—17, стр. 187—8.

3) Сл. выше т. I, стр. 99 слѣд.

4) Сл. выше т. I, стр. 375—6.

5) Corazzini, l. c. стр. 333 слѣд.: письмо 1363 либо 1368 года. Сл. Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati стр. 36 прим. 2 и слѣд.

обширная переписка послѣдняго; но это матерьялъ внѣшній, свидѣтельствующій о широтѣ, не о содержаніи движенія. Перечисленіе именъ было-бы недоказательно; мы выберемъ немногія. Въ Пармѣ живетъ, въ домѣ Корреджи, нотаріусъ Моджьо деи Моджи, въ качествѣ секретаря и воспитателя молодыхъ Джиберто и Аццо; Петрарка переписывается съ нимъ, у нихъ общіе литературные друзья: Нери Моранди изъ Форли, Габріэле Заморео, авторъ трактата de Virtutibus, Ринальдо да Виллафранка, венеціанскій канцлеръ Бенинтенди, съ которымъ Петрарка сблизился со времени своего посольства въ Венецію въ 1353 году [1]. О бергамскомъ грамматикѣ Кротѣ, доставившемъ Петраркѣ списокъ Тускуланъ, шла молва, что лучше его во всей Италіи никто не знаетъ Цицерона [2]; съ веронскимъ нотаріусомъ, Гульельмо Пастренго, авторомъ De viris illustribus, Петрарка знакомъ съ Авиньона и нерѣдко пользуется сокровищами его библіотеки [3].— Во Флоренціи возлагали большія надежды на Бруно Казини: онъ былъ мастеромъ въ искусствѣ реторики, но его унесла ранняя смерть († 1348); Петрарка былъ съ нимъ въ перепискѣ [4], но во Флоренціи его поджидала группа другихъ, болѣе яркихъ гуманистовъ, съ которыми мы встрѣтимся впослѣдствіи.

Увлеченіе классиками становилось маніей, надъ которой Петрарка иронизируетъ: юрисконсульты, медики, забыли Юстиньяна и Эскулапа, ихъ ошеломили имена Гомера и Виргилія; плотники, валяльщики, крестьяне бросили свое дѣло и толкуютъ о музахъ и Аполлонѣ [5]. Однажды, по дорогѣ въ Виченцу, Петрарку задержали его друзья для бесѣды о Цицеронѣ, причемъ какой-то старикъ сталъ упрекать поэта, что онъ слишкомъ мало цѣ-

1) Affò, Memorie sugli scrittori parmigiani, t. II, стр. 84 слѣд.; Rühl, Museum f. Philologie, N. F. Bd. 38, стр. 11 слѣд.; Voigt, Die Briefsammlungen Petrarca's, стр. 4, 33 слѣд.

2) Fam. XVIII, 13, 14.

3) Fracassetti, Lettere II, стр. 437 слѣд.

4) Fam. VII, 14; Ep. poet. lat. III, 10; сл. біографію у Filippo Villani.

5) Fam. XIII, 7.

нитъ великаго оратора[1]). Цицеронъ — и домашняя, средневѣковая латынь Бенвенуто изъ Имолы, свѣжая и оригинальная въ своемъ laisser aller; схематическая Ars dictandi или notaria, отзывающаяся еще у Нелли,—и блестящій при всей своей неровности стиль Петрарки и его письма, создавшія гуманистическую эпистолографію по типу Сенеки и посланій Цицерона, — вотъ контрасты, изъ которыхъ выходили къ требованію стилистическаго пуризма. У такихъ мечтателей, какъ Кола ди Ріенцо, полнаго іоахимитскихъ идей и вѣры въ пророчества Мерлина и Телесфора изъ Козенцы, манія древности переходила въ фантастическую практику; гуманистовъ она заражала поэтическими восторгами: они поютъ въ запуски, какъ Боккаччьо и Чекко деи Росси, какъ Моджьо, вызвавшій укоръ канцлера Бенинтенди: Ты, слышу я, все слагаешь стихи и пѣсни, день-деньской взвѣшиваешь слова и слоги, только и занимаешься, что словами и реченіями. Что за дѣтскія шалости! [2]). Всѣ бросились писать эклоги, посланія, но всѣмъ мерещится нѣчто большее, откровеніе эпоса, героическая латинская поэма съ римскимъ сюжетомъ. Посчастливилось Сципіону: Боккаччьо представилъ его въ бесѣдѣ съ Аннибаломъ, переложивъ въ сонеты соотвѣтствующій текстъ Ливія[3]), Петрарка сдѣлалъ его героемъ поэмы, съ которой носился въ теченіе всей жизни, Занобн да Страда также намѣревался воспѣть его, но оставилъ, какъ и Пьетро да Мульо бросилъ затѣю поэмы—о приключеніяхъ Анны по смерти ея сестры Дидоны [4]). Не даромъ Калліопа, торжественная муза эпоса, является представительницей поэзіи вообще, со включеніемъ драмы, хотя для нея именно не было возрожденія: преданіе античной сцены давно заглохло, и это привело въ средніе вѣка къ тѣмъ страннымъ взглядамъ на значеніе трагедіи и

1) Fam. XXIV, 2.

2) Affò, l. c. стр. 89.

3) Due poesie inedite di G. Boccacci, ed. Mabellini, 1888.

4) Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati, стр. 40 прим. 1; сл. La Leandreide lib. IV, c. 6 у Del Balzo, Poesie di mille autori intorno a Dante Alighieri, v. II, стр. 412.

комедіи, которые отзываются въ названіи Дантовской поэмы, повторяются и у Боккаччьо; къ представленію, что драма назначена для чтенія, какъ у Муссато; къ смѣшенію съ другими поэтическими родами, комическихъ поэтовъ съ Овидіемъ и т. д. Когда противники гуманистической поэзіи, обобщая или не понимая Боэція, приводили его отзывъ о музахъ, какъ сценическихъ прелюбодѣйницахъ (scenicae meritriculae), гуманисты чувствовали право защиты, но терялись въ средствахъ. Тѣмъ ожесточеннѣе ихъ нападки на сценическую поэзію: они отождествляли ее съ продѣлками площадныхъ потѣшниковъ, наслѣдниковъ старыхъ мимовъ, спустившихъ значеніе драматическаго дѣйства до того уровня, который такъ откровенно выразила старо-нѣмецкая глосса: tragoedia — hurehaus. Такимъ отождествленіомъ думали спасти поэзію героическую, ученую. — Рядомъ уже развивался народно-духовный театръ laudesi, но Калліопа проходила мимо него безучастно.

II.

Все это лихорадочное возрожденіе свѣтской латинской литературы предполагаетъ не только усиленное чтеніе классиковъ, но и новое къ нимъ отношеніе. Это возвращаетъ насъ къ Боккаччьо: въ его образовательной программѣ много личнаго, но въ общемъ она характеризуетъ путь, по которому люди его поколѣнія выходили изъ средневѣковаго энциклопедизма къ гуманизму.

Кто въ наши дни хочетъ быть философомъ (odierno filosofo), тому нѣтъ нужды обладать всѣми науками тривія и квадривія, выразился однажды Боккаччьо [1]), достаточно владѣть одной, въ другихъ ограничиться энциклопедическимъ образованіемъ. Особенности послѣдняго объясняются въ немъ случайностями воспитанія. Въ Неаполѣ онъ пристрастился къ астрономіи и астрологіи,

1) Com. Div. Comm. ed. Milanesi I, стр. 429.

подъ руководствомъ Андалоне и его арабскихъ источниковъ, которые онъ нерѣдко цитуетъ; онъ прошелъ юридическую школу, и слѣды его подневольныхъ занятій остались [1]); въ связи съ его астрономическими интересами стоитъ, быть можетъ, его любовь къ географіи, засвидѣтельствованная книгой De Montibus. Или это интересъ времени, какъ и у Петрарки? Вѣдь и онъ готовитъ большой географическій трудъ [2]), ссылается на древнія карты [3]), составилъ вмѣстѣ съ королемъ Робертомъ первую карту Италіи [4]) — и пишетъ (вѣроятно, до 1363 года, можетъ быть, въ 1361 году), по просьбѣ нѣкоего Джьованни ди Манделло, сбиравшагося къ святымъ мѣстамъ, свой Itinerarium Syriacum [5]).

Къ этому присоединились и другія чтенія: Collectanea Паоло изъ Перуджіи раскрыли передъ Боккаччьо богатство классическаго миѳа, онъ увлеченъ римскими поэтами, ихъ «священными стихами», достославными памятями древности» [6]); классическія воспоминанія заполонили его, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чутокъ къ поэзіи рыцарскаго романа, бродячей сказки, дантовскаго видѣнія; эта ранняя черезполосица характерна какъ для него, такъ и для его публики [7]). У Петрарки не встрѣтишь того пестраго смѣшенія романтическихъ и классическихъ сюжетовъ, какъ въ Филоколо, народной шутки, заговора [8]) и пѣсни въ оправѣ цицероновскаго періода, какъ въ Декамеронѣ. Боккаччьо освобождается отъ этого синкретизма по мѣрѣ того, какъ критикъ-эрудитъ бралъ въ немъ перевѣсъ надъ поэтомъ. Не разъ разсказывалъ онъ легенды о началахъ Флоренціи и Фьезоле, колеблясь,

1) Сл. между прочимъ, Gen. Deor. XIV, 19: о пизанскихъ Пандектахъ; Com. Div. Comm. l. c. II, стр. 346 слѣд. (o pena illativa и privativa) и др.

2) De Montibus въ концѣ.

3) De Nolhac, l. c. стр. 125 слѣд.

4) Flavii Blondi Italia illustrata, ed. Basil. стр. 352 и 353.

5) Текстъ у Lumbroso, Memorie italiane del buon tempo antico, стр. 16 слѣд. Сл. Kirner, Sulle opere storiche di Fr. Petrarca, стр. 45.

6) Filocolo II, 85, 236 и passim.

7) Сл. чтенія Фьямметты и вдовы Corbaccio.

8) Сл. Дек. IX, 10 и заговоръ у Nieri, Racconti pop. lucchesi (1891), № 45.

вмѣстѣ съ хрониками и старыми комментаторами Данте, между именами Аттилы и Тотилы [1]); въ біографіи Данте Аттила названъ царемъ вандаловъ [2]); въ комментаріяхъ къ Божественной Комедіи сдѣланъ шагъ впередъ: Боккаччьо справился въ Historia miscella, которую цитуетъ подъ именемъ Павла Дьякона, и различаетъ Аттилу отъ Тотилы, но первый все еще царь готовъ и разрушитель Флоренціи. Впрочемъ все это поставлено на отвѣтственности легенды, съ сомнѣніями: такъ утверждаютъ [3]).—Герои карловингскаго эпоса и Круглаго стола являлись въ Любовномъ Видѣніи [4]), но въ De Casibus [5]) легенда объ Артурѣ разсказана хотя съ симпатіей, но съ замѣчаніемъ, что о немъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; троянское происхожденіе французской королевской династіи вызываетъ въ Генеалогіяхъ боговъ ироническое замѣчаніе: что-то не вѣрится, хотя я и не рѣшаюсь это отрицать [6]); но подобное-же притязаніе бретонцевъ [7]) кажется невѣрнымъ и невѣроятнымъ. Французскіе романы содержатъ много прекраснаго и похвальнаго, но въ нихъ болѣе фантазіи, чѣмъ правды [8]), и вотъ, передавая преданіе [9]) о Вильгельмѣ Оранскомъ и о томъ, какъ въ одну ночь чудеснымъ образомъ явились на полѣ битвы гробницы для павшихъ христіанъ, Боккаччьо заявляетъ прямо, что не вѣритъ тому, что то были, по всей вѣроятности, гробницы, которыя мѣстные жители при-

1) Сл. выше т. I, стр. 244—5, 286—7, 363.

2) Vita di Dante, ed. Macrì-Leone, § 2.

3) Сл. Com. Div. Comm. ed. Milanesi I, 5, II, 305 слѣд., 412. Въ De Cas. VIII, 12 Аттила и Тотила поставлены въ числѣ miseri.

4) Cap. XI.

5) VIII, 19.

6) VI, 24. Очевидно, уже въ Filocolo (I, стр. 1—2) Боккаччьо не вѣрилъ въ троянское происхожденіе франковъ, отдѣляя ихъ отъ римлянъ и—Гогенштауфеновъ. Сл. выше т. I, стр. 191—2.

7) l. c. VI, 57.

8) Più composte a beneplacito, che secondo la verità, Com. Div. Comm. l. c. I, стр. 487.

9) Dicono i paesani una lor favola.

готовили для себя, какъ то часто бываетъ [1]). Отрицаніе средневѣковой легенды переходило къ критикѣ легенды вообще.

Собственно средневѣковая литература занимаетъ въ чтеніяхъ Боккаччьо невидное мѣсто, его интересъ къ ея содержанію настолько слабъ, что онъ ищетъ у ея писателей, Беды, Гервасія Тильберійскаго, Исидора Севильскаго и др., главнымъ образомъ свѣдѣній о римскихъ древностяхъ, миѳологическихъ подробностей; у Рабана Мавра, Угуччьоне, Папіи—этимологій; энциклопедіи привлекаютъ его, какъ сборники фактовъ, исторія своей эпической канвой, біографіей; въ средневѣковой латинской поэзіи онъ не начитанъ. Слабѣе всего представлены богословіе и схоластическая философія: Боккаччьо цитуетъ Св. писаніе и Отцевъ церкви, пользуется Августиномъ и Іеронимомъ, но къ изученію богословія (sacra volumina) онъ обратился лишь въ зрѣлые годы и оставилъ, потому что не чувствовалъ въ себѣ таланта (tenuitas ingenii) [2]); въ богословскіе вопросы онъ пускается лишь по необходимости, напр. въ толкованіяхъ на Божественную комедію, чаще устраняется отъ нихъ [3]); къ вопросамъ философіи онъ видимо равнодушенъ, оттого такъ рѣдки ссылки на схоластиковъ. У Петрарки съ половины 50-хъ годовъ этотъ интересъ сильнѣе, но онъ сходится съ Боккаччьо въ томъ, что ни у того, ни у другого богословіе и схоластика не являются въ роли, какую онѣ играли въ средневѣковой энциклопедіи: точкой отправленія, моментомъ цѣльности, объединявшимъ всю систему знанія. Этой цѣльности тотъ и другой ищутъ по своему, въ ихъ научныхъ работахъ преобладаетъ моментъ вопросовъ, личныхъ или принципіальныхъ, которые они ставятъ себѣ въ цѣляхъ самоопредѣленія. У Петрарки получаются трактаты на общія темы, въ которыхъ фактическій матеріалъ подчиняется общей философской идеѣ, она и иллюстрируется выборками изъ классиковъ [4]); у

1) Com. Div. Comm. l. c. II, 185.

2) Gen. Deor. XV, 10.

3) Com. Div. Comm. lez. XI, v. I, стр. 306—7.

4) Сл. напр. Petr. Fam. XXIV. 1.

Боккаччьо этотъ матеріалъ бьетъ въ глаза, онъ видимо интересуетъ самъ по себѣ, элементъ поученія часто навязанъ, но онъ обязателенъ; авторъ Декамерона сказывается не только въ дидактикѣ, но и въ эрудитѣ, собирателѣ біографическихъ данныхъ и миѳовъ.

Въ томъ и другомъ случаѣ главнымъ источникомъ были классики. Въ началѣ 50-хъ годовъ—мы въ эпохѣ Корбаччьо— и Петрарка и Боккаччьо интересовались греческой древностью издалека, платонически; у Варлаама они мало чему научились, второй наставникъ Боккаччьо, Леонтій Пилатъ, еще не являлся на сцену съ откровеніями Гомера. Оттого свѣдѣнія Боккаччьо о греческихъ писателяхъ оказываются почерпнутыми изъ латинскихъ переводовъ (Аристотель, Іосифъ Флавій, платоновскій Тимей), либо взяты изъ вторыхъ рукъ [1]), за-то латинскіе знакомы ему почти во всемъ доступномъ тогда объемѣ, хотя и здѣсь встрѣчаются ссылки на чужія указанія и—понятные недочеты. Боккаччьо не знаетъ напр. Плинія старшаго, которымъ пользуется Петрарка, за-то въ его библіотекѣ есть Тацитъ и Колумелла, которыхъ Петрарка не цитуетъ. Изъ поэтовъ ему извѣстны: Плавтъ и Теренцій, Виргилій съ его комментаторами Сервіемъ, Макробіемъ и Фульгенціемъ; Овидій, Горацій, Луканъ, болѣе историкъ въ стихахъ, чѣмъ поэтъ [2]); Стацій съ объясненіями Лактанція Плацида, Персій, Ювеналъ и др.; изъ прозаиковъ Цицеронъ и Сенека; исторію представляетъ Юлій Цезарь, «комментаріи» котораго Петрарка и Боккаччьо приписывали Юлію Цельзу, Ливій (кромѣ 33-й книги, оставшейся неизвѣстной и Петраркѣ), Тацитъ, Саллюстій, Светоній, Флоръ, котораго Петрарка считалъ образцомъ историческаго стиля, Юстинъ, De Viris Illustribus Псевдо-Плинія, которыя Петрарка зналъ подъ этимъ именемъ; какъ и у него, Квинтъ Курцій, Даретъ и Диктисъ еще идутъ за историковъ. Географическія и

1) Ссылка на Еврипидова Полидора, Gen. Deor. VI, 21, на Эсхила, «пиѳагорейскаго поэта», l. c. IV, 44 и др.

2) Com. lez. XIII, ed. Milanesi I, 333.

естественно-историческія свѣдѣнія почерпаются изъ Помпонія Мелы, Вибія Секвестра, Солина; не забудемъ анекдотистовъ Валерія Максима и Авла Геллія; Апулея, въ которомъ Боккаччьо цѣнилъ не только разсказчика, но и аллегориста-философа; миѳологическія свѣдѣнія и ихъ иносказательныя толкованія шли изъ комментаторовъ, изъ Фульгенція, изъ такъ называемаго третьяго ватиканскаго миѳографа, котораго Боккаччьо и Петрарка [1]) цитуютъ надъ именемъ Альберика, наконецъ изъ загадочнаго Теодиція, котораго Боккаччьо читалъ, въ цѣломъ или частями, въ спискѣ Паоло изъ Перуджіи.—Съ Лактанціемъ, Боэціемъ, Орозіемъ мы уже вступаемъ въ область христіанско-латинской литературы, и далѣе въ средніе вѣка; изъ новѣйщихъ писателей выдѣлены Брунетто Латини, особенно Данте; Франческо да Барберино и Виллани; Леонтій Пилатъ, какъ посредникъ съ греческой древностью, и Петрарка, какъ вступившій на древній путь «латинской образованности».

Таковъ былъ объемъ начитанности Боккаччьо, надъ источниками которой такъ много потрудился Hortis [2]); мы не входили въ подробности. Классики преобладаютъ, но новаго матерьяла прибыло не на столько, чтобы характеръ гуманистическаго направленія можно было опредѣлить этимъ именно приращеніемъ. Все дѣло въ томъ, что начинаютъ читать иначе; вѣдь и сокровища эллинизма покоились въ южно-итальянскихъ греческихъ монастыряхъ непочатыя и не вскрытыя, пока на нихъ не явился спросъ. Цицероновскій культъ Петрарки, доходившій до крайностей у людей, стоявшихъ внѣ его кружка, указываетъ, на то, что изъ классиковъ перестали только вычитывать, а что въ нихъ вчитываются, вживаются, что они становятся цѣнными не только по свѣдѣніямъ, которыя можно изъ нихъ добыть, но и сами по себѣ, какъ живыя, близкія лица, которыхъ любятъ и желаютъ понять, но съ которыми и судятся. Письма Петрарки къ вели-

1) De Nolhac, Petrarque et l'humanisme, стр. 133.

2) Studi, стр. 363 слѣд.

кимъ людямъ древности, Цицерону и Виргилію, Горацію и Гомеру [1]) внушены не только реторическими цѣлями, но и потребностью высказать свой личный взглядъ, восторги и осужденіе, и интимные вкусы, которые сообщаются на-ушко пріятелю [2]). Для Петрарки Виргилій, въ самомъ дѣлѣ, «нашъ» Виргилій, общество древнихъ мыслителей ему милѣе бесѣды съ людьми, воображающими, что они живутъ, потому только, что на холодѣ они ртомъ испускаютъ паръ [3]); Цицеронъ ему современникъ, онъ любуется имъ, проникается его взглядами, то споритъ, то журитъ. Критика чередуется нерѣдко съ наивнымъ паѳосомъ, связана, особенно у Боккаччьо, типическими опредѣленіями, принятыми на вѣру, завѣщанными школой. Онъ повторяетъ за Валеріемъ Максимомъ, что, по мнѣнію Аѳинянъ, Цицеронъ превзошелъ не только Пизистрата и Перикла, но и Платона, Эсхила и Демосѳена [4]); его Виргилій, котораго и по знакомствѣ съ Гомеромъ онъ считаетъ не ниже его [5]), носитъ печать позднихъ комментаторовъ и еще болѣе средневѣковаго преданія: это легендарный дѣвственникъ [6]), магъ и философъ [7]), скрывшій подъ личиной своихъ стиховъ глубокія тайны [8]). Боккаччьо не вѣритъ въ Виргилія — провозвѣстника Христа [9]); Петрарка отрекся не только отъ этого взгляда [10]), но и отъ Виргилія мага [11]). Бок-

1) Сл. Fam. XXIV, 3 слѣд.

2) Fam. XVIII, 4.

3) Fam. XV, 3. Сл. Epist. poet. I, 7 (nec gaudia norunt Nostra, voluptatemque aliam, comitesque latentes, и т. д.).

4) De Casibus, l. VI, 12: de Marco Tullio Cicerone; сл. Petr. Fam. VI, 4 и Trionfo della Fama III, 22 слѣд.

5) Gen. Deor. XIV, 19.

6) Gen. Deor. ib.

7) Com. ed. Milanesi, v. I, стр. 121, 316.

8) Gen. Deor. XIV, c. 10, 22; Petrarca Sen. IV, 5; Rer. Mem. II, c. 2, стр. 410; III, c. 9, стр. 443; Secretum dial. II, стр. 347; Epist. poet. l. II, 11 (Aspice Virgilium и т. д.).

9) Com. ed. Milanesi v. I, стр. 300—301.

10) De Ocio, lib. I, стр. 304.

11) Itiner. Syr. ed. Lumbroso, стр. 36.

каччьо вѣритъ въ христіанство Боэція [1]), аллегориста Фульгенція [2]) и Сенеки [3]) — на этотъ разъ въ противорѣчіи съ Петраркой [4]); различая двухъ Сенекъ, трагика и моралиста [5]), онъ раздѣляетъ общее мнѣніе того времени, что Клавдіанъ былъ родомъ изъ Флоренціи [6]); смѣшиваетъ, вмѣстѣ съ Петраркой [7]) и Нелли [8]), Стація поэта съ соименнымъ риторомъ изъ Тулузы [9]), путаетъ двухъ Лактанціевъ [10]), какъ Петрарка Викторина ритора съ мученикомъ и Варрона поэта съ историкомъ [11]).

Это не недостатокъ критики, а недочетъ фактическихъ подспорій; именно въ Петраркѣ и Боккаччьо увлеченіе классиками шло объ руку съ развитіемъ критическаго инстинкта, выразившагося въ стремленіи выдѣлить любимыхъ авторовъ изъ всего того, ненужнаго, чѣмъ надѣлили ихъ средніе вѣка. Въ этомъ имъ помогало связное, обильное чтеніе текстовъ, чутье стиля, большее знакомство съ исторіей и бытовыми отношеніями древности, особенно критика рукописныхъ текстовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Петрарка былъ если не начинателемъ (вспомнимъ въ каролингскую пору хотя бы Сервата Лупа), то пропагандистомъ. Первый въ Италіи онъ указалъ на анахронизмъ, соединившій Энея съ Дидоной [12]), онъ самъ хвалится этимъ открытіемъ, и

1) Gen. Deor. I, c. 5; XIV, c. 20.

2) Gen. Deor. XIV, 18; Comm. ed. Milanesi, vol. I, стр. 131.

3) Com. l. c. vol. I, стр. 402—403.

4) Petr. Fam. XXIV, 5; Sen. XV, 9.

5) Com. l. c. vol. I, стр. 396; Gen. Deor. I, 5.

6) Сл. его стихотвореніе въ похвалу Данте; сл. Petr. Rem. l. II, dial. 125, стр. 214; Contra Galli calumn., стр. 1081.

7) Petr. l. c.

8) Сл. письмо Нелли № XIV у Cochin, Lettres de Francesco Nelli à Petrarque (Paris, 1892), прим. 6 (стр. 219) и прим. 1 (стр. 286—7).

9) Сл. Боккаччьо въ его біографіи Петрарки у Rossetti, G. Celso e Boccaccio, стр. 320, 344; Amor. Visione V, строфа 12.

10) О Лактанція сл. введеніе въ I-ю книгу Gen. Deor., IV, cc. 44, 61; l. V, c. 32; l. VIII, c. 1; XI, c. 8; Comm. ed. Milanesi, lez. XXXIII, v. II, стр. 136.

11) Сл. De ignorantia стр. 1055; Invect. contra med. стр. 1107; сл. Fam. XVIII, 3.

12) Sen. IV, 5.

Боккаччьо постепенно увлеченъ къ новой вѣрѣ: въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ онъ не разъ пѣлъ про любовь Дидоны къ Енею[1]), но поэзія сюжета не спасла его; еще въ De Claris Mulieribus[2]) есть попытка помирить поэзію съ исторіей: Дидона будто бы убила себя въ присутствіи невиданнаго дотолѣ Енея, чтобы сохранить вѣрность покойному мужу; позже оставлена и эта комбинація: Дидона не могла и видѣть Енея, ибо не была его современницей[3]). Преимущество отдается достовѣрному историческому факту, Титу Ливію[4]) и Юстину передъ Виргиліемъ; изъ Юстина черпаются свѣдѣнія объ Амазонкахъ[5])— и Тезеида забыта.

Это уже побѣда критицизма, хотя въ силу вещей критерій нерѣдко оставался произвольнымъ, раціоналистическимъ, наивно удовлетворяясь фразой, когда напр. Боккаччьо пристаетъ къ мнѣнію тѣхъ, которыя отождествляли Артемизію съ Артемидорой, ибо одно-ли это лицо, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о женщинѣ[6]). Такъ надгробная надпись будто-бы Ливія, открытая въ Падуѣ въ 1318—24 годахъ[7]), не вызываетъ въ немъ большого довѣрія, и въ то-же время онъ пользуется, хотя и не откровенно, отраженіями Псевдокаллисѳенова романа[8]), цитуетъ Диктиса[9]); его вѣра въ аллегорическія бредни Фульгенція чередуется съ замѣ-

1) Filocolo, II, 38 и pass.; Am. Vis. c. VIII, IX, XXVIII; Ameto, стр. 158.

2) Cap. 40.

3) De Cas. II, 10, VI, 53; Gen. Deor. II, 60, XIV, 13; Com. ed. Milanesi, v. I, стр. 175, 225, 349, 456—7.

4) Gen. Deor. VI, 54.

5) De Clar. Mul., cc. 11, 18; сл. Com. ed. Milanesi I, 357; Gen. Deor. X, 49 и passim.

6) Opus quidem fuit foemineum unumquodque, De Clar. Mul., c. 55.

7) Hortis Studi, стр. 320 слѣд.

8) Com. l. c. II, стр. 290, 371: комментируя Inf. XIV, 31—37, гдѣ Данте пересказываетъ мотивы изъ De situ et mirabilibus Indiae, Боккаччьо выражаетъ недоумѣніе, ибо не нашелъ ничего подобнаго ни у Курція, ни у Вильгельма Англійскаго. Разумѣется, быть можетъ, Galfredus Hemlingtonus, De gestis Macedonum. Сл. Academy, № 874, стр. 75—6 (Toynbee Paget). Сл. еще De Clar. Mul., c. 59: объ Олимпіадѣ и De Cas. IV, 12.

9) Gen. Deor. l. II, c. 26, 45; V, 36—40; сл. Petr. Sen. VIII, 2.

чаніями, трезвыми въ своей разсудочности: что Фульгенцій часто переходитъ черезъ край, всюду открывая возвышенный, таинственный смыслъ [1]), тогда какъ исторія говоритъ—то-то [2]); но эти замѣчанія не умаляютъ «должнаго уваженія» къ автору [3]). То-же смѣшеніе критики и умиленія передъ авторитетомъ по отношенію къ Августину [4]), къ Бедѣ [5]). Съ позднѣйшими писателями, вродѣ Гервасія Тильберійскаго, можно было обращаться не такъ церемонно, имъ противопоставляютъ «болѣе достовѣрные источники» [6]), Папіѣ — авторитетъ Исидора Севильскаго [7]); за-то, когда на сцену являлись такіе загадочные писатели, какъ Теодонцій, съ цитатами изъ неизвѣстныхъ авторовъ, такіе живые носители древняго знанія, какъ Варлаамъ и Леонтій Пилатъ, критика смущалась и перевѣсъ брали восторги передъ неизвѣстной величиной. Въ такихъ случаяхъ Боккаччьо не прочь былъ согласиться съ Теодонціемъ противъ Цицерона и Исидора, но и колебался и недоумѣвалъ, предоставляя людямъ болѣе мудрымъ согласить противорѣчія [8]).

Этимъ сомнѣніямъ, тормозившимъ ростъ критическаго такта, вторила увѣренность, что изъ сокровищъ классической литературы многое, нынѣ утраченное, неизвѣстное, еще можетъ объявиться. Петрарка съ грустью перечисляетъ въ посланіи къ Цицерону его сочиненія, потерянныя для потомства [9]); но каждый день могъ принести и приносилъ новыя открытія въ пыли монастырскихъ библіотекъ. Всѣ дѣятельно ищутъ рукописей. Петрарка выслѣживаетъ ихъ не только въ Италіи, но и во Франціи и Германіи, Англіи и Испаніи, даже въ Греціи [10]). Боккаччьо раз-

1) Gen. Deor. II, 52; IV, 24, 30; XII, 7.
2) l. c. XIII, 58.
3) l. c. X, 10.
4) l. c. V, 21; Com. lez. XI, v. 1, стр. 300—301.
5) Gen. Deor. IV, 55.
6) Ib. II, 19; VII, 25.
7) l. c. V, 4.
8) l. c. I, 5; II, 55; V, 16; VII, 24; X, 58; XII, 3 и passim.
9) Petr. Fam. XXIV, 4; Rer. mem. I, 2, стр. 396—7.
10) Sen. XVI, 1.

сказывалъ Бенвенуто изъ Имолы [1]) о своемъ посѣщеніи Монте Кассино: онъ попросилъ монаха указать ему, гдѣ ихъ книгохранилище; тотъ показалъ на лѣстницу: полѣзай, оно отперто. На верху оказался покой, дверей не было, окна обросли травой, на книгахъ и полкахъ груды пыли. Полный удивленія Боккаччьо сталъ перелистывать старыя, рѣдкія рукописи; въ иныхъ не доставало тетради, у другихъ обрѣзаны поля. Онъ удалился, опечаленный мыслью, что творенія столькихъ высокихъ умовъ попали въ руки такихъ невѣждъ; въ монастырѣ ему объяснили, что монахи вырывали изъ рукописей листы, чтобы писать на нихъ дешевыя псалтыри для мальчиковъ и амулеты (brevia) для женщинъ. Ломай себѣ голову, ученый мужъ, и пиши послѣ того книги! заканчиваетъ свой разсказъ Бенвенуто.

Рукописи попадали наконецъ въ руки интересующихся, но прежде чѣмъ пойти въ оборотъ, новый классическій текстъ ставилъ тотчасъ-же и новыя задачи для критики. Онъ часто былъ неисправенъ, остроуміе Петрарки помогало ему, оттого такой спросъ на тексты, имъ свѣренные; Нелли отъ нихъ въ восторгѣ [2]). Часто неточное заглавіе, поставленное переписчикомъ, сводило съ торнаго пути: Петрарка долгое время мнилъ себя владѣльцемъ Цицеронова Гортензія, пока не открылъ, что это часть Академикъ [3]). Списываніе рукописей вызывало теперь усиленное требованіе дипломатической точности: толковыхъ переписчиковъ мало, пишетъ Петрарка къ Лапо ди Кастильонкіо [4]), наука отъ этого страдаетъ, ибо благодаря неисправнымъ копіямъ произведенія, сами по себѣ трудныя для пониманія, стали совсѣмъ непонятными, ими начали пренебрегать и онѣ затерялись. Всѣ жалуются на писцовъ [5]), въ Италіи эти жалобы стары [6]); иныя

1) Сл. его комментарій къ Бож. Ком. Parad. XXII, 74.

2) De Nolhac, l. c. стр. 102—3, письмо Нелли № XIV у Cochin, l. c.

3) Sen. XVI, 1; сл. De Nolhac, стр. 201—3.

4) Fam. XVIII, 12.

5) De Rem. l. I, dial. 43; Sen. V, 1; II, 1; Fam. XXIII, 12; Var. 9, 22; Боккаччьо, De Montibus, заключеніе.

6) Сл. Dresdner, Kultur u. Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 и 10 Jahrhundert, стр. 231.

изъ ошибокъ и—измышленій Боккаччьо прямо объясняются плохимъ состояніемъ его текстовъ: оттуда напр. смѣшеніе Berenice съ Laodice[1]), портретъ Калипсо — когда дѣло шло о художницѣ этого имени[2]), небывалая Марція, дочь Варрона[3])—и цѣлый рядъ другихъ ошибокъ, объяснимыхъ описками[4]). Вотъ почему самъ Петрарка усталой рукою берется за перо, чтобы переписать цицероновскія рѣчи, доставленныя ему пріятелемъ: никакой другой авторъ не дождался отъ него подобной чести. Но Петрарка былъ человѣкъ состоятельный, Боккаччьо стѣснялся средствами, и ему приходилось самому удовлетворять своему литературному спросу: такова была у него потребность къ чтенію, что онъ списывалъ для себя все, что только могъ найти изъ римскихъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ[5]). Мы знаемъ, что уже въ Неаполѣ онъ обзавелся Ѳиваидой Стація[6]); въ письмѣ къ Заноби отъ 1348 года онъ говоритъ о спискахъ Діонисія и Варрона, которыхъ ожидаетъ[7]); Петраркѣ онъ посылаетъ въ 1355 году великолѣпный экземпляръ бл. Августина[8]) и нѣкоторыя сочиненія Варрона и

1) De Clar. Mul. c. 70: сл. Val. Max. IX, 10, 1.

2) De Clar. Mul. гл. 57, сл. Plin. Hist. Nat. XXV, 8.

3) De Clar. Mul. 64; сл. Plin. l. c. XXXV, 147: Marci Varronis. . . . juventa.

4) Gen. Deor X, 9: exquina вм. σκυλμός; Chironere вм. χειρῶν κριτή = Fulg. Myth. II, 12.

5) Manetti, Vita Boccaccii у Mehus, Specimen hist. lett. flor. saec. XIII ac XIV, стр. 7; сл. Mehus, Vita Ambr., стр. CCLXXV: cum libros non haberet, nec unde emere posset tenuitate patrimonii cogente sibi suppeteret, multa non modo veterum poetarum, sed oratorum etiam et historicorum volumina, quicquid paene in latina lingua vetustum invenire potuit, propriis manibus ipse conscripsit, adeo ut copiam transcriptorum suorum intuentibus mirabile quiddam videri soleat hominem pinguiorem, ut ejus corporis habitudo fuit, tanta librorum volumina propriis manibus exarasse, ut assiduo librario, qui nihil aliud toto fere vitae suae tempore egisset, satis superque esset, nedum homini circa cognitiomen humanarum et divinarum rerum propterea occupatissimo, ut cogitationes suas litteris postea mandaret, quod a poeta nostro egregie factum fuisse constat, ceu posterius apparebit.

6) Сл. выше т. I, стр. 108—9. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить опечатки, вкравшіяся на стр. 102. прим. 1 (стр. 439 вм. 432, стр. 441 вм. 440).

7) Сл. выше т. I, стр. 377.

8) Fam. XVIII, 3. Рукопись Боккаччьо хранится въ Парижской Національной библіотекѣ, № 1989, въ двухъ томахъ, съ автографомъ Петрарки:

Цицерона, собственноручно переписанныя [1]); ему-же въ 1359 году Божественную Комедію [2]) при посвятительномъ письмѣ [3]), позже копію гомеровскихъ поэмъ въ переводѣ Леонтія Пилата. Можетъ быть, собственноручный списокъ Тацита имѣлъ ввиду Боккаччьо, когда въ письмѣ къ аббату di Montefalcone отъ 1371 года [4]) просилъ его о возвращеніи одной тетради, дабы не испортить его труда и еще болѣе не обезобразить книгу [5]).

Такъ составилась у Боккаччьо цѣлая библіотека, которой онъ видимо дорожилъ, потому что въ своемъ духовномъ завѣщаніи выключилъ ее изъ того имущества, которое могло бы быть продано для покрытія его долговъ [6]). Библіотеку онъ завѣщалъ монаху августинскаго ордена, монастыря San Spirito, магистру богословія Мартину изъ Синьи, тому самому, къ которому обращено посланіе съ аллегорическимъ объясненіемъ его эклогъ [7]); пусть братъ Мартинъ пожизненно пользуется его книгами, даетъ пользоваться и другимъ, а за его душу молится, по своей же смерти передастъ тѣ книги въ монастырь San Spirito, гдѣ онѣ должны храниться въ особомъ шкапу (armario), на чтеніе и занятіе инокамъ, и имъ надлежитъ составить инвентарь. Вступивъ въ наслѣдіе, братъ Мартинъ жилъ среди книгъ, съ гордостью показывая ихъ своимъ друзьямъ; послѣ его смерти (1387, 10 іюля), сложенныя въ шкапы и ящики въ монастырѣ San Spirito, онѣ долго лежали безъ особаго призора и, очевидно, расхищались, пока Никколò Никколи, съ цѣлью оградить ихъ отъ даль-

Hoc immensum opus donavit michi vir egregius dominus Ioannes Boccaccii de Certaldo, poeta nostri temporis, quod de Florentia Mediolanum ad me pervenit 1355, aprilis 10.

1) Fam. XVIII, 4.

2) Ркп. Ватиканы, 3199.

3) Corazzini, стр. 53—54; сл. de Nolhac, Bibliothèque de Fulvio Orsini, стр. 363 слѣд.

4) Corazzini, стр. 257 слѣд.

5) Ne laborem meum frustraveris et libro deformitatem ampliorem addideris.

6) Corazzini, стр. 428.

7) Сл. выше стр. 61.

нѣйшихъ утратъ, не устроилъ для нихъ въ монастырѣ особаго помѣщенія, которое и называли впослѣдствіи «библіотекой Боккаччьо» [1]. Часть рукописей, ему принадлежавшихъ, вошла въ инвентарь монастырскаго книгохранилища 1451 года; помѣтки противъ нѣкоторыхъ его нумеровъ [2] указываютъ, что хищенія продолжались, но еще въ концѣ XV-го вѣка библіотека Боккаччьо существовала, пока съ закрытіемъ монастыря въ пору французской оккупаціи и его книги не разбрелись по рукамъ вмѣстѣ съ другими монастырскими [3]. Такъ приписываемый рукѣ Боккаччьо экземпляръ Теренція, съ анекдотомъ о Гомерѣ и греческой эпиграммой о городахъ, считавшихся его родиной [4], принадлежалъ несомнѣнно къ коллекціи San Spirito, можетъ быть, и автографъ Боэціева De Consolatione [5]; въ амвросіанской библіотекѣ есть экземпляръ латинскаго перевода Этики Аристотеля съ комментаріями Ѳомы Аквинскаго и отмѣткой, что переписчикомъ былъ Іоаннъ изъ Чертальдо [6]; имъ же переписаны были эклоги Кальпурнія [7]; въ инвентарѣ библіотеки Лоренцо деи Медичи помѣчено: Книга сонетовъ и канцонъ Петрарки на пергаментѣ [8], писано рукой Боккаччьо [9].

Интереснѣе два сборника, вѣроятно, принадлежавшихъ Боккаччьо: одинъ изъ нихъ [10] содержитъ, между прочимъ, поэтиче-

1) Vespasiano dei Bisticci, Vite, ed. Bartoli, стр. 26, 479—480.

2) Fuit furatus.

3) Сл. Goldmann, Drei Italienische Handschriften-kataloge s. XIII—XIV въ Centralblatt für Bibliothekwesen, IV, стр. 137 слѣд. и отчетъ Novati въ Giorn. Storico d. letteratura ital. fasc. 30, стр. 413 слѣд.

4) Нынѣ въ Лауренціанѣ Pl. XXXVIII, 17; сл. Macrì-Leone, Vita di Dante, scritta da Giov. Boccaccio, стр. 94—5; Novati, l. c. стр. 424—5.

5) Vatic. № 3362. Сл. Novati, l. c. и прим. 3 на стр. 425.

6) Hortis, Studi, стр. 486.

7) Сл. Baehrens, Poetae lat. minores, стр. 67—8.

8) Di carta di chaveretto.

9) De Nolhac, Fac-similés de l'écriture de Petrarque, изъ Mélanges d'archéologie et d'hist. publ. par. l'École franç. de Rome t. VII, стр. 18.

10) Нынѣ въ Лауренціанѣ, Plut. XXIX, 8. О немъ и о Теренціи Лауренціаны подробно у Hauvette, Notes sur des Mss. autographes de Boccace à la bibliothèque Laurentienne въ Mélanges d'archéologie et d'histoire, XIV-e année,

скую корреспонденцію Данте съ Джьованни ди Вирджиліо[1]) и нѣсколько стихотвореній послѣдняго[2]); подложное (уже въ XIV-мъ вѣкѣ) письмо брата Иларія къ Угуччьоне делла Фаджьуола; посланія Данте къ кардиналамъ, къ изгнаннику изъ Пистойи и флорентійскому другу; «dissuasiones Valerii ad Ruffinum ne ducat uxorem» и отрывокъ Теофрастова περὶ γάμου въ латинскомъ переводѣ бл. Іеронима, которымъ Боккаччьо воспользовался въ своей біографіи Данте и который перевелъ въ комментаріяхъ на Божественную Комедію; нѣсколько латинскихъ стихотвореній Петрарки, между прочимъ на смерть Діонисія изъ Борго Санъ Сеполькро; его письмо (1347 года) къ Барбату, съ эпиграммой о Леліи[3]), и эклогу Argus; два стихотворенія Чекко да Милето, изъ нихъ одно въ отвѣтъ на помѣщенное вслѣдъ за нимъ посланіе Боккаччьо[4]). Съ нимъ мы вступаемъ въ область личнаго творчества: рядомъ съ первымъ наброскомъ III-ей эклоги (Faunus, 1347—8 г.)[5])—опыты юношеской поры, вродѣ стихотворенія къ усопшей дѣвушкѣ[6]) или аллегорическаго разсказа о Фаэтонтѣ[7]). Можетъ быть, къ той-же порѣ относится и біографическій очеркъ Петрарки, предпосланный его пьесамъ: въ немъ есть хронологи-

fasc. I—II, стр. 87 слѣд. Сл. ib. стр. 134 прим. 1 (о спискѣ Аристотелевой Этики въ Амвросіанской библіотекѣ: рукѣ Боккаччьо принадлежатъ лишь глоссы на поляхъ) и 135: ркп. Laur. XXXIII, 31: сборникъ различныхъ латинскихъ текстовъ, отъ Виргилія и Овидія до Vital de Blois. Въ Ioh[annes) на л. 16 об. Hauvette признаетъ почеркъ Лауренціанскаго Сборника Pl. XXIX, 8.

1) Сл. выше стр. 61.

2) Сл. Macrì-Leone, La Bucolica latina nella letteratura italiana del sec. XIV, стр. 67 слѣд.

3) Сл. Var. XLIX.

4) Сл. выше т. I, стр. 375—6; Macrì-Leone, l. c. стр. 51—2, прим. *.

5) Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд. 6) Сл. выше стр. 59—60 прим. 3.

7) Разсказъ, носящій странное заглавіе: De mundi creatione,—небрежный стилистически набросокъ, дѣйствительно напоминающій нѣкоторыми выраженіями и композиціею пріемы Боккаччьо, особенно его Filocolo, съ его громоздкимъ эпическимъ вступленіемъ къ узкой темѣ романа. Такъ и латинская статья переходитъ отъ праисторіи міра къ миѳу о Фаэтонтѣ, въ судьбѣ котораго Hortis (Studi, стр. 323 слѣд.; текстъ на стр. 357 слѣд.) видитъ аллегорическое изображеніе участи короля Андрея. Очевидно, только упоминаніе «партенопейцевъ» могло дать поводъ къ такому толкованію.

ческіе недосмотры, замѣтка составлена по слухамъ, о Петраркѣ сказано, что онъ донынѣ [1]) написалъ Африку, діалогъ въ прозѣ и другое; біографія Петрарки, завѣдомо написанная Боккачьо въ 1348—9-хъ годахъ и также заглазно, отличается большею точностью.— Вмѣстѣ съ этимъ пестрымъ литературнымъ матеріаломъ, обличающимъ любовь къ Данте и Петраркѣ, двумя астрономическими трактатами Андалоне ди Негро [2]), учителя Боккачьо, и замѣткой о мнимой эпитафіи Ливія, открытой въ Падуѣ [3])— нѣсколько юношескихъ писемъ поэта: къ Заноби да Страда [4]), къ Карлу, герцогу Дураццо (1339-го года), къ двумъ анонимамъ, къ какому то военному человѣку, также не названному [5]). Въ заголовкѣ или заключеніи писемъ, какъ и въ концѣ аллегорическаго разсказа, можно еще прочесть выскобленное имя: Iohannes de Certaldo; очень вѣроятно, что имя было уничтожено позднѣйшимъ владѣльцемъ рукописи, каноникомъ Антоніо Петреи, когда при папѣ Павлѣ IV Декамеронъ попалъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ [6]). Весь характеръ сборника указываетъ на литературные вкусы и отношенія Боккачьо, два греческихъ алфавита и копія съ одной греческой надписи напоминаютъ эпиграмму въ спискѣ Теренція: первые неловкіе шаги въ область незнакомыхъ языка и грамоты.

Если въ Теренціи Лауренціаны и описанномъ нами сборникѣ (съ л. 44 об.) признать руку самого Боккачьо [7]), то слѣдующій былъ писанъ не имъ, но для него и подъ его руководствомъ. Это его ученый carnet, то, что итальянцы зовутъ zibaldone. Сохранились такіе zibaldoni Саккетти, Антоніо Пуччи и друг.; они позволяютъ намъ заглянуть въ рабочую ихъ авторовъ-

1) In hodiernum diem.

2) О немъ сл. выше т. I, стр. 76 слѣд. и предисловіе Bertolotto къ изданному имъ Astrolabio di Andalò di Negro (въ Documenti e studii pubbl. a cura della società ligure di storia patria per la riunione del quinto congresso storico italiano. Genova, 1892).

3) Сл. выше стр. 92.

4) 1348 г. Сл. выше т. стр. 376—7.

5) Corazzini, стр. 439 слѣд. и стр. LXXVI введенія и выше т. I, стр. 108—9.

6) Hortis, Studi, стр. 260 прим. 2.

7) Какъ предполагаетъ Hauvette.

составителей, разъяснить, что̀ и какъ они читали и что̀ отмѣчали себѣ на память. Въ этомъ главный интересъ черновой тетради Боккаччьо [1]). Писана она по большей части одной рукой; вторая является кое-гдѣ въ промежуткахъ, можетъ быть, подъ руководствомъ первой; наконецъ, есть слѣды и третьей, позднѣйшей. Первыхъ листовъ до 20-го въ рукописи недостаетъ, но, вѣроятно, и они заняты были компендіемъ всеобщей исторіи, продолжающимся на слѣдующихъ листахъ: компендіемъ нѣсколько внѣшнимъ, собраннымъ изъ разныхъ источниковъ, въ извлеченіяхъ и пересказахъ, съ попытками критики и отмѣтками на поляхъ, исправляющими текстъ; черновая работа человѣка, желающаго сознательно усвоить и упорядочить для себя матерьялъ доступныхъ ему историческихъ свѣдѣній. Съ 20-го листа идутъ извлеченія изъ книгъ Цезаря De bello civili [2]) и изъ De bello gallico, приписанной Ирцію; подъ вліяніемъ Орозія Боккаччьо приписываетъ ту и другую Светонію, но не автору жизнеописаній Цезарей, а, вѣроятно, его прадѣду, разсчитываетъ онъ. Далѣе слѣдуютъ, въ порядкѣ хронологіи, біографіи Цезарей по дѣйствительному Светонію, но и здѣсь и тамъ къ основнымъ текстамъ присоединяются справки изъ Лукана, Флора, Евтропія, Орозія и Іосифа Флавія, ихъ показанія сравниваются и дѣлается выборъ. «Светоній (т. е. предполагаемый) и Луканъ мнѣ подозрительны, говорится въ одной глоссѣ, ибо порой они молчатъ о томъ, о чемъ слѣдовало бы сказать, и преувеличиваютъ маловажное»; либо отвергается разсказъ Евтропія, потому что Светоній (настоящій) ему противорѣчитъ. Когда кончился этотъ источникъ, составитель ведетъ разсказъ по Евтропію, Орозію и Евсевію; изсякъ Евтропій, «исторіи котораго я подражалъ» [3]), разсказъ слѣдуетъ Павлу Діакону, Орозію и, наконецъ, Мартину Полону— до л. 92 об., гдѣ остановилась рука перваго переписчика, предоставивъ другому продолжать извлеченія. Но онъ не разсчи-

1) Bibl. nazionale II, 327; сл. Macrì-Leone, Il Zibaldone Boccaccesco della Magliabecchiana, Giorn. Stor. d. lett. italiana, № 28—9, стр. 1 слѣд.

2) I, 6 слѣд. 3) Ymitatus sum.

талъ необходимаго для этого числа листовъ; по мѣрѣ того, какъ являлся новый матеріалъ чтенія, онъ вносилъ замѣтки въ разныя мѣста своей книги, оставляя чистые листы для продолженія, иные не записывая вполнѣ съ той-же цѣлью. Такъ его рукой уже написаны были листы 98—124-й, когда вторая рука, продолжавшая съ 92-го листа извлеченія изъ Мартина Полона, дойдя до 97-го, принуждена была остановиться за недостаткомъ мѣста и отнести читателя къ 125-му листу, гдѣ мы и найдемъ окончаніе чернового историческаго компендія. Этой второй рукой написано, быть можетъ, нѣсколько строкъ на л. 162 об. и, въ концѣ сборника [1]), письмо Петрарки къ Аччьяйоли; все остальное принадлежитъ первой рукѣ. На л. 98 лиц. помѣщено хронологическое исчисленіе, долженствующее доказать, что Христосъ родился 25-го марта въ пятницу и лѣтъ его жизни было 33 года и три мѣсяца. Эта статья подписана: Iohannes de Certaldo; мы узнаемъ старые астрономическіе и хронологическіе вкусы Боккаччьо; но статья перечеркнута на крестъ и имя выскоблено, хотя его еще можно прочесть; можетъ быть, своей выкладкой Боккаччьо остался недоволенъ, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что на 100-мъ листѣ помѣщенъ отрывокъ изъ Мартина Полона по тому-же вопросу.—Слѣдуетъ [2]) рѣчь Заноби да Страда, о которой Боккаччьо писалъ автору въ письмѣ отъ 1348 года [3]), что онъ не только читалъ ее, но и списалъ для себя. Разумѣется, вѣроятно, копія, внесенная въ разбираемую нами записную тетрадь. Далѣе [4]): письмо Боккаччьо къ Заноби (1353 года), подписанное: Iohannes de Certaldo Zenobio da Strata; на л. 118 лиц. отрывокъ другого письма, очевидно къ тому же лицу. На слѣдующихъ листахъ мы встрѣчаемъ выписки изъ Фульгенція [5]), Саллюстія [6]), Плинія Секунда [7]), Сенеки [8]), Овидія [9]). Изъ Саллюстія [10]) приведена грече-

1) Л. 292 об.—295 лиц.
2) Л. 100 об.
3) Сл. выше т. I, стр. 376—7.
4) Л. 104 лиц.
5) Л. 105 об.
6) Л. 107 лиц.
7) Л. 119 лиц.—120 об.
8) Л. 129 об. и 147 лиц.
9) Л. 163 лиц.
10) l. VII, c. 58.

ская надпись, бывшая въ Дельфахъ и затѣмъ перенесенная въ Римъ, какъ и ранѣе того въ извлеченіяхъ изъ Светонія [1]) скопированы греческія слова: Cornix in Capitolio locuta est ἔσται πάντα καλῶς. Занятія съ Варлаамомъ оставили свои слѣды. Характерна выборка афоризмовъ изъ Сенеки, распредѣленная по рубрикамъ: о бѣдности и т. д.; писано въ два столбца и столбцы не заполнены—ожидались новыя приращенія; такъ составлялись флорилегіи, выборки общихъ мѣстъ изъ классиковъ, которыми гуманисты разцвѣчивали излюбленныя ими этическія темы.—Двѣ статьи указываютъ на миѳологическія штудіи Боккаччьо къ его Генеалогіямъ боговъ; это генеалогія людей и боговъ по Павлу изъ Перуджіи [2])—не извлеченіе изъ его Collectanea, а принадлежащій ему же компендій—и родословная боговъ по Франческо дельи Альбицци и Форезе Донати [3]). На л. 123 слѣд. выписана реляція флорентійскихъ купцовъ изъ Севильи объ открытіи въ 1341-мъ году Канарскихъ острововъ; на поляхъ помѣтка той-же рукой: что начальствовалъ кораблями флорентинецъ Теггья деи Корбицци. Эта статья отвѣчала географическимъ интересамъ Боккаччьо, какъ и разсказъ о странствованіяхъ Гайтона Армянина.—Съ листа 164 лиц. начинается выборка изъ хроники венеціанца Паолино, епископа Пуццольскаго, съ такой его характеристической: какой-то венеціанецъ, монахъ орденовъ эремитовъ, пуццольскій епископъ при королѣ Іерусалима и Сициліи, Робертѣ, затѣялъ написать—конкорданцію-ли міровыхъ царствъ и царей, либо скорѣе лабиринтъ анналъ, путая все, часто выдавая ложное за истинное, а иногда сообщая кое-что, заимствованное изъ неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ, можетъ быть, и достовѣрное. Если мнѣ придется брать у него свѣдѣнія, не встрѣтившіяся мнѣ въ другихъ источникахъ, я буду цитовать его, какъ венеціанца, venetus. — Эта характеристика поражаетъ откровенностью недовѣрія, и критикъ проявляетъ его на каждомъ шагу, глумясь надъ бѣднымъ

1) Л. 67 об.

2) Л. 110 лиц.

3) Л. 121 лиц. слѣд.

венетомъ, иронизируя и бранясь: онъ у него и безпамятный[1]), и дуракъ[2]), и маратель[3]); его не поймешь, будь онъ проклятъ[4]); или: на этотъ разъ венетъ приложилъ къ разсказу всѣ свои старанія[5]); или: Боже мой, какъ нескладно и неладно говоритъ этотъ пакостникъ венетъ![6]). — Извлеченія изъ него вызывали добавленія: такъ по поводу родословной французскихъ королей сказано, что Филиппъ VII, вѣроятно, отецъ нынѣшняго короля Іоанна[7]), съ помѣткой 1356-го года[8]); царствующимъ королемъ Неаполя названъ Людовикъ (1352—1362), а списокъ замѣчательныхъ людей[9]) умноженъ указаніемъ на ближайшихъ по времени и современниковъ: Данте, Муссато, Чино изъ Пистойи, Петрарку, Заноби де Страда, Павла Геометра, Джьованни Виллани, Джьотто, Дино дель Гарбо, юриста Дино де Розоно, скульптора Джьованни изъ Пизы, Альдобрандино Оттобони — второго Фабриція, Коппо Боргези Доменики, флорентійца, преданнаго республикѣ и блюстителя нравственности и др. [10]).

Мы познакомились съ содержаніемъ рабочей тетради Боккаччьо. Она составлялась разновременно и врозь: посланіе Заноби могло быть внесено въ нее въ 1348-мъ году; вскорѣ послѣ того миѳологическіе трактаты Паоло, Альбицци и Донати, помѣщенные черезъ нѣсколько листовъ; если они записаны были, какъ матеріалы для Генеалогій, то послѣднія начаты были, вѣроятно, въ 1350-мъ году. Къ 1351-му относитъ насъ слѣдующее: на л. 49 лиц. говорится о Титѣ Ливіи, «cui in scribendo ystoriam nemo conferri potuit» — и о мнимой его эпитафіи, открытой въ Падуѣ, въ монастырѣ св. Юстины; тѣ-же свѣдѣнія занесены, какъ отдѣльная за-

1) Smemoratus.
2) Bestia.
3) Imbractator
4) Maledicatur venetus.
5) Bene hic conatus omnes posuit venetus in dictando.
6) Merdosus; сл. еще Gen. Deor. XIV, 8: dicacitate prolixa.
7) Hodierni.
8) Л. 187 об.
9) Л. 225 лиц. и слѣд.
10) Сл. выше т. I, стр. 377—8, 468—9.

*

мѣтка, въ описанный выше сборникъ Лауренціаны[1]), гдѣ приведена и самая эпитафія; понятно, что Боккаччьо не повторилъ ее въ своей рабочей тетради, но воспроизвелъ въ дошедшей до насъ коротенькой біографіи Ливія, при чемъ встрѣчается въ характеристикѣ послѣдняго та-же фраза, что и въ тетради: nec quemquam eo scribente secum conferre potuisse[2]). Ясно, что біографія и соотвѣтствующее мѣсто исторической компиляціи стоятъ въ связи; 1351-й годъ, какъ хронологическая точка отправленія, получается изъ замѣтки рабочей тетради на л. 70 лиц.: что св. Лаврентій пострадалъ не при Деціи, какъ писалъ Евтропій, а при Галіэнѣ, «какъ я нашелъ въ пассіоналахъ святыхъ въ Падуѣ, въ монастырѣ св. Юстины». Въ 1351-мъ году Боккаччьо провелъ нѣсколько дней въ Падуѣ, въ гостяхъ у Петрарки; тогда-же онъ могъ видѣть въ монастырѣ св. Юстины и мнимую эпитафію Ливія.

Упоминаніе короля Іоанна съ 1356-мъ годомъ не мѣшаетъ предположенію, что въ записной книгѣ Боккаччьо отдѣльныя замѣтки могли быть вносимы и послѣ этого года, но ихъ хронологію трудно услѣдить. На л. 194 лиц. и 207 об. говорится, что Констанція была дочерью Руджьера, что̀ исторически вѣрно; это повторено въ De Casibus[3]), съ замѣчаніемъ, что, по мнѣнію иныхъ, Констанція была дочерью Вильгельма II; ясно, что соотвѣтствущее мѣсто въ De Claris mulieribus, гдѣ приводится лишь послѣднее свѣдѣніе, написано раньше замѣтки въ zibaldone, и остается объяснить забывчивостью Боккаччьо, если онъ не исправилъ въ послѣднемъ трудѣ, составленномъ въ 1357—63-хъ годахъ, что̀ исправлено въ De Casibus (отъ 1356—до 1363—4-го года), писанномъ почти одновременно.

Но мы можемъ ограничиться и тѣми хронологическими данными, которыя сообщаетъ zibaldone: отъ 1348-го года (рѣчь Занноби) до 1356-го (упоминаніе царствующаго французскаго короля), въ теченіи восьми лѣтъ, если не болѣе, онѣ раскрываютъ

1) Сл. выше стр. 99.

2) Сл. Hortis, Cenni di G. B. intorno a Tito Livio, въ приложеніи, стр. 98.

3) De Cas. IX, 14: De Guilielmo tertio.

намъ ученый intérieur Боккаччьо, знакомятъ съ вопросами, которые его интересовали, съ пріемами его работы, работы ощупью, безъ руководства, гдѣ часто инстинктъ замѣнялъ критику. Вспомнимъ, что это годы перелома, когда дописывался Декамеронъ, поднимались противъ него голоса серьозныхъ людей, и самъ авторъ переживалъ эпоху Корбаччьо. Отъ амурной поэзіи онъ переходилъ къ наукѣ, собираетъ матерьялъ для своихъ латинскихъ трактатовъ; Генеалогіи Боговъ уже заказаны ему королемъ Гуго; нѣкоторыя свѣдѣнія, записанныя въ zibaldone, повторяются не только въ нихъ [1]), съ такими же нелестными эпитетами по адресу «венета», но и въ De claris Mulieribus [2]), въ De Casibus [3]) и въ комментаріяхъ на Божественную Комедію [4]), съ поправками, уже сдѣланными на поляхъ записной книги. Такъ анекдотъ, разсказанный «венетомъ» о Діогенѣ, вызвалъ исправленіе, что онъ относится къ Гомеру, Тотила у Мартина Полона — замѣчаніе, что это имя ошибочно вмѣсто Аттилы; въ комментаріяхъ все это принято во вниманіе.

III.

Такъ слагались въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ ученыя занятія Боккаччьо, въ нихъ онъ искалъ отрезвленія и покоя; онъ внутренно остепенился; вмѣстѣ съ тѣмъ мы начинаемъ встрѣчать его и на почвѣ общественной дѣятельности, въ посольствахъ Флорентійской республики. Его донесенія синьоріи, которыми еще пользовались академики della Crusca, утрачены, но онѣ едва-ли принесли бы намъ новыя данныя къ его характеристикѣ, какъ общественнаго дѣятеля. Его политическіе взгляды легко уяснить себѣ изъ его произведеній, порученіе

1) Напр. о Тритонѣ VII, 7.

2) О Паолинѣ, с. 56.

3) О Гайтонѣ, о храмовникахъ, IX, 20, 21.

4) Ed. Milanesi, v. I, p. 125: о Музеѣ, Линѣ и Орфеѣ, первыхъ поэтахъ-богословахъ.

республики было знакомъ довѣрія не столько къ его дѣловитости, сколько къ его учености, умѣнью владѣть латинскимъ стилемъ и цвѣтисто говорить: время требовало, чтобы при посольствѣ былъ гуманистъ; другіе дѣйствовали, Петрарка и Боккаччьо произносили витіеватыя рѣчи, плоды кабинетныхъ работъ и выписокъ zibaldone.

Въ одномъ документѣ 1350-го года подъ 11-е ноября говорится о Боккаччьо, какъ о бывшемъ посланникѣ въ Романью [1]). «Бывшій» (olim) растяжимо; едва-ли имѣется ввиду равеннская поѣздка 1346 г. [2]); можетъ быть, намъ нечего и выходить изъ предѣловъ 1350 года: по свидѣтельству одного нынѣ утраченнаго, впрочемъ, заподозрѣннаго акта, Боккаччьо ѣздилъ въ Романью именно въ этомъ году, будто бы съ цѣлью передать десять золотыхъ флориновъ дочери Данте, Беатриче, постригшейся въ монастырѣ Санъ-Стефано dell'Uliva [3]). Поѣздка состоялась во всякомъ случаѣ ранѣе начала октября и пріѣзда Петрарки во Флоренцію. Равенной правилъ тогда Бернардино Полента, относившійся къ Боккаччьо такъ-же дружественно, какъ его отецъ Остаджіо [4]). Изъ старыхъ равенскихъ пріятелей [5]) еще былъ въ живыхъ Менгино Меццани, нотаріусъ и поэтъ, помнившій Данте, авторъ одной изъ эпитафій на его гробницу, большой знатокъ Божественной комедіи, содержаніе которой онъ изложилъ въ терцинахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэтическій корреспондентъ Петрарки и Антоніо изъ Феррары, какъ разъ, гостившаго въ Равеннѣ при Бернардино [6]).

Не къ этой-ли равеннской поѣздкѣ Боккаччьо слѣдуетъ отнести его бесѣду съ служилымъ человѣкомъ короля Гуго, Бек-

1) Dominus Iohannes Boccacci, olim ambaxiator transmissus ad partes Romandiolae, у Mehus, Vita Ambrosii, стр. CCLXVII.

2) Сл. выше, т. I, стр. 375.

3) Сл. Imbriani, Giorn. Napoletano, N. S., v. VII (подозрительно и самое существованіе Беатриче).

4) Сл. выше, т. I, стр. 60.

5) Сл. выше, т. I, стр. 375.

6) Ricci, L'ultimo rifugio di Dante Alighieri, стр. 218 слѣд.

кино Беллинчьони, напомнившимъ ему о Генеалогіяхъ боговъ? Въ 1346 году, когда Боккаччьо жилъ при дворѣ Остаджіо, онъ едва-ли былъ на столько извѣстенъ, чтобы обратить на себя вниманіе короля, тѣмъ болѣе, что упоминаніе относилось къ заказу, сдѣланному ранѣе [1]). Можетъ быть, въ тому же году относится и знакомство съ Донато дельи Альбанцани [2]); въ 1350 году Боккаччьо было 37 лѣтъ; если въ XVI-й эклогѣ Альбанцани называетъ его старикомъ, то эклога была написана, вѣроятно, въ 1363-мъ году, и «старикъ» подсказанъ ея обстановкой.

Въ эту-то пору нравственныхъ колебаній и совершавшагося перелома Боккаччьо впервые познакомился съ Петраркою. Онъ далъ тонъ его «новой жизни».

Это было въ 1350 году. Петраркѣ было 46 лѣтъ. Пламенный поэтъ Лауры уступилъ мѣсто мыслителю, серьезно глядѣвшему на задачи жизни. Такъ казалось всѣмъ, представлялось и самому Петраркѣ; это самосознаніе импонировало его современникамъ. Въ сущности, его любовь была односторонняя монодія, не знавшая встрѣчности, не столько страстный мотивъ, сколько тема для художественнаго анализа своего собственнаго я, допускавшая всѣ средства реторики и объясняющая ихъ излишекъ. Онъ любилъ въ Лаурѣ не столько ее самое, сколько свое собственное чувство, любовался имъ, и когда фавны и дріады хвалили его пѣсни [3]), естественно и спокойно соединялъ любовь съ идеями славы, Лауру съ символомъ лавра. Позднѣе, когда годы и занятія настроили его строже, новый моментъ также естественно входилъ въ кругъ его самоанализа, и онъ смотрѣлъ, какъ любовь и слава вступали въ борьбу съ идеями добродѣтели, съ мыслью о бренности человѣка и вѣчномъ спасеніи. Что его интересуетъ— это событія его внутренняго міра; онъ говоритъ о нихъ настойчиво и откровенно, съ реторизмомъ убѣжденія, видимо придавая

1) Сл. выше, т. I, стр. 96.

2) Сл. выше, стр. 60.

3) Сл. выше стр. 57.

важное значеніе всему, что въ немъ происходитъ. Это всѣхъ и увлекало. Его откровенность показатель самосознанія, какъ и постоянныя обвиненія фортуны, которая хочетъ сломить его—и не сломитъ. Онъ знаетъ себѣ цѣну и выражаетъ это наивно и увѣренно, съ налетами скромности; это обрядовая фата, прикрывавшая нескромное, но естественное требованіе славы. Въ юности, говоритъ онъ, онъ не читалъ Данте, дабы не стать его подражателемъ [1]); ревниво бережетъ свой стиль отъ невольныхъ заимствованій [2]), потому что чувствуетъ свою оригинальность, способность достигнуть высшаго собственными силами. Онъ затѣвалъ большой поэтическій трудъ на народномъ языкѣ, писалъ онъ впослѣдствіи Боккаччьо [3]), и уже собралъ камни и лѣсъ для постройки, но оставилъ. Онъ хочетъ увѣрить насъ, что его Canzoniere—отрывки этого грандіознаго цѣлаго, «Rerum vulgarium fragmenta» [4]); фрагменты, то-есть обрѣзки, отбросы, смѣялись впослѣдствіи его хулители [5]). Позже, когда его идеаломъ стали гуманистическія занятія, онъ съ прискорбіемъ смотрѣлъ на свои юношескія забавы, пустячки [6]), но это не мѣшало ему распространять ихъ [7]), потому что онѣ доставляли ему дружбу вліятельныхъ людей, окружая славой его имя [8]). Оттого онъ постоянно возвращается къ ихъ тщательной отдѣлкѣ [9]), какъ къ отдѣлкѣ своихъ эклогъ [10]) и стилизаціи своихъ писемъ, тогда какъ Декамеронъ онъ пробѣжалъ, какъ путникъ, который спѣшитъ и смотритъ на ходу: книга написана прозой, для народа,

1) Fam. XXI, 15.

2) Fam. XXII, 2; сл. выше, т. I, стр. 438—9.

3) Sen. V, 2.

4) Vat. 3195; Chigiano L, V, 176; такъ и въ падуанскомъ изданіи 1472 г.

5) У Domenico da Prato.

6) Nugellas, ineptias въ письмѣ къ Малатестѣ Sen. XIII, 10, 1372 года (сл. Var. XXXI); mulcendis vulgi auribus intenta въ посвященіи Familiares.

7) Sen. XIII, 10; Epist. poet. I, 1: къ Барбато.

8) Sen. XVI, 1; canz. Quell'antico mio dolce, v. 110 слѣд.

9) Сл. выше прим. 6, письмо къ Пандольфо Малатестѣ.

10) Fam. XXII, 2, 1359 года и еще въ 1364 году. Сл. De Nolhac, La bibliothèque de Fulvio Orsini, стр. 287—8.

она слишкомъ пространна, а жизни осталось немного, лучше посвятить остатокъ дней болѣе серьезнымъ занятіямъ. Такъ писалъ онъ въ 1373 году другу Боккаччьо [1]; но въ пустякахъ Canzoniere была часть его собственнаго «я». Имъ онъ дорожилъ; онъ полонъ имъ въ уединеніи; въ поэтическомъ otium, котораго онъ ищетъ, онъ никогда не бываетъ одинъ, но онъ убѣжденъ, что его «я» интересно и для толпы, и любитъ показываться въ ней, ожидая признанія. Никто не говорилъ такъ простодушно о незаслуженной извѣстности [2] и никто такъ не районнировалъ своими письмами; онъ пишетъ въ виду вѣковъ [3]. Мы готовы ему повѣрить, что онъ не знаетъ зависти [4], такъ глубоко въ немъ сознаніе его превосходства; но и зависть къ себѣ онъ ощущаетъ тѣмъ больнѣе, что она кажется ему незаслуженной [5]. Онъ ищетъ дружбы, но чаще всего у него встрѣчаются выраженія: онъ любилъ *меня*, былъ *мнѣ* преданъ; онъ откровенно сторонится отъ дружбы съ равными, совопросниками, меньшіе ему милѣе: это призванные, беззавѣтные поклонники, къ нимъ онъ спускается запросто, интимно; таковы его отношенія къ Заноби и Нелли. Если онъ совѣтуетъ [6] избѣгать близости съ высшими, то здѣсь его собственный, житейскій опытъ противорѣчилъ ему, но онъ величаво выходилъ изъ противорѣчій, можетъ быть, не столько въ силу счетовъ съ своей совѣстью, сколько въ силу своего самомнѣнія. Оно то и помогло ему рѣшить для себя вопросъ, волновавшій всѣхъ, кто подобно ему стремился отдаться исключительно гуманистической наукѣ и поэзіи и въ поискахъ за обезпеченностью и свободой находилъ первую и терялъ вторую — въ служеніи какому-нибудь культурному тирану, «хозяину піэ-

1) Sen. XVII, 3.

2) Fam. XIX, 16 и passim.

3) Epist. poet. II, 4: nec unquam Scribere concipio, quin secula cuncta paranti — Occurrant.

4) Fam. XXI, 15 и passim.

5) Сл. напр. Epist. poet. II, 11: къ Зоилу; III, 9: къ Заноби.

6) Экл. III, сл. выше стр. 56.

ридъ». Разставшись съ своимъ покровителемъ, Джьованни Колонной [1]), Петрарка указываетъ на причины своего удаленія: Джьованни состарѣлся, когда-то любезный, онъ сталъ суровѣе и несговорчивѣе, а онъ, Петрарка-Амиклъ, чаетъ себѣ въ старости — свободы. Кто свободенъ духомъ, отвѣчаетъ ему Джьованни, теряетъ званіе служителя. Эту точку зрѣнія усвоилъ себѣ Петрарка, когда дружилъ съ Аццо деи Корреджи и жилъ при дворѣ Висконти: онъ чувствовалъ себя интеллектуально свободнымъ въ матеріальномъ рабствѣ, лишь бы оно не связывало его занятій [2]); увѣрялъ себѣ, что никогда не поступался своей свободой [3]), не способенъ льстить, толкаться у чужихъ пороговъ [4]), не разъ отказывался, когда папы предлагали ему мѣста въ куріи, именитые люди и синьоры Италіи умоляли принять ихъ гостепріимство [5]). Онъ умѣлъ внушать уваженіе, обязывалъ имъ, его вниманіе цѣнилось на вѣсъ золота; съ Фаціо дельи Уберти Луккино Висконти обходится какъ сытый баринъ съ бѣднымъ поэтомъ, за Петраркой онъ ухаживаетъ. Да у него и нѣтъ набольшихъ, подсказывала Петраркѣ его гордость: онъ имъ нуженъ, не они ему [6]), онъ выше ихъ головою; они обязаны прислушаться къ его вѣщаніямъ и суровымъ глаголамъ обличенія. Они—та-же толпа, прикованная къ славѣ гуманиста и оплачивающая его досуги.

Съ этимъ вмѣстѣ онъ входилъ въ роль учителя, проповѣдника; онъ создавалъ репутаціи, ростилъ славу; обильно лились и словоохотливо развивались афоризмы, старые и новые, пышная классическая фраза придавала неожиданный блескъ будничной житейской истинѣ, раскрывались перспективы антика, заманчивыя и величавыя. Петрарка вживался во всѣ эти фантазіи, слушатели увлекались эстетически идеалами доблести и величія,

1) Ганимедъ VIII-й эклоги, 1347 года.
2) Fam. XIII, 5, 1352 года: къ Нелли, и passim.
3) Сл. письмо къ потомству.
4) De contemptu mundi, dial. II, стр. 345.
5) Fam. XIV, 4; сл. Contra med. Inv. II, стр. 1088, 1094, 1095.
6) Sen. VII, 12.

переноси громы укоровъ и обоняя ѳиміамъ похвалъ; это щекотало нервы, какъ несбыточные сказочные страхи, отъ которыхъ по тѣлу бѣгаютъ мурашки; возбуждало благородныя чувства и очищало страсти, какъ въ драмѣ, не обязывая къ дѣлу и не вызывая гнѣва, тѣмъ болѣе, что самъ Петрарка постарался избѣжать его, устранивъ свое имя и имена адресатовъ изъ послѣдняго изданія такъ называемыхъ Epistolae sine titulo. Реторическій паѳосъ не шелъ въ немъ въ уровень съ гражданскимъ чувствомъ, и его инвективы противъ римской куріи сводились къ обличенію изъ-за угла, вродѣ того посланія «Левіаѳана, князя тьмы», которое при Климентѣ VI нашли однажды въ Авиньонѣ, у дома одного кардинала: посланія къ намѣстнику Левіаѳана и его слугамъ, кардиналамъ и прелатамъ, съ благодарностью за ихъ усердіе и въ надеждѣ грядущей побѣды надъ Христомъ [1]).

Такими-же эстетическими идеалами измѣряется и общественное вліяніе Петрарки; онъ самъ его характеризовалъ, говоря объ участи Кола ди Ріенцо: трибунъ свободы очутился въ Авиньонской тюрьмѣ, его можетъ спасти — развѣ репутація поэта, писалъ Петрарка къ Нелли [2]), приглашая его посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ и понегодовать. Но къ самому Петраркѣ относились, какъ къ поэту, оратору при дѣловыхъ людяхъ, а онъ воображалъ, что вѣщаетъ серьозно, тѣмъ серьознѣе, когда дѣло шло о вопросахъ этики. Въ такихъ случаяхъ онъ становился наставникомъ нравственности: его борьба съ самимъ собою получила въ его глазахъ значеніе подвига, она-то и давала ему право на учительство. Онъ самъ поборолъ себя, и трудная побѣда осѣнила его какимъ-то элегическимъ ореоломъ; онъ суровъ, иногда до черствости, его рѣзкія отношенія къ сыну Джьованни, о которыхъ мы знали до сихъ поръ лишь изъ его нареканій и которыя освѣтила недавно корреспонденція Нелли [3]), показываютъ, что и

1) Anzeiger f. Kunde d. deutschen Vorzeit XVI, стр. 9—11; сл. Matteo Villani II, 48.

2) Fam. XIII, 6, 1352 г.

3) Cochin, № XXIX.

въ своихъ отцовскихъ чувствахъ онъ не покидалъ того-же эгоистическаго критерія, не чуткаго къ человѣческимъ типамъ, если они не подходили подъ его идеальную мѣрку. Часто говоритъ онъ о бренности, объ аскезѣ: это столько-же христіанское настроеніе, сколько рельефъ глубоко-ощущаемой духовной жизненности. Въ его заглазной характеристикѣ у Боккаччьо мы подчеркнемъ его привѣтливость, степенность, склонность къ смѣху— не къ распущенному хохоту Декамерона: онъ и не шелъ къ его фигурѣ, задрапированный въ широкія складки восторговъ и негодованій, показно-спокойной и таинственной.

Она произвела на современниковъ невыразимое впечатлѣніе: внезапно явился передъ всѣми, въ живомъ осуществленіи яркаго таланта и наивнаго самосознанія, идеалъ, къ которому шла вся эволюція личности. Этимъ объясняются окружившіе Петрарку лучи народной славы,—не вліяніемъ его сочиненій, которыя распространялись туго, такъ что даже его флорентійскіе друзья и почитатели многихъ изъ нихъ не знаютъ и путаютъ ихъ заглавія [1]). Его обаяніе было личное, но онъ умѣлъ поддержать его и вчужѣ; его носятъ на рукахъ, передъ нимъ раболѣпствуютъ, синьоры и грамматики заслушиваются его, когда за столомъ у Французскаго короля онъ бесѣдуетъ о фортунѣ; забываютъ о ѣдѣ, когда въ обществѣ дамъ онъ читаетъ свои итальянскія стихотворенія [2]); собираютъ его письма, перехватываютъ ихъ [3]), списываютъ, выпуская адреса, какъ назиданія, какъ философскіе трактаты. Воклюзъ становится цѣлью литературнаго поломничества [4]), Петрарка пишетъ Роберту, графу ди Баттифолле, извиняясь, что обращается къ нему, хотя и не знакомый; мнѣ-ли не знать тебя! восклицаетъ Робертъ, вѣдь твое имя славно повсюду,

1) Сл. сопоставленіи у Cochin, l. стр. 41 слѣд. и письма № I, XIV, XXIV, XXVIII.

2) Donato degli Albanzani у Hortis, Scritti inediti, стр. 232.

3) Fam. V, 16; XVIII, 7; XX, 6; Sen. XVII, 4 = Fracassetti, т. II, стр. 563.

4) Сл. Fam. XII, 12; Боккаччьо, De Fontibus, a. v. Sorgia; сл. еще Contra med. Inv. IV, стр. 1111.

до звѣздъ и выше эѳира — и онъ проситъ поэта посѣтить холмы Апеннинъ: я и они молимся на тебя [1]). Это богъ въ человѣческой плоти, говорилъ о Петраркѣ Бенинтенди [2]); клянусь Богомъ и моей совѣстью, пишетъ Петраркѣ одинъ изъ скромныхъ его поклонниковъ [3]), никого я такъ не люблю, какъ тебя, никто такъ не присущъ моей душѣ; съ юныхъ лѣтъ я привыкъ дивиться и поклоняться тебѣ, избралъ тебя вождемъ, идеальнымъ образцомъ жизни [4]); такъ прельстила меня твоя человѣчность, обаяніе личности [5]), какое-то невѣдомое страстное чувство [6]), что нерѣдко я пренебрегалъ твореніями другихъ славныхъ мужей и стремился лишь къ твоимъ, всюду ихъ собирая [7]).

Чаще всего этотъ невѣдомый, страстный порывъ, это благоговѣніе выражались въ формахъ чувства, занявшаго видное мѣсто среди эстетическихъ идеаловъ гуманизма: чувства дружбы, смѣшаннаго изъ любви къ интеллектуальному содержанію личности и самолюбія; именно къ гуманистической разновидности дружбы идетъ опредѣленіе La Rochefoucauld: что это общеніе, въ которомъ самолюбіе всегда разсчитываетъ на выигрышъ [8]). Въ 1344-мъ году пармскій судья и поэтъ Габрій (Габріэле) Замореo обратился къ Петраркѣ съ стихотворнымъ посланіемъ: имъ движутъ любовь и страхъ; любовь, ибо обновились древніе нравы, снова наступило царство Сатурна, золотой вѣкъ, явились и прежніе доблестные мужи: Гомеръ и Маронъ и Овидій ожили въ Петраркѣ — и Габрія обуяло желаніе овладѣть его любовью, вступить съ нимъ въ союзъ Ореста и Пилада, Низа и Евріала, Тидида и Улисса. Но любовь породила и страхъ: первое условіе

1) Ego te cum illis adoro. Сл. Mehus, Vita Ambr. стр. CXXVI.

2) Voigt, Briefsammlungen стр. 29.

3) Paolo di Bernardo.

4) Imaginarium vite testem.

5) Presencia rerum?

6) Secretus ardor.

7) Voigt. l. c., стр. 81.

8) Un commerce, où l'amour propre se propose toujours quelque chose à gagner.

дружбы — слово, слова пытаютъ путь къ сердцу, языкъ его вѣстникъ; Габрій хочетъ писать, но какъ писать такому поэту? Тутъ побѣдила любовь: пусть Петрарка не погнушается принять его въ число друзей, богатый — бѣднаго, пусть ихъ сердца соединятся, ты будешь старшимъ, я меньшимъ; будь вторымъ «я» [1]).

Боккаччьо готовъ стать однимъ изъ меньшихъ братьевъ. Онъ еще не знакомъ съ Петраркой, восхищался его лирикой, читалъ немногія изъ его латинскихъ произведеній, и благоговѣя передъ нимъ издали, собираетъ о немъ свѣдѣнія со словъ другихъ. Съ этимъ матеріаломъ въ рукахъ онъ написалъ въ 1348—9-хъ годахъ коротенькую біографію-панегерикъ, гдѣ довольно вѣрно схвачены характеристика и внѣшній обликъ поэта и понятны нѣкоторые недочеты [2]). И Петрарку, какъ Боккаччьо, съ юности влекло къ поэзіи, Аполлонъ и піэриды посѣщали его, когда въ Болоньѣ онъ принужденъ былъ слушать лекціи права; и у него помѣхой явился отецъ, не понимавшій призванія сына, предпочитая временное вѣчному; но и въ Монпеллье, куда отецъ перевелъ его для продолженія юридическихъ занятій, онъ, горя касталійскимъ пламенемъ, продолжалъ отдаваться поэзіи. Что̀ онъ совершилъ, то показываютъ его творенія, говоритъ Боккаччьо; если бы дозволено было усвоить себѣ мнѣніе самосскаго философа о переселеніи душъ, можно было бы сказать, что въ Петраркѣ обновился, по отношенію къ поэзіи, Виргилій, по отношенію къ нравственной философіи Цицеронъ и Сенека. Въ уединеніи Воклюза, прелести котораго онъ самъ изобразилъ въ стихотворномъ посланіи [3]) къ Діонисію изъ Борго Санъ Сеполькро, Петрарка написалъ многое въ прозѣ и стихахъ, между прочимъ великій и чудесный трудъ, обличающій скорѣе божественный, а не человѣческій умъ: свою Африку. —

1) Mehus, Vita Ambr. стр. CCI слѣд.

2) Напечатано у Rossetti, G. Celso и Boccaccio.

3) Carmine Calliopeo.

Слѣдуютъ нѣсколько словъ о пребываніи поэта въ Авиньонѣ и у короля Роберта, передъ лицемъ котораго онъ такъ изящно защитилъ свою науку и науку древнихъ поэтовъ, что король, жаждавшій познать все похвальное, бросилъ занятія богословіемъ и философіей, чтобы отдаться тому, что дотолѣ презиралъ. Вѣнчаніе на Капитоліи, о чемъ Петрарка самъ писалъ въ стихотворномъ посланіи къ Баррили, и переѣздъ въ Парму, гдѣ онъ и *теперь* пребываетъ, — вотъ послѣднія біографическія данныя панегерика, переходящаго въ портретъ, писанный заглазно, но любовно, по слухамъ, но съ увлеченіемъ и видимымъ желаніемъ уяснить себѣ идеальный образъ человѣка, который и въ глазахъ современниковъ представлялся стоящимъ на пьедесталѣ. На этомъ солнцѣ нѣтъ пятенъ, развѣ—любовь; но пѣвецъ любви забытъ, ушелъ безъ остатка въ морализующаго гуманиста. Лаура оказывается аллегоріей лавра, славы, какъ и Филиппо Виллани знаетъ ее символомъ и Джьякомо Колонна подозрѣвалъ, что она ничѣмъ инымъ и не была [1]); вспомнимъ, что въ началѣ 40-хъ годовъ Боккаччьо искалъ успокоенія въ идеализаціи Фьямметты.—И такъ Петрарка блещетъ не только умомъ, но и нравами; любитель уединенія, охотно называющій себя Сильвіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обходителенъ, радушенъ и всѣмъ доступенъ; для того, чтобы свободнѣе отдаться своимъ занятіямъ и избѣгнуть мірскихъ дрязговъ, онъ сталъ клерикомъ по жизни и одеждѣ, но ограничился лишь незначительными бенефиціями, избѣгая большихъ, какія предлагали ему папы, дабы не попасть изъ Сциллы въ Харибду. Онъ высокъ ростомъ, красивъ, съ круглымъ, нѣсколько смуглымъ лицомъ; глаза серьезны, привѣтливы и проницательны; движенія отличаются сдержанностью; онъ часто отдается веселому смѣху, никогда глупому хохоту; говоритъ степенно и шутливо, но большею частью вызванный вопросомъ, и тогда отвѣчаетъ такъ обдуманно и вѣско, что и простые люди не могутъ не испытать обаянья его рѣчи.

1) Fam. II, 9.

Со многими прославленными людьми бываетъ, что при знакомствѣ съ ними они оказываются ниже своей репутаціи; съ Петраркой наоборотъ, какъ то *я собственными ушами слышалъ* отъ нѣкоторыхъ достойнѣйшихъ людей, подтвердившихъ это клятвенно, говоритъ Боккаччьо, продолжая характеристику — похвалой уму и памяти Петрарки, его любви къ музыкѣ, которой онъ самъ занимается. Онъ терпѣливъ, рѣдко сердится, правдивъ и вѣренъ слову, хорошій христіанинъ; одинъ его недочетъ—сладострастіе, не побѣдившее его окончательно, но только обуревавшее; если ему и пришлось пасть, онъ, по слову писанія, совершилъ мудро то, чего не въ силахъ былъ совершить цѣломудренно. Всему этому не противорѣчатъ его итальянскія пѣснопѣнія, въ которыхъ онъ говоритъ о своей страстной любви къ Лауреттѣ, потому что, какъ онъ самъ увѣряетъ, и я ему вѣрю, Лауретта означаетъ лавровый вѣнецъ, которымъ онъ и былъ впослѣдствіи украшенъ. Многое, достойное памяти, написалъ по сю пору сей славный мужъ: прежде всего свою Африку, которую онъ еще не показываетъ, но многіе, видѣвшіе эту поэму, считаютъ ее гомерической; нѣкій діалогъ[1]), эклогу Argus (послѣ 1345 года), нѣсколько стихотворныхъ посланій и комедію Филострато (ошибочно, вмѣсто Philologia), которую Боккаччьо очевидно, не читалъ, но готовъ поставить выше Теренціевыхъ. — Если бы онъ захотѣлъ перечислить и еще многое, у него не хватило бы времени, и онъ предоставляетъ сдѣлать это другимъ.

«Я написалъ это болѣе самоувѣренно, чѣмъ краснорѣчиво», кончаетъ Боккаччьо, и это даетъ намъ точку зрѣнія для внутренней оцѣнки его труда. Это похвальное слово тому жизненному идеалу, къ которому влекло теперь его самаго; ему видимо милъ образъ человѣка, пережившаго ту-же борьбу за призваніе поэта, тѣ-же волненія страсти, и видимо успокоившагося въ чувствѣ мѣры и сдержанности. Такому человѣку онъ отдастся.

1) De secreto conflictu curarum suarum, 1342 года.

Съ 1347 года Петрарка снова жилъ въ Италіи, главнымъ образомъ въ Пармѣ и Падуѣ, дѣлая поѣздки по сторонамъ. За нимъ стояла репутація Canzoniere, таинственной Африки, діалоговъ De secreto conflictu curarum suarum (1342); его трактатъ De Vita Solitaria начатъ въ 1346, De otio religiosorum въ 1347 году. Луккино Висконти, тогдашній властитель Пармы, хочетъ привлечь его къ себѣ, проситъ стиховъ и присылки растеній изъ его сада — и Петрарка величаетъ его въ прозѣ и стихахъ, говоритъ о его правосудіи и милости [1]), за качествами правителя забывая недостатки человѣка. Въ 1348 году чума унесла въ Авиньонѣ Лауру, «знаменитую своею собственною доблестью и всюду прославленную моими стихами» [2]), отмѣтилъ Петрарка на поляхъ своего Виргилія. Римскій юбилей 1350 года привлекъ, въ числѣ другихъ паломниковъ, и Петрарку, и его путешествіе было рядомъ гуманистическихъ тріумфовъ. Во Флоренцію, родину своихъ предковъ, откуда его отецъ изгнанъ былъ съ партіей Данте, онъ вступилъ въ первый разъ въ началѣ октября 1350 года. Здѣсь его ждали флорентійскіе гуманисты: Лапо да Кастильонкіо, ученый юристъ гуманистическаго оттѣнка, знакомый намъ грамматикъ Заноби да Страда; Франческо Нелли, нотаріусъ епископской куріи и пріоръ церкви св. Апостоловъ; Форезе деи Донати, плебанъ св. Стефана въ Ботена, котораго Нелли зоветъ своимъ учителемъ [3]), знавшій наизустъ всего Угуччьоне [4]), поклонникъ Данте [5]), авторъ небольшой миѳологической родословной, которую списалъ Боккаччьо [6]); наконецъ Боккаччьо. Съ Лапо ди Кастильонкіо, которому Петрарка не могъ простить его измѣны поэзіи, онъ и ранѣе состоялъ въ перепискѣ [7]); съ Фо-

1) Justitiaque regit populos.... Parcere subjectis et debellare superbos.

2) Сл. Epist. I, 7: Carminibusque ornata meis auditaque longe.

3) Cochin, № XI, XXVIII; сл. стр. 184.

4) l. c. № XIII.

5) l. c. № XXVIII.

6) Сл. выше, стр. 102.

7) Сл. Fam. VII, 16 (1349 г.).

резе онъ, очевидно, знакомъ былъ прежде, чѣмъ въ 1352 году видѣлъ его въ Авиньонѣ [1]); съ другими онъ сблизился теперь. Заноби и Нелли принадлежали къ той меньшей братіи гуманизма, среди которой Петрарка обрѣталъ друзей: люди податливаго типа, невольно увлекающіеся въ колею болѣе сильнаго, потому что сила ихъ закупаетъ и они не отдѣляютъ человѣка отъ принципа; мирные энтузіасты дѣла, которое они не прочь промѣнять на выгоды, но безусловные, вѣрующіе поклонники Петрарки. Ихъ преданность его и привлекала; они выростали въ его глазахъ, выростали и въ мнѣніи современниковъ; по его словамъ все это — замѣчательные люди, съ надеждой на память въ потомствѣ, съ патентомъ на величіе [2]). Онъ подружился съ ними; если между нимъ и Заноби произошло временное охлажденіе, то Нелли навсегда остался его милымъ Симонидомъ: ему онъ посвящаетъ свои старческія посланія, станетъ заботиться о его литературномъ наслѣдьи; сохранился сборникъ писемъ Нелли къ Петраркѣ, составленный подъ его руководствомъ и съ его надписаніями; въ концѣ его пріютилось одно посланіе Аччьяйоли,—и одно Боккаччьо (una ex mille) [3]). Корреспонденція Петрарки и Нелли указываетъ на близость, въ которой одинъ отдавался другому, тотъ отвѣчалъ почтительной откровенностью.

Нелли, изъ старой флорентійской семьи Ринуччи, былъ нѣсколько моложе Петрарки [4]); священникъ и поэтъ [5]), отозвался онъ о немъ, да и самъ Нелли говоритъ о своей грубоватой музѣ [6]).

1) Сл. письмо Нелли, № VI у Cochin, отъ 21 августа 1351 года.

2) Сл. Нелли у Cochin № XIII, стр. 208, № XX, стр. 259; Petrarc. Sen. III, 1 и Fam. XVIII, 9.

3) Сл. Corazzini, стр. 123 слѣд.; De Nolhac, Petrarque et l'humanisme, стр. 97—8, прим. 1. Сборникъ писемъ Нелли давно извѣстенъ изслѣдователямъ; имъ пользовались и кое-что извлекали изъ него Hortis (въ Studi и Scritti inediti di Petrarca) и De Nolhac (l. c.). Полное ихъ изданіе, явившееся уже во время печатанія этого труда, принадлежитъ Cochin, l. c.

4) Sen. XVII, 2.

5) Sen. III, 1.

6) Cochin, № XXIX: meam, quamvis est rustica, musam.

Онъ впрочемъ предпочиталъ прозу стихамъ [1]), и его письма обнаруживаютъ, что въ латинской прозодіи онъ слабъ, воспитался въ преданіяхъ средневѣковой эпистолографіи и схоластической латыни, не понимаютъ въ письмѣ къ нему Петрарки (и не онъ одинъ, а и Форезе) слова patheticus [2]) и портитъ реторикой школы выраженіе искренняго чувства [3]). Его литературные вкусы растутъ на нашихъ глазахъ; это вліяніе Петрарки; онъ начинаетъ вчитываться въ классиковъ, жалѣетъ, что такъ поздно познакомился съ ними: они такъ полно отвѣчаютъ его настроенію, его мысли. Но Петрарка выше всего, ибо, какъ никто изъ грековъ и латинянъ, онъ соединилъ въ себѣ искусство поэзіи и прозы, Виргилія съ Цицерономъ; все, что ты пишешь, отзывается антикомъ, чистый антикъ, пишетъ ему Нелли [4]); ему стыдно писать Петраркѣ, его собственный стиль неотесанъ, неотдѣланъ, у него нѣтъ даже самыхъ общихъ свѣдѣній [5]). О чемъ только не разспросилъ бы я тебя, чего-бы отъ тебя не наслышался, а тебя нѣтъ со мною! [6]). Онъ видѣлся съ нимъ всего два раза въ жизни, въ теченіи нѣсколькихъ дней, во Флоренціи, этого было достаточно, чтобы привязать его къ нему навсегда. Петрарка обратилъ на него вниманіе, обласкалъ, поднялъ его въ его собственномъ мнѣніи и мнѣніи другихъ: кому-нибудь не сталъ бы онъ писать, я чего-нибудь да стою; я былъ нагъ, ты одѣлъ меня своей хвалой, извлекъ изъ неизвѣстности [7]), восклицаетъ Нелли. Что-бы онъ далъ, чтобъ жить вблизи къ Петраркѣ! Его образъ неизгладимо запечатлѣлся въ его памяти, онъ лелѣетъ его и дорисовываетъ: ему хочется знать все, до подробностей, какъ Петрарка проводитъ день,

1) Sen. I, 1.

2) Cochin, № XIII и Fam. XVIII, 7.

3) Сл. въ № 1 обращеніе къ лошади, лягнувшей Петрарку; № XX, стр. 256—7 у Cochin.

4) Сл. его письмо № XIV; сл. № XIII: tu in metro delectas, tu in prosa prodes, tu in utroque gnaviter utrumque atque ingenue concatenas.

5) Сл. №№ V, VI, VIII и passim.

6) № XXVI: Omnesque vident Petrarcam meum, ego nichil.... Quot mihi quaerenda essent, quot audienda?

7) №№ XIII, стр. 208—9; XX, стр. 258—9; сл. № XXIV in fine.

какъ онъ одѣтъ, каковъ его образъ жизни [1]). Какой-то Франческо побывалъ у Петрарки и разсказывалъ во Флоренціи о своихъ впечатлѣніяхъ, бесѣдахъ, драгоцѣнныхъ книгахъ, которыя онъ видѣлъ, къ которымъ прикоснулся. Онъ считалъ себя счастливымъ; я счелъ-бы себя блаженнѣйшимъ, увѣряетъ Нелли [2]). Въ флорентинскомъ кружкѣ Петрарка декламировалъ стихи: не забуду я твоихъ полныхъ сдержанности движеній, то вправо, то влѣво, то медленныхъ, то быстрыхъ, соотвѣтственно рѣчи, пишетъ поклонникъ; таковыми представились мнѣ тогда твои нравы, что лучшихъ не внушилъ и не проявилъ бы Цицеронъ. Ни одна красавица, какъ бы ни поражала она цѣломудріемъ взгляда и богатымъ нарядомъ, не произвела-бы на меня такого впечатлѣнія: она дѣйствуетъ на чувство, ты овладѣваешь умомъ и душею [3]). Въ поклоненіи Нелли Петраркѣ есть что-то женственное, платонически-страстное; онъ молится—божеству его имени [4]), его чувство—жестокая любовь (crudelem amorem), скорѣе благоговѣйная преданность къ человѣку, который своимъ примѣромъ, нравами (Петрарка—parthenias, какъ Виргилій) указываетъ ему путь къ небу [5]). Онъ счастливъ, что родился современникомъ Петрарки, котораго зоветъ своимъ «поцѣлуемъ и сладкимъ воздыханіемъ», утѣшеніемъ, братомъ, другомъ, отцемъ, учителемъ [6]); ты всѣхъ привязываешь къ себѣ; всѣхъ опьяняешь, поднимая своей дружбой и менѣе достойныхъ [7]); ты свѣточъ міра [8]). Скажи мнѣ, на какой наковальнѣ правишь ты слова и самое ихъ написаніе такъ, что ихъ благовоніемъ наполняется міръ? дивится Нелли; это образчикъ его риторики [9]). Часто

1) Fam. XXI, 13.
2) Cochin, № XX.
3) № XIII.
4) № I: qui tuum nomen adorant et numen.
5) № IV; сл. XXV: calamus amoris flammivomus.
6) № V: meum suavium ac dulce suspirium; сл. № IX, XIII, XVIII.
7) № VII.
8) № XI.
9) № XVII; сл. № XIV: сходное сравненіе по поводу Стація: nunc triti ac confricati piperis fragrantis suavius sentiebam odorem. Сл. № II: eleganter evomere.

ему снится, что онъ бесѣдуетъ съ Петраркой [1]); онъ страдаетъ, не получая отъ него вѣстей, его посланія влекутъ его какой-то невѣдомой, чудесной силой [2]) и онъ гордится, что изъ флорентійскихъ друзей онъ одинъ взысканъ его письмами [3]).

Петрарка не могъ не оцѣнить эту безконечную преданность; ты заполонилъ меня, писалъ онъ Нелли вскорѣ послѣ перваго знакомства; я не могу забыть тебя. Онъ охотно ему пишетъ, даже надоѣдаетъ письмами, хвалитъ его стиль, его «божественное краснорѣчіе»; одно простенькое письмо друга онъ сравниваетъ съ красавицею, которую ея милый засталъ въ неглиже: все въ ней изящно, и краска стыда, и разсыпанные волосы, и открытая, вздымающаяся грудь, голыя ноги и платье на распашку. Чувствуется дрожаніе въ ея голосѣ, и ея рѣчи милѣе въ ихъ естественной простотѣ и смущеніи [4]). Любовь и удовлетворенное самолюбіе закупаютъ.

Пріѣздъ Петрарки во Флоренцію доженъ былъ оживить дѣятельность мѣстнаго гуманистическаго кружка, сплотить его интересы. Петрарка всюду ищетъ рукописей и находитъ пособниковъ: Лапо ди Кастильонкіо уже прислалъ ему нѣсколько цицероновскихъ рѣчей [5]), теперь онъ даритъ ему Квинтиліаново De Institutione oratoria [6]) и даетъ на подержаніе цицероновскій сборникъ, который Петрарка увозитъ въ Воклюзъ, держитъ болѣе четырехъ лѣтъ и списываетъ собственноручно [7]). Его энергія воодушевляла, плодила симпатіи къ дѣлу; и по отъѣздѣ онъ остается душею кружка: посылаетъ друзьямъ списокъ найденныхъ имъ рѣчей pro Archia [8]); за нимъ продолжаютъ слѣдить, интересуются его работами.

1) № XVII.
2) № XXIII.
3) № XIII.
4) Var. XXIX.
5) Fam. XVI, 14; XVIII, 7; XX, 6.
6) Fam. VII, 16.
7) Fam. XII, 8; XVIII, 11, 12; сл. ркп. Laur. XXIV, sin. 10.
8) Var. XLV.

Когда-то наконецъ увижу я твою Африку, буколику цѣликомъ, твою комедію въ діалогѣ? пишетъ ему Нелли [1]). Онъ разумѣлъ юношескую комедію Петрарки, Филологію, которой напрасно добивался Лапо ди Кастильонкіо [2]), не видѣлъ и Боккаччьо, дающій ей названіе Филострата [3]). Въ глазахъ энтузіаста Нелли весь гуманистическій кружокъ во Флоренціи сплоченъ и держится именемъ Петрарки: собираясь, они взапуски читаютъ его письма, стихотворенія, говорятъ о немъ; это—его общество (coetus), преданный ему легіонъ (legio devota) [4]).

Боккаччьо принадлежалъ къ нему; къ сожалѣнію до насъ не дошли его письма или вообще показанія объ его первой встрѣчѣ съ Петраркой, имѣвшей такое вліяніе на совершавшійся въ немъ нравственный и умственный переворотъ. Письма Петрарки, относящіяся къ этому свиданію, носятъ обычный ему скромно-себялюбивый характеръ: онъ невольно примируетъ. Заслышавъ о его прибытіи, Боккаччьо шлетъ ему привѣтственное латинское стихотвореніе, не дошедшее до насъ, и въ холодный ноябрьскій вечеръ самъ выходитъ на встрѣчу желанному гостю. Почему-то вспоминается другая сцена: въѣздъ юнаго Галеоне-Боккаччьо въ Неаполь, когда ему, вздремнувшему на конѣ, представилась въ вѣщемъ сновидѣніи его Фьямметта.

Въ письмѣ отъ 1359 г. [5]) Петрарка поминаетъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Боккаччьо. Все твое — мое, говоритъ онъ ему, завѣряя въ своей дружбѣ; въ дружбѣ есть различія: одно дѣло — полюбить впервые, другое, когда тебя впервые полюбили; цѣннѣе не то чувство, которое предлагаютъ, а то, которымъ воздаютъ по долгу. Этимъ характеризуется дружба Петрарки: не онъ полюбилъ Боккаччьо, онъ лишь отвѣтилъ ему

1) № XIII.

2) Fam. VII, 16; сл. II, 7.

3) Сл. выше стр. 116.

4) № XI, XIV, XVI. Сл. Fam. XVIII, 10 и № XIII у Нелли: quid referam prosariam epystolam, ubi de convivii lege tam lepide disceptasti?

5) Fam. XXI, 15.

на его предложеніе и видитъ преимущество въ этомъ обязательствѣ. «Не говоря о многихъ случаяхъ, когда ты побѣждалъ меня знаками вниманія и заявленіями любви, никогда я не забуду, какъ, давно тому назадъ, въ срединѣ зимы, ты увлекся ко мнѣ, спѣшно путешествовавшему тогда по Италіи, и не одними лишь чувствами—этими какъ бы стопами души, а, охваченный чудеснымъ желаніемъ лицезрѣть не видѣннаго тобою человѣка, самъ вышелъ мнѣ на встрѣчу, предпославъ прекрасное стихотвореніе, и рѣшившись полюбить меня, пожелалъ явить мнѣ напередъ образъ твоего духа, затѣмъ и твоего лица. Близился вечеръ и день склонялся, когда, вернувшись какъ бы изъ долгой отлучки и вступая наконецъ въ родныя стѣны, я встрѣтился съ тобою, а ты принявъ меня съ почтеніемъ и привѣтливостью, не соотвѣтственною моимъ заслугамъ, обновилъ со мною поэтическое свиданіе Анхиза съ аркадскимъ царемъ, «душа котораго горѣла юношескимъ желаніемъ назвать Анхиза по имени, соединить съ нимъ десницы». Ибо если я не казался, подобно ему, всѣхъ величественнѣе, наоборотъ, скромнѣе всѣхъ, мое сердце было воспламенено не менѣе. Не подъ кровлей Финея пріютилъ ты насъ, а въ священномъ кровѣ дружбы, а я оставилъ тебѣ въ даръ не знаменитый лукъ и не ликійскія стрѣлы, а мое вѣчное, искреннее благоволеніе. Во многомъ я ниже тебя, только въ этомъ одномъ я не желалъ бы уступить ни Низу, ни Питіи, ни самому Лелію». Петрарка забылъ свою параллель Анхиза и Эвандра: Анхиза, скромнаго, но величественнаго [1]), къ которому воспылалъ юношескимъ чувствомъ Эвандръ-Боккаччьо.

Въ Римъ Петрарка пріѣхалъ, вѣроятно, въ 20-хъ числахъ октября; отсюда 2-го ноября, глубокой ночью, онъ написалъ первое письмо къ Боккаччьо [2]). Непріятное приключеніе по дорогѣ разрослось у него въ цѣлое событіе, въ личный вызовъ судьбы: это она поразила его, подавить его духъ она не въ силахъ. Онъ ѣхалъ

1) Aen. VIII, 162: cunctis altior ibat.

2) Fam. XI, 1.

съ товарищами, размышляя о томъ, какъ быстро течетъ жизнь, какъ мѣняются люди и ихъ намѣренія; ему поминаются стихи его буколики, его прежнія путешествія въ Римъ: когда-то его влекло желаніе повидать его чудеса, въ другой разъ жажда поэтическаго лавра, теперь онъ ѣдетъ на юбилей, отложивъ земныя помышленія и думая о спасеніи души. Въ это время лошадь ѣхавшаго рядомъ съ нимъ стараго аббата лягнула его коня, а ему раздробила ногу, — и вотъ двѣ недѣли, какъ онъ въ Римѣ, лежитъ въ постелѣ, загнившіяся раны испускаютъ нестерпимый смрадъ — и онъ философствуетъ: какимъ-бы гнуснымъ животнымъ былъ человѣкъ, еслибы благородство души не искупало бренную природу его тѣла! Лежать ему невыносимо, ибо хотя онъ предпочитаетъ стоиковъ перипатетикамъ, но, подобно послѣднимъ, любитъ гулять. Его утѣшаетъ мысль, что пославъ ему такую бѣду, небо пожелало возмѣстить такимъ образомъ за слабое отношеніе къ нему—его духовника; утѣшаетъ еще и надежда увидѣть Боккаччьо; ему онъ пишетъ не за тѣмъ, чтобы возбудить его жалость, а потому, что другу пріятно будетъ узнать, какъ покорно онъ перенесъ эту бѣду, какъ перенесетъ все, что не пошлетъ ему Господь [1]).

Въ декабрѣ Петрарка снова былъ проѣздомъ во Флоренціи; 7-мъ декабря изъ Ареццо помѣчено его посланіе къ Квинтиліану [2]), вызванное подаркомъ Лапо ди Кастильонкіо. Подъѣзжая къ Падуѣ, наканунѣ Рождества, онъ узналъ объ убіеніи (17 декабря) Якопо да Каррара, падуанскаго тирана, при дворѣ котораго онъ жилъ и къ которому въ самомъ дѣлѣ питалъ расположеніе и дружбу. Въ похвалахъ, которыя онъ расточалъ ему при жизни [3]), чувствуется нѣчто большее, чѣмъ реторика, и онѣ поддержи-

1) Письмо Нелли къ Петраркѣ отъ 19 ноября 1350 говоритъ объ этомъ приключеніи съ Петраркой на основаніи его письма къ Боккаччьо (in literis nostro Iohanni Boccaccio directis). Сл. Cochin, l. c. № I, стр. 156.

2) Fam. XXIV, 7.

3) Fam. VIII, 5; сл. письмо къ Luca Cristiano у Fracassetti, Lettere v. II, стр. 309 и Zardo, Petrarca e i Carraresi, стр. 25 слѣд.

ваются отзывами по смерти, въ посланіи «къ потомству», съ которымъ можно было не стѣсняться. Второе письмо Петрарки къ Боккаччьо, изъ Падуи отъ 7 генваря 1351 года, говоритъ о томъ, что̀ онъ потерялъ въ Якопо; начинается оно съ личнаго факта. Оказывается, Боккаччьо успѣлъ прислать ему стихотвореніе, полное жалобъ на то, что по рукамъ неучей и простецовъ ходятъ произведенія Петрарки, которыя онъ пишетъ для своей забавы, а къ нему, жадному до всякаго петрарковскаго писанія, ничего не попадаетъ. Петрарка берется за перо, и страннымъ кажется намъ его заявленіе, что много времени прошло (magnum tempus) съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ стихотворное посланіе Боккаччьо—съ которымъ видѣлся еще такъ недавно. Боккаччьо могъ написать ему въ догонку, но тогда magnum tempus будетъ простой фразой. Я взялся за перо, пишетъ Петрарка, и тоттасъ-же набросалъ нѣсколько отвѣтныхъ стиховъ, съ единственной цѣлью увѣрить тебя, что я не пренебрегаю твоими жалобами. Написалъ и тотчасъ-же затерялъ въ массѣ другихъ бумагъ, и лишь теперь нашелъ ихъ, когда менѣе всего о томъ помышлялъ. Сначала я подумалъ, что уже не стоитъ болѣе посылать ихъ тебѣ, но сообразивъ, что все отъ меня исходящее будетъ тебѣ пріятно, что̀ выражено и въ послѣднихъ твоихъ стихахъ, я измѣнилъ намѣреніе; кстати, ты убѣдишься, что стихотвореніе въ самомъ дѣлѣ было утеряно. Присоединю и еще одно, дабы ты не составилъ обо мнѣ ложнаго мнѣнія: ты, пожалуй, заключишь изъ стиховъ, написанныхъ нѣкоторое время тому назадъ, что я все еще борюсь съ враждебной судьбой и сомнѣваюсь въ исходѣ, хотя и въ надеждѣ на побѣду. Знай, теперь я увѣренъ, что со временемъ побѣда будетъ полная: я не жалуюсь, какъ бывало, а противопоставляю фортунѣ силы духа, огрубѣвшія къ ощущенію боли, не колеблюсь, а стою. — И онъ разсказываетъ другу о гибели Якопо да Каррара: онъ былъ ему поддержкой, украшеніемъ жизни; никому изъ властителей земли, по смерти короля Роберта, такъ не пристало званіе покровителя, друга наукъ, какъ ему; я всѣмъ былъ ему обязанъ, весь отдался ему. Сразивъ его, фор-

туна хотѣла нанести мнѣ послѣдній ударъ — но я остался безстрашенъ, и отнынѣ не боюсь этой Фуріи, а ненавижу ее и презираю [1]).

Очень вѣроятно, что одно изъ стихотворныхъ посланій Петрарки [2])—именно то, которое онъ набросалъ, чтобъ удовлетворить друга: оно развиваетъ нѣкоторыя идеи письма. О если бы я былъ дѣйствительно такимъ, какимъ представляетъ меня твоя дружба, пишетъ Петрарка, еслибъ судьба дозволила мнѣ усыпить гармоніей стиховъ твои тревожныя заботы, утѣшить твою душу! Но повѣрь мнѣ, твоя дружба обманываетъ тебя. Зачѣмъ сѣтуешь ты такъ, что всѣ читаютъ мои стихи? Меня печалитъ лишь то, что они не доходятъ до друга, который ихъ жаждетъ; а я заказываю всякому своему произведенію избѣгать толпы и ея пустыхъ рукоплесканій, предпочитая нравиться немногимъ.— Пишу, а буря судьбы грозно расходилась вокругъ меня; отовсюду печальныя вѣсти: роковая смерть унесла одного друга (Якопо да Каррара?), тотъ погибъ отъ мечей [3]); одинъ въ заключеніи, другой боленъ, тотъ служитъ пищей дикимъ звѣрямъ и птицамъ, этотъ рыбамъ въ морѣ. А сколько стрѣлъ судьба обратила на меня самого, какими таранами поразила мою душу! Но я борюсь съ нею и надѣюсь побѣдить. Пока идетъ борьба, у меня нѣтъ душевнаго покоя, и ученые люди не похвалятъ меня за то, что за это время я успѣлъ сдѣлать; но такъ какъ все мое тебѣ любо, пусть будетъ по твоему: прими это небольшое стихотвореніе, прочти строки, написанныя усталой рукою, и перестань жаловаться.

Письмо Петрарки къ Боккаччьо, прочитанное въ обществѣ его флорентинскихъ друзей, заставило прослезиться не только

1) Fam. XI, 2.

2) Epist. poet. III, 17.

3) Майнардо Аккурсіо, убитый въ 1349 году разбойниками въ Апеннинахъ. Сл. Fam. VIII, 7; Var. 53 и дневникъ Петрарки у De Nolhac, l. c., стр. 404—5.

читающихъ, но и слушателей. Такъ разсказываетъ Нелли [1]): собрались мы, твои поклонники [2]), на роскошный ужинъ въ честь Франческо Бруни; всѣ мы, радостно живущіе подъ покровомъ твоего славнаго имени, питающіе къ тебѣ благоговѣйную дружбу; пожалуйста, пойми это, какъ слѣдуетъ, не какъ я это выражаю. И вотъ каждый изъ насъ вынулъ свой подарочекъ, скорѣе драгоцѣнный даръ, изъ такихъ нѣдръ онъ исходитъ (письма Петрарки), и когда въ началѣ трапезы разверзлись сердца, чтеніе то радовало насъ, то печалило. Съ жадностью прослушали и прочли мы твое стихотвореніе (metrum), столь-же прекрасное, какъ дружественное (fraternum) [3]), затѣмъ, поочередно и къ общему веселью, письма, которыми ты каждаго изъ насъ привязалъ къ себѣ узами неразрывной дружбы, ибо они являютъ молчаливый залогъ твоей любви. Не было среди насъ ни зависти, ни критики, ни глумленія, всѣ соревновали къ прославленію твоего краснорѣчія, величая твое имя, хотя современникамъ и не полагается расточать хвалы.

Среди такихъ то обстоятельствъ завязались отношенія Петрарки и Боккаччьо. Письма Петрарки даютъ понятіе о впечатлѣніи, которое они произвели другъ на друга, о содержаніи ихъ флорентійскихъ бесѣдъ. Говорили о борьбѣ съ судьбой, о нравственной выдержкѣ, о любви къ лавру, уступившей жаждѣ спасенія. Послѣдніе дни Декамерона были въ ходу но, очевидно, рѣчь о немъ не поднималась; лишь въ 1373 году, въ письмѣ, заключавшемъ латинскій переводъ новеллы о Гризельдѣ, Петрарка писалъ къ Боккаччьо съ аристократическою небрежностью: попалась мнѣ въ руки твоя книга, написанная полагаю, въ юныхъ годахъ, не знаю кѣмъ и какъ мнѣ доставленная [4]).

1) Cochin, № II, отъ 30 генваря 1351 года. Изъ письма Нелли оказывается, что и ему Петрарка сообщалъ о смерти Якова да Каррара, но письмо это не сохранилось.

2) Cetu tuo.

3) О какомъ стихотвореніи идетъ рѣчь — неизвѣстно; можетъ быть, объ упомянутомъ выше стихотворномъ посланіи къ Боккаччьо.

4) Sen. XVII, 3.

О Декамеронѣ-ли было говорить съ Петраркой! Боккаччьо уже переживалъ то настроеніе, которое такъ ярко выразилось въ его инвективѣ противъ флорентійской вдовы, переходилъ отъ любви къ наукѣ, ставилъ себѣ серьезныя задачи въ жизни и поэзіи. Все это Петрарка формулировалъ для него своимъ опытомъ, своей побѣдою надъ собой: онъ такъ же любилъ и пѣлъ любовныя канцоны и вышелъ, торжествуя, на путь науки и духовнаго усовершенствованія. Отнынѣ Петрарка станетъ его идеаломъ и руководителемъ; онъ отдается ему съ любовью меньшаго брата, беззавѣтно вѣрящаго словамъ старшаго; ими онъ повѣряетъ свой внутренній міръ, встрѣчая противорѣчія, старается разобраться въ нихъ, и когда ему случится не найти выхода, ревниво и страстно допрашиваетъ: что это и какъ ему быть? Ему неясны отношенія Петрарки къ славѣ Данте, его служилое положеніе у Висконти — и онъ пишетъ ему о томъ и другомъ почтительно, но настойчиво, ставя вопросъ прямо и, можетъ быть, нѣсколько односторонне; онъ не столько бережетъ репутацію учителя, — она выше подозрѣнія, — сколько хочетъ уяснить себѣ свои собственные взгляды по отношенію къ тѣмъ, которые стали для него образцомъ и мѣриломъ. И Петрарка склонялся къ объясненіямъ, къ роли старшаго друга, ласково шутилъ надъ Боккаччьо, когда въ минуты разочарованія, поддержаннаго безпечной лѣнью, онъ опускалъ руки [1]), когда, задѣтый за самолюбіе, онъ отказывался отъ названія поэта [2]) или въ порывахъ скромности сжигалъ свои итальянскія стихотворенія, потому что ему не сравниться съ Петраркой. Это не скромность, а гордость, твердилъ онъ ему [3]), но понималъ его болѣзненную щепетильность, неуживавшуюся въ извѣстныхъ положеніяхъ; нѣтъ ничего болѣе сходнаго, чѣмъ наши характеры, писалъ ему тогда Петрарка, и нѣтъ ничего столь противополож-

1) De Cas. VIII, 1.
2) Fam. XVIII, 15.
3) Sen. V, 2.

наго, какъ наши поступки и рѣшенія. Въ его дружбѣ къ Боккаччьо чувствуется сердечный тонъ, прорывающійся сквозь декорумъ фразы. Боккаччьо не могъ не вызвать его: онъ такъ искренно увлекался Петраркой, такъ довѣрчиво искалъ въ немъ опоры. Имя Петрарки повторяется у него при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ не устаетъ цитовать и перечислять его сочиненія, тогда какъ у Петрарки не найти ни одной ссылки на ученые труды того, который называлъ его своимъ учителемъ. Воззрѣнія на науку, на значеніе гуманистической поэзіи, на призваніе поэта—все это у Боккаччьо не петраркoвское, но получило печать наставника; подъ его вліяніемъ выясняется и для Боккаччьо идеалъ литератора, живущаго исключительно для своего дѣла въ уединеніи и досугѣ, которые—кто-то обезпечилъ.

Дороже всего была для Боккаччьо нравственная поддержка, которую онъ находилъ въ примѣрѣ Петрарки, въ его побѣдѣ надъ самимъ собою. Пятнадцатая эклога Боккаччьо относится, очевидно, къ болѣе поздней порѣ, но она прекрасно опредѣляетъ его отношенія къ тому, кого онъ избралъ своимъ духовнымъ руководителемъ. Бесѣдуютъ Филостропъ-Петрарка и Тифлосъ-Боккаччьо: Тифлосъ, то-есть, слѣпотствующій. Слишкомъ долго мы забавлялись, отдавая время вѣнкамъ и нимфамъ, говоритъ Филостропъ, роковое созвѣздіе грозитъ гибелью нашему стаду; развѣ не видишь ты, что снѣгъ уже покрылъ вершины Цефея, лѣса сложили листья?—Что мнѣ до горъ? отвѣчаетъ Тифлосъ; еще желтѣютъ поля, въ кустахъ стрекочутъ цикады. — Ты заблуждаешься: вѣдь это наступаетъ жатва, уже морозъ побилъ цвѣты на поляхъ, градомъ выбиты колосья Цереры; юношами были Іакинѳъ и Кипарисъ и красавецъ Адонисъ — и погибли. И намъ надо перемѣнить пастбище, пока есть время.—Тѣ юноши погибли по своей неосторожности, этого никто отрицать не станетъ, но если опасаться всего, чѣмъ грозятъ стадамъ свѣтила, то мнѣ не найти ни одного безопаснаго пастбища. Здѣсь-же хорошо, чего мнѣ искать лучшаго? По прежнему солнце растопитъ ледъ, распуститъ снѣга, и вновь зазеленѣетъ листва. — Смущаетъ тебя своими дарами Хризида (Бо-

гатство), связала ласковымъ лепетомъ и слезами лукавая Діона (Любовь); когда настанетъ твой роковой часъ, вспомнишь ты, сѣтуя, мои слова!—Что-же дѣлать, когда такая жизнь мнѣ нравится? моему досугу позавидовали-бы боги, а надежда сулитъ и большее.—Тогда Филостропъ разсказываетъ о трудахъ и заботахъ, причиняемыхъ Хризидой; это-ли завидный богамъ досугъ! спрашиваетъ онъ, приводя въ примѣръ плачевную участь любовниковъ Хризиды [1]). Но къ чему перечислять многихъ? Мнѣ самому она предлагала когда-то въ этомъ лѣсу свою позорную любовь [2]).—Увы мнѣ!—восклицаетъ Тифлосъ; сколько разъ отнималъ я дѣтенышей у медвѣдицъ, срывалъ яблоки для Хризиды, похищалъ у горлицы птенцовъ, бѣгомъ и метаніемъ копій снискивалъ вѣнцы, какъ вижу теперь — для ея любовниковъ! [3]). Отнынѣ одна лишь красавица Діона будетъ владѣть моимъ сердцемъ.—Бѣги ее, ласковую [4]) и жестокую—ты избѣжишь такимъ образомъ гибели души и тѣла.—Что-же она такое сдѣлала? Что она была ласкова — но вѣдь она любила! — Что она сдѣлала? [5]) спрашиваетъ Филостропъ; спроси, сколькихъ она погубила; ты грѣшишь невѣденіемъ, изгони-же врага, пока не взошелъ еще дождливый Оріонъ.—Поймалъ я волка за уши! возражаетъ Тифлосъ; ты осуждаешь привязанности, я ихъ-то и ищу [6]). Кто пренебрежетъ дарами Хризиды, кто поцѣлуями и объятіями Діоны? Кто безъ нихъ въ состояніи вынести суровые снѣга и дожди и непогоду? Но что говорить! Не въ первый разъ обнажаются эти буки [7]), не въ первый бѣлѣютъ снѣгами горы; все это переживется, и я намѣренъ проводить жизнь въ пѣсняхъ, Хризида пусть собираетъ мнѣ цвѣты, Діона вѣнчаетъ.—Но этотъ жаръ

1) Moechis cultoribus.
2) Obscenos.... amores.
3) Curruque pedum jaculisque coronas—Quaesivi moechis, video.
4) Blandam.
5) Quid meruit?
6) Quos damnat amores—Hos cupio.
7) Fagos.

пройдетъ, погибнетъ на лугахъ твое стадо, и Плачъ и Трудъ, Мука и Горе увлекутъ тебя въ мрачныя дебри Аверна[1]). — Если таково твое мнѣніе, другъ, то милыя забавы нашего возраста проходятъ для тебя даромъ, возражаетъ Тифлосъ, намекая далѣе на VII эклогу Петрарки, гдѣ пастырь Митіонъ—аллегорическій образъ папства, отдавшагося мірскимъ успѣхамъ, Эпи изображаетъ Авиньонъ. Помню я, продолжаетъ Тифлосъ, пѣсни знаменитаго пастыря Эпи: что всѣмъ одинаково предстоитъ утратить вмѣстѣ съ тѣломъ и душу! — Въ умѣ-ли ты! восклицаетъ Филостропъ; неужели ты вѣришь давно осужденнымъ словамъ того старца? Развѣ не знаешь ты, про что говорилъ Аристонъ и самосскій пастырь и всѣ пастухи, оглашающіе пѣснями римскія рощи: что безсмертныя души людей отпали отъ божества и по опредѣленію Спасителя[2]), древле очистившаго лѣса и стада своею кровью, восходятъ ввысь къ блаженному пребыванію, если онѣ не грѣховны, грѣховныя-же идутъ по смерти въ мрачный огонь? [3]). Желалъ-бы я, о Тифлосъ, чтобы ты ихъ избѣжалъ и взыскалъ иные утесы и скалы? — Смѣшное говоришь ты, Филостропъ, хочешь, чтобъ я, оставивъ вѣрное, послѣдовалъ неизвѣстному?—Но что-же ты считаешь вѣрнымъ? Все уноситъ время, все мѣняется; но есть вѣчное, неизмѣняемое — и Филостропъ совѣтуетъ Тифлосу взыскать зеленыя сѣни, гдѣ великій Теоскиръ пасетъ избранное стадо, питающееся, когда нарушитъ долгій постъ, травой и водой, которыя подаютъ ему скалы. — Мнѣ-ли пойти къ старцу Теоскиру, телицу котораго я когда-то похитилъ, законы и обряды котораго попиралъ ногами, бросалъ на пожраніе свиньямъ Діоны? Не пойду я, боюсь его гнѣва! — Не знаешь ты его нравовъ, убѣждаетъ Филостратъ, изображая блаженное житіе, которое его ожидаетъ; тамъ ты осудишь и

1) Teque Thrinos Ponosque trahent, Thlipsisque Lipisque—In scotinas silvas famuli pastoris averni.

2) Soter.

3) Focos intrare Typhlaeos.

Хризиду и грязную Діону. — Тифлосъ обращенъ: онъ самъ желаетъ идти, его духовныя очи разверзлись, онъ понялъ, какія опасности окружали его; приди, о прекрасная Палесъ, пожалѣй грѣшника, отецъ Теоскиръ! Какъ бѣжать мнѣ отсюда, какъ освободиться отъ цѣпей Хризиды и Діоны?—Ты былъ мужемъ, пока обрѣтался въ берлогѣ Полифема, говоритъ Филостропъ, теперь, когда удалены препятствія, ты сталъ женщиной! Будь собою, пойдемъ вмѣстѣ къ лучшей цѣли [1]).—Но трудный путь страшитъ меня, страшитъ высота, у меня не хватитъ силъ! — Ты еще не порвалъ узы, прогони зловѣщихъ птицъ, что̀ летаютъ передъ твоими очами; путь труденъ лишь вначалѣ, съ усиліемъ явятся и силы. Встань, уже солнце спускается въ волны.—Я иду, меня влечетъ, будь ты первымъ на пути! Прощай, о лавръ, идемъ сорвать пальмовую вѣтвь на берегахъ Сиріи!

Самъ Боккаччьо объяснилъ въ посланіи къ брату Мартину изъ Синьи значеніе этой эклоги: подъ Филостропомъ онъ разумѣлъ «славнаго учителя своего Франческо Петрарку, часто побуждавшаго меня, презрѣвъ любовь къ мірскому, направить мысли на вѣчное и обратившаго мои любовныя вожделѣнія (amores meos), хотя и не всецѣло, на лучшее». Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда началось вліяніе Петрарки, противорѣчіе мірской славы, науки (лавра) — и христіанскаго идеала (пальма Палестины), очевидно не было поставлено такъ рѣзко; этотъ вычетъ необходимо сдѣлать, чтобы пріурочить содержаніе эклоги къ тому періоду броженія, который характеризуетъ Корбаччьо. Содержаніе само по себѣ ясно: для обоихъ поэтовъ наступила жизненная осень, пора оставить вѣнки и нимфъ, подумать о душѣ. Петрарка уже пришелъ къ этому убѣжденію, онъ самъ сознается, что увлекался мірскими благами, увлекался и любовью, намекаетъ Боккаччьо, — а самъ онъ еще слѣпотствуетъ: положимъ, его погоня за богатствомъ не удалось, но Діона-любовь еще вѣрна ему, и зима его не пугаетъ: еще зазеленѣютъ луга! Петрарка побуж-

1) Meliora.... petamus.

даетъ его и коритъ, указывая на пути спасенія. Намеки ясны: Теоскиръ (Христосъ), Палесъ (Богородица!); передъ Теоскиромъ Боккаччьо чувствуетъ свою вину: онъ попиралъ его законы (былъ плохимъ христіаниномъ), похитилъ его телицу (душу?)—что̀ такъ и останется для насъ загадкой. Мы уже сказали, что въ началѣ 50-хъ годовъ противорѣчія могли быть иныя: соблазны любви и облагороживающія цѣли науки; на нихъ указывалъ Петрарка.

IV.

Въ слѣдующемъ же 1351-мъ году Боккаччьо увидѣлся съ нимъ еще разъ по особому поводу. Во Флоренціи существовалъ съ 1348-го года университетъ (studio) съ двумя факультетами: юридическимъ и медицинскимъ; широкое развитіе гуманистическихъ дисциплинъ побудили флорентійцевъ основать и у себя соотвѣтствующую каѳедру. Кандидатомъ былъ назначенъ Петрарка: его побуждали вернуться подъ свой кровъ, возвращали имущество, отнятое у отца, осыпали похвалами. Боккаччьо назначили лично передать ему приглашеніе, не дѣловую бумагу, а панегерикъ знаменитому гуманисту. Давно наслышались мы о славѣ твоего имени, любезнѣйшій согражданинъ, счастливый сынъ нашей родины! пишутъ ему пріоры и гонфалоньеръ; среди твоихъ современниковъ и соотчичей, начальниковъ и гражданъ ты встрѣтишь любовь и привѣтъ. Въ нашихъ отеческихъ къ тебѣ чувствахъ мы положили предоставить тебѣ твои родовыя поля, выкупленныя на средства республики у частныхъ лицъ; даръ небольшой, но оцѣни его согласно не съ твоими заслугами, а съ обычаями и законами нашего города, гдѣ никакой другой гражданинъ не былъ-бы того удостоенъ. Зачѣмъ искать тебѣ на чужбинѣ рукоплесканій и покоя? Развѣ не влечетъ тебя къ родинѣ? О комъ другомъ скажетъ она съ Виргиліемъ: такимъ-то сыномъ гордится отчизна? [1]). Мы не Цезари и не Меценаты, но также дорожимъ славой человѣка, един-

1) Tellus haec tali se jactat alumno.

ственнаго не въ нашемъ только городѣ, но во всемъ мірѣ, подобнаго которому ни прежніе вѣка не видѣли, не узрятъ и будущіе. Ибо мы знаемъ, какъ рѣдко, достойно поклоненія и славно имя поэта; недаромъ Энній называлъ поэтовъ священными; ихъ зовутъ и вѣщими (vates), и по общему рѣшенію нашихъ предковъ одинаково увѣнчаны бывали лавромъ, плющемъ и миртомъ какъ тѣ, что достигли безсмертія военными и другими подвигами, такъ и тѣ, которые завѣщали потомству плоды своего божественнаго ума и трудовъ. Прекрасно совершать благое для республики, но не безполезно и красно говорить, и на войнѣ и въ мирѣ достигая славы, сказалъ Саллюстій [1]); и эта слава не ветшаетъ отъ времени, какъ говоритъ Луканъ [2]). Въ тебѣ, о великій вѣщатель [3]), обновился духъ Марона, краснорѣчіе Цицерона; а мы, о ужасъ! хвалимъ тебѣ по молвѣ, не по лицезрѣнію; и не хвалимъ, а дивимся на тебя, воззвавшаго къ жизни давно заснувшую поэзію.

Затѣмъ посланіе снова переходитъ къ дѣлу: флорентійцы рѣшили, чтобы и въ ихъ университетѣ обучали «искусствамъ, оплодотворяющимъ умы» [4]); это возвыситъ значеніе Флоренціи во всѣхъ областяхъ Авзоніи [5]), а совершить это въ состояніи одинъ лишь Петрарка: пусть изберетъ себѣ для чтенія, что согласно съ его славой, досугомъ и удобствомъ; онъ возбудитъ и другихъ поэтовъ, объявитъ наконецъ и свое безсмертное твореніе — Африку. Всѣ ждутъ тебя; приди-же, о желанный; родина зоветъ тебя, какъ еще не звала никого. Если это посланіе покажется тебѣ стилистически некрасивымъ [6]), ты поймешь, почему именно тебя зовутъ. Многое, что можно бы еще

1) Pulcrum est benefacere Reipublicae, etiam bene dicere haud absurdum est; vel bello vel pace clarum fieri.

2) A quibus omne aevi senium sua fama repellit.

3) Praeco ingens.

4) Ingeniorum fecundissimas doceri artes.

5) Ut res nostra publica.... inter alias, ut Roma parens, omnis Ausoniae sedes sibi principatum accipiat.

6) Minus cultum minusque luculentum.

сказать, передастъ тебѣ точнѣе (seriosius) нашъ согражданинъ и любезный посланникъ, Іоаннъ Боккаччьо, которому просимъ довѣриться вполнѣ.

Грамота флорентійцевъ относится къ марту 1351 г. [1]). Въ генварѣ-февралѣ этого года Боккаччьо состоялъ однимъ изъ камарлинговъ флорентійской коммуны [2]), а 23-го февраля является въ числѣ свидѣтелей, подписавшихъ актъ, по которому Флоренція пріобрѣтала, при посредничествѣ Аччьяйоли, городъ Прато у королевы Джьованны [3]). Старыя отношенія къ Аччьяйоли могли повліять на выборъ именно Боккаччьо; теперь его назначили посломъ Петраркѣ. О своемъ пребываніи въ Падуѣ онъ самъ напомнилъ ему два года спустя (1353 г.), въ письмѣ, къ которому намъ еще придется возвратиться. Нѣсколько дней провели мы вмѣстѣ, пишетъ онъ; ты отдавался своимъ божественнымъ (или священнымъ, т. е. богословскимъ) занятіямъ, я, падкій до твоихъ твореній, читалъ ихъ и списывалъ. Подъ вечеръ оба мы, отдѣлавшись отъ трудовъ, шли въ твой садикъ, который ранняя весна украсила зеленью и цвѣтами, и здѣсь бесѣдовали до ночи. Приходилъ и твой пріятель Сильванъ (тотъ-же Петрарка); помню я однажды, не безъ повода [4]) зашли у насъ рѣчи; началъ Сильванъ, сталъ говорить о бѣдственномъ положеніи Рима (Amaryllis; или Италіи?), оставленнаго императоромъ (Daphnis.... uxorius factus Francus) и папой (Панъ), тогда какъ въ ихъ отсутствіи грубый Эгонъ съ наемной дружиной занялъ лѣса Лигуровъ, равнины По и уже остритъ зубы на холмы Этруріи; пастбища выжжены, стада и пастухи разсѣялись передъ волками и сонмищами дикихъ звѣрей. Не лучше-ли было-бы намъ жить гдѣ-нибудь въ родопскихъ горахъ, у арабовъ или эѳіоповъ, чѣмъ видѣть всѣ эти бѣды? за-

1) Statuti della università e studio fiorentino ed. A. Gherardi, стр. 283—5.

2) Crescini, Contributo, стр. 258—9.

3) Tanfani, l. c. стр. 80—2.

4) Non sine causa.

ключалъ Сильванъ, проклиная Эгона; и, помнится, ты ему сочувствовалъ, присоединяя, что изъ ненависти къ Эгону, всѣми силами побуждалъ Дафниса подняться противъ преступнаго, возстановить древнее величіе Италіи [1]).

Эгонъ, какъ и въ 1-й эклогѣ Боккаччьо [2]), Джіованни Висконти, архіепископъ Милана, живописный образчикъ цѣльной, жизнерадостной личности въ первую эпоху гуманизма: тиранъ въ священнической рясѣ, дипломатъ и военный человѣкъ, красивый собою и сильный, веселый и ласковый, онъ любилъ блескъ двора и отраженные лучи литературнаго штата; здѣсь были поэты, какъ Ланчилотто Ангвиссола и Габріэле Замореo, пріятель Петрарки; юристъ Антоніоло Реста, историкъ Азаріо и др. Литература уживалась съ политикой: Джьованни Висконти былъ собиратель земель, искусно эксплуатировавшій гибеллинскія симпатіи и старую идею имперіи для округленія собственныхъ владѣній. Онъ грозилъ уже Флоренціи, и флорентинецъ Боккаччьо не можетъ не сочувствовать негодованію Сильвана-Петрарки. Оно казалось искреннимъ; Петрарка принялъ приглашеніе флорентійской республики: его отвѣтное посланіе помѣчено 6-мъ апрѣлемъ [3]). Довольно я пожилъ, писалъ онъ, и у меня отдается въ ушахъ изреченіе мудреца: Умри, пока ты счастливъ, ибо на небо ты не взойдешь. Что за ненасытная жажда жизни! Вѣдь счастье измѣряется доблестью, не количествомъ годовъ, и достигнувъ намѣченной цѣли, слѣдуетъ положить предѣлъ. Я похвалюсь передъ вами тѣмъ откровеннѣе, что какая-бы ни была моя слава, вымышленная или нѣтъ, она ничто въ сравненіи съ вашей. Никогда не стремился я ни къ богатству, ни къ власти, хотя и того и другого и возможно было желать, если не достигнуть; съ малыхъ лѣтъ я мало цѣнилъ то, чему другіе давали большое значеніе. Почему — не знаю, но тому свидѣтели мои

1) Corazzini, стр. 47 слѣд.

2) Сл. выше, стр. 63, прим. 1.

3) Gherardi, l. c. стр. 285—6; Fam. XI, 5.

писанія, характеръ, вся жизнь. Всѣ мои старанія обращены были на то, чтобы стать добродѣтельнымъ и заслужить расположеніе достойныхъ людей. Перваго я, къ сожалѣнію, не достигъ, достигъ второго, какъ доказываетъ ваше посланіе. Оно меня и радуетъ и поражаетъ; радуюсь я вашей доблести и моей удачѣ, пораженъ тѣмъ, что въ нашъ вѣкъ, который мы считали столь обездоленнымъ всякимъ благомъ, нашлось такъ много людей, одушевленныхъ любовью къ народной, или лучше, общественной свободѣ. Правду сказалъ Цицеронъ, что слава, которую воздаютъ, обращается въ честь воздающему. — Петраркѣ припоминаются примѣры древнихъ мужей, возвращенныхъ въ свое отечество: Цицерона, Рутилія и Метелла, Камилла и Алкивіада, наконецъ Виргилія; но чтобы сыну возвратили состояніе, утраченное по винѣ его отцемъ — это неслыхано; и какъ еще возвратили? Съ какими краснорѣчивыми убѣжденіями, цвѣтами реторики, съ какимъ ароматомъ похвалъ! Но мнѣ важно не родное поле, на которомъ состарѣлись отецъ и дѣдъ и прадѣдъ, человѣкъ неученый, но замѣчательнаго ума [1]), сколько ваше лестное обо мнѣ мнѣніе, заключаетъ Петрарка; вѣдь жажда пріобрѣтенія не знаетъ границъ, хотя небольшой урной принуждены бываютъ ограничиться тѣ, кому мало бывало цѣлыхъ царствъ. Онъ вернется въ родное гнѣздо, не въ состояніи выразить всего, что подсказываетъ ему благодарность, но позволяетъ себѣ, незначущему человѣку, еще разъ повторить слова, которыя повторилъ въ присутствіи именитыхъ людей Флоренціи, когда въ прошломъ году былъ тамъ на пути изъ Рима,—слова императора Августа сенату, поднесшему ему новый титулъ: Мои желанія исполнились, отцы сенаторы; о чемъ другомъ просить мнѣ всевышняго Бога, какъ не о томъ, чтобы ваше сочувствіе сохранилось мнѣ до конца моей жизни?—Какъ я рѣшилъ относительно возвращенія и какъ намѣренъ исполнить ваши желанія, о томъ

1) Vir ut letterarum inops, sic praedives ingenii.

доскажетъ вамъ вашъ посланникъ, почтенный [1]) Іоаннъ Боккаччьо, рѣчи котораго вы выслушаете, какъ еслибъ говорилъ я самъ.

Тѣмъ-же 6-мъ апрѣля 1351 года помѣчено письмо Петрарки къ Франческо Нелли [2]). На сколько можно судить изъ письма послѣдняго [3]), дѣло шло о молитвенникѣ, который Нелли прислалъ въ даръ Петраркѣ, а тотъ грозится отослать его назадъ, если Нелли не откроетъ ему то, что отъ него утаиваетъ; вопросъ шелъ, очевидно, о стоимости подарка, платѣ переписчику. Письмо Нелли было полно выраженій чистой, преданнѣйшей любви; любовь плохой судья, говоритъ Петрарка, но желаетъ другу остаться при его заблужденіи, дабы при ближайшемъ знакомствѣ любовь не смѣнилась презрѣніемъ. О многомъ другомъ надо было-бы написать тебѣ, но я усталъ, старость подходитъ, да тебѣ обо всемъ разскажетъ нашъ Джіованни (Боккаччьо).

Какъ разъ въ это время Боккаччьо былъ занятъ вопросомъ по опекѣ надъ братомъ Яковомъ [4]): она тяготила его, занятія мѣшали ходить по дѣламъ [5]), о чемъ 17-го мая 1351 года онъ и заявилъ одному изъ судей подесты̀. Чтобы имѣть право самому участвовать въ выборѣ лицъ, которымъ передать свои полномочія, онъ записался въ цехъ судей и нотаріусовъ, и вмѣстѣ съ судьей подесты̀ выбралъ двухъ довѣренныхъ, которые клятвенно обязались вести опеку, блюдя какъ его интересы, такъ и интересы опекаемаго [6]).

Изъ всѣхъ широковѣщательныхъ обѣщаній Петрарки ни-

1) Egregius.

2) Var. XXIX.

3) № XII и II у Cochin и тамъ-же стр. 89 слѣд., 109—110.

4) Сл. выше т. I, стр. 382.

5) Dicens se variis negotiis impeditum.

6) Irineo Sanesi, Un documento inedito su Giov. Boccaccio въ Rassegna bibliografica d. letteratura italiana, Anno I, № 4, стр. 121 слѣд. Сл. тамъ-же №№ 8—9: Crescini, Di un nuovo documento su Giov. Boccaccio, стр. 243 слѣд. За невозможностью добыть указанные №№ Rassegna, я воспользовался точной копіей съ интересовавшихъ меня статей, доставленной мнѣ проф. Тоблеромъ, которому приношу искреннѣйшую благодарность.

чего не вышло; 4-го мая онъ выѣхалъ изъ Падуи, направляясь во Францію, въ Воклюзъ, «влекомый сладостнымъ желаніемъ»; такъ онъ писалъ съ дороги Боккачьо [1]). Ты знаешь, другъ мой, что еслибъ то дозволила судьба, я тамъ-бы провелъ и остатокъ моихъ дней; тамъ не то, что въ городахъ: свобода, уединеніе, тишина, покой; жаль только, что далеко отъ Италіи и слишкомъ близко къ западному Вавилону.—Туда онъ покажется, такъ какъ ему не суждено видѣть папу тамъ, гдѣ его искали отцы: на берегахъ Тибра; повидаетъ, какіе остались изъ пріятелей, заберетъ въ Воклюзѣ свои книги—и осенью назадъ, распростившись «съ суровой страной, съ негостепріимнымъ берегомъ». Передай мой почтительный привѣтъ флорентійской сеньоріи (сенату) и поклонись тремъ нашимъ согражданамъ и друзьямъ,—вѣроятно, Франческо Нелли, Заноби да Страда и Лапо ди Кастильонкіо.

Петрарка уѣхалъ, а негодующіе флорентинцы вновь конфисковали имѣніе его отца, которое только что вернули сыну. Объ одномъ прошу я тебя, писалъ ему Нелли отъ 21-го августа 1351 года, чтобы твоя родина, твои вѣрные поклонники [2]) не навсегда остались въ сиротствѣ, и ты исполнилъ бы свое обѣщаніе—вернуться. Онъ шлетъ Петраркѣ привѣтствія Форезе, Лапо, Заноби; Боккачьо, всегда готоваго къ твоимъ услугамъ [3]), нѣтъ въ городѣ [4]).

Дѣйствительно: конецъ года прошелъ для Боккачьо въ посольствахъ; между 25 августа и 27-го сентября онъ ѣздилъ «ad partes Romandiolae et Lombardiae» [5]); въ декабрѣ къ графу Людвигу Бранденбургскому и его намѣстнику въ Тиролѣ, герцогу Конраду фонъ Текъ: флорентійцы искали всюду союзниковъ противъ грозившаго ихъ самостоятельности Эгона-Висконти. Графъ

1) Изъ Вероны, 1 іюня, Fam. XI, 6.

2) Fideles.

3) Tuis requisitionibus, ut scis, promptissimus.

4) Cochin, № VI.

5) Baldelli, Vita di G. Boccaccio, стр. 192; Imbriani, Giorn. Napoletano N. S., v. VII, стр. 84.

Людвигъ послалъ своего повѣреннаго, Диппольда фонъ Катценштейнъ, съ которымъ, вѣроятно, вернулся и Боккаччьо; союзъ не удался, какъ видно изъ отвѣтнаго посланія флорентійской коммуны отъ 27-го марта 1352 года [1]).

Между тѣмъ Петрарка все еще живетъ во Франціи; 30-го августа 1351 года пишетъ изъ Авиньона къ незнакомому ему лично Аччьяйоли, превознося его напыщенными похвалами [2]); когда воспитанникъ Аччьяйоли, Людовикъ Тарентскій, признанъ былъ королемъ, письмо Петрарки отъ 20-го февраля 1352 года обращается въ цѣлый трактатъ о нравственномъ руководствѣ юнаго монарха, торжественный и сентенціозный, съ показной откровенностью лести по адресу руководителя [3]). Съ культурнымъ типомъ Аччьяйоли мы уже знакомы [4]): въ немъ былъ матеріалъ итальянскаго тирана, и гуманистическая жилка была въ немъ не показная. Однажды ему случилось написать къ Петраркѣ собственноручное письмо и извиниться, что онъ такъ долго не отвѣчалъ ему, потому что его пріятели, неаполитанскіе гуманисты, Никкóла д'Алифе и Барбато отказали ему въ помощи своего пера, хотя онъ не разъ просилъ ихъ о томъ. Ему нуженъ литературный секретарь, и онъ проситъ Петрарку направить къ нему флорентійца Заноби да Страда, уговоривъ его покинуть Доната и преподаваніе грамматики ребятишкамъ. Очевидно, Аччьяйоли уже зналъ Заноби; къ нему адресовано письмо Петрарки изъ Авиньона, 1-го апрѣля 1352 года [5]): онъ убѣждаетъ его принять предложеніе Аччьяйоли; ты рожденъ для иной доли, говоритъ онъ; фортуна могла осудить тебя на должность учителя, природа создала для высшаго, ей и повинуйся. Воспламенись же поэтическимъ духомъ, оставь свое имя потомству; кто по природѣ тру-

1) Сл. текстъ вѣрительныхъ грамотъ у Corazzini, стр. 395—6; Hortis, Giov. Boccacci, ambasciatore in Avignone, стр. 45—48.

2) Fam. XI, 13 и выше т. I, стр. 58.

3) Fam. XII, 2; сл. выше т. I, стр. 102.

4) Сл. выше т. I, стр. 54 слѣд.

5) Fam. XII, 3.

долюбивъ, но косенъ умомъ, у кого кровь холодна, тѣло выносливо, кто не боится скуки и мелкіе заработки предпочитаетъ славѣ—тотъ пусть обучаетъ мальчишекъ; кто рожденъ доблестнымъ, долженъ посвятить себя болѣе благороднымъ занятіямъ, дабы въ глазахъ потомковъ намъ уподобиться тѣмъ изъ древнихъ, которые просвѣтили наши умы. Ты можешь избрать себѣ примѣромъ Цицерона и Виргилія; неужели предпочтешь ты подражаніе сѣкущему Орбилію? Тебѣ милостиво улыбнулось блестящее свѣтило, которымъ гордится наша родина; поздравляю тебя. Познай, наконецъ, самаго себя, заслужи не удивленіе ребятъ, а похвалу мужей.

И такъ Аччьяйоли звалъ къ себѣ Заноби, забывъ о Боккаччьо, съ которымъ знакомъ въ теченіи 20-ти лѣтъ, который и прежде разсчитывалъ на его покровительство [1]), не переставалъ стремиться въ Неаполь и теперь могъ надѣяться, что его тамъ устроятъ. Но Аччьяйоли молчалъ, а Петрарка не вмѣшался. Интересны его письма къ флорентійскимъ друзьямъ, между прочимъ къ Боккаччьо, посланныя какъ разъ въ тотъ же день, когда отправлено было и увѣщаніе къ Заноби (1352 г., 1-го апрѣля). Онъ пишетъ Лапо ди Кастильонкіо изъ Авиньона, этого коварнаго города, этого ада, куда-только что выѣхалъ изъ восхитительнаго уединенія, гдѣ бесѣдовалъ — съ Цицерономъ [2]). Достаточно твоего слова, чтобъ я нарушилъ обѣтъ молчанія, увѣряетъ онъ Франческо Нелли [3]); усталъ я отъ дѣлъ куріи, отъ писемъ: пришлось отказываться отъ болѣе полезныхъ занятій, отвѣчать на массу посланій, дабы обо мнѣ не сказали, что, противорѣча Катону, я не нахожу удовольствія въ бесѣдѣ съ друзьями. Я думалъ было успокоиться, когда пришло твое письмо; оно подтолкнуло меня къ письменному столу, какъ подобное разсказываетъ о себѣ Цицеронъ. И какъ было не

1) Сл. его письмо отъ 1341 года, выше т. I, стр. 176—7.

2) Fam. XII, 8.

3) Fam. XII, 9.

отвѣтить: въ твоемъ письмѣ такъ много любви, преданности, внимательности; ты пишешь, что почитаешь счастливымъ для себя, что родился въ мое время. Такъ говорилъ Платонъ о своемъ Сократѣ, и какъ Платонъ былъ счастливѣе дружбой къ нему Сократа, чѣмъ наоборотъ, такъ и я—твоей. О еслибы я могъ!... Но я не въ силахъ обязать тебя къ тому, что совершили, влекомые любовью и дружбой, Еней, Орфей и Тезей: чтобы ты послѣдовалъ за мною въ тартаръ, въ адъ (т. е. Авиньонъ) — и я прошу помолиться за меня, дабы Господь помогъ мнѣ выбраться на божій свѣтъ изъ этой пропасти [1]).

Всѣхъ короче письмо къ Боккаччьо [2]): оно полно риторики и общихъ мѣстъ, жалобъ на дѣла и Авиньонъ, необъяснимыхъ, потому что Петрарку могли держать тамъ развѣ личныя дѣла; во всемъ тонѣ чувствуется какая-то неоткровенность и вмѣстѣ казовая развязность человѣка, который хочетъ отвести глаза. Пишу тебѣ съ этимъ посланнымъ, дабы ты не вообразилъ, что я забылъ тебя; но краткость времени, недостатокъ новостей, множество дѣлъ и сладостная надежда, что вскорѣ я увижу тебя и поговорю съ тобою по сердцу — все это вмѣстѣ сдѣлало то, что какъ я ни думалъ, не нашелъ ничего, о чемъ прилично было бы написать тебѣ, кромѣ того развѣ, что писать— не о чемъ. О томъ, что дѣлается въ этомъ Вавилонѣ, я уже сообщилъ друзьямъ и никогда бы не кончилъ, еслибы сталъ говорить, какъ я сужу обо всемъ. О себѣ не знаю, что сказать: все для меня неясно, кромѣ смерти; пусть пожуритъ меня Сенека, какъ пожурилъ Цицерона, но я изъ тѣхъ, которые ни больны, ни здоровы, ни живы, ни мертвы; я почту себя живымъ и здоровымъ, когда мнѣ удастся выбраться изъ этого лабиринта. Объ этомъ одномъ я помышляю, для этого работаю. Будь здоровъ и пиши мнѣ въ это мѣсто изгнанія о всякой твоей напасти.

1) Сл. Epist. poet. III, 22, 23: къ Нелли.
2) Fam. XII, 10.

Въ маѣ 1352 года Заноби былъ уже въ Неаполѣ и въ столь близкихъ отношеніяхъ къ Аччьяйоли, что Петрарки включилъ въ письмо къ Заноби, отъ 24-го мая, посланіе къ Аччьяйоли и Баррили, назначенное сблизить разошедшихся друзей, при чемъ Заноби дозволялось вскрыть его и сдѣлать въ немъ какія хочетъ измѣненія, ибо онъ знаетъ характеръ Аччьяйоли, что̀ ему пріятно, и на все выберетъ и время и способъ [1]).

Мы уже знаемъ, какъ привѣтствовалъ Боккаччьо [2]) водвореніе Альцеста-Людовика, а вмѣстѣ съ нимъ и торжество Питіи-Аччьяйоли; онъ и самъ не прочь былъ присоединиться къ ликующимъ, но въ Неаполѣ ждали не его, а — Петрарку. Въ письмѣ, къ Аччьяйоли отъ того-же 24-го мая 1352 г. [3]) Петрарка отвѣчаетъ на приглашеніе: пріѣхать въ Неаполь, гдѣ между Фалерномъ и Везувіемъ для него уготованъ новый Парнасъ; онъ въ восторгѣ отъ этой идеи: у меня уже есть два Парнаса [4]), пишетъ онъ Аччьяйоли, но я не въ силахъ отдѣлаться отъ этого третьяго, украшеннаго пѣснями твоего Аполлона и твоихъ музъ, зеленѣющаго твоими лаврами.

Въ Неаполь онъ не попалъ; еще годъ прожилъ онъ во Франціи, и когда въ маѣ 1353 года вернулся въ Италію, поѣхалъ не во Флоренцію и не въ Неаполь, а къ Эгону-Висконти.

Что увлекло Петрарку въ Авиньонъ? «Сладостное желаніе», писалъ онъ Боккачьо; друзья [5]), говоритъ онъ Нелли: еслибъ онъ зналъ, для чего они его вызывали, онъ никогда-бы не поѣхалъ. Въ одномъ (VII-мъ) изъ писемъ «безъ адреса» онъ также ссылается на друзей, отвѣчая на чьи-то упреки: куда увлекло тебя честолюбіе? писали ему; развѣ ты не помнишь себя, не знаешь, куда идешь, что покидаешь? Или ты сознательно го-

1) Fam. XII, 14, 18; XIII, 9, 10. Сл. выше т. I, стр. 105.

2) Сл. выше т. I, стр. 176—7.

3) Fam. XIII, 9.

4) Sine titulo IV: Geminus mihi Parnassus, alter in Italia est, alter in Galliis.

5) Fam. XIII, 5: charitas amicorum.

товъ взяться за недостойное тебя дѣло?—Изъ письма къ Нелли оказывается, что друзья готовили Петраркѣ мѣсто папскаго секретаря или протонотарія, но онъ отказался отъ него, блюдя свою свободу; онъ согласился бы на поэтическій досугъ, обезпеченный отъ оффиціальныхъ занятій, отъ дѣловой суэты и придворныхъ интригъ. Авиньонъ и курія вдругъ ему опостылили; Авиньонъ — это вмѣстилище всякаго нечестія и скверны, отнынѣ ему кличка — Вавилонъ; папа — церковный Діонисій. Таково настроеніе его писемъ безъ адреса, начиная съ четвертаго, его VI-й и VII-й эклогъ, стихотворныхъ посланій III, 21—23 и знаменитыхъ сонетовъ: Fiamma del Ciel, L'avara Babilonia, Fontana di dolore. Тѣмъ не менѣе его что-то привязываетъ къ Авиньону; ацедія или какія-то надежды? Порой онъ спасался изъ удушливой атмосферы города въ Воклюзъ, въ долину, еще полную его сѣтованій [1]), въ гнѣздо Феникса-Лауры, когда-то лелѣявшей подъ своими крылами сердце поэта [2]) — и сонеты, выраженіе сладостнаго желанія, перемежались бесѣдами съ Цицерономъ и классиками. А за тѣмъ тотъ-же удушливый Авиньонъ. Надо бѣжать изъ этого лабиринта: онъ вырвется изъ него, гнѣвъ откроетъ ему путь, скорбь дастъ крылья [3]) и съ высоты Севеннъ раздастся его восторженный привѣтъ Италіи: Здравствуй страна, святая, милая Богу; тучи за мною, мягкій вѣтерокъ ласкаетъ меня, здравствуй, о родина мать, слава земли! [4]). — Петрарка бѣжалъ изъ Авиньона, спасая свою свободу, чтобы сразу попасть — въ лабиринтъ Висконти.

Боккаччьо былъ пораженъ; онъ вспомнилъ свою бесѣду съ другомъ въ Падуѣ; его письмо къ Петраркѣ изъ Равенны, 18-го іюня 1353 г., служитъ выраженіемъ его недоумѣній; онъ не вѣритъ слухамъ, проситъ вразумить его; пишетъ о Сильванѣ (=Петраркѣ) въ третьемъ лицѣ, подвергая его дѣйствія суду—

1) Сон. XXXIII.

2) Сон. LIV.

3) Epist. poet. III, 22; къ Нелли.

4) l. c. 24: Salve chara Deo tellus sanctissima, Salve.

Петрарки, «славнаго учителя» [1]); не смѣетъ говоритъ и не въ состояніи молчать [2]), къ первому его обязываетъ уваженіе къ Сильвану, ко второму побуждаетъ негодованіе. Я бы не сказалъ ничего, еслибы слова самого Сильвана не вызывали меня взяться за перо. Помнишь его слова въ комментаріяхъ: «покажи мнѣ, другъ, меня самого, схвати за руку, хотя бы ты былъ и далекъ, вяжи, жги, урѣзывай, подавляй надменное [3]), отбрось лишнее; не бойся того, что я покраснѣю или поблѣднѣю». Вотъ что заставило меня писать, продолжаетъ Боккаччьо, напоминая Петраркѣ подробности знакомаго намъ разговора; между тѣмъ, когда я недавно ѣхалъ въ Равенну, чтобы посѣтить тамошняго властителя, и 12-го іюля [4]) остановился въ Форли, нѣкій пріятель повелъ рѣчь о тебѣ: Слышалъ я, и чудно мнѣ это, что нашъ Сильванъ, любитель уединенія [5]), покинулъ свой Геликонъ за Альпами (Воклюзъ), вступилъ въ вертепы Эгона (Висконти), и, принявъ дары, сталъ изъ касталійскаго пастыря лигурійскимъ пастухомъ [6]), вмѣстѣ съ собой отдалъ въ рабство и пенейскій лавръ [7]) и піэридъ. — Услышавъ это, я остолбенѣлъ, считая это невозможнымъ; но когда нѣсколько дней спустя пріѣхалъ въ Равенну Симонидъ и показалъ письма о томъ Сильвана, я повѣрилъ, кляня небо и проступокъ Сильвана. Послѣ этого вѣдь все возможно; а я полагалъ, что скорѣе лани [8]) побѣдятъ тигровъ, овцы прогонятъ волковъ, чѣмъ Сильванъ поступитъ противъ своего убѣжденія [9]). Кто подниметъ голосъ противъ преступныхъ, нецѣломудренныхъ, любостяжательныхъ, когда такъ поступилъ Сильванъ? Увы! куда дѣлись его честность, его свя-

1) Praeceptor inclite.
2) Loqui prohibeor et tacere non possum.
3) Tumida comprime.
4) IIII ydus Iulii.
5) Solivagum.
6) Ligustinum devenisse bubulcum.
7) Daphnem peneiam.
8) Damas.
9) Sententiam.

тость, его рѣшенія? Онъ сталъ другомъ того самаго человѣка, котораго звалъ свирѣпымъ Полифемомъ, циклопомъ, гнѣвно осуждая его надменность, его тираннію, а теперь несетъ его иго, и не по принужденію, а добровольно.

Помнится, онъ утверждалъ, что давно уже отказался отъ Хризиды [1]), отвергъ ея объятія, называя ее грязной и вредной, подонками земли [2]), а теперь, если вѣрить Симониду, не стыдится лобзать красавицу, встрѣченную имъ на берегахъ Эридана, украшенную ожерельями и драгоцѣнностями? И кто-же похитилъ стараго Сильвана? Кѣмъ не могъ овладѣть великій Аргусъ (король Робертъ), ни галльскій пастырь Дафнисъ (императоръ), ни господствующій надо всѣми аркадскій Панъ (папа), тѣмъ овладѣлъ презрѣнный [3]) Эгонъ и блудница Хризида. Я не былъ-бы такъ пораженъ, еслибы не слышалъ, какъ самъ онъ порицалъ Цицерона и Аннея (Сенеку). Что за неслыханное непостоянство духа! И если ужь опостылѣли Сорга (Воклюзъ), Парма, Брента (Падуя), такъ неужели никакой другой рѣки, кромѣ Тичино, не оставалось, чтобы утолить жажду? Не себя только одного запятналъ Сильванъ, но тебя и меня и всѣхъ, кто повсюду величалъ его образъ жизни и нравы, его пѣсни и творенія. Неужели полагаешъ ты, что тѣ, до кого дойдетъ этотъ проступокъ, станутъ молчать? Напротивъ, они уже подняли крикъ, поносятъ его прежнюю славу, какъ обманную и поддѣльную, а насъ называютъ льстецами и лгунами. Можетъ быть, онъ скажетъ въ свою защиту, что зналъ, что̀ дѣлалъ: его соотчичи [4]) наглумились надъ нами, вернули отцовскій лѣсъ и пастбища, а затѣмъ отняли, не по его винѣ, а по своему легкомыслію [5]). Это вѣрно, никто не знаетъ того лучше меня: я былъ въ этомъ дѣлѣ попечителемъ и посредникомъ и не осуждаю такого негодованія: мы

1) Богатство. Сл. выше XIII и XV эклоги Боккаччьо, стр. 58—9, 129 слѣд.

2) Terrae.... fecem.

3) Infamis.

4) A suis silvicolis = флорентійцы.

5) Сл. выше стр. 139.

вѣдь не изъ камня, видимъ и чувствуемъ; поступлено было скверно и неприлично, но я не думаю, чтобы честно и праведно было мстить родинѣ за оскорбленіе. Пусть Сильванъ не защищается, говоря: если, движимый негодованіемъ, я сдружился съ врагомъ отечества, то тѣмъ не менѣе я не выступаю враждебно, не устремляю на это силы, не подаю совѣтовъ. Положимъ, такъ, но онъ радуется вмѣстѣ съ Эгономъ бѣдствіямъ родины, грабежамъ, пожарамъ, плѣнамъ; это великое преступленіе. Но оставимъ военныя дѣла; что станетъ дѣлать въ толпѣ этотъ краснорѣчивый защитникъ уединенія, что — человѣкъ, привыкшій величать свободу и честную бѣдность, поддавшись чужому игу и нечестно обогащенный? Я только краснѣю, напѣвая, про себя или въ народѣ, виргиліевское:

Quid non mortalium pectora cogis,
Auri sacra fames?

Многое могъ бы я еще сказать про него, славный наставникъ; но что скажешь ты, у котораго и негодованіе сильнѣе и краснорѣчія больше? Что скажетъ его Моникъ (братъ Петрарки Герардъ), его Сократъ (пріятель Петрарки, Людовикъ ди Кампинія или di Ham), Идей (Джьованни Баррили), Питій (Барбатъ) и другіе, привыкшіе смотрѣть на него, какъ на человѣка святого (caelestem), какъ на единственный въ людяхъ образецъ честности, и прославлявшіе его за эти качества? Я полагаю, всѣ вы его осудите и опечалитесь. Тебѣ онъ болѣе другихъ повѣритъ, образумь его, отвлеки отъ позора, вырви изъ рукъ ненавистнаго (Эгона) такого, какъ онъ, мужа, столь блестящее украшеніе, сладостную утѣху, зрѣлый совѣтъ; верни ему прежнюю славу, намъ его самого, въ отраду и любовь.

V.

Письмо Боккаччьо — цѣлое обличеніе, прокурорская рѣчь, направленная на человѣка, которому до тѣхъ поръ вѣрили безусловно и который видимо обманулъ ожиданія. Въ это не вѣрится,

по-крайней мѣрѣ хотятъ дать понять, что въ это не вѣрятъ; обвиненію данъ оборотъ просьбы: разобраться въ поступкѣ какого-то третьяго лица, Сильвана; не Боккаччьо, а самъ Петрарка приглашается совершить судъ надъ самимъ собой. Вопросъ поставленъ двоякій: общественный и личный, служеніе Петрарки у врага своей родины, служеніе свободнаго человѣка у тирана. Въ томъ и другомъ смыслѣ Боккаччьо высказывается въ своемъ посланіи, которымъ не преминули воспользоваться для характеристики его принципіальныхъ, политическихъ воззрѣній; въ сравненіи съ Петраркой онъ могъ представиться болѣе яркимъ и убѣжденнымъ демократомъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Это требуетъ общаго разсмотрѣнія.

Въ политическихъ взглядахъ Петрарки и Боккаччьо слѣдуетъ отличить сторону *идеала*, взлелѣяннаго гуманизмомъ и любовью къ родинѣ и реторикой, и сторону *практическую*. Первый находилъ выраженіе въ идеѣ культурной Италіи: такова Italia mia Петрарки, несущественный объектъ существенной вѣры, Италія славныхъ римскихъ преданій, съ естественной главой Римомъ [1]). Фантасмагорія Рима не покидаетъ Петрарки, безъ него нѣтъ Италіи, тамъ должны быть освященныя исторіей власти; какъ свв. Бригитта и Катерина Сіэнская, онъ не устаетъ призывать туда авиньонскихъ папъ, зоветъ и Карла IV, но приходитъ въ восторгъ и отъ утопіи Италіи, объединенной подъ державой «друга вселенной, августѣйшаго трибуна» Кола ди Ріэнцо. Разновременность этихъ увлеченій Петрарки не оправдываетъ ихъ неясности. Петрарка, очевидно, и не разобрался въ нихъ логически: онъ уповаетъ на императора, заявляетъ, что никакая власть не терпитъ соперника [2]) — и что папѣ принадлежатъ обѣ власти [3]). Средневѣковая двойственность двухъ «мечей», на которой зиждется міровоззрѣніе Данте, болѣе реальна,

1) Fam. XI, 7: посланіе къ римскому народу у Fracassetti, Lettere, v. III, стр. 240.

2) Fam. XX, 2.

3) Var. 3.

чѣмъ гуманистическая греза, вычитанная у римскихъ юристовъ, объ имперіи римскаго народа, роковымъ образомъ привязанной къ Риму, съ сенатомъ, отдающимъ приказы императорамъ [1]).

И въ политикѣ Боккаччьо есть элементы несущественнаго идеализма, отчасти навѣяннаго преданіемъ. О попыткѣ Кола ди Ріенцо онъ нигдѣ не отозвался; преданный идеѣ папства, не менѣе рѣзкій, чѣмъ Петрарка, въ нападкахъ на его современныхъ представителей [2]), онъ не носится такъ страстно, какъ тотъ, съ мыслью о перенесеніи папскаго престола изъ Авиньона въ Римъ, но и у него Roma — монархиня міра, лишенная вѣнца съ тѣхъ поръ, какъ папы и императоры забыли ее [3]); символическое сновидѣніе Бьянчифьоре написано очевидно подъ дантовскими вліяніями [4]); и позже тѣ-же жалобы повторяются [5]), какъ обязательныя, не какъ выраженіе убѣжденія. Когда-то Римъ былъ во главѣ свѣта, теперь онъ въ его хвостѣ [6]), власть перешла отъ него къ французамъ и нѣмцамъ [7]), перейдетъ, пожалуй, къ англичанамъ [8]). Но именно по отношенію къ имперіи Боккаччьо приведенъ былъ условіями жизни къ взглядамъ, освобождавшимъ его отъ средневѣковой утопіи. Старая привязанность къ гвельфской династіи анжуйцевъ, къ французскому королевскому дому [9]) опредѣлила его отрицательное отношеніе къ Свевамъ: уже въ Филоколо [10]) ихъ родъ названъ надменнымъ и неблагодарнымъ, его слава не заслуженной; позднѣе эта оцѣнка отзывается на характеристикахъ Фридриха I, Генриха VI, Фридриха II, человѣка чудовищнаго, язвы всей Италіи, не только

1) Сл. письмо къ римскому народу, l. c., стр. 238 слѣд.

2) Сл. посвященіе De Casibus у Corazzini, стр. 364; De Casibus IX, 7; 8.

3) Сл. канцону III у Moutier, стр. 115 слѣд.; De Cas. VIII, 17.

4) Filocolo, сл. выше т. I, стр. 245, 258.

5) Напр. въ письмѣ къ Петраркѣ, сл. выше стр. 135.

6) Дек. V, 3.

7) Ib. II, 8.

8) Com. ed Milanesi I, lez. VI, стр. 192.

9) De Cas. IX, 19.

10) I, 3—4, сл. выше т. I, стр. 191.

сицилійскаго королевства; Манфреда[1]). Это не мѣшаетъ ему при случаѣ признать въ Фридрихѣ II блестящіе таланты, интересъ къ образованію, понять причины враждебнаго къ нему отношенія папства[2]); но дѣло въ томъ, что самая идея римской имперіи германскаго народа поднимаетъ въ Боккаччьо сознаніе и протестъ латинянина. «Говорятъ, хотя и несправедливо, о благородствѣ свевской крови; точно небо влило болѣе нѣжную влагу въ фибры варваровъ, чѣмъ итальянцевъ! Вѣдь это смѣшно, пишетъ Боккаччьо; показалъ бы я глупцамъ, что это за благородная тевтонская кровь, если бы это не увлекло меня въ сторону!»[3]). И онъ обобщаетъ свою нелюбовь къ тевтонамъ, говоря объ ихъ коварствѣ[4]) и варварствѣ[5])

Главное, чего ему не достаетъ, это живого пониманія того двоевластія, въ идеяхъ котораго воспиталось предыдущее поколѣніе: онъ орудуетъ ими, какъ общимъ мѣстомъ, негодуетъ на сожженіе дантовскаго De Monarchia кардиналомъ дель Поджетто, но, сообщая содержаніе трактата, обнаруживаетъ слабый интересъ къ когда-то жгучему вопросу: Данте доказывалъ, между прочимъ, что императорская власть исходитъ непосредственно отъ Бога, а не черезъ посредника — «какъ полагаютъ, кажется, клерики»[6]). Это «кажется» говоритъ за себя: Боккаччьо вышелъ изъ средневѣковаго дуализма.

Гвельфская политика Флоренціи совпала съ его ранними взглядами, сложившимися въ Неаполѣ, и въ своихъ отношеніяхъ къ Карлу IV онъ является антиимперіалистомъ. Опасаясь возраставшаго могущества Висконти, Флоренція искала сближенія

1) Сл. De Cas. IX, 16, 18; De Clar. Mul. c. CII; Дек. X, 6 (о Манфредѣ), 7 (о Карлѣ I Анжуйскомъ).

2) In molte cose eccelente e virtuoso.... gran letterato e nella Magna reputato da molto. Com. ed. Milanesi v. II, lez. XLI, стр. 240 слѣд.

3) De Cas. IX, 16.

4) De Cas. IX, 14; Дек. VII, 1.

5) De Clar. Mul. c. 25 (germana rapacitas), 101 (germanica.... barbarie).

6) Vita di Dante, ed. Macrì-Leone, стр. 73.

съ императоромъ; это было уклоненіемъ отъ традиціонной политики города, стоявшаго во главѣ гвельфовъ; хотя Карлъ IV и дружилъ съ папой, но положеніе создавалось тонкое, требовавшее осторожности и умѣнья лавировать, а флорентійскіе правители оказались ниже своей роли. Когда въ 1354 году Карлъ обнаружилъ намѣреніе явиться въ Италію, они заволновались и запросили папу, какъ онъ къ этому отнесется и чего имъ держаться; съ этою цѣлью Боккаччьо былъ посланъ въ Авиньонъ съ вѣрительными грамотами отъ 28-го и инструкціей отъ 30-го апрѣля [1]); позже, въ октябрѣ того-же года ходилъ туда по тому же дѣлу нотаріусъ Диетифечи ди Микеле Гангаланди [2]). Когда въ концѣ года Карлъ IV явился, колебанія флорентинской синьоріи еще болѣе доказали ея неспособность и отсутствіе благоразумія [3]). Между тѣмъ какъ Сіэна, Вольтерра, Пистойя и Санъ-Миньято обнаружили покорность, флорентійцы волочили переговоры и торговались, изъявляя преданность императору, падкому до денегъ, намѣренно умалчивая его титулъ и требуя сохраненія своихъ вольностей. Онъ грозился сломить ихъ надменность; однажды, послѣ трехъ-часоваго спора, онъ вышелъ изъ себя: не по плечу какой-то комунѣ перечить его власти, своей силой и съ помощью миланскихъ синьоровъ и другихъ гибеллиновъ Италіи онъ разрушитъ Флоренцію. Пришлось смириться, но трактатъ съ императоромъ, заключенный въ Пизѣ, обнародованный во Флоренціи 23 марта 1355 года, не вызвалъ въ народѣ никакихъ знаковъ радости, ибо всѣмъ было извѣстно, какъ дорого стоили комунѣ невѣжество и недальновидность ея правителей [4]).

Такова точка зрѣнія Маттео Виллани; VII-я и IX-я эклоги Бок-

1) Corazzini, стр. 396—399; Hortis, G. Boccacci, ambasciatore in Avignone, стр. 48—9; сл. стр. 14 и прим. 2; Crescini, Contributo, стр. 259.

2) Canestrini, Arch. Storico ital., ser. I, App. VII, 395.

3) Matteo Villani IV, 55 и слѣд.

4) Ib. IV, 75.

каччьо служатъ ей комментаріемъ, выясняя вмѣстѣ съ тѣмъ его практическій, не теоретическій взглядъ на значеніе имперской власти.

Въ VII-й эклогѣ бесѣдуетъ Дафнисъ-Карлъ IV [1]) и Флорида-Флоренція. Ты спишь, а ввѣренное тебѣ стадо покинуто; отчего не попросишь ты друга Дафниса постеречь его? — Тебѣ-ли довѣрить стадо, негодный Дафнисъ, преданный Вакху! уличаетъ его Флорида, намекая далѣе на власть, которую Карлъ, вопреки договорамъ, захватилъ въ Пизѣ (городѣ Алфея): ты похищалъ козловъ, истязалъ плодныхъ козъ въ лѣсахъ Алфея! — Но вѣдь стадо мое, я могу повести его, куда хочу!—Что общаго у тебя съ алфеянами? Они стараго эллинскаго рода, тебя-же произвела варварская, дикая страна.—Что-же скажетъ Галатея (Римъ), если такъ позоритъ Дафниса эта кривая! [2]), восклицаетъ Дафнисъ. Недавно лѣсные старцы (нѣмецкіе князья) поставили меня властителемъ лѣсовъ и стадъ, мнѣ повинуются пастыри Инда и Пиринеевъ, Родопа и Эбра. — Тебѣ-бы присоединить ужь и тѣхъ, кого заблужденіе древнихъ помѣщало на небѣ и въ оркѣ, иронизируетъ Флорида; вѣдь *твоихъ* индовъ раздѣляетъ Маасъ, *твоихъ* гетуловъ орошаетъ Эльба, и Рейнъ — *тебѣ* Тибромъ. Ступай, слава сѣверныхъ народовъ, обманывай своихъ двоедушныхъ [3]) тевтоновъ, знаемъ мы пустые титулы и вялый лукъ [4]).— Развѣ не видишь ты, слѣпая, какая стая псовъ меня окружаетъ? Вспомнишь ты о пустыхъ титулахъ и вяломъ лукѣ, когда Галатея увѣнчаетъ меня лавромъ.—Въ такомъ случаѣ я скажу, что пламя потушитъ факелы, вечерняя звѣзда заведетъ новый день, солнце броситъ тѣни; кто первый ввелъ тѣ почести въ нашихъ лѣсахъ,

1) Сл. Daphnis = Юлій Цесарь въ V-й эклогѣ Виргилія. Боккаччьо въ письмѣ къ Мартину изъ Синьи ссылается на Овидія: pro Daphni ego intelligo imperatorem, nam Daphnis, ut in maiori volumine Ovidii legitur (=Метаморфозы), filius fuit Mercurii et primus pastor.

2) Lusca; вар. fusca = Флоренція.

3) Bilingues.

4) Nos titulos vacuos et lentos novimus arcus.

увѣнчаетъ себя тисомъ[1]), лавры же броситъ свиньямъ, коли увидитъ тебя увѣнчаннымъ ими; мнѣ-же скорѣе умереть, чѣмъ видѣть латинскій лавръ[2]) на челѣ савромата.—Къ чему кичишься ты, неразумная, зачѣмъ противишься велѣніямъ Аполлона? Лучше было-бы тебѣ уладить твои распри, увѣнчать меня цвѣтами, какъ было прежде въ обычаѣ, дабы священная птица Юпитера (имперскій орелъ) оберегъ съ высоты твое стадо отъ лисицъ и волковъ.—Я узнаю тебя: ты ставишь западни, потому что не владѣешь копьемъ, льстишь мнѣ, думая опутать, какъ незрячую. Но ты ошибаешься, я знаю тебя; прошли тѣ времена, когда я, въ моемъ невѣдѣніи, отдавала свои лѣса и стада и объятія и поцѣлуи; тогда Дафнисъ повсюду былъ славенъ; теперь другой порядокъ вещей, и я не думаю, чтобы Аполлонъ былъ другого мнѣнія о тебѣ, грабителѣ, и повелѣлъ увѣнчать тебя лавромъ. А если и такъ, я помню слова Голіи: небо для боговъ, земля для смертныхъ[3]), всякому свое. Я свободная женщина, не знающая мужа, отрицающаяся брачнаго ложа и ига; есть у меня силы и мужество и лукъ и сторожевые псы[4]), я скорѣе умру, чѣмъ брошу лиліи (гербъ Флоренціи) вóронамъ.—Ты — свободная женщина! Будто мы не знаемъ, сколькимъ любовникамъ ты отдаешься! (намекъ на городскія партіи); твоя защита въ наемныхъ рукахъ, неужели ты на нихъ разсчитываешь? Вѣдь это людское отребье, бѣглые рабы, которыхъ изгнали изъ нашихъ лѣсовъ любовь или нищета (нѣмецкіе наемники на флорентійской службѣ), я и стрѣлы не выну изъ лука, а прогоню ихъ ремнемъ и розгами. Приняться-бы тебѣ за прялку, роздавать работу служанкамъ, а заботу о пастбищѣ предоставить пастухамъ. Есть у тебя душистый чаберъ, въ садахъ розы и фіалки, вотъ тебѣ забота; плети вѣнки для своихъ сынковъ, устраивай имъ пиршества, пусть разчесываютъ бороды,

1) Taxos.

2) Latiam.... Daphnem.

3) Memini puerum dixisse Goliam — Esse polos superum, campos mortalibus esse.

4) Custodes ovium, peperit quos saeva lycisca.

стягиваютъ талію [1]), пусть забавляются, охорашиваясь въ зеркалѣ ручьевъ: они увидятъ себя тщедушными, вялыми тѣломъ, но возмечтаютъ духомъ. Дай имъ свирѣли, устрой мягкія ложа подъ свѣжей листвою, призови шаловливыхъ нимфъ; пусть пьютъ, ихъ сонъ не потревожатъ ни псы, ни цикады, которыхъ выгони изъ лѣса. Посмотрю я, что станется съ бѣдняками; долго обманывалъ меня фригійскій пастырь (папа), презиралъ Озирисъ (Висконти), это не пройдетъ имъ даромъ, не пройдетъ и тебѣ.— Не бывать тому, отвѣчаетъ Флорида; ты обвиняешь меня, неразумный, въ неприличныхъ связяхъ—но какой глупецъ тому повѣритъ? Вѣдь у развратниковъ въ обычаѣ обвинять честныхъ женъ. Но ты-то чѣмъ славенъ? Ты говоришь о фригійскомъ пастырѣ, объ Озирисѣ—точно узрѣлъ уже лѣсъ Канопа (Миланъ), мизійскіе холмы (Римъ) и долины Скамандра. Лучше вспомни, когда дома будешь воспѣвать свою побѣду надъ грубыми паннонцами (венграми), какъ змѣй (гербъ Висконти) заступилъ тебѣ порогъ, въ какихъ условіяхъ, благодаря твоему малодушію [2]), достался тебѣ на поляхъ генетовъ желѣзный вѣнецъ.— Флорида намекаетъ, при какихъ унизительныхъ для императора обстоятельствахъ принялъ его и вѣнчалъ желѣзной короной Висконти.—Вотъ отъ чего надо прежде очиститься, а потомъ и грозить, продолжаетъ Флорида; а лучше было бы тебѣ вернуться на окраины земли, гдѣ ты строишь замки для женщинъ, стойла для косматыхъ онагровъ, разводишь виноградники.—Увы мнѣ, вижу я, что приходится мнѣ спорить съ хриплыми лягушками! Оставайся съ своими сынами, они умѣютъ тебя прихорашивать и величать похвалами, но они-же и будутъ виною, если Арно донесетъ до алфеянъ (въ Пизу) вѣсть о томъ, какъ я наступлю на твою выю, выпущу кровь изъ твоихъ жилъ.—Далъ мнѣ герой Тиринта яблоки Гесперидъ, сказывалъ, что они наводятъ сонъ на бѣшеныхъ; ими я полѣчу тебя, а тамъ инсубры (ломбарды) и лигуры тебя разбудятъ.

1) Da stringere vestes—Da laqueis ambire femur.

2) Segnitieque tua.

Но надежды Флориды были преждевременны; за ея кичливымъ споромъ съ императоромъ [1]) послѣдовала печаль: Lipis; она даетъ содержаніе эклогѣ IX-й. 4-го апрѣля 1355-го года Карлъ былъ вѣнчанъ въ Римѣ, и вѣсти о томъ дошли до Флоренціи; на этотъ разъ это не Флорида, а символъ болтливыхъ и трусливыхъ флорентинцевъ, лягушекъ, какъ выразился о нихъ Дафнисъ: пастухъ Батрахъ; онъ сидитъ на своихъ тощихъ пастбищахъ, хотя стада его тучны — онѣ пасутся на сторонѣ (таковы мѣстныя условія Флоренціи, направившія ее на торговлю); проходитъ Аркасъ, съ горы Партенія; онъ ходилъ поглядѣть на Амариллиду (Римъ). Что тебѣ до нея? Вѣдь вы, дорійцы и ѳракійцы, гнушаетесь нашими святынями! —Но есть-ли кто на свѣтѣ, кто не знаетъ Амариллиды? Къ тому-же сказывали, что явится Цирцій (Карлъ IV), домогаясь тѣхъ почестей, которыя древность уготовляла атлетамъ-побѣдителямъ. И я видѣлъ его вѣнчаніе. — Сказывалъ о томъ недавно нѣкто изъ Этруріи, да мнѣ не вѣрилось; очень ужь недѣятельнымъ казался мнѣ Цирцій.—Тогда Аркасъ говоритъ, что все это—правда, и Батрахъ пораженъ: недаромъ горы курятся невиданнымъ дымомъ, страшатся галлы и рутульскіе пастухи издаютъ вопли. Коли такъ, то пусть папоротники произведутъ корицу, печальная цикута — сабейскіе ароматы. — Видно почести Цирція подняли твою желчь?—Какъ мнѣ не негодовать, когда по волѣ завистливой судьбы италійскій лавръ украсилъ чело сѣвернаго мужа? Но ты не достаточно понимаешь, какая это почесть: вѣдь Фебъ назначилъ свои лавры побѣдителямъ, ими праздновали древніе свои тріумфы — и по просьбѣ Аркаса Батрахъ объясняетъ ему, кто ими бывалъ увѣнчанъ: Сципіонъ (Linternus) и Марій (Arpinas), Помпей (Opheltes) и Цезарь (Дафнисъ), какой-то Кориллъ [2]), наконецъ Гомеръ, Виргилій и Петрарка [3]). — Великое

1) Jurgium: заглавіе VII-й эклоги.

2) Gryphes hiperboreas rapientes unguibus olim, Quos nobis vitulos servabat maximus Ister, Privavit pedibus juvenis Corygillus aduncis.

3) Smyrnaeus pastor, venetusque et grandis etruscus.

и славное ты поминаешь; но къ чему-же смущаться? чего не заслужили отцы, могутъ заслуживать внуки — вѣдь Цирцій великъ. — Что сдѣлалъ онъ такое, недѣятельный (segnis), чтобы заслужить наши почести? Помню я, какъ его предки пришли сюда, какъ ихъ топоры рубили лѣса Лація, ихъ псы досаждали нашимъ стадамъ; а теперь моя мать (Римъ), въ своемъ невѣдѣніи, добровольно отдала лавры, когда-то предметъ борьбы, Цирцію, у котораго нѣтъ ни достоинствъ, ни славы. — Но такъ древле установили сами латиняне! — Да, печаль часто ослѣпляетъ косныхъ; не для этой цѣли совершали римляне геройскіе подвиги; надо-ли ихъ перечислять! Блаженныя души, вы сложили головы и проливали кровь на берегахъ Рейна, а слава досталась теперь Герцинійскому лѣсу, и наши свѣтила померкли передъ свѣтилами кимвровъ. — Стоитъ-ли, о Батрахъ, обновлять древнія жалобы! когда-то далматъ и паннонецъ и другіе несли ваше иго, теперь они наложили его на васъ; нѣтъ ничего новаго подъ луною: вы похитили, теперь похищаетъ другой. Но что тебѣ въ томъ, что Цирцій увѣнчанъ? — Когда-то былъ въ Лаціи наибольшій изъ пастырей, Эгонъ (король Робертъ), котораго люди почитали выше всѣхъ; былъ съ нимъ во враждѣ великій Дафнисъ (Людовикъ Баварскій), кто шелъ съ однимъ, кто съ другимъ, я-же держался Эгона, ибо онъ былъ праведнѣе [1]); и вотъ я боюсь теперь, какъ-бы Цирцій, наслѣдникъ Дафниса, не обратилъ на меня гнѣва, поминая предковъ. Куда мнѣ бѣжать тогда? До чего довела меня моя мать! [2]). Цирцій свергнетъ меня въ оркъ, уже вóроны вѣщаютъ мнѣ недолю! — Неужели-же ты такъ безсиленъ? Вѣдь нѣмцы (Rhenicolae) изнѣжатся на легкой работѣ, а ты укрѣпи валы, окопайся, вооружи пастуховъ палками, мальчиковъ пращами. — Народъ-то у меня не воинственный, изнѣженный, да и поле безплодное, нѣтъ ни берега, ни большой рѣки, моя молодежь — а въ нихъ моя сила — принуждена пѣшкомъ перебираться

1) Quia justior esset.
2) Impia me coget genetrix intrare lupanar.

черезъ горы за кормомъ для скота. Еслибъ она была здѣсь, не было бы у меня и страха. — Ободрись, говоритъ ему Аркасъ и разсказываетъ, въ утѣшеніе растерянному Батраху, что вѣнчаніе Цирція произошло при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ тотъ воображалъ себѣ: Амариллида не желала его, а пролила слезы, не было ни цвѣтовъ, ни пѣсенъ, ни веселья и, собравъ свои воды, молчаливо текъ Тибръ.—Было и дурное знаменіе, о которомъ, кажется, историческія свидѣтельства не знаютъ; Боккаччьо подсказалъ его, потому что оно отвѣчало его желанію: будто, когда Цирцій сидѣлъ на престолѣ, восточный вѣтеръ вырвалъ листья изъ его вѣнка и понесъ къ сѣверу, а они загорѣлись въ воздухѣ, такъ что едва видны были искры. Тогда сказалъ главный у аркадцевъ пастырь Арунтъ: это правитъ ему путь къ лѣсамъ на Рейнѣ, тамъ онъ кончитъ жизнь, и гробница скроетъ его славу и бренное тѣло; если-же онъ вернется (ибо пламя нѣсколько повернулось и дало дымъ), то не совершитъ ничего примѣчательнаго. — Батрахъ обрадованъ, молитъ богиню Палесъ осуществить предзнаменованіе, обѣщая почтить ее жертвой.

Эклога является пророчествомъ post eventum: послѣ вѣнчанія въ Римѣ Карлъ IV поспѣшилъ оставить Италію, ничего не сдѣлавъ, обманувъ всѣ ожиданія, унося съ собою клички «поповскаго императора», нѣмецкаго ритора, софиста, обвиненія въ жадности, нареканія Петрарки [1]), Антоніо изъ Феррары [2]), Менгино Меццани, Фаціо дельи Уберти [3]), что онъ не съумѣлъ стать на высотѣ призванія и предпочелъ заняться въ Богеміи разведеніемъ виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ [4]). Чаянія Батраха оправдались; второе появленіе Карла IV въ Италіи (въ 1368—9 годахъ) кончилось такъ же позорно: отъ него ожидали, что онъ сломитъ тирановъ, замиритъ комуны, а онъ пошелъ не на волка,

1) Fam. XIX, 12.
2) Se a legger Dante mai caso m'accaggia.
3) Se legittimo nulla nulla è.
4) Dittamondo l. VI, c. 5.

а на ягненка [1]). Въ 1374 году Боккаччьо писалъ къ Майнардо деи Кавальканти, что намѣревался было посвятить Карлу IV свой De Casibus, но остановился, ибо нынѣшній цезарь забылъ о подвигахъ, предпочитаетъ славу Ѳиванскаго Вакха, воспитателя лозы, блеску италійскаго Марса, коснѣетъ подъ Цирціемъ [2]), на краю земли, среди снѣговъ и кубковъ.

Судя по письму къ Нелли [3]) Боккаччьо лично видѣлъ императора; обвиненіе его въ преданности Вакху поддерживается такимъ-же отзывомъ Людовика Венгерскаго [4]); память «италійскаго Марса» не принципіальное противорѣчіе Боккаччьо, а освященная употребленіемъ фразеологія. «Да будетъ онъ на вѣки безславенъ!» такъ кончаетъ Бенвенуто изъ Имолы свой отзывъ о Карлѣ IV [5]).

Въ отрицательномъ взглядѣ Боккаччьо на значеніе имперской власти чувствуется и старая гвельфская программа, и поднятое гуманизмомъ народно-латинское самосознаніе, и дѣйствительный интересъ къ самостоятельности родной коммуны. Именно ея свобода поставлена на вѣсы съ притязаніями Карла IV, какъ письмо къ Петраркѣ мѣряетъ его отношенія къ Висконти интересами «родины».

Имѣемъ-ли мы право обобщить эти отношенія въ принципіальное предпочтеніе республики тиранніи? Этотъ вопросъ переводитъ насъ отъ *идеаловъ* имперіи и папства и фантасмагоріи Италіи и Рима къ *реальнымъ* формамъ итальянской политической жизни, въ которыхъ жилъ Боккаччьо, съ которыми Петраркѣ приходилось считаться.

На сценѣ республики и тираніи и монархическій центръ въ Неаполѣ. Къ монархизму естественно склонялись тѣ люди, у которыхъ сознаніе культурной Италіи выражалось въ поня-

1) Канцона Саккетти къ Урбану V и Карлу IV.

2) Сѣверный вѣтеръ, сл. Gen. Deor. IV, 54 и Цирція 9-й эклоги.

3) Corazzini, стр. 151.

4) Hortis, Studi стр. 134, прим. 1.

5) Comm. III, стр. 186—7.

тіи Италіи объединенной, какъ условіи мира. Италія — прекраснѣйшая въ свѣтѣ область, восклицаетъ Бенвенуто изъ Имолы [1]), ея глава — Римъ, для славы котораго были когда-то тѣсны предѣлы міра; Тоскана — ея свѣтлица, лучшая и украшенная часть дома: тамъ живутъ красавицы, держатся тайныя совѣщанія; Ломбардія — зала, тамъ власти, роскошныя пиршества, ибо у ломбардцевъ глотка широкая; зеленая, плодоносная Романья — огородъ Рима, Анконская марка — его погребъ, тамъ лучшія вина, олей, медъ, фиги; Апулія—конюшня, Тревизская марка—садъ съ стройными, цвѣтущими деревьями, Венеціей, Вероной, Падуей. Много въ Италіи и другихъ прекрасныхъ областей—только всегда она была обуреваема войнами.—Мира, мира намъ! [2]), раздается кликъ Петрарки; кто могъ-бы учинить Италіи какой-либо вредъ, если бы не вредилъ ей Марсъ? Чего недостаетъ итальянцамъ, если не — мира? [3]). Что еслибъ ты воскресъ, чудесный поэтъ! обращается къ Данте Бенвенуто изъ Имолы. Гдѣ въ Италіи миръ, гдѣ свобода, гдѣ покой? Теперь все стало еще печальнѣе, мы завидуемъ твоимъ счастливымъ временамъ и молимъ Господа послать намъ Veltro, освободителя, котораго ты видѣлъ въ твоихъ грезахъ. Придетъ-ли онъ? [4]).

Этотъ дантовскій Veltro—не римскій императоръ, для котораго тѣсны границы свѣта, не новый царь міра, высокородный и нищій, пребывающій пока въ неизвѣстности, сіяющій чистотою, какъ пчела питающійся цвѣтами [5]). Это мѣстный власти-

1) Comm. III, стр. 184—5.

2) L'vo gridando pace, pace, pace.

3) Epist. poet. III, 25.

4) l. c. III, 181.

5) Revelacio inclite Ioanne Ill, Hierusalem et Sicilie regine, Giamb. Basile, VII, 7. Сл. въ Mescolanze di Michele Siminetti «una expositione d'uno mago che fu facta a la reina Giovannn dopo la morte del re Roberto» (сл. Buchholz въ Zs. für vergleichende Litteraturgeschichte u. Renaissance-litteratur, N. F., II B., стр. 353).—Къ легендамъ о Джьованнѣ, упомянутымъ выше т. I, стр. 371, прим. 1, сл. еще Giambattista Basile, VII, 5 (Correro, La torre della regina Giovanna in Portici) и 12 (Gaetano Amalfi, La regina Giovanna nella tradizione; вышло и отдѣльно).

тель, который соберетъ Италію; вотъ что заставляло Петрарку и Боккаччьо и другихъ возлагать такія надежды на короля Роберта, что отразилось въ канцонахъ Фаціо дельи Уберти чаяніями единаго итальянскаго короля [1]); вотъ почему всякая сильная тираннія, клонившаяся къ цѣлямъ широкаго объединенія, вызывала симпатіи монархистовъ и опасенія республиканцевъ. Въ половинѣ XIV-го вѣка то и другое возбудилъ Джьованни Висконти: гвельфы, сторонники республики были противъ него, въ его лагерѣ очутились старые гибеллины, монархисты гуманистическаго оттѣнка, изгнанники республикъ вродѣ Фаціо дельи Уберти, флорентійца, наконецъ горожане Пизы, Сіэны, Ареццо, увлеченные въ его политику опасеніями, которыя возбуждало въ нихъ усиленіе Флоренціи. Этой муниципальной враждой проникнута канцона Симоне Сердини (Савьоццо) изъ Сіэны въ похвалу Джьянъ Галеаццо Висконти: О ненавистное сѣмя, враждебное міру и милости, что̀ зовутъ свободой, что̀ своей тиранніей нанесло свѣту такой вредъ! говорилъ онъ, призывая миланскаго тирана очистить флорентинскую кровь отъ заразившаго ее яда, а ихъ, тосканцевъ, освободить отъ ярости Флоренціи [2]). Когда Петрарка поступилъ на службу къ Джьованни Висконти, къ нему посыпались письма съ недоумѣніями и упреками: писалъ Боккаччьо, Лапо ди Кастильонкіо, Джьованни Фигинольфи изъ Ареццо, Нелли и др.; Гано да Колле послалъ къ нему жонглера, по имени Малиція, прочесть ему сонетъ, въ которомъ порицалъ его за пребываніе у миланскаго тирана и звалъ во Флоренцію. Такъ Филиппо Виллани упрекалъ Фаціо дельи Уберти, поэта-изгнанника, за его житье при сѣверно-итальянскихъ дворахъ, а венеціанскій канцлеръ Бенинтенди вышучивалъ пріятеля Моджьо за его рабство у Корреджи: самъ онъ служитъ не господину, не тиранну, а республикѣ, отечеству; это не рабство, а свобода.

1) Quella virtù che'l terzo cielo infonde и Di quel possi tu ber che bevve Crasso.

2) Novella monarchia, giusto signore.

На сколько во всѣхъ этихъ заявленіяхъ отражаются мѣстные интересы и муниципальная завзятость, на сколько общія политическія и личныя настроенія — это интересуетъ насъ главнымъ образомъ по отношенію къ политикѣ Боккачьо и Петрарки.

Петрарка, промѣнявшій Авиньонскую курію на придворную жизнь въ Пармѣ, Падуѣ, позднѣе въ Миланѣ, былъ монархистъ по темпераменту и привычкамъ, съ теоретическими вылазками къ идеалу республики и наивной игрой въ противорѣчія. Письмо къ Діонисію изъ Борго Санъ Сеполькро отъ 1339 года[1]) начинается заявленіемъ: хотя мнѣ извѣстно, что Римъ былъ могущественнѣе подъ властью многихъ, чѣмъ подъ властью одного, я знаю также, что многіе именитые люди почитали счастливѣйшимъ для государства правленіе одного правосуднаго монарха. И онъ выражаетъ далѣе свое убѣжденіе, что монархія именно та форма правленія, которая наиболѣе способна объединить и возстановить итальянскія силы. Самое богоугодное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ — быть правителемъ и защитникомъ государства, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ; но это—идеалъ, которому дѣйствительность рѣдко отвѣчала: если хорошій царь—слуга общества, отецъ отечества, то дурной, отнимая у него свободу, становится тираномъ, палачемъ; таковы наши герцоги и князья, надменные, трусы, презирающіе добродѣтель; въ сущности, что такое царство, какъ не давняя тираннія? Но давность не дѣлаетъ хорошимъ, что дурно по природѣ[2]). А между тѣмъ тысяча доказательствъ и авторитетъ мудрѣйшихъ людей стоитъ за то, что принципатъ лучшая форма единства, какъ на небѣ, такъ и на землѣ[3]); нѣтъ ничего лучше правителя одного, справедливаго[4]). Оптиматы ума и таланта, гуманисты переносили это самосознаніе въ политику: ихъ правители будутъ лучшіе, культурные люди, по-

1) Fam. III, 6.
2) De Rem. I, dial. 85, 95—6; II, dial. 78, 81; De Vita Sol. стр. 271; Sen. V, 2.
3) Письмо къ римскому народу у Fracassetti, Lettere v. III, стр. 240.
4) Fam. XVII, 4.

кровители наукъ; пространное посланіе Петрарки къ Франческо да Каррара [1]) идеализуетъ образовательную тиранію; оттуда презрѣніе къ аристократіи рода, не заслугъ [2]), къ толпѣ, глупой, вѣтреной и вздорной; ничто такъ не далеко отъ добродѣтели и истины, какъ ея мнѣніе [3]). Это опредѣляетъ отношеніе Петрарки къ демократіи, и реторикой отзываются его громы противъ похитителей общественной свободы.

Боккачьо началъ съ увлеченія монархіей короля Роберта; вспомнимъ его отзывы въ эклогахъ, въ Фьямметтѣ [4]); предсмертное поученіе короля сыну въ концѣ Филоколо [5]) — цѣлое «зерцало королей», но королей идеальныхъ, которыхъ Боккачьо не встрѣчалъ. Противорѣчія идеала и дѣйствительности сдѣлали его суровымъ обличителемъ всякой предержащей власти, папъ и императоровъ и правителей; онъ примѣняетъ къ нимъ свое «зерцало», и его критика лицъ и фактовъ указываетъ, что онъ не утратилъ вѣру въ свой критерій. Въ Генеалогіяхъ боговъ [6]) тиранія противоположена благотворнымъ вліяніямъ наслѣдственной царской власти; но что-же дѣлать, если «большая часть властителей стали жестокими тиранами»? [7]). А вотъ и обобщеніе: «знаменитые цари и величайшіе короли не инымъ почти искусствомъ, какъ убійствомъ, и не одного человѣка . . . а безчисленнаго множества, выжиганіемъ странъ и разрушеніемъ городовъ распространили свои царства, а слѣдовательно и свою славу», говоритъ Натанъ Декамерона — и эта точка зрѣнія является основной въ трактатѣ о Несчастной долѣ именитыхъ людей. Нѣтъ такого порока, такого преступленія, въ которомъ бы не обвинялись представители монархической власти, древніе и

1) Sen. XIV, 1.
2) Fam. XI, 16 и 17.
3) De Remediis I, dial. 12, 94.
4) Fiammetta, стр. 43; сл. выше т. I, стр. 182.
5) Сл. выше т. I, стр. 249—50.
6) IX, 27.
7) Дек. X, 3 = пер. II, 554.

современные; они властвуютъ лишь помощью народа[1]), презирая тѣхъ, которые должны быть имъ не слугами (servos), а сослуживцами (conservos), тогда какъ не слѣдуетъ пренебрегать не только народомъ, но и послѣднимъ человѣкомъ изъ плебса, ибо въ его груди можетъ биться великое сердце [2]). Они стали тиранами, а народъ выноситъ ихъ въ своемъ долготерпѣніи, тогда какъ злоумышлять противъ нихъ, подниматься съ оружіемъ, какъ Сцевола, Юній Брутъ, какъ Виргиній и другіе — и священный долгъ и необходимость, и нѣтъ жертвы, болѣе пріятной Богу, какъ кровь тирана [3]). Такъ выразилось у Боккаччьо классическое ученіе о народодержавіи, поднявшееся уже въ средніе вѣка съ изученіемъ римскаго права; фантазіи Кола ди Ріенцо и Петрарки исходятъ изъ того-же источника.

Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ Боккаччьо [4]), какъ и въ объективности его разсказа о смерти Цезаря [5]) и въ откровенной проповѣди тиранницида [6]) чувствуется подъ реторическимъ шаржемъ, довлѣющимъ самому себѣ, впечатлѣніе пережитаго: кратковременной тиранніи герцога Аѳинскаго [7]), двоедушнаго, любостяжательнаго, неумолимо-жестокаго, себялюбиваго, презиравшаго и Бога и людей; онъ-то хотѣлъ наложить узы рабства на городъ, никогда не знавшій ига, кромѣ власти римскихъ императоровъ; если Флоренція спаслась, то потому, что злодѣянія насильника вызвали кару неба, а не по заслугамъ гражданъ [8]). Они того не стоятъ: Боккаччьо суровъ къ флорентійцамъ, мы помнимъ, какъ зло онъ трунилъ надъ ними въ VII-й и IX-й эклогахъ, какъ издѣвается въ Корбаччьо; эти черты

1) Suffragio populorum.
2) Sibi quisque impulsus magnos sub pectore fert animos.
3) De Cas. Vir. illustr. l. II, c. 5.
4) Сл. еще Gen. Deor. III, 11, X, 14; Com. ed. Milanesi II, 148, 322—3.
5) Com. ed Milanesi I, стр. 354 слѣд.
6) Сл. Petr. Apologia contra Galli calumnias по поводу Марка Брута: an res ulla numquam hac virilior?
7) Сл. выше, т. I, стр. 178 слѣд.
8) De Casibus IX, 24.

критики и порицанія, разсѣянныя въ Декамеронѣ [1]) въ De Casibus [2]), въ жизнеописаніи Данте, въ посланіи къ Пино деи Росси, въ комментаріяхъ на Божественную Комедію [3]), даютъ намъ мѣру его демократическихъ чувствъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ непониманія имъ недавнихъ историческихъ отношеній: гвельфы и гибеллины для него такое же прошлое, какъ теорія двухъ «мечей»; онъ порицаетъ ожесточенный гибеллинизмъ Данте. Тираннію герцога Аѳинскаго создали аристократы, которыхъ прежде называли магнатами», и плебсъ [4]); оцѣнка тѣхъ и другихъ та-же, что и у Петрарки: къ невѣрной, неблагодарной черни Боккаччьо питаетъ полнѣйшее презрѣніе [5]), ненавидитъ родовую аристократію, славитъ Флоренцію за то, что она подчинила «народному закону непостоянную кичливость грандовъ», этихъ «высокородныхъ волковъ»; но на долго-ли? спрашиваетъ онъ себя; онъ боится за будущее [6]). Вмѣсто родовитыхъ грандовъ явилась служилая аристократія, люди, взятые отъ лопатки каменьщика и сохи, стали у кормила правленія (письмо къ Пино деи Росси); они невыносимѣе прежнихъ, поддерживаютъ свою именитость презрѣніемъ къ прежнимъ сверстникамъ и прежнему положенію, подражаютъ важнымъ нравамъ людей по природѣ родовитыхъ, и обзаведясь привратниками, стольниками и кравчими, воображаютъ себя царственно-щедрыми и великодушными. Можетъ-ли что быть противнѣе этого зрѣлища! Вѣдь величіе духа не въ притворной ласковости, не въ себялюбіи, не во множествѣ лизоблюдовъ и не въ убранствѣ дома, «начало и конецъ добродѣтели въ познаніи самого себя» [7]). Съ такими, познающими себя до-

1) VI, 9 въ началѣ разсказа (avarizia), VIII, 9 (по поводу Simone da Villa).
2) V, 4.
3) Ed. Milanesi I, 499 слѣд., II, 415 слѣд., 445.
4) De Cas. l. c.
5) De Cas. IV, 2.
6) Ameto, сл. выше т. I, стр. 182; Corbaccio, выше стр. 40.
8) De Casibus l. V, c. 18 (Nil aedepol tollerabile minus mercenario sublimato); сл. характеристику Cerchi въ Com. ed. Milanesi lez. LXIX, v. II, стр. 446.

блестными, «лучшими» Боккаччьо примирился-бы, какъ лелѣялъ память Роберта, принималъ гостепріимство Орделаффи, и позже (1373 г.) помощь Магинардо деи Кавальканти, котораго хвалитъ за то, что презрѣвъ малодушные обычаи флорентійцевъ, онъ исполнился царственныхъ [1]). Ему, котораго вѣрность, любовь и щедрость онъ часто испыталъ, онъ и посвятилъ въ 1374 году свой De Casibus: хотя Магинардо не глубокъ въ философскихъ знаніяхъ, но любитъ науку, чествуетъ достойныхъ людей, дѣятельно разыскиваетъ ихъ творенія; къ тому-же онъ не изъ наемниковъ [2]), не выродокъ—чего я особенно сторонился, говоритъ въ своемъ посвященіи Боккаччьо [3]); человѣкъ славный, хорошаго рода, изъ именитой семьи нашего города, воинъ, почтенный царскими почестями.

Нѣтъ болѣе огульнаго осужденія родовой знати, когда она скрашена человѣчностью и интересомъ къ гуманизму. Боккаччьо, презиравшій плебсъ и некультурную аристократію рода и наживы, долженъ былъ тянуть къ «лучшимъ». Въ его ненависти къ тиранніи герцога Аѳинскаго, въ страхѣ передъ Висконти, сказался не столько демократизмъ убѣжденій, сколько муниципализмъ и опасеніе за самостоятельность роднаго города; эту «родину» и презрѣлъ Петрарка, вступивъ на службу къ ея врагу. Что до другого личнаго мотива, который Боккаччьо поднимаетъ въ своемъ письмѣ къ Петраркѣ: о свободѣ и честной бѣдности, проданныхъ за чечевичную похлебку, то какъ разъ въ тѣ дни, когда Петрарка еще только помышлялъ о житьѣ у Висконти, Боккаччьо пытался рѣшить для себя тотъ-же вопросъ, и его упреки другу получаютъ объясненіе на почвѣ не принципіальнаго, а психическаго разномыслія.

1) Сл. Corazzini, l. c. стр. 299.

2) l. c. стр. 366: ex mercenaria plebe. . . . degener.

3) Quod tu summopere vitare videbaris.

VI.

Въ маѣ или іюнѣ 1352 года Боккаччьо поѣхалъ въ Неаполь, въ надеждѣ устроиться тамъ подъ сѣнью Аччьяйоли, и по его вызову [1]), въ новомъ «Парнасѣ», гдѣ незадолго передъ тѣмъ объявился Занноби да Страда. Его имя намъ уже не разъ приходилось упоминать [2]); попытаемся познакомиться съ нимъ ближе, хотя его образъ двоится, загадочная репутація ускользаетъ отъ опредѣленія. Филиппъ Виллани такъ характеризуетъ его наружность, за которой невольно вычитываешь соотвѣтствующее психическое содержаніе: средняго роста, блѣдный, съ продолговатымъ лицомъ и тонкими чертами, почти дѣвственной красоты, онъ говорилъ ровно и плавно, съ какой-то женственной граціей; ему присуща была естественная веселость, располагавшая къ дружбѣ, и въ лицѣ и рѣчахъ было нѣчто, отзывавшееся скромнымъ заискиваньемъ; при томъ человѣкъ чистыхъ нравовъ, о которомъ ходила молва, что онъ до конца жизни соблюлъ цѣломудріе.—Все это рисуетъ передъ нами типъ тихаго, покладистаго литератора, который попалъ въ теченіе и, ничего не сдѣлавъ для лавровъ, обратилъ на себя вниманіе, объяснимое не литературнымъ наслѣдьемъ, а надеждами кружка, гдѣ часто одинъ интересъ къ дѣлу гуманизма ставился на счетъ и шелъ — за славу.

Занноби (род. 1312 г.) былъ сынъ флорентинскаго грамматика Джьованни, по смерти котораго велъ его школу. Боккаччьо зналъ его до 1348 года, какъ поэта, преданнаго «геликонскимъ размышленіямъ», благодаритъ его за его рѣчь, которую списалъ, и проситъ доставить ему и другіе плоды его музы. Онъ, очевидно, дружилъ съ нимъ, у нихъ были общіе пріятели и общіе литературные интересы [3]); появленіе во Флоренціи въ 1350 году Пе-

1) Сл. письмо Боккаччьо къ Нелли у Corazzini, стр. 170 (due volte da queste promesse ingannato).

2) Сл. выше т. I, стр. 376—7; т. II, стр. 117—118, 139, 140—1.

3) Сл. выше т. I, стр. 376 слѣд.

трарки, великаго организатора гуманистическихъ братствъ, могло сблизить Боккаччьо съ Заноби и Нелли; въ слѣдующемъ году Нелли пишетъ Петраркѣ объ общемъ другѣ [1]); въ числѣ трехъ пріятелей, собравшихся у Нелли за веселой бесѣдой, легко предположить Заноби и Боккаччьо [2]). Впослѣдствіи этотъ кружокъ распался: слишкомъ неравномѣрны были силы и характеры людей, которыхъ Петрарка объединилъ въ чувствѣ своей дружбы, гдѣ дѣйствительное уваженіе смѣшивалось съ аристократической снисходительностью къ ласковому поклоннику и оцѣнка характера отступала на второй планъ. Талантливость Заноби Петрарка положительно перевысилъ: онъ поощрялъ его бросить учительскую карьеру, и принявъ приглашеніе Аччьяйоли, отдаться своему поэтическому призванію [3]). Заноби послѣдовалъ совѣту [4]); онъ сдѣлался секретаремъ короля Людовика, съ 1355 года генеральнымъ викаріемъ монтекассинскаго епископа Анджело Аччьяйоли [5]), своимъ человѣкомъ у Аччьяйоли, который дѣятельно патронировалъ его и своимъ вліяніемъ доставилъ ему высшую гуманистическую почесть: въ маѣ 1355 года Карлъ IV торжественно увѣнчалъ его въ Пизѣ лавромъ поэта [6]). И Заноби отвѣчалъ своему покровителю похвалами: въ своей вѣнчальной рѣчи онъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, поощрявшемъ его юношескія занятія [7]), величалъ подъ личиной героическихъ

1) Сл. выше стр. 139.

2) Fam. XVIII, 10: къ Нелли, вѣроятно, 1351 года; сл. Fracassetti, Lettere IV, стр. 128.

3) Сл. выше, стр. 141—1.

4) Сл. Fam. XII, 15.

5) Hortis, Studi, l. c. стр. 275; Tosti, Il codice cassinese della. Div. Commedia. Monte cassino 1865, стр. XV. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ истолковать непонятные иначе стихи въ Pietosa Fonte Zenone изъ Пистойи:

Messer Zanobi di Monte Cassino,
Vescovo (?), fu quel poeta ti dico.

6) Matteo Villani, l. V, c. 26; Muratorl R. I. S., t. XIV, col. 1032; Johannes dictus Porta de Annoniaco y Höfler, Beiträge z. Geschichte Böhmens, I, II, стр. 50.

7) Studiorum meorum ab annis adolescentiae promotorem.

именъ [1]), прославляетъ въ письмѣ, писанномъ отъ имени папы [2]), когда, забывъ свои обличительныя стихотворенія къ бывшему другу-законнику, тщеславному и падкому на наживу [3]), онъ самъ соблазнился мѣстомъ папскаго протонотарія и въ 1359 году покинулъ Неаполь для Авиньона, Виргилія и Цицерона для варварскихъ казуистовъ. Петрарка упрекалъ его за эту измѣну поэзіи [4]); Филиппо Виллани [5]) и Доменико Бандини изъ Ареццо [6]) повторяютъ существенно то-же: онъ былъ-бы великимъ поэтомъ, судя по оставшимся его произведеніямъ, изящнымъ и игривымъ, но новое званіе, обогативъ его, сдѣлало его равнодушнѣе къ поэзіи, и съ тѣхъ поръ онъ мало писалъ. Говорятъ, онъ силенъ былъ въ поэзіи, пишетъ о немъ Melchiorre di Coppo Stefani [7]), хотя книгъ по себѣ онъ не оставилъ, и онъ объясняетъ это тѣмъ, что Заноби умеръ въ молодыхъ лѣтахъ и что на службѣ римской куріи ему было не до книгъ; ранняя смерть не дала ему дозрѣть до славы, выражаются о немъ хвалебныя эпитафіи Доменико Сильвестри и, можетъ быть, Салутати [8]).

Съ именемъ Заноби до насъ дошло очень немногое: двѣ латинскихъ рѣчи («Audite me» и вѣнчальная), три латинскихъ стихотворенія [9]); нѣсколько переводовъ на латинскій языкъ: переводъ комментаріевъ Макробія на сонъ Сципіона, сдѣланный по просьбѣ Джьованни Виллани [10]), части Moralia Григорія Великаго [11]) и его толкованій на книгу Іова; отрывковъ Саллюстія; До-

1) Письмо Боккачьо къ Нелли, у Corazzini, стр. 168.

2) Martin et Durand, Thesaurus II, op. XXX, col. 870.

3) Hortis, Studi, стр. 344—5.

4) Sen. VI, 6; сл. Fam. XX, 14.

5) Fil. Villani, De origine civit. Florentiae et ejusdem famosis civibus, ed. Galletti, стр. 16.

6) Mehus, Vita Ambr., стр. CLXXXIX.

7) Mehus, l. c. стр. CXC.

8) Mehus, l. c. стр. CCLXVI, CCCXXVIII.

9) Hortis, Studi, стр. 343—5.

10) Frati, Epistola inedita di Giovanni Boccaccio a Zanobi da Strada, стр. 9, прим. 1.

11) Переводъ сдѣланъ по просьбѣ Аччьяйоли.

менико Бандини [1]) говоритъ о его посланіяхъ въ прозѣ и стихахъ; приписанный ему комментарій къ Божественной Комедіи утраченъ [2]), какъ и стихотвореніе della Sfera, если оно ему принадлежитъ [3]); онъ началъ было поэму о Сципіонѣ Африканскомъ, но оставилъ, узнавъ, что о немъ пишетъ Петрарка [4]).—Это литературное наслѣдье не объясняетъ ореолъ великаго поэта [5]), окружившій его тотчасъ по смерти: онъ сложился какъ то на вѣру; впрочемъ уже Виллани говоритъ, что произведенія Заноби, оставленные имъ его роднымъ, утратились по ихъ безпечности и неразумію [6]), какъ ни заботился объ ихъ сохраненіи Аччьяйоли. Когда Заноби умеръ въ 1361 году, Аччьяйоли написалъ къ нотаріусу Ландольфу пространное письмо, характерное для его литературныхъ вкусовъ и, отчасти, безвкусія [7]). Письмо начинается неумѣстной игрой словъ: прозвищемъ Ландольфа было cajazza = сорока; не какъ сорока, а какъ сирая горлица сѣтую я со всѣми итальянцами объ утратѣ человѣка, подобнаго которому тысячу лѣтъ не видѣлъ свѣтъ, за исключеніемъ одного, мессера Франческо Петрарки, поэта. Онъ былъ моимъ учителемъ, избралъ меня другомъ, я — его, и эта дружба, столь долго «прославленная», радовала насъ обоихъ. Она ставится въ ряду великихъ дружественныхъ связей древности, которымъ гуманисты тщились подражать; Аччьяйоли увлеченъ общимъ теченіемъ, цитуетъ Улисса и Діомеда, Ахилла и Патрокла, Сципіона и Лелія, Заноби и себя, Никкóла. Такъ плачется въ Филоколо [8]) Флоріо надъ тѣломъ Аскальоне, поминая Пилада и Ореста, Тезея и Перитоя, Ахилла и Патрокла, Низа и

1) Mehus, l. c.

2) Carducci, Della varia fortuna di Dante, стр. 311, прим. 1. Заноби, какъ комментаторъ Данте, упоминается въ замѣткахъ какого-то Чеффони къ Божественной Комедіи. Сл. (Salomone Morpurgo) I Manoscritti della R. Biblioteca Riccardiana № 1036.

3) Mehus, l. c. стр. CXCI.

4) Fil. Villani l. c. стр. 16; сл. выше стр. 83.

5) Magnus poeta у Доменико Бандини.

6) l. c.

7) Сл. Tanfani, Niccola Acciajuoli, стр. 201 слѣд.

8) II, 348—9.

Евріала, Дамона и Питію; такіе перечни нерѣдки въ письмахъ Боккаччьо [1]) и Петрарки [2]). — Письмо кончается просьбой къ Ландольфу: собрать съ великимъ рвеніемъ всѣ писанія Заноби, хотя-бы и маловажныя, и тѣ, которыя онъ не внесъ въ свою бѣловую тетрадь или регистръ, какъ не заслуживающія вниманія, и то и другое и всѣ его книги выслать, согласно его завѣщанію, въ Неаполь, но такъ, чтобы никто не видалъ и не касался ихъ раньше Аччьяйоли. Онъ велитъ переписать творенія друга, даже въ трехъ экземплярахъ, дабы уберечь ихъ отъ случайности, и положить въ Чертозѣ, любимомъ монастырѣ, который Аччьяйоли основалъ подъ Флоренціей, съ школой на пятьдесятъ учениковъ и трехъ учителей и библіотекой, куда поступило и собраніе рукописей, вывезенныхъ изъ Смирны монахомъ Антоніемъ изъ Сіэны. — Правда, эти книги подъ ключемъ, музы въ заперти, и ихъ мщеніемъ можетъ быть — бѣгство, подсмѣивался Боккаччьо послѣ неаполитанской поѣздки 1361— 2-го года.

Такъ или иначе, репутація Заноби сложилась не въ уровень съ тѣмъ литературнымъ наслѣдьемъ, о которомъ намъ дано судить. Современники могли быть другого мнѣнія по причинамъ, на которыя указано было выше. Въ канцонѣ на смерть Боккаччьо [3]) Саккетти сопоставляетъ трехъ именитыхъ поэтовъ: Заноби, Петрарку и Боккаччьо; Филиппо Виллани въ біографіи Боккаччьо и Джьованни изъ Прато [4]) въ своей Филоменѣ присоединяетъ къ нимъ и Данте; Зеноне изъ Пистойи въ Pietosa Fonte заставляетъ Флоренцію оплакивать смерть Петрарки и «второй розы» ея вертограда, Заноби, кончина котораго обновила древнія сѣтованія о Данте; авторъ Фимеродіи [5]) помѣщаетъ Заноби въ перечнѣ знаменитыхъ флорентійцевъ за Данте, Петраркой и

1) Къ Заноби отъ 1348 года у Corazzini, стр. 448; къ анониму l. c. стр. 442; къ Pino dei Rossi ib. стр. 76.

2) Fam. XII, 16; XIII, 10.

3) Corazzini, стр. 482 слѣд.

4) Вилла Альберти, стр. 260.

5) Lib. II, c. 3.

Боккачьо, Гвидо Кавальканти и Дино да Муджелло [1]); то-же дѣлаетъ Ринуччини въ своемъ отвѣтѣ Антонію Луску [2]). И позже, въ 1396 году, когда положено было чествовать общественнымъ погребеніемъ въ Santa Croce гражданъ, возвеличившихъ Флоренцію своими дѣлами и трудами, Заноби отмѣченъ былъ въ числѣ лицъ, заслужившихъ это отличіе, между Петраркой и Боккачьо. Боккачьо былъ, очевидно, того-же убѣжденія, когда въ своей записной книгѣ помѣстилъ въ числѣ именитыхъ флорентинцевъ, вмѣстѣ съ Данте и Петраркой, и Заноби [3]); впослѣдствіи, въ письмѣ къ Якову Пиццинге (1371 года), онъ уже не рѣшился на такое сопоставленіе: говоря о людяхъ, обновившихъ въ послѣднее время заглохшее преданіе поэзіи, онъ называетъ Данте, Петрарку; я присоединилъ-бы къ нимъ и Заноби, замѣчаетъ онъ,—если бы онъ того заслуживалъ [4]).

Охлажденіе между ними могло начаться съ 1352 года. Сбираясь въ Неаполь съ извѣстными намъ цѣлями, Боккачьо написалъ къ старому пріятелю Заноби, который уже устроился тамъ и могъ многое для него сдѣлать [5]), но Заноби не радѣлъ о другѣ, отмалчивался, а затѣмъ извинилъ свое долгое молчаніе тѣмъ, что—увлекся древними прелестями Неаполя. Сохранился отрывокъ отвѣтнаго письма Боккачьо, занесенный въ его записную

1) Сл. Del Balzo, l. c. II, стр. 72.

2) Вилла Альберти, стр. 210.

3) Сл. выше стр. 103.

4) Corazzini, стр. 196.

5) Онъ умѣлъ покровительствовать. Сохранилось его письмо къ одному анониму, относящееся, вѣроятно, ко времени его авиньонскаго пребыванія. Изъ писемъ Лапо ди Кастильонкіо онъ узналъ, что адресатъ и его отецъ что-то сдѣлали въ пользу его и брата, обвиненныхъ передъ флорентійскимъ «сенатомъ». Онъ благодаритъ и предлагаетъ свои услуги: если твои родители не воспротивятся, я желалъ бы, чтобы ты попыталъ счастья въ этой «куріи»; здѣсь легко возвыситься, на то много примѣровъ, мой собственный: я изъ худородныхъ (ex humili loco), а теперь видишь, куда попалъ, по милости Божіей. Коли рѣшишься, я охотно предложу тебѣ мое содѣйствіе (favores meos). Письмо кончается поклономъ Людовику Джьянфильяцци (Ciampi, Monumenti di un manoscritto autografo e lettere inedite di messer G. Boccaccio. Milano, 1830, стр. 100—1).

книжку [1]); я воображаю себѣ, пишетъ онъ Заноби, какъ ты любовался остатками древнихъ храмовъ, отыскивая мѣсто, гдѣ могло находиться то великое святилище, на которое дивовался царь Фригіи съ товарищами, гдѣ диктійскій Дедалъ посвятилъ, послѣ бѣгства, кормило своихъ крыльевъ [2]); воображаю себѣ, что ты передумалъ, какъ спрашивалъ себя: не здѣсь ли священное мѣсто, почтенныя развалины того, что было когда то началомъ Виргиліевскаго Неаполя и сосѣдняго Палеполя—гдѣ ты пребываешь теперь, поднятый колесомъ Фортуны, забывъ обо мнѣ? Могу представить себѣ, какъ ты бродилъ по мѣстамъ, гдѣ покоится Мизенъ, сынъ Эоловъ, звонкой мѣдью призывавшій мужей къ оружію, гдѣ его похоронили илійскіе вожди и совершена была очистительная надъ нимъ жертва [3]). — Но пора положить конецъ твоему дивованью [4]), ибо одни лишь слабые духомъ увлекаются дѣлами рукъ человѣческихъ и преходящими, забывая другое; и хотя вещи новыя и дѣйствительно достойныя вниманія овладѣваютъ нами на нѣкоторое время, я все-же не повѣрю, чтобы онѣ искоренили изъ твоей памяти все прежнее [5]), особливо то, что самому тебѣ казалось самымъ дорогимъ—а что дороже дружбы? И такъ поищемъ другой, лучшей причины твоей забывчивости, или, лучше, медлительности [6]).

Этимъ кончается отрывокъ, можетъ быть, не доконченнаго письма. Заноби въ чемъ то виноватъ, но намъ остаются неизвѣстными и его вина и доля шаржа въ обвиненіяхъ Боккаччьо. Мы знаемъ только, что его неаполитанскіе планы не осуществились и онъ вскорѣ покинулъ Неаполь, негодуя на Аччьяйоли, недовольный Заноби.

1) Macrì-Leone, Giorn. Stor. d. lett. ital. fasc. 28—9, стр. 39.

2) Remigium alarum; разумѣется Дедалъ и храмъ Аполлону, построенный имъ въ Кумахъ.

3) Divi funeris atque yliadum procerum piaculi loca notantem. Сл. Aen. VI, 162 слѣд.

4) Sed jam finem tuis admirationibus imponamus.

5) Que visa sint olim.

6) Postergationis.

Припомнимъ, что онъ говорилъ о себѣ въ Любовномъ Видѣніи: и онъ не прочь былъ бы отъ наживы, если бы она соединена была съ честью [1]; въ Корбаччьо [2]: онъ гордъ, ему стоило бы только захотѣть, и многіе именитые, благородные люди дорожили бы имъ и возвысили бы его, но вслѣдствіе чрезмѣрной и непохвальной гордости онъ не сходится съ ними, а если и сойдется, не выноситъ, если тѣ не потворствуютъ его нравамъ и не потакаютъ. Такъ говоритъ Боккаччьо его духъ-руководитель, и Боккаччьо не протестуетъ; другіе были покладистѣе въ подобныхъ случаяхъ, онъ щепетиленъ, обидчивъ, подозрителенъ ко всему, что грозило посягательствомъ на его личную свободу. И передъ нимъ, какъ передъ многими другими, ставился роковой вопросъ: какъ соединить эту свободу съ обезпеченностью литературнаго труда, не связаннаго каѳедрой или другимъ практическимъ занятіемъ. Покровитель естественно ожидалъ дѣла, гуманистъ былъ не только украшеніемъ его двора, но и секретаремъ, составителемъ дѣловыхъ бумагъ, литераторомъ на послугахъ. Все это отвлекало отъ поэзіи, мѣшала и толпа, и житейскія дрязги; неволя не давала досуга, цѣль не достигалась. Оттуда частыя жалобы гуманистовъ на свое положеніе, ихъ порывы злобы — и безконечныя грезы объ уединеніи въ природѣ, о parfum des saintes solitudes (Alfr. de Vigny), гдѣ они одни съ музами, вдали отъ людей и заботъ о семьѣ, на ложѣ поэзіи и сочувственной дружбы; обезпеченность предполагалась. Петрарка воспѣвалъ прелесть такого уединенія [3], но онъ и испыталъ его; для Боккаччьо оно навсегда осталась миражемъ, за которымъ онъ гонялся всю жизнь, не осязавъ ни разу. Онъ жаждетъ его въ своемъ Корбаччьо [4], воспѣваетъ въ Генеалогіяхъ боговъ [5],

1) Сл. выше т. I, стр. 15.

2) Сл. выше стр. 40.

3) De Vita Solitaria и passim.

4) Сл. выше стр. 28.

5) Сл. выше т. I, стр. 509—10 (гдѣ на стр. 510 прим. 1 слѣдуетъ читать: Gen. Deor. XIV, 11). Сл. еще Gen. Deor. IV, 44; XI, 2.

защищаетъ въ De Casibus [1]): всякому свое дѣло и свой интересъ: воину лагерь, юристу преторію, поэту — уединеніе пѣсни, созерцаніе, слава [2]). Пусть не воображаютъ себѣ, что поэты ищутъ пещеръ и тѣнистыхъ лѣсовъ, журчащихъ ручьевъ и тихой деревенской дали, чтобы тамъ отдаваться чревоугодію и разврату: ни божественный Гомеръ, ни нашъ небесный Виргилій, ни славный мой учитель Франческо Петрарка не были бы въ состояніи, среди людскаго говора и городской толчеи и суэтни, ни обрѣсти свои божественныя мысли, какъ-бы исторгнутыя изъ лона Юпитера, ни выразить ихъ съ дивнымъ искусствомъ въ своихъ пѣсняхъ на славу себѣ у современниковъ и потомковъ. Вотъ почему они назвали эти избранныя ими мѣста, отдаленныя отъ шумнаго города, мѣстами досуга, otia. Его я часто восхвалялъ, желалъ бы и для себя, еслибъ то выпало мнѣ на долю. Меня упрекнутъ, что мечтая о поэтическомъ досугѣ, я, такъ мало сдѣлавшій [3]), тѣмъ самымъ ловко даю понять, что и я—поэтъ. Скажу прямо: я не поэтъ и не на столько неразуменъ, чтобы возмечтать о себѣ или выдать себя не за то, что есть. Одного я желаю всѣми силами: работать, заниматься [4]); достигну-ли я цѣли, то вѣдаетъ Господь; думается, что у меня не хватитъ силъ, такъ много ущелій и недосягаемыхъ вершинъ лежитъ на пути . . . И такъ, если я желаю досуга (otia), то не потому, что хочу прослыть поэтомъ, а потому, что и мнѣ было-бы на великую пользу то, къ чему когда-то страстно стремились поэты.

Въ условіяхъ литературнаго патроната это давалось не легко. Приходилось искать покровителя, испытать то-же, что Данте [5]):

Sì come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.

Вкусы патрона, неопредѣленность профессіи невольно созда-

1) De Cas. III, 14.
2) Сл. Gen. Deor. I, 3; XV, 10.
3) Paucis literis.
4) Ut sim studiosus.
5) Parad. XVII, 58 слѣд.

вали поэту скользкое положеніе потѣшника, литератора на порученіяхъ, uomo di corte, вродѣ тѣхъ, которые выпрашивали у Петрарки его стихи и, разжившись ихъ сказываніемъ, приходили благодарить его одѣтые, отъѣвшіеся [1]). Бергамино Декамерона [2])—профессіональный скоморохъ стараго стиля, но современникъ Боккаччьо, Антоніо изъ Феррары—магистръ (maestro) какого-то университета, полу-поэтъ, полу-потѣшникъ [3]), человѣкъ не дюжиннаго ума, хотя безалаберный [4]), а онъ также кормится по дворамъ, въ постоянныхъ раздорахъ съ своимъ кошелькомъ. Пріѣхалъ я (въ Сіэну), чтобы заработать платье и набить свой чемоданъ, жалуется онъ въ одномъ сонетѣ [5]), но, думается мнѣ, оставлю здѣсь и хвостъ и руки, чтобы было чѣмъ заплатить въ гостинницѣ и за ужинъ.

Таковы жалобы жонглёровъ, этихъ перелетныхъ птицъ средневѣковой поэзіи, съ ихъ недочетами кармана, не самолюбія, съ противорѣчіями заработка и *настроенія*, когда иной разъ приходилось пѣть сквозь слезы [6]). Между тѣмъ гуманизмъ поднялъ значеніе высокой поэзіи, тираны обнаружили къ ней сочувствіе, по интересу или модѣ, но за то и въ поэтахъ новой формаціи обострилось самосознаніе, и ихъ мартирологія получила новый оттѣнокъ: противорѣчія дѣйствительности и *призванія*. Посвященіе труда могущественному патрону, который обережетъ его и обезпечитъ успѣхъ, было одной изъ легкихъ формъ этой литературной зависимости, какъ извѣстно, очень долго державшейся въ обиходѣ; Боккаччьо прибѣгалъ къ ней не разъ; но тяжело бремя могущественнаго друга, писалъ въ 1367 г. Колуччьо Салутати къ Филиппу dell'Antella: при-

1) Sen. V, 2.

2) I, 7.

3) Sacchetti, Nov. CXXI: fu uno valentissimo uomo quasi poeta e avea dell' uomo di corte.

4) Petr. Sen. III, 7: non mali vir ingenii, sed vagi.

5) Fortuna per ristor de' mia gran danni.

6) Tel fois chante li juglerres—Que c'est de tous le plus dolens.

ходится выбирать время, сообразоваться съ нравами хозяина [1]): однимъ нравится честное, степенное (honestum), другіе помышляютъ о наживѣ и прибыткѣ, третьимъ, преданнымъ сладострастію, по сердцу такое и общество. Приходится, чтобы угодить покровителю, совлечь съ себя прежняго человѣка, отказаться отъ своихъ нравовъ. Присоедините къ этому зависть и наговоры другихъ придворныхъ, и дружба могущественнаго человѣка окажется не только трудной, но и страшной. Не легко отстать отъ старыхъ привычекъ, пріучиться къ повиновенію, когда самъ повелѣвалъ, покинуть торные пути жизни, чтобы сдѣлаться новымъ человѣкомъ [2]).—То-же говорилъ Маттео ди Орджьяно, канцлеръ маркиза Альберти д'Эсте въ концѣ XIV вѣка, обращаясь къ какому-то пріятелю, просившему у него совѣта относительно выбора патрона: кто хочетъ располагать собою, тотъ да избѣгаетъ ига рабства, если-же ему не суждено его избѣгнуть, пусть помышляетъ о томъ, какъ бы сбросить его скорѣе [3]). Всю его горечь испыталъ Франческо да Фіано, бродячій гуманистъ, цѣлую жизнь боровшійся съ вопросами свободы и бѣдности; онъ былъ пріятель Петрарки, Ченчьо Романо, Леонардо Аретино и Антоніо Лоски называютъ его своимъ учителемъ; его можно прослѣдить въ Перуджіи, Пезаро, Римѣ, Неаполѣ, куда, быть можетъ, его вызвалъ Карлъ Дураццкій и гдѣ его держали впроголодь. Ему назначили содержаніе, но королевскій казначей глухъ къ его просьбамъ. «Хотя онъ всегда принимаетъ меня весело и радушно, но лишь дѣло зайдетъ о жалованьѣ, онъ неизмѣнно забывчивъ и нерадивъ. За два мѣсяца, уже истекающихъ, мнѣ слѣдуетъ получить тридцать два дуката, а до сихъ поръ удалось выжать изъ него лишь одиннадцать съ половиной. Каждый день, едва разсвѣтетъ, иду къ нему, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: Приди вечеромъ. Возвращаюсь по сказанному, а онъ опять: Приходи завтра.

1) Dominantis.

2) Novati, La giovinezza di Coluccio Salutati, стр. 86—7 прим.

3) l. c. стр. 90.

Являюсь въ назначенный часъ, но это ни къ чему не ведетъ, и я принужденъ вернуться домой, разочарованный, съ пустымъ кошелькомъ и великими, но несущественными обѣщаніями. Такъ проходитъ цѣлый день въ блужданіи взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ. Подъ конецъ, хотя голова и идетъ у меня кругомъ, и я ненавижу свое перо, тѣмъ не менѣе я снова берусь за него въ моей одинокой кельѣ, ободренный какой-то надеждой, что на слѣдующій день моя рука будетъ блаженствовать подъ бременемъ обѣщанныхъ денегъ. Питаясь этими пустыми, обманчивыми надеждами, я снова открываю струю вдохновенія, истощившагося въ моемъ гнѣвѣ на Феоло (казначея), пытаюсь продолжать начатый трудъ, чтобы передать потомству, вмѣстѣ съ именемъ нашего побѣдоноснаго и непобѣдимаго властителя, и мое собственное; но тутъ входитъ слуга, говоритъ, что не знаетъ, что дать мнѣ на ужинъ, да и лошадка, тихо и безъ тряски носящая мое ветхое тѣло, также голодаетъ, потому что нѣтъ ни ячменя, ни сѣна. Я начинаю, не безъ вздоховъ, шарить въ кошелькѣ, не найдется-ли тамъ случайно сольда, чтобы купить охапку дровъ на кухню для моего бѣднаго Франческо, да корму для лошаденки, которая еле держится на ногахъ. Увы! въ кошелькѣ гуляетъ вѣтеръ! Тогда я бросаю перо, остервененный на Феоло, на жестокую судьбу. Пусть мстительное пламя исправитъ то немногое, что я до сихъ поръ написалъ; такъ рѣшено; а затѣмъ я не напишу ни строчки.—Далѣе письмо переходитъ отъ прозы къ стихамъ, посылая къ чертямъ Аполлона и музъ, Парнассъ и Иппокрену, киѳару и лавры, которые совѣтуетъ употребить, какъ вывѣску—къ тавернѣ [1]).—Иной разъ, когда Франческо случалось уединиться въ свой уголокъ и отдаться работѣ, толпа служилой челяди врывалась, приставая къ нему и глумясь: Ты еще съ ума спятишь отъ занятій, разумно-ли въ самомъ дѣлѣ заниматься философіей, когда тебя ждутъ домашнія дѣла? Если-же таково было твое призваніе, къ чему не озаботился ты доставить себѣ

1) Novati, l. c. стр. 91—3.

то уединеніе, котораго ты такъ усердно ищешь, обращаясь въ отшельника?—Тутъ одинъ назойливо принимается толковать ему о сѣнѣ, другой о соломѣ, пшеницѣ, о томъ, что околѣла лошадь. Увы! восклицаетъ Франческо: недостаточно было моей недолѣ того, что она заставила меня нуждаться въ чужихъ благодѣяніяхъ, она еще излила на меня свой гнѣвъ, лишивъ меня величайшаго наслажденія — быть одному [1]).

Нѣчто подобное могъ испытать Боккаччьо, не столько матеріальные недочеты, сколько недочеты самолюбія. Его письмо къ Заноби, написанное изъ Флоренціи послѣ 7-го апрѣля 1353 года, сдержанное и ироническое, полно недавними впечатлѣніями Неаполя. Аччьяйоли ожидалъ отъ него, чего онъ не могъ дать, а онъ приносилъ ему больше, чего тотъ не понялъ и не съумѣлъ оцѣнить.

12-го января 1353 года внезапно скончался старшій сынъ Аччьяйоли, Лоренцо; отецъ узналъ о томъ въ Гаэтѣ, но встрѣтилъ вѣсть съ статуарнымъ самообладаніемъ и духовною крѣпостью, которая напоминаетъ Боккаччьо классическія параллели [2]), намъ — извѣстный разсказъ въ мемуарахъ Montluc'а. Торжественно-обрядовая сдержанность римскаго pater-familias уже обязывала культурнаго человѣка. — Тѣло Лоренцо перевезено было во Флоренцію и 7-го апрѣля похорено въ Флорентинской Чертозѣ [3]). Боккаччьо описываетъ его похороны; они будто-бы и дали ему поводъ къ письму [4]), поводъ внѣшній, случайная иллюстрація того, что иначе онъ не рѣшился бы сказать и что накипѣло у него на сердцѣ.

Давно не писали мы другъ другу; не знаю, что тому виною: твое-ли величіе, презирающее, какъ я начинаю замѣчать, все

1) Novati, l. c. стр. 117—118.

2) Filocolo I, 86. Въ письмѣ къ Донату дельи Альбанцани Петрарка (Sen. X, 4) приводитъ въ примѣръ такого-же самообладанія Стефана Колонну и короля Роберта; примѣры античной доблести въ подобныхъ же случаяхъ онъ собиралъ не разъ, и Донатъ знаетъ гдѣ ихъ найти.

3) Matteo Villani III, c. 63.

4) Corazzini, стр. 33 слѣд.

малое, или мое сумасбродство, мало заботящееся о томъ, что подобаетъ цѣнить. Горестное событіе [1]) побудило меня, почти невольно [2]), взяться за перо, давъ ему волю и просторъ; хотя, полагаю, ты и очень занятъ въ королевскихъ совѣтахъ, прошу тебя прочесть мое посланіе спокойно, безъ предубѣжденія [3]). Пора открыть, о чемъ я долго молчалъ; такова несчастная судьба! [4]). — Ты помнишь, думаю я, какъ твой великій человѣкъ [5]) обзывалъ меня нерѣдко, съ притворнымъ смѣхомъ, любителемъ покоя [6]); долженъ помнить и поводъ къ такой кличкѣ; я ее помню и не безъ нѣкоего негодованія понялъ, что она обозначала. Тѣмъ не менѣе, если дозволено что-нибудь помыслить или выразить о такомъ человѣкѣ, одно я не премину сказать, если бы даже это стоило мнѣ и смерти: что это неправда. Никто, да и онъ самъ не видѣлъ, чтобы я льстилъ ему, ласкался къ нему въ его счастьѣ и славѣ, выражалъ по ихъ поводу какія-либо чувства, ибо я всегда боялся уколовъ зависти, всегда страшился непостоянства судьбы, ея неожиданностей, и не для себя, а для него; въ несчастныхъ-же обстоятельствахъ я сострадалъ ему и сочувствовалъ, что видѣли многіе, видѣлъ и ты. Таковъ-ли обычай у поклониковъ счастливой доли? [7]). И такъ несправедливо было сужденіе того, кто далъ мнѣ прозвище — любителя покоя.

Куда ведутъ эти суровыя рѣчи? Вотъ куда. Смерть достойнаго, талантливаго [8]) Лоренцо, старшаго сына твоего «великаго», заставила меня вѣрнѣе судить о самомъ себѣ, о моемъ прозвищѣ. И долгое преслѣдованіе, и трудное бѣгство и опасная рана [9]) — все это блѣднѣетъ передъ впечатлѣніемъ этой

1) Iniqua fortuna praestante.

2) Fere invitus.

3) Liberali animo.

4) O sors iniqua!

5) Magnum tuum. = Аччьяйоли.

6) Johannem tranquillitatum. Сл. выше, т. I, стр. 58.

7) Bonam suavemque fortunam sequentium.

8) Indolis admirandae.

9) Quid adversus me persecutio longa? quid inextricabilis fuga? Quid vulnus exitiale?

смерти. О ней я хочу поговорить съ тобою; могу говорить, если, какъ полагаю, ты мнѣ другъ; мнѣ не стыдно будетъ защитить передъ тобою мое дѣло, открыть мою душу, и дабы ты не думалъ, что я говорю неправду, прикрываясь нашей дружбой, забудь о ней и будь мнѣ судьей. Тебѣ легко допустить это: передъ тобой съ одной стороны благожелательный [1]), могущественный человѣкъ, на котораго возводится вина, съ другой — бѣдный, непокладистый [2]) другъ, скорѣе неизвѣстный согражданинъ — ибо на этотъ разъ я не желаю явиться другомъ.

И Боккаччьо разсказываетъ, какъ поразила его вѣсть о смерти Лоренцо. Ты подивишься, продолжаетъ онъ, но ни смерть брата и отца, ни кончина Коппо Доменики, котораго я больше всѣхъ любилъ, не извлекли у меня такихъ слезъ: я плакалъ, какъ женщина, что недостойно мужчины, тѣмъ менѣе преданнаго музамъ. Вспомнился мнѣ тогда, не безъ великой грусти, опечаленный отецъ, твой «великій», и я, дотолѣ не интересовавшійся ни его первыми успѣхами, ни торжественнымъ возвращеніемъ послѣ бѣгства, ни вѣнчаніемъ твоего короля (которое устроилъ Аччьяйоли) [3]), ни его (т.е. Аччьяйоли) замиреніемъ съ вернувшимися или бывшими въ плѣну королевичами—ощутилъ къ нему соболѣзнованіе, точно я самъ, не онъ, лишился сына, и половина ночи прошла для меня въ слезахъ. Не много я радовался его успѣхамъ, или не радовался вовсе, но надъ его несчастіемъ пролилъ слезы—и не при немъ: онъ, пожалуй, принялъ бы ихъ за ложныя. Но про то я знаю, и если пишу тебѣ о томъ, то не къ его свѣдѣнію, а чтобы доказать тебѣ, что я не искатель покоя, а сострадатель къ бѣдствіямъ [4]). Вотъ какимъ способомъ, съ какимъ вниманіемъ и слезами сопутствуетъ твой Джьованни благополучію твоего «великаго» [5]). Что еслибъ я льстилъ ему въ счастіи, просилъ бы милостей и

1) Obsequiosum.

2) Inoffitiosus.

3) Сл. выше, т. I, стр. 373—4.

4) Non me tranquillitatum hominem, sed miseriarum misericordem existere.

5) Tranquillitates Magni tui.

былъ ими осыпанъ, и оставилъ его въ бѣдствіяхъ — какихъ бы ненавистныхъ прозвищъ не надавали мнѣ! Знай одно: хотя онъ великъ, я малъ, скорѣе — ничто; онъ могучъ, я ничтоженъ, онъ силенъ, я слабъ—все же не слѣдуетъ такъ презирать, такъ гнушаться друзей [1]). Жили мы, и Богъ дастъ, будемъ жить, можетъ быть, не роскошно, но съ меньшимъ страхомъ, ибо если долинамъ грозятъ воды [2]), молнія гнѣвнаго Юпитера поражаетъ горы, вѣтеръ ихъ тревожитъ, палитъ солнце и досаждаетъ холодъ. Если придется слюбиться съ бѣдностью [3]), то вѣдь она уже со мною; еслибъ ея не было, я всюду испытаю ее, не ставъ никому слугою. Захочу-ли я богатства или по крайней мѣрѣ обезпеченія моего существованія [4]), то въ мѣстахъ недостатка не будетъ: меня зовутъ въ Падую, Верону, древнюю Равенну, Форлй, только я отнѣкиваюсь. Ты попрекнешь меня тиранами; но вѣдь и желаніе денегъ—свойственно тиранамъ; ты вѣдь тоже живешь у тирановъ, только украшенныхъ благовиднымъ титуломъ [5]). Но къ чему съ такимъ рвеніемъ стремиться къ богатству и величію? Не за тѣмъ-ли, чтобы о насъ узнали? Вспомни слова нашего Сенеки: Кто слишкомъ извѣстенъ, умираетъ, не познавъ себя [3]). Бѣдный—я живу для себя, будь я богатъ и роскошенъ—я жилъ бы для другихъ; съ моими книжками я счастливѣе, чѣмъ твои вѣнчанные короли. Ты, можетъ быть, удивишься этимъ словамъ, ибо они окажутся, пожалуй, въ разногласіи съ тѣмъ, что я говорилъ тебѣ прежде; что-бы я не говорилъ, это было не мое мнѣніе, не то, которое я неуклонно таилъ про себя до поры до времени. Время настало и я его высказалъ; явился бы высказать его и самъ, еслибъ не рѣшилъ безповоротно никогда не посѣщать авзонійское королевство, пока будетъ тамъ цвѣсти

1) Non sic vilipendendi amici homines, non sic abjiciendi sunt.

2) Dato vallibus dominentur undae.

3) Si pauperiem amabo.

4) Aut saltem victui meo opportunam pecuniam.

5) Fausto titulo.

6) Qui notus nimis omnibus, ignotus moritur sibi.

счастіе твоего «великаго»; не потому, чтобъ меня огорчало его благополучіе, видитъ Богъ, я ему радуюсь, а дабы не говорилъ онъ про меня, что я ищу покоя [1]). Развѣ онъ полагаетъ, что бѣдняки ничего не чувствуютъ, не понимаютъ и не негодуютъ? Все это они дѣлаютъ, но благоразумно молчатъ, пока не провѣщатся. О еслибъ у меня былъ духъ подъ стать силамъ, либо силы въ уровень съ духомъ! [2]). Ты бы яснѣе увидѣлъ, сколь великій духъ таится въ слабой груди [3]). Но пока довольно объ этомъ; если ты догадливъ, какъ я думаю, ты поймешь изъ моего молчанія, что я хочу сказать.

Заноби писалъ Боккаччьо объ удивительномъ, чудовищномъ [4]) самообладаніи, которое обнаружилъ Аччьяйоли при вѣсти о кончинѣ сына. Боккаччьо дивится разсказу и не иронизируетъ: оказывается, что Аччьяйоли не только выслушалъ вѣсть, не проливъ слезъ, не измѣнившись въ лицѣ, но тутъ-же отвѣчалъ на соболѣзнованія, пространно и витіевато [5]), не дрогнувъ голосомъ, что о мертвыхъ нечего болѣе заботиться. О славное, неслыханное дѣло! о неистощимая крѣпость духа! Онъ оставилъ за собою Эмилія Павла, Анаксагора, Ксантиппа; великое дѣло не обнаружить волненія движеніемъ лица, нѣсколькими словами—но ободрить другихъ, сѣтующихъ, пространною рѣчью—это вещь неслыханная. Тебѣ и другимъ, болѣе меня знающимъ [6]), надлежитъ воспѣть все это для потомства; по правдѣ его зовутъ «великимъ», его нельзя назвать человѣкомъ, онъ божественъ [7]). Если бы ты не писалъ мнѣ о томъ, а тебѣ я привыкъ довѣрять всецѣло, я сказалъ-бы что все это—басни.

1) Ne me tranquilla sequentem diceret.

2) O utinam possibilitati mihi mens aequa esset, aut e contrario menti possibilitas aequaretur!

3) Quam ingens animus modico sistat in pectore.

4) Monstruosam.

5) Proliха atque accurata dicacitate.

6) Me magis valentium.

7) Non hominibus adscribendus, sed superis.... vir Deus.

О покойномъ многое можно было-бы сказать, но я предоставляю это твоему пѣснопѣнію, продолжаетъ Боккаччьо, разсказывая далѣе о торжественныхъ похоронахъ, о рѣчи, произнесенной какимъ то почтеннымъ богословомъ [1]), цитуя при томъ Виргилія [2]).

Если ты здоровъ и у тебя во всемъ удача, я тому радуюсь; еще болѣе, если ты—позналъ самого себя. Думалъ я будущимъ лѣтомъ посѣтить въ Неаполѣ тебя и твоего господина, а моего отца, епископа флорентійскаго (впослѣдствіи монтекассинскаго, Анджело Аччьяйоли) [3]), но думаю, что брошу это намѣреніе; какъ сказано, боюсь, чтобы не назвали меня искателемъ благополучій [4]).

Видѣлъ я и одобряю твое стихотвореніе противъ флорентійцевъ: въ немъ много правды, далъ бы Богъ, чтобы оно стало извѣстно всѣмъ нашимъ согражданамъ, какъ мнѣ; тогда оно, пожалуй, принесло бы пользу. Не знаю: судьба ли насъ увлекаетъ, или мы сами добровольно влечемся къ гибели. Злая зависть [5]) и страшное любостяжаніе заставили и нашихъ правителей и всѣхъ забыть добро и правду; азіатская роскошь погубила когда то грековъ и римлянъ, насъ погубитъ наша собственная. Какой стыдъ и какое малодушіе! [6]). Какъ потѣшны иные люди, изнѣженные, преданные разврату [7]) и вмѣстѣ съ тѣмъ мнящіе себя рожденными подъ звѣздой суроваго Марса! Такъ да пошлетъ мнѣ Господь миръ въ моихъ бѣдахъ и будущихъ, быть можетъ, скитаніяхъ, какъ и теперь уже мнѣ милѣе прозвище по Чертальдо, чѣмъ по Флоренціи.

Ты спросишь меня послѣ всего этого, какъ мнѣ живется въ такомъ расторженномъ [8]) городѣ? По обыкновенію, обще-

1) Cujusdam egregii theologi.
2) Aen. VII, 812 слѣд.
3) Сл. выше стр. 167.
4) Ne felicitatum sectator vocer.
5) Livor edax.
6) Ignavia.
7) Incestuosissime Veneri.
8) Ancipiti.

*

ственныя и свои дѣла отвлекаютъ меня противъ воли; вскорѣ послѣ твоего отъѣзда я сошелся, какъ то часто дѣлывалъ прежде, поощряемый Сенекой, и по моему, очень дружно — съ нищетой; но недавно слабое вѣяніе лучшей доли внезапно нарушило этотъ союзъ и ввергло меня, почти освободившагося, въ прежнія цѣпи, такъ что я, уже увѣренный, что принадлежу себѣ, сталъ почти не своимъ—и двоюсь [1]). Видишь, что я за человѣкъ; Богъ дастъ, и этому будетъ конецъ. Извини, что расписался, это потому, что рѣдко пишу, да и сюжетъ увлекъ. Поклонись, кому хочешь, особенно нашему Барбату, и будь здоровъ, мой учитель.

Постараемся проникнуть въ психологію боккаччьевскаго письма. Вѣсть о смерти Лоренцо пробудила въ Боккаччьо чувство состраданія, человѣческія чувства, которыя онъ питалъ къ Аччьяйоли, и онъ провѣрилъ свои отношенія къ нему, вспомнилъ свое бѣгство изъ Неаполя и обвинилъ — не себя. Обвиненіе падаетъ на Аччьяйоли, но пока не открыто, не съ откровенностью письма, которое въ 1363 году Боккаччьо напишетъ Франческо Нелли. Всю тяжесть признанія и косвенное обличеніе выдерживаетъ Заноби; Аччьяйоли пусть о томъ не знаетъ—хотя, быть можетъ, Боккаччьо разсчитываетъ и на противное; пусть Заноби выслушаетъ его исповѣдь, если онъ ему другъ, *какъ онъ полагаетъ;* но вѣдь онъ такъ занятъ въ королевскихъ совѣтахъ! Боккаччьо привыкъ вѣрить каждому его слову — и приводитъ его неумѣренныя, баснословныя похвалы стоицизму своего патрона. Разумѣется, Заноби воспоетъ его; у Боккаччьо не хватитъ пера; онъ впрочемъ не изъ тѣхъ, кто воспѣваетъ и льститъ, за то онъ умѣетъ сострадать! Пусть это знаетъ Заноби; еще лучше—если *познаетъ себя.*

VII.

Несомнѣнно, по возвращеніи изъ Неаполя Боккаччьо пере-

1) Fere alienus in pendulo dubitarem.

живалъ тягостные дни. Мы встрѣчаемъ его по прежнему въ знакомомъ кружкѣ флорентійскихъ гуманистовъ, Лапо ди Кастильонкіо, Форезе, Нелли [1]); флорентійскіе порядки ему опостылѣли; онъ ищетъ покоя для своихъ занятій, обезпеченнаго otium, и отвергаетъ предложеніе тирановъ Падуи, Вероны, Форлй, Равенны; у Аччьяйоли онъ надѣялся найти то, чего искалъ, свободы—и разочарованъ; въ ту самую пору, когда онъ пишетъ Заноби, матеріальныя условія заставили его принять какое-то обязывавшее его положеніе, и онъ не дождется, какъ ему съ нимъ развязаться. При этихъ-то обстоятельствахъ, на пути въ Равенну, куда онъ ѣхалъ съ неизвѣстными намъ, дипломатическими или другими цѣлями, онъ узналъ въ Форлй о томъ, что Петрарка поступилъ на службу къ Висконти. И прежде Петрарка водилъ дружбу съ тиранами, не забывая панегерика уединенію; но на этотъ разъ тиранъ былъ Висконти и живо было въ памяти впечатлѣніе недавно испытанной зависимости отъ могущественнаго друга. Боккаччьо ея не перенесъ; какъ-же перенесъ его любитель уединенія и свободы, Сильванъ, когда-то упрекавшій Сенеку за его служеніе и похвалу Нерону [2]); его учитель, его идеалъ? Вотъ что подсказало въ письмѣ Боккаччьо проникающій его страстно-личный элементъ.

Что отвѣчалъ Петрарка на эти письма — мы не знаемъ, но мы знаемъ, что онъ отвѣчалъ другимъ лицамъ, ибо его образъ дѣйствія вызвалъ и недоумѣнія и запросы; друзья что-то подозрѣваютъ, трунятъ [3]), онъ и самъ проситъ совѣтовъ. Ты держишься мнѣнія Сократа, что хорошо имѣть цензоровъ [4]), писалъ ему осторожный Нелли; если они говорятъ правду, можно исправиться, если нѣтъ, то вреда мало. Если ты спросишь, ка-

1) Письмо Нелли отъ 2 октября 1353 года у Hortis, Studi, стр. 22 прим. 6, № XI; Cochin, стр. 194 слѣд.

2) Fam. XXIV, 5, 1348 г.

3) Nescio quid suspicionis incidit in fideles tuorum animos amicorum, qui ad te scribunt satirica satis. Изъ слѣдующаго письма Нелли.

4) l. c. Detractores plurimum, nodum reprehensores fore utiles.

кого я мнѣнія, то я и съ ними и — не съ ними. Довѣрься своей судьбѣ; ничто не требуетъ такого труда и охраны, какъ великая репутація[1]). Человѣку, котораго философія сдѣлала свободнымъ, не слѣдуетъ дѣлаться рабомъ чужихъ мнѣній [1]): поступай, какъ тебѣ заблагоразсудится, не насилуй себя [2]).

Нелли видимо избѣгалъ объясненія, и въ письмѣ къ нему отъ 22-го августа 1353 года самъ Петрарка объясняетъ, почему онъ живетъ въ Миланѣ: лишь только я явился туда, возвращаясь изъ Франціи, какъ величайшій изъ великихъ людей Италіи простеръ на меня свою руку и принудилъ остаться, съ такою любезностью и почестями, какихъ я не заслуживалъ, да и не желалъ. Я готовъ былъ извиниться моей любовью съ уединенной, покойной жизни, но онъ предупредилъ меня, что все такъ и будетъ и въ образѣ моей жизни ничто не измѣнится. До сихъ поръ онъ сдержалъ свое слово; долго-ли это продлится — не знаю, но сомнѣваюсь [3]).

Черезъ шесть дней Петрарка снова писалъ Нелли, на этотъ разъ въ отвѣтъ на его письмо: тотъ безпокоился о немъ, вызывалъ изъ Милана; я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что ты довѣрилъ мнѣ въ тайнѣ, отвѣчаетъ онъ, но предоставимъ судьбѣ распорядиться обстоятельствами и умѣрить мнѣніе, которое о мнѣ сложилось. Съ меня довольно, если я могу объяснить, почему я поступилъ такъ или иначе, а о томъ, что̀ обо мнѣ говорятъ, не безпокойся, такова издавна моя доля, чтобъ обо мнѣ всѣ судили и рядили. Люди видятъ мои дѣла, не помышленія, лучшая моя часть отъ нихъ скрыта, а если и судятъ по дѣйствіямъ, то все-же я избралъ лучшее или что показалось мнѣ таковымъ; худо-ли, хорошо-ли, я повиновался закону необходимости, о которой еще Горацій сказалъ, что ей подчиняются великіе люди и монархи.

1) l. c. Magnus enim labor est magnae custodia famae. Нелли вспомнился стихъ Петрарки изъ Ep. metr. II, 15, v. 283 = Africa VII, v. 292.

2) Popularis linguae imperio territus.

3) Age quod lubet, et libere. Сл. Hortis, Scritti inediti del Petrarca, стр. 71; Cochin, № X.

4) Fam. XVI, 11.

Что было мнѣ дѣлать, чѣмъ отговориться, какъ отказать — такому человѣку? Развѣ не знаешь ты, что въ такихъ случаяхъ самая медлительность въ повиновеніи — уже преступленіе? Присоедини къ этому уваженіе къ епископскому сану (Джьованни Висконти)—и ты поймешь, что порядочный человѣкъ постыдился бы не принять предложеніе. Сознавая, что я буду ему безполезенъ, я откровенно спросилъ его, чего онъ отъ меня ожидаетъ; ничего, отвѣчалъ онъ, одно твое присутствіе почтитъ меня и мое государство. При такомъ *человѣчномъ* отношеніи противиться было невозможно: я покраснѣлъ, умолкъ и молчаніемъ выразилъ согласіе, либо заставилъ повѣрить въ него; отвѣчать было нечего, да и отвѣта я не находилъ. Вотъ что я желалъ, чтобъ узнала толпа; впрочемъ, что я говорю? Вѣдь я уже сказалъ: пусть думаютъ, что угодно, предоставивъ намъ поступать, какъ должно [1]).

Заноби да Страда также писалъ Петраркѣ по тому-же вопросу, какъ видно изъ предисловія къ Инвективамъ на медика, относящагося къ 1355-му году [2]), и посланія къ Лелію [3]). Не къ Заноби-ли обращено анонимное письмо, сохранившееся въ отрывкѣ, очевидно, 1353-го года? [4]). Петрарка говоритъ, что вырвавшись изъ сѣтей Вавилона (Авиньона), онъ намѣревался пожить съ друзьями на лонѣ родины, когда судьба распорядилась съ нимъ иначе: въ чемъ онъ отказывалъ папамъ и королямъ Сициліи и Франціи, въ томъ не могъ отказать величайшему изъ синьоровъ Италіи и склонилъ подъ иго непривычную къ нему выю: такъ подѣйствовала на него надежда свободной, покойной жизни; его можно заманить лишь этимъ, не богатствомъ, почестями либо удовольствіями. Поклонъ и заявленіе преданности «достойному мужу» въ концѣ письма обращены, быть можетъ, къ Аччьяйоли, если адресатъ — Заноби.

1) Fam. XVI, 12.

2) Fracassetti, Lettere di Fr. Petrarca, v. I, стр. 234—5.

3) Fam. XX, 14, 1359 года.

4) Var. 7.

Всего подробнѣе высказался Петрарка въ письмѣ къ Джьованни Агинольфи изъ Ареццо, канцлеру мантуанскаго тиранна Гвидо Гонзага[1]). Тотъ побуждалъ его вырваться изъ миланской неволи, чтобы снова отдаться прерванному труду (Африкѣ?). Что отвѣчать тебѣ на это? спрашиваетъ Петрарка; могу-ли отрицать что-либо изъ того, о чемъ ты мнѣ пишешь? Я могъ-бы сдѣлать это словами, сердцемъ — никогда. Почему не покаяться мнѣ въ томъ, отъ чего не смѣю отречься передъ самимъ собою? Твое письмо было для меня вервіемъ истины, я чувствую петлю, и не умѣю освободиться, хотя сознаю, что причина зла—во мнѣ самомъ. Я могъ бы сказать, что не я одинъ виновенъ въ подобномъ, а виновны всѣ люди; но ты отвѣтишь мнѣ, что это не извиненіе; итакъ, ограничиваясь собою, скажу, что защищаться я не буду, ибо вышелъ бы побѣжденнымъ, тѣмъ болѣе, что не ты одинъ нападалъ на меня: одинъ пріятель по ту сторону Альповъ спрашиваетъ, какимъ образомъ я, извѣстный поклонникъ сельской тишины, отдался городскимъ дрязгамъ—по своей волѣ, какъ онъ полагаетъ. Что-бы сказали вы, еслибъ провѣдали, что въ такое время года и непогоду я собираюсь перебраться черезъ Альпы, исполняя любезную просьбу одного высокопоставленнаго лица, для меня равняющуюся—приказанію? Такъ то люди не ставятъ себя ни во что, продавая свою свободу за ничтожную цѣну. Съ тѣмъ другомъ я надѣюсь объясниться лично, тебѣ пишу среди сомнѣній и страха, не изъ желанія оправдаться, чего я не заслуживаю, а чтобы по возможности умалить мою вину примѣромъ не лѣнивой, темной толпы, а славныхъ, именитыхъ товарищей. Знаешь-ли, что говоритъ о себѣ ап. Павелъ: я творю зло, не желая его, и если творю не желаемое мною, то творю не я, а гнѣздящійся во мнѣ грѣхъ. Помнишь-ли бл. Августина въ день его обращенія, когда онъ страстно желалъ вступить на лучшій путь, и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался? Въ стѣнахъ этого самого города онъ вышелъ побѣдоносно изъ той-же самой борьбы, которую переживаю и я.—

1) Отъ 1 генваря 1354 года, Fam. XVII, 10.

Эта параллель увлекаетъ Петрарку, онъ пространно цитуетъ бл. Августина, перенося на себя его расторженность. Духъ повелѣваетъ духу, самъ себѣ, пишетъ бл. Августинъ, потому что такова его воля,—и его воля не исполняется; это потому, что духъ не желаетъ въ полнотѣ, оттого и его приказанія нерѣшительны; онъ то поднимается къ истинѣ, то поддается дурной привычкѣ; это болѣзнь духа, собственно двѣ воли, изъ которыхъ ни одна не совершенна. — Всѣ мы стремимся къ счастію, продолжаетъ Петрарка, переходя къ самому себѣ, но не всѣ дѣлаемъ то, что ведетъ къ счастію; есть и такіе, которые не столько желаютъ его, сколько воображаютъ, что желаютъ; оттуда то удрученное состояніе духа, о которомъ была рѣчь, оно то и побуждаетъ насъ часто творить противное тому, чего, казалось бы, они желаютъ; еслибъ они въ самомъ дѣлѣ желали, то̀ бы и творили, а не другое. Надо желать по истинѣ, въ постоянствѣ, полнотѣ и искренности; можетъ быть, это не совсѣмъ въ нашей волѣ, ибо она такъ связана грѣхомъ, что путь къ добру не мыслимъ для нея безъ помощи Божіей. Что особенно удручаетъ меня, это сомнѣніе, что во мнѣ нѣтъ полноты желанія того, чего кажется, я желаю и желаю — въ полнотѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаюсь, что мнѣ по дѣло̀мъ, если горькой кажется мнѣ услада, которую я не достоинъ отвѣдать. Врагъ моего покоя—моя преждевременная слава, заслуженная или нѣтъ: ложное величіе имени мѣшаетъ настоящей славѣ, оно—источникъ всѣхъ моихъ бѣдъ и горестей. Что дѣлать? Озера, о которыхъ идетъ молва, что въ нихъ много рыбы, лѣса̀, славящіеся дичью, всегда привлекаютъ рыбаковъ и охотниковъ. Счастливъ тотъ, если только есть такіе люди, кому удалось уединиться въ занятія вдали отъ шумной толпы; моя-ли въ томъ вина, или такова моя судьба, но мнѣ это никогда не удавалось, всюду открывала меня болтливая, лживая молва, такъ что я, съ юности любившій уединеніе лѣсовъ, въ старости связанъ этимъ ненавистнымъ мнѣ пребываніемъ. Одно скажу въ свою защиту: хотя я всегда отремился къ заслуженной похвалѣ, никогда не желалъ той роскоши и величія, которыя нынѣ меня

удручаютъ; погруженный въ тысячи заботъ, я и въ цѣпяхъ люблю свободу, мечтаю объ уединеніи, но пріучилъ себя не помышлять о томъ, чего не въ состояніи достигнуть, а довольствоваться тѣмъ, чего избѣгнуть не могу.

Нигдѣ Петрарка не былъ такъ откровененъ по поводу своего Миланскаго эпизода, какъ въ письмѣ къ Агинольфи; даже въ видимыхъ софизмахъ письма сквозитъ откровенность. То, что тревожило за него его друзей, тревожило, очевидно, и его самого, хотя порой онъ видимо спокойно и аристократически небрежно отстранялъ назойливые вопросы и непрошенное участіе. Поклонись Гано, говорилъ онъ жонглёру Малиція, котораго Гано прислалъ къ нему съ увѣщательнымъ сонетомъ: еслибъ ему извѣстно было дѣйствительное положеніе дѣлъ, онъ понялъ бы самъ, что на его стихи отвѣчать нечего. Многіе писали мнѣ о томъ-же, что и онъ, но всѣ, освѣдомившись, измѣнили свое мнѣніе (?). Вѣдь страхъ и подозрѣніе, безъ которыхъ не обходятся любящіе (пріятели), ростутъ въ отдаленіи, издали боишься многаго, что вблизи возбуждаетъ смѣхъ. Пусть-же не страшится за друга, который и въ Италіи, и въ какомъ-нибудь уголкѣ Индіи, а если-бы случилось, даже въ Тапробане съумѣлъ-бы найти отечество. Все это разскажи ему съ свойственнымъ тебѣ бурнымъ краснорѣчіемъ, только не съ такимъ крикомъ и гамомъ, да, пожалуйста, по итальянски, не твоимъ варварскимъ языкомъ [1]).

Въ письмѣ къ Агинольфи это показное спокойствіе исчезло,— и Петрарка кается: да, онъ виноватъ, его вина—въ слабости воли, въ двухъ воляхъ, которыя борются въ немъ, какъ въ бл. Августинѣ. Этотъ примѣръ поддерживаетъ его, прирожденная грѣховность объясняетъ вину; помощь Божія не явилась, и борьбу рѣшило тщеславіе, просьба великаго человѣка, преждевременная слава, которая заставляетъ всѣхъ искать его, носить на рукахъ, а онъ

1) Сл. выше, стр. 160; Fracassetti, Lettere, v. III, стр. 473; Frati, Gano di Lapo di Colle e le sue rime въ Propugnatore, N. S., v. VI, fasc. 34—5, стр. 195 слѣд.

отказать не можетъ. У него одно желаніе: уединенія, покоя; этимъ его заманитъ всякій, не богатствами и почестями, писалъ онъ анониму (Заноби?), пускаясь въ софизмъ или только обманывая себя, потому что уединеніе и покой, къ которымъ онъ стремился, неотдѣлимы отъ идеи, если не богатства, то обезпеченности и служебнаго положенія. Правда, и среди тысячи дѣлъ онъ лелѣетъ свободу; такъ писалъ онъ въ отвѣтъ какому-то кардиналу, обвинявшему его въ погонѣ за мѣстами, въ проживаніи у тирановъ: Петрарка заявлялъ о своей духовной свободѣ, лишь слабыя души теряются въ его положеніи, Платонъ жилъ у Діонисія, Сенека съ Нерономъ, Сократъ съ тридцатью тираннами [1]).

Кто свободенъ духомъ, тотъ теряетъ званіе служителя, говорилъ когда-то Ганимедъ (Джьованни Колонна) свободолюбивому Амиклу-Петраркѣ [2]); невыясненнымъ остаются отношенія этого свободолюбія къ панегерикамъ, которыми Петрарка осыпалъ Джьованни Висконти, напр. въ своей рѣчи передъ венеціанскимъ сенатомъ въ 1353-мъ году. Они ставили его въ ложное положеніе. Когда, завладѣвъ Генуей, Джьованни искалъ мира съ Венеціей, венеціанцы, отклонивъ предложеніе, образовали лигу и обратились за помощью къ императору, котораго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ самъ Петрарка звалъ въ Италію—противъ Висконти. Теперь ему приходилось перемѣнить фронтъ, и въ посланіи къ дожу Андрею Дандоло, написанномъ по указанію архіепископа, онъ пугаетъ перваго могуществомъ послѣдняго, говоритъ о немъ, какъ о славномъ поспѣшникѣ мира, о которомъ трудно сказать, что̀ въ немъ преобладаетъ: доблесть-ли надъ удачей, умъ-ли надъ человѣчностью [3]). Въ отвѣтѣ дожа, составленномъ канцлеромъ Бенинтенди [4]), Петраркѣ ирони-

1) Сл. Hermann Müller, Neue Jahrbücher f. Philologie u. Pädogogik, 1873, стр. 569—583.

2) Сл. VIII эклогу, выше стр.110.

3) Fam. XVIII, 16, 28 мая 1354 г.

4) Voigt, Die Briefsammlungen, стр. 28—9.

чески напоминали его прежнія убѣжденія: мы стараемся избавить Италію отъ рабства, постепенно къ ней прививающагося, и тебѣ слѣдовало бы всѣми силами содѣйствовать этой цѣли, какъ самъ ты, любитель и проповѣдникъ свободы, совѣтовалъ раньше и какъ краснорѣчиво! Ты вѣдь знаешь, и твой Цицеронъ свидѣтельствуетъ то-же, что нѣтъ ничего хуже рабства, ничего отвратительнѣе безчестія; тебѣ надлежало бы обратиться къ тому, кто является причиной всего этого зла, дабы, справедливый и правосудный, онъ самъ не поддерживалъ и не питалъ его. — Дандоло умеръ прежде, чѣмъ получился его отвѣтъ (5 сентября 1355 г.); такъ увѣряетъ Петрарка въ письмѣ къ Гвидо Сеттимо отъ апрѣля 1355 года: за нѣсколько дней до кончины онъ (т. е. Дандоло) долженъ былъ получить мое письмо, суровое, но любовное; мнѣ сообщили, что онъ стѣснялся отвѣтомъ, изъ боязни, что не сравнится со мною—въ стилѣ; ему, краснорѣчивому, это далось бы легко, труднѣе было бы отвѣтить по существу, продолжаетъ онъ наивно, ибо какъ возразить на доводы истины? Говорятъ, онъ что-то написалъ мнѣ въ отвѣтъ, но письмо до меня не дошло.

По смерти Джьованни Петрарка надѣлилъ его въ своей похвальной рѣчи всевозможными достоинствами: о немъ скорѣе, чѣмъ о Платонѣ, можно сказать, что въ день его кончины солнце, казалось, сверглось съ неба. Легко представить себѣ, что блестящій типъ Джьованни закупилъ Петрарку своей эстетической стороной и что за его виртуозностью онъ не видѣлъ его недочетовъ; но онъ продолжалъ жить и при дворѣ его племянниковъ, хотя обаяніе личности прекратилось, и самъ онъ писалъ пріятелю, какой ужасъ наводитъ на всѣхъ ехидна, держащая въ пасти окровавленнаго человѣка: намекъ на миланскій гербъ [1]). Когда у Бернабо Висконти родился сынъ, Петрарка, бывшій въ числѣ его воспреемниковъ, воспѣлъ это радостное событіе, перечисляя всѣхъ знаменитыхъ мужей имени Марка, между прочимъ Марка Брута,

1) Fam. XX, 1: 1356 года.

но не забылъ обратить вниманіе державнаго отца и на себя: онъ ему безконечно и искренне преданъ, ему принадлежитъ. Еще ярче невоздержность его софизмовъ въ письмѣ къ Якову Буссолари, демократическому защитнику Павіи съ тенденціями Савонаролы: Петрарка обвиняетъ его въ гордыни и надменности, въ тиранніи, глумясь надъ поборникомъ свободы, котораго считалъ своимъ другомъ. Но на Павію зарился тогда Галеаццо Висконти, многихъ во многомъ превышающій, всѣхъ вообще — своимъ великолѣпіемъ [1]).

Все это могло давать пищу недоумѣніямъ Боккаччьо, но послѣ откровеннаго объясненія 1353 года мы не находимъ ихъ слѣдовъ въ письмахъ къ нему Петрарки. Вѣроятно, къ 1355-му году [2]) относятся два письма: одно [3]) благодаритъ за доставленіе собственноручной копіи твореній бл. Августина, другое [4]) за таковой-же списокъ Варрона и Цицерона; судя по окончанію Fam. XVIII, 15 [5]), ни то, ни другое не дошло до Боккаччьо [6]). О недоумѣніяхъ ни слова, Петрарка мило стилизуетъ, одобряетъ уваженіе Боккаччьо къ мудрости и наукѣ древнихъ: ты по природѣ чтишь то, чѣмъ гнушается толпа, и презираешь, что она цѣнитъ. Будетъ время, и тебѣ станутъ дивиться, уже теперь начинаетъ обращать на тебя вниманіе — зависть. Письмо переходитъ къ сравненію Варрона и Цицерона, кончаясь шаловливой выходкой: еслибъ меня спросили, кого изъ нихъ я предпочитаю, я сказалъ бы тебѣ одному, тихо, на ушко, что мнѣ подсказываетъ сердце: Цицерона. Боги! Что я сказалъ! Но слово спорхнуло, и я буду счастливъ, если меня обвинятъ въ дурномъ вкусѣ, не въ смѣлости [7]).

1) Sen. V, 1.

2) Fracassetti, Lettere, v. III, стр. 11 отнесъ то и другое къ 1354 году.

3) Fam. XVIII, 3: Mediolani V Idus Maii, Voigt, Briefsammlungen, стр. 45. Сл. выше стр. 95—6 прим. 8.

4) Fam. XVIII, 4.

5) Сл. также письмо Боккаччьо отъ 30 іюня 1367 года у Corazzini, стр. 128 (жалуется, что не получалъ Fam. XVIII, 3).

6) Весною 1354 года онъ ходилъ въ Авиньонъ, сл. выше стр. 61.

7) Fam. XVIII, 4.

Недоказательно для нашего вопроса и письмо отъ 20-го декабря, вѣроятно, 1355 года[1]), ободряющее Боккаччьо, которымъ овладѣли сомнѣнія — въ его призваніи. Съ этимъ письмомъ мы познакомимся позже.

Весной 1359 года Боккаччьо посѣтилъ Петрарку въ Миланѣ, и тотъ отмѣтилъ это событіе на обложкѣ одного изъ своихъ рукописныхъ сборниковъ въ числѣ другихъ записей о своихъ садоводческихъ опытахъ. 16-го марта онъ попытался насадить лавры, что до тѣхъ поръ ему не удавалось; время было пасмурное, шли дожди, обратившіе садъ въ озеро, солнце не показывалось до 1-го апрѣля, но «священныя деревья» должны были бы приняться, замѣчаетъ онъ, ибо при ихъ насажденіи присутствовалъ случайно, попавъ какъ разъ въ ту пору [2]), «славный мужъ Джьованни Боккаччьо изъ Чертальдо, питающій великую любовь и къ нимъ и ко мнѣ» [3]). Боккаччьо пробылъ не долго, и Петрарка жалуется въ письмѣ къ Нелли, что прелестные, тихіе дни прошли такъ скоро, почти незамѣтно. Пріятель обо всемъ тебѣ разскажетъ: отъ него ты узнаешь, что я дѣлаю, о чемъ я думаю; ему извѣстна моя жизнь, мои отношенія, надежды, однимъ словомъ — все [4]). Онъ отпустилъ его неохотно, тѣмъ болѣе, что и погода настала неблагопріятная, ненастная. Но дѣлать было нечего: другъ торопился, его письмо говоритъ, что онъ уже перебрался черезъ По и другія рѣки, разлившіяся болѣе обыкновеннаго; но Петрарка не раньше успокоится на его счетъ, какъ увѣрившись, что онъ уже по ту сторону Аппеннинъ [5]). Нелли успокоилъ его письмомъ отъ мая 1359 года: нашъ милѣйшій Боккаччьо счастливо перебрался за Эриданъ и Аппеннины; ты вѣдь писалъ, что не перестанешь тревожиться, пока не узнаешь о томъ [6]). «Нашъ Бок-

1) Fam. XVIII, 15.

2) Casu in has horas tunc advectus.

3) Ipsis amicissimus et mihi. Сл. De Nolhac, Petrarque et l'humanisme, стр. 398.

4) Fam. XX, 6.

5) Fam. XX, 7: къ Нелли отъ 11 апрѣля 1359 года.

6) Hortis, Studi стр. 22, прим. 6, № XXIII; сл. Cochin, l. c. стр. 265—7.

каччьо здравствуетъ», повторялъ Нелли въ сентябрѣ того-же года [1]).

Боккаччьо пріѣхалъ во Флоренцію подъ впечатлѣніемъ «прелестныхъ» миланскихъ дней.

Въ октябрѣ того-же года Петрарка снова писалъ ему [2]): твой отъѣздъ сильно опечалилъ меня, но такъ какъ я не въ состояніи быть безъ дѣла, хотя въ сущности ничего почти не дѣлаю, я задержалъ общаго нашего пріятеля, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заняться пересмотромъ списковъ (моей) Буколики, которые ты привезъ съ собою. Пріятеля ты знаешь: хорошій малый, человѣкъ стариннаго покроя, не глупый, но читаетъ запинаясь, медленно. Слушая въ его чтеніи собственные стихи, я замѣтилъ повтореніе словъ и кое-что, требующее поправки. Потому не спѣши переписывать для себя и не передавай нашему Франческо (Нелли): вѣдь я знаю, какъ вы охочи до всякаго моего писанія, особенно до писемъ, въ сущности не стоющихъ того, чтобы утомлять (списываніемъ) ваши руки, не только что глаза. Вотъ уже недѣля, какъ я въ деревнѣ, и пользуюсь дождливою погодою, чтобы пересмотрѣть мою буколику. Знаешь-ли что? Никто лучше не раскрываетъ погрѣшностей произведенія, какъ туповатый, неумѣлый, медлительный чтецъ, продолжаетъ Петрарка, и его письмо переходитъ въ блестящую характеристику личнаго стиля, который Петрарка ревниво оберегаетъ отъ подражанія и невольныхъ повтореній того, что удержалось въ его памяти изъ любимыхъ классиковъ и болѣе не ощущалось, какъ чужое. Съ этой точки зрѣнія онъ и предлагаетъ два исправленія къ своей 10-й эклогѣ [3]).

И такъ Боккаччьо, дорожившій всякой строкой «учителя», привезъ въ Миланъ списки его Буколики, которую долго не знали цѣликомъ въ флорентійскихъ кружкахъ [4]); списки добытые, оче-

1) Cochin, l. c. № XXIV.
2) Fam. XXII, 2.
3) Сл. выше т. I, стр. 438–9, II, 108.
4) Сл. выше стр. 122.

видно, изъ вторыхъ рукъ и неисправные [1]); они то и могли вызвать между пріятелями бесѣды о стилѣ, отзвукомъ которыхъ является Fam. XXII, 2. Книжныя сокровища Петрарки давали поводъ къ другимъ вопрасамъ, литературнымъ и общественнымъ; о нихъ даетъ понятіе отвѣтное письмо Петрарки къ Боккаччьо того-же года [2]): бесѣдовали о Данте, о его Божественной Комедіи, которую, оказывается, Петрарка не читалъ, и Боккаччьо послалъ ему экземпляръ при письмѣ, къ сожалѣнію, утраченномъ и стихотвореніи въ похвалу Данте. О немъ и о своемъ отношеніи къ нему и говоритъ Петрарка, оставляя въ сторонѣ другіе вопросы, о «которыхъ мы еще недавно съ тобой разсуждали». Какъ разъ въ ту пору Боккаччьо вступилъ въ новую пору дантовскихъ увлеченій, въ которыхъ не послѣднюю роль играли идеалы поэта-гражданина и личной свободы, горделиво сторонящейся отъ опеки. Это бросаетъ свѣтъ на характеръ тѣхъ «другихъ вопросовъ», которыхъ Петрарка теперь избѣгаетъ, чтобы поднять ихъ снова въ письмѣ отъ 18-го августа 1360-го года [3]). Оказывается, друзья не договорились, и положеніе осталось столь-же невыясненнымъ, какъ и прежде.

Боккаччьо избралъ средство лучшее въ тѣхъ случаяхъ, когда по извѣстному вопросу невозможно прійти къ соглашенію: онъ молчалъ, но молчалъ краснорѣчиво. Ты не желаешь мнѣ противорѣчить, пишетъ ему Петрарка, но, ничего не говоря, выражаешь болѣе, чѣмъ еслибъ говорилъ. Я знаю, что ты и всѣ мои друзья, ослѣпленные любовью, безпокоитесь обо мнѣ, одни желали бы видѣть меня въ Падуѣ, другіе въ Авиньонѣ, третьи на

1) Если въ письмѣ отъ октября 1359 года (Fam. XXII, 2) Петрарка не велитъ Боккаччьо сообщать Нелли не исправленный пока списокъ Буколики, то послѣднія слова въ письмѣ Нелли къ Петраркѣ отъ 11 сентября 1359 года не могутъ имѣть ввиду будто-бы полученную имъ неисправленную рецензію (сл. Cochin, стр. 272 прим. 9). Выраженія Нелли и не ведутъ къ этому предположенію: nec quale sit buccolicum Petrarce carmen nunc dicturus sum.

2) Fam. XXI, 15.

3) Var. 25.

моей родинѣ, меня-же привлекаютъ не богатства и не почести, а миръ и покой, тишина и уединеніе. Гдѣ найду я эти сокровища? Мой уединенный пріютъ, гдѣ я надѣялся умереть и кончить мой трудъ (Африку), о которомъ такъ много говорятъ, разграбленъ и не безопасенъ (Воклюзъ). Много бесѣдовалъ я съ тобою и другими о выборѣ мѣста пребыванія, но объ этомъ легче говорить, чѣмъ прійти къ рѣшенію; важно одно: гдѣ-бы не поселиться, по нуждѣ или выбору, довольствоваться этимъ, избравъ родъ жизни не по капризу судьбы, а по указанію добродѣтели, памятуя, что все въ этой жизни кратковременно. Объ этомъ мы долго разсуждали съ тобой въ прошломъ году, въ этомъ самомъ домѣ, и согласились, что ввиду общаго положенія Италіи и Европы, Миланъ все-таки наиболѣе удобное мѣсто для меня и моихъ занятій; за исключеніемъ развѣ Падуи, гдѣ я былъ вскорѣ послѣ того, куда скоро вернусь, дабы поочередное пребываніе не прекратило—чего я не хочу, а умалило въ жителяхъ того и другого города желаніе видѣть меня среди нихъ. Не знаю, измѣнилъ ли ты свое мнѣніе, но мѣнять треволненіе Милана на тревоги другого города — значило бы идти навстрѣчу лишнимъ непріятностямъ. Долго я толкую съ тобою объ этихъ пустякахъ, потому что привыкъ отдавать отчетъ друзьямъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ; а это дѣло изъ важныхъ; я даже намѣренъ, ввиду многихъ приходящихъ ко мнѣ писемъ того-же содержанія и невозможности всѣмъ отвѣтить, написать трудъ, подобный которому никто, кажется, еще не предпринималъ, гдѣ я дамъ отчетъ о моей жизни; ибо лишь теперь я пришелъ къ сознанію, что жизнь — дѣло не легкое.

Трудъ, на который намекаетъ Петрарка, очевидно, его біографическія признанія, «письмо къ потомству», доведенное впрочемъ, лишь до 1351 года, какъ разъ наканунѣ его переселенія въ Миланъ.

И позже «свобода» Петрарки не переставала тревожить Боккаччьо. Съ 1362 года Петрарка жилъ въ Венеціи, но съ 1363 переселялся на лѣто въ Павію, подъ сѣнь Галеаццо Висконти.

Боккаччьо писалъ по этому поводу какому-то общему другу; твои заботы для меня не новость, отвѣчалъ ему Петрарка въ 1367 году [1]), но ты не бойся за меня, хотя бы другимъ и могло казаться, что я испытываю тяжелое иго: не было въ свѣтѣ человѣка болѣе свободнаго, чѣмъ я, и я могъ бы поручиться, что такъ будетъ и впредь, если вообще можно поручиться за будущее; не въ старости учиться мнѣ рабству. Я говорю о свободѣ духа, ибо по отношенію къ тѣлу и другимъ вещамъ по неволѣ приходится служить сильнѣйшимъ. Но я не знаю, какое иго тяжелѣе, иго-ли одного, которое несу я, или многихъ, какое испытываешь ты: полагаю, что тираннія одного легче, чѣмъ тираннія народа (флорентійская демократія). Если бы я не былъ всегда и всецѣло свободенъ, я-бы умеръ, либо велъ скучную, печальную жизнь, а ты знаешь, да и всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я всегда въ прекрасномъ расположеніи духа. Только по собственной волѣ и закону любви я могъ бы недолго оставаться въ служебныхъ отношеніяхъ къ кому-бы то ни было, заключаетъ Петрарка, развивая далѣе ту мысль, что направлять паруса къ другому берегу смотря по вѣтру и предвѣстіямъ бури—признакъ благоразумія. Всего я не могу объяснить тебѣ въ письмѣ, но если бы ты зналъ, что знаю я, ты также присовѣтовалъ бы мнѣ не покидать этихъ мѣстъ, а лишь на время удаляться отъ нихъ, чтобы доставить себѣ передвиженіемъ нѣкій отдыхъ отъ заботъ и тревогъ. — Салутати не могъ себѣ представить, какъ за роскошью Галеаццо Висконти Петрарка проглядѣлъ бѣдный, ограбленный народъ [2]).

VIII.

На миланскомъ эпизодѣ Петрарки надо было остановиться подробнѣе, потому что въ вопросѣ, который онъ поднялъ, ярко

1) Sen. VI, 2.

2) Сл. Novati, Epistolario di Coluccio Salutati, vol. I, lib. II, № 16; сл. № 15.

рисуется психологическій образъ Боккаччьо. Дѣло шло объ отношеніяхъ свободной литературы къ патронату. Петрарка отлично понималъ создаваемыя имъ противорѣчія, но, упрекая себя въ общечеловѣческой слабости, аристократически-небрежно открываетъ намъ мотивы, извиняющіе его выборъ: ему не укрыться отъ своей славы, онъ позволяетъ холить себя — безъ ущерба своему досугу и, отказываясь отъ кардинальской шапки и дѣловыхъ должностей при куріи, принимаетъ поэтическое бездѣлье у Висконти. Онъ видимо свободенъ, но слишкомъ часто говоритъ о томъ въ перепискѣ съ недоумѣвающими друзьями, и сознаніе его тревожитъ. Заноби, заурядная натура, заурядно отнесся къ подобнымъ же обстоятельствамъ, онъ также пишетъ Петраркѣ по поводу его миланской неволи: это всѣхъ интересовало и нельзя было отстать отъ другихъ, но когда въ Авиньонѣ представилась хлѣбная должность, онъ оставилъ мѣсто секретаря-гуманиста въ Неаполѣ и махнулъ рукою на поэзію. Боккаччьо также пытался устроиться при патронѣ, но у него не было самомнѣнія Петрарки и была дѣйствительная любовь къ поэзіи; естественное чувство свободы поднялось въ немъ до шаржа. Онъ бѣжалъ отъ придворнаго досуга и ожесточился, горделиво рядится въ свою свободную бѣдность и здѣсь доходитъ до крайностей, до представленія, что онъ чуть-ли не нищій, до щепетильной обороны своего человѣческаго достоинства, гнушающагося однимъ намекомъ на зависимость. Онъ бѣденъ, но среди своихъ книгъ богаче царей. Бѣдность—да вѣдь это мать всѣхъ знаній, увѣряетъ онъ себя; она изобрѣтательна, остроумна; какое блаженство жить подъ сѣнью скромныхъ ларъ, въ сельскомъ уединеніи, въ презрѣніи къ излишествамъ, въ созерцаніи божественнаго, въ тѣни деревьевъ, у серебристыхъ ручьевъ! Пусть другіе стремятся къ высшему, оставивъ меня въ лѣсахъ, въ малой хижинѣ, съ Діогеномъ, Куріями и Фабриціями [1]). Бѣдность лучше богатства, продолжаетъ онъ утѣшать себя, какъ утѣшалъ себя когда то Ген-

1) De Casibus, l. I, c. 15.

рихъ изъ Сеттимелло [1]); ее легко переноситъ всякій, даже слабая женщина, богатство по силамъ развѣ мужественному духомъ. Толпа этого не понимаетъ, не видитъ бѣдняка Амикла, боззаботно спящаго въ своей лачугѣ, тогда какъ Помпей трепещетъ въ твердыни Диррахія. Молнія, вѣтеръ, землятресеніе поражаютъ высокіе предметы, низкихъ не трогаютъ; сколько вздоховъ, душевныхъ мукъ, ходячихъ труповъ прикрываетъ порой роскошная одежда! гдѣ она въ чести, тамъ силы духа презрѣны; при скудной пищѣ и въ работѣ люди сильны и здоровы и доживаютъ до глубокой старости, изнѣженные и живущіе въ холѣ болѣютъ и недолговѣчны [2]). — Бѣдность — это кормилица Рима; свободная отъ узъ фортуны, наперекоръ ей, она, свободная жена, правитъ міромъ [3]). — Боккаччьо тѣшится этой грезой въ Генеалогіяхъ Боговъ [4]), въ письмѣ къ Пино деи Росси [5]), но у него есть и перебой настроенія: о еслибъ у меня были силы, равныя духу! восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Заноби [6]); его желаніе — быть только studiosus—скромно маскируетъ призваніе поэта; оно возможно и въ «дикости лѣсовъ»; возможна и слава, и громкое имя въ потомствѣ! Такъ вѣщаетъ ему фортуна [7]).

Но и это желаніе для него отравлено: Заноби увѣнчанъ поэтическимъ лавромъ! [8]). Въ гуманистическихъ кружкахъ этотъ актъ, къ тому-же совершенный нѣмецкимъ цезаремъ, вызвалъ недоумѣніе. Нелли въ письмѣ къ Петраркѣ, считаетъ обиднымъ не только для него, но и для всего свѣта, что цезарь изъ варваровъ рѣшился на такое дѣло, поставивъ царя надъ мимами (Дольчибене) [9]), а служителя касталійскаго родника возвысивъ до позора,

1) De Div. Fortunae, l. III, 156, 165—6, 171 слѣд.
2) De Cas. III, 17.
3) III, 1; сл. VIII, 17.
4) l. XIV, c. 4.
5) Corazzini, стр. 78 слѣд.
6) Сл. выше стр. 182.
7) De Cas. VI, 1.
8) Сл. выше, стр. 167.
9) Сл. выше стр. 74.

не до высоты вѣнца [1]). Петрарка поздравилъ лауреата въ стихотворномъ посланіи, въ которомъ сквозитъ иронія [2]); на нѣкоторое время ихъ переписка какъ будто, становится рѣже, но въ 1359—1360-мъ годахъ они видимо въ сношеніяхъ другъ съ другомъ [3]). Петрарка могъ скрыть свое дѣйствительное отношеніе къ факту вѣнчанія, обративъ вниманіе лишь на непризванность судьи; въ предисловіи къ инвективамъ противъ медика онъ говоритъ объ ученомъ мужѣ, любимцѣ авзонійскихъ музъ, котораго недавно увѣнчалъ варварскій лавръ, ибо, о чудо, германскій цензоръ не побоялся произнести судъ надъ нашими талантами [4]).

Боккаччьо принялъ это дѣло ближе къ сердцу, тѣмъ страстнѣе, что самъ онъ мечталъ прослыть поэтомъ и понималъ разстояніе между собой и Заноби. Заноби увѣнчанъ, и увѣнчанъ не по праву; такъ писалъ онъ долгое время спустя къ Пиццинге [5]), но на первыхъ порахъ его глубоко смутило это незаслуженное признаніе и заставило задуматься. Поэтъ-ли онъ? Стоитъ-ли и въ силахъ-ли онъ къ тому стремиться? Онъ негодуетъ, когда его называютъ поэтомъ— и въ этомъ смыслѣ пишетъ Петраркѣ, который отвѣчалъ [6]) на его, не дошедшее до насъ, письмо, успокоивая его, дивясь и вмѣстѣ печалясь и негодуя. Что только можетъ поколебать умъ, обогащенный такими знаніями, такъ прочно поставленный природой и искусствомъ! Знаю я, гдѣ твои Сиракузы, понялъ, кто твой Діонисій? Куда-бы ни шло, еслибы грозило несчастіе, заключеніе, изгнаніе, бѣдность, наконецъ смерть! Это удары судьбы, въ нашей власти

1) Castaliae fontem turbantem oblimantemque ad coronae fastidium, non fastigium sublimando. Сл. Fracassetti, Lettere di Fr. Petrarca, v. III, стр. 128; Cochin, l. c. № 17.

2) Epist. poet. III, 8.

3) Сл. Fam. XX, 14: отъ 9 февраля 1359 года (къ Лелію), XII 6: отъ 17 августа 1360 года (къ Заноби).

4) Inv. contra med. praef. стр. 1087.

5) Сл. выше стр. 171. Сл. Gen. Deor. VII, 29: только римскому сенату предоставлено было право вѣнчать поэтовъ, но властители отняли его у него.

6) Fam. XVIII, 15. 20 декабря, вѣроятно, 1355 года.

не поддаваться имъ духомъ, хотя въ такихъ случаяхъ совѣтъ легче исполненія. Но объ этомъ я умолчу; а почему выходишь ты изъ себя, что я зову тебя поэтомъ? Вотъ чудо! ты стремился къ тому, а теперь страшишься этого имени, котораго вожделѣютъ многіе, не будучи поэтами. Неужели ты не поэтъ потому только, что дельфійская вѣтвь не осѣнила твоего чела? Развѣ умолкнули бы музы, еслибъ на свѣтѣ не стало лавровъ? Развѣ подъ тѣнью буковъ и пиній немыслима вдохновенная пѣсня? Зови себя, какъ хочешь, я твердо знаю, чѣмъ считать тебя; объ имени съ тобою спорить не стану, но надъ моимъ сужденіемъ я властенъ.

Между тѣмъ ласковый Заноби наивно принялъ на чело германскіе лавры и серьезно помышляетъ о томъ, что ему надлежитъ воспѣть. Онъ очевидно списался съ Боккаччьо, потому что слѣдующее стихотворное посланіе написано въ отвѣтъ ему, съ просьбой помочь въ выборѣ сюжета, ибо отъ Сципіона онъ отказался, чтобы не конкуррировать съ Петраркой [1]). «Ты хочешь знать, что я дѣлаю, какъ живу съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь, при благопріятныхъ знаменіяхъ [2]), увѣнчалъ меня вѣтвью Аполлона. Мой духъ пламенѣетъ, я весь отдался книгамъ [3]), всецѣло живу съ древними, которыми гнушается нашъ безплодный вѣкъ, и толпа, и все, что ей нравится [4]), не оторвутъ меня отъ этой святыни, какъ бы не смущали мой духъ житейскія треволненія. Меня манитъ высшая награда поэтовъ, не перестаетъ видѣться и мой лавръ, и Цезарь, и его лобзаніе, перстень и повѣнчанная со мною поэзія. Но неопытный умъ не знаетъ, куда обратиться, какъ настроить киѳару или лиру, изощрить трость, чтобы въ пѣсняхъ проходили долгія ночи: то мнѣ приглянутся дѣла мира, то военныя, то славные подвиги царей, заслуживающіе хвалы, древнія—и новыя дѣянія.

1) Сл. выше стр. 83.

2) Omine claro.

3) Mea cura libelli.

4) Vulgus et omne Quod placet populo.

Не знаю, что и начать: новое не заслуживаетъ вниманія [1]), старое, окутанное мракомъ, не легко вывести на свѣтъ. Изберу средній путь; помоги, Кліо, *новому* поэту, Калліопа и сестры, осѣните меня: не многіе станутъ призывать васъ.—Ты-же, прозорливый [2]), скажи, по сердцу-ли тебѣ мое начинаніе, если нѣтъ, я послѣдую лучшему совѣту; ты можешь обуздать меня и побудить [3]); согласенъ-ли будешь, или укажешь на другое, я радостно испытаю свои силы, дабы молва о поэтѣ, каковъ бы онъ ни былъ, пошла по людямъ [4]).

Посланіе Заноби къ «мудрому и краснорѣчивѣйшему мужу, господину Джьованни Боккаччьо изъ Флоренціи, славному почитателю пізридъ и дражайшему брату» помѣчено 11-ымъ октября 1355-го года; подпись гласитъ: «твой, на столько-же, на сколько свой, Заноби изъ Флоренціи, лауреатъ не по заслугамъ»; писано въ Санъ-Джермано, «осажденномъ германцами», т. е., вѣроятно шайками графа Ландо, которыя хозяйничали какъ разъ въ то время въ неаполитанской области [5]).

Отвѣтъ Боккаччьо [6]) полный реторическихъ похвалъ, столь-же необязательныхъ, какъ «учитель» [7]) въ письмѣ къ Заноби [8]), иронически подчеркиваетъ, обращая ихъ въ другую сторону, нѣкоторыя изъ выраженій стихотворнаго посланія и уклоняется отъ прямого отвѣта. Ты краса поэтовъ, второе (послѣ Петрарки) свѣтило дорогой родины, пишетъ Боккаччьо; ты счастливъ, что живешь въ книгахъ, пренебрегая ложнымъ мнѣніемъ толпы [9]), созерцая царственныя украшенія (лавры), доступныя немногимъ,

1) Sordent.

2) Nam multa vides.

3) Tu lora potes sive addere calcar.

4) Hortis, Studi, стр. 343—4; Carlo Frati, Epistola inedita di Giovanni Boccaccio a Zanobi da Strada. Bologna. 1888, стр. 11—12, прим. 3.

5) Frati, l. c. стр. 6—7.

6) l. c. стр. 16—20.

7) Magister.

8) Сл. выше стр. 184.

9) Dum cernere libros—Non piget et falsum spernis sapienter inepti—Judicium vulgi.

служащія побужденіемъ тебѣ [1]). Не смутитъ тебя германская шайка, все кругомъ грабящая и выжигающая; пусть плачется о томъ тотъ, у кого болѣе заботъ о прибыткѣ [2]).—Боккаччьо говоритъ далѣе о жестокой, посѣтившей его лихорадкѣ, доведшей его до порога смерти; онъ поборолъ недугъ, и—теперь я пою взапуски съ тобою, вождемъ; кто не отвѣтитъ другу поэту? [3]).—Ты говоришь, что хочешь избрать средній путь, избѣгая древняго и современнаго—и Боккаччьо указываетъ ему темы: Неаполь и Сицилію, покоренныя Карломъ I Анжуйскимъ [4]); Вандала, недовольнаго осѣдлостью, королей Тицина, Гунна, вторгшагося въ Лацій, суроваго Гота, войны Самнитовъ [5]). И такъ, возбряцай на киѳарѣ, мы-же, меньшая братія, станемъ разѣвать рты, не упадетъ-ли что вкусное, не польститъ-ли что нашему жадному слуху [6]). Поспѣши [7]); ты мудръ и можешь видѣть многое [8]) и хорошее, возсѣдая среди книгъ, хранящихся въ Монте-Кассино. Бряцай, ибо время летитъ. Я пишу, а другъ Лоизій, докторъ правъ и посланникъ, подсказываетъ и обѣщается доставить тебѣ это посланіе [9]). — Лоизій, вѣроятно, не кто иной, какъ Луиджи Джьянфильяцци, докторъ правъ, принимавшій дѣятельное участіе въ политическихъ сношеніяхъ флорентинской республики въ 1350—70-хъ годахъ, знакомый Заноби [10]); хорошій ораторъ, составившій неизданный пока компендій реторики, онъ попалъ въ

1) Quae sunt calcaria cordi.

2) Gemant quibus acrior instat — Cura lucri.

3) Te duce; quis vati versus non praestet amico?

4) Hesperiam geminam, Karolo vincente, videbis—Francorum perferre jugum, Gallosque comatos.

5) Vandalus impaciens sedis, regesque Ticini — Innulus (вм. Hunilus?) invasor Latii, Gottusque severus—Bellaque Samnitum dum surgent Umbria contra.

6) Nos, turba minor, suspensa tenemus—Ora quidem, si forte cadat de fonte propinquo—Quid sapidum, aut cupidas nobis quod mulceat aures.

7) Breviter videant homines.

8) Multa vides.

9) Haec ego dum scripsi, semper clarissimus ille—Affuit orator, legum doctor, amicus—Loysius, sic velle ferens et scribere mandans.

10) Сл. выше стр. 171, прим. 5, его письмо къ анониму у Ciampi.

число знаменитыхъ флорентійцевъ, которыхъ любили поминать въ слѣдующемъ поколѣніи Ринуччини и Джьованни ди Герардо; въ канцонѣ на смерть Боккаччьо Саккетти называетъ его прямо «краснорѣчивымъ реторикомъ Луиджи» [1]).

Меньшая братія ничего не дождалась отъ Заноби; Боккаччьо оказался дѣйствительнымъ studiosus или, какъ онъ говоритъ, scholasticus: всѣ его большіе латинскіе труды, плодъ его гуманистической музы, затѣяны въ тѣ самые годы, когда онъ боролся съ низменнымъ вопросомъ: свобода или обезпеченное рабство; соціальная свобода, гарантирующая личное достоинство свободою многихъ, или досужее воспитаніе своей человѣчности, довлѣющей самой себѣ, сторонящейся отъ толпы: мечта гуманиста и, въ извѣстной мѣрѣ, программа его покровителя-тирана. Боккаччьо терялся въ этихъ противорѣчіяхъ гражданскаго и эгоистически-культурнаго идеаловъ; признанія Петрарки видимо не успокоили его еще въ 1360-мъ году, и въ его кругъ снова входилъ въ новомъ освѣщеніи величаво-строгій образъ *гражданина* Данте. Его жизнь Данте, написанная въ 1363—4-мъ годахъ—гражданскій манифестъ, выходъ изъ того бурнаго періода, который открывается самообличеніемъ Корбаччьо и знакомствомъ съ Петраркой.

1) Сл. Вилла Альберти стр. 210, 262; Novati, Arch. stor. ital. ser. V, t. III, стр. 440; онъ-же: Epistolario di Coluccio Salutati, v. I, стр. 9 прим.

IX.

ТРЕВОГИ АНАЛИЗА И САМООПРЕДѢЛЕНІЯ. ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОСТИ И СЛАВЫ, СУДЬБЫ И ПРИЗВАНІЯ (DE CLARIS MULIERIBUS, DE CASIBUS VIRORUM ILLUSTRIUM, VITA DI DANTE).

I.

Съ памятниками латинской эрудиціи Боккаччьо намъ предстоитъ познакомиться; въ нихъ мы откроемъ Боккаччьо-гуманиста. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности точно установить ихъ хронологическую послѣдовательность, чтò было-бы такъ важно для внутренней исторіи ихъ автора. Матеріалъ для нихъ могъ собираться одновременно; какимъ образомъ, на это указываютъ выдержки и замѣтки рабочей тетради Боккаччьо, но самъ планъ его трудовъ вызывалъ приращенія, и онѣ являлись по мѣрѣ накопленія новыхъ данныхъ. Такимъ образомъ Боккаччьо работалъ надъ своими Генеалогіями Боговъ въ теченіи болѣе, чѣмъ двадцати лѣтъ, но и другіе его ученые труды могли быть написаны такимъ-же образомъ. На сколько это матеріальное приращеніе знаній сопровождалось такимъ-же ростомъ въ области мысли и нравственныхъ убѣжденій — отвѣтить на это мы не съумѣемъ, но всѣ латинскія писанія Боккаччьо производятъ впечатлѣнія одного цѣлаго, проникнутаго тѣмъ-же настроеніемъ, отвѣчающаго одному и тому-же складу мысли; взятыя огуломъ, онѣ характеризуютъ намъ Боккаччьо отъ начала 50-хъ до начала 70-хъ годовъ.

Раньше всѣхъ затѣяны были Генеалогіи Боговъ; работы надъ ними начаты были ранѣе 1350-го года, когда Беккино Беллинчьоне еще разъ поощрилъ Боккаччьо, отъ имени короля Гуго, къ продолженію труда [1]). Гуго скончался въ 1359-мъ году; изъ

6) Сл. выше т. I, стр. 96, II, 106—7.

посвятительнаго письма къ нему, открывающаго Генеалогіи, видно, что уже въ это время либо онѣ были написаны вчернѣ, либо ихъ планъ и распредѣленіе матеріала сознательно продуманы [1]), но уже свѣдѣнія по греческой миѳологіи, внесенныя въ 4-ую главу 1-й книги со словъ Леонтія Пилата, указываютъ на болѣе позднее время: съ Пилатомъ Боккаччьо познакомился лишь лѣтомъ 1359-го года, и почти три года (до ноября 1361) жилъ съ нимъ, учась у него по гречески [2]).—Позднѣе, уступая просьбѣ Гуго да Санъ-Северино, Боккаччьо позволилъ ему списать свои Генеалогіи, но съ тѣмъ, чтобы не распространять ихъ безъ тѣхъ поправокъ, которыя авторъ вносилъ въ свой собственный экземпляръ; еще въ 1372 году онъ проситъ исправленій къ своему труду [3]), который постоянно возилъ съ собою, работая надъ нимъ съ цѣлью—удалить изъ него, что оказалось бы непристойнымъ [4]), и передѣлать стиль. Не смотря на все это и въ послѣдней редакціи остались недосмотры: такъ въ l. IV, с. 44 и l. XIV, с. 10 упоминается о De Vita Solitaria Петрарки (нап. въ 1346—66 гг.), во второмъ случаѣ и о De Remediis, тогда какъ въ XV, 6 о послѣднемъ трудѣ сказано, что онъ еще имѣетъ появиться въ свѣтъ; онъ оконченъ былъ въ 1366-мъ году; Боккаччьо не согласилъ двѣ разновременныя записи, какъ и разнорѣчивыя свѣдѣнія о недавнемъ [6]) и давнишнемъ [7]) вѣнчаніи Петрарки. Такъ и о Леонтіи Пилатѣ говорится, какъ будто онъ еще живъ [8]), тогда какъ онъ погибъ въ 1366-мъ году. Указаніе XV, 13, что еще находятся въ живыхъ Беккино Беллинчьони и Павелъ Геометръ († 1367), посредники между Боккаччьо и заказчикомъ труда, королемъ Гуго, можетъ относиться лишь ко времени до 1359-го года (года

1) Сл. Corazzini, стр. 223—4.
2) Сл. Gaspary, Literaturblatt 1881, № 1, стр. 24.
3) Сл. выше, т. I, стр. 103—4.
4) Amovere ab eo quasdam notas, ut rebar, illecebres.
5) Nuper, XV, 6; сл. то-же VI, 53.
6) VIII, 29: jam pridem.
7) XIV, 8: affirmat Leontius; XV, 6: aspectu horridus homo *est*.

смерти Гуго), ибо ссылаясь на нихъ, Боккаччьо держитъ рѣчь королю. Эти личныя обращенія идутъ черезъ всю книгу, сочетаясь съ фактами, которыхъ Гуго уже не могъ быть свидѣтелемъ. Въ одномъ изъ подобныхъ обращеній [1]) говорится, что до Генеалогій боговъ ни одно изъ сочиненій Боккаччьо не было обращено къ какому-бы то ни было лицу, кромѣ Буколики, посвященной Донату дельи Альбанцани; но собраніе эклогъ предполагаетъ неаполитанскую поѣздку Боккаччьо въ 1361—2-мъ годахъ, послѣдняя *посвятительная* эклога, представляющая автора живущимъ въ Чертальдо, относится, вѣроятно, къ 1363-му году. Это свѣдѣніе, странное своею небрежностью или — неряшливостью, осталось и въ послѣднемъ, дошедшемъ до насъ текстѣ Генеалогій.

Такимъ образомъ работа надъ Генеалогіями боговъ продолжалась приблизительно отъ 1350-го до 1372-го года. Въ предисловіи къ своему Географическому Словарю (De Montibus) авторъ говоритъ, что писалъ его въ часы отдыха и для развлеченія отъ другой большой работы [2]). Если подъ послѣдней разумѣть Генеалогіи, что̀ вѣроятно, ибо это, въ самомъ дѣлѣ, самый значительный трудъ Боккаччьо, то словарь составился одновременно съ нимъ, изъ отбросовъ чтеній, на пользу тѣхъ, кто примется за древнихъ поэтовъ и историковъ. Этимъ объясняются ссылки на словарь, встрѣчающіеся уже въ Генеалогіяхъ [3]).

Третій трудъ Боккаччьо: О роковой участи великихъ людей (De Casibus virorum illustrium), посвященный имъ въ 1374-мъ году Майнардо деи Кавальканти, написанъ былъ задолго до этого времени: онъ лежалъ у меня втунѣ, говорится въ предисловіи [4]); могъ составляться съ перерывами; IX книга сс. 24 и 27 предполагаетъ битву при Пуатье и плѣнъ короля Іоанна; судя по 23-й главѣ той-же

1) XV, 13.
2) A labore quodam egregio.
3) l. VII, cc. 30 и 50.
4) Corazzini, стр. 363.

книги работа была закончена до 1363—4-го г. и до боккаччьевской Vita di Dante; именно въ этой главѣ, увидѣвъ призракъ Данте, Боккаччьо обращается къ нему съ вопросомъ: Ужь не хочешь-ли ты, чтобы я разсказалъ о твоемъ именитомъ родѣ, твоихъ дѣлахъ, долгомъ изгнаніи и смерти подъ чужимъ небомъ? Но ты вѣдь знаешь, дорогой отецъ, что мои плечи слишкомъ слабы для такой ноши. — Послѣ жизнеописанія Данте эти слова были бы непонятны.

Наконецъ: Книга объ Именитыхъ женщинахъ (De Claris Mulieribus) кончена была, судя по біографіи королевы Джьованны, между маемъ и декабремъ 1362-го года. О Джьованнѣ сказано, что она много натерпѣлась отъ грубости своихъ мужей; это можетъ относиться къ Андрею и Людовику Тарентскому († въ маѣ 1362 г.), не къ третьему мужу королевы, Якову Майоркскому, о которомъ Боккаччьо былъ лестнаго мнѣнія. Джьованна вышла за него въ декабрѣ 1362-го года.—Въ посвященіи труда Андреѣ, сестрѣ Никколò Аччьяйоли, она названа графиней Монтеодоризіо, по первому мужу, и Альтавилла, по второму, чтò относитъ насъ ко времени послѣ 1357-го года, ибо въ этомъ году графиня носила лишь первый титулъ [1]); но судя по Генеалогіямъ Боговъ, если возможно пользоваться ихъ смѣшанными хронологическими показаніями, до Буколики ни одна книга Боккаччьо не носила посвященія [2]); въ такомъ случаѣ посвященіе Андреѣ написано не ранѣе 1363-года. Введеніе позволяетъ заключить, что De Casibus еще не было обнародовано: древніе писали о великихъ людяхъ, но кратко [3]), говоритъ Боккаччьо, теперь пишетъ о нихъ, пространнѣе и краснорѣчивѣе [4]), мой учитель, знаменитый поэтъ Франческо Петрарка. Подразумѣвается De Viris illustribus Петрарки, начатыя въ Воклюзѣ, не конченныя еще въ 1355-мъ году; друзья

1) Hortis, Studi, стр. 89, прим. 2.
2) Сл. выше стр. 211.
3) Sub compendio.
4) Acutiori stylo.

поэта никогда не видѣли ихъ, Боккаччьо, повидимому, слышалъ объ ихъ первомъ планѣ, обнимавшемъ великихъ людей всѣхъ странъ и временъ [1]), впослѣдствіи ограниченномъ героями древности, преимущественно римской [2]). Съ другой стороны едва-ли можно предположять, что Боккаччьо умолчалъ о своемъ De Casibus—изъ скромности. Но есть и другой признакъ, указывающій на болѣе раннее составленіе De Claris Mulieribus: въ главѣ 102 Констанція (жена императора Генриха VI) названа ошибочно дочерью короля Вильгельма II; уже рабочая тетрадь даетъ вѣрное свѣдѣніе, такъ и De Casibus l. IX, c. 14: здѣсь Констанція—дочь Рожера I-го, при чемъ замѣчено только, что по мнѣнію иныхъ, ея отцемъ былъ Вильгельмъ II-й [3]).—Наконецъ въ главѣ о Дидонѣ [4]) упоминаніе Мессалины сопровождается замѣчаніемъ: объ этомъ я скажу въ другомъ мѣстѣ [5]), очевидно, въ De Casibus VII, 3.—Нѣкоторыя данныя указываютъ на знакомство съ Леонтіемъ Пилатомъ (послѣ 1359 года). Если свѣдѣнія о Карментѣ-Никостратѣ [6]) повторены въ Gen. Deor. l. V, 51, съ ссылкой на Теодонція и, въ подтвержденіе его, на Леонтія Пилата, то, по отношенію къ De Claris Mulieribus, послѣдній не обязателенъ: авторъ могъ знать тогда одного Теодонція по извлеченіямъ у Паоло изъ Перуджіи; но въ главѣ 38-й ссылка на Ликофрона, почерпнута, очевидно, изъ вторыхъ рукъ, а изъ соотвѣтствующаго мѣста Gen. Deor. V, 44 явствуетъ, что его цитовалъ Леонтій. Онъ-же различалъ двухъ Минервъ, дочерей перваго и второго Юпитера, какъ видно изъ Gen. Deor. II, 3 и V, 48; Боккаччьо дѣлаетъ то-же въ Генеалогіяхъ, но въ De Claris Mulieribus гл. 6 онъ еще стоитъ на точкѣ зрѣнія простодушнаго синкретизма,

1) Ex omnibus terris ac saeculis, Fam. VIII, 3, 1349 года.

2) De Nolhac, Le De viris illust. de Petrarque, стр. 6, 19, 43, 45.

3) Сл. выше стр. 104.

4) Гл. 40.

5) Sed de hoc alias.

6) Гл. 25.

какъ и въ гл. 8, смѣшивающей Изиду съ Іо, тогда какъ въ Генеалогіяхъ [1]) Теодонцій и Леонтій уже научили его сомнѣнію.

Предыдущія соображенія опредѣляютъ порядокъ, въ которомъ мы обратимся къ разбору латинскихъ трудовъ Боккаччьо: De Claris mulieribus, De Casibus, Генеалогіи боговъ и Географическій словарь. Отъ De Casibus неотдѣлима и по времени, и по замыслу біографія Данте.

II.

Уже по самому настроенію своему Книга объ Именитыхъ женахъ примыкаетъ къ Корбаччьо, это какъ бы поправка къ нему. Въ Корбаччьо женщины глубоко принижены; если между ними являются великіе и мужественные умы, то это ошибка природы [2]); достойныя женщины — рѣдкость, которую подобаетъ превозносить тѣмъ болѣе, но въ этихъ похвалахъ не находили надобности наши прадѣды, да и намъ не придется прибѣгать къ нимъ: скорѣе почернѣетъ лебедь, чѣмъ наши женщины обратятся на правый путь.

Въ De Claris muliribus эта крайняя точка зрѣнія смягчена и расширена: правоучительное настроеніе то-же, что и въ Корбаччьо, то-же порицаніе любви, расточаются похвалы дѣвственности, супружеской вѣрности, но рядомъ съ добродѣтельными женами являются и просто именитыя, хотя бы и порочныя, но порочныя героически, замѣчательныя умомъ, интересныя своей судьбой, біографіей, вообще прославленныя. Какъ и въ Корбаччьо женщина поставлена ниже мужчины, тѣмъ больше возбуждаетъ удивленіе стяжанная ею слава. Не нравственное содержаніе, а именно *слава* объединяетъ понятіе «именитыхъ женщинъ»; и добродѣтель и порокъ одинаково вызываютъ нравствен-

1) IV, 46; VII, 22.

2) Сл. De Claris Mul., c. 91: по поводу Либерты Epicaris.

ный урокъ, и, какъ въ Декамеронѣ, Боккаччьо не избѣгаетъ откровенности, приглашая читательницу сорвать розу, минуя шипы.

«Недавно, удалившись нѣсколько отъ бездѣльной толпы и почти не занятый [1]), я написалъ книжку въ особую похвалу женскаго пола, на утѣху друзьямъ, скорѣе, чѣмъ на великую пользу обществу» [2]). Такъ начинается посвятительное письмо Боккаччьо къ Андреѣ Аччьяйоли [3]). Онъ колебался, къ какой дамѣ направить свой трудъ, чтобы ея именемъ обезпечить его успѣхъ въ публикѣ. Ему представилась королева Іоанна, «блестящее свѣтило Италіи, слава не только женщинъ, но и королей», именитая не только предками, а и своею собственною доблестью [4]); но его трудъ слишкомъ мелокъ и ничтоженъ, и его полуживая искорка потускнѣла бы въ блескѣ королевскаго величія — и, устрашившись, онъ измѣнилъ своему намѣренію и обращаетъ свой трудъ къ Андреѣ Аччьяйоли: ему припомнились ея почтенные нравы, цѣломудріе [5]) — высокое украшеніе женщинъ, даръ изящнаго слова [6]) и сила ума, которыми она далеко превосходитъ остальныхъ женщинъ, ибо что природа не дала слабому полу, то Господь восполнилъ въ ней по своей щедрости; не даромъ ея имя Андрея, ибо ἄνδρες по гречески то-же, что по латыни мужи [7]). Пусть милостиво приметъ даръ ученаго [8]), его посвященіе принесетъ ей въ потомствѣ не менѣе славы, чѣмъ графскіе титулы, чтеніе вызоветъ къ соревнованію съ доблестями древнихъ женъ. Если ты встрѣтишь сладострастное, примѣшанное къ святынѣ [9]), чего я

1) A caeteris fere solutus curis.
2) Reipublicae.
3) Сл. выше т. I, стр. 186; т. II, стр. 212.
4) Novis a se forti pectore quaesitis laudibus.
5) Honestatem eximiam.
6) Verborum elegantiam.
7) Homines.
8) Scholastici hominis.
9) Lasciviam. . . . immixtam sacris.

не могъ исключить [1]), не опускай его и не ужасайся, а подобно тому, какъ, войдя въ садъ, ты протягиваешь бѣлоснѣжныя ручки [2]) къ цвѣтку, устраняя колючіе шипы, такъ, отбросивъ нескромное [3]), собирай лишь достойное хвалы и подражанія [4]); ты цвѣтешь молодостью и красотой, не дай никому превзойти себя въ добродѣтеляхъ; ими умножается красота, а не притираніями [5]), какъ полагаютъ многія женщины. Такъ поступая, ты не только обрѣтешься въ числѣ прославленныхъ [6]) въ этой бренной жизни, но, по милости подателя благъ, пріобщишься по смерти къ вѣчному свѣту. А мой трудъ, ободренный тобою, пройдетъ въ люди, не боясь злословія [7]), и вмѣстѣ съ славой другихъ именитыхъ женщинъ, распространитъ и твою, среди современниковъ (ибо не всѣмъ ты можешь быть извѣстна лично) и на вѣки.

Въ введеніи къ своему труду Боккаччьо объясняетъ, что̀ было ему поводомъ приняться за него: о великихъ мужахъ писали многіе, о замѣчательныхъ женщинахъ никто — и это удивительно. Если онѣ обнаружили мужественный духъ, геніальность [8]) и доблесть подвига, онѣ тѣмъ болѣе достойны похвалъ, что по природѣ изнѣженны [9]), слабы физически и недѣятельны умомъ [10]). Вотъ этотъ недочетъ авторъ и желалъ восполнить: къ женщинамъ добродѣтельнымъ онъ присоединяетъ и тѣхъ, которыхъ храбрость [11]), умъ, изобрѣтательность [12]), дары природы,

1) Quod ut facerem recidendorum coëgit opportunitas (?).

2) Eburneas manus.

3) Obscenis sepositis.

4) Сл. тотъ-же образъ Дек. V, 10; Gen. Deor. XIV, 22. Сл. выше т. I, стр. 504, прим. 6.

5) Pigmentis.

6) Fulgidas.

7) Ab insultibus malignantium tutus.

8) Ingenio celebri.

9) Mollities insita.

10) Corpus debile ac tardum ingenium.

11) Audacia.

12) Industria.

либо счастливая или несчастная судьба сдѣлали извѣстными [1]); наконецъ и тѣхъ, которыя, лично не совершивъ ничего, достойнаго памяти, были для другихъ великимъ побужденіемъ къ подвигамъ [2]). Такимъ образомъ рядомъ съ Пенелопой, Лукреціей, Сульпиціей очутятся Медея, Флора, Семпронія, великія, хотя и вредоносныя духомъ [3]), потому что, говоритъ Боккаччьо, я разумѣю понятіе славы [4]) не въ тѣсномъ смыслѣ доблести [5]), но съ позволенія читателей [6]), въ болѣе широкомъ, почитая именитыми всѣхъ женщинъ, прославившихся, по общему отзыву [7]), какимъ-бы ни было дѣломъ; вѣдь и среди Леонидовъ, Сципіоновъ, Катоновъ и Фабриціевъ я часто встрѣчалъ, читая, мятежныхъ Гракховъ, двуличнаго [8]) Аннибала, предателя Югурту, Силлу и Марія, обагренныхъ кровью гражданъ, богатаго и стяжательнаго Красса и тому подобныхъ. Прославленіе того, что достойно похвалы, порицаніе недостойныхъ, будетъ во славу доблестнымъ [9]), на позоръ косныхъ духомъ [10]); авторъ обѣщаетъ перемѣжать свое повѣствованіе общими мѣстами, поощреніями къ добродѣли [11]), нареканіями противъ пороковъ, соединяя пріятное съ полезнымъ. Разсказывать онъ будетъ не по старому [12]), не кратко, а пространно, собирая все, что найдетъ въ достовѣрныхъ источникахъ, ибо это интересно не только женщинамъ, но и мужчинамъ, да и женщины по большей части не знаютъ исторіи [13]), и имъ надлежитъ разсказывать подробно, онѣ тѣмъ довольны. За исключе-

1) Notabiles.
2) Causas.... maximas facinoribus praebuere.
3) Quibus praegrande sed perniciosum forte fuit ingenium.
4) Claritatis nomen.
5) Ut semper in virtutem videatur exire.
6) Bona cum pace legentium.
7) Orbi vulgato sermone.
8) Versipellem.
9) Generosis.
10) Ignavis.
11) Lepida blandimenta virtutis.
12) More prisco.
13) Ut plurimum historiarum ignarae sunt.

ніемъ Еввы, всѣ «святыя женщины», еврейки и христіанки, исключены изъ числа другихъ, славныхъ: онѣ къ нимъ не подходятъ, имъ не равномѣрны [1]), ибо стремясь къ вѣчной, истинной славѣ, слѣдуя святымъ велѣніямъ и примѣру своихъ наставниковъ, онѣ попрали человѣческое естество [2]), тогда какъ тѣ обнаружили силы своего духа, дѣйствуя по природному побужденію, влекомыя жаждой земной славы [3]) или судьбой. Святыя не только вѣчно прославлены, но и нашли достойныхъ жизнеописателей; о тѣхъ, другихъ, никто еще не говорилъ — и Боккаччьо молитъ Господа благословить его трудъ [4]), предпринятый во славу его.

Изъ 104 главъ De Claris Mulieribus [5]) первая отдана Еввѣ, одна [6]) собственно еврейской древности, четыре [7]) среднимъ вѣкамъ, двѣ [8]) близкому къ Боккаччьо времени, его современности; послѣдняя глава посвящена королевѣ Джьованнѣ: ею кончается рядъ именитыхъ женщинъ, начатой Еввой. Въ заключеніе своей книги Боккаччьо особо указываетъ на этотъ параллелизмъ; идти далѣе, въ новое время, когда такъ мало достойныхъ женъ [9]), онъ не желалъ, если кого опустилъ, то и не имѣлъ въ виду перечислять всѣхъ, если о комъ сказалъ неладно, то объясняется это недостаткомъ свѣдѣній [10]) и, можетъ быть, излишнимъ увлеченіемъ автора [11]), не мало потрудившагося надъ обработкою своего текста, чему свидѣтельствомъ дошедшіе до насъ отрывки его первой редакціи [12]).

1) Nec aequo incedere videntur gradu.

2) Sese fere in adversam persaepe humanitatis tolerantium coegère.

3) Momentanei fulgoris cupiditate.

4) Pio operi.

5) Въ печатныхъ изданіяхъ (или уже въ рукописяхъ?) вставлена еще глава, по порядку предпослѣдняя (104): о Брунгильдѣ. Она перенесена цѣликомъ изъ De Casibus IX, 1.

6) Гл. 85.

7) Гл. 99—102.

8) Гл. 103, 105.

9) Perrarus rutilantium numerus.

10) Ignorantia rerum.

11) Circa opus suum nimia laborantem affectio.

12) Hortis, Studi, стр. 111 слѣд.

Свѣдѣнія принадлежатъ, главнымъ образомъ, греко-римскому міру, почерпнуты изъ источниковъ, какіе доступны были автору [1]) и предполагались «достовѣрными». Степень этой «достовѣрности» зависитъ отъ выработанности критическихъ пріемовъ. Каковы онѣ были у Боккаччьо и современныхъ ему гуманистовъ, мы отчасти знаемъ [2]): критика ощупью, зависимость отъ слова — и ошибокъ рукописи, вѣроятность, принятая за достовѣрность, если она раціональна и не противорѣчитъ общимъ взглядамъ. Нерѣдко все ограничивается сопоставленіемъ нѣсколькихъ показаній [3]), либо отдается преимущество одному, по чисто личнымъ соображеніямъ: вѣроятнымъ кажется напр., что Венера вышла замужъ за Вулкана, прежде чѣмъ за Адониса [4]), не вѣрится, чтобы Амалтея была тождественна съ Деифобой [5]); сохранилась память объ одномъ изобрѣтеніи Памфилы [6]), объ одномъ лишь храбромъ дѣяніи Тріаріи [7]) — но, несомнѣнно, онѣ прославились и бо̀льшимъ, какъ напр. Европа, судя по тому, что ея именемъ названа часть свѣта и Пиѳагоръ поставилъ ей статую [8]); увѣренность въ цѣломудріи Пенелопы заставляетъ отвергнуть противоположное свидѣтельство Ликофрона [9]); вопросъ объ отождествленіи Флоры и Акки Лавренція разрѣшается и еще проще: такъ это, или нѣтъ, меня не интересуетъ, говоритъ Боккаччьо, вѣрно одно — что Флора была женщина свободнаго поведенія и богата [10]); го-

1) Валерій Максимъ, Юстинъ, Орозій, Плиній, Лактанцій, Цицеронъ, Овидій, Виргилій съ комментаріемъ Сервія, Гигинъ, Солинъ, Мела, Макробій, Фульгенцій, Витрувій, Ливій, Іосифъ Флавій, Светоній, Тацитъ, Scriptores Historiae Augustae.

2) Сл. выше стр. 89 слѣд.

3) Гл. 2, 28, 62, 100.

4) Гл. 7.

5) Гл. 24.

6) Гл. 42.

7) Гл. 94.

8) Гл. 9.

9) Гл. 38: Lycophron quidam novissimus poetarum ex graecis. Сл. Gen. Deor. l. V, c. 44: по Леонтію Пилату, ссылавшемуся на Ликофрона.

10) Гл. 62.

ворятъ иные, что Минервъ была не одна, а нѣсколько: съ ними я охотно соглашусь, тѣмъ болѣе будетъ знаменитыхъ женщинъ [1]). — Когда дѣло заходитъ о богиняхъ и героиняхъ миѳа, критика принимаетъ субъективный характеръ, но это дѣло школы. — Если въ Генеалогіяхъ Боговъ Боккаччьо понимаетъ миѳологію шире, допуская и натуралистическое толкованіе, то въ книгѣ объ Именитыхъ женщинахъ онъ чистый евгемеристъ. Эта разница освѣщеній подсказана, очевидно, и чтеніемъ Лактанція, и самымъ содержаніемъ труда: только при евгемеристической точкѣ зрѣнія въ немъ открывалось мѣсто для Юноны, Минервы, Венеры; всѣ онѣ смертныя жены, чѣмъ нибудь прославленныя, увѣковѣченныя воспоминаніемъ, возведенныя въ ликъ божества; миѳъ есть результатъ забвенія, поэтической аллегоріи; его символы толкуются раціоналистически. Опсъ (она-же Рея или Кибела) была дочерью Урана, могущественнаго между греками человѣка, но людское заблужденіе и наущеніе дьявола сдѣлали ее богинею [2]). Церера была властительницей Сициліи [3]); Минерва впервые объявилась при царѣ Огигесѣ, ея происхожденіе покрыто тайной, творила она многое, дотолѣ невиданное, почему у мудрыхъ людей того времени и сложились басни; что родилась она безъ матери, изъ головы Юпитера. Ея изобрѣтенія побудили признать въ ней богиню мудрости и соотвѣтственно изображать ее: свирѣпый взглядъ [4]), ибо рѣдко познается, что измышляетъ умъ мудраго [5]); шлемъ на головѣ: такъ сокровенны его измышленія; броня—ибо мудрый человѣкъ всегда вооруженъ противъ ударовъ судьбы и т. д. [6]). Венера уроженка Кипра [7]); Изида или Іо, египетская царица, миѳъ объ ея обращеніи въ

1) Гл. 6.

2) Гл. 3; сл. Gen. Deor. III, 2, гдѣ Опсъ — дочь Урана = Целія.

3) Гл. 5; сл. Gen. Deor. III, 4.

4) Oculis torvam.

5) Eo quod raro noscatur in quam finem sapientis tendat intentio.

6) Гл. 6; сл. Gen. Deor. l. II, c. 3 и l. V, c. 48.

7) Гл. 7; сл. Gen. Deor. III, 28; Lact. Div. Inst. I, 17.

корову — продуктъ искаженія: дѣло идетъ объ изображеніи коровы на кораблѣ, на которомъ удалилась Іо [1]); соотвѣтственно толкуется и быкъ, унесшій Европу [2]). Ніоба точно окаменѣла съ горя, потомъ стали разсказывать, что она окаменѣла въ самомъ дѣлѣ [3]); такъ объяснили себѣ и вліяніе красоты Медузы: такова была чарующая сила ея глазъ, что на кого она взглянула милостиво, тотъ стоялъ недвижимъ, какъ-бы не помня себя [4]); Эзонъ помолодѣлъ отъ радости, не отъ чаръ Медеи [5]); если о Цирцеѣ разсказывается, что она обратила мужчинъ въ звѣрей, то такихъ Цирцей много: таково дѣйствіе сладострастія и порочности; Улиссъ, слѣдовавшій совѣту Меркурія, означаетъ разумнаго мужа [6]). Флора, римская блудница, очутилась нимфой Хлорой, супругой Зефира, затѣмъ богиней Флорой [7]). — Все это навожденіе дьявола: имъ объясняется прозорливость Манто, Кассандры [8]) — если это не божій даръ, потому что еритрейская и кумская сивиллы [9]), очевидно, излюблены были Богомъ.

Изъ четырехъ главъ, посвященныхъ среднимъ вѣкамъ, три воспроизводятъ народное, отчасти устное преданіе, безъ всякой попытки критики. Легенда о папессѣ Іоаннѣ [10]), впервые объявляющаяся во второй половинѣ XII-го вѣка, перенесшая на римскія отношенія то, что разсказывалось о византійской патріархиссѣ, представлена у Боккаччьо въ особомъ пересказѣ, обличающемъ такое именно устное происхожденіе. Въ своихъ De Casibus Virorum Illustrium онъ повторилъ ее въ иномъ изло-

1) Cui vacca esset insigne, c. 8. Сл. Gen. Deor. V, 46. Сл. Lact. Div. Inst. I, c. 11: то-же объ Isis = Io.

2) Гл. 9; сл. Com. ed. Milanesi v. I, стр. 437; Lact. Div. Inst. I, 11.

3) Гл. 14; сл. Gen. Deor. XII, 2: статуя Ніобы естественно покрывается влагой отъ осажденія паровъ; оттуда и миѳъ.

4) Гл. 20; сл. Gen. Deor. X, 10.

5) Гл. 16; сл. Gen. Deor. XIII, 25.

6) Гл. 36.

7) Гл. 62; сл. Gen. Deor, IV, 61; Lact. Div. Inst. I, 20.

8) Гл. 28, 33.

9) Гл. 19, 21.

10) Гл. 99.

женіи; одна мелкая подробность, касающаяся годовъ папства, видимо подтверждаетъ мнѣніе, что De Casibus оконченъ позже книги о Знаменитыхъ женщинахъ: здѣсь сказано, что Іоанна правила церковью нѣсколько лѣтъ [1]), въ De Casibus, что въ теченіи двухъ лѣтъ, семи мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней. Выше [2]) мы отмѣтили такое-же отношеніе текстовъ De Claris Mulieribus и De Casibus въ разсказѣ о Констанціи; Боккаччьо повторилъ народную, завзятую въ своей партійности, легенду о королевнѣ, насильно постриженной и затѣмъ извлеченной изъ монастыря, чтобы стать супругой императора Генриха VI. Такъ разсказывали уже Данте и Фаціо дельи Уберти; Боккаччьо лишь усилилъ краски: Констанціи былъ 30-й годъ, когда она вышла замужъ, у него она очутилась 55-ти лѣтней, морщинистой старухой. — Остается еще разсказъ о Гвальдрадѣ, исторически неточный въ томъ смыслѣ, что Гвальдрада была уже замужемъ, когда явился во Флоренцію Оттонъ IV-й, и не могла быть имъ помолвлена за графа Гвидо; но такое именно смѣшеніе встрѣчается уже у Джьованни Виллани, Боккаччьо слышалъ легенду отъ Коппо ди Боргезе Доменики, на котораго ссылается, повторяя въ Коментаріяхъ къ Божественной Комедіи [3]) разсказъ De Claris Mulieribus [4]).

Отъ пріемовъ критики перейдемъ къ изложенію. Оно неровно, потому что для подробнаго разсказа, который обѣщалъ Боккаччьо, не всегда хватало матеріала; въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ внѣшнему развитію, параллелизму, накопленію реторическихъ вопросовъ, рѣчей [5]) и морализацій. Онъ наивно раскрываетъ намъ тайны своего ремесла въ главѣ о супругахъ Меніевъ [6]): кромѣ одного великодушнаго подвига ничего не

1) Aliquibus annis.
2) Сл. выше стр. 213.
3) Ed. Milanesi v. II, стр. 434—6.
4) Hortis, Studi, стр. 104 слѣд.
5) Рѣчь Ветуріи въ гл. 53.
6) Гл. 29.

сохранила о нихъ завистливая судьба, говоритъ онъ, но я употреблю всѣ силы и какое могу искусство, чтобы достойно восхвалить память безыменныхъ! И онъ украшаетъ стилистически небольшую тему: о любящихъ женахъ, освободившихъ своихъ мужей, занявъ ихъ мѣсто въ тюрьмѣ. Подобныя мелкія, чувствительныя или героическія темы даютъ содержаніе цѣлымъ главамъ: Сульпиція тайно убѣгаетъ изъ подъ присмотра матери, чтобы соединиться съ изгнаннымъ супругомъ [1]); Юлія умираетъ, увидѣвъ одежду мужа, обагренную жертвенной кровью, и вообразивъ, что мужъ убитъ [2]). Попытки характеристики рѣдки [3]), за то Боккаччьо идетъ на встрѣчу эпическому развитію, если найдетъ его въ своемъ сюжетѣ или воспоминаніяхъ. Такъ съ любовью разсказана старая легенда о Пирамѣ и Тисбэ [4]); въ анекдотѣ изъ Іосифа Флавія, напоминающемъ одну изъ новеллъ Декамерона [5]), авторъ ощутилъ себя прежнимъ новеллистомъ: Паолина — цѣломудрая красавица, но простушка до смѣшного [6]), отвергаетъ любовь ухаживавшаго за нею юноши Мунда, который пользуется ея простосердечіемъ, чтобы овладѣть ею. Она особо почитала Анубиса, храмъ котораго ежедневно посѣщала; жрецъ, закупленный Мундомъ, вѣщаетъ ей однажды, что Анубисъ, довольный ея благочестіемъ, желаетъ побесѣдовать съ нею въ храмѣ наединѣ [7]). Паолина, возмнивъ себя святою, вѣритъ этому, увѣрила въ томъ и недалекаго мужа [8]); въ храмѣ ее, сонную, будитъ своими поцѣлуями Мундъ-Анубисъ. Развѣ небожители могутъ, и у нихъ въ обычаѣ смѣшиваться со смертными? спрашиваетъ Паолина; Мундъ отвѣчаетъ указаніемъ на Юпитера и Данаю, отъ которой родился Персей, взятый вп-

1) Гл. 83.
2) Гл. 79.
3) Сл. гл. 85: Иродъ и Маріамна.
4) Гл. 12.
5) Дек. IV, 2.
6) Ridicula simplicitate sua.
7) Per quietem.
8) Stolidior conjuge.

слѣдствіи на небо — и Паолина соглашается. Уже супругъ радостно поджидаетъ рожденія бога—но Мундъ неосторожно выдаетъ себя: разсчитывая на то, что Паолина и впредь будетъ принадлежать ему, если узнаетъ, что онъ овладѣлъ ею хитростью, онъ какъ-то разъ шепнулъ ей: Радуйся Паолина, что зачала отъ меня — бога Анубиса! Вышло однако не то, на что онъ разсчитывалъ, Паолина все разсказала, и Мундъ и жрецы поплатились [1]).

Очевидно, это одинъ изъ тѣхъ разсказовъ, гдѣ «шипы» всего гуще заслонили искомый въ нихъ цвѣтокъ. Другой, также доразвившійся до новеллы, но скромный разсказъ о Гвальдрадѣ [2]) принадлежитъ флорентійской исторіи: императоръ Оттонъ IV любуется въ церкви красотой и скромнымъ видомъ Гвальдрады, хвалитъ ее ея отцу, а тотъ отвѣчаетъ, улыбаясь: Какова она ни на есть, государь, а коли угодно твоей милости, она тебя поцѣлуетъ. Дѣвушка смутилась, встала и, зардѣвшись, едва вскинувъ глазами на отца и тотчасъ же потупивъ ихъ, сказала: Не говори того, отецъ, ибо клянусь, никто, развѣ силой, не добьется того, что ты щедро предлагаешь, кромѣ человѣка, съ которымъ ты соединишь меня законнымъ бракомъ. Императоръ, хотя и варваръ-германецъ [3]), удивленъ отвѣтомъ дѣвушки, хвалитъ ея негодованіе и тутъ же обручаетъ ее съ однимъ именитымъ юношей, щедро надѣливъ ее приданымъ.

Главы 103 и 105 говорятъ о лицахъ и событіяхъ, которыхъ Боккаччьо былъ свидѣтелемъ или о которыхъ слышалъ отъ современниковъ. Впрочемъ, глава о королевѣ Джьованнѣ [4]) не столько біографическій очеркъ, сколько панегерикъ [5]); глава 103 разсказываетъ о побѣдѣ флота короля Роберта надъ сицилійскимъ, при чемъ взятъ былъ въ плѣнъ Роландъ, побочный сынъ

1) Гл. 89.
2) Гл. 101.
3) Nedum germanica obsistente barbarie.
4) Гл. 105.
5) Сл. выше т. I, стр. 388—9.

короля Сициліи Фридриха. Другихъ плѣнниковъ выкупили, его забыли; въ Мессинѣ жила тогда богатая вдова Каміола, родомъ изъ Сіэны, она сжалилась надъ юношей, но для сохраненія своего достоинства, ей не было другаго средства выкупить его, какъ предложивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и свою руку. Онъ согласился и даже обручился съ ней черезъ прокуратора, но по выходѣ изъ тюрьмы уклонился отъ брака, какъ будто о немъ не было и рѣчи. Каміола уличила его въ присутствіи судьи, сославшись на подпись и свидѣтелей. Онъ сознался въ своей винѣ, но когда побуждаемый и укоряемый друзьями и братьями, сталъ упрашивать Каміолу совершить свадьбу, она отвѣтила ему презрѣніемъ, въ пространной рѣчи, въ которой Боккаччьо показалъ свое реторическое искусство: Я благодарю Бога, что познала тебя прежде, чѣмъ стала твоей женой, говоритъ она; ты полагалъ, что, забывъ свое положеніе, я позарилась на царственнаго юношу, на твою красоту, и согласился быть моимъ мужемъ, чтобы потомъ наглумиться надо мною. Теперь твое коварство обнаружено, всѣмъ стало ясно, можно-ли довѣриться тебѣ, чего отъ тебя надѣяться, чего бояться; я потеряла золото, ты честь, я надежду, ты любовь короля и друзей. Не воображай себѣ однако, что я пожелала выкупить тебя ради тебя самого: меня побуждала къ тому и память благодѣяній, оказанныхъ твоимъ отцемъ моему — если отцемъ твоимъ былъ въ самомъ дѣлѣ блаженной памяти король Фридрихъ; только мнѣ не вѣрится, чтобы у столь именитаго властителя былъ такой недостойный сынъ. Сознаюсь: не пристало мнѣ, простой женщинѣ—вдовѣ, имѣть мужемъ королевича, красиваго, статнаго юношу; но скажи, куда дѣлись всѣ эти преимущества, когда ты, забытый всѣми, пребывалъ въ неволѣ? Тогда я казалась тебѣ достойной не только тебя, но и бога. Теперь ты забылъ объ этомъ, а вѣдь я — та-же Каміола, выкупившая тебя изъ плѣна. Да, я не царскаго рода, но съ дѣтства [1]) водилась съ царскими женами, немудрено было проникнуться ихъ нравами:

1) Ab incunabulis.

этого достаточно, для благородства [1]). Но я облегчу тебѣ то, въ чемъ ты ставилъ мнѣ затрудненія. Ты былъ моимъ и отрицался того; теперь пусть останется за тобой твое царское величіе, запятнанное обманомъ [2]), твоя юношеская сила и бренная красота; я довольна своей вдовьей долей, и богатства, дарованныя мнѣ Богомъ, достанутся болѣе достойнымъ наслѣдникамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ я имѣла бы отъ тебя.

Рѣчь Каміолы можетъ дать понятіе о той стилистической обработкѣ, какую получалъ въ рукахъ Боккаччьо избранный имъ сюжетъ, какого бы онъ ни былъ происхожденія, вычитанный или воспринятый по слухамъ. О Каміолѣ ему, очевидно, разсказали свѣдущіе люди, во флотѣ короля Роберта были не только солдаты [3]), но и волонтеры изъ народа; «повѣрь мнѣ въ этомъ» [4]), говоритъ Боккаччьо. И въ другихъ біографіяхъ видны слѣды воспоминаній и увѣренности современника, очевидца: гору въ Италіи, гдѣ будто бы жила Цирцея, мы до сихъ поръ зовемъ Monte Circio [5]); римскій обычай, освященный преданіемъ о матери Коріолана: вставать, когда проходятъ женщины, держится и теперь [6]); описаніе портретнаго изображенія императрицы Фаустины на сохранившихся по нынѣ монетахъ свидѣтельствуетъ о личномъ впечатлѣніи: нѣтъ выраженія [7]), движенія глазъ, живыхъ красокъ лица и улыбки, но очертанія говорятъ о прежней красотѣ [8]).

Точка зрѣнія, опредѣлившая выборъ именитыхъ женщинъ, уже знакома намъ изъ введенія [9]): болѣе извѣстныя, чѣмъ славныя; въ гл. 48-й Боккаччьо подтверждаетъ ее снова по поводу

1) Quod satis est ad nobilitatem assumendam regiam.

2) Infidelitatis.... nota foedata.

3) Conductus miles.

4) Mihi crede.

5) Гл. 36; Gen. Deor. IV, 14; De Montibus a. v. Appenninus и Circes.

6) Гл. 53: quod nostra in patria ritu veteri servatur hucusque.

7) Oris habitus.

8) Гл. 96.

9) Сл. выше стр. 216—17.

исторіи Леэны: онъ имѣетъ въ виду не однѣхъ только цѣломудрыхъ женъ, но и вообще славныхъ; къ тому-же мы такъ обязаны чтить доблесть[1]), что не только восхваляемъ ее, когда онъ пребываетъ въ достойномъ мѣстѣ[2]), но должны поставить ее въ подобающій ей свѣтъ, когда она погрязла въ порокѣ — ибо она всегда драгоцѣнна, и порокъ не сквернитъ ее, какъ грязь не пятнаетъ освѣтившій ее солнечный лучъ[3]). Потому, если мы обрѣтемъ ее въ человѣкѣ, преданномъ позорному занятію[4]), намъ слѣдуетъ порицать занятіе, не умаляя хвалы доблести, тѣмъ болѣе достойной удивленія, чѣмъ менѣе мы ее ожидаемъ.

Согласно съ этимъ у Боккаччьо болѣе славныхъ женщинъ, чѣмъ добродѣтельныхъ. Особыя похвалы расточаются цѣломудрію[5]), женской стыдливости, дѣвственности[6]), супружеской[7]) и сыновней любви[8]), величію духа, смѣлости и рѣшимости, мужеству[9]), передъ которыми иные мужчины оказываются «зайцами въ шлемахъ»[10]): таковъ богатырскій типъ Пентезилеи[11]) и блестяще развитой, воинственной и цѣломудренной Зенобіи[12]); Дидона на языкѣ финикійцевъ то-же, что virago[13]). Всюду моментомъ сравненія являются мужчины: того-бы не совершить и мужчинѣ — лучшая похвала женщинѣ; если благодаря своему дарованію, искусству или божественному наитію женщина достигаетъ великаго (говорится по поводу Амалтеи), то мужчины, богато ко

1) Adeo virtuti obnoxii sumus.

2) Insigni loco consitam.

3) Сл. Дек. заключеніе автора: «слова и не особенно приличныя не могутъ загрязнить благоустроенный умъ, развѣ такъ, какъ грязь мараетъ солнечные лучи»; сл. пер. II, стр. 333.

4) Detestabili officio.

5) Гл. 38, 40, 46, 51, 61, 65, 71, 78, 98.

6) Гл. 19, 28, 37, 64.

7) Гл. 27, 29, 76, 79—81, 92, 94.

8) Гл. 15, 60, 63.

9) Гл. 31, 50, 59, 68—70, 75, 85, 88, 91, 101.

10) Гл. 30.

11) l. c.

12) Гл. 98.

13) Гл. 40.

всему одаренные, могли бы достигнуть до божества, если бы совлекли малодушіе [1]).

Особую группу славныхъ женщинъ составляютъ изобрѣтательницы: Церера [2]), Минерва [3]), Изида [4]), Арахна [5]), Никострата или Кармента [6]), Памфила [7]). Благодѣянія Цереры, впервые выведшей людей изъ звѣринаго быта въ теченіе культуры, вызываютъ вопросъ: хвалить ли ее за то или осудить? Взвѣшиваются хорошія и худыя стороны культуры и «золотому» вѣку дается перевѣсъ: это та же пессимитическая точка зрѣнія, какъ въ Амето, въ разсказѣ Адіоны [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтеніе Карментой грамоты вызываетъ похвалы, о ея благодѣяніяхъ говорится такъ же восторженно, какъ въ De Casibus Virorum Illustrium [9]) о значеніи человѣческаго слова [10]); это — спеціальная заслуга латинянъ Италіи, ее не отниметъ ни германская хищность (rapacitas), ни галльская дерзость (furor), ни англійское коварство (astutia), ни жестокость (forocitas) испанцевъ: латиняне первые изобрѣли начала грамотности, и чѣмъ далѣе она распространяется, тѣмъ болѣе растетъ слава ихъ имени.

И далѣе идеалъ золотаго вѣка и первобытной невинности меркнетъ передъ прославленіемъ поэзіи и искуствъ: Саффò посвятила себя поэзіи, блескъ которой выше сіянія царскихъ вѣнцовъ [11]), Марція, презрѣвъ женскія занятія [12]) и избѣгая бездѣлья, отдалась живописи [13]), какъ и Тамирисъ [14]), и Бок-

1) Гл. 24.
2) Гл. 5.
3) Гл. 6.
4) Гл. 8.
5) Гл. 17.
6) Гл. 25; сл. Gen. Deor. l. V, 51: по Теодонцію и Леонтію Пилату.
7) Гл. 42.
8) Сл. выше т. I, стр. 278—9.
9) VI, 13.
10) Сл. выше, т. I, стр. 494—5.
11) Гл. 45.
12) Aspernatis muliebribus ministeriis.
13) Гл. 64.
14) Гл. 54.

каччьо превозноситъ ихъ въ сравненіи съ женщинами, интересующимися только веретеномъ и корзиной [1]), воображающими, что онѣ созданы для тунеядства, мужскихъ объятій и рожденія дѣтей, тогда какъ, позанявшись и поработавъ [2]), онѣ могли-бы сравняться съ знаменитыми мужами. Это сказано по поводу поэтессы Корнифиціи [3]) и повторено въ похвалѣ другой поэтессѣ Пробѣ [4]): она могла-бы удовлетвориться, судя по обычаю женщинъ, прялкой, иглой и тканьемъ [5]), но священныя занятія [6]) освободили ее умъ отъ ржавчины косности, и она сподобилась вѣчной славы [7]); пусть поучатся у ней тѣ, которыя предаются сладострастію и бездѣлью, которымъ кажется дѣломъ, что, сидя на постелѣ, онѣ проводятъ время въ глупыхъ разсказахъ [8]), съ утра до вечера занимаясь пустой болтовней и злословьемъ [9]). Пусть подумаютъ, что̀ лучше: снискать ли славу похвальными дѣлами, либо похоронить свое имя вмѣстѣ съ тѣломъ, проживъ, будто не жили?

Остаются жены, славныя не добродѣтелью: Медея, страшный примѣръ древняго коварства [10]), героини сладострастья, красивыя, не знающія стыда [11]), вродѣ императрицы Фаустины, причтенной къ лику богинь, «дабы божественность восполнила ущербы разврата» [12]), или Семіамиры, когда-то продажной женщины [13]), впослѣдствіи «священнѣйшей матери» императора [14]):

1) Equidem laudabile plurimum, si prospectemus fusos et calathos aliarum.
2) Si studiis insudare velint.
3) Гл. 84.
4) Гл. 95.
5) Colus et acus atque textura.
6) Sedula studiis sacris.
7) In lumen evasit aeternum.
8) Fabellis frivolis.
9) Sermones.... nocuos aut inanes blatterando deducere.
10) Гл. 16.
11) Гл. 35, 77, 86, 93.
12) Гл. 96.
13) Inhonesta.
14) Гл 97.

жестокія [1]), «чудовищныя» [2]), жадныя и стяжательныя [3]), въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться: смѣлости или преступности [4]). Съ Гекубой [5]) мы выходимъ изъ области дѣятельнаго героизма: она показательница несчастной доли [6]), Паолина интересна лишь своей смѣшной наивностью [7]), Мегулія Дотата не по себѣ, а щедростью своихъ родителей [8]). Здѣсь понятіе славы незамѣтно переходитъ къ болѣе скромному понятію извѣстности, хотя бы анекдотомъ.

Предупреждая читателя, что понятіе славы шире границъ доблести, Боккаччьо поспѣшилъ оградить себя отъ возможныхъ нареканій: ему придется говорить о порокахъ, но онъ будетъ морализировать. За исключеніемъ нѣсколькихъ общихъ мѣстъ о вредѣ любостяжанія [9]) и о щедрости [10]), о неправедныхъ судьяхъ [11]) и несчастной жаждѣ власти [12]), вся остальная морализація касается женщинъ, выражая, въ положительной и отрицательной своей части, взгляды автора, пережившаго или еще переживавшаго тревожное время Корбаччьо. Иныя выходки, выраженія прямо напоминаютъ этотъ памфлетъ. Общая точка зрѣнія та-же: женщина несовершеннѣе мужчины [13]); тѣмъ выше ихъ заслуга, если онѣ съумѣли освободиться отъ прирожденныхъ имъ свойствъ: у нихъ умъ неповоротливый [14]), онѣ вѣтрены [15]) и жалост-

1) Гл. 49.
2) Гл. 90.
3) Гл. 26, 77, 86.
4) Гл. 34.
5) Гл. 32.
6) Miseriarum certissimum documentum.
7) Гл. 89.
8) Гл. 52.
9) Гл. 20, 26, 77.
10) Гл. 67.
11) Гл. 56.
12) Гл. 49.
13) Гл. 24, 55 въ концѣ, 91 и passim.
14) Гл. 57; tardissimum.
15) Гл. 1, 101.

ливы[1]), созданы для нѣги, не для власти[2]), не щедры[3]), подозрительны [4]), упрямы [5]), болтливы [6]), когда въ обществѣ имъ подобало бы хранить молчаніе, и лишь въ необходимыхъ случаяхъ похвально бываетъ украшенное слово[7]).

Что въ книгѣ о женщинахъ вопросамъ любви и смежнымъ съ нимъ отведено первенствующее мѣсто — это естественно. Но куда дѣвалась идеализація любви, съ ея культурной, одухотворяющей силой, которая въ иныхъ разсказахъ Декамерона скрадываетъ ея физіологическую подкладку! Только поэтическая легенда о Пирамѣ и Тисбэ[8]) окружена симпатіями: исторія двухъ влюбленныхъ, привязавшихся другъ къ другу еще съ дѣтства и съ годами переходящихъ отъ привязанности къ страсти, какъ герои Филоколо; излишняя охрана со стороны родителей дѣвушки приводитъ и ее и Пирама къ трагической развязкѣ. У кого столь каменное сердце, чтобы не пролить надъ ними слезу? спрашиваетъ Боккаччьо. Они любили другъ друга и не заслужили своей кровавой доли: любовь—грѣхъ плоти, не заслуживающій порицанія въ людяхъ не связанныхъ бракомъ[9]): вѣдь они могли вступить въ бракъ; виновата злая судьба, можетъ быть, родители; обуздывать порывы молодыхъ людей надо осторожно [10]), дабы, подѣйствовавъ внезапно, не увлечь ихъ къ отчаянію и гибели — ибо силы любовной страсти непомѣрны, это точно недугъ, порокъ юношескаго возраста, но порокъ благой[11]), который надо терпѣть; недаромъ сама природа такъ устроила, ввиду поддержанія чело-

1) Гл. 63.
2) Гл. 14.
3) Гл. 67: tenacitas; сл. 27, 77.
4) Гл. 72.
5) Гл. 74.
6) Гл. 91.
7) Гл. 82: decora. . . . loquacitas.
8) Гл. 12.
9) Florentis aetatis amor crimen est, nec horrendum solutis crimen.
10) Sensim.
11) Adolescentium fere pestis et come flagitium.

вѣческаго рода, что мы стремимся къ плотскому акту въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не въ старости.

И такъ любовь—естественный порокъ юности, ея единственная цѣль—произведеніе потомства [1]); что внѣ этого, то лишнее, порокъ и грѣховная страсть, совращающая къ злу. Между любовью и сладострастіемъ [2]) нѣтъ, въ сущности, разницы: онѣ вселяются въ сердца дѣвушекъ и юношей, живущихъ въ удовольствіяхъ и бездѣльи, ибо Амуръ бѣжитъ отъ всего серьознаго и строгаго [3]); любовь сломила даже Алкида, сдѣлавъ его женоподобнымъ, противъ нея надо вооружиться, ибо она не является безъ желанія: надо воспротивиться ей въ самомъ началѣ, обуздать глаза, дабы они не видѣли, заткнуть уши на подобіе аспида, подавить сладострастіе постоянной работой. Кто не остерегается, къ тому она подходитъ тихо и нѣжно; воспринятая, ласкаетъ надеждой, внушаетъ вкусъ къ нарядамъ, изощряетъ нравы и остроуміе [4]), заставляетъ любить танцы, пѣсни, игры, пиры и т. п. Овладѣвъ всѣмъ человѣкомъ, она опутываетъ его свободу, вызываетъ сѣтованія, когда надежды не осуществились, побуждаетъ къ хитростямъ, не различая между порочнымъ и добродѣтельнымъ, лишь бы достигнуть желаемаго, и считая враждебнымъ себѣ все, что тому перечитъ. И вотъ, объятый пламенемъ любви, человѣкъ мечется безъ устали: стремится увидѣть любимый предметъ, и чѣмъ болѣе видитъ, тѣмъ болѣе пылаетъ, и такъ какъ раскаянію нѣтъ мѣста, являются слезы и ласковыя моленія, призываютъ посредницъ, обѣщаютъ, даютъ и сорятъ, обманываютъ стражей, и безсонныя ночи помогаютъ взять приступомъ оберегаемое сердце [5]). Тогда бѣгутъ стыдъ и честь и Церера и Вакхъ призываютъ страстную Венеру.

1) Гл. 98; сл. Ameto, стр. 35: Sempre fuggendo quanto può l'arguta—Voglia del generare, a qual s'accende—Quanto concede la regola avuta.

2) Гл. 2: libido.

3) Гл. 21: Gravitatis. . . . spretor.

4) Mores compositos, facetias urbicas.

5) Septa vigiliis capiuntur corda.

Но съ этимъ не всегда умаляется пылъ, напротивъ, доходитъ нерѣдко до безумія: забывается достоинство, достояніе расточается, являются ненависть и опасность для жизни, распри, перемежающіяся недолговѣчнымъ миромъ, подозрѣнія и враждебная душѣ и тѣлу ревность. Либо вожделѣніе не удовлетворено, тогда неразумная любовь накопляетъ заботы и желанія и невыносимыя муки, противъ которыхъ нѣтъ иныхъ средствъ, кромѣ слезъ и жалобъ и смерти; обращаются за помощью къ старухамъ-знахаркамъ [1]), къ халдеямъ [2]), испытываютъ силы травъ, заговоровъ и чаръ [3]), ласки обращаются въ угрозы, уготовляется насиліе, осуждается неудавшееся наслажденіе и нерѣдко бѣшеная страсть доводитъ до петли и меча. Такова то сладость любви, которой намъ подобало бы бѣжать, а мы чтимъ ее, какъ божество, принося ей въ жертву наши слезы и вздохи, вѣнчая ее нашей скверной [4]). Бѣжать, закрывъ глаза: не для того дана имъ защита—вѣки, чтобы закрывать ихъ отъ солнца, а чтобы уберечь отъ вредныхъ впечатлѣній [5]). Ибо красота заразительна: хотя старость и незначительный недугъ ее и портятъ, но женщины видятъ въ ней одно изъ своихъ преимуществъ, многія, по безразсудному мнѣнію смертныхъ, ею главнымъ образомъ красовались — и Боккаччьо намѣренъ говорить о ней въ біографіяхъ знаменитыхъ женщинъ, говоритъ по поводу Еввы [6]) и Медузы [7]), особенно Елены [8]): она такъ была прекрасна, что самому Гомеру, не то что другимъ, пришлось изощрить свой умъ, чтобы достойно описать ее; тщились то сдѣлать многіе живописцы и ваятели, между ними знаменитый Зевксисъ: онъ изобразилъ ее, руководясь опи-

1) Aniculae.

2) Chaldaei.

3) Carminum et maleficorum.

4) Obscoenitatum nostrarum coronas immittimus.

5) Гл. 16.

6) Гл. 1.

7) Гл. 20.

8) Гл. 35.

*

саніемъ Гомера и тѣмъ, что повѣствовала о ней повсемѣстная молва, и выбравъ въ красивѣйшихъ мальчикахъ и дѣвушкахъ, что въ нихъ было наиболѣе изящное, воплотилъ все это въ одинъ образъ, едва-ли достигнувъ своимъ искусствомъ того, чего желалъ. И не мудрено: какая кисть или какой рѣзецъ передастъ веселье ласковаго взгляда[1]), небесную улыбку, изящныя выраженія лица, отвѣчавшія рѣчамъ а движеніямъ? Все это можетъ создать одна лишь природа, художникъ сдѣлалъ, что могъ, оставивъ потомству какъ-бы образъ божественной красы[2]). Отсюда остроумные[3]) люди сложили басню: звѣздный блескъ очей, дивная бѣлизна лица, золото роскошныхъ волосъ, спадающихъ на плечи капризными кольцами[4]), чарующая мелодія голоса, уста, что̀ киннамъ и роза, сіяніе чела, бѣлоснѣжная шея, возникающая изъ невиданной прелести персей — все это вызвало разсказъ, что Елена—дочь Леды и превратившагося въ лебедя Юпитера, ибо кромѣ красоты, унаслѣдованной отъ матери, у нея было еще нѣчто божественное, чего не удавалось выразить ни кистью, ни красками.

Въ Боккаччьо проснулся на мгновенье не только «знатокъ женщинъ[5]), но и художникъ, къ сердцѣ котораго отозвался l'hymne mélodieux de la sainte Beauté[6]); онъ видимо засмотрѣлся на пластическія красоты Елены, но тотчасъ же спасается въ мораль Франческо да Барберино и обузданіе глаза. Цѣломудренная жена—та, которая глядитъ не далѣе своего подола, ведетъ лишь скромныя рѣчи, притомъ мало и во время, бѣжитъ отъ бездѣлья, какъ отъ врага, отъ пировъ, ибо безъ Вакха и Цереры цѣпенѣетъ любовь; отъ пѣсенъ и плясокъ, ибо въ нихъ стрѣлы сладострастья. Она бережлива и воздержна, печется о домѣ, затыкаетъ уши отъ

1) Laetitiam oculorum, totius oris placidam affabilitatem.
2) Tamquam coeleste simulacri decus.
3) Acutiores.
4) Petulantibus.... cincinnis.
5) Corbaccio: conoscitore delle femmine.
6) Leconte de Lisle, Hypatie.

нескромныхъ разговоровъ [1]), воздерживается отъ гулянокъ [2]), отъ притираній и духовъ и излишнихъ нарядовъ, и попирая вредныя мысли и вожделѣнія, помышляетъ о божественномъ, любя всѣмъ сердцемъ одного лишь мужа, да и ему отдаваясь не безъ стыдливости и краски стыда [3]). Панегирикъ супружеской любви (т. е. любви жены къ мужу) [4]) дополняетъ этотъ образъ идеальной жены, какихъ мало, какихъ нѣтъ

Это открывало широкое поле обличеніямъ: исчезла старая простота нравовъ, святая нищета; всѣ, даже простолюдины, отдались роскоши, гоняются за большими придаными [5]), состояніе мужей уходитъ на наряды женъ: не ладно поступилъ римскій сенатъ, дозволивъ имъ рядиться, чтобы почтить Ветурію; вредный обычай пережилъ вѣка, но что дѣлать? Міромъ властвуетъ женщина, мужчина ея собственность [6]). Многое можно было-бы сказать о женской распущенности, коварныхъ ласкахъ и слезахъ — гибельнѣйшемъ ядѣ для тѣхъ, кто имъ вѣритъ, но я пишу исторію, не сатиру, говоритъ Боккаччьо [7]) — и невольно пускается въ сатиру. Поппея Сабина кокетничаетъ, какъ въ Корбаччьо [8]): она знаетъ, что на нее любуются, и показывается въ фатѣ не для того, чтобы скрыть ею то, чѣмъ хотѣла-бы возбудить вожделѣніе, а дабы не удовлетворить глаза излишнею откровенностью и раздражить желаніе [9]). Какъ въ Корбаччьо [10]) разработанъ ювеналовскій мотивъ: когда дѣло идетъ о мужѣ, жена, оказывается, всего труситъ: и морской болѣзни, и путешествій, ее пугаютъ ревъ быка и шорохъ мыши; иное дѣло

1) Гл. 65: obscenis confabulationibus.
2) Circuitionibus.
3) Гл. 65.
4) Гл. 29, 83, 94; сл. выше стр. 227, прим. 8.
5) Гл 52.
6) Гл. 53: muliebris est mundus, sic et homines muliebres.
7) Гл. 93: ne viderer satyram potius quam historiam recitasse.
8) Сл. выше стр. 37.
9) Гл. 93.
10) Сл. выше стр. 24.

любовникъ, тутъ она готова на все [1]). Женскій «сенатъ» Семіамиры, въ которомъ рѣшались серьезные вопросы, какъ кому одѣваться, кому уступать дорогу, передъ кѣмъ вставать и т. д. [2]), напоминаетъ такой-же потѣшный синклитъ мадонны Чангеллы [3]), а похвала цѣломудрію вдовъ и грозныя проповѣди противъ повторенныхъ браковъ [4]) едва-ли не стоятъ въ связи съ личными мотивами Корбаччьо.

Но всегда-ли виновна женщина, во всемъ-ли женская слабость? Есть родители, отдающіе въ монастырь дѣвочекъ или и взрослыхъ дочерній, не спросившись ихъ, въ полномъ убѣжденіи, что это будетъ имъ во спасеніе души. Они поступаютъ, какъ скупцы, утаивающіе у дочерей часть ихъ приданаго, и заставляютъ ихъ испытать, что сами не въ состояніе были-бы перенести. Точно они не знаютъ, что бездѣлье—союзникъ Венеры, что невольныя затворницы станутъ завидовать даже продажнымъ женщинамъ, что глядя въ міру на свадьбы и празднества, на пляски и наряды, они будутъ проклинать и родителей и схиму, помышлять о побѣгѣ, о тайномъ любовникѣ? Таково-то благочестивое настроеніе, таковы возносящіяся горѣ молитвы, если не у всѣхъ, то у многихъ изъ нихъ. Не дѣвочекъ слѣдуетъ отдавать въ монастырь, не безъ ихъ сознанія и не противъ воли, а взрослыхъ, воспитанныхъ въ добрыхъ нравахъ, сознательно исполняющихъ обѣтъ дѣвственности. Такихъ мало, но это лучше, чѣмъ осквернять божій храмъ множествомъ распутницъ [5]). «Добрые нравы» ставятъ для дѣвушки ту-же программу воздержанія, какъ и для женщины [6]); и здѣсь много зависитъ отъ родителей, особенно матерей: роскошная жизнь дома, слабость родителей къ

1) Гл. 83: nauseam timent....expallent bovis forsan audito mugitu. Сл. гл. 94: nedum feminas (quibus ut plurimum mos est etiam diurno muris murmure in sinu conjugis exanimari).

2) Гл. 97.

3) Сл. выше стр. 34.

4) Сл. особенно гл. 40; гл. 55, 87, 92.

5) Гл. 43: multitudine illecebri.

6) Гл. 37.

дѣтямъ,—нерѣдко бываетъ причиной ихъ паденія [1]), ибо какъ ни сильны врожденныя, естественныя наклонности, въ юности онѣ такъ поддаются вліянію, что изъ нихъ можно сдѣлать все, что хочешь [2]).

III.

Мы попытались выдѣлить изъ De Claris mulieribus ихъ дидактическую часть; отношеніе къ морали Корбаччьо опредѣляется настроеніемъ того и другаго труда: Корбаччьо—страстный памфлетъ, въ немъ поневолѣ преобладаетъ отрицаніе; въ De Claris Mulieribus есть мѣсто и положительнымъ требованіямъ, какъ и въ Декамеронѣ панегерикъ любви чередуется съ проповѣдью нравственности, но господствующее настроеніе остается пессимистическое. Это — результатъ опыта, приведшаго къ болѣе серьезной постановкѣ вопроса о цѣляхъ жизни, не къ полному нравственному равновѣсію; оттуда неизбѣжныя колебанія и непримиренныя, можетъ быть, безсознательныя противорѣчія: осталось и новое, порывы свободы, лежавшіе въ темпераментѣ, въ духѣ времени, и рядомъ боязливая приверженность къ старому, прочному, издавна манившему обѣщаніемъ покоя скорбящимъ и волнующимся. Эти противорѣчія никогда не примирялись въ Боккаччьо, не примирялись и въ Петраркѣ; они могли соединять ихъ практически, могли обманывать себя блестящей фразой, цѣпью афоризмовъ, перекидывавшихся съ одного края пропасти на другой, но они ихъ переживали. Въ этомъ отношеніи De Claris Mulieribus важнѣе для характеристики нравственной и умственной черезполосицы Боккаччьо, чѣмъ крайній пессимизмъ его сатиры. Поставленъ вопросъ о женщинѣ и любви; любовь, поскольку въ бракѣ она не отвѣчаетъ цѣлямъ человѣческаго размноженія и супружескаго цѣломудрія, отрицается; въ противовѣсъ ей выдвинутъ цѣлый сонмъ добродѣтелей и обереговъ; ихъ

1) Гл. 48.

2) Гл. 77.

лозунгъ—воздержаніе отъ всякихъ соблазновъ. Мы въ полномъ ригоризмѣ, глаза даны лишь за тѣмъ, чтобы вперять ихъ въ небо—а рядомъ пластическое изображеніе Елены, чувство линій и красокъ и восторгъ предъ художницей—природой.—Или другое противорѣчіе, на этотъ разъ болѣе широкое, противорѣчіе развитія и нравственности: идеальная женщина связана строгимъ обиходомъ семьи, культомъ очага; степенная, молчаливая, она напоминаетъ «простушекъ», на которыхъ обрушился юморъ Декамерона — а между тѣмъ въ Андреѣ Аччьяйоли восхваляется даръ изящнаго слова; превозносятся художницы, поэтессы, женщины, не ограничившія себя прялкой и веретеномъ; исторія культуры представляется паденіемъ, съ первобытной простотой исчезли и невинные нравы — а вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ своей культурѣ Италія находитъ источникъ міровой славы. — Слава, объединяющая понятіе именитыхъ женщинъ, не въ противорѣчіи съ нравственностью, или лишь видимо; не только она шире ея логически, но и преимущество симпатій на ея сторонѣ; слава, какъ громкое заявленіе личности, какъ увѣковѣчивающій ее моментъ [1]), слава таланта, прирожденныхъ силъ и дарованій, слава подвига и великихъ дѣлъ, хотя бы личность была къ нимъ косвеннымъ поводомъ, герой являлся пассивнымъ лицомъ, его извѣстность выстраданной, какъ у Гекубы. Въ такихъ случаяхъ нравственный критерій былъ неприложимъ, за то навязывался другой вопросъ, неизбѣжный, тревожный и невѣсомый, къ которому приходили невольно, выдѣливъ въ жизни моменты природныхъ данныхъ и нравственной вмѣняемости и получивъ страшное неизвѣстное: колеблющееся понятіе о фортунѣ, судьбѣ или промыслѣ. Боккаччьо не разъ касался его въ своемъ De Claris Mulieribus [2]), въ сущности, нѣкоторыя изъ его главъ могли-бы найти мѣсто въ томъ его сочиненіи, которое спеціально посвящено вопросу о фортунѣ: я разумѣю его трактатъ «О роковой участи великихъ людей» [3]).

1) Сл. сонетъ XXXVI.

2) Гл. 13, 17, 32 и passim.

3) De Casibus Virorum illustrium.

Эпитетъ «роковой» приготовляетъ насъ къ трагедіи; трагическая судьба виднѣе, самъ Боккаччьо считаетъ себя съ юности «враждебнымъ судьбѣ[1]); эта идея издавна волновала его, она выведетъ насъ изъ ограниченнаго кругозора книги объ именитыхъ женщинахъ на почву болѣе общихъ интересовъ.

Долго лежала у меня моя книжица[2]) о судьбѣ, или скорѣе, о несчастной долѣ знаменитыхъ людей[3]), писалъ въ 1374-мъ году Боккаччьо къ Кавальканти, ибо я колебался, кому ее направить, чье имя она могла бы украсить, да и сама пройти въ люди при лучшихъ знаменіяхъ, чѣмъ мои. Вѣдь всѣ мы, влекомые призракомъ славы, стараемся возвеличить, увѣковѣчить[4]) свои труды; особенно писатели. Думалъ я о папѣ, объ императорѣ, о какомъ нибудь изъ великихъ властителей; но современные папы забыли о словѣ истины: царство мое не отъ міра сего и, обративъ священное облаченіе въ доспѣхи, посохъ въ копье, помышляютъ о брани, ликуютъ о пролитіи христіанской крови, посягаютъ на всемірную власть. Тогда я помыслилъ о нынѣшнемъ цезарѣ (Карлѣ IV), но онъ коснѣетъ на далекомъ сѣверѣ, промежъ снѣговъ и кубковъ[5]). Затѣмъ мое тревожное вниманіе обратилось на тѣхъ, которые, украшенные царственными титулами, желаютъ прослыть царями[6]); припомнился король галловъ[7]), надменно мечтающій о себѣ, что родомъ и правами онъ выше другихъ, тогда какъ его вельможи увѣрили его, что королю непристойно не то что философствовать[8]), но и знать грамоту[9]).—Въ 1374-мъ году во Франціи царилъ Карлъ V, любитель наукъ, но Боккаччьо увлекся риторическимъ шаржемъ, перенеся на какого-то абстрактнаго француз-

1) Сл. выше т. I, стр. 79.
2) Opusculum.
3) Et ut plurimum infelices exitus.
4) Diuturniores facere.
5) Сл. выше стр. 158.
6) Qui notis insigniti regiis reges haberi volunt.
7) Gallus Sicamber.
8) Philosophari.
9) Verum litterarum novisse characteres.

скаго короля характеристику Филиппа VI у Петрарки [1]). — Съ такимъ-же шаржемъ перебираетъ онъ далѣе испанца, суроваго бритта, гордящагося недавней побѣдой, двоедушнаго, невѣрнаго паннонца [2]) и изнѣженнаго короля Сициліи [3]): все это одни призраки королей, таковы ихъ нравы, роскошь и недѣятельность; имъ онъ не посвятитъ своего труда, скорѣе предоставитъ его на волю судьбѣ [4]). Тутъ его посѣтила мысль: кому лучше и надежнѣе довѣрить его, какъ не другу, хотя-бы худородному [5])? Вѣдь дѣлали такъ, и часто, именитые мужи. Къ чему-же ищешь ты среди дикихъ звѣрей, скорѣе рычащихъ, чѣмъ владѣющихъ рѣчью—враговъ философіи, когда у тебя есть другъ, котораго ты постоянно лелѣешь въ своемъ сердцѣ, видишь предъ своими глазами [6]), твой Магинардо, чью вѣрность и любовь и щедроты ты давно испыталъ? Къ тому-же ты и породнился съ нимъ, ибо ты крестный отецъ его единственнаго сына. И Боккаччьо распространяется въ похвалахъ Кавальканти [7]): пусть не отринетъ малаго дара, который его бѣдный другъ [8]) желалъ украсить царственнымъ именемъ, теперь украшаетъ его собственнымъ; пусть, читая его книгу, исправляетъ, что въ ней оказалось-бы нескромнымъ [9]), и выпуститъ въ свѣтъ, къ вящей славѣ своего имени, отблескъ которой падетъ и на автора [10]).

Хронологія этого письма опредѣляется другими посланіями Боккаччьо къ Кавальканти. Въ письмѣ отъ 20—28-го августа 1373-го года Боккаччьо поздравлялъ друга съ вступленіемъ въ бракъ, совершившійся незадолго передъ тѣмъ; въ письмѣ отъ

1) Rer. Memorandarum l. I, посл. глава.

2) Bilinguis.

3) Effeminatus siculus.

4) Fortunae manibus committere.

5) Etiamsi extremae sortis homo sit.

6) Quod in oculis tuis assidue est, quod te coram semper obambulat.

7) Сл. выше стр. 165.

8) Pauperis amici.

9) Minus decenter se habentia.

10) Цитую по тексту, изданному мною въ: Iohannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Спб. 1876, стр. 22—4.

13-го сентября того-же года выражаетъ онъ пожеланіе, чтобы Магинардо достойно воспиталъ ожидаемаго имъ сына [1]); наконецъ изъ посвятительнаго посланія при De Casibus видно, что Боккачьо крестилъ новорожденнаго, очевидно, заглазно, потому что послѣ 1371-го года онъ не былъ въ Неаполѣ. Съ другой стороны послѣднія страницы De Casibus предполагаютъ Петрарку еще въ числѣ живыхъ († 19-го іюля 1374-го года); ясно, что книга обращена была къ Кавальканти въ концѣ 1373-го года, либо въ началѣ слѣдующаго [2]).

Серьозно или нѣтъ было намѣреніе Боккачьо посвятить свою книгу кому-нибудь изъ сильныхъ міра сего, но только отрицательное отношеніе къ современнымъ ему представителямъ власти, выразившееся въ посланіи къ Кавальканти, поддерживается всѣмъ настроеніемъ его труда. Это главнымъ образомъ «зерцало властителей», показывающее ихъ съ темной, позорной стороны. Изъ многихъ темъ, которыя авторъ перебиралъ, чтобы поработать надъ какою нибудь изъ нихъ на пользу общества, одна особенно привлекла его, говоритъ онъ въ введеніи: гнусное сладострастіе, насилія, тунеядство, ненасытное любостяжаніе правителей и власть имущихъ [3]), ихъ кровавая ненависть и вооруженная месть и многія другія злодѣянія, всюду объявляющіяся по волѣ небесъ [4]) въ ущербъ общественной нравственности, попирающія законы, растлѣвающія доблесть. Онъ видитъ въ этомъ указаніе Фортуны [5]) и берется за перо, ибо нѣтъ дѣла болѣе полезнаго, какъ образумить заблуждающихся, пробудить погрязшихъ въ смертномъ снѣ, укорить пороки и превознесть добродѣтель. Дѣлали это и другіе, пространнѣе и лучше, но часто слабый голосъ [6]) дѣйствуетъ сильнѣе грома, и Боккачьо надѣется

1) Futuram tibi prolem.
2) Сл. введеніе въ мое указанное выше изданіе.
3) Principum atque praesidentium quorumcunque.
4) Ductu coelestium.
5) Ratus eo me a fortuna deductum.
6) Rudis notula.

смягчить каменныя сердца, подѣйствовавъ на нихъ интерессомъ разсказовъ [1]), примѣрами того, что можетъ совершить и совершало надъ земнымъ величіемъ [2]) всемогущество Божіе, или, какъ говорятъ, Фортуна. Примѣры явятся отовсюду, отъ начала міра и до современности, мужчины и женщины; разумѣется, не всѣ: это было-бы выше силъ; нападки на пороки и поощреніе добродѣтелей будутъ прерывать связь разсказовъ, которые иначе могли-бы надоѣсть.

Трактатъ De Casibus состоитъ изъ девяти книгъ, неравномѣрно распредѣленныхъ на 172 главы [3]); примѣры взяты разнообразные, по именъ больше, чѣмъ примѣровъ, женщинъ менѣе, чѣмъ мужчинъ [4]), и нѣтъ боговъ въ числѣ героевъ; отношенія средневѣковыхъ и современныхъ воспоминаній къ древнимъ классическимъ то-же, что и въ De Claris Mulieribus, тѣ-же источники [5]) и та-же критика, наивная, нерѣдко уступающая вождѣленіямъ «украшеннаго слова»: такъ біографія Югурты [6]) разсказана по Саллюстію, съ добавленіями изъ Валерія Максима, Флора и Орозія, у котораго Югурта задушенъ въ тюрьмѣ; Боккаччьо развиваетъ это, можетъ быть, подъ вліяніемъ сходныхъ разсказовъ [7]): Югурту бросаютъ въ Тибръ съ тарпейской скалы, навязавъ ему тяжесть. Но Боккаччьо не только стилистъ и разскащикъ, онъ заботится и о композиціи. Въ этомъ отношеніи книга De Casibus интересна: біографіи именитыхъ женщинъ не знаютъ рамки, въ De Casibus есть планъ, хотя видимо онъ созрѣвалъ у автора постепенно и явился не сразу; это бросаетъ свѣтъ на аналогическую компо-

1) Lepiditate historiarum.

2) In elatos.

3) Кн. I=20 гл., II=23, III=18, IV=19, V=20, VI=15, VII=9, VIII=23, IX=25.

4) Сл. VIII, 21.

5) Валерій Максимъ, Юстинъ, Плиній, Ливій, Іосифъ Флавій, Светоній, Scriptores Historiae Augustae, Орозій; можетъ быть, Флоръ; Саллюстій; Павелъ Діаконъ, Григорій Турскій.

6) V, 20.

7) У Валерія Максима l. VI, 3, 1 и Lampridii Heliogabalus c. 17.

зицію Декамерона. Въ самомъ трудѣ есть слѣды остановокъ, поребоевъ, усталости, неудаленныхъ недосмотровъ: такъ въ послѣдней (20-й) главѣ I-й книги въ числѣ многихъ, сѣтующихъ на судьбу, является и Іокаста: она упросила меня написать о ней, говоритъ Боккаччьо, но слѣдующая книга начинается съ Саула; о Іокастѣ говорилось ранѣе (I, 7), да и I, 20 кажется не у мѣста послѣ I, 19. Такъ дважды упомянутъ Ададъ II 3 и 6.— Мы сказали объ усталости, самъ авторъ говоритъ о ней: мимоходомъ въ I, 19, затѣмъ въ VII, 1, когда его побуждаютъ снова взяться за перо стоны несчастныхъ, наконецъ въ VIII, 1 когда его ободряютъ дружественно-суровыя увѣщанія Петрарки. На этотъ разъ къ физической усталости присоединилась, оказывается, и нравственная, разочарованіе, какой-то taedium славы, молвы: стоитъ ли изъ этого трудиться въ потѣ лица? Можетъ быть, это не просто реторическій пріемъ, отвѣчавшій требованію разнообразія, а заявленіе дѣйствительнаго психологическаго факта, одного изъ тѣхъ упадковъ духа, какія не рѣдко бывали у Боккаччьо. Мы знаемъ[1]), что въ 1355 году вѣсть о лаврахъ Занобп, подѣйствовала на него угнетающимъ образомъ, и онъ не захотѣлъ быть и называться поэтомъ. Тогда Петрарка поддержалъ его; указанный эпизодъ De Casibus предполагаетъ такія-же отношенія и ту-же поддержку. Можетъ быть, это указаніе для хронологіи De Casibus.

Общее положеніе, проходящее черезъ всю книгу, такое: Боккаччьо сидитъ, съ перомъ въ рукѣ, а передъ нимъ выступаютъ поочередно великіе или просто извѣстные люди, сраженные судьбой, потому что только о трагической судьбѣ идетъ дѣло, это и опредѣляетъ подборъ фактовъ; сѣтующіе, ожесточенные или смущенные, иногда въ перебранкѣ между собой, въ традиціонныхъ костюмахъ, разнообразно задрапированные, съ знаками перенесенныхъ мукъ. Всѣ они напрашиваются на память, какъ грѣшники въ первыхъ кругахъ дантовскаго ада; разсказываютъ

1) Сл. выше стр. 200 слѣд.

о себѣ сами, или о нихъ разсказываетъ авторъ. Яркіе примѣры судьбы и личной вины вызываютъ то или другое общее мѣсто наставительнаго содержанія, и морализаціи отведены особыя главы, въ ней центръ тяжести; вперемежку съ казовыми знаменитостями, о которыхъ говорится подробно, являются, въ отдѣльныхъ главахъ, толпы сѣтующихъ, плачущихъ, сраженныхъ, печальныхъ[1]): почти одни перечни именъ; обыкновенно изъ многихъ выдѣляется одинъ, болѣе замѣчательный, которому и посвящается слѣдующая глава.

Первыми являются прародители, едва влача дряхлые, дрожащіе члены [2]); въ связи съ ихъ грѣхопаденіемъ слѣдующая глава [3]) направлена противъ ослушанія; время поглотило память о дальнѣйшихъ событіяхъ, потому отъ перваго человѣка авторъ прямо переходитъ къ первому земному царю, Немвроду [4]) и къ нареканіямъ противъ гордыни [5]), къ которымъ возвращается не разъ [6]). Слѣдуютъ: Сатурнъ [7]), какъ всепоглощающее время, далѣе Кадмъ [8]), Іокаста [9]); авторъ готовился внять просьбѣ Тезея и написать о немъ, когда поспѣшно выступилъ злополучный сынъ Пелопса, Тіэстъ: Подожди меня, я не менѣе заслуживаю памяти, чѣмъ Эдипъ и Іокаста, кричитъ онъ и принимается разсказывать о своихъ бѣдствіяхъ и преступленіяхъ брата. Онъ кончалъ, когда со стороны вышелъ, полный ожесточенія, Атрей и рьяно обращаетъ обвиненіе на брата; его рѣчь полна реторическихъ повтореній и противопоставленій,

1) Conventus dolentium I, 11, concursus infelicium I, 20 и passim: miseri, flentes, dejecti, calamitosi, tristes, lapsi, excussi, afflicti, dolentes, gementes, revoluti, infortunati, queruli.

2) I, 1.

3) I, 2.

4) I, 3.

5) I, 4.

6) I, 13; II, 5; IX, 5.

7) I, 5.

8) I, 6.

9) I, 7.

реальныхъ, но не изящныхъ: онъ осквернилъ мое ложе, я—его трапезу (подавъ ему въ кушаньѣ мясо убитыхъ имъ сыновей), онъ зачалъ сыновей въ моей утробѣ, я схоронилъ ихъ въ его собственной, не зная, какъ иначе водворить на прежнее мѣсто несчастное отродье и т. д. Полный негодованія авторъ прекращаетъ безчеловѣчный споръ [1]), чтобы отдать свое вниманіе Тезею, котораго идеализуетъ, какъ въ старые годы въ Тезеидѣ; нѣтъ только прежняго романтическаго освѣщенія; Тезей — не только для Греціи, но и для всего міра «неугасимый свѣточъ философіи», какъ и Аѳины были когда то питомникомъ [2]) философовъ, поэтовъ и ораторовъ, вторымъ окомъ Греціи. Стилемъ De Claris Mulieribus отзывается извѣстіе, что Прозерпина выдана замужъ за Орка, царя молоссовъ; трагизмъ Тезеевой судьбы сводится къ любви Федры къ пасынку Ипполиту; самъ Тезей виноватъ въ смерти сына, ибо повѣрилъ навѣтамъ жены — и авторъ возстаетъ противъ излишней и поспѣшной довѣрчивости [3]), какъ судьба Агамемнона [4]) вызываетъ похвалы бѣдной долѣ [5]), разсказъ о Самсонѣ [6]) выходку противъ женщинъ [7]). Иные говорятъ что Самсонъ то-же, что Геркулесъ; если-бы я сталъ утверждать, что тому противорѣчу—не знаю, къ чему-бы это повело [8]), осторожно говоритъ Боккаччьо. Онъ чувствуетъ усталость и хочетъ остановиться, вотъ почему онъ раздѣлилъ начатый трудъ [9]) на книги и здѣсь положитъ конецъ первой. Мы предупреждены далѣе, что раздѣленіе на книги не отвѣчаетъ какому-нибудь отличію содержанія или направленія [10]); Боккаччьо просто поступилъ,

1) I, 8.
2) Altrix.
3) I, 10.
4) I, 14.
5) I, 15.
6) I, 17.
7) I, 18.
8) Quod etsi adfirmem contradixisse, nescio quid resultet, I, 17.
9) I, 19: Quasi coeptum opus.
10) Quantum ad intentionem summariam.

какъ странники, намѣчающіе на длинномъ пути извѣстныя разстоянія по какому нибудь камню, старому дубу, храму или источнику; это даетъ возможность легче измѣрить пройденный путь, полезно и для предстоящаго. Такъ и Боккаччьо намѣренъ отдыхать, дойдя до чего нибудь особенно замѣчательнаго; такія вѣхи утѣшатъ и читателя надеждой, помогутъ его памяти [1]).—Мы, стало быть, имѣемъ дѣло съ чисто внѣшнимъ пріемомъ, авторъ не сдѣлалъ попытки распредѣлить явленія судьбы по какимъ-нибудь общимъ категоріямъ—противодѣйствія или вмѣняемости.

Казалось-бы, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, каковы силы Фортуны, какова наша бренность и обманчивость надежды; но есть люди на столько суетные, что ихъ не потревожатъ и удары грома; для нихъ то полезно умножить примѣры. Такъ начинаетъ Боккаччьо свою вторую книгу [2]), говоря далѣе о Саулѣ [3]) и послушаніи [4]), о Ровоамѣ [5]) и о вредѣ гордыни [6]); біографія Аталіи [7]) даетъ поводъ къ нападкамъ на неумѣренныя желанія [8]) и къ инвективѣ противъ евреевъ: они противны своей перемѣнчивостью, служеніемъ то Богу, то дьяволу; напрасно они винятъ судьбу! Были у нихъ боговдохновенные мужи, но они не вняли имъ и, по Божію попущенію, сами добыли изъ рукъ Фортуны — недолю. Эта ортодоксальная точка зрѣнія еще усилена далѣе въ l. VII 7 и 9: разрушеніе Іерусалима — достойная кара древнихъ и новыхъ преступленій; разсѣяніе народа—праведная месть Господа; они не погибли въ конецъ, и въ наше время влачатъ свое жалкое существованіе, всѣми презираемые и гонимые; держатся своего суевѣрія [9]), и отъ нихъ сто-

1) I, 19.
2) Сл. аналогическое введеніе въ l. IV.
3) I, 1.
4) II, 2.
5) II, 4.
6) II, 5.
7) II, 7.
8) II, 8.
9) Superstitione.

ронятся всѣ другіе религіозные толки и исповѣданія [1]). — Эти три главы о евреяхъ освѣщаютъ, по нашему мнѣнію, религіозное міросозерцаніе Боккаччьо въ извѣстной новеллѣ о трехъ кольцахъ [2]): ея робкая проповѣдь терпимости перенята вмѣстѣ съ схемой и не выражаетъ взглядовъ перескащика.

Слѣдуютъ еще во 2-й книгѣ біографія Дидоны [3]) съ такими-же похвалами цѣломудрію [4]), какъ въ De Claris Mulieribus [5]), тогда какъ Сарданапалъ [6]) вызываетъ нареканіе противъ ему подобныхъ [7]), легенда объ Астіагѣ [8]) — разсужденіе о значеніи сновъ [9]), Меттій Суффецій [10]) — порицаніе измѣны [11]). Меттій Суффецій опоздалъ (хронологически) на перекличку, и не мудрено, шутитъ Боккаччьо, помѣстивъ его не въ очередь: его размыкали конями, и ему понадобилось не мало времени, чтобы собрать свои — члены.

До сихъ поръ понятіе Фортуны являлось повсюду, тайное и грозное, роковое и невѣсомое. Въ началѣ 3-й книги Боккаччьо дѣлаетъ попытку если не уяснить его себѣ логически, то подойти къ нему со стороны житейской практики. Ему приглянулся образъ странника [12]); и вотъ, какъ странникъ останавливается порой, чтобы отдохнуть и освѣжиться и утолить жажду, и оглядываясь назадъ, измѣряетъ пройденное пространство, припоминая видѣнные имъ города и рѣки, горы и долины, и какъ бы освобождаясь такимъ образомъ отъ пути [13]), набирается новыхъ силъ для пред-

1) Omnibus sectis et religionibus suspecti.
2) Дек. I, 3; сл. выше т. I, стр. 481 слѣд.
3) II, 10.
4) II, 11.
5) Сл. выше стр. 227.
6) II, 12.
7) II, 13.
8) II, 17.
9) II, 18; сл. выше т. I, стр. 522, прим. 2.
10) II, 22.
11) II, 23: fraus.
12) I, 19.
13) Dum toto iteneri, quod praeteritum est, se eximunt.

стоящаго—такъ случилось и съ Боккаччьо: онъ также припоминаетъ примѣры судьбы, о которыхъ разсказалъ, и стараясь обобщить ихъ, ставитъ вопросъ: какія причины и поводы вызвали въ томъ или другомъ случаѣ несчастную долю. Всѣ, подвергшіеся ей, накликали ее сами, отвѣчаетъ онъ; такъ говорилъ еще Андалоне ди Негро: наша судьба не въ звѣздахъ, а въ насъ самихъ, и Боккаччьо повторяетъ знакомый уже намъ [1]) апологъ своего учителя: о томъ, какъ бѣдная доля, произвольно отказавшаяся отъ благъ Фортуны, побѣдила ее и какъ условіемъ побѣды было, чтобы отнынѣ всякій былъ самъ творцемъ своего несчастія.

Снова проходятъ передъ нами образы людей, сраженныхъ рокомъ: Тарквиній Гордый [2]), Аппій Клавдій [3]), Алкивіадъ [4]), слышатся укоризны сладострастнымъ правителямъ [5]), стяжательнымъ неучамъ-юристамъ [6]) и защита Алкивіада [7]), переходящая въ самозащиту поэта.

IV-я и V-я книги представляютъ такое-же чередованіе біографій и морализаціи; введеніе въ VI-ю выводитъ передъ нами образъ Фортуны, не традиціонный образъ женщины съ повязанными глазами, вращающей колесо, какою она является напр. въ Любовномъ Видѣніи [8]), а болѣе фантастичный и грозный въ своей туманности. Авторъ только что снова взялся за перо, когда предстало страшное чудовище [9]), Фортуна, правящая всѣми дѣлами смертныхъ [10]). Боже, что у нея за ростъ, что за чудный обликъ! Глаза горятъ, наводя страхъ, выраженіе лица свирѣпое,

1) Сл. выше т. I, стр. 78—9.
2) III, 3.
3) III, 9.
4) III, 12.
5) III, 4.
6) III, 10.
7) III, 13.
8) Сл. выше т. I, стр. 298—9.
9) Horridum monstrum.
10) Rerum mortalium ministra.

масса волосъ спускается на лицо, у нея, казалось, сто рукъ, одежда разныхъ цвѣтовъ [1]), голосъ желѣзный; какія у ней ноги, этого нельзя было различить. Между нею и авторомъ происходитъ споръ: мотивъ, уже предвзятый Арриго изъ Сеттимелло [2]), котораго Боккаччьо зналъ и упоминаетъ въ письмѣ къ Якову Пиццинге [3]). — Авторъ испуганъ, ждетъ, что́ будетъ, а Фортуна уставилась на него и спрашиваетъ: За какой тщетный трудъ принялся ты, неразумный, отовсюду вызывая и описывая тѣхъ, которыхъ я возвеличила или повергла, точно ты надѣешься немногими словами объять мою необъятную дѣятельность и тѣмъ обратить на себя вниманіе? Ты трудишься, но понапрасну; неужели не было у тебя другихъ задачъ? — Знаю я, отвѣчаетъ Боккаччьо, что все въ этомъ мірѣ перемѣнчиво, и не моему перу изобразить тебя; если я предпринялъ этотъ трудъ, то для того лишь, чтобъ мое имя не погибло вмѣстѣ съ тѣломъ. Знаю я также, что есть и другія, широкія задачи: раскрыть чудныя дѣла и славу всемогущаго Творца всѣмъ, единаго и триипостаснаго, разъяснить мудрое устроеніе природы, безконечность того, что подлежитъ твоей власти [4]). Это не по мнѣ: нѣтъ у меня крыльевъ, на которыхъ я могъ бы взлетѣть на небо, чтобы выпытать тайны Божества и повѣдать ихъ людямъ; если бы мнѣ и довелось это, по милости Божьей, то нѣтъ у меня торжественности слова, вѣскости изреченій, чтобы, при желаніи, передать все это потомству; сознаюсь откровенно, у меня и умъ не на столько сильный [5]), чтобы проникнуть до причинъ сущаго [6]). Мнѣ оставалось одно: почерпнуть немногое, по силамъ, въ твоемъ лонѣ, полномъ человѣческихъ дѣлъ [7]); вѣдь почерпали же тамъ другіе — сюжеты пѣснопѣній и историческихъ

1) Varia vestis.

2) Elegia de diversitate fortunae et pholosophiae consolatione.

3) Сл. выше стр. 77.

4) Infinita ad jus tuum spectantia.

5) Perspicax.

6) Ut rerum causas attingere possim.

7) In gremium tuum humanarum rerum confertissimum.

повѣствованій. Ты порицаешь меня за низость стиля [1]), который не подѣйствуетъ на сердца; я же думаю, что именно такимъ стилемъ я буду полезенъ; опытъ говоритъ за меня: кони часто повинуются легкимъ ударамъ, отъ сильныхъ пятятся, Ахилла смягчили ласковыя рѣчи, не негодованіе Агамемнона. — И Боккаччьо молитъ Фортуну — благопріятствовать его труду, дабы его, пока неизвѣстное имя, озарилось ея сіяніемъ и такъ дошло до потомства.—Фортуна видимо смягчилась и говоритъ, улыбаясь: Вы не въ состояніи проникнуть въ тайны моихъ намѣреній, потому и зовете меня неумолимой, безразсудной, изображаете слѣпой; это васъ ослѣпляетъ вожделѣніе. Ты въ это не вѣришь, хотя и говоришь другое; помню я, какою позорною бранью и проклятіями ты поносилъ меня когда-то, величая неразумной, слѣпой, завистливой, убійцей, враждебной, мачехой — все за то, что я еще не исполнила твоихъ неразумныхъ желаній. Больнѣе всего было мнѣ, что ты смѣялся при разсказѣ, какъ я побѣждена была Нищетой, — а теперь хочешь провести меня льстивою рѣчью, какъ неопытную дѣвчонку. Знаю я, какого ты обо мнѣ мнѣнія; но каково бы оно ни было, ты дѣятеленъ и не косенъ духомъ [2]) и всѣми силами стремишься къ славѣ, этимъ ты поколебалъ меня и заставилъ измѣнить мое рѣшеніе; продолжай же дѣятельно начатое, въ моемъ поощреніи не будетъ недостатка [3]), и твой Чертальдо и твое имя упомянутся со славой на ряду съ древними. — Фортуна хочетъ тотчасъ-же проявить ему свою помощь: она знаетъ, что Боккаччьо недоумѣваетъ, кого ему вызвать изъ многихъ предстоявшихъ несчастныхъ—и сама выводитъ передъ нимъ Марія, Митридата, Орода, царя пареянскаго, Помпея. Съ ними явился нѣкто съ благодушнымъ, почтеннымъ выраженіемъ лица, тронутаго тихой грустью, степенной осанки;

1) Nimia styli humilitate.

2) Non inertis atque dejecti animi.

3) Cum jam ingenium opusque commendem tuum, dum solers coepta sequaris, orationi tuae favor non deerit meus.

Боккаччьо какъ будто признаетъ его [1]), но Фортуна его предупредила: это величайшій, славный между питомцами философіи мужъ, вождь римскаго краснорѣчія [2]), Туллій Цицеронъ; я ничего не скажу о его славѣ и бѣдствіяхъ, довольная тѣмъ, что показала его тебѣ. Берись-же за перо.—Сказавъ это, она исчезла.

Авторъ начинаетъ съ Марія [3]), вызывающаго у него размышленія о значеніи благородства [4]), и кончилъ бы книгу Цицерономъ, еслибъ новые сѣтующіе не задержали его [5]). Цицеронъ выступаетъ молча, скопивъ голову; Боккаччьо смотритъ на него съ изумленіемъ, имъ овладѣло сознаніе своего безсилія: ему ли писать о немъ! Но онъ ободряетъ себя: вѣдь облако не затемняетъ же солнечныхъ лучей, мой низменный стиль выставитъ его въ большемъ блескѣ; чего не доскажу, то доскажутъ другіе, болѣе меня свѣдущіе; можетъ быть, и самъ онъ вдохновитъ меня изъ таинственной обители, гдѣ теперь пребываетъ — и ты напишешь лучше, чѣмъ ожидаешь. Съ этой оговоркой [6]) Боккаччьо приступаетъ къ біографіи Цицерона [7]), минуя политика и человѣка, преклоняясь передъ философомъ и ораторомъ, затмившимъ, по признанію самихъ Аѳинянъ, не только Пизистрата и Перикла, но самого Платона, Эсхила (Эсхина?) и Демосѳена. Такова была сила его краснорѣчія, что онъ склонялъ имъ, куда хотѣлъ, самые неподатливые умы; разумѣется, вполнѣ судить мы о томъ не можемъ, мы читаемъ его, не слышимъ и, говоря словами другого [8]), въ Тулліи недостаетъ лучшей части его самого. — Къ этому панегерику естественно примыкала [9]) защита ораторскаго искусства и реторики противъ тѣхъ, которые, желая побить ее ея-же

1) Metuenti mihi, si forte cognoscerem.
2) Romani princeps eloquii.
3) VI, 2.
4) VI, 3.
5) VI, 14, 15.
6) VI, 11.
7) VI, 12.
8) Ut alienis utar verbis.
9) VI, 13.

оружіемъ, утверждаютъ, будто она служила обману, не потребности; защита переходитъ въ концѣ въ горячее восхваленіе человѣческаго слова, какъ орудія культуры, которое подобаетъ блюсти и изощрить [1]).

Въ началѣ VII-й книги авторъ усталъ отъ работы; желаніе покоя сладко объяло его всего: не поостережешься и заснешь, это я недавно испыталъ, говоритъ онъ себѣ [2]), но жалобы сѣтующихъ будятъ его [3]). Перебранка Тиберія и Калигулы съ Мессалиной поражаетъ его слухъ: она напоминаетъ споръ Тіэста съ Атреемъ [4]), но написана рельефнѣе, авторъ не поскупился на грязь, какъ далѣе [5]) реалистическя изображаетъ послѣдствія обжорства. Тиберій и Калигула выступаютъ печальные, но, увидѣвъ въ числѣ сѣтующихъ Мессалину, забыли, зачѣмъ пришли, и нападаютъ на нее, попрекая: Ты все та-же распутница, что̀, бывало, въ одну ночь отдавалась нѣсколькимъ мужчинамъ и, посѣщая, переодѣтая, укромные уголки [6]), выходила послѣдней, усталая, но неудовлетворенная! И теперь,завидѣвъ толпу,ты пошла вслѣдъ,надѣясь встрѣтить своихъ любовниковъ! Но вѣдь здѣсь обитель страданій, не сладострастья, ненасытная ты утроба! — Она отвѣчаетъ смѣлѣе и откровеннѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ такой женщины: Знаю я, что это за мѣсто, и кто сюда приходитъ; я явилась сюда, чтобы оплакать мою судьбу, но вижу, вы также печальны и разстались съ жизнью, не менѣе меня запятнанные, и я пока не плачу, и мнѣ какъ будто легче. Да, скажу я, хотя-бы и пришлось покраснѣть: я была сладострастна, похотлива; грѣшно это, но есть тому и нѣкоторыя извиненія. Помню я, что когда отецъ мой допрашивалъ астролога [7]) о моемъ рожденіи, тотъ отвѣтилъ: когда рождалась твоя

1) Сл. выше т. I, стр. 228 и De Clar. Mul. c. 25; сл. выше стр. 494—5.

2) Ut nisi quis caveat, facile in torporem alligetur. Quid quidem et ego nuper expertus sum.

3) VII, 1.

4) I, 8.

5) VII, 6.

6) Cellulas.

7) Mathematicum.

Мессалина, двойное отродье Латоны поднималось изъ преисподней къ созвѣздію Лиры, а за нимъ слѣдовалъ, считая его враждебнымъ Оріону, Атлантіадъ (Меркурій), тогда какъ средину неба держала Китерея съ зіяющей главой Дракона и Марсомъ, небесный круговоротъ уносилъ въ глухую ночь Юпитера съ его Рыбами и несчастнаго старца (Сатурна?) съ Ганимедомъ, и отъ вліянія всего этого, казалось, весь воздухъ вожделѣлъ Венеры [1]). Подъ наптіемъ неба [2]) я родилась, какою есть; это порокъ гнусный, но естественный; если иные утверждаютъ, что его можно побороть мужественно, то слабой женщинѣ послужитъ извиненіемъ Алкидъ: и онъ былъ сильнѣе раменами, чѣмъ духомъ [3]). Если бы меня попрекали Сципіонъ Африканскій или Маркъ Катонъ, а я выдавала бы себя за Сульпицію или супругу Оргіагонта или древнюю Лукрецію—я бы смолчала; вамъ я могу вернуть ваши попреки.— И она принимается разсказывать объ ихъ мерзостяхъ, жестокости, издѣвается надъ Калигулой, требовавшемъ себѣ божескихъ почестей. Куда угодили вы по смерти? спрашиваетъ она; вѣдь для васъ мало Флегетона и стигійскаго болота [4]), Фуріи и Плутонъ вами гнушаются [5]), вашъ видъ противенъ всему Тартару. — Она говорила это быстро, не прерываясь, и Боккаччьо слушаетъ ее, навостривъ уши [6]), не только безъ скуки, но и съ великимъ удовольствіемъ, тогда какъ оба императора, смущенные и молчаливые, собираются уходить. Въ это время является чудовище свѣта [7]), Неронъ, какъ бы принуждая памятью о своихъ

1) Gemina Latonae proles in nostrum Chelis detenta surgebat ab infero, quam hostem tenens Orionis Atlantiades sequebatur, coelumque medium hiulco Draconis capiti Martique suo juncta Cytherea tenebat, et suis in Piscibus Jovem atque infelicem cum Ganimede Senem coeli vertigo in noctem profundissimam rapiebat, quibus agentibus omnis aetherea compago ruere videbatur in Venerem.

2) Coelo igitur urgenti.

3) Cui etsi illud humeris sustentare concessum sit, viribus tamen superare negatum est.

4) Palus.

5) Abominabiles estis.

6) Elevatis.... auribus.

7) Orbis monstrum.

злодѣяніяхъ забыть всѣ остальныя—и Боккачьо разсказываетъ о немъ [1]), припоминая знакомыя Байи, гигантскія статуи, вылитыя по приказанію императора, обломки которыхъ еще сохранились [2])—и пожаръ Рима, которымъ любуется Неронъ, воспѣвая «взятіе Иліона» [3]).

Введеніе въ VIII-ю книгу тѣсно связывается съ началомъ VII-й. Тамъ авторъ говорилъ о своей усталости и желаніи покоя; извѣстно, что излишній покой тѣла враждебенъ уму, повторяетъ онъ теперь. Это я часто испыталъ по своей лѣни [4]), но на этотъ разъ дѣло приняло почти трагическій оборотъ [5]). Отпустивъ вожжи и съ наслажденіемъ [6]) отдаваясь полнѣйшему бездѣлью, я впалъ въ столь глубокое безпамятство [7]), что самъ себѣ, не только другимъ, казался мертвецомъ. Если порой, встрепенувшись, я вспоминалъ о начатой работѣ, тотчасъ-же сдавался снова и простертый, разслабленный [8]), говорилъ себѣ: Къ чему, безразсудный, мучаешься ты въ потѣ лица? Зачѣмъ неустанно предаешься работѣ, перелистывая писанія древнихъ? Ты хочешь вынудить себѣ славу, продлить память твоего имени, но что толку въ томъ, что твое имя будетъ памятно по смерти; вѣдь не одинъ ты его носишь, или будешь носить его, въ такомъ случаѣ ты трудишься столько же для другихъ, сколько для себя — а ты могъ бы спокойно себѣ тунеядствовать [9]). — Такія и подобныя мысли подсказывала мнѣ моя косность [10]), и на половину побѣжденный ею, скорѣе совсѣмъ пораженный, я снова опустилъ на подушку голову, которую передъ

1) VII, 4.
2) Ex quibus adhuc nonnulla videntur fragmenta.
3) Halosim Ilii.
4) Ignavia mea.
5) Letiferum.
6) Avidus.
7) Soporem.
8) Marcidus.
9) Ignave quiescere.
10) Desidia.

тѣмъ приподнялъ, подпершись рукою, когда вдругъ, неизвѣстно откуда явившись, мнѣ предсталъ мужъ скромной наружности, съ красивымъ, нѣжно-матовымъ лицомъ [1]), зеленымъ лавромъ на головѣ; на немъ царственная мантія, онъ внушалъ уваженіе. Боккаччьо узнаетъ въ немъ Петрарку, своего дорогаго, почтеннаго учителя, наставленія котораго всегда были ему побужденіемъ къ добродѣтели, котораго съ юности онъ чтилъ выше всѣхъ другихъ. Увидѣвъ его, онъ покраснѣлъ, въ сознаніи своей виновности, а Петрарка, посмотрѣвъ на него строго [2]), начинаетъ говорить. Онъ наставляетъ Боккаччьо дружелюбно и серьезно; на это у него есть право: онъ вѣнчанный поэтъ, въ лаврахъ и мантіи, подаренной ему королемъ Робертомъ для торжественнаго акта на Капитоліи; въ самой рѣчи его къ Боккаччьо, въ побужденіяхъ къ славѣ, есть отзвуки вѣнчальной капитолійской рѣчи. — Чего лежишь ты, прелестный профессоръ тунеядства? [3]). Чего коснѣешь, прислушиваясь къ обманчивымъ убѣжденіямъ бездѣлья? — Боккаччьо смущенно опустилъ глаза, ждетъ, что тотъ скажетъ. — Ужь не я-ли моими поученіями такъ затемнилъ твой умъ, что ты предпочитаешь покой труду? Я вѣдь всегда утверждалъ противное. Или ты забылъ, что человѣкъ рождается для труда? Ты началъ дѣло, уже близокъ къ цѣли и остановился, совращенный безразсудной лѣнью. А дабы ты болѣе не отдавался ея обману, выслушай, что я тебѣ скажу. Ты недавно осудилъ славу—благо, къ которому стремятся всѣ люди; ищутъ ее на разныхъ путяхъ, но къ ней одинъ лишь путь—добродѣтель [4]); кто ее осуждаетъ, осуждаетъ и славу. Слава, дарованная небомъ [5]), освѣщаетъ имена тѣхъ, кто ее заслужилъ, и несетъ ихъ на окраины земли, тогда какъ имена косныхъ погрязли во мракѣ; души умершихъ она точно по торному пути ведетъ въ небо, въ

1) Venusta facie et miti placidoque pallore conspicua.
2) Acriori vultu.
3) Otiorum professor egregie.
4) Virtutem.
5) Divino munere.

сіяніи; она расширяетъ предѣлы кратковременной человѣческой жизни, побѣждаетъ смерть, и постоянно питаясь людской молвою, умаляется развѣ съ теченіемъ долгихъ вѣковъ, уступая всепожирающему времени. Такъ дошли до насъ имена Нина, Авраама, Моисея, Гомера, Аристотеля, Сципіона и Катоновъ, вѣчно юныя; прославляя ихъ, мы ощущаемъ удовольствіе въ сознаніи, что воздаваемое имъ мы можемъ заслужить и сами своимъ трудомъ; надѣясь на это, мы предвкушаемъ будущую славу. Кто считаетъ это маловажнымъ, тотъ самъ себя не цѣнитъ [1]). Іеронимъ и Августинъ и другіе святые мужи предприняли свои труды въ чаяніи вѣчной славы, но я увѣренъ, что ихъ влекло и желаніе земной, ибо намъ прирожденъ стимулъ, заставляющій насъ денно и нощно стремиться путемъ доблестныхъ дѣлъ къ отличію [2]); отъ него не освободиться, еслибы и захотѣть. Вотъ почему тѣ мужи полагали столько заботы на достоинства рѣчи и стиля — не для украшеніе божьяго устроенія [3]), которое въ нихъ не нуждается, а дабы такимъ образомъ всюду распространить и прославить свое имя. Этой надеждой утѣшались древніе, утѣшаемся и мы, вѣруя, что честно добытое имя [4]) приноситъ нѣкое, хотя мы еще и не знаемъ, какое утѣшеніе [5]) душѣ, еслибы за другія заслуги она уже и обрѣла себѣ долю на небѣ. Древніе именитые люди увѣковѣчивали себя въ мраморѣ и бронзѣ; почему не дѣлать намъ того же? Вѣдь малодушіемъ было бы предпочесть—разрушиться вмѣстѣ съ тѣломъ, чѣмъ продолжать существовать подъ охраной извѣстности [6]). И такъ славой нельзя пренебрегать, попирая ее бездѣльемъ, считая чѣмъ то пустымъ и лишнимъ, а слѣдуетъ всѣми силами стремиться къ ней во имя Господа [7]), ибо умножая

1) Quod si quis parum apud mortales existimet, sui profecto non satis compos est.

2) Fulgorem.

3) Ad decorem divinarum operum.

4) Bene quaesitum.

5) Dulcedinem.

6) Celebri perpetuari custodia.

7) Propter Deum.

достойными дѣлами его славу, ты обрѣтешь въ немъ подателя милостей. — Сказалъ ты и еще нѣчто потѣшное: что твое имя могутъ носить или носятъ многіе. Но что же можетъ быть противоположнѣе любви? [1]), какъ не зависть къ счастью другихъ? Всякому свое, и тѣ другіе могутъ стать извѣстными, какъ и ты. Слава, это всѣмъ желанное благо, простирается и на прошедшее, продолжаетъ Петрарка совѣтовать біографу: горбатыхъ, хромыхъ, калѣкъ она являетъ потомству красивыми, блестящими, величавыми [2]); постарайся, коли можешь, не преувеличить изображаемыхъ тобою, развѣ такъ, какъ мы выдѣляемъ изъ Сципіоновъ — Африканскаго, изъ Катоновъ Цензорина, изъ Квинціевъ Цинцинната, изъ стоиковъ Платона, изъ перипатетиковъ Аристотеля, изъ поэтовъ Гомера или Марона — добавляя нѣчто къ ихъ достоинству, не измышляя, а украшая словомъ [3]). Если въ памяти смертныхъ и утратился-бы чей-либо настоящій образъ, онъ не утратится передъ лицемъ Господа, во славу котораго надлежитъ трудиться; блаженъ тотъ, кто вернетъ вдвойнѣ врученный ему талантъ. И такъ надо дѣлать, работать, изо всѣхъ силъ напрягать умъ, дабы выдѣлиться изъ толпы, послужить потомству, чѣмъ предки послужили намъ, дабы наше имя и слава прошли къ безсмертію и о насъ сказали бы, что въ земномъ странствованіи мы работали Богу, а не порокамъ. — Я могъ бы обратиться къ тебѣ и съ болѣе суровымъ укоромъ, заключаетъ Петрарка, но суровость нерѣдко дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, я и предпочелъ болѣе мягкія рѣчи. И такъ, не коснѣй и примись за продолженіе труда, коли не боишься моего гнѣва и бичеванія.

Кончилъ свою рѣчь мужъ, славнѣйшій изъ нашихъ современиковъ, я-же, памятуя, что никто болѣе его не отдавалъ своего

1) Charitati.

2) Augustosque.

3) Voce aliud dignum, non fingendo, dignitati superaddimus aliquid phantasiae.

времени труду, глубоко пораженный правдивостью его укоровъ, не рѣшался поднять на него глаза, а скорбѣлъ втихомолку, желая, чтобы онъ чѣмъ-нибудь меня ободрилъ. Онъ какъ-бы угадалъ меня, негодованіе исчезло съ его лица, въ глазахъ явилась улыбка: Ты смущенъ, другъ мой, это доказательство, что ты очистился отъ малодушія; этого достаточно, даже много. Встань-же, не отчаявайся въ моемъ благодушіи и не давай себя увлечь ложными убѣжденіями. — При этихъ рѣчахъ я воспрянулъ духомъ, хотя краска стыда еще не сходила съ лица, хотѣлъ было взлянуть на учителя, но онъ уже исчезъ.

Боккаччьо снова принимается за дѣло, переходя отъ біографій императоровъ [1]) и ихъ современниковъ къ Радагайсу, скиѳу родомъ и царю готовъ [2]) и Одоакру [3]), въ связи съ чѣмъ стоитъ сѣтованіе о современномъ упадкѣ Рима, когда-то властителя міра, теперь опустѣвшаго, покинутаго папами и императорами [4]), предоставленнаго врагамъ, сохранившаго развалины великолѣпныхъ памятниковъ древности болѣе въ укоръ нашему времени, чѣмъ въ память прежней славы [5]). Именно слава Артура и его Круглаго Стола, перешедшаго въ народное повѣрье [6]), побудила Боккаччьо заняться легендой о немъ, хотя бы и мало достовѣрной съ исторической точки зрѣнія [7]): онъ разсказываетъ о войнѣ Артура съ консуломъ Луціемъ, о его борьбѣ съ сыномъ, о его смерти и надеждахъ британцевъ, что онъ еще вернется. Все это наводитъ на размышленіе о святости сыновняго чувства [8]).

Я не забылъ, какъ пристыдилъ меня мой достохвальный на-

1) Сл. гл. VIII, 11: объ Юліанѣ и противъ кощунствующихъ, съ замѣткой, что Юліанъ занимался магіей, какъ полагаютъ иные.

2) VIII, 14.

3) VIII, 16: De Odoacre rutheno italorum rege.

4) A principibus derelictum.... divinis humanisque privata.

5) VIII, 17.

6) In vulgi fabulam versa.

7) VIII, 19.

8) VIII, 20; сл. IX, 17: панегерикъ отеческой любви.

ставникъ, и хотя отдыхъ не отвѣтилъ желанію[1]), рьяно стремлюсь къ положенной цѣли. Такъ начинается IX-ая книга. Въ біографіи Брунгильды[2]) Боккаччьо прибѣгнулъ къ новому стилистическому пріему: борьба критика, историка съ его источниками представлена въ видѣ спора автора съ историческимъ лицомъ, дающимъ сомнительныя о себѣ показанія. Является демоническая женщина[3]), простоволосая, плачущая: Не забудь меня, новѣйшій изыскатель[4]) старыхъ бѣдъ; ты, чай, пренебрегаешь мною, какъ женщиной[5]), но на этихъ волосахъ возлежалъ царскій вѣнецъ; я Брунгильда, когда-то королева франковъ, и не хуже Арсинои[6]), Клеопатры[7]), Розамунды[8]). — Но я не знаю твоей судьбы, въ первый разъ слышу твое имя! Повѣрить-ли мнѣ тебѣ? Съ юности я знаю, что женщины лживы[9]), развѣ съ вѣнцомъ ты измѣнила своему полу? Чѣмъ, наконецъ, поможетъ тебѣ мое перо, когда тебѣ скорѣй слѣдовало-бы желать забвенія? — Но она проситъ написать въ порицаніе тѣхъ, которые такъ безчеловѣчно обошлись съ матерью короля. Она разсказываетъ, Боккаччьо пишетъ, постоянно прерывая ее и поправляя: Это не такъ, я слышалъ это иначе, ты сама виновата. Брунгильда дивится: Еще недавно ты меня не зналъ, а теперь сталъ моимъ судьей! Сознаюсь, заключаетъ Боккаччьо, что моя свидѣтельница не заслуживаетъ особаго довѣрія; такъ онъ освобождаетъ себя отъ отвѣтственности, если бы что оказалось неточнымъ.

Мы въ новой исторіи. Ромильда, герцогиня Форли, жестоко наказана за свою похотливость[10]), являются лонгобарды, похожіе

1) Pro voluptatis desiderio.
2) IX, 1.
3) Immo daemon.
4) Eviscerator.
5) Mulierculam.
6) IV, 13.
7) VI, 4.
8) VIII, 22.
9) Bilingues.
10) IX, 2.

видомъ на скомороховъ въ личинахъ [1]); судьба императора Арнульфа, погибшаго отъ отвратительнаго недуга, даетъ поводъ къ игрѣ противоположеній, неестетическихъ въ своей настойчивости: императорскаго величія — и императорскаго тѣла, съѣденнаго вшами [2]). Разсказъ о папессѣ Іоаннѣ [3]) повторяетъ, въ нѣсколько иной редакціи, главу изъ De Claris Mulieribus; Боккаччьо не прочь былъ бы распространиться о современныхъ папахъ, но помнитъ читанное имъ когда-то въ Священномъ писаніи: не трогайте моихъ помазанниковъ [4]). Неистовства и развратъ Андроника доводятъ его до позорной казни на висѣлицѣ; Боккаччьо не щадитъ здѣсь красокъ [5]), и его воззваніе къ жестокимъ и сластолюбцамъ [6]) проникнуто грубоватой, похоронной ироніей: Ну что-же, вѣнчайтесь миртомъ, оглашайте воздухъ пѣснями, принимайте вашего тріумфатора Андроника, облеченнаго въ одежды благого, великаго Юпитера, увѣнчаннаго цвѣтами! Принесите жертвы Венерѣ [7]), устилайте свой путь трупами. Вонъ онъ гдѣ, высоко, попираетъ ногами воздухъ [8]): вытянувъ шею, смотритъ на звѣзды и, чай, молитъ небожителей [9]) упрочить крѣпость висѣлицы, чтобы его тѣло какъ нибудь не разбилось. Поучитесь на Андроникѣ; левъ боится собаки, если вѣрить физіологамъ [10]); мы жестокосердѣе животныхъ, если судьба императора, дошедшаго до позорной казни, не заставитъ одуматься насъ, земныхъ червей.

Отъ Вильгельма I-го сицилійскаго и Констанціи, дочери Ро-

1) Ludentes larvatos, IX, 3.
2) IX, 5.
3) IX, 7.
4) Nolete tangere Christos meos, IX, 8.
5) IX, 11.
6) IX, 12.
7) Currus et eximios dicate Veneri.
8) Aërem calce premit; сл. Дек. II, 2: давать пинка вѣтру.
9) Superos.
10) Phisologis.

жера I[1]) мы переходимъ къ свевскимъ императорамъ[2]), отрицательное отношеніе къ которымъ намъ извѣстно[3]); за то подняты анжуйцы и французскій королевскій домъ сіяетъ надъ другими, какъ солнце среди звѣздъ. Карлъ I-й, король Сициліи и Іерусалима, выступаетъ не какъ другіе: не склонивъ голову, не въ слезахъ и не въ печальной одеждѣ, а мужественно и прямо, точно попирая враждебную судьбу[4]). Сужденіе о немъ симпатично, только казнь Конрадина набросила на него тѣнь[5]); при Тальякоццо онъ побѣдилъ не столько своею храбростью, сколько благодаря мужеству стараго Аларда[6]); сообщается слухъ, будто-бы самъ король наложилъ на себя руки, и, какъ у Петрарки[7]), Джьованни изъ Прочиды поднимаетъ сицилійцевъ, оскорбленный въ чести своей жены. Неподдѣльной симпатіей дышетъ разсказъ о дѣлѣ храмовниковъ[8]); правда, они утратили прежнюю чистоту нравовъ и военную доблесть, но пострадали не по дѣламъ; вина падаетъ на короля Филиппа; они были казнены послѣ долгаго, хотя пустяшнаго разслѣдованія, но ни пытки, ни просьбы друзей не побудили ихъ повиниться въ небывалыхъ проступкахъ, минутная слабость магистра ордена, Якова де Молэ, и нѣсколькихъ его товарищей, которые позволили склонить себя къ сознанію, искуплена была ихъ всенароднымъ, героическимъ заявленіемъ, что они достойны смерти, но не за грѣхи, которые на нихъ взводятъ, а за то, что, совращенные уговорами папы и короля, они запятнали свой орденъ. Такъ жестокимъ ударомъ судьбы тотъ, кто еще недавно своимъ царственнымъ блескомъ возбуждалъ зависть величайшаго короля, не только очутился простымъ гражданиномъ, но даже

1) IX, 14; сл. выше стр. 222.

2) IX, 16: о римскомъ королѣ Генрихѣ, сынѣ Фридриха I; IX, 17: Фридрихъ II, Манфредъ, его братъ Генрихъ.

3) Сл. выше стр. 149—150.

4) IX, 18.

5) Non absque infamia IX, 19.

6) Сл. Dante Inferno 28, vv. 17—18.

7) Itin. Syriacum, у Lumbroso, l. c. стр. 34.

8) IX, 21.

въ несчастныхъ вызвалъ состраданіе. Это разсказывалъ мнѣ отецъ мой, Боккаччьо, купецъ, жившій тогда въ Парижѣ, честнымъ трудомъ умножая свое достояніе, и бывшій при томъ дѣлѣ. Что такое героизмъ древнихъ въ сравненіи съ этимъ, спрашиваетъ авторъ [1]): Ѳеодора, замученнаго тиранномъ Іеронимомъ, Анаксарха, выплюнувшаго свой языкъ въ лицо Никокреонту, Муція Сцеволы? Они умирали особнякомъ, всякій за свое убѣжденіе; здѣсь-же толпа людей, сошедшихся изъ разныхъ мѣстъ, не знающихъ другъ друга, умираетъ единодушно: единодушными ихъ сдѣлала истина; ихъ доблесть — patientia: твердость духа.

Въ толпѣ несчастныхъ, снова являющихся на очередь, Боккаччьо видитъ Данте Алигьери, великаго поэта [2]); лицо его внушительно и исполнено твердости [3]); авторъ хочетъ восхвалить его и, поднявшись ему на встрѣчу, говоритъ: Зачѣмъ, о великая краса нашего города, по праву почтенный въ этомъ сонмѣ сѣтующихъ, влачишь ты по прежнему благодушно [4]) свои стопы? Не желаешь-ли, чтобы я написалъ о твоемъ отечествѣ и славномъ родѣ, о твоихъ твореніяхъ, трудномъ бѣгствѣ и долгомъ изгнаніи и наконецъ о кончинѣ среди чуждыхъ холмовъ? [5]). Но ты знаешь, дорогой мой отецъ, какъ слабы мои силы для такой ноши. — Перестань, сынъ мой, такъ величать, такъ защищать меня [6]); я знаю твои способности [7]) и знаю, чего я заслуживаю. Но не то у меня теперь на умѣ, что ты думаешь, и не затѣмъ я пришелъ, чтобы ты описалъ меня, сраженнаго судьбою, но негодуя на малодушіе [8]) нашихъ гражданъ, я явился показать тебѣ того, кто учинилъ имъ вѣчный позоръ. Не опускай его, если ты

1) IX, 22.

2) Poëtam insignem.

3) Patientia.

4) Mansuetudine veteri.

5) Collo sub alieno.

6) Tam afluenter in laudes meas effundere verba et te caussa partium mearum ostendere?

7) Ingenium.

8) Secordiam.

считаешь себя чѣмъ-либо обязаннымъ мнѣ [1]), опиши того, что̀ шествуетъ за мною, домашнюю язву, неискупимый позоръ флорентинскаго имени, разскажи о его нравахъ и паденіи, дабы потомки узнали, кого изгоняютъ твои сограждане и кого принимаютъ.

Боккаччьо хотѣлъ было отвѣтить, но Данте уже нѣтъ; авторъ видитъ новаго пришельца, въ которомъ узнаетъ [2]) Вальтера, герцога аѳинскаго, когда-то гибельнаго тиранна Флоренціи. Онъ шествуетъ тихо, опустивъ голову и склонивъ глаза, такой печальный, убитый духомъ и силами, что въ немъ не признать того, кого видѣлъ [3]). Какъ измѣнился онъ съ тѣхъ поръ [4]), какъ онъ первый осмѣлился коварно попрать свободныя выи флорентійцевъ! — Слѣдующая за тѣмъ біографія Вальтера [5]), полная завзятаго муниципальнаго демократизма, не даромъ поставлена подъ эгидой Данте; она написана страстно и реторично, по Виллани, старымъ впечатлѣніямъ [6]) и слухамъ: Вальтеръ, *какъ говорятъ*, погибъ въ битвѣ при Пуатье отъ руки флорентійцевъ. Это было красиво: онъ пролилъ кровь флорентійцевъ, судьба покарала его тѣмъ-же орудіемъ.

За королями и именитыми мужами выходитъ женщина изъ народа, знакомая намъ Филиппа изъ Катаніи [7]). Боккаччьо находитъ нужнымъ извиняться за эту дисгармонію [8]), хотя и ранѣе у него являлись на сцену рабы, простые люди, проходимцы [9]). Какъ и въ De Claris Mulieribus, такъ и здѣсь, онъ имѣлъ въ виду славныхъ, не только родовитыхъ [10]); кромѣ того онъ искалъ

1) Si quid mihi debes.

2) Adverti novique.

3) Ut non eum dicas, quem videras.

4) O quam mutatus ab illo.

5) IX, 24; сл. выше т. I, стр. 178 слѣд.; II, 163.

6) Quam videras IX, 23; сл. 24: quem cum suis omnibus dixisses facile in sanguinem inermium ruiturum.

7) Сл. выше т. I, стр. 371—2, 375, 382.

8) IX, 25.

9) Сл. V, 14, 15, 18.

10) Claros non nobiles.... tantum.

и нѣкоего соотвѣтствія: какъ его герои, начавъ со счастья, кончаютъ несчастьемъ, такъ его книга, начинавшаяся съ благороднѣйшаго изъ мужей, Адама, кончается безродной [1]) женщиной изъ плебса. Это такая же игра въ реторизмъ, какъ въ De Claris Mulieribus, гдѣ Евва и королева Джьованна противопоставлены другъ другу [2]). — Къ тому-же, продолжаетъ Боккаччьо, судьба Филиппы мало кому извѣстна, о ней нельзя узнать изъ писаній, а лишь изъ разсказовъ [3]); самъ онъ кое о чемъ слышалъ, иное видѣлъ собственными глазами; за послѣднее онъ отвѣчаетъ, что до перваго, то еслибы объявилось что-либо болѣе правдивое, его винить не слѣдуетъ, ибо онъ посильно искалъ истины. Когда еще юношей [4]) онъ вращался при дворѣ короля Роберта, онъ зналъ двухъ стариковъ: Марина Булгаро съ Искіи [5]), человѣка храбраго, обладавшаго громадной памятью, съ юности искуснѣйшаго въ морскомъ дѣлѣ, и калабрійца Константина де Рокка, почтеннаго какъ по лѣтамъ, такъ и по достоинствамъ; имъ знакомы были древніе роды и гербы придворныхъ [6]), они и разсказали ему о прежнихъ судьбахъ Филиппы до ея выхода замужъ за эѳіопа Раймунда и повышенія его въ рыцари. — Маринъ Булгаро, вѣроятно, тождественъ съ Мариномъ Болгаро новеллы Декамерона V, 6, героиней которой является его дочь, Реститута.— Далѣе Боккаччьо разсказываетъ о томъ, чего самъ чуть не видѣлъ, чего былъ почти свидѣтелемъ [7]): о возраставшемъ вліяніи Филиппы, смерти Роберта и началѣ распрей между Джьованной и мужемъ — и убійствѣ Андрея. Разсказъ видимо сдержанный въ подробностяхъ, которыя могли бы насъ особенно заинтересовать: кто были убійцы и какимъ образомъ совершилось убійство,

1) Degenerem.
2) Сл. выше стр. 218.
3) Nec ex literis, sed relatibus.
4) Adulescentulo.
5) Origine Issulanus; въ друг. изд.: sclavus.
6) Antiquitates seu stemmata curialium recensentes.
7) Quae fére viderim ipse.

это — не къ дѣлу [1]); графу Гуго Авеллино поручено было разслѣдовать преступленіе; онъ заключилъ въ тюрьму нѣсколько лицъ, между прочимъ Филиппу, по какимъ соображеніямъ — не знаю; добились-ли отъ нихъ чего-либо пыткой — неизвѣстно; въ ихъ виновность вѣрили [2]), и они казнены.

Въ новомъ сонмѣ жалующихся [3]) является и французскій король Іоаннъ, пораженный самымъ недѣятельнымъ, трусливымъ и немужественнымъ въ свѣтѣ народомъ [4]) и отвезенный плѣнникомъ въ Англію. Подразумѣвается пораженіе въ битвѣ при Пуатье [5]); характеристика англичанъ та-же, что у Петрарки [6]). Но пора и успокоиться, говоритъ Боккаччьо: по милости Божіей моя утлая ладья, пройдя по бурному морю царственныхъ скорбей, опасностей, слезъ и гибелей, дошла наконецъ до своей цѣли. Если авторъ отступилъ кое-гдѣ отъ истины, пусть вмѣнятъ это его незнанію, не самомнѣнію, и да простятъ его болѣе свѣдущіе [7]) во имя сладчайшей и преславной философіи [8]), особливо Петрарка, мой лавровѣнчанный учитель, блестящее зерцало нравовъ, свѣтило назидательныхъ знаній; пусть дополнятъ недостающее въ его трудѣ, удалятъ лишнее, исправятъ несогласное съ христіанской религіей либо философской истиной — хотя, по мнѣнію автора, ничего такого у него нѣтъ. Я возблагодарю Господа, подателя милостей, если моя книга обратитъ кого-нибудь къ самосознанію и смиренію; и да откроютъ глаза сильные міра сего, да поучатся и исправятся, и коли имъ случится пасть, пусть будетъ это не по ихъ винѣ, а по злобѣ [9]) всѣмъ вращающей Фортуны. Ты-же,

1) Qui fuerint, quo ordine in mortem juvenis itum est, instantis exercitii non est.

2) Pro constanti habitum est.

3) IX, 27.

4) Inertissimis atque pavidis et nullius valoris hominibus.

5) Сл. выше стр. 103, 211.

6) Fam. XXII, 14,

7) Prudentiores.

8) Per dulce atque praeclarum decus philosophiae.

9) Protervia.

малая моя книжка, здравствуй долго, блюдя имя и славу Магинарда и мою [1]).

Воззваніемъ къ сильнымъ міра сего кончается трактатъ, назначенный направить ихъ на путь добра примѣрами судьбы. Сильные міра сего — это люди, возвышенные счастьемъ и поверженные имъ, преимущественно цари, правители, тиранны, государственные дѣятели. Этотъ выборъ даетъ основный тонъ морализаціи: въ ней слышатся общественные мотивы, поднятые реторизмомъ.

Въ общемъ нравственные взгляды De Casibus отличаются той-же суровостью, тѣмъ же боязливымъ поворотомъ къ старинѣ, какъ въ Корбаччьо и трактатѣ объ именитыхъ женщинахъ. Начать хоть съ вопроса, капитальнаго для того и другого: женщина и любовь. Евва создана была на утѣху мужа, не на безпокойство, какъ нынѣшнія жены [2]); женщины вреднѣйшее отродье, безумное, вѣроломное, вѣтреное, лживое, ненасытно-сладострастное [3]); когда онѣ разгнѣваны, нѣтъ жесточе ихъ, онѣ не удовлетворяются тѣмъ, что видѣли плоды своей мести, а хотятъ, чтобы о ней знала вся улица [4]). Особенно ярка отрицательная характеристика женщинъ, вызванная предательствомъ Далилы [5]): онѣ — милое и вмѣстѣ смертельное зло [6]), которое не многимъ удается познать, прежде чѣмъ они его испытали. Низверженныя Богомъ за ослушаніе, онѣ не къ тому стремятся, чтобы вернуть себѣ прежнее положеніе, а по какой то врожденной злобѣ [7]) строятъ ковы бѣднымъ мужчинамъ. Онѣ знаютъ, что̀ въ нихъ нравится: свѣжія краски лица [8]), смѣющіеся либо серьезные

1) Tenax nominis atque famae.
2) I, 1: sollicitudinem.
3) I, 10: effrene, infidum.
4) IV, 12; сл. VIII, 23.
5) I, 18.
6) Blandum et exitiale.
7) Malitiam.
8) Faciem roseo colore et vivido fulgidam.

голубые глаза[1]), золотистые, кудрявые волосы, благовонные уста, продолговатый носикъ, алебастровая[2]) шея, прямо выходящая изъ полныхъ[3]) плечъ, грудь, вздымающаяся двойною округлостью, длинныя руки съ тонкими ладонями и продолговатыми пальцами, стройное тѣло[4]) и маленькая ножка; но не удовлетворяясь этими дарами природы, онѣ ухитряются присоединить къ нимъ и другое, отвѣчающее ихъ цѣли, совѣтуются другъ съ другомъ, съ великимъ остроуміемъ устраняя лишнее и дополняя недостатки. Слѣдующія выходки напоминаютъ дамскую уборную въ Корбаччьо и новеллу Саккетти[5]), гдѣ художники спорятъ, кому послѣ Джьотто принадлежитъ пальма первенства въ живописи, а Альберто Арнольди рѣшаетъ, что женщинамъ: дѣвушку, страдающую излишней худобой онѣ дѣлаютъ полной, питая ее сладкими явствами и питьями[6]), полную — гибкой, какъ тростникъ, постомъ, либо виноградными зернами[7]); кривую и хромую прямой, поднятое плечо низкимъ и наоборотъ, малорослую — высокой. Говорить-ли объ опухоляхъ на рукахъ[8]), о веснушкахъ на лицѣ? Отъ всего онѣ пользуютъ, не спросясь Гиппократа: темные волосы онѣ обращаютъ посредствомъ настоекъ[9]) въ золотистые, торчащіе съ помощью щипцовъ въ завитые, ножницами разъединяютъ слившіяся брови, выводятъ ихъ тонкимъ, полукругомъ и чернятъ впрокъ[10]); недостающіе зубы замѣняютъ зубами изъ слоновой кости, почернѣвшіе красятъ и чистятъ всякими снадобьями[11]); волосы на лицѣ, которые не сняла

1) Oculos lactos, graves atque ceruleos.
2) Eburneus.
3) Rotundis.
4) Gracile.
5) № 136.
6) Mellitis cibis et offis.
7) Acinis.
8) Tumerositates.
9) Aquis.
10) Perpetua nigredine.
11) Pigmentis gemmisque.

бритва, устраняетъ тонкое стеклышко, оно тончитъ кожу; поблекшее лицо и губы красятся, идутъ въ ходъ и другія снаровки, такъ что въ концѣ концовъ неряшливыя и безобразныя представляются вамъ самой Венерой. У меня устало бы перо и не хватило-бы бумаги, еслибъ я захотѣлъ описать, какъ убираютъ онѣ волосы, то обертывая ихъ вокругъ головы, то плетя, то взбивая [1]), какъ украшаютъ ихъ цвѣтами, кораллами [2]), драгоцѣннымъ узорочьемъ [3]), вѣнками и тончайшими вуалями, немного отпущенными на волю вѣтра; въ какія платья онѣ рядятся, что́ твой царскій пурпуръ, причемъ одна слѣдуетъ модѣ аллоброговъ, другая эдуевъ, кипрійцевъ или египтянъ, грековъ или арабовъ, ибо итальянская не удовлетворяетъ.—Это старыя нареканія противъ излишествъ дамскихъ модъ, которыя вызывали и правительственныя постановленія и сатиру [4]).—Отуманивая такимъ образомъ умы мужчинъ, онѣ тонко поняли, какими способами разжигать ихъ, полуобнажая то прелесть персей, то ногу; онѣ знаютъ, какъ смотрѣть, какъ сладострастно повести глазами, какая улыбка идетъ къ лицу, и умѣютъ во время показать, что не желаютъ совсѣмъ того, чего вожделѣютъ. Но мнѣ-ли, несвѣдущему (nescius), повѣдать объ ихъ уловкахъ? Это тоже, что пересчитать звѣзды или морской песокъ; дѣлается это на глазахъ у всѣхъ, а какія у нихъ наединѣ [5]) медовыя рѣчи, какія ласки и нѣга, какія, коли понадобятся, слезы, всегда готовыя къ ихъ услугамъ — объ этомъ лучше умолчать. На все это попадаются мужчины; примѣры: Адамъ, Парисъ, Тіэстъ, Пирръ, Геркулесъ, Самсонъ; что еще позорнѣе [6]), попадаются не только въ томъ возрастѣ, когда особенно сильно разгорается пламя Амура, но и люди ста-

1) Hos circumvolvunt capiti, illos in nodum agunt, alios in cumulos.

2) Corallis.

3) Auriis gemmisque infulis.

4) Сл. выше т. I, стр. 49, 469 и Sacchetti, Canzone distesa contra alle nuove fogge; Canzone contra alla portatura delle donne fiorentine и др.

5) In conclavi.

6) Turpius.

рѣющіеся [1]). О женщина, сладчайшая и вмѣстѣ смертельная утѣха, что можешь ты увидѣть, чего-бы не пожелала [2]), что пожелать, чего не осмѣлилась бы получить, на что-бы осмѣлилась, чего-бы не получила? Авторъ приглашаетъ юношей вспомнить судьбу Трои, Агамемнона, Геркулеса, Самсона, какія мерзости, противныя даже коршунамъ [3]), скрываются подъ обманчивой краской лица, подъ золотыми и пурпурными одеждами. О если бы мы познали здраво, кто мы и на что рождены, и, свободные, негодующіе, не позволили бы себѣ нести иго столь необузданнаго животнаго! — Ибо женщина животное жестокое [4]), гнѣвное, вѣроломное, сладострастное, свирѣпое [5]), жадное до суетнаго, не до вѣрнаго; это — Далила, Даная, отдавшіяся изъ-за золота, Филлида, повѣсившаяся въ нетерпѣніи изъ-за любви къ Демофоонту; Клитемнестра, Египтянка, соблазнившая Соломона, Медея и др. Скажутъ: даже Самсонъ и Геркулесъ были побѣждены, не то, что мы; къ тому же слѣдуетъ заботиться о продолженіи рода, да и не всѣ женщины достойны осужденія. Да, мы не совершаемъ подвиговъ Геркулеса, но мужественностью, твердостью можемъ превзойти его, отдавшагося сладострастью. Вѣдь Улисса не побѣдила ни Калипсо, ни Сирены; прежде всего надо побѣдить самого себя. Я не отрицаю, что къ женамъ подобаетъ стремиться ради потомства, но не слѣдуетъ подчиняться имъ, не давать имъ надъ собой власти, а не раздѣлять ее съ ними, не довѣрять ихъ слезамъ и жалобамъ, беречься ихъ ковъ, какъ смертельнаго врага. Разумѣется, и между ними есть благочестивыя [6]), скромныя, святыя, достойныя всякаго уваженія, не только христіанки, но и язычницы; коли таковыя встрѣтятся, ихъ слѣдуетъ любить и почитать паче мужчинъ; но онѣ встрѣчаются

1) Senescentibus.
2) Quid concupiscere potes, quin velis.
3) Vulturibus.
4) Amarissimum.
5) Truculentum.
6) Piae.

рѣдко и потому, дабы въ поискахъ за Лукреціей не попасть на Кальпурнію или Семпронію, я полагаю, что лучше—избѣгать ихъ всѣхъ.

Мизогинизмъ этихъ страницъ оставляетъ за собою соотвѣтствующія нападки De Claris Mulieribus; какъ будто самая глава написана подъ впечатлѣніемъ слѣпой ожесточенности Корбаччьо. Личный моментъ я склоненъ усмотрѣть и въ томъ, что любовь позорно овладѣваетъ даже людьми старѣющими, не сознающими, кто они и на что рождены: это мотивы Корбаччьо. Какъ тамъ [1]), описываются подробно тайны дамскаго туалета, съ отвращеніемъ—и видимымъ интересомъ; раскрываются уловки женщинъ, чтобы опутать мужчинъ, хотя авторъ утверждаетъ съ невиннымъ видомъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ не свѣдущъ; онъ, дозволившій назвать себя въ Корбаччьо «знатокомъ женщинъ»! Онъ ихъ не только знаетъ, но и продолжаетъ любить, это чувствуется въ самой страстности его укоризнъ; старый грѣшникъ остался въ въ суровомъ ригористѣ: въ женщинахъ гибель, но и блаженство; она сдѣлаетъ все, что захочетъ, потому что міръ ей принадлежитъ, говоритъ онъ въ De Claris Mulieribus. По прежнему онъ любуется формами женскаго тѣла, и его эстетическій идеалъ тотъ-же [2]); когда любовникъ Арзинои убитъ въ ея объятіяхъ и она держитъ его, обагренная его кровью, не можетъ наглядѣться на его красоту, зоветъ его и цѣлуетъ, какъ бы допытываясь въ немъ жизни [3]) — Боккаччьо забывается въ художественности трагическаго положенія; но слѣдующая глава [4]) спѣшитъ все исправить: красота пагубна, и похвально поступилъ Спуринна, исказившій свою красоту, ибо она увлекаетъ къ любви. Ея тревоги, опасности и пагубныя послѣдствія напоминаютъ такое-же общее начало въ De Claris Mulieribus [5]), образъ лабиринта —

1) Сл. выше стр.
2) Сл. выше т. I, стр.
3) IV, 18.
4) IV, 19.
5) Сл. выше стр.

планъ Корбаччьо: кто попадетъ въ этотъ лабиринтъ, того либо изгоняютъ изъ него, обманутаго, долго поводивъ, либо увлеченный ложной надеждой, проплутавъ, онъ погибаетъ отъ усталости, либо гибнетъ въ западнѣ[1]).

То-же пониманіе любви, какъ исключительно плотской, грѣшной страсти[2]), развивается въ l. III, 4 съ сходными аргументами, но въ иномъ приложеніи: мы входимъ въ область обличеній, направленныхъ противъ сильныхъ міра сего. Во первыхъ противъ сладострастныхъ правителей, не знающихъ границъ своимъ вожделѣніямъ: они посѣщаютъ храмы, площади, всѣ мѣста, гдѣ могутъ встрѣтить красиво-одѣтыхъ дамъ, на всѣхъ глазѣютъ, всѣхъ одинаково желаютъ, ухаживаютъ, улещаютъ, насильничаютъ и хвалятся въ пѣсняхъ оскверненіемъ супружескихъ ложъ. Когда ихъ порицаютъ за это, они ссылаются на Давида, Самсона и Соломона; вѣдь любовь въ юные годы—дѣло природы и не грѣхъ; наконецъ, они надъ собою властны, никому не дѣлаютъ вреда, а подъ старость остепенятся. Что за безуміе! Согрѣшили и Давидъ, и Самсонъ, и Саломонъ, и за это были наказаны; да они и славны не однимъ лишь любострастіемъ; къ чему-же подражать имъ въ этомъ одномъ? Вы какъ коршунъ, день деньской кружащійся на простертыхъ крыльяхъ и опускающійся не на годное, а на падаль. Правда: всѣ мы естественно подвержены вожделѣнію въ видахъ умноженія рода, но совершать это внѣ закона — не юношеская забава, а издѣвательство[3]); да въ эти лѣта не слѣдуетъ подстрекать страсть, давая волю глазамъ, а тѣмъ строже сдерживать ее. На силы вожделѣнія ссылаться нечего: пусть вспомнятъ Сципіона Африканскаго, рѣчи Сифакса за Софонизбу, Катона, Цицерона, Друза, юныхъ дѣвъ, предпочтившихъ муки безчестію. Для обузданія страсти есть бракъ. А что будто-бы всякій воленъ въ своемъ, то и это несправедливо: и по отношенію

1) Ab insidiis male sanus opprimitur.

2) Сл. De Claris Mulieribus, выше стр.

3) Non. . . . ludus, sed ludibirum.

къ себѣ самому не все дозволено, на то разумъ поставилъ намъ законы, въ числѣ ихъ и такіе, которые оберегаютъ честь женщинъ. Съ другой стороны, что можетъ быть глупѣе, какъ довѣриться всецѣло охранѣ человѣка, чтобы обрѣсти въ немъ—осквернителя своей чести! Ибо я не обезпеченъ, если мой домъ запятнанъ прелюбодѣяніемъ, на мое лицо наведена краска стыда. Пусть помнятъ это правители: человѣкъ все скорѣе перенесетъ, чѣмъ безчестіе; тому примѣры насиліе надъ Лукреціей, судьба Аппія Клавдія, пожаръ Трои изъ-за Елены, колѣно Веніаминово, чуть не истребленное [1]) изъ-за соблазненной супруги левита. Наконецъ, есть еще и вопросъ о здоровьи: излишества сладострастія притупляютъ умъ и память, надрываютъ силы; оно врагъ здоровья; если кто и доживаетъ до старости, бываетъ подверженъ разнымъ недугамъ, не только обреченъ на воздержаніе, но и оплакиваетъ грѣхи пылкой юности.

Типомъ царственнаго распутства и безумной роскоши является Сарданапалъ [2]); были мудрые изобрѣтатели, Форонеи, Сатурнъ, Эрихтоній; Сарданапалъ явился и затмилъ ихъ славу введеніемъ мягкихъ ложъ, драгоцѣнныхъ кубковъ, изысканныхъ яствъ, благовоній и мазей, возбуждающихъ любовь. Подробно и реально говорится объ его образѣ жизни среди нѣги и разврата; но Сарданапалъ не одинъ [3]), характеристика невольно обобщается. При дворахъ царитъ не только развратъ, но и наушничанье и легковѣріе: самъ я нерѣдко видѣлъ, говоритъ Боккаччьо, привязавшись къ вопросу о легковѣріи Тезея [4]), что правители показывались не иначе, какъ окруженные стражей, дома держали привратниковъ, и изъ боязни отравы, людей, предвкушавшихъ яства и питья — а вмѣстѣ съ тѣмъ склоняли слухъ ко всякой рѣчи, не боясь яда, вселяющагося такимъ путемъ въ души. —

1) Desolatum.
2) II, 12.
3) II, 13; сл. сон. LVI: Apizio legge nelle nostre scole—E'l re Sardanapalo.
4) I, 10.

И отрицанія накопляются; говоря [1]) о помазаніи Саула на царство, Боккачьо восклицаетъ: О счастливое событіе — если вѣрить мнѣнію толпы! А черезъ нѣсколько главъ [2]) укоры противъ гордыхъ или надменныхъ мѣтятъ именно въ царей: на нихъ взводятся всевозможныя преступленія, они отождествлены съ тиранами, свергнуть, убить ихъ — святое дѣло; о священная римская свобода! ты существовала бы вѣчно, еслибы поднималась всякій разъ во всеоружіи мести на распутныхъ правителей, памятуя, что дважды ты была искуплена непорочной кровью! Но намъ не помочь людямъ, которыхъ Господь осудилъ на гибель [3]).

Эти яркія выходки противъ тирановъ вычитанныя изъ классиковъ, получали для Боккачьо живой смыслъ, реторическая фраза становилась для него выраженіемъ пережитого, реальнаго: онъ самъ видѣлъ тираннію герцога Аѳинскаго, знаетъ, чего стоитъ малодушная, измѣнническая толпа [4]), какъ несносно-чванны разбогатѣвшіе проходимцы [5]), а память Регула [6]) вызываетъ цѣлую филиппику противъ флорентійцевъ: у нихъ одинъ интересъ — хищничество, грабить мірское или церковное, лишь бы не попасться; добившись всякими неправедными путями почестей и богатства, они не стыдятся говорить о своей бѣдности, дабы избѣжать общественныхъ тяготъ; дочерямъ даютъ богатое приданое, свадьбы празднуютъ по царски, рядятъ женъ, держатъ лошадей и собакъ—а на общественное дѣло у нихъ нѣтъ денегъ; а мы вѣдь прежде всего родились для отечества, и лишь потомъ для себя. Увѣщаніе къ нарушителямъ клятвы также обращено противъ богатыхъ.

Политическое и общественное міросозерцаніе Боккачьо намъ знакомо [7]) и соотвѣтствующіе эпизоды De Casibus тому не про-

1) II, 1.
2) II, 5.
3) III, 9; сл. III, 2.
4) IV, 2.
5) V, 18.
6) V, 4.
7) Сл. выше, т. I, стр. 147 слѣд.

тиворѣчатъ: демократизмъ Боккаччьо не принципіальный, а личный, сильное сознаніе личной свободы, щепетильное и подозрительное ко всякому игу, соединялось въ немъ съ интересомъ къ вопросамъ флорентійской самостоятельности; изъ этихъ двухъ элементовъ создался его гражданскій идеалъ, воплотившійся въ его субъективномъ пониманіи Данте: забыты вопросы времени, гвельфы и гибеллины и значеніе партіи; Данте—великій человѣкъ, не поступившійся своей свободой даже подъ ударами судьбы.

Но что такое судьба, фортуна, Rhamnusia юношескихъ писемъ, навѣянная Овидіемъ или Генрихомъ изъ Сеттимелло? [1]). Въ De Casibus это основной мотивъ. Если въ книгѣ о знаменитыхъ женщинахъ Боккаччьо пытался разрѣшить нѣкоторые изъ тревожившихъ его вопросовъ: любовь и нравственность, добродѣтель и слава, то этическія задачи De Casibus можно бы формулировать такимъ образомъ: судьба и призваніе. И въ послѣднемъ случаѣ рѣшеніе получилось такое-же двойственное, полное внувнутреннихъ противорѣчій; вопросъ не подвинулся съ тѣхъ поръ, какъ въ юношескихъ письмахъ Боккаччьо подписывался «враждебный судьбѣ» [2]), поднималъ эти вопросы и въ Декамеронѣ [3]). Впрочемъ самъ онъ спѣшитъ признаться, что ограничится примѣрами, не пускаясь въ изслѣдованія причинъ [4]), въ обобщенія.

Судьба, Фортуна—это Богъ, говорится въ введеніи, но въ ея содержаніи нѣтъ ничего христіанскаго: ни идеи воздаянія, ни идеи искупленія, ни подчиненія идеѣ промысла, какъ у Боэція. Иной разъ она прозорлива, не баловала Боккаччьо, пока его желанія были неразумны, и сулитъ ему славу, познавъ высоту его стремленій [5]); въ другихъ случаяхъ она жестока и несправедлива;

1) Сл. выше т. I, стр. 79 и Ov. Trist. V, 8, 9; Metam. III, 406. Сл. Claud. Bell. Get. 631 и Apul. Metam. XI, t. I. стр. 763 (ed. Lugd. Batav.).

2) Сл. выше т. I, стр. 79.

3) Сл. выше т. I, стр. 487 слѣд.; къ приведенной тамъ литературѣ слѣдуетъ присоединить сербскую сказку, сообщенную Велашевичемъ въ Просвјета I, св. VII.

4) VI, 1.

5) l. c.

ея пути, ухищренія [1]), повороты [2]) и неисповѣдимы, и капризны. Часто, взвѣявъ съ земли мелкія соломинки [3]), она возноситъ ихъ чудовищными тучами, застилаетъ ими солнце, ихъ громомъ наводитъ страхъ, а затѣмъ, какъ бы пресытившись игрой, обращаетъ въ дождь, который омываетъ дороги, а, можетъ быть, очищаетъ и клоаки [4])—и бѣдные люди, обманутые ею, ошеломленные, точно во снѣ или подъ вліяніемъ волшебнаго миража [5]), не зная, что дѣлать, хватаются за воздухъ и тщетно сѣтуютъ на глазахъ у коварной [6]). Апологъ ди Негро [7]) пытается схватить ея неуловимый образъ — опредѣленіемъ: будто-бы несчастная доля по большей части заслужена; но Дидону судьба обидѣла [8]), на философа Каллисѳена она ожесточилась [9]), поразила Данте [10]) безправно и незаслуженно. Чувство справедливости оскорблено, но нравственное удовлетвореніе является въ сознаніи правоты, исполненнаго долга, въ доблести, virtus: гдѣ она, тамъ нѣтъ удѣла судьбѣ [11]), даже испытывая позоръ, доблесть не подчиняется фортунѣ [12]), мужественно перенося утрату царствъ, оскорбленія, смерть дѣтей, тяжесть нищеты [13]). Въ этомъ самосознаніи, торжествующемъ надъ ударами судьбы, нѣтъ ничего спеціально-христіанскаго; оно подлежитъ этической — но и эстетической оцѣнкѣ: нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ встрѣтить неминуемую смерть такъ-же безбоязненно, какъ жили [14]).

1) I, 9: artes.

2) I, 20: revolutionibus.

3) IV, 13: tritas.... paleas.

4) l. c.: qua nescio, utrum dicam, an terrae persaepe lavari vias, an fetidas lavari cloacas.

5) V, 13: ambages magicas.

6) l. c.: joculatrix.

7) III, 1 и введеніе.

8) II, 9: injuriam.

9) IV, 7: saevientis fortunae.

10) IX, 23.

11) V, 4: ibi nullas partes esse fortunae.

12) VIII, 4: ignorat fortunae succumbere.

13) IX, 22.

14) IV, 12.

Есть и доля, дѣйствительно заслуженная[1]); когда люди превысили свои требованія отъ жизни, увлеклись не въ мѣру погоней за счастьемъ, они платятся за это; въ такихъ случаяхъ, чѣмъ больше бываетъ счастья, тѣмъ ближе паденіе[2]), и слѣпой оказывается не Фортуна, а люди, не умѣряющіе своей воли послушаніемъ[3]), грѣшащіе гордыней[4]) и ненасытнымъ вожделѣніемъ[5]), полагающіе свое благо въ суетномъ, когда слѣдовало-бы смириться, припавъ къ краеугольному камню—Христу[6]); спасеніе въ смиреніи[7]), въ бѣдности[8]), то есть въ ограниченіи желаній[9]).

Но какъ быть, когда эти желанія лежатъ въ лучшей сторонѣ нашей природы, въ энергіи таланта, требующей исхода, осуществленія? Самъ Боккаччьо ощущаетъ въ себѣ эти стремленія[10]), прирожденное благородство, которое онъ отдѣлялъ отъ вопросовъ крови и наслѣдственности[11]); и въ простомъ человѣкѣ таится нерѣдко великій духъ[12]), говоритъ онъ и пытается извинить Алкивіада, съ видимой симпатіей къ его блестящему образу[13]). Да, онъ самъ виноватъ въ своихъ несчастіяхъ, я не отрицаю того, но рѣдко кто бываетъ доволенъ своей участью; нашъ духъ небеснаго происхожденія, и ему присуща огневая сила и неутолимая жажда славы. Если онъ благороденъ и не коснѣетъ въ тѣлѣ, ему тѣсно въ груди: онъ рвется наружу, обнимая весь міръ, возносясь къ звѣздамъ, вожделѣя великаго, какъ бы стремясь къ своей родинѣ, иногда падая. Это участь

1) IV, 5, VI, 1.
2) I, 12, III, 3.
3) I, 2.
4) I, 4.
5) III, 7.
6) I, 13.
7) II, 8, 16, IV, 7: humilitas.
8) I, 15, III, 1, 17, VIII, 17; сл. выше стр. 199—200.
9) Gen. Deor. l. XIV, c. 4: si desiderio careat augendi.
10) Сл. выше стр. 182 въ письмѣ къ Заноби.
11) II, 17, V, 4, VI, 3, IX, 16; сл. выше стр. 48 слѣд.
12) II, 5.
13) III, 13.

великихъ[1]), энергическихъ умовъ; отъ недѣятельности слабѣютъ и тѣлесныя и духовныя силы, какъ блестящіе предметы ржавѣютъ отъ неупотребленія; Алкивіадъ многое испыталъ и перенесъ, за то его имя сіяетъ въ потомствѣ, тогда какъ другіе утратили его вмѣстѣ съ тѣломъ, хотя они были столь же родовиты и представлялась возможность проявить себя. Итакъ, надо дѣйствовать[2]), славный путь къ небу открытъ[3]), надо стремиться всѣми силами, дабы, предавшись покою, не подпасть вѣчнымъ мукамъ.

Отъ панегерика практической дѣятельности Боккаччьо естественно переходитъ къ вопросу о своемъ призваніи[4]). Ему говорили: Теперь ты порицаешь косность покой, otium, а въ другихъ случаяхъ превозносилъ бездѣлье, то есть, поэтическое; и онъ выступилъ за равноправность всѣхъ профессій. Поэзія такое-же серьезное дѣло, какъ и всякое другое, она требуетъ досуга[5]) — и онъ приводитъ въ ея защиту мотивы письма Петрарки къ брату Герарду, главный источникъ всѣхъ его размышленій о задачахъ поэзіи.

Таковъ въ De Casibus анализъ идеи судьбы; онъ интересенъ для міросозерцанія ранняго гуманизма, какъ попытка выяснить ее изъ наблюденія чисто-человѣческихъ отношеній, не исходя изъ христіанской догмы, но примѣнительно къ ней; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ попытка свести классическое представленіе о Фортунѣ къ идеѣ промысла, но обходя его частныя опредѣленія. Въ результатѣ получился рядъ выводовъ, не примиренныхъ въ цѣльномъ синтезѣ; они не примирились и въ Боккаччьо. Въ этомъ отношеніи его De Casibus, какъ и большая часть его гуманистическихъ трудовъ, интересенъ для его психологіи: вопросы, которые онъ поднимаетъ, дѣйствительно и глубоко его волновали, и онъ пытался разобраться въ нихъ средствами эрудиціи; выводы изъ De

1) Ingentium spirituum.

2) Agendum igitur est; сл. VIII, 1 обращеніе Петрарки: Ergo agendum est, laborandum est.

3) Clarum est iter stratum ad superos.

4) III, 14.

5) Сл. выше стр. 173—4.

Casibus освѣщаютъ его тревожное письмо къ Петраркѣ по поводу миланскаго инцидента. Онъ чувствуетъ призваніе поэта, литератора — и старается успокоить себя идеей смиренія, ограниченія желаній, которыя уберегутъ его отъ ударовъ судьбы, оградятъ свободу и душевный покой. Но бѣдность не обезпечиваетъ поэтическаго досуга; надо крѣпость духа, выдержка, virtus, чтобы въ борьбѣ съ лишеніями и невзгодами жизни остаться на высотѣ идеала, не поступившись своимъ достоинствомъ.

IV.

Подъ впечатлѣніемъ этого личнаго вывода изъ De Casibus задумана, быть можетъ, «жизнь Данте», поэта, гонимаго судьбою, но не сраженнаго. Умственный культъ по прежнему отданъ Петраркѣ, нравственное обаяніе принадлежитъ Данте. Преклоняясь передъ нимъ, Боккаччьо невольно переживаетъ въ немъ свое собственное душевное настроеніе. Онъ будетъ писать о Данте и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ нравственную потребность помирить въ себѣ оба культа, дантовскій гражданскій идеалъ съ эстетическимъ гуманизмомъ Петрарки, права итальянской рѣчи, возвышенной Данте, съ изящной абстракціей латинскаго періода; миритъ самого Петрарку съ Данте, котораго тотъ, повидимому, не цѣнитъ, а онъ поклоняется имъ обоимъ.

Вопросъ поставился самъ собою въ миланскихъ бесѣдахъ 1359 года [1]); вернувшись во Флоренцію, Боккаччьо послалъ Петраркѣ экземпляръ Божественной Комедіи съ письмомъ, содержаніе котораго мы не знаемъ, настроеніе передаетъ слѣдующее стихотвореніе, сопровождавшее посылку: «Славная краса Италіи, чье чело увѣнчали лавромъ римскіе вожди, прими прекрасное твореніе Данте, ученѣе котораго, мнится мнѣ, никогда еще не слагалось въ стихахъ для народа. Не погнушайся взглянуть на стихи поэта-изгнанника, звучные лишь своей народной рѣчью, поэта не вѣн-

1) Сл. выше стр. 194—6.

чаннаго—по волѣ неправедной судьбы. Это изгнаніе и было поводомъ пѣвцу показать, что̀ въ состояніи сдѣлать новѣйшій народный метръ, не незнаніе (т. е. латинской рѣчи), какъ говорили жестокіе, дрожавшіе отъ злобы завистники. Слышалъ, быть можетъ, ты и самъ: въ юности Фебъ увлекъ его на высоты снѣжной Цирры [1]), въ заповѣдныя убѣжища природы, на путяхъ неба, земли и моря, къ аонійскимъ источникамъ, на вершину Парнасса, въ юлійскія пещеры [2]), Парижъ и до окраины британцевъ. Священныя пѣснопѣнія стяжали ему имя богослова, поэта, мудреца [3]) онъ сталъ чуть не другой славой флорентійцевъ [4]), но неправедная смерть, поспѣшивъ, не дала ему увѣнчаться лавромъ. Можетъ быть, на первый взглядъ, Камены покажутся тебѣ слишкомъ жалкими [5]), но если мыслью ты охватишь ограды Плутона, и рѣку и горделиво поднимающуюся гору и обитель Юпитера, одѣтую священными тѣнями, ты увидишь глубокій смыслъ, музъ, бряцающихъ небеснымъ плектромъ на вершинѣ Низы, во всемъ дивный порядокъ—и охотно скажешь: что вторымъ послѣ того, кого ты чтишь и превозносишь по праву (Клавдіана, котораго считали уроженцемъ Флоренціи), будетъ во вѣки Данте, котораго произвела великая мать поэтовъ, Флоренція, имя котораго она чествуетъ, ликуя, распространяя по великимъ градамъ и свое имя по слѣдамъ знаменитаго сына. Хотя своимъ талантомъ [6]) ты высишься въ небо и твоя слава гремитъ не только въ Лаціи, а и среди звѣздъ, прими, дорогой мой, единственное наше упованіе, твоего согражданина, также ученаго и поэта [7]), прими въ число своихъ [8]), славь его, чествуй и читай; такъ поступая, ты себя и его укра-

1) Cyrreos.

2) Antra Julia.

3) Hinc illi sacro moderamine virtus — Theologi vatisque dedit simul atque sophiae — Agnomen.

5) Factusque *fere* est gloria gentis — Altera Florigenum.

6) Nudas.

7) Ingenio.

8) Doctumque satis pariterque poetam.

9) Junge tuis.

сишь великими хвалами, о дивная краса нашего города и всего міра! [1]).

Боккаччьо хочетъ увлечь Петрарку къ культу Данте и видимо бережетъ его щепетильность; онъ желаетъ добиться отъ него признанія Данте—для него это былъ вопросъ самоопредѣленія—и подступаетъ осторожно: пусть не погнушается прочесть народныя вирши, онѣ навѣяны невзгодами изгнанія; Камены бѣдныя съ виду, но таятъ глубокій смыслъ и чудесную гармонію въ цѣломъ. Въ срединѣ вброшено: чуть не вторая слава Флоренціи! Это «чуть» [2]) робкое признаніе, оставляющее открытымъ вопросъ первенства и самолюбія.

Петрарка отвѣчалъ [3]) такъ же осторожно и дипломатично, съ обиліемъ общихъ мѣстъ, которыя мы опустимъ, и полупризнаніями, имѣющими цѣну для характеристики какъ его самого, такъ и литературныхъ отношеній его времени. На многое, о чемъ ты пишешь, я отвѣчать не стану, ибо лишь недавно бесѣдовалъ съ тобой о томъ, но два вопроса не могу пройти молчаніемъ. Во первыхъ твоихъ извиненій, что ты превознесъ поэта, нашего согражданина, стиль котораго слѣдуетъ признать несомнѣнно народнымъ, какъ возвышеннѣйшимъ—сюжетъ его пѣснопѣній. Ты такъ извиняешься, будто думаешь, что всякую твою похвалу ему или другому я считаю умаленіемъ своей, съ умысломъ прибавляешь, что, въ сущности, все сказанное о немъ вмѣнится и мнѣ въ славу, да еще оправдываешься, что отъ юности онъ былъ тебѣ свѣточемъ и руководителемъ въ твоихъ занятіяхъ. Я поощряю эти чувства справедливости, благодарнаго воспоминанія, скорѣе сказать, сыновней любви; не только допускаю все это, но и хвалю твое намѣреніе превознести свѣтило, выведшее тебя на этотъ прекрасный путь, по которому ты быстрыми шагами идешь къ славѣ; пусть къ похваламъ, которыми издавна осыпала его толпа, при-

1) Corazzini, l. c. 53—4.

2) Fere.

3) Fam. XXI, 15.

соединятся наконецъ достойныя его и тебя; онъ того заслужилъ, это благородное дѣло достойно именно тебя; я одобряю твое стихотвореніе и вмѣстѣ съ тобою отъ всего сердца прославляю поэта, тобою возвеличеннаго.

Но къ удивленію я усмотрѣлъ изъ твоего извинительнаго письма, что ты еще мало меня знаешь, а я думалъ, что ты знаешь меня досконально. Ты полагаешь, стало быть, что похвалы великимъ людямъ мнѣ не по сердцу, не радуютъ меня! Повѣрь мнѣ, другъ, нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго и противнаго моей природѣ, какъ зависть, и Богъ тому свидѣтель, нѣтъ ничего болѣе тягостнаго, какъ видѣть достоинства безъ поощренія и награды. Я не говорю о своихъ собственныхъ недочетахъ и надеждахъ, а сожалѣю объ общей участи, о томъ, что награды достаются не доблестнымъ занятіямъ, а неблагороднымъ — хотя знаю съ другой стороны, что если слава и бываетъ побужденіемъ къ добрымъ дѣламъ, то, по ученію философовъ, добродѣтель сама себѣ побужденіе и цѣнная награда.

Но такъ какъ ты вызвалъ меня на вопросъ, который я бы самъ лично не поставилъ, я хочу выяснить тебѣ, а черезъ тебя и другимъ, то мое мнѣніе о поэтѣ, которое не только ложно, но и злостно и коварно приписываютъ мнѣ въ народѣ. Мои враги говорятъ, будто я ненавижу его и презираю, дабы такимъ образомъ очернить меня въ глазахъ толпы, которая его любитъ. Что за новое коварство, какое удивительное умѣнье наносить вредъ! Но во первыхъ у меня не было повода ненавидѣть человѣка, котораго я видѣлъ всего разъ въ дѣтствѣ. Онъ былъ современникомъ моего дѣда и отца, моложе перваго и старше второго, съ которымъ вмѣстѣ подвергся изгнанію по причинѣ тѣхъ-же гражданскихъ распрей и въ одинъ и тотъ-же день. Какъ часто бываетъ между товарищами бѣдствій, такъ случилось и здѣсь: они подружились, ихъ связывала не только общая судьба, но и сходство ума и занятій. Дѣла и домашнія заботы заставили моего отца забросить ихъ въ изгнаніи; тотъ, наоборотъ, устоялъ, и помышляя единственно о славѣ, отдался имъ

еще съ большимъ рвеніемъ. Хвала ему! ибо ни несправедливость гражданъ, ни изгнаніе, ни побужденіе гражданской вражды, ни бѣдность, ни любовь къ женѣ и дѣтямъ не отвлекли его отъ начертаннаго пути, тогда какъ есть люди, даже даровитые, которыхъ малѣйшая непріятность повергаетъ въ недѣятельность, особливо поэтовъ, которые, занятые не только содержаніемъ своихъ твореній, но и работой надъ стихомъ и количествомъ словъ, болѣе другихъ требуютъ сосредоточенности и покоя.

И такъ это обвиненіе, какъ ты видишь, потѣшно, выдумано съ тѣмъ, чтобы опорочить меня. Не только у меня не было причины ненавидѣть его, но есть и побужденіе любить: общая родина, его талантъ и стиль, превосходный въ своемъ родѣ. Но здѣсь привязывается вторая на меня клевета, основанная, быть можетъ, на томъ, что будучи отъ юности жаднымъ, ненасытнымъ искателемъ книгъ, какъ бы трудно достижимы онѣ не были, я никогда не озаботился пріобрѣсти его книгу, которой увлекалось молодое поколѣніе и которую достать было легко. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ, только причины тому подсказываютъ не настоящія. Въ то время я еще писалъ на народномъ языкѣ, высшихъ цѣлей не зналъ, и у меня зародились опасенія, что если я стану читать его стихотворенія или чьи-либо другія, увлекусь въ силу возраста, податливаго и склоннаго всему удивляться, и незамѣтно для себя, противъ воли стану подражателемъ. А этого я страшно боялся, въ юношескомъ самомнѣніи полагаясь на себя, думая, что въ избранномъ мною родѣ и для моей цѣли я способенъ достигнуть всего своими силами, безъ чужой помощи. Не мнѣ судить, былъ ли я правъ; вѣрно одно: что если въ итальянскихъ писаніяхъ, его или другихъ, есть нѣчто, что встрѣчается и у меня, то я не заимствовалъ и не подражалъ, ибо всегда избѣгалъ того и другаго, а тутъ дѣло случая, сходство умовъ, нерѣдко встрѣчающихся, по слову Туллія, на тѣхъже путяхъ, не зная другъ о другѣ. Если когда-либо я заслуживалъ твоего довѣрія, то особенно въ данномъ случаѣ; была-ли тому причиной моя застѣнчивость, скромность или юношеское

самомнѣніе, рѣшить не умѣю. Нынѣ я оставилъ эти занятія, и такъ какъ нѣтъ поводовъ къ прежнимъ опасеніямъ, я охотно читаю всякую книгу, особенно — его; и какъ прежде я представлялъ себя на чужой судъ, такъ теперь, самъ втихомолку судя о другихъ и оставляя въ сторонѣ вопросы, по которымъ я другого мнѣнія, скажу, не колеблясь, что въ народномъ языкѣ ему принадлежитъ первенство. И такъ лжецами оказываются утверждающіе, что принижаю его славу—я, гораздо лучше понимающій его, чѣмъ его невѣжественные, чрезмѣрные хвалители, къ которымъ идутъ слова Цицерона: они читаютъ прелестныя стихотворенія и рѣчи, хвалятъ до небесъ поэтовъ и ораторовъ, но сами не знаютъ, почему хвалятъ, ибо не въ состояніи понять, что̀ и почему, и гдѣ именно находится то, что они такъ хвалятъ и чѣмъ восхищаются. Если такъ бываетъ съ Тулліемъ, Демосѳеномъ, Виргиліемъ, Гомеромъ въ школахъ и среди литераторовъ, то что-же, полагаешь ты, съ нашимъ поэтомъ, въ простонародьѣ, на площадяхъ и въ тавернахъ? Я не только не пренебрегаю имъ, но торжественно заявляю, что люблю его и дивлюсь ему, и скажу по правдѣ: еслибъ онъ былъ въ живыхъ, и его нравы оказались столь-же мнѣ любезными, какъ его умъ, у него не было-бы бо̀льшаго друга, чѣмъ я, и ни къ кому онъ не относился бы столь непріязненно, какъ къ своимъ глупымъ хвалителямъ, безъ разбора расточающимъ поощренія и порицанія и наносящимъ ему самую ощутительную для поэта обиду — коверкая стихи, да такъ, что не будь у меня болѣе серьезнаго дѣла, я охотно взялся бы очистить ихъ, какъ умѣю, отъ этой грязи. Меня приводитъ въ негодованіе плебейское искаженіе его прекраснаго стиля — и это было не послѣдней причиной, почему я его оставилъ (т. е. стиль, итальянскія писанія), хотя сильно увлекался имъ во дни юности. Если такъ искажаютъ творенія поэта, издавна всѣми любимыя, оглашающія театры и площади, что-же, думалъ я, будетъ съ тѣми немногими, которыя я написалъ въ юные годы? И я боялся не даромъ: гуляя, я самъ слышу, какъ ихъ терзаютъ плебейскія уста, и я каюсь, что написалъ ихъ.

Я слишкомъ долго остановился на предметѣ, не стоющемъ серьезнаго вниманія, а время летитъ, и его слѣдовало бы употреблять съ большей пользой; но мнѣ показалось, что твои извиненія походятъ на обвиненія тѣхъ, которые утверждаютъ, что я ненавижу поэта и имъ пренебрегаю. Я нарочно не назвалъ его: вѣдь, услышавъ его имя, толпа, ничего не понимающая и все объясняющая въ дурную сторону, заключила-бы, пожалуй, что и говорю то я о немъ для того лишь, чтобъ его оскорбить. Меня обвиняютъ въ зависти — но это тѣ, которые ко мнѣ самому питаютъ зависть. Я не хотѣлъ тому вѣрить, ничего во мнѣ нѣтъ завиднаго, а это такъ; между тѣмъ много лѣтъ тому назадъ, когда юные годы и пылъ страстей могли бы извинить многое, я завѣрялъ по совѣсти, въ стихотвореніи, посвященномъ именитому лицу, что никому не завидую[1]). Положимъ, моему слову не повѣрятъ; но скажи, какъ мнѣ завидовать человѣку, всю жизнь отдавшему этому дѣлу, если не единственному для него, то главному, тогда какъ я посвятилъ ему лишь ранніе годы, и то болѣе для развлеченія и утѣхи? Я вѣрю тому, что ты о немъ сказалъ: что онъ могъ бы писать и въ другомъ стилѣ (т. е. по латыни), еслибы захотѣлъ, ибо я преклоняюсь передъ его умомъ и не сомнѣваюсь, что онъ легко бы достигнулъ всякой цѣли, какую бы себѣ ни поставилъ. Какую цѣль онъ себѣ намѣтилъ—всѣ мы это знаемъ; но еслибъ она была и выше, и онъ ее достигъ — неужели мнѣ завидовать ему, а не радоваться скорѣе? Развѣ завидую я Виргилію? Или они увѣрены, что я питаю зависть къ хриплымъ крикамъ и рукоплесканію харчевниковъ, красильщиковъ, валяльщиковъ, привыкшихъ ругать кого не хвалятъ, поклонниковъ и цѣнителей, какихъ не было ни у Гомера, ни у Виргилія и какихъ къ счастью нѣтъ у меня — ибо я знаю, какъ цѣнятъ ученые люди похвалы невѣждъ. Или, можетъ быть, думаютъ, что мантуанецъ (Виргилій) мнѣ дороже флорентійскаго согражданина? Уже одно общее происхожденіе, не будь другой причины, удаляетъ

1) Въ стихотворномъ посланіи къ Якову Колонна, Epist. poet. I, 7.

это подозрѣніе, хотя чума зависти заражаетъ преимущественно сосѣдей. Прибавь и разницу возраста и изящное изреченіе того, кто всегда изященъ: къ умершимъ не пристаетъ ни ненависть, ни зависть.

Кончу клятвеннымъ увѣреніемъ, что я высоко цѣню его талантъ и стиль и говорю о нихъ не иначе, какъ превознося ихъ похвалами. Помню только, что когда меня допрашивали подробнѣе, я иногда отвѣчалъ, что онъ не во всемъ себѣ равенъ, ибо изящнѣе и возвышеннѣе на народномъ языкѣ, чѣмъ на латинскомъ, и въ прозѣ и въ стихахъ. Этого ты не станешь отрицать, да это и въ его славу: былъ-ли когда человѣкъ, одинаково превосходный во всѣхъ родахъ, не только послѣ того, какъ кончилось и похоронено было настоящее краснорѣчіе, но и въ пору его разцвѣта? Прочти декламаціи Сенеки; да то-же можно сказать и о Цицеронѣ, Виргиліи, Саллюстіи, Платонѣ. — И такъ да умолкнутъ клеветники, а кто имъ вѣритъ, пусть прочтетъ это мое сужденіе.

Ты благодаришь меня за то, что я забочусь о твоемъ здоровьѣ; благодарность водится между образованными людьми, но между нами она лишняя, никто не благодаритъ за то, что онъ заботится самъ о себѣ; вѣдь, дорогой другъ мой, все твое—мое.— И письмо переходитъ въ анализъ дружбы, къ воспоминаніямъ перваго знакомства съ Боккаччьо въ 1350 году. Этими подробностями мы уже воспользовались при другомъ случаѣ [1]).

Письмо Петрарки не только личный, но и историко-литературный фактъ; впрочемъ, эти интересы не отдѣлимы другъ отъ друга, на ихъ фонѣ яснѣе рисуется фигура Боккаччьо. Едва-ли въ посланіи къ другу онъ такъ рѣзко поставилъ вопросъ объ invidia, зависти, какъ то можно было-бы заключить изъ отвѣта Петрарки; это было-бы неделикатно, а Боккаччьо старается спрятать сомнѣнія въ дыму ѳиміама. Если у Петрарки моментъ зависти такъ всецѣло захватываетъ наше вниманіе, то онъ самъ указалъ

1) Сл. выше стр. 122—3.

тому причины: ему показалось, что Боккаччьо не далекъ отъ мнѣнія людей, которые считали его завистникомъ Данте — и сами завидуютъ ему, Петраркѣ. Зависть только вноситъ личный элементъ во взаимную оцѣнку двухъ литературныхъ направленій, которыя къ концу XIV-го вѣка, въ поколѣніи за Петраркой и Боккаччьо, примутъ болѣе рѣзкій характеръ: стараго и новаго, итальянскаго и латинскаго, общенароднаго и аристократическаго. Въ юные годы Петрарки вся молодежь увлекалась Данте, онъ окруженъ общей симпатіей, спускается до площади и въ таверны, на него молятся, его стихи твердятъ, искажая, плебейскія уста. Та молодежь, съ годами, постарѣла; это то, что мы могли бы назвать дантовской партіей. Едва-ли Петрарка, итальянскій поэтъ, могъ такъ всецѣло уберечься отъ дантовскихъ вліяній, какъ-то заставляетъ заключить его признаніе, но въ общемъ мы этому признанію вѣримъ, такъ оно необычно, настойчиво, такъ ярко въ самоувѣренности юности намѣчено полное достоинства самосознаніе зрѣлаго человѣка. Позже онъ оставилъ итальянскую поэзію, ему претитъ толпа и не хочется быть поэтомъ площади; лѣтъ пять спустя, въ другомъ письмѣ къ Боккачьо[1]), онъ повторяетъ тѣ-же аргументы: онъ будетъ поэтомъ для избранныхъ и устремится къ высшему къ поэзіи и прозѣ латинскаго языка и типа. Здѣсь онъ не знаетъ себя равнаго — и мы снова вѣримъ тому, что онъ не знаетъ зависти: Данте для него—итальянскій поэтъ, и онъ ему не соперникъ; Данте могъ бы творить и по латини, но онъ этого не сдѣлалъ, и въ латинской прозѣ и поэзіи ниже, чѣмъ въ итальянской. Это допускаетъ самъ Боккаччьо, и зависти нѣтъ мѣста, потому что дѣло идетъ о двухъ несоразмѣрныхъ величинахъ: первенство итальянскаго стиля безспорно принадлежитъ Данте [2]), первенство классиче-

1) Sen. V, 2.

2) Сл. Rerum memorandarum стр. 427: Dante Aligherius.... concivis nuper meus, vir *vulgari eloquio* clarissimus fuit; сл. Sen. V, 2: notri eloquii dux vulgaris; Ben. de Imola, Comentum ed. Lacaita I, 52. Сл. IV, 309: Sed certe quanto Petrarcha fuit maior orator Dante, tanto Dante fuit maior poeta ipso Petrarcha.

скихъ музъ, очевидно, кому-то другому. Вопросъ поставленъ такъ ясно, что постоянное возвращеніе къ идеѣ зависти кажется лишнимъ, аргументы дѣтскими: Петрарка не могъ ненавидѣть Данте и завидовать ему, потому что почти его не зналъ, потому что мертвымъ не завидуютъ, потому что они соотчичи! Если все это не реторика, то писано не для Боккаччьо, а для тѣхъ, кому онъ оповѣститъ сужденія Петрарки.

Между дантофилами стараго направленія и аристократической поэзіей Петрарки были посредствующія теченія, примиряющія и нерѣшительныя. Говоря въ письмѣ къ Петраркѣ объ Ахиллеидѣ Стація, Нелли, осторожный, какъ всегда, позволяетъ себѣ противорѣчить Данте, котораго многіе считаютъ ученѣйшимъ [1]), и онъ не рѣшается отвергнуть мнѣніе *поэта*, хотя писалъ онъ — на народномъ языкѣ [2]). Иного рода была посредствующая роль Боккаччьо, внушенная не осторожностью, а обоюдностью симпатій; его итальянское поэтическое прошлое, полное дантовскихъ центоновъ и идеализма, его обязывало, къ этому присоединились теперь и гражданскіе мотивы, къ которымъ приводила его жизнь и неудовлетворенное желаніе личной свободы. Самъ Петрарка благословилъ его: никто лучше его не восхвалитъ Данте; это — его дѣло. Боккаччьо могъ узнать объ этомъ изъ другихъ писемъ учителя, потому что отвѣтнаго на посылку Божественной Комедіи онъ не получалъ еще въ 1367-мъ году [3]); совпаденіе нѣсколькихъ фразъ Петрарки въ похвалѣ Данте съ выраженіями біографіи могутъ быть объяснены воспоминаніями недошедшаго до насъ письма, которымъ Боккаччьо сопровождалъ свою посылку: Петрарка могъ перефразировать нѣкоторыя мѣста письма, вошедшія потомъ въ томъ или другомъ видѣ въ біографію.

1) Opinate satis apud multos scientiae.

2) Cujus quamvis vulgariter poetantis non audeo sententiam reprobare. Сл. Hortis Studi, стр. 349; Cochin, № XXVIII.

3) Сл. письмо отъ 30 іюня 1367 года у Corazzini, стр. 123 слѣд.

Обратился-ли Петрарка къ культу Данте? Слѣдующій анекдотъ характеренъ: кто-то посѣтилъ Петрарку въ Миланѣ, спрашиваетъ, есть-ли въ его библіотекѣ «книга Данте». Подъ этимъ разумѣли тогда Божественную Комедію; такъ и Боккаччьо пригласили впослѣдствіи читать «книгу Данте». Петрарка отвѣтилъ утвердительно и, порывшись, выбросилъ передъ посѣтителемъ трактатъ о Монархіи. Когда тотъ замѣтилъ, что разумѣлъ не ее, а Божественную Комедію, Петрарка изумился: Неужели полагаешь ты, что это—твореніе Данте? Развѣ оно могло быть написано безъ особой помощи Святаго Духа? И Петрарка объясняетъ извѣстные стихи Purg., XXIV 52 слѣд., въ которыхъ Данте выразилъ сущность своей поэзіи новаго стиля, искренней поэзіи сердца: Я тотъ кто отмѣчаетъ, что любовь ему навѣетъ, и что она подскажетъ, то изображаетъ. Для Петрарки изчезъ глубокій человѣческій моментъ этого признанія, обратившаго поэзію на новые пути, которыми онъ шелъ и самъ; для него вѣянія Амура — откровенія Св. Духа, Божественная Комедія — иносказательное выраженіе этихъ нездѣшнихъ откровеній [1]). Въ Енеидѣ онъ также открывалъ аллегорію, но любилъ и ея поэзію.

Біографію Данте Боккаччьо написалъ около 1363-4-хъ годовъ, въ Чертальдо; это панегирикъ и вмѣстѣ публицистическая статья, основанная на историческихъ данныхъ, съ страстно-личнымъ освѣщеніемъ. Какъ и въ сочиненіяхъ объ именитыхъ женщинахъ и несчастной участи великихъ людей, такъ и здѣсь исторія и біографія служебны правоученію, и оно ширится въ общихъ мѣстахъ реторики; и здѣсь та-же совѣстливая критика, и тѣ-же ея недочеты, объясняемые неполнотою источниковъ и субъективизмомъ автора, невольно вычитывавшимъ изъ фактовъ то, что было ближе къ его идеалу и пониманію. Какъ въ жизнеописаніи Филиппы Катанской [2]) пришлось руководствоваться

1) Papanti, Dante secondo la tradizione e i novellatari стр. 85 слѣд.

2) De Cas. IX, 26.

разсказами, такъ здѣсь показаніями современниковъ, мѣстными преданіями и источниками, въ достовѣрности которыхъ усомнились лишь недавно. До Боккаччьо свѣдѣнія о Данте ограничивались скудными данными въ хроникѣ Джьованни Виллани [1]) и у древнихъ толкователей Божественной Комедіи, и Боккаччьо могъ сказать по поводу своего труда, который въ комментаріяхъ скромно называетъ «trattatello», что если кое-гдѣ онъ и ошибался, то по крайней мѣрѣ побудитъ другихъ сказать правду о Данте,чего, сколько ему извѣстно, никто еще не сдѣлалъ [2]). Онъ несомнѣнно ошибался, пріурочивая рожденіе Данте ко времени Урбана IV, вмѣсто Климента IV, заставляя поэта, въ началѣ изгнанія, искать убѣжища у Альберто делла Скала, уже умершаго; утверждая, что послѣднія пѣсни Рая были доставлены Кане делла Скала, тогда какъ первый полный экземпляръ Божественной Комедіи Пьетро Алигьери препроводилъ къ Гвидо да Полента; но что Данте посылалъ Кане отдѣльныя пѣсни своей поэмы, прежде чѣмъ ихъ обнародовать — это показаніе біографіи подтвердилось недавно сонетомъ Квирино [3]). Самъ Боккаччьо просилъ исправленій и изощрялся въ критикѣ, и не въ однихъ лишь комментаріяхъ, написанныхъ значительно позже: въ хвалебномъ стихотвореніи въ честь Данте говорилось о его путешествіи въ Парижъ и къ окраинамъ британцевъ; въ біографіи послѣднее показаніе удалено, его нѣтъ ни въ Генеалогіяхъ боговъ [4]), ни въ комментаріяхъ [5]); первое, поддержанное Джьованни Виллани, повторяется всюду, только въ комментаріяхъ оно пріурочено къ другому біографическому моменту.

Главнымъ источникомъ Боккаччьо были, разумѣется, писанія Данте, въ которыхъ онъ почерпалъ ихъ собственную хронологію; онъ знаетъ также посланія Данте и пользуется двумя изъ нихъ: письмомъ къ флорентинскому другу, заподозрѣннымъ со-

1) l. IX, c. 136 (135). 2) Vita, ed. Macrì-Leone, стр. 76.

3) Сл. S. Morpurgo въ Bullettino d. società dantesca italiana v. I, fasc. 5, стр. 136—7. 4) l. XV, c. 6. 5) I, 89.

временной критикой[1]), и къ Генриху VII-му. Изъ неизвѣстныхъ намъ источниковъ идутъ свѣдѣнія о раннемъ пребываніи Данте въ Болоньѣ, еще до изгнанія: свѣдѣнія, косвенно поддержанныя болонскими воспоминаніями Божественной Комедіи. Но важнѣе всего собранныя Боккаччьо свидѣтельства современниковъ Данте и близкихъ къ нему людей. Благодаря имъ онъ первый отождествилъ его Беатриче съ историческимъ лицомъ, дочерью Фолько Портинари, что̀ подтвердили недавно и комментаріи Пьетро Алигьери. Боккаччьо говоритъ по этому поводу о комъ-то, кому извѣстно было увлеченіе Данте [2]), въ комментаріяхъ — о заслуживающемъ довѣрія лицѣ, близкомъ родственникѣ Беатриче [3]). Она вышла замужъ за Симона деи Барди, а съ торговымъ домомъ деи Барди у Портинари были старыя отношенія, у Боккаччьо связи по отцу. Ему же первому принадлежитъ указаніе на женитьбу Данте на Джеммѣ Донати, не названной въ біографіи, тогда какъ въ комментаріяхъ ея имя стоитъ [4]) и подтвердилось документально. Нѣкій достойный гражданинъ Равенны, Пьеро Джьярдино, бывшій долгое время ученикомъ Данте, разсказывалъ Боккаччьо о чудесномъ открытіи, по смерти автора, послѣднихъ тринадцати пѣсенъ Рая [5]); Дино Перини, флорентинецъ, близкій къ Данте человѣкъ и его пріятель, какъ онъ самъ сказывалъ — либо Андрей Поджи, племянникъ Данте по сестрѣ, сообщили о томъ, какъ найдены были первыя семь пѣсенъ Божественной Комедіи [6]). Отъ Поджи, съ которымъ Боккаччьо сблизился, онъ слышалъ многое о нравахъ и обычаяхъ Данте, что и сберегъ въ памяти [7]); люди достойные довѣрія говорили ему что Данте стыдился въ зрѣлые годы своей юношеской Vita Nuova, сожалѣя, между прочимъ, что вставилъ въ ея текстъ объяснительныя глассы, и Боккаччьо выдѣлилъ ихъ въ своемъ экземплярѣ,

1) Laur. XXIX, сл. выше стр. 98.

2) Vita, l. c. стр. 16.

3) Ed. Milanesi v. I, стр. 224.

4) l. c. II, 130.

5) Vita, стр. 69.

6) Com., l. c. II, 129—132 и Vita, l. c. стр. 66—67.

7) Com. l. c.

согласно съ мнѣніемъ автора [1]). Легендарный характеръ сообщеній его не останавливаетъ: въ Равеннѣ онъ могъ узнать объ эпизодѣ съ кардиналомъ дель Поджетто, подтвердившійся и другими источниками; равеннскимъ же кружкамъ принадлежалъ, по всей вѣроятности, и разсказъ о послѣднихъ тринадцати пѣсняхъ, открытыхъ въ вѣщемъ сновидѣніи; Флоренціи и классическому преданію [2])—вѣщій сонъ матери Данте; Веронѣ, Сіэнѣ, Равеннѣ другіе анекдоты, уже слагавшіеся въ легенду о Данте. Изъ народныхъ преданій и лѣтописей повторяется сказка о началахъ Флоренціи, съ протагонистомъ Аттилой, царемъ вандаловъ, и Карломъ Великимъ; Боккаччьо пользовался ею уже въ Филоколо, Амето, Нинфале [3]), а теперь пристраиваетъ къ ней, слѣдуя молвѣ [4]), и баснословную генеалогію семьи Алигіери.

Таковы біографическія данныя, которыми располагалъ Боккаччьо. Онъ украсилъ ихъ витіевато изъ знакомыхъ ему источниковъ назиданія, нерѣдко повторяя себя. Такъ нареканія противъ женщинъ сходны съ De Casibus [5]), выходки противъ брака парафразируютъ отрывокъ Теофрастова De nuptiis въ переводѣ бл. Іеронима, который Боккаччьо переведетъ дословно въ комментаріяхъ на Божественную Комедію [6]); нѣкоторыя выраженія напоминаютъ письмо Петрарки къ Боккаччьо [7]), онѣ ему, очевидно, понравились; разсужденія о символическомъ значеніи лавра и иносказательномъ смыслѣ миѳовъ заимствованы изъ Фульгенція; причины, почему поэты скрывали истину подъ личиной басни, развиваютъ идеи бл. Августина и инвективъ Петрарки «contra

1) Mehus, Vita Ambr. стр. CLXXV и Paksсher въ Giorn. Stor. d. lett. ital. fasc. 24, стр. 371—3.

2) Сл. сонъ матери Виргилія у Доната. На эту параллель указалъ уже Джьянноццо Манетти въ своей латинской передѣлкѣ біографіи Данте, написанной Боккаччьо.

3) Сл. выше стр. 85—6.

4) Fama.

5) I, 18, III, 4, VIII, 23. Сл. выше стр. 266 слѣд.

6) II, стр. 438 слѣд.

7) Fam. XI, 6: отъ 1 іюня 1351 г.

medicum»; въ Генеалогіяхъ l. XIV, с. 12 самъ Боккаччьо укажетъ на этотъ источникъ.

Что связываетъ историческій и реторическій матерьялъ въ цѣльность біографіи—это субъективизмъ Боккаччьо, его психическое настроеніе, перенесенное безсознательно въ оцѣнку Данте. Это настроеніе Корбаччьо, книгъ о именитыхъ женщинахъ и роковой долѣ великихъ людей; оно одно объясняетъ въ біографіи многое, что иначе можетъ поразить безцѣльностью паѳоса и неумѣстной морализаціей. Съ этой точки зрѣнія жизнеописаніе Данте является вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы признаніемъ самого Боккаччьо, и это составляетъ не меньшую долю его интереса. Онъ разсказываетъ намъ о первой встрѣчѣ девятилѣтняго Данте съ маленькой Беатриче, и тонкіе контуры дантовской Vita Nuova становятся въ его рукахъ сочной новеллой, расписывающей и подсказывающей, съ весной и праздникомъ и физіологіей просыпающейся любви, какъ понималъ ее авторъ Декамерона; у Данте онъ вычиталъ, вмѣстѣ съ другими комментаторами XIV вѣка, его склонность къ сладострастію, lussuria, это дало ему точку отправленія. Онъ самъ любуется картинкой весенняго дѣтскаго чувства; какъ и въ сочиненіяхъ пессимистическаго характера въ немъ сказывается порой знатокъ женщинъ и пластики, но онъ тотчасъ-же обрушается послѣ того на любовь и влюбленныхъ и подсказываетъ Данте, что самъ испыталъ въ періодъ Корбаччьо: будто бы онъ стыдился впослѣдствіи повѣсти своего юношескаго увлеченія, своей Vita Nuova. Самъ онъ вышелъ изъ лабиринта этихъ увлеченій къ серьезнымъ задачамъ поэзіи, и у него сложился идеалъ поэтическаго досуга: вдали отъ дѣлъ и семейныхъ заботъ и тревожной извѣстности, какую даетъ общественная дѣятельность. А Данте позволилъ женить себя! Жена связываетъ, бѣдная Джемма Донати, съ которой изгнанникъ Дантъ ни разу потомъ не видѣлся, попала въ число многихъ, потому-ли, что до Боккаччьо дошли какія-нибудь семейныя сплетни, или она просто послужила его назидательнымъ цѣлямъ: двухъ, трехъ данныхъ достаточно было, чтобы сдѣлать изъ нея типъ жены-обузы. Но

Данте позволилъ себя увлечь еще и бренной славой и блескомъ общественныхъ должностей въ политическую жизнь, и за любовь къ родинѣ пожалъ плоды изгнанія. Съ точки зрѣнія De Casibus онъ самъ отчасти навлекъ на себя свою участь, но перенесъ ее мужественно; ни привязанность, ни семья, ни тяжелыя испытанія не заставили его забыть поэзію; такъ говорилъ, со словъ Боккаччьо (?), Петрарка, и это — нравственный выводъ изъ жизнеописанія. Надъ глупой борьбой партій, въ которой Боккаччьо изъ-за личныхъ интересовъ не видитъ ничего принципьяльнаго, фигура Данте высится гордо и сурово и нѣсколько одиноко; онъ и съ дѣтства былъ серьезенъ, подсказываетъ Боккаччьо его любовь къ законченности героическаго типа [1]); онъ только несдержанъ и черезъ мѣру страстенъ въ вопросѣ гибеллинства; Боккаччьо стыдится говорить о томъ, потому что не только не раздѣляетъ этой страстности, но и не понимаетъ самого вопроса, его громы противъ флорентійцевъ имѣютъ ввиду не партіи, а вообще неблагодарную народную толпу, не признавшую великаго человѣка. Въ его образѣ много симпатичнаго шаржа, много реторическихъ преувеличеній, когда говорится о раннемъ образованіи Данте, о его политическомъ вліяніи и т. п.; много той «фантазіи», о которой говоритъ Петрарка [1]). Біографы Данте вычтутъ изъ этой характеристики то, что біографы Боккаччьо занесутъ на счетъ ему самому.

Установивъ нѣкоторыя необходимыя точки зрѣнія на значеніе трактата Боккаччьо, постараемся передать его содержаніе.

Мудрый Солонъ говорилъ, что всякое государство держится на двухъ устояхъ [2]): одинъ — не оставлять ни одного проступка

1) Филиппо Виллани, пользовавшійся Боккаччьо въ своей біографіи Данте, преувеличиваетъ эту черту до смѣшнаго: будто Данте «dum pueritiae dies in matris gremio, indulgentiora etiam parere solito, morosius observaret aspernareturque fallentia matris oscula, non puerili habitu vel incessu, sed gravi atque librato, coepit ostendere qualis vir futurus esset.

2) De Cas. VIII, введеніе; сл. выше стр. 257.

3) Piedi.

безъ наказанія, другой — награждать всякое благое дѣяніе. Гдѣ одного изъ этихъ условій нѣтъ, тамъ государство хромаетъ и не устоитъ. Ихъ соблюденіемъ росли въ славѣ и ширились древніе народы, новые, особенно мои флорентинцы, на столько отошли отъ этихъ путей, что у нихъ увѣнчаннымъ оказывается честолюбіе, дурныхъ и порочныхъ людей они награждаютъ и избираютъ на высокія должности, достойныхъ же изгоняютъ и притѣсняютъ. Какой конецъ готовитъ всему этому Божіе правосудіе, это пусть разсудятъ стоящіе у кормила, ибо насъ, простыхъ смертныхъ, несетъ волна судьбы, и винѣ мы не причастны [1]). Изъ многихъ примѣровъ Боккаччьо выберетъ одинъ: судьбу славнаго мужа Данте Алигьери, изъ древняго и не безызвѣстнаго рода; его доблести, знанія и благія дѣянія получили бы въ справедливомъ государствѣ высшее возмездіе, а онъ былъ неправедно осужденъ на вѣчное изгнаніе, лишенъ отцовскаго достоянія, готовы были запятнать и его имя, еслибы это было возможно, его кости покоятся на чужбинѣ, семья разсѣяна по чужимъ людямъ. А кого возвеличили вмѣсто него — о томъ лучше смолчать. Точно міръ перевернулся, и если, противно мнѣнію Солона, мы все еще стоимъ, то потому, развѣ, что природа вещей стала другая, или какимъ-то чудомъ, либо долготерпѣніемъ Господа, которое наконецъ истощится, уступивъ мѣсто его гнѣву. И такія дѣла остаются безнаказанными! Ихъ не только слѣдуетъ избѣгать, но и исправлять; и вотъ, сознавая себя гражданиномъ того-же города, хотя и меньшимъ въ сравненіи съ великими достоинствами Данте Алигьери; сознавая, на сколько всѣ мы обязаны его чествовать, я рѣшился, по мѣрѣ моихъ малыхъ силъ, сдѣлать по отношенію къ нему, что подлежало бы съ подобающимъ великолѣпіемъ учинить городу. Я говорю не о статуѣ и не о надгробномъ памятникѣ, а о писаніи, слишкомъ бѣдномъ средствѣ для такой цѣли; но я дамъ, что у меня есть, дабы среди чуждыхъ народовъ не было сказано, что къ такому поэту его родина ока-

8) Petrarca, Fam. XI, 6.

залась неблагодарной. Буду писать простымъ, непритязательнымъ стилемъ, ибо на лучшее не способенъ, и на флорентинскомъ нарѣчіи, чтобы не разногласить съ тѣмъ, который онъ употреблялъ въ бо̀льшей части своихъ трудовъ. Скажу о томъ, о чемъ онъ скромно молчалъ: о его благородномъ происхожденіи, жизни, занятіяхъ и правахъ, о его трудахъ, которые мое писаніе не столько освѣтитъ, сколько, быть можетъ, затемнитъ противъ желанія. Пусть какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, болѣе знающіе исправятъ мои погрѣшности, и да поможетъ моему уму и слабой рукѣ Тотъ, который увлекъ его къ лицезрѣнію столь высокаго.

Разсказъ начинается (§ 2) съ сказочной исторіи Флоренціи, куда, по возстановленіи ея Карломъ Великимъ, переселяется молодой римлянинъ изъ именитаго рода Франжьяпани [1]), Элизео. Изъ его потомковъ, называвшихся Элизеи, нѣкій Каччьягвида, замѣчательный умомъ и мужествомъ, взялъ за себя дѣвушку изъ феррарскаго рода Альдигьери; это имя перешло на одного изъ его сыновей и на все его поколѣніе, но съ опущеніемъ одной буквы: Алигьери. Отъ него то произошелъ, въ царствованіе Фридриха II, Алигьери, не столько славный самъ по себѣ, сколько по своему сыну, рожденію котораго предшествовало вѣщее сновидѣніе его матери. Ей снилось, что она на зеленомъ лугу, у прозрачнаго источника, подъ высокимъ лавромъ; чудилось, что она родила сына, который питаясь ягодами, упавшими съ лавра, и ключевой водою, быстро выросъ въ пастыря, который началъ домогаться вѣтокъ съ того лавра; онъ напрягаетъ къ тому усилія, падаетъ, и, поднявшись, очутился уже не человѣкомъ, а — павлиномъ. — Когда всѣ эти предзнаменованія исполнятся, сонъ станетъ ясенъ, и Боккаччьо относитъ его толкованіе къ концу біографіи (§ 17). Мы сообщимъ его тотчасъ-же. Оно вводится разсужденіемъ о вѣщихъ снахъ [2]) и вліяніи свѣтилъ на

1) Такъ и у Ricordano Malespini.

2) Сл. выше стр. 247, прим. 9.

рожденіе и судьбу человѣка, вліяніи, которое можетъ умѣрить разумъ, просвѣщенный божественной благостью. Лавръ предвѣщалъ поэтическое призваніе, ягоды лавра — творенія поэтовъ, прозрачный источникъ — полноту нравственной и естественной философіи; пастырь — сладость духовной пищи, которую всѣ почерпнутъ изъ Божественной Комедіи; желаніе сорвать вѣтки лавра — стремленіе къ славѣ; паденіе — смерть. Образъ павлина всецѣло прилагается къ наслѣдію Данте, Божественной Комедіи, Боккаччьо играетъ въ дѣтскія отождествленія, извиняясь въ ихъ поверхностности и предоставляя другимъ сдѣлать лучше: сто очковъ на хвостѣ павлина — это сто пѣсенъ поэмы; некрасивыя ноги означаютъ народный языкъ, неизящный [1]) въ сравненіи съ латинскимъ, тѣмъ не менѣе прекрасный, отвѣчающій современной потребности; тихая поступь павлина — это низменный стиль, приличный Комедіи, какъ то извѣстно всякому, знающему, чтò это такое; дикій крикъ — грозныя обличенія порочныхъ и т. д.

Мальчика назвали Данте, и по праву [2]): «это былъ тотъ Данте, о которомъ идетъ теперь рѣчь; тотъ Данте, который по особой милости Божіей дарованъ былъ нашему времени; Данте, впервые открывшій путь возврата музамъ, изгнаннымъ изъ Италіи. Онъ доказалъ благородство [3]) флорентинскаго нарѣчія, подчинилъ извѣстнымъ законамъ [4]) красоты народнаго языка, возбудилъ къ жизни мертвую поэзію.

Съ юныхъ лѣтъ онъ явилъ знаменія будущей славы — о корыхъ Боккаччьо не говоритъ; не отдавался, подобно дѣтямъ нынѣшнихъ знатныхъ людей, дѣтскимъ шалостямъ и тунеядству, а предался изученію свободныхъ искусствъ, не хлѣбнымъ занятіямъ, къ которымъ всѣ нынѣ устремляются; презрѣвъ бренное

1) Sozzo.

2) § 2, стр. 10. Dante = дающій; та-же игра словъ у старыхъ комментаторовъ; сл. сонетъ на смерть Данте: O spirito gentile, o vero dante — A noi mortali il frutto della vita y Carlo del Balzo, Poesie di mille autori intorno a Dante Alighieri I, 271.

3) Chiarezza.

4) Sotto debiti numeri.

богатство, вождел̀ѣя славы, онъ желалъ обладать полнымъ знаніемъ поэтическихъ вымысловъ и способовъ ихъ художественнаго выраженія; изучилъ Виргилія, Горація, Овидія, Стація и другихъ знаменитыхъ поэтовъ и не только усвоилъ ихъ, но старался имъ и подражать, какъ то показываютъ его творенія. Ему стало ясно, что поэтическія произведенія не пустыя басни и чудная болтовня [1]), какъ полагаютъ глупцы, но что въ нихъ скрыты сладкіе плоды историческихъ и философскихъ истинъ; ихъ не понять безъ знанія исторіи и нравственной и естественной философіи [2]), и онъ сталъ заниматься ими; желая познать небесныя истины, онъ, оставивъ всѣ другія мірскія заботы, углубился въ богословіе, работая неустанно, не смотря на холодъ или жаръ, среди бдѣній и постовъ. Первое образованіе онъ получилъ въ родномъ городѣ, затѣмъ отправился въ Болонью, болѣе обильную такой пищей; уже подъ старость былъ въ Парижѣ, гдѣ на диспутахъ приводилъ всѣхъ въ изумленіе; одни звали его поэтомъ, другіе философомъ, многіе богословомъ. Но такъ какъ побѣда тѣмъ лестнѣе для побѣдителя, чѣмъ сильнѣе побѣжденный, я считаю приличнымъ показать, какое бурное море, какія волны и противные вѣтры пришлось превозмочь Данте, чтобы достигнуть спасительной пристани своей славы.

Занятія вообще требуютъ уединенія, удаленія отъ заботъ и спокойствія духа, особенно умозрительныя, которымъ предался Данте; вмѣсто того ему отъ начала до конца жизни пришлось испытать противное: непреоборимую любовную страсть, супружескую жизнь [3]), семейныя и общественныя заботы, изгнаніе и бѣдность.

Въ пору, когда благость неба [4]) украшаетъ землю и она улыбается въ разнообразіи цвѣтовъ, выглядывающихъ изъ-за зелени, въ нашемъ городѣ, по старому обычаю, мужчины и женщины

1) Maraviglie.

2) La morale e naturale filosofia.

3) Moglie.

4) La dolcezza.

сходились на веселье, каждый по своимъ улицамъ и въ своемъ обществѣ. Случилось перваго мая, что Фолько Портинари, изъ почетныхъ гражданъ того времени, позвалъ къ себѣ на праздникъ своихъ сосѣдей, въ числѣ прочихъ Алигьери, а съ нимъ и Данте, которому еще не минулъ тогда девятый годъ. Онъ вмѣшался въ толпу дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ было много, и когда убрали первые столы, принялся рѣзвиться съ другими, какъ-то дѣлаютъ въ его возрастѣ. Была тамъ дочка означеннаго Фолько, по имени Биче (хотя Данте всегда называлъ ее полнымъ именемъ Беатриче), дѣвочка лѣтъ восьми, хорошенькая и милая, болѣе скромная и серьезная въ рѣчахъ и обращеніи, чѣмъ можно было ожидать по ея лѣтамъ; съ лицомъ столь нѣжнымъ, полномъ такой чистоты, что многіе считали ее чуть не ангеломъ. Эта то Биче, какъ я ее изобразилъ, а, можетъ быть, еще болѣе красивая, предстала взорамъ нашего Данте, не впервые, полагаю я, но въ первый разъ способная возбудить любовь; и онъ, хотя и ребенокъ, съ такой любовью воспринялъ сердцемъ ея образъ, что съ той поры и пока жилъ никогда съ нимъ не разставался. Какая была тому причина, того никто не знаетъ; можетъ быть, согласіе темпераментовъ и нравовъ, или особое воздѣйствіе неба; либо повліяло очарованіе музыки, веселое возбужденіе празднества, изысканныя явства и вина, растворяющія къ наслажденію души не только юныхъ, но и зрѣлыхъ людей — только мальчикъ Данте сдѣлался ревностнѣйшимъ служителемъ Амура. Годы шли, и любовь въ немъ разгоралась; его единственной утѣхой и покоемъ стало — видѣть свою милую.

Что за безуміе влюбленныхъ! поучаетъ Боккаччьо; подкладывая хворосту, они полагаютъ, что уменьшатъ пламя. Сколько онъ выстрадалъ, сколько пролилъ слезъ изъ за этой любви, о томъ самъ онъ разсказалъ въ Vita Nuova. Правда, его любовь была чистая, лишенная всякаго вожделѣнія, на диво нынѣшнему вѣку; такъ самъ онъ говорилъ и подтверждаетъ тотъ, кому открыты были его желанія. Но если эта любовь лишала его и покоя и сна и аппетита, неужели не вредила она его уму, его священнымъ

занятіямъ? Разумѣется, да, хотя иные полагаютъ, что для него она была возбудительницей, основываясь на его прелестныхъ стихотвореніяхъ на флорентійскомъ говорѣ, въ честь его дамы. Съ этимъ я не согласенъ, если не желать усмотрѣть въ украшенной рѣчи главнѣйшей принадлежности [1]) всякой науки, что̀ не правда.

Но ничто не вѣчно въ этомъ мірѣ: Беатриче скончалась на 24-мъ году своей жизни, и Боккаччьо изображаетъ намъ въ яркихъ краскахъ безутѣшное гореваніе поэта: въ печали проходили дни и ночи, глаза источали такое обиліе слезъ, что всѣ удивлялись, откуда берется столько влаги. Время взяло свое: воспоминанія стали возвращаться безъ слезъ, вздохи не возвращались. Данте одичалъ; худой, бородатый, онъ и со стороны внушалъ состраданіе, не только что друзьямъ, хотя, кромѣ друзей, онъ другимъ рѣдко и показывался. Родные успокоиваютъ его; когда онъ самъ нѣсколько пришелъ въ себя, онъ охотнѣе прислушивается къ словамъ утѣшенія, а тѣ совѣтуютъ ему—жениться: если смерть одной женщины была ему поводомъ скорби, другая будетъ ему причиной веселья. Они пріискали ему подходящую дѣвушку и послѣ долгихъ уговоровъ, не откладывая, женили [2]).

О слѣпые, недальновидные люди! морализуетъ Боккаччьо. Кто посовѣтуетъ кому-либо спастись отъ жары, смѣнивъ благорастворенный воздухъ Италіи на жгучіе пески Ливіи, либо, избывая холода, оставить Кипръ для вѣчныхъ тѣней родопскихъ горъ? Разумѣется, лишь тотъ, кто надѣется, что новая супруга утишитъ тревоги любви. Не знаютъ они ея природы, противъ которой безсильны всѣ средства, если она запустила корни въ сердцѣ человѣка, долго любившаго. Но положимъ, такія средства есть; какую-же помощь оказываетъ тотъ, кто, съ цѣлью отвлечь меня отъ печальныхъ мыслей, погрузитъ меня въ еще болѣе печальныя и надоѣдливыя? А такъ часто поступаютъ тѣ, которые,

1) Sommissima parte.
2) E fu sposato.

желая забыться отъ какого-нибудь горя или невзгоды, женятся или даютъ себя женить. Данте женили; но развѣ погасло съ этимъ любовное пламя? Я не думаю; а еслибы и погасло, то могли явиться новыя, еще бо̀льшія непріятности. Онъ, привыкшій отдавать свои бдѣнія ученымъ занятіямъ, бесѣдовалъ, по желанію, съ императорами и королями, препирался съ философами, отводилъ душу съ поэтами, и внимая чужимъ бѣдамъ, облегчалъ свои собственныя. Теперь онъ бываетъ въ томъ славномъ обществѣ лишь когда разрѣшитъ супруга, иначе принужденъ слушать женскую болтовню и не только поддерживать, но и хвалить, чтобы не навлечь бѣды [1]). Онъ привыкъ удаляться порой отъ надоѣдливой толпы и въ уединеніи созерцать, какая сила движетъ небомъ, откуда нисходитъ въ животныхъ жизнь, какова причина всего сущаго; здѣсь онъ обдумывалъ и писалъ свои творенія, чтобы продлить ими свою память по смерти; теперь его не только отвлекаютъ отъ этихъ тихихъ созерцаній, всякій разъ, когда заблагоразсудится женѣ, но ему приходится быть съ людьми, вовсе къ нимъ не расположенными. Бывало онъ свободно предавался смѣху и слезамъ, пѣснямъ или вздохамъ, смотря по тому, овладѣвали-ли имъ радостныя или горестныя чувства; теперь онъ не смѣетъ, въ каждомъ вздохѣ приходится дать отвѣтъ женѣ: куда пошелъ, откуда явился; если веселъ — влюбленъ въ кого нибудь, если грустенъ — разлюбилъ жену.

Что за невыносимая мука жить съ такимъ полнымъ подозрѣній животнымъ, общаться съ нимъ, старѣться и наконецъ умереть! восклицаетъ Боккаччьо, повторяя и развивая Теофраста опытомъ Корбаччьо. Не стану говорить о недавнихъ обычаяхъ, особенно нашего города, которыхъ прежніе свободные люди не знавали: о нарядахъ и роскошной обстановкѣ, которую жены считаютъ необходимой принадлежностью порядочнаго дома; о множествѣ слугъ, угощеніяхъ и подаркахъ роднымъ молодой и тѣмъ, которые желаютъ показаться влюбленными въ нее. Перейду

1) Se non vuol crescer la noia.

къ неизбѣжному: если жена красива, у ней несомнѣнно явятся ухаживатели, и по враждебной слабости она сдастся, ибо трудно защитить, чего добиваются многіе. Но вѣдь и красавицы надоѣдаютъ; что-же сказать о некрасивыхъ? Не только онѣ сами, но ненавистны становятся и самыя мѣста, гдѣ могутъ встрѣтить ихъ люди, обязанные считать ихъ своими. Оттуда рождается гнѣвъ; нѣтъ звѣря болѣе свирѣпаго, чѣмъ разгнѣванная женщина, кто ей довѣрится, тотъ живетъ небезопасно. О томъ, какъ онѣ враждебны покою мужчинъ, было бы слишкомъ долго разсказывать. Онѣ сообразили напр., что слугъ держатъ, если они хорошо исполняютъ свою должность, въ противномъ же случаѣ прогоняютъ, и рѣшили, что онѣ тогда лишь хозяйки, когда, поступая, какъ дурные слуги, не подвергаются ихъ участи [1]). Но объ этомъ знаетъ всякій и, пожалуй, лучше помолчать, чѣмъ, разсказывая, досадить прелестнымъ дамамъ. Наконецъ, кому не извѣстно, спрашиваетъ Боккаччьо, вторя трактату Иннокентія III: кому не извѣстно, что все другое сначала пробуютъ, а потомъ уже покупаютъ, только жену берутъ прямо, какъ бы, по испытаніи, она не оказалась негодной. Если все сказанное правда, а про то вѣдаютъ, кто это испыталъ—то сколько горя таятъ покои, которые на видъ полны утѣхъ! Я не утверждаю, что все это приключилось съ Данте, но чѣмъ-нибудь подобнымъ надо объяснить то обстоятельство, что, разставшись съ женою, онъ никогда не являлся туда, гдѣ она была, и не допускалъ ея пріѣзда; а у нихъ были дѣти. Да не подумаютъ, что я воочію отговариваю мужчинъ отъ брака, я поощряю его, но не для всякаго. Пусть люди, преданные философіи [2]), предоставятъ это неразумнымъ богачамъ, синьорамъ и крестьянамъ, а имъ философія будетъ лучшей супругой, чѣмъ всякая иная.

Семейныя заботы вовлекли Данте въ общественныя (§ 4), его прельстили пустыя почести, связанныя съ общественными

1) Сл. Corbaccio, выше стр. 23.

2) Filosofanti.

должностями, и онъ весь отдался этому дѣлу, не глядя, куда идетъ. Его роль реторично преувеличена: безъ него не вершается никакое важное дѣло, не принимаютъ никакого рѣшенія, не спросясь его совѣта; на немъ покоятся довѣріе и надежды всѣхъ и каждаго. Но онъ слишкомъ довѣрился фортунѣ, а она повернулась къ нему враждебно.

Характеристика флорентійскихъ отношеній дана въ самыхъ общихъ очеркахъ, безъ именъ и опредѣленныхъ указаній; тусклый фонъ для героическаго образа. Лишь позже (§ 12), по поводу гвельфовъ и гибеллиновъ, не извѣстно почему такъ названныхъ, раздѣлившихъ Ломбардію и Тоскану, говорится о гвельфѣ Данте, изгнанномъ такими-же гвельфами и обратившемся къ крайнимъ гибеллинскимъ симпатіямъ. Въ первый разъ партіи [1]) не названы, ихъ двѣ, враждебныхъ другъ другу и поочередно властвующихъ подъ руководствомъ мудрыхъ и предусмотрительныхъ вождей [2]). Данте положилъ всѣ свои старанія, всѣ заботы, чтобы соединить разсѣвшееся тѣло республики, доказывая разумнѣйшимъ гражданамъ, что распрями погибаетъ даже великое, малое-же возрастаетъ согласіемъ [3]). Видя тщету своихъ усилій, онъ хотѣлъ было отказаться отъ этой дѣятельности, но слава и благоволеніе толпы, уговоры и желаніе принести пользу удержали его. Такъ человѣкъ зрѣлый, взлелѣянный на святомъ лонѣ философіи не устоялъ противъ обольщеній Фортуны, хотя у него были передъ глазами паденія древнихъ и новыхъ царей, опустошеніе городовъ и царствъ.—Cadimenti отвѣчаетъ латинскому Casus: De Casibus virorum illustrium уже написаны.

Видя невозможность держаться особо, составить третью партію [4]), Данте примкнулъ къ той изъ существующихъ, на сторонѣ которой, по его мнѣнію, было больше правды. Но силы

1) Bianchi и Neri.

2) Principi.

3) Concordia parvae res crescunt и т. д.

4) Una terza parte tenere.

неба выше человѣческихъ рѣшеній; распри росли, доходя до кровопролитій, пока не раскрылись тайныя ковы судьбы: до партіи Данте дошли слухи, что ихъ противники усилились и нѣчто умышляютъ, и ничего не сообразивъ и не принимая мѣръ, онъ и его сторонники вожди обратились въ бѣгство. Ихъ объявили врагами республики, осудили па вѣчное изгнаніе, а имущество конфисковали.

Такъ-то награждена была горячая любовь Данте къ отечеству! говоритъ Боккаччьо, распространяясь въ реторическихъ повтореніяхъ. Довѣряйтесь послѣ того расположенію толпы [1]). Вотъ какую мраморную статую ему поставили, какими буквами внесли его имя въ золотыя скрижали въ число отцевъ отечества! Если не на примѣрахъ Камилла, Рутилія, Коріолановъ, обоихъ Сципіоновъ, то пусть поучатся на этомъ, новѣйшемъ, что народная любовь непостоянна. Возведемъ наши очи къ небу, въ немъ утвердимъ нашу надежду, и мы не будемъ обмануты.

Во Флоренціи осталась жена Данте съ семьей (§ 5); за нее онъ былъ спокоенъ, ибо она была въ родствѣ съ однимъ изъ вождей противной партіи. Она существовала бѣдно, частью имуществъ, которую успѣла отстоять подъ видомъ своего приданаго, а для Данте настали годы скитальчества, среди лишеній, подавленныхъ негодованій и надеждъ на скорый возвратъ. Его внѣшняя жизнь за эту пору описана кратко, съ нѣкоторыми неточностями и свѣдѣніями, показателемъ которыхъ остается до сихъ поръ одинъ Боккаччьо. Мы встрѣчаемъ Данте въ Веронѣ у Альберто делла Скала [2]), въ Казентино у графа Сальватико, въ Луниджьянѣ у маркиза Мороэлло Маласпина и въ горахъ подъ Урбино въ семьѣ делла Фаджьола. Затѣмъ Болонья, Падуя, Верона, и когда надежды на возвращеніе удалились, Парижъ. Здѣсь до него дошли слухи объ избраніи Генриха VII, его итальянскомъ походѣ и осадѣ Брешіи, и онъ спѣшитъ въ Италію, пристаетъ къ партіи, враждебной флорентинцамъ, и посланіями и посоль-

1) I favori de' popoli. Cл. De Casibus, IV, 2.

2) Сл. выше, стр. 289.

ствами они стараются убѣдить императора направить силы на Флоренцію: она во главѣ его непріятелей, поразивъ ее, онъ безъ большаго труда подчинитъ себѣ всю Италію. Но императору ничего не удалось сдѣлать, а его неожиданная кончина разрушила всѣ надежды Данте. Онъ пересталъ думать о возвращеніи и перебрался въ Романью, гдѣ въ то время властвовалъ въ Равеннѣ Гвидо Новелло да Полента, человѣкъ просвѣщенный гуманными знаніями [1]), любившій людей достойныхъ, особенно ученыхъ. Данте онъ давно зналъ по молвѣ, и предупреждая его смущеніе, попросилъ у него, какъ милости того, чего, полагалъ онъ, самъ Данте принужденъ будетъ у него попросить. Два желанія сошлись, и Данте провелъ у Гвидо послѣдніе годы, въ почетѣ и безбѣдно.

Слѣдующее общее мѣсто напоминаетъ выраженія Петрарки въ отвѣтъ на присланное ему стихотвореніе Боккаччьо въ честь Данте; мы уже выразили мнѣніе [2]), что Петрарка могъ повторить въ своемъ отвѣтѣ нѣкоторыя фразы изъ утраченнаго письма къ нему Боккаччьо. Вотъ онѣ: «ни вожделѣнія любви, ни горькія слезы (у Петрарки нѣтъ ни того, ни другого), ни семейныя заботы, ни заманчивая слава общественныхъ должностей, ни бѣдственное изгнаніе, ни невыносимая бѣдность» не отвлекли Данте отъ его главной цѣли: науки [3]). Чѣмъ бы онъ сталъ, если бы у него были пособники, т. е. не было противниковъ, либо немного, что бываетъ почти у всѣхъ? Не знаю, но если бы было позволено, я сказалъ бы: онъ сталъ бы на землѣ богомъ.

Въ Равеннѣ (§ 6) у Данте явилось нѣсколько учениковъ въ поэзіи, особенно въ поэзіи на народномъ языкѣ; по моему мнѣнію, онъ первый возвеличилъ ее среди итальянцевъ, какъ Гомеръ у грековъ и Виргилій у латинянъ. Она объявилась, какъ полагаютъ, не за долго до него, но ограничиваясь счетомъ слоговъ и созвучіемъ окончаній, пѣла о любви, не посягая на болѣе серьезные сю-

1) Ne' liberali arti ammaestrato.

2) Сл. выше стр. 282, 287.

3) Sacri studi.

жесты[1]); онъ первый показалъ, что она пригодна для выраженія высшихъ интересовъ[2]), и прославилъ нашъ языкъ[3]) надъ всѣми другими.

Онъ скончался на 56-мъ году, въ сентябрѣ 1321-го года, къ общему горю Гвидо и всѣхъ равенскихъ гражданъ, и я не сомнѣваюсь, что его воспріяла въ свои объятія его Беатриче[4]), съ которой онъ, забывъ земныя треволненія, радостно пребываетъ предъ лицемъ Того, кто есть высшее благо,

Его торжественно похоронили въ церкви миноритовъ въ Равеннѣ, въ каменной гробницѣ, въ которой онъ и теперь еще покоится. Вернувшись въ домъ, гдѣ жилъ Данте, Гвидо произнесъ, по обычаю равенцевъ, торжественную рѣчь и далъ слово почтить поэта великолѣпнымъ памятникомъ. Услышавъ объ этомъ, многіе поэты Романьи [5]) прислали сочиненныя ими эпитафіи; но Гвидо умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе своего намѣренія. Боккаччьо показывали тѣ эпитафіи; изъ нихъ онъ выбралъ одну, болонца Джьованни ди Вирджиліо, знаменитаго поэта и близкаго друга Данте; она и приведена въ концѣ главы, которой кончается внѣшняя біографія Данте.

О неблагодарная родина, обращается Боккаччьо къ Флоренціи, какое безуміе побудило тебя быть столь жестокой къ твоему дорогому гражданину, твоему благодѣтелю, твоему единственному поэту? Я твой сынъ, желающій тебѣ исправленія; послушай меня. Какими это побѣдами, какими преимуществами, какими доблестными гражданами можешь ты гордиться? Не твоими-ли богатствами — но онѣ непостоянны, красота дѣло бренное, роскошью (dilicatezze) увлекутся лишь тѣ, кто цѣнитъ внѣшность болѣе сущности. Твои купцы преданы любостяжанію, искусство, когда-то облагороженное людьми, уподобившими его природѣ [6]), заражено тѣмъ-же порокомъ и находится въ упадкѣ. Ужъ не

1) Artificiosa materia.
2) Ogni alta materia.
3) Il volgar nostro.
4) Nobilissima Beatrice.
5) In poesi solennissimi.
6) Una seconda natura la feciono; сл. Дек. VI, 5.

гордишься ли ты тѣми малодушными и трусами, которые, памятуя множество предковъ, величаются благородствомъ, а сами позорятъ его грабежами, предательствомъ и обманомъ? Опомнись и постыдись! Если у тебя самой не было на столько разсудительности, почему не подражала ты примѣру городовъ, и теперь еще славныхъ своими гражданами?—И авторъ называетъ семь городовъ, споривших за честь быть родиной Гомера, въ перечнѣ, согласномъ съ греческой эпиграммой, записанной въ знакомомъ намъ экземплярѣ Теренція[1]); въ Мантуѣ изображеніе Виргилія и теперь еще красуется на площадяхъ и въ частныхъ домахъ, ибо, хотя онъ былъ и сыномъ гончара, Мантуя имъ славна; Сульмона гордится Овидіемъ, Веноза Гораціемъ, Аквино Ювеналомъ; одна Флоренція, точно она богата Камиллами, Катонами и Сципіонами, не только упустила своего древняго согражданина Клавдіана[2]), но изгнала и Данте; попадись онъ тебѣ въ руки, ты звѣрски бы умертвила его. Но умеръ твой Данте Алигьери, умеръ въ изгнаніи, и ты можешь безопасно коснѣть въ своихъ порокахъ, положивъ конецъ неправеднымъ гоненіямъ. Но если со смертью кончается гнѣвъ и вражда, одумайся и постарайся исправиться; вспомни свою прежнюю человѣчность[3]), воздай ему долгъ материнскихъ слезъ, верни гражданство, пожелай обладать имъ по крайней мѣрѣ мертвымъ. Ты была жестока къ нему, онъ всегда питалъ къ тебѣ чувства сына, никогда не желалъ лишить тебя той чести, которая послѣдуетъ тебѣ отъ его творенія; всегда желалъ называться флорентинцемъ, всегда любилъ тебя. Ты хочешь прослыть внучкой Трои, дочерью Рима; вспомни Пріама, выпросившаго тѣло Гектора, римлянъ, перенесшихъ кости перваго Сципіона; онъ не ниже ихъ, никогда еще оружіе не уступало наукѣ.

1) Сл. Macrì-Leone, Vita стр. 37, прим. на стр. 94—5; выше стр. 97. Въ латинской транскрипціи эпиграммы первымъ городомъ названъ Chimi (=Κύμη); въ слѣдующемъ затѣмъ греческомъ текстѣ—Самосъ, и это повторено въ Gen. Deor. XIV, 19 и Com. I, 324.

2) Avendoti lasciato.... cader delle mani. 3) Umanità.

Семь городовъ воздвигли гробницы Гомеру, мантуанцы чтятъ бѣдную хижину Виргилія въ Піэттолѣ, Сульмона сѣтуетъ, что прахъ Овидія покоится на островѣ Понта, Парма ликуетъ, что Кассій покоится въ ней. Попроси же и ты тѣло Данте, и хотя нѣтъ на то желанія, все-же попроси, дабы, хотя видимо, снять съ себя часть упрековъ. Ты будешь удовлетворена, потому что его не отдадутъ тебѣ. Онъ и покоится въ обществѣ, какого ты не могла бы ему дать, въ Равеннѣ, болѣе, чѣмъ ты, почтенной своею древностью, усыпальницѣ святыхъ мучениковъ, императоровъ, тогда какъ въ твоихъ покойникахъ, чай, не умерло старое ожесточеніе, и ихъ тѣни сторонятся другъ отъ друга, какъ раздвоилось пламя на кострѣ двухъ ѳиванцевъ (Этеокла и Полиника). Равенна радуется, что Господь сподобилъ ее хранить тѣло человѣка, творенія котораго вызываютъ удивленіе всего свѣта, и еще больше негодуетъ, что ты гордишься его происхожденіемъ и что, поминая его, тебя поминаютъ первой.

Въ инвективѣ противъ флорентійцевъ, мы узнаемъ Боккачьевскую страстность, доходящую до крайности реторическаго выраженія. Данте былъ для него поэтомъ, теперь его увлекаетъ трагическій типъ великаго человѣка. Въ значеніи, которое онъ даетъ перенесенію во Флоренцію его праха, есть нѣчто антикварное, и вмѣстѣ съ тѣмъ это проявленіе культа цѣльной личности, останками которой дорожатъ, какъ пенатами. Средневѣковый критерій святости дополнился новыми элементами: Данте покоится въ усыпальницѣ святыхъ, но и скромный домикъ Виргилія окруженъ народнымъ благоговѣніемъ. Святые потѣснились для героевъ мысли, какъ въ дантовскомъ раю для доблестнаго Рифея; въ дантовскомъ культѣ Боккаччьо чувствуется подобное настроеніе.

Слѣдующія главы являются въ нѣсколько случайномъ порядкѣ, съ попытками характеристики, экскурсами въ стороны и нѣкоторыми новыми данными для біографіи поэта. Въ главѣ (§ 8) о внѣшности, нравахъ и обычаяхъ Данте многое можетъ быть результатомъ разспросовъ, отзвукомъ преданій, но многое могло

быть субъективно вычитано изъ самого Данте; онъ такой-же, какимъ изображаетъ его традиціонный джьоттовскій порттретъ, только съ бородою: продолговатое лицо, съ орлинымъ носомъ, большими глазами, широкими скулами и выдающейся нижней губою; смуглый, съ черными вьющимися волосами и бородой, вѣчно грустный и задумчивый. На улицахъ Вероны одна женщина шепнула другой, когда онъ проходилъ мимо: Вонъ тотъ, кто ходитъ въ адъ и возвращается оттуда съ вѣстями о грѣшникахъ. — Должно быть правду ты говоришь, отвѣчала другая, смотри, какой онъ черный, какіе курчавые у него волосы; это отъ жара и дыма тамъ внизу. Данте слышалъ и улыбнулся.—Дома и въ обществѣ онъ былъ сдержанъ, приличенъ и вѣжливъ; въ пищѣ и питьѣ умѣренъ и не разборчивъ, хваля хорошее, но болѣе питаясь простымъ и порицая тѣхъ, кто живетъ лишь затѣмъ, чтобы ѣсть. Никто ревностнѣе его не отдавался занятіямъ и вообще какому-бы то ни было дѣлу, такъ что жена и семья вначалѣ жаловались на это, потомъ перестали. Говорилъ онъ рѣдко, развѣ отвѣчая на вопросъ, и тогда отвѣчалъ обдуманно, но гдѣ было нужно, становился красноречивѣйшимъ.—Это, кажется, типическая похвала человѣка, берегущаго слово: Боккаччьо приложилъ ее къ Петраркѣ [1]).—Въ молодости онъ любилъ музыку и пѣніе, водилъ дружбу съ артистами, которые по его просьбѣ много изъ его стихотвореній переложили на музыку.—Какъ онъ былъ подверженъ любви, мы уже знаемъ; многіе твердо убѣждены, что она и побудила его писать на народномъ языкѣ; вначалѣ онъ подражалъ, затѣмъ постоянныя упражненія, желаніе лучше выразить свои чувства и стремленіе къ славѣ высоко поставили его надъ современниками и его поэзія вызвала и вызоветъ соревнованіе. — Любилъ онъ уединяться отъ людей, чтобы не мѣшали его думамъ, и въ людяхъ, за столомъ или на пути не отвѣчалъ на вопросы, пока не порѣшитъ съ овладѣвшей имъ мыслью. Когда онъ углублялся въ чтеніе, ничто не могло его развлечь: однажды въ

1) Сл. выше стр. 115.

Сіэнѣ ему подали обѣщанную книжку, которой онъ никогда не видалъ; дѣло было на улицѣ; онъ усѣлся на скамьѣ противъ аптеки и отъ девятаго часа до вечера прочелъ всю книгу; рядомъ, тутъ-же на улицѣ, молодые сіэнцы устроили ристаніе; онъ ничего не видѣлъ.—Свою удивительную проницательность [1]) и память онъ проявилъ въ Парижѣ, на диспутахъ de quolibet, на все отвѣчая въ порядкѣ предложенныхъ вопросовъ; высота его ума и тонкая изобрѣтательность [2]) засвидѣтельствованы его твореніями болѣе, чѣмъ въ состояніи то выразить мое слово. Можетъ быть, любви къ славѣ и блеску у него было болѣе, чѣмъ пристало его доблести; но есть-ли такой скромный человѣкъ, котораго-бы они не привлекали? Его они увлекли къ поэзіи; онъ зналъ, что философія выше ея, но только она мало доступна и славныхъ философовъ много, а поэзія всѣмъ доступна и поэты рѣдки. Онъ надѣялся на рѣдкое тогда и торжественное вѣнчаніе лавромъ, но желалъ удостоиться этого отличія лишь надъ купелью св. Іоанна (во Флоренціи), и такъ и умеръ, не достигнувъ желанной чести.

Но между читающими нерѣдко поднимается вопросъ: что такое поэзія и поэты и почему ихъ вѣнчаютъ лавромъ. Это даетъ поводъ Боккаччьо къ нѣсколькимъ экскурсамъ; о его воззрѣніяхъ на поэзію (§ 9) и на ея отношеніе къ богословію (§ 10) мы скажемъ особо; обычай вѣнчать лавромъ поэтовъ и полководцевъ возводится (§ 11) къ грекамъ и римлянамъ, къ миѳу о Дафнѣ, обращенной въ лавръ Аполлономъ, покровителемъ поэтовъ; не забыты и символическія свойства лавра: онъ вѣчно зеленъ, не поражается молніей, пахучъ. Петрарка въ своей вѣнчальной рѣчи насчиталъ такихъ качествъ еще болѣе — съ тѣмъ-же примѣненіемъ къ славѣ.

«Качества и недостатки Данте» (§ 12) снова возвращаютъ насъ къ прерванной его характеристикѣ. Отмѣчается, изъ письма Данте къ флорентинскому другу, благородная гордость, съ кото-

1) Capacità.

2) Sottile invenzione.

рою онъ «воспитанный на лонѣ философіи», предпочелъ изгнаніе возвращенію на родину, обставленному унизительными условіями. Его самосознаніе, граничащіе съ самомнѣніемъ, иллюстрируется его словами, когда, разсуждая о томъ, кого послать въ Римъ, всѣ сошлись на Данте, и онъ, подумавъ, сказалъ: Если я пойду, кто-же останется? Если останусь, кому пойти? — Твердый духомъ въ бѣдствіяхъ, онъ бывалъ, особенно въ вопросахъ партій, нетерпимъ и раздражителенъ [1]), болѣе, чѣмъ ему пристало и чѣмъ самъ онъ желалъ казаться. Боккаччьо поминаетъ распри гвельфовъ и гибеллиновъ и рѣзкій гибеллинизмъ Данте послѣ изгнанія; его завзятость доходила до того, что когда, бывало, въ Болоньѣ какая-нибудь женщина или ребенокъ бранили гибеллиновъ, онъ приходилъ въ такое бѣшенство, что готовъ былъ забросать ихъ камнями, еслибъ они не замолчали; и эта ярость [2]) не проходила у него до конца жизни. Мнѣ совѣстно, что я пятнаю славу такого человѣка, какъ онъ, но умаленіе непохвальнаго могло бы уменьшить вѣру въ достовѣрность моихъ похвалъ. Да извинитъ меня онъ самъ, можетъ быть, съ негодованіемъ взирающій съ неба на пишущаго эти строки.

Съ такой-то доблестью, съ такими знаніями, уживалось въ поэтѣ сладострастіе [3]), и не только въ юныхъ, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Извинить этого нельзя, но кто-же обвинитъ его? Не я, во всякомъ случаѣ. Чего только не дѣлаютъ съ нами женщины, если желаютъ, да и не желая! За ними прелесть, красота, естественное вожделѣніе и многое другое, постоянное, говорящее за нихъ въ сердцахъ мужчинъ, Примѣровъ много — и Боккаччьо приводитъ ихъ, отъ Юпитера до Ирода. Данте пройдетъ, если не извиненный, то обвиненный въ меньшей мѣрѣ, ибо онъ не одинъ.

Перечисленіе его сочиненій (§ 13) оказывается необходи-

1) Impaziente o animoso.

2) Animosità.

3) Lussuria.

мымъ, дабы никто не присвоилъ себѣ того или другого, и ему не приписали чужихъ. Прежде всего онъ на 26-мъ году написалъ Vita Nuova, которой онъ стыдился въ зрѣломъ возрастѣ, хотя, взявъ во вниманіе юныя лѣта, она прекрасна и нравится толпѣ [1]). Опыты общественной дѣятельности открыли ему глаза на людскія заблужденія, и его Комедія, за которую онъ принялся на 35-мъ году жизни, отвѣтила его цѣли: укорить и наградить людей по ихъ заслугамъ; три кантики отвѣчаютъ дѣленію на порочныхъ, стремящихся освободиться отъ порочности и добродѣтельныхъ. Невзгоды судьбы не могли не мѣшать его грандіозному труду [2]), который занималъ его до конца жизни. Но въ исторіи Божественной Комедіи были случайности (§ 14): семь первыхъ пѣсней были написаны, но забыты во Флоренціи въ пору бѣгства. Кто-то, роясь въ вещахъ Данте, которыя успѣли припрятать въ церкви [3]) отъ грабившей толпы, нашелъ въ сундукѣ и тѣ семь пѣсней; онъ пробѣжалъ ихъ и, такъ какъ они ему понравились, тайно унесъ и показалъ Дино ди Мессеръ Ламбертуччьо [4]), знаменитому въ то время флорентинскому поэту. Онъ призналъ это за твореніе Данте, и съ общаго согласія они послали тѣ пѣсни къ маркизу Мороэлло, у котораго жилъ тогда Данте, съ просьбой побудить поэта къ продолженію труда. Данте считалъ его утраченнымъ, бросилъ и самую затѣю, но когда судьба снова натолкнула его на нее, онъ, уступая просьбамъ маркиза, снова вжился въ нее не безъ усилій и продолжалъ:

Io dico, seguitando, ch'assai prima [5]).

Боккаччьо ясно видитъ спай въ этомъ seguitando, «продолжая»; сомнѣнія явились позже.

1) A' volgari.

2) Così alta, così grande, così escogitata impresa.

3) In luoghi sacri.

4) Въ комментаріяхъ къ Божественной комедіи: Dino di messer Lambertuccio Frescobaldi.

5) Inf. VIII, 1.

Данте приходилось работать съ перерывами, которые длились мѣсяцы и годы; написавъ нѣсколько пѣсенъ, онъ обыкновенно посылалъ ихъ къ мессеръ Кане делла Скала, котораго особенно уважалъ; лишь послѣ того онъ позволялъ дѣлать съ нихъ списки; но послѣднихъ тринадцати пѣсенъ онъ не успѣлъ послать и по его кончинѣ ихъ не нашлось. Его сыновья, Яковъ и Пьеро, оба поэты, намѣревались дополнить трудъ отца, когда восемь мѣсяцевъ по его смерти, объ утрени, къ Пьеро Джьярдино, бывшему его ученику, пришелъ Якопо Алигьери и разсказалъ, что ему явился въ сновидѣніи отецъ, облеченный въ бѣлыя одежды и окутанный необычайнымъ сіяніемъ. Я живу настоящей жизнью, сказалъ онъ и, на вопросъ сына, кончилъ-ли онъ свою поэму, отвѣтилъ, что кончилъ; затѣмъ, будто-бы, повелъ его въ бывшую свою комнату и, указавъ на одно мѣсто, сказалъ: Вотъ то, чего вы ищете! — По этому указанію Якопо и Пьеро Джьярдино и нашли за настилкой [1]) прибитой къ стѣнѣ, въ нишѣ, которую тамъ никто не подозрѣвалъ, покрытую плѣсенью рукопись: послѣднія пѣсни Рая, которыя отослали мессеру Кане, а затѣмъ присоединили къ цѣлому творенію.

Еще на одинъ вопросъ, возбужденный Божественной Комедіей, отвѣчаетъ Боккаччьо (§ 15): почему такой ученый человѣкъ, какъ Данте, избралъ для такого возвышеннаго сюжета не латинскій языкъ, а флорентинскій: Сдѣлалъ онъ это въ видахъ большей пользы, какъ своихъ гражданъ, такъ и другихъ итальянцевъ, ибо латинскіе стихи понятны были-бы однимъ ученымъ, тогда какъ итальянскіе и людямъ необразованнымъ [2]), о которыхъ раньше никто не думалъ, что̀ не помѣшало и литераторамъ любоваться красотами нашего языка и искусствомъ владѣть имъ. Затѣмъ онъ имѣлъ въ виду, что гуманныя науки теперь въ забросѣ, особенно у властителей и другихъ именитыхъ людей, которымъ посвящали обыкновенно поэтическія произведенія; вслѣд-

1) Stuoia.
2) Agl' idioti.

ствіе этого Виргилій и другіе поэты не цѣнятся и въ презрѣніи; вотъ почему, начавъ писать свою поэму на латинскомъ языкѣ [1]), онъ бросилъ это и продолжалъ ее по итальянски, не желая подать корки хлѣба тѣмъ, кто сосетъ еще грудь.

Въ заключеніи два свѣдѣнія, въ относительной точности которыхъ Боккаччьо предоставляетъ разобраться другимъ. Одни утверждаютъ, что Данте посвятилъ свой Адъ властителю Пизы, Угуччьоне делла Фаджьола, Чистилище — Мороэлло Маласпина, Рай—Фридриху III, королю Сициліи; другіе говорятъ, наоборотъ, что вся поэма посвящена была Кане делла Скала. Но все это произвольныя мнѣнія, и не такое это важное дѣло, чтобы требовало серьезнаго разсмотрѣнія.

Это заявленіе важно по отношенію къ одному сомнительному письму, авторомъ котораго названъ братъ Иларій и которымъ долгое время пользовались для жизнеописанія Данте. Оно извѣстно до сихъ поръ лишь изъ той записной тетради Боккаччьо [2]), гдѣ помѣщено и посланіе Данте флорентинскому другу. Боккаччьо видимо собиралъ письма Данте, но приступая къ своей біографической работѣ, отнесся не одинаково къ собранному матерьялу: такъ онъ пользуется посланіями къ другу и къ Генриху VII, но къ показанію Иларія обнаруживаетъ сомнѣніе: именно это письмо утверждаетъ, что три кантики Божественной комедіи посвящены тремъ разнымъ лицамъ — а Боккаччьо относитъ это мнѣніе къ числу произвольныхъ. Онъ воспользовался лишь нѣсколькими фразами письма тамъ, гдѣ говоритъ объ упадкѣ гуманныхъ знаній и своемъ нежеланіи питать плотной пищей сосущихъ молоко [3]). Такіе цвѣтки краснорѣчія онъ выбиралъ и изъ писемъ Петрарки.

Другимъ сочиненіямъ Данте онъ отводитъ сравнительно незначительное мѣсто. Говоря о книгѣ de Monarchia, онъ сообщаетъ

1) Ultima regna canam и т. д.

2) Laur. XXIX, 8; сл. выше стр.

3) Frustra enim mandibilis cibus ad ora lactantium admovetur.

между прочимъ, что Данте доказывалъ непосредственное происхожденіе императорской власти отъ Бога, не черезъ посредника, какъ, *кажется,* полагаютъ то клерики; ожесточеніе кардинала дель Поджетто противъ этой книги и памяти Данте вызываетъ порицаніе. Это не объективизмъ, а гуманизмъ при отсутствіи симпатій къ идеѣ De Monarchia [1]).

Слѣдуютъ въ быстромъ перечетѣ: эклоги, Convivio, неоконченный трудъ De vulgari eloquentia, эпистолы, стихотворенія и новая похвала Данте, что преслѣдованія безжалостной Фортуны не отвлекли его отъ науки и поэзіи: передъ лицемъ Господа и людей это дѣло болѣе похвальное, чѣмъ обманъ, хищенія и предательства, которымъ нынѣ преданы всѣ, стремящіеся къ единой цѣли — богатству. Но память богатаго погибнетъ или покроется стыдомъ, а слава Данте засіяетъ современемъ еще больше, какъ отъ употребленія оружіе становится болѣе блестящимъ [2]).

Я разсказалъ вкратцѣ о родѣ и занятіяхъ, жизни, правахъ и трудахъ славнаго мужа Данте Алигьери, именитаго поэта; другіе разсказали бы лучше, но кто дѣлаетъ, что можетъ, отъ того нельзя требовать большаго. Если въ чемъ-либо и погрѣшилъ, я тѣмъ дамъ другимъ поводъ написать правду о нашемъ Данте, чего, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не сдѣлалъ.—Боккаччьо кончаетъ (§ 17) толкованіемъ вѣщаго сна матери Данте [3]) и благодарностью Подавшему попутный вѣтеръ его утлой ладьѣ.

Біографія Данте плодъ глубокаго увлеченія личностью поэта, его психологіей; его внѣшняя исторія, политическіе моменты его дѣятельности раскроются полнѣе въ біографіи Леонардо Бруни; Боккаччьо интересуютъ факты, освѣщающіе интимную исторію, нравственный обликъ человѣка. Въ этомъ отношеніи характерный анекдотъ иногда краснорѣчивѣе архивнаго документа; онъ отвѣчалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вкусамъ новеллиста: фигура выхо-

1) Сл. выше стр. .

2) De Cas. III, 13: exercitio tenebrosae clarescunt, т. е. res.

3) Сл. выше стр. .

дила оттого рельефнѣе. Какъ для пѣвца Божественной Комедіи идеалы доблести лежали въ прошломъ, такъ раскрылись они и для Боккаччьо въ извѣстную пору его дѣятельности: въ Данте онъ искалъ идеала поэта и человѣка.

Намъ остается еще сказать о тѣхъ главахъ (§§ 9, 10) біографіи, въ которыхъ Боккаччьо впервые подробнѣе развилъ свои воззрѣнія на поэзію, повторенныя имъ потомъ въ Генеалогіи Боговъ и въ комментаріяхъ на Божественную Комедію.

Вопросъ о значеніи и назначеніи поэзіи поставленъ въ средѣ раннихъ итальянскихъ гуманистовъ; они первые увидѣли въ призваніи поэта серьезное общественное служеніе; увлеченіе красотами латинской поэзіи объективировало для нихъ процессы творчества, до тѣхъ поръ протекавшіе безсознательно, и они естественно старались выяснить себѣ, къ чему влекло ихъ инстинктивно. Средніе вѣка полны поэзіи, но этихъ вопросовъ они себѣ не ставили; поэзія для нихъ либо забава, нерѣдко грѣшная, либо виртуозное владѣніе риѳмой и формой; въ французской народной майской пѣсни она опредѣляется содержаніемъ: это радость и юность [1]); для школьно-латинскихъ поэтовъ это стилистическій трудъ, Аполлонъ, рождающійся изъ ночныхъ бдѣній; либо это—назиданіе; цѣли назиданія оправдывали то, что могло казаться забавой.

Поэзія — назиданіе: этотъ взглядъ лежитъ въ основѣ ея гуманистическаго опредѣленія у Петрарки и Боккаччьо. Въ немъ много восторженности и идеализаціи, вызванной цѣлями самозащиты. Точкой отправленія и образцами была поэзія классиковъ; Боккаччьо присоединилъ къ нимъ и Данте. Приходилось отбиваться отъ нападеній: надъ людьми, позволявшими себѣ считать поэзію дѣломъ, глумились не только практики, дѣльцы, но и представители профессіональной науки, тогда какъ ревнители нравственности и церкви усматривали скандалъ въ обновленіи языческихъ басенъ и соблазнительныхъ миѳовъ, осуждая то и другое,

1) Joi, jove.

какъ вредное. Защита основывалась главнымъ образомъ на принципѣ аллегоризма. Аллегоризмъ, какъ показатель общественнаго сознанія — а такимъ онъ былъ въ средніе вѣка — это безсознательное исканіе компромисса между разными моментами развитія, стараніе согласовать чужое съ своимъ, либо узаконить дорогое прошлое въ обязательномъ настоящемъ, объяснивъ его съ точки зрѣнія этого настоящаго. Когда грубый реализмъ старыхъ классическихъ миѳовъ пересталъ удовлетворять требованіямъ религіозной мысли, боги остались, но въ нихъ отыскали демоновъ или обоготворенныхъ людей, миѳы очутились иносказательнымъ выраженіемъ историческихъ фактовъ, либо физическихъ и этическихъ истинъ; такъ толковались гомерическія поэмы уже въ школахъ стоиковъ; вся Енеида представилась иносказаніемъ: напомнимъ лишь Фульгенція Планціада. Древнѣйшія апологіи христіанства, отъ Юстина до Арнобія, покоятся на идеѣ, что предыдущія формы религіозной мысли были лишь неполнымъ его откровеніемъ; въ этой связи Орфей могъ представиться символомъ Добраго Пастыря. Когда церковь упрочилась и окрѣпла, сознаніе этой исторической преемственности ослабѣло, но осталось аллегорическое пониманіе миѳа: подъ ложнымъ, съ виду легкомысленнымъ покровомъ Виргилія и Овидія скрываются многіе истины, писалъ Теодульфъ [1]); ревнители находили въ такомъ пониманіи готовое орудіе для борьбы съ суевѣріемъ, хотя и позже, напримѣръ, у Винценція изъ Бовэ и Альберта Великаго встрѣчаются отголоски стараго взгляда на естественное богопознаніе языческихъ мыслителей. И въ тоже время умаленіе страха передъ соблазнами язычества обнажило въ миѳахъ ихъ абстрактно-поэтическія красоты; такъ поэзія природы возникаетъ, когда изъ нея удаляются боги. Имена Юпитера, Венеры не внушали болѣе опасеній, ихъ жало притупилось, ихъ миѳами орудуютъ, какъ поэтической прикрасой, и аллегоризмъ

1) Theodulfi De libris quos legere solebam et qualiter fabulae poetarum a philosophis mystice pertractentur (Dümmler, Poet. lat. medii aevi t. I, fasc. I, стр. 543—4, v. 19 слѣд.

призванъ на защиту поэзіи миѳа, какъ прежде объяснялъ его содержаніе.

Такова ея защита у Данте и Муссато, Петрарки и Заноби; иносказаніе снимало съ поэзіи вообще долю нареканій. Уже въ своей вѣнчальной рѣчи Петрарка утверждалъ, что между поэзіей и исторіей и философіей, какъ моральной, такъ и натуральной, разница не въ содержаніи, а въ аллегорическомъ покровѣ [1]); въ письмѣ къ своему брату Герарду [2]) онъ доказывалъ, что поэзія не стоитъ въ противорѣчіи и съ теологіей, что «теологія — это поэзія, сюжетъ которой — Богъ» [3]). Эта красивая фраза болѣе обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Все сводится, повидимому, къ сходству фигурнаго языка, изъ котораго заключаютъ о сходствѣ содержанія. Развѣ названіе Христа то львомъ, то агнцемъ, то червемъ — не поэтическая фигура? спрашиваетъ Петрарка; притчи Спасителя не въ стилѣ аллегоріи, приличествующей поэзіи? Разумѣется, сюжетъ другой: въ теологіи это истинный Богъ, въ поэзіи ложные боги и смертные люди. Поэты были первыми бо-

1) Легко можно доказать, poetas sub velamine figmentorum nunc fisica nunc moralia nunc hystorias comprehendisse, ut verum fiat, quod saepe dicere soleo, inter poetae et ystorici et philosophi seu moralis seu naturalis officium hoc interesse, quod inter nubilosum et serenum celum interest, cum utrobique eadem sit claritas in subjecto, sed pro captu spectantium diversa. Eo tamen dulcior fit poesis, quo laboriosius quaesita veritas magis atque magis dulcessit. Сл. Hortis, Scritti inediti di Fr. Petrarca, стр. 320. Сл. Contra medicum invect. I, 1092; Epist. poet. II, 11; Africa ed. Corradini IX, 97; Sen. IV, 5, XV (XIV), 11. Тоже въ рѣчи Заноби да Страда, съ указаніемъ, какъ на источникъ, на текстъ привилегіи, выданной Петраркѣ на званіе вѣнчаннаго поэта: Est poesis scientia suis fictionibus cuncta complectens, quae etiam astrologicas demonstrationes et physicas conclusiones circa pedum mensura describit.... Ignorant autem poetae officium sub hoc esse, ut veritatem rerum sub amoenis coloribus absconditam et decora velut figmentorum nube contextam altisonis carminibus et dulci quadam suavitate respergat, quo scilicet quaesitu difficilior, magis atque magis, inventa dulcescat. Nonne etiam Sacrae scripturae sub integumento multa dicunt, quae ob hoc teguntur, secundum Augustinum, ne vilescant, ob hoc aperiuntur, ut pascant (Ciampi, Monumenti di un Manoscritto autografo e lettere inedite di messer G. Boccaccio. Milano, 1830, стр. 121, 122). О рѣчи Заноби сл. выше т. I, стр. 42, 377.

2) Fam. X, 4.

3) Theologiam poeticam esse de Deo.

гословами, говорилъ Аристотель[1]); когда первые люди, влекомые естественнымъ желаніемъ уразумѣть истину, пришли къ познанію нѣкой высшей силы, всѣмъ правящей, рѣшили чествовать ее болѣе и торжественнѣе, чѣмъ обычно; оттуда учрежденіе храмовъ и священнослужителей, статуи и алтари; а дабы честь воздавалась не молчаливо[2]), положили чествовать божество широковѣщательными словами, далекими отъ низменной, народной рѣчи, подчиненными извѣстнымъ размѣрамъ[3]) въ цѣляхъ украшенія. Это надлежало сдѣлать не въ народной, а въ нѣкой искусственной, изобрѣтенной и необычной формѣ, которую по-гречески назвали поэтикой; тѣ-же, которые употребляли ее, назывались поэтами[4]).

Петрарка приводилъ, въ подтвержденіе своего взгляда, Варрона, Светонія, Исидора и успокоивалъ брата-монаха указаніемъ на священное писаніе, отцевъ церкви и христіанскихъ поэтовъ, отъ Моисея до Седулія. Всѣ они прибѣгали къ средствамъ поэтическаго слова; псалтырь—это христіанская поэма; изящной формой гнушаться нельзя, ибо только дуракъ или ханжа способенъ хвалить пищу въ глиняномъ сосудѣ и отвернуться отъ нея, когда она подана будетъ на золотомъ блюдѣ.

Мы сказали, что Петрарка рѣшаетъ вопросъ скорѣе реторически, чѣмъ по существу, но его взгляды предполагаютъ безсознательное, быть можетъ, обобщеніе, характерное для современной ему поэтики. Богословіе—неадекватное выраженіе философской истины, учили аверроисты; можно было, не становясь на ихъ точку зрѣнія, утверждать неадекватность откровенной истины съ ея символическимъ, человѣческимъ выраженіемъ. Параллель съ поэзіей подсказывалась сама собой; и здѣсь то-же

1) Et apud Aristotelem primos theologizantes poetas legimus.

2) Ne mutus honos fieret.

3) Numeris insuper adhibitis.

4) Id sane non vulgari forma, sed artificiosa quadam et exquisita et nova fieri oportuit, quae quoniam graeco sermone poetices dicta est, eos quoque qui hac utebantur poetas dixerunt.

несоотвѣтствіе между содержаніемъ и аллегорической формой, и въ тѣхъ-же цѣляхъ: охранить сокровище знанія, тайны сущаго отъ небрежной руки, отъ безцѣльнаго любопытства толпы, сдѣлать ее привлекательнѣе своей недоступностью, и вмѣстѣ, суггестивностью. Это шло къ аристократическому самосознанію гуманистической поэзіи: аллегоризмъ для нея такой-же оберегъ, какъ символизмъ для современныхъ декадентовъ.

Вотъ эти-то воззрѣнія Петрарки и повторяетъ Боккаччьо въ своемъ жизнеописаніи Данте, воспроизводя тѣ-же аргументы, иногда тѣ-же фразы, напримѣръ, о поэзіи [1]). Боккаччьо не разъ пользуется цвѣтами краснорѣчія Петрарки, не всегда называя его; такъ и здѣсь; разумѣется, это не намѣренное умолчаніе; въ Генеалогіяхъ боговъ [2]), повторяя о поэзіи сказанное въ біографіи, онъ ссылается на бесѣды своего славнаго учителя Петрарки; въ комментаріяхъ на Божественную Комедію [3]), гдѣ онъ резюмируетъ соотвѣтствующія положенія біографіи и Генеалогій, онъ прямо указываетъ на письмо Петрарки къ брату Герарду [4]). Но и въ біографіи (§§ 9, 10) онъ относится къ нему съ извѣстной самостоятельностью, развиваетъ новыми примѣрами, анализуетъ и старается вдуматься, гдѣ Петрарка только намѣчаетъ. Такъ, говоря о происхожденіи поэтическаго слова въ связи съ началами религіи, онъ подробнѣе расчленяетъ ея языческіе элементы: первые люди будто-бы чествовали единое божество, послѣдующіе признали ихъ нѣсколько, хотя подъ началомъ одного; обоготворялись силы природы; первичная поэзія развивалась въ связи съ ихъ культомъ. Затѣмъ явились цари, правители, захватившіе власть надъ народами, кто тѣмъ, кто другимъ способомъ; съ ними блескъ и торжественность и требованіе почета и обого-

1) La quale forma appellarono i greci poetes; laonde nacque, che quello che in cotale forma fatto fosse, si appellasse poesis, e quelli che ciò facessero e cotale modo di poetare usassero, si chiamassero poeti.

2) XIV, гл. 5, 7 слѣд.; сл. гл. 8.

3) Com. I, стр. 124.

4) Fam. X, 4 отъ 2 декабря 1348 г. Сл. выше стр. 277.

твореніе ихъ предковъ; смѣлыхъ людей стали уподоблять богамъ, воспѣвая ихъ подвиги и битвы. И этой потребности отвѣтили поэты: поэтическій стиль, сложившійся въ культѣ древнихъ боговъ, приложился и къ новымъ. Такъ выясняются взгляды Боккаччьо на двойственный характеръ миѳа и на смѣну религіозной и героической поэзіи. Ея отношенія къ теологіи поставлены такъ же внѣшне, какъ у Петрарки, та же ссылка на мнѣніе Аристотеля, что поэты были первыми богословами; связью является аллегорія, въ этомъ отношеніи древніе поэты слѣдовали, по мѣрѣ человѣческаго разумѣнія, по стопамъ Св. Духа, и какъ видѣніе Моисеемъ неопалимой купины означаетъ дѣвство Богородицы, такъ миѳъ о Сатурнѣ, пожирающемъ своихъ дѣтей, иносказательно выражаетъ всепоглощающее время. При сходствѣ средствъ есть и разница: предметомъ богословія является божественная истина, поэзіи — языческіе боги и люди; она говоритъ о многомъ ложномъ, противномъ христіанскому ученію, но также и о многихъ истинахъ, раскрывая въ изящныхъ образахъ причины вещей, слѣдствія добродѣтелей и пороковъ, къ чему намъ стремиться и чего избѣгать, дабы, изощрясь въ добродѣтеляхъ, достигнуть цѣли, въ которой люди, не знавшіе истиннаго Бога, полагали высшее благо.

И такъ, лучшая защита поэзіи будетъ въ раскрытіи назидательнаго, нерѣдко глубокаго, либо просто историческаго содержанія древнихъ миѳовъ, а вмѣстѣ и ихъ относительной безобидности въ употребленіи поэтическаго стиля. Таково назначеніе Генеалогій боговъ.

X.

ПРИЗВАНІЕ ПОЭТА: STUDIUM FUIT ALMA POESIS (ГЕНЕАЛОГІИ БОГОВЪ.—DE MONTIBUS).

I.

Надъ Генеалогіями боговъ Боккачьо работалъ болѣе 20-ти лѣтъ, начавъ ранѣе 1350-го года и по 1372-й, постоянно глоссируя ихъ, исправляя и оставляя слѣды разновременныхъ замѣтокъ, которыя, казалось бы, не трудно было помирить при пересмотрѣ. Мы уже знаемъ, что до окончательнаго пересмотра дѣло не дошло [1]) и что подобно другимъ большимъ трудамъ Боккачьо, его Филоколо и Декамерону, Генеалогіямъ не суждено было получить окончательной отдѣлки; авторъ оставался ими недоволенъ до конца, хотя сознавалъ все значеніе своего труда. Плодъ замѣчательной начитанности и терпѣливаго анализа, онъ грѣшитъ нѣкоторою безформенностью: матеріалы и обобщенія переросли планъ, затѣянный въ началѣ, а планъ остался и вызвалъ критику современниковъ [2]).

Посвятительное письмо къ королю Гуго изложено въ формѣ разговора автора съ Доннино изъ Пармы, служилымъ человѣкомъ [3]) короля, передавшимъ ему желаніе его величества, чтобы онъ написалъ генеалогіи языческихъ боговъ и пошедшихъ отъ нихъ, по измышленіямъ древнихъ, героевъ, а вмѣстѣ и о томъ, что̀ славные нѣкогда мужи открывали подъ пеленою басенъ. Малому человѣку не подобаетъ добиваться причины королевскихъ

1) Сл. выше стр. 209—211.

2) l. XV, c. 3.

3) Militis. Сл. выше т. I, стр. 96.

побужденій и не приходится говорить о своей неприготовленности [1]), дабы это не понято было, какъ желаніе отстранить отъ себя обузу. Боккаччьо предпочитаетъ передать свою бесѣду съ Доннино: король уразумѣетъ изъ нея, какова у него смѣлость, что онъ отважился ему повиноваться.

Распространившись о научныхъ занятіяхъ твоего величества и славныхъ подвигахъ твоего правленія, Доннино сталъ убѣждать меня разными доводами, изъ которыхъ иные казались мнѣ вѣскими, чтобъ я исполнилъ твое желаніе. Я отвѣчалъ: Ты полагаешь, быть можетъ, или полагаетъ твой король, котораго и я скоро назову своимъ, что неразуміе древнихъ, побуждавшее ихъ возводить свой родъ къ богамъ, ограничилось небольшимъ уголкомъ земли и было непродолжительно. Но ты ошибаешься: оно обняло широкія пространства, началось у сикіонцевъ, быть можетъ, въ пору юности Авраама, и продолжалось до паденія гордаго Иліона, и нѣтъ сомнѣнія, что, гдѣ оно было въ силѣ, тамъ написаны были огромныя книги, чтобы сохранить въ потомствѣ память о богорожденныхъ предкахъ. Сказывалъ при мнѣ Паоло изъ Перуджіи, человѣкъ серьезный и ревностный изслѣдователь такого рода вопросовъ, что̀ онъ слышалъ отъ калабрійца Варлаама, хорошаго знатока греческой литературы: будто въ тѣ времена, когда царило это неразуміе, не было во всей Греціи ни одного властвующаго либо выдающагося мужа, который не доказывалъ бы, что онъ происходитъ отъ боговъ. А ты хочешь, чтобы я исполнилъ желаніе короля? Но дабы одолѣть такія пространства, горы и пустыни и моря, надо прожить нѣсколько вѣковъ, а еслибъ это и удалось какимъ-нибудь чудомъ, необходимо знать письмена и языки разныхъ народовъ, всюду находить на готовѣ книги, и всѣ безъ изъяна; кто-же наконецъ, обладаетъ — не говорю о себѣ — такимъ умомъ и памятью, кто-бы въ состояніи былъ все это увидѣть, уразумѣть, удержать и изложить письменно?

1) Insufficientiam.

Ты присоединилъ еще просьбу: чтобы я истолковалъ, что̀ подъ потѣшною личиною басенъ скрыли мудрые люди. Ясно, что именитый король считаетъ безразсудными мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что мужи столь глубоко ученые тратили время на сложеніе басенъ, не имѣющихъ ничего общаго съ истиной и ограниченныхъ лишь внѣшнимъ, буквальнымъ смысломъ [1]). Я порадовался этой разсудительности короля, — ты не даромъ говорилъ объ его божественномъ умѣ, — и готовъ былъ бы уступить его желанію, если бы у меня достало силъ. Но вѣдь это дѣло теолога, того рода теологіи, которую Варронъ называетъ мистической, другіе, можетъ быть, лучше, физической; она часто обманчива до смѣшнаго [2]), но требуетъ большаго искусства. Надо соображать силы и способности человѣка и согласно съ тѣмъ давать ему работу; а я что? Человѣкъ маленькій, силъ у меня нѣтъ, умъ неповоротливъ, память слабая; если есть кто, кому была бы по плечамъ эта ноша, то это славный Франческо Петрарка, издавна мой наставникъ [3]), одаренный божественнымъ талантомъ и необычайной памятью, краснорѣчивый; ему вѣдомы исторіи всѣхъ народовъ, значеніе басенъ, однимъ словомъ, всѣ тайны философіи.

Я умолкъ, а онъ отвѣчалъ благодушно и привѣтливо: Знаю, что все это правда, сознаю и трудности; но неужели ты думаешь, что нашъ король не сообразилъ всего этого? Онъ разсудителенъ и милостивъ, и не только не желаетъ утруждать кого-бы то ни было, но всегда всѣмъ готовъ оказать помощь. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть и исполнять его велѣнія. Я понимаю, что тѣ народы и ихъ писанія, о которыхъ ты говорилъ, не достижимы; но онъ желаетъ, чтобы ты занялся лишь тѣмъ, что дошло отъ грековъ до латинянъ и что объявилось у самихъ латинянъ, и если не всѣмъ, то тѣмъ, что тебѣ доступно. И до Кипра донеслась

1) Nec praeter literalem sensum habentes.

2) Etsi plurimum ridendae falsitatis habet.

3) Cujus jam diu ego auditor sum.

всесвѣтная слава Франческо Петрарки [1]), но судьба не свела меня съ нимъ, можетъ быть, Господь такъ устроилъ, чтобы я поберегъ его, занятаго важными дѣлами, а на тебя, молодого человѣка [2]), возложилъ почетный трудъ, дабы имя твое, уже начинающее пріобрѣтать извѣстность [3]), тѣмъ болѣе среди насъ прославилось.

И такъ ты полагаешь, отвѣчалъ я, что если, оставивъ въ сторонѣ писанія варваровъ, ограничиться греками и латинянами, можно будетъ написать цѣльный трудъ? Вѣдь этимъ допущеніемъ ты устраняешь его большую часть! Но положимъ, мы поступимъ, какъ поступили римскіе императоры, раздѣливъ имперію на восточную и западную; пусть у этого чудовища будутъ двѣ головы, варварская и греко-латинская; вѣдь и съ этимъ ограниченіемъ не достигнуть того, чего ты желаешь. То заблужденіе было древнее, но древни и враги книгъ: пожары, наводненія уничтожили не одну александрійскую библіотеку; первые проповѣдники Христа, нападая на язычество, уничтожили, безъ сомнѣнія, и множество книгъ, наполненныхъ его воспоминаніями. Присоедини къ этому и силы любостяжанія: поэзія не приноситъ выгоды, и книги были заброшены тѣми, кто ничего не видѣлъ выше золота; гибельная ненависть нѣкоторыхъ властителей обрушилась не только на поэтическія, но и на научныя творенія [4]); многаго не

1) Любопытно отмѣтить отрицательное отношеніе Петрарки къ современному ему Кипру (Itin. Syr. ed. Lumbroso, l. c. стр. 42—3): terra nulla re alia quam inertia ac delitiis nota, quam merito Veneri sacram dixere. Et nunc quoque Veneri, magis quam Marti seu Palladi sacra est. Raro ibi, *seu nusquam vir aliquis clarus fuit*. Neque enim in molli agro voluptatis virtutum rigida semina coalescunt. Libidinem incolarum terrae coelique fervor indicat. Cum enim regiones tractu maximo soli viciniores grata temperie perfruantur, haec prope contra naturam intolerandis ardoribus aestuat, quasi hominum complexio ad elementa transierit. Noli ibi multum immorari. Non est enim militaris certe neque virilis habitatio. Fastus gallicus, syra mollities, graecae blanditiae ac fraudes unam in insulam convenere. Quod optimum atque pretiosissimum habent, illic, dissimillimis moribus aliunde veniens, iacet Hilarion (Сл. введеніе къ II й книгѣ Генеалогій).

2) Juventuti tuae.

3) Nuper in aures exire incipiens.

4) Non solum fabularum, sed quarundam facultatum volumina.

пощадило и время. Я не отрицаю, что многое и осталось, но сколько мнѣ извѣстно, ничего похожаго на желаемый тобою трудъ: имена и роды боговъ разсѣяны повсюду, одно найдешь въ этой книгѣ, другое въ другой, придется собирать по мелочамъ. Ужъ лучше отказаться.

Я ожидалъ такого отвѣта, сказалъ онъ, но отъ тебя не отстану. Сдѣлай, что можешь. Неужели и отъ этого ты откажешься? Видно лѣность [1]) подсказываетъ тебѣ отговорки; нѣтъ ничего гнуснѣе недѣятельнаго юноши. Но будь уменъ, помни, что трудъ все побѣждаетъ, а фортуна помогаетъ смѣлымъ.

Я побѣжденъ, говорю я ему, скорѣе твоимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ доводами; ты побуждаешь меня, настаиваешь, и хотя-нехотя, мнѣ надо повиноваться.

Такъ спорили мы долго, милостивѣйшій властитель, я и твой Доннино, и я согласился; покинувъ горныя раковины и тощія поля Чертальдо [2]), я, неопытный пловецъ, пустился на утлой ладьѣ въ море, полное водоворотовъ и скалъ; обойду всѣ берега, лѣса и горы, спущусь въ преисподнюю, поднимусь, какъ второй Дедалъ, въ выси эѳира; буду собирать изъ безчисленныхъ книгъ останки языческихъ боговъ, полуразрушенныхъ отъ времени, но ужасаюсь при мысли, какъ мнѣ свести ихъ въ одно цѣлое, въ генеалогію; это вѣдь не по силамъ было-бы даже Прометею. Потому не ожидай, именитый король, чего-нибудь совершеннаго, какъ-бы много времени и труда я ни положилъ на него, пробѣлы будутъ; я не надѣюсь также, что въ объясненіи тайнаго значенія, скрытаго подъ корой басенъ, я всегда угадаю мысли составителя [3]). Кто-бы въ наше время былъ въ состояніи проникнуть въ помыслы людей, давно отжившихъ? Понятно, что относительно ихъ сужденія современниковъ могутъ расходиться, но я успокоиваю себя тѣмъ, что и глаголы

1) Torpor ignavus.

2) Сл. выше стр. 61, прим. 3.

3) Intentionem fingentium.

вѣчной истины, если они прикрыты тонкимъ покровомъ иносказанія, вызывали множество толкованій. Если я ошибусь въ чемъ-либо, вызову тѣмъ другого, болѣе умнаго; приводя мнѣнія древнихъ, я выскажу, если они покажутся мнѣ неудовлетворительными, и свое собственное, дабы доказать невѣжественнымъ хулителямъ поэтовъ, что хотя они были и не христіане [1]), обладали мірскою мудростью, ибо не найдти произведеній человѣческаго ума, гдѣ-бы иносказаніе было такъ художественно [2]), слово такъ украшено, тогда какъ подъ родословіемъ ложныхъ боговъ раскрываются нѣкія природныя тайны [3]).

Трудъ будетъ обширнѣе, чѣмъ ты предполагаешь; для удобства я раздѣлю его на книги съ родословнымъ древомъ во главѣ каждой; въ концѣ я присоединю еще двѣ книги, изъ которыхъ въ первой отвѣчу тѣмъ, кто порицаетъ поэзію и поэтовъ, въ послѣдней тѣмъ, кто, быть можетъ, нападетъ на меня. Не вини меня, если тебѣ случится прочесть нѣчто, столь противное истинѣ и взаимно противорѣчивое, что того не вмѣнить не только философамъ, но и невѣждамъ [4]); либо иное, не согласное съ хронологіей [5]). Не мое было дѣло порицать это или исправлять, развѣ исправленіе являлось само собою; я только сообщалъ, что находилъ, предоставляя разборъ ученымъ [6]).

Ощущая тяжесть предпринятаго труда, Боккаччьо призываетъ помощь Божію на свое надменное начинаніе [7]), а хулителямъ сулитъ поношеніе и позоръ и вѣчное осужденіе [8]).

Самосознаніе Боккаччьо отвѣчало дѣйствительному положенію дѣла: труда, подобнаго тому, котораго ожидалъ отъ него король и какой рисовался въ его воображеніи, до него дѣйствительно

1) Catholicos.
2) Artificiosius.
3) Naturalia quaedam.... occultata misterio.
4) Rusticis.
5) Pessime temporibus congruentia.
6) Disputationes philosophantibus linquere.
7) Superboque coeptui meo.
8) Aeterna damnatio.

не существовало. Въ молодые годы онъ сдѣлалъ для себя извлеченія изъ Collectanea Паоло изъ Перуджіи, въ которыхъ много было миѳологическаго матеріала, смѣшаннаго съ другимъ [1]); это былъ, стало-быть, сборникъ замѣтокъ, выписокъ и толкованій, не задававшійся ихъ систематизаціей. Не видно ея и въ дошедшей до насъ краткой «генеалогіи героевъ и боговъ по Паоло изъ Перуджіи», ни въ подобномъ же перечнѣ, носящемъ имена Франческо дельи Альбицци и Форезе деи Донати. Обѣ статьи находятся въ одной изъ рабочихъ тетрадей Боккаччьо [2]), обѣ называютъ въ началѣ родословной боговъ Демогоргона, какъ и Боккаччьо, но онѣ не могутъ быть поставлены ему въ счетъ. Разборъ его источниковъ, его пріемовъ оставитъ за нимъ заслугу не только болѣе обстоятельнаго подбора фактовъ, но и методическаго, хотя бы иногда и внѣшняго ихъ свода въ грандіозную родословную, при постоянномъ стремленіи проникнуть въ ихъ суть путемъ иносказательнаго толкованія.

Объемъ и характеръ боккаччьевскихъ чтеній извѣстенъ [3]): латинскіе классики — и средневѣковые энциклопедисты, если они представляли подходящій матеріалъ; греческіе писатели въ переводахъ или цитатахъ изъ вторыхъ рукъ, но Гомеръ уже прочтенъ въ подлинникѣ при помощи Леонтія Пилата — въ первый разъ въ новой Европѣ. Данныя греческаго миѳа идутъ наконецъ изъ первоисточника; Леонтій Пилатъ предоставилъ автору результаты своихъ чтеній и воспоминаній, часто легковѣсныхъ и самоувѣренныхъ; пригодились теперь и старыя замѣтки Варлаама; Боккаччьо вѣритъ ему, нерѣдко съ сомнѣніями, но приводитъ: вѣдь онъ живой показатель греческой мудрости. Въ латинскую онъ проникаетъ самъ обширнымъ чтеніемъ: эксцерпируются поэты, историки; Цицеронъ въ своемъ De Natura Deorum и Divinae Institutiones Лактанція познакомили его съ теоріей эвгемеризма; въ поискахъ за матеріаломъ миѳа ему случается раз-

1) Gen. Deor. XV, 6; сл. выше т. I, стр. 80.

2) Сл. выше стр. 102.

3) Сл. выше стр. 84 слѣд.

сказывать неслыханныя басни и исторіи; читателя могутъ отнестись къ нимъ недовѣрчиво, но это ихъ дѣло: онъ почерпнулъ ихъ изъ древнихъ комментаріевъ [1]). Разумѣются не только комментаріи въ родѣ Сервіева, но и безыменныя глоссы, на которыя Боккаччьо и ссылается [2]); таковы могли быть тѣ глоссы, которыя онъ хотѣлъ занести въ свой экземпляръ Стація: можетъ быть, глоссы Лактанція Плацида [3])! Такъ называемый третій ватиканскій миѳографъ извѣстенъ ему подъ именемъ Альберика. Иныя свѣдѣнія взяты изъ средневѣковыхъ энциклопедистовъ и грамотѣевъ: Исидора, Рабана Мавра, Ансельма, Папіи и друг.; привлекаются наконецъ и современные авторы. Эти ссылки на «неслыханныхъ древнихъ и неизвѣстныхъ новыхъ писателей» могли возбудить сомнѣнія, но у Боккаччьо есть готовый на то отвѣтъ, характеризующій его критическіе взгляды и колебанія между авторитетомъ древности и нравственнымъ авторитетомъ писателя; между тѣмъ и другимъ объективная критика текстовъ и показаній незримо пролагаетъ себѣ путь. Но древность еще продолжала закупать — и Заноби да Страда наивно извиняется передъ своими слушателями, что такъ часто цитуетъ Петрарку: такому человѣку, какъ онъ, не въ укоръ, что онъ — еще живъ [4]). Древніе писатели были когда-то новыми, отвѣчаетъ Боккаччьо, что пережило вѣка, то освящено временемъ; оттуда ихъ значеніе. Будетъ-ли то съ новыми, хотя бы и достойными? Я того мнѣнія, что лишь тѣ изъ нихъ переживутъ, которые получили признаніе въ свое время [5]); такихъ я и привожу въ свидѣтели; либо я зналъ ихъ при ихъ жизни [6]), либо зналъ о нихъ, какъ о людяхъ, всю жизнь отдававшихся наукѣ, вращавшихся въ обществѣ подобныхъ себѣ мужей, почтенныхъ нравами, ничѣмъ не запятнанныхъ,

1) XV, 5.
2) XV, 6: glosulas etiam auctoris carentes nomine.
3) Сл. выше т. I, стр. 108.
4) Ciampi, l. c. стр. 127: nec enim tanto homini debet nocere quod vivit.
5) XV, 5: cum ab eorum novitate necesse sit exordium approbationis sumendum.
6) Cum vivos noverim.

чьи слова и писанія одобряются всѣми разумнѣйшими. И онъ приводитъ имена Андалоне ди Негро, Данте, Франческо да Барберино, Варлаама, Паоло изъ Перуджіи, Леонтія Пилата, Павла геометра, наконецъ Петрарки [1]). Ими мы и займемся.

Петрарка упоминается не разъ, не какъ источникъ миѳологическихъ свѣдѣній, а съ цѣлью панегерика, либо чтобы закрѣпить его словомъ и примѣромъ какое-нибудь общее положеніе. Въ главѣ, посвященной защитѣ современныхъ ученыхъ [2]), Боккаччьо говоритъ о немъ, какъ о своемъ почтеннѣйшемъ учителѣ, недавно вѣнчанномъ въ Римѣ, болѣе достойномъ стоять въ ряду древнихъ, чѣмъ новыхъ знаменитыхъ мужей. Онъ—слава Италіи, но его знаютъ Галлія и Германія и далекій уголокъ Англіи и греки, его имя дошло, несомнѣнно, и въ Кипръ до короля Гуго. Многія сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, свидѣтельствуютъ о его божественномъ дарованіи: его Африка, порывающаяся на свѣтъ изъ своего затворничества [3]); Буколика, знаменитая повсюду, книга стихотворныхъ посланій къ друзьямъ, два громадныхъ тома писемъ въ прозѣ, столь богатыхъ содержаніемъ, сентенціозныхъ и изящныхъ, что добросовѣстный читатель не поставитъ ихъ ниже цицероновскихъ. Извѣстна его Инвектива противъ медика, книга объ Уединенной жизни; вскорѣ явится другая: О средствахъ противъ счастливой и несчастной судьбы [4]); есть у него въ работѣ и еще многое, что мы не замедлимъ прочесть. Такого ли свидѣтеля мнѣ устранить? Кто ему не повѣритъ? Какихъ бы еще похвалъ я не прибавилъ, еслибы недавно [5]) не написалъ о немъ скромнымъ стилемъ [6])!

Если разумѣется біографическій очеркъ Петрарки, составленный въ 1347—8-хъ годахъ [7]), то отзывъ Генеалогій принадле-

1) XV, 6.
2) L. c.
3) Sub conclavi clausa.
4) De remediis ad utramque fortunam.
5) Paulo ante.
6) Tenui calamo.
7) Сл. выше стр. 114 слѣд.

житъ къ первому ихъ наброску. Тогда Боккаччьо писалъ по слухамъ, теперь съ восторженностью очевидца и поклонника. Противники поэзіи опирались на мнѣніе Платона, что поэтовъ слѣдуетъ изгнать изъ государства; неужели онъ былъ-бы на столько безуменъ, спрашиваетъ Боккаччьо, что приказалъ бы удалить и Петрарку? Съ юности ведя безбрачную жизнь [1]), онъ такъ страшится мерзостей Венеры, что всѣмъ его знающимъ являетъ собой священный образъ чистоты [2]); ложь его смертельный врагъ; онъ ненавистникъ пороковъ, святилище истины, украшеніе и веселіе добродѣтели, мѣрило христіанской святости [3]); набожный, благодушный, благочестивый, на столько скромный [4]), что его зовутъ вторымъ Партеніемъ (какъ Виргилія); онъ — слава поэзіи; увлекательный, краснорѣчивый ораторъ; философія открыла ему свои нѣдра, его умъ не по-человѣчески проницателенъ, его память полна всевозможныхъ свѣдѣній, какія только доступны смертнымъ; оттого его произведенія, въ прозѣ и стихахъ, сіяютъ такимъ блескомъ, такъ изящны, такъ цвѣтисто украшены, такъ прельщаютъ звучностью слова и чудно уснащены изрѣченіями, что, кажется, это дѣло скорѣе божественнаго, чѣмъ человѣческаго ума. Но къ чему распространяться? Онъ болѣе, чѣмъ человѣкъ [5]), и его силы далеко превышаютъ человѣческія. Я расточаю ему хвалы, точно древнему, давно умершему мужу; но, по милости Божіей, тотъ, чьи достоинства я превозношу, еще живъ и здоровъ, и милые хулители, которые не повѣрили бы моимъ строкамъ, могутъ увидѣть его своими глазами. Я не сомнѣваюсь, что на немъ оправдается то, что оправдывалось часто на знаменитыхъ людяхъ: личное впечатлѣніе окажется не ниже молвы, по словамъ Клавдіана; я утверждаю смѣло, что оно окажется выше: таково благолѣпіе его нравовъ, обаяніе

1) XIV, 19: celibem vitam.

2) Honesti.

3) Catholicae sanctitatis norma.

4) Verecundus.

5) Hominem superat.

рѣчи, привѣтливость и старческое благообразіе [1]), что о немъ можно повторить слова Сенеки о Сократѣ: что его слушатели поучались болѣе изъ его нравовъ, чѣмъ изъ устъ.

И въ другихъ случаяхъ Петрарка цитуется не иначе, какъ съ эпитетами: славнѣйшій, мой учитель, съ ссылками на трактатъ объ Уединенной жизни въ подтвержденіе отрицательнаго взгляда на женщину [2]), на Африку недавно вѣнчаннаго поэта [3]), на его Инвективу противъ врача [4]), эклогу Argus [5]), De Remediis [6]); сообщается его взглядъ на происхожденіе поэзіи [7]) и раскрываются высокія христіанскія назиданія, скрытыя въ иносказаніяхъ его Буколики [8]). Петрарка и Данте приводятся наконецъ [9]) въ свидѣтельство того, что если поэты ищутъ уединенія, то не потому, чтобы они были люди неотесанные, не знающіе нравовъ: они часто водились съ высшими, Данте дружилъ съ Фридрихомъ аррагонскимъ, королемъ Сициліи, съ Кане делла Скала, Петрарка былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Карлу IV, королю французскому Іоанну, Роберту, королю Сициліи и Іерусалима и ко многимъ папамъ; былъ бы близокъ и къ нынѣшнимъ, еслибы того захотѣлъ. Отъ Петрарки авторъ ждетъ себѣ и критики [10]).

Въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ къ матеріалу Генеалогій стоятъ упоминанія Данте. Въ главѣ, посвященной современнымъ писателямъ, которыми пользовался Боккаччьо [11]), онъ говоритъ, что ссылался и на Данте Алигьери, извѣстнаго флорентинскаго

1) Composita senectute conspicuus.
2) IV, 44; сл. XIV, 10.
3) VI, 53; иначе VII, 29: jam pridem; объ Африкѣ XV, 13.
4) VII, 36; XIV, 12.
5) XI, 1.
6) XIV, 10.
7) XIV, 8.
8) XIV, 21; сл. 10.
9) XIV, 11.
10) XV, 14.
11) XV, 6.

поэта, какъ на мужа достойнаго и заслуживающаго прославленія [1]), ибо онъ возвышался среди гражданъ своимъ благородствомъ, и хотя состояніе у него было незначительное и семья, а впослѣдствіи и долгое изгнаніе, стѣсняли его, онъ не переставалъ отдаваться естественно-научнымъ [2]) и богословскимъ занятіямъ, и парижскія школы помнятъ его побѣдоносные диспуты [3]). И въ поэзіи онъ былъ ученѣйшимъ, и лишь изгнаніе лишило его лавра, ибо онъ желалъ быть увѣнчаннымъ только на родинѣ, чего не допустили. За него говоритъ его знаменитое произведеніе, написанное имъ въ стихахъ, съ чудеснымъ искусствомъ и на флорентинскомъ діалектѣ, подъ заглавіемъ Комедіи, въ которой онъ проявилъ себя не языческимъ, а христіанскимъ, вдохновеннымъ богословомъ [4]). Его знаетъ почти весь свѣтъ; не знаю, дошла ли его слава и до твоего Величества, обращается Боккаччьо къ королю Гуго. Богословомъ, выражавшимъ подъ личиной поэтическихъ вымысловъ священныя истины христіанства, Данте названъ и въ другихъ мѣстахъ [5]); въ своей Комедіи, написанной художественно, хотя и на отечественномъ языкѣ [6]), онъ изобразилъ, согласно съ ученіемъ церкви [7]), троякое состояніе усопшихъ по смерти. Но что особенно привлекаетъ, это именно дантовскія иносказанія, личные символическіе образы, къ которымъ Боккаччьо относится почти такъ, какъ къ миѳологическому матеріалу, почерпнутому у классиковъ или изъ ихъ отраженій, настоящему матеріалу Генеалогій. Эта неразборчивость, характерная черта Генеалогій, объясняется какъ понятною невыработанностью взгляда на значеніе и исторію миѳа, такъ и

1) Tanquam praecipuum aliquando invoco virum; meretur quidem.

2) Physicis.

3) Adhuc Julia fatetur Parisius in eadem saepissime adversus quoscunque circa quamcunque facultatem volentes responsionibus aut positionibus suis objicere disputans intravit gymnasium. Сл. выше стр. 289, 309.

4) Se non mithicum, sed catholicum atque divinum potius ostendit theologum.

5) XV, 8; XIV, 10; сл. Com. I, 153.

6) XIV, 22: dato sermone materno.

7) Juxta sacrae theologiae doctrinam.

принципіальнымъ отождествленіемъ поэзіи и богословія, то-есть, миѳологіи, со стороны ихъ внѣшнихъ признаковъ: символическаго языка, аллегоріи. Точка зрѣнія Петрарки и Боккаччьо на этотъ вопросъ намъ извѣстна [1]): поэты были первыми богословами, поэтическіе образы повторяютъ и воспроизводятъ миѳическіе. Эволюціонное ученіе вновь откроетъ этотъ взглядъ и воспользуется имъ, какъ руководящей нитью, чтобы услѣдить развитіе отъ безсознательнаго творчества миѳа къ сознательному творчеству поэта; но для Петрарки и Боккаччьо поэзія представлялась исключительно личнымъ актомъ, въ ихъ пониманіи первые поэты-богословы такъ же творили символы и миѳы, какъ изобрѣталъ ихъ напримѣръ Петрарка, когда въ своей 10-й эклогѣ воображаетъ себѣ, что тронъ римскихъ императоровъ былъ кленовюй, потому что изъ клена былъ сдѣланъ и деревянный конь, введенный въ Трою; орудіе гибели стало орудіемъ возрожденія, какъ въ легендѣ о крестномъ райскомъ древѣ [2]). Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, что Боккаччьо не отличаетъ стараго миѳическаго символа отъ поэтической фигуры, каприза личной фантазіи, либо философскихъ отвлеченій Цицерона. Здѣсь Данте и вступалъ въ свои права: говорится, со словъ Цицерона, объ обманѣ (Fraus), сына Эреба—и приводится и разбирается по признакамъ символическій образъ Геріона въ XVII пѣснѣ Ада [3]); глава объ Ахеронтѣ [4]) даетъ поводъ къ такому же разбору извѣстнаго эпизода [5]) о старцѣ на островѣ Критѣ, тѣло котораго источаетъ слезы — оттуда адскія рѣки; Виргилій помѣщаетъ Лету въ Елисейскихъ поляхъ, нашъ Данте наверху горы Чистилища [6]); упоминается городъ Дита [7]) и мистическая процессія въ XXIX пѣснѣ

1) Сл. выше стр. 315 слѣд.
2) Fam. XXII, 2.
3) I, 21.
4) III, 5.
5) Inf. XIV, 94 слѣд.
6) III, 17.
7) VIII, 6; сл. Inf. VIII и слѣд.

Пургаторія, съ грифомъ, влекущимъ колесницу и семью свѣтильниками[1]).

То же отношеніе обнаруживаетъ Боккаччьо къ Франческо да Барберино, канонисту болѣе, чѣмъ итальянскому поэту, человѣку чистыхъ нравовъ, благочестивому и почтенному [2]). Онъ цитуетъ его въ главѣ о Купидонѣ, сынѣ Марса и Венеры [3]), вслѣдъ за Цицерономъ, Овидіемъ и Сервіемъ. Дѣло идетъ объ итальянскомъ стихотвореніи Барберино, гдѣ Амуръ изображается съ завязанными глазами, ногами грифа и поясомъ, полнымъ сердецъ [4]). Слѣдуетъ непосредственно цитата изъ Апулея.

Андалоне ди Негро [5]), старый учитель Боккаччьо, какъ и Павелъ Геометръ, былъ главнымъ источникомъ астрономическихъ, астрологическихъ и хронологическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ Генеалогіяхъ въ объясненіи того или другаго миѳа [6]); къ нему, вѣроятно, восходятъ указанія на арабскихъ астрономовъ Али [7]) и Альбумасара [8]), но онъ же разсказываетъ миѳъ о нимфѣ Гарамантисъ [9]) и объясняетъ физическими законами басню о Юнонѣ, зачавшей отъ латука богиню юности и весенняго возрожденія [10]).

Павла Геометра или Dell' Abbaco, математика и поэта въ извѣстныя минуты, Боккаччьо зналъ лично; въ нѣкоторой мѣрѣ онъ былъ посредникомъ между нимъ и королемъ Гуго въ вопросѣ о Генеалогіяхъ Боговъ [11]). Боккаччьо распространяется въ похвалахъ своему собрату, флорентійцу: никому въ его время

1) XIV, 10.

2) XV, 6.

3) IX, 4.

4) Сл. выше т. I, стр. 296.

5) О немъ сл. выше т. I, стр. 76 слѣд.

6) I, 6; II, 7; III, 21, 22; IV, 5, 16; VIII введеніе; VIII, 2: Andalò и Павелъ Геометръ.

7) IX, 4 = Com. I, 481.

8) II, 2, 7, III, 22, VIII, 1.

9) XI, 11.

10) IX, 2: lactucae.... sylvestres = frigus intensum.

11) l. XV, c. 13.

ариѳметика, геометрія и астрологія такъ не открыли своихъ тайнъ, какъ ему, никто не былъ такъ искусенъ въ наблюденіи свѣтилъ собственноручно сдѣланными для того инструментами; не только во Флоренціи и Италіи, онъ извѣстенъ и далѣе: въ Парижѣ, среди бретонцевъ, въ Испаніи и Африкѣ, гдѣ эта наука особенно въ чести [1]). Онъ былъ бы счастливымъ человѣкомъ, еслибы духъ его былъ предпріимчивѣе [2]) или самъ онъ родился въ болѣе благополучный вѣкъ [3]).

Съ Паоло изъ Перуджіи [4]) мы возвращаемся къ одному изъ неаполитанскихъ руководителей Боккаччьо, скромныхъ каменщиковъ грядущаго возрожденія; мы не знали бы о немъ, еслибы благодарный ученикъ не сохранилъ намъ память объ его эрудиціи и знаменитыхъ Collectanea. Имя Паоло и связанныя съ нимъ имена Теодонція и Варлаама принадлежатъ, такъ сказать, къ фундаментамъ Генеалогій, къ ея древнѣйшему остову, который лишь постепенно приращался данными новаго чтенія; тогда къ показанію Паоло присоединились другія, столь же серьезныя или и болѣе вѣскія, и Боккаччьо разбирался въ нихъ, порой устраняя мнѣніе Паоло [5]), иногда опираясь на него [6]). Но встрѣчаются и такія главы, гдѣ свидѣтельство Паоло стоитъ одиноко: это, быть можетъ, остатокъ первичнаго наброска, другихъ источниковъ не нашлось. «Димасъ, говоритъ Паоло, былъ сынъ Аона, отецъ Азія и Алексирроэ. Иного о немъ я не читалъ» [7]).

Collectanea Паоло до насъ не дошли; небольшой генеалогическій перечень боговъ и героевъ, сохранившійся съ его именемъ въ замѣткахъ Боккаччьо [8]), не всегда совпадаетъ съ тѣми дан-

1) У арабовъ. Сл. выше т. I, стр. 96, отзывъ Никифора Григоры.

2) Si animo erat ardentior?

3) Liberaliori sacculo, XV, 6. Сл. еще въ VII, 2 ссылку на Andalo et Paulus geometra astrologi ambo.

4) XV, 6. О Паоло изъ Перуджіи сл. выше т. I, стр. 79—80.

5) IV, 19: falsum.

6) V, 20: solertia Pauli.

7) XII, 42; сл. XII, 29 и passim.

8) Сл. выше стр. 102.

ными, при которыхъ въ Генеалогіяхъ стоитъ имя Паоло. Такъ въ введеніи къ послѣднимъ и въ перечнѣ одинаково цитуются, по поводу Демогоргона, стихи Лукана[1]), но напримѣръ Ахеронтъ является въ Генеалогіяхъ сыномъ первой Цереры[2]), въ перечнѣ его отецъ Infernus; тамъ [3]) и здѣсь отъ Ахеронта пошли Фуріи, Викторія, Аскалафъ и Стиксъ, при чемъ матерью Аскалафа является нимфа Орне [4]): именно такова форма имени въ перечнѣ Паоло, которую Боккаччьо не только удержалъ, но и объяснилъ этимологически; но въ Генеалогіяхъ Fama — дочь земли, самородная [5]), какъ объяснилъ Паоло, тогда какъ въ перечнѣ она дочь Титана и т. д.

Упоминаніе Паола встрѣчается въ 81-й главѣ Генеалогій; не считая повторенія въ одномъ и томъ же отдѣлѣ [6]). Чаще всего онъ является показателемъ какого-нибудь миѳологическаго факта, этимологіи [7]); или онъ записалъ въ Collectanea два разныхъ миѳа о Ярбѣ [8]) — и Боккаччьо повторяетъ ихъ, не сводя; либо Боккаччьо разсказываетъ басню о земнородномъ Тагетѣ [9]) и о Молвѣ, Fama, которую божественный Виргилій называетъ дочерью земли, Павелъ же повѣствуетъ о ней слѣдующее [10]): въ борьбѣ

1) Bell. c. VI, v. 744 слѣд.

2) III, 5.

3) III, 6—10, 13, 14.

4) Ovid. Met. V, v. 539: Orphne.

5) I, 10.

6) Сл. I, 7, 9, 10, 12, 14, 25; II, 9, 12, 15, 21, 29, 31, 38, 44, 48, 50, 68; III, 3, 5, 10, 11, 20; IV, 2, 19, 25—27, 47, 51, 52, 63, 67, 68; V, 5, 20, 21, 28, 39, 49, 50; VI, 1, 2, 17, 19, 23, 39, 40, 45: VII, 5—8, 19, 41, 62; VIII, 7; IX, 13, 19; X, 31, 48, 63; XI, 7, 11; XII, 3, 29, 30, 41, 42, 53, 54, 56, 57, 59, 65, 66; XIII, 1, 18—20; XIV, 8; XV, 6.

7) Сл. I, 7: Paulus in libro, quem Collectionum intitulat, dicit Phanos seu Phaneta idem esse quod apparitio; IV, 63: въ борьбѣ титановъ съ Юпитеромъ Минерва сразила одного изъ нихъ, Палланта, оттуда имя Паллады; XII, 53: названіе пиратовъ отъ Пирра, сына Ахилла; XIII, 1: Herculem dici ab erix, quod est lis, et cleos — gloria.

8) XI, 11.

9) I, 12.

10) I, 10: talis a Paulo recitatur fabula.

съ гнѣвнымъ Юпитеромъ и другими богами погибли всѣ титаны, сыны земли; ожесточившись, она [1]) произвела мстительницу, Молву, разглашающую преступленія боговъ [2]). Приведя по Виргилію характеристику и изображеніе Молвы, Боккаччьо иносказательно толкуетъ басню Паоло: боги—это свѣтила въ ихъ воздѣйствіи на судьбу смертныхъ, по власти, данной имъ Создателемъ; воздѣйствіе это необъяснимо, и когда внезапно погибаютъ праведные цари, храбрые воины, люди вмѣняютъ это гнѣву боговъ. Оттого гнѣвны боги, но гнѣвается и земля, то-есть мужественный человѣкъ, ибо всѣ мы отъ персти и стремимся создать себѣ молву, поступая такъ, чтобы наше имя стало извѣстнымъ и сохранилось наперекоръ тѣмъ, кто, убивъ человѣка, полагаетъ, что уничтожилъ его совсѣмъ. Что молва создана съ цѣлью возвѣстить о преступленіяхъ боговъ, означаетъ не что иное, какъ то, что меньшая братія [3]), не будучи въ силахъ бороться съ могущественными людьми [4]), стремится къ мести, позоря ихъ словомъ, безславя [5]). Что Fama дочь земли—объясняется тѣмъ, что она основана на земныхъ подвигахъ; дѣятель часто остается неизвѣстнымъ; оттого у Молвы и нѣтъ отца [6]).

Таково объясненіе Боккаччьо; мы не знаемъ, подсказано ли оно Паоло, который въ своихъ толкованіяхъ миѳа является то раціоналистомъ, то натуралистомъ, то склоняется къ евгемеристической точкѣ зрѣнія. Гермафродитъ названъ былъ сыномъ Меркурія, ибо Меркурій первый вразумилъ египтянъ, что гермафродиты не чудовища, которыхъ слѣдуетъ выкидывать, а раждаются естественнымъ путемъ [7]); титанъ Эгеонъ былъ пиратъ, жившій на пустынномъ островѣ Эге [8]); миѳъ о Мелеагрѣ, скон-

1) Coacto utero.

2) Famam emisit scelerum superum relatricem.

3) Minores.

4) Majores.

5) Illata verbis.... infamia conantur ulcisci.

6) Сл. Com. I, 225 слѣд.

7) III, 20.

8) IV, 26.

чавшемся, когда мать бросила въ огонь пень [1]), съ которымъ роковымъ образомъ была связана его жизнь, объясняется такъ, что подъ пнемъ слѣдуетъ разумѣть коренную, жизненную влагу [2]), изсякновеніе которой и было причиной смерти.

Въ Collectanea'хъ Паоло Боккаччьо нашелъ италіанскую генеалогическую сказку о Дарданѣ, сынѣ царя Корита, по имени котораго названъ былъ его городъ, нынѣ Корнето [3]); свѣдѣнія о началахъ поэзіи у грековъ [4]) и пластическое представленіе Побѣды, Victoria, отличное отъ тѣхъ, которыя встрѣчаются у Клавдіана и Теодонція: она весела, ея вооруженіе покрыто прахомъ и пылью, руки обагрены кровью, она пересчитываетъ плѣнниковъ и добычу; украшенія, въ которыхъ ее изображаютъ иные, принадлежатъ не ей, а ея сыну, Почету [5]).

Паоло былъ большой книгочій: онъ цитуетъ Хризиппа [6]), пользовался, по мнѣнію Боккаччьо, Августиномъ [7]), Евстахіемъ, вѣроятно, венузинскимъ, котораго читалъ Діонисій изъ Borgo San Sepolcro [8]) и Боккаччьо не знаетъ. То, что онъ сообщаетъ о немъ, со словъ Паоло [9]), подтверждаетъ его италіянское происхожденіе: дѣло идетъ о школьной сказкѣ въ объясненіе названія той или другой мѣстности. Разсказываетъ Паоло со словъ какого-то [10]) Евстахія, что въ царствованіе Спарета у ассирійцевъ Эриданъ, Фаэтонтъ тоже, сынъ египетскаго Солнца, спустившись со своими людьми по Нилу, прибылъ, при попутномъ вѣтрѣ, въ заливъ, который мы зовемъ лигурійскимъ. Сойдя послѣ долгаго, утомительнаго плаванія на берегъ и направив-

1) IX, 19: stipes.
2) Radicale humidum.
3) VI, 1.
4) XIV, 8.
5) Honor, III, 10; сл 11.
6) I, 14, 25, III, 3.
7) V, 21.
8) Сл. выше, т. I, стр. 38—9, прим.
9) VII, 41.
10) Nescio quem.

шись, по уговору своихъ, внутрь страны, онъ оставилъ одного изъ спутниковъ, Генуина, ослабѣвшаго отъ морской болѣзни, и съ нимъ часть людей, въ качествѣ стражей при корабляхъ. Въ союзѣ съ мѣстными, дикими племенами Генуинъ построилъ городъ, которой назвалъ, по своему имени, Генуей; Эриданъ же, перейдя горы, вступилъ въ обширную плодородную равнину и, въ надеждѣ смягчить грубые и жестокіе нравы туземцевъ, поселился у По; судя по словамъ Паоло, Евстахій былъ того мнѣнія, что Туринъ построенъ Эриданомъ и названъ въ началѣ его именемъ. Тамъ онъ царствовалъ нѣкоторое время, пока не утонулъ въ По, названномъ оттого Эриданомъ, оставивъ сына Лигура.

II.

Говоря о своихъ выпискахъ изъ Collectanea Паоло, Боккаччьо особо упоминаетъ его замѣтки изъ нѣкоего Теодонція[1]). Имѣются ли въ виду замѣтки, внесенныя въ составъ Collectanea, или особый списокъ «генеалогій» Теодонція — рѣшить трудно; говоря, со словъ послѣдняго, о Батиллѣ, сынѣ Форка, Боккаччьо замѣчаетъ: можетъ быть, онъ (то-есть, Теодонцій) сообщаетъ о немъ и еще нѣчто, «но вслѣдствіи поблекшихъ буквъ[2]) я ничего прочесть не могъ и болѣе ничего о немъ не встрѣчалъ»[3]).

Свидѣтельствомъ Теодонція Боккаччьо чрезвычайно дорожитъ, указанія на него, попадающіяся съ первой страницы, разсѣяны въ 169-й главахъ[4]), не считая повтореній; ссылки на

1) Ea quae sub nomine Theodontii apposita sunt, XV, 6.

2) X, 7: literis a litura deletis.

3) Nec aliud usquam alibi vidisse memini.

4) l. I, введеніе, гл. 3, 4, 5 (сл. Com. II, 177—178), 11, 13, 34: II, 2, 12, 13, 21, 33—35, 39, 40, 44, 46—50, 55—59, 68; III, 4, 6 (Com. II, 195—197) 10, 11, 18—22; IV, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 18, 21, 22, 25, 26, 28, 29, 31, 33, 42, 44, 46—49, 54, 58, 62—65, 68; V, 1—3, 6, 12 (Com. I, 393), 16, 19, 30, 38—41, 45, 48—51; VI, 32; VII, 1, 6—10, 17, 19, 22, 32, 34, 36, 37, 40, 48; VIII, 1, 4, 7—9, 13, 14: IX, 2, 8, 11, 13, 17 (Com. II, 285), 20, 22, 24; X, 3—5, 7, 9, 10, 11 (Com. I, 203, 204, 206), 16, 24, 28, 29, 31, 33, 48, 50, 52, 53, 58, 62, 63; XI, 2, 3, 10, 11, 16—19, 21, 24, 40; XII, 2, 8, 11, 12, 14, 19, 20, 35—37, 41, 54, 57—59, 62, 66; XIII, 1, 20, 38, 65, 70; XV, 6.

«Теодонція и Паоло»[1]) указываетъ, съ вѣроятностью, на свое происхожденіе изъ свода Collectanea; въ иныхъ случаяхъ оба имени встрѣчаются въ одной и той-же главѣ, каждое со своими показаніями[2]). Теодонцію Боккаччьо склоненъ вѣрить: онъ предпочитаетъ его свидѣтельство свидѣтельствамъ Цицерона[3]), Паоло[4]), Исидора[5]), хотя порой становится противъ него на сторонѣ Сервія[6]); сомнѣвается, не былъ-ли онъ введенъ въ заблужденіе сходствомъ именъ[7]), и недоумѣваетъ, что́ побудило его признать одного изъ Меркуріевъ, именно бога краснорѣчія, сыномъ Майи, ибо Теодонцій не привелъ своихъ доводовъ[8]). Но вообще онъ для него остроумнѣйшій истолкователь миѳовъ[9]), читавшій греческія рукописи[10]), цитующій Филохора[11]) и загадочнаго поэта Пронапида въ его Протокозмѣ[12]); оттуда главнымъ образомъ взятъ матеріалъ космогоническо-философскихъ отвлеченностей, наполняющій первыя книги Генеалогій. Нѣтъ сомнѣнія, что и другія ссылки на Пронапида, безъ указанія на посредничество Теодонція, идутъ изъ того-же источника; сл. I, 6, 7, 9 (=Com. I, 198); въ I, 5 о родословной сказано: Theodontio potius adhaereo = Com. l. c. II, 178: io m'accosto più con l'opinione di Teodonzio; при этомъ замѣчено, что слѣдуетъ разсказать миѳъ у Пронапида о Фатахъ, но его нѣтъ ни въ Gen. Deor., ни въ комментаріяхъ. Въ послѣднихъ[13]) Пронапидъ названъ на-

1) II, 44, 48: dicit Theodontius et post eum Paulus; III, 11; IV, 2, 68; V, 50: Theodontius et post eum Paulus; VII, 8; VIII, 7; X, 31; XIII, 20: Theodontius et post ipsum Paulus.

2) I, 12; II, 21; IV, 26, 47.

3) I, 5.

4) XII, 59.

5) X, 58.

6) X, 3.

7) V, 38: Argulus и Aregillus.

8) XII, 62.

9) Harum rerum sollertissimus indagator IV, 14; X, 58.

10) Dicit Theodontius in quibusdam graecorum codicibus legisse XIII, 1.

11) X, 9; сл. еще II, 12: Theodontius dicit et Corvilius?

12) I, 3; III, 4 = Com. I, 270—271; IV, 54.

13) I, 321.

ставникомъ Гомера; Теодонцій могъ вычитать это у Діодора [1]); Тцетцъ [2]) повторяетъ это извѣстіе; у комментатора къ Dionysius Thrax Пронапидъ является изобрѣтателемъ новѣйшихъ письменъ [3]); Таціанъ [4]) считаетъ его писателемъ догомеровской эпохи.

Но и самъ Теодонцій не менѣе загадоченъ, чѣмъ Пронапидъ; все, что мы о немъ знаемъ, восходитъ къ Коллектанеямъ Паоло и свидѣтельству о нихъ Боккаччьо. По характеру своей работы онъ продолжаетъ позднихъ латинскихъ миѳографовъ; Боккаччьо [5]) зоветъ его человѣкомъ «не новымъ», замѣчательнымъ изслѣдователемъ миѳологическихъ вопросовъ. Онъ толкуетъ латинскіе синонимы [6]), знаетъ миѳы съ спеціальнымъ итальянскимъ пріуроченіемъ: Ангиція, сестра Цирцеи, жила неподалеку отъ нея въ Кампаніи [7]); у Бута, сына царя Бебриковъ и красавицы-гетеры Ликасты, жившей въ Сициліи, въ Дрепанѣ,—сынъ Эриксъ, который, ставъ царемъ, соорудилъ на сосѣдней горѣ храмъ Венеры Эрицинской [8]); Аонъ сынъ не Нептуна, а нѣкоего богатаго апулійца Онхеста отъ жены Парихіи [9]); обычай кипрійскихъ женъ и дѣвушекъ, наученныхъ Венерой, жертвовать своимъ цѣломудріемъ, перешелъ и въ Италію [10]); Давнъ, сынъ Пилумна и Данаи, царилъ въ Апуліи [11]). Все это, вмѣстѣ съ чтеніемъ греческихъ текстовъ и греческими, хотя и небезупречными этимологіями [12]) указываетъ на уроженца южной Италіи, грека или ка-

1) l. III, 67: Προναπίδην τόν Ὁμήρου διδάσκαλον εὐθυῆ γεγονότα μελοποιόν.

2) Chil. XIII, 633; сл. его-же Prooem. in Iliadem, v. 73—5, 106.

3) Bekker, Anecd. стр. 883, 20 слѣд.; стр. 786, 13 слѣд.

4) Oratio ad Graecos ed. E. Schwartz, стр. 41.

5) Gen. Deor. введеніе.

6) VIII, 7: Venerari deos oportet, majores autem homines revereri.

7) In agro Campaniae IV, 15.

8) X, 4, 5.

9) X, 24; сл. XII, 41.

10) XI, 4.

11) XII, 58; сл. еще X, 62, 63 и др.

12) Напримѣръ gorgones — terrae cultrices, nam graece georgii agricultores dicuntur X, 10.

кого-нитудь объитальянившагося лонгобарда, знавшаго по-гречески; имя Theodontius, можетъ быть, искаженіе Theodotion, либо латинизованное производное отъ þiudan [1]), по типу: Leontius, Dracontius. Паоло изъ Перуджіи могъ познакомиться съ его генеалогіями, такъ сказать, на мѣстѣ, какъ знакомъ съ Евстаѳіемъ изъ Венозы: оба принадлежали мѣстному литературному теченію, предварившему возрожденіе классическихъ знаній, и внѣ того теченія неизвѣстны.

У Теодонціи можно встрѣтить варіанты къ извѣстнымъ миѳамъ [2]), но Боккаччьо особенно цѣнитъ въ немъ ихъ толкователя, не чуждавшагося конъектуръ [3]). Тамъ, гдѣ Теодонцій не идетъ по стезямъ своего Пронапида, его экзегеза напоминаетъ пріемы Паоло, можетъ быть, опредѣленные его же вліяніемъ: таже склонность сводить миѳъ къ исторіи, къ житейскимъ отношеніямъ, хотя бы самымъ плоскимъ и заурядньмъ, либо къ выраженію какого-нибудь физическаго закона. Поэзія золотаго дождя исчезаютъ въ миѳѣ о Данаѣ: боясь отцевскаго гнѣва за свою любовь къ Юпитеру, она отдалась послѣднему за деньги, чтобы имѣть средства къ побѣгу [4]); Дирке обращена въ источникъ: это она обливалась слезами, утративъ царство и преданная истязаніямъ; что она зовется дочерью солнца, означаетъ, что либо ея отсцъ назывался Sol, либо ея мать прозвала ее такъ за красоту [5]). Эзакъ преслѣдуетъ бѣгущую отъ него Гесперію, которая, наступивъ на змѣю, умираетъ отъ ея укушенія, а онъ, бросившись въ море, обращенъ въ гагару; смыслъ басни тотъ, что Эзакъ, не умѣвшій плавать, выныряль (какъ гагара), прежде чѣмъ утонуть; либо, когда онъ утонулъ, вынырнула гагара, которую за

1) См. у Прокопія Θευδενάνθα: þiudinanþs.

2) Напримѣръ IX, 2: беременность Юноны отъ латука; X, 50: Ипполитъ; XI, 40: Улиссъ.

3) VII, 48.

4) II, 33.

5) IV, 7.

него и приняли[1]). Ино и Мелицертъ, бросившіеся въ море, были приняты, по просьбѣ Венеры, въ число морскихъ боговъ; реальное объясненіе такое: въ своемъ бѣгствѣ на кораблѣ они прибыли къ Сизифу, котораго иные называютъ Эѳіопомъ; онъ воспылалъ къ нимъ любовью (Венера) и въ награду поставилъ ихъ начальниками надъ портомъ, доходами съ котораго они пользовались [2]). Юпитеръ [3]), Полифемъ [4]), Борей [5]) и друг. были простые смертные, Горгоны—богатыя женщины [6]); наоборотъ, Ахелой, сынъ Океана и Земли [7]), является въ миѳѣ о Геркулесѣ и Деянирѣ рѣкой, разлившейся на два русла, соединеніе которыхъ и поставлено Геркулесу условіемъ брака [8]). Прометей учился у халдейскихъ мудрецовъ, затѣмъ, удалившись на вершины Кавказа, долгимъ опытомъ и размышленіемъ позналъ теченіе свѣтилъ, причины молніи и многихъ вещей; ассирійцевъ онъ научилъ астрологіи, людей, жившихъ по звѣриному, сдѣлалъ культурными [9]). Почему Эскулапъ называется сыномъ Аполлона? спрашиваетъ Теодонцій, отрицая, что онъ былъ сынъ Аполлона и Корониды. Можно предположить, что онъ вырѣзанъ былъ изъ чрева матери, что̀ не обходится безъ помощи врача, поэтому онъ и могъ быть названъ сыномъ Аполлона, изобрѣтателя медицины; либо потому, что рождающихся такимъ образомъ древніе считали посвященными богу, ибо произведенными на свѣтъ какъ бы съ его помощью, почему и родъ Цезаря, также вырѣзаннаго изъ чрева матери, особенно чтилъ Аполлона. Или Эскулапа назвали его сыномъ, просто, какъ извѣстнаго медика [10]).

1) VI, 32; сл. въ XI, 18 то-же объясненіе въ миѳѣ объ Алкіонѣ, обращенной въ зимородка.

2) Оттуда—морскіе боги? Сл. XIII, 70.

3) V, 1.

4) VII, 17; VIII, 14.

5) IV, 58.

6) X, 10.

7) VII, 19.

8) IX, 17.

9) IV, 44.

10) V, 19.

Таковы «конъектуры» Теодонція, исключительно основанныя на увѣренности, что медикъ Эскулапъ не могъ быть сыномъ бога. Любопытно, какъ серьезно-наивно относится къ нимъ Боккаччьо: онъ приводитъ въ ихъ подтвержденіе мнѣніе Тарквиція у Лактанція, что Эскулапъ произошелъ отъ неизвѣстныхъ родителей; правда, Цицеронъ различаетъ трехъ Эскулаповъ, называетъ и ихъ отцевъ, между прочимъ Аполлона, но вѣдь съ любымъ изъ этихъ Эскулаповъ могло случиться, что съ однимъ изъ именитыхъ мужей Флоренціи [1]), который, будучи покинутъ еще ребенкомъ, принялъ впослѣдствіи фамилію своего воспитателя.

Понятно, что такіе собиратели миѳовъ, какъ Паоло и Боккаччьо, должны были обрадоваться случаю провѣрить свои свѣдѣнія въ области, мало извѣстной или и недоступной имъ въ первоисточникахъ. Этимъ объясняется пріемъ, оказанный въ Неаполѣ монаху Варлааму. Его личность хорошо извѣстна [2]) Паоло, сблизившійся съ нимъ, получилъ отъ него массу свѣдѣній по греческой миѳологіи и древности [3]) — по памяти или источникамъ? Варлаамъ ссылался на греческія лѣтописи [4]). Боккаччьо, часто цитующій его [5]), познакомился, если не съ нимъ, то съ его показаніями черезъ Паоло: со словъ Паоло онъ приводитъ [6]) его толкованіе миѳа о Девкаліонѣ и Пиррѣ [7]), у Паоло онъ могъ видѣть и замѣтки Варлаама, о которыхъ говоритъ въ XV, 6 [8]): можетъ быть, замѣтки, написанныя для Паоло, напримѣръ, по поводу того или другаго мѣста Теодонція. Въ Генеалогіяхъ показанія Варлаама нѣсколько разъ какъ бы вызваны вопросами и недо-

1) Ex principibus patriae.

2) Сл. выше т. I, стр. 81 слѣд.

3) XV, 6: eo medio innumera exhausit a graecis.

4) IV, 47: in graecorum antiquissimis annalibus. Сл. IX, 1.

5) I, 11, 20; II, 29; III, 20; IV, 20, 21, 46, 47, 48; VI, 34; VII, 10; VIII, 2, 8; IX, 1, 7, 8, 19; X, 47, 53, 59; XI, 15; XII, 3; XIII, 40, 67, 68; XIV, 8; XV, 6. Сл. еще упоминаніе Варлаама въ посвященіи королю Гуго.

6) IV, 47.

7) Сл. выше т. I, стр. 97.

8) Scripta quaedam in nullum reducta librum nec aliquo insignita titulo.

умѣніями; въ такихъ именно случаяхъ могли обращаться къ его учености. Теодонцій говоритъ, напримѣръ [1]), что Тартаръ рожденъ землею, безъ участія отца; Варлаамъ добавляетъ, что онъ покоится недвижимо въ утробѣ матери, ибо Луцина не пожелала оказать ей своей помощи въ наказаніе за то, что она произвела на свѣтъ Молву на поношеніе богамъ; легенду о Молвѣ мы уже знаемъ въ пересказѣ Паоло [2]). И въ другихъ случаяхъ [3]) встрѣчается такое-же чередованіе показаній: Хиронъ, изобрѣтшій орошеніе садовъ, потому и названъ сыномъ Филлары, ибо Phylladros означаетъ по гречески стражъ или любитель воды [4]); такъ утверждаютъ Теодонцій и Варлаамъ.

Миѳологическую экзегезу Варлаама не трудно опредѣлить: онъ—евгемеристъ [5]), иногда грубоватый [6]); разсказываетъ басню о Dolus—Обманѣ (сынѣ Ночи и Эреба по Цицерону), будто онъ былъ пріятелемъ Улисса и подалъ на совѣтѣ греческихъ вождей хитроумную мысль устроить деревяннаго коня, при помощи котораго и взята была Троя [7]). Эллада и эллины [8]) названы по Эллану сыну Девкаліона [9]); троянцы назвались тевкрами, не по Тевкру, сыну Пріама, а по его соименнику, сыну критскаго Скамандра [10]). Отъ Варлаама идутъ и нѣкоторые греческія этимологіи [11]); съ его именемъ мы ожидали бы встрѣтить ихъ и болѣе въ числѣ тѣхъ, которыми Боккачьо любитъ пощеголять. Бо̀льшую часть изъ нихъ онъ взялъ готовыми изъ латинскихъ источниковъ, которыми

1) I, 11.
2) Сл. выше стр. 338—9.
3) Напримѣръ VII, 10.
4) VIII, 8.
5) Напримѣръ IX, 7, 8; X, 47; XIII, 67.
6) X, 59: сатиръ = педагогъ; III, 20: происхожденіе Меркурія.
7) I, 20.
8) Ellades.
9) IV, 48.
10) VI, 34.
11) Сл. VIII, 8 и III, 20.

пользовался [1]), но онъ измышляетъ, очевидно, и собственныя; его

1) Считаемъ не лишними слѣдующія, хотя, быть можетъ, и неполныя указанія на главы, гдѣ такія этимологіи и объясненія словъ встрѣчаются, отмѣчая кстати и нѣкоторыя латинскія. Онѣ характеризуютъ степень греческихъ познаній Боккачьо; кое-что, впрочемъ, придется поставить на счетъ неисправныхъ списковъ, которыми руководились и старые издатели: I, 4 (нимфа Syringa, любимая Паномъ, по Леонтію Пилату, отъ syrin, quod latine sonat Deo cantans), 7 (по Паоло), 34; II, 2 (Iupiter graece dicitur Zephs, quod latine vita sonat; сл. IV, 61: Zeph=vita), 3 (сл. III, 6, IV, 16, XI, 12: men), 8 (Ariarches–armorum princeps, nam Aris graece Mars latine sonat, et archos princeps. Но Ariarches изъ ἄνακες у Cic. De Nat. Deor. III, 2, 53), 12 (прозвище Меркурія Stilbon, quod velox latine sonat, по Леонтію); III, 4, 8 (по Фульгенцію Thisiphones idem quod Tritoniphones, i. e. irarum vox; сл. VII, 1: triton secundum quosdam idem sonat, quod terram terens; VII; 7: triton sonus secundum quosdam interpretatur; X, 1: maris sonus), 20 (Hermes: hermena = interpres по Варлааму), 22 (peristera vero graece latine columba sonat; graeci acidas curas vocant; сл. V, 35), 23 (drepanum; spuma... quae graece aphrodos dicitur).—IV, 2, 3 (phoebus—novus), 5, 10 (Ariadna... eo quod andros graece vir sonet), 16 (Hecates... centum interpretatur; Arthemis вм. Aërothemis, i. e. aërem secans) 21, 30 (oves graecis malae seu mala dicuntur), 33 (hyas—pluvia), 34 (plyon graece pluralitatem sonare latine), 45 (Pandora: a pan quod est totum et doris quod est amaritudo. Сл. VII, 8: doris: munus либо amaritudo, ибо у Virg. Eclog. X, 5: Doris amara; сл. Theb. IX, 370—1: amaram Dorida и выше т. I, стр. 42), 59, 61 (thyella–procella), 63 (по Паоло), 67 (arctos–ursa; graece elyci dicuntur gyri; cynosura отъ cynos—canis и uros–bos silvaticus), 68 (Egla quod idem sonat quod capra); V, 3, 12 (Orpheus quasi aurea *phogni*. i. e. bona eloquentiae vox), 19, 25 (Bromius a *bromin* quod est consumere.... Lyeus a lyen, quod est tractus, либо a ligogas, modeste autem sumptum, то-есть, вино, dispersas vires colligit augetque), 26, (hymen.... graece dicitur membrana), 48 (Athenas quod latine immortales sonat; то-же въ graecismus Eberhardi Bethuniensis VIII, 21); VI, 14 (a redemptione Priamus).—VII, 1 (Oceanus: ego autem a cianes, quod latine nigrum sonat), 6 (climenes interpretatur humiditas; сл. VII, 41), 9, 10 (sunt qui dicant quod Melantho albedo interpretatur.... ego autem unde hoc ab his sumptum sit nescio, cum sciam melan graece nigrum sonare latine), 11 (Idothea, ut quidam volunt, formosa interpretatur dea), 13 (Nereus: vulgo enim graece neros aqua dicitur), 14 (nays: fluctus vel commotio; napeae quasi napteae, idest aquaram fomites, nam napta apud persas fomes est; oron graece latine mons dicitur), 16 (Thetys: furens), 20 (iligi: circulus seu gyrum, сл. IV, 67), 22 (forum отъ Форонея), 36, 41 (Phaeton..., ut ait Leontius Thessalus, latine sonat incendium);—VIII, 1 (Apollophanes comicus dicit in epico carmine Saturnum quasi sacrum num, nus enim graece, aut Satorum num, quasi divinum sensum creantem omnia), 2, 6 (объясненіе названій коней Плутона), 8 (Phylladros: aquae custos vel amator по Варлааму; Сатурнъ, застигнутый женой въ связи съ Филлароой, обращается въ коня, *equus*: eo quod causam suam apud turbatam conjugem justificaverit dicens, quod ob id aliarum mulierum concubitum quaereret, si forte filios masculos suscipere posset, cum sibi prolem melioris sexus ex ea conceptam ob promissum Titano factum servare non posset, et sic ob

Аріархъ [1]) ничѣмъ не хуже его Филострата и Филоколо, продуктовъ его первой неаполитанской поры, въ которой восходитъ и его первое знакомство съ греческимъ языкомъ, либо Кимона [2]), что будто бы означаетъ скотъ [3]). Это знакомство, всегда остававшееся поверхностнымъ, не доходившее до раздѣльнаго знанія грамматическихъ формъ, тѣмъ не менѣе поднимало его самосознаніе: я знаю, что μέλαν по-гречески означаетъ черное [4]), говоритъ онъ, указываетъ, что νερός—вода слово простонародное [5]), произноситъ по-новогречески phogni = φωνὴ [6]), Hiraclim [7]),

hoc aeque agere visum est, et inde *aequus*, id est justus. — Chiron названъ такъ, ибо изобрѣлъ chirurgiam, потому что chyron graece manus est).—IX, 1 (Irim dici quasi erim, quod certamen est; по Леонтію Пилату: Juno graece dicitur Ἥρη, quod quidem venit ab era, quod est terra, et fit mutatio ε in η et fit ἥρα, cui mutata α in η fit ἥρη. Сл. въ статьѣ Περὶ τῶν ἐπιγείων καὶ ἐπουρανίων κατασκευῆς, вошедшей въ греч. Палею: Παρὰ τῶν Ἑλλήνων γλῶσσαν ἡ γῆ καλεῖται ἧρα, ἧρα δὲ ἑρμηνεύεται ἔρημος, у Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pars I, стр. LIII, первый столб.), 20, 25 (phlegon quod est flamma), 28 (противъ этимологіи: centauri отъ centum и Arios = Mars, или centum aurae, сказано: haec latina etimologia est quam graecae dictiones minime patiuntur), 35 (Dicthyna отъ dithia: piscatorum retia).—X, 9 (glaucus... graece luscitius dicitur; Anthedon... graece quasi Anthudon, quod nos latine contrarium videns dicimus), 10 (горгоны: terrae cultrices), 16 (Cyclops отъ cyclus и copis = oculus), 27 (Pegasus отъ pege = fons; оттуда pagus, ибо строились у рѣкъ, и pagani, quasi ex uno pege, i. e. fonte vel flumine potantes), 61 (имена гарпій, по Фульгенцію) — XI, 25 (amygdalus graece phylla vocatur)—XII, 10 (Egistus ab ege s. capra nutrice), 24, 39 (rubrum mare названо по Эритрею, quo nomine adhuc graeci vocant, s. erithra talasson, nam thalasson latine sonat mare), 52 (Ахиллъ, по Леонтію отъ a, quod est sine, et chilos — cibus, quasi sine cibo nutritus), 53 (по Паоло), 76 (cacos graece latine malum sonat).—XIII, 1 (по Леонтію: Hercules отъ hera: terra и cleos: gloria; или отъ heros и cleos; по Паоло отъ erix: lis и cleos. Hunc tamen graeci Hiraclim vocant, propter quod nos Heracles, non Hercules dicere deberemus; сл. Занобн да Страта въ его рѣчи у Ciampi l. c. стр. 126 Hercules... sapientem significat ab her quod est lis, et cleos gloria, quasi gloria litis).

1) II, 8.

2) Дек. V, 1.

3) Bestione; можетъ быть, по созвучію съ κύων? Сл. Schmitt, La Théséide de Boccace, l. c., стр. 281, прим. 1.

4) VII, 10.

5) VII, 13.

6) V, 12.

7) XIII, 1.

Zephs = Zeus, увѣряя себя, что Zeph означаетъ жизнь [1]). Появленіе Варлаама въ неаполитанскихъ ученыхъ кружкахъ подняло, если не вызвало этотъ интересъ къ занятію языкомъ, который обѣщалъ наконецъ раскрыть заповѣдную книгу за семью печатями: греческую древность. Петрарку къ ней манили откровенія Платона, Боккаччьо, продолжавшаго работать надъ Генеалогіями, должны были интересовать гомеровскія поэмы, древнѣйшій источникъ эллинскаго богословія. Серьезнымъ отношеніемъ къ своей задачѣ объясняется его рѣшимость снова отдаться изученію греческаго языка. Петрарка пытался обучиться ему у Варлаама; еще въ 1354 году онъ жалуется, что Сигеръ не съ нимъ: онъ ввелъ бы его въ пониманіе Гомера [2]) — и онъ благословляетъ Боккаччьо на занятія съ Леонтіемъ Пилатомъ, новѣйшимъ изъ современниковъ, названныхъ въ Генеалогіяхъ.

III.

Боккаччьо познакомился съ нимъ въ 1359 году во время своей миланской поѣздки къ Петраркѣ; Леонтій пробирался изъ Греціи въ Авиньонъ [3]) — искать удачи; въ то время это былъ дѣловой центръ, гдѣ могли находить себѣ сбытъ такіе искатели приключеній, какъ неизвѣстный калабріецъ, котораго Боккаччьо называетъ порой солунцемъ [4]); потому ли только, что Леонтій находилъ выгоднымъ заявляться то грекомъ, то итальянцемъ, какъ утверждалъ Петрарка? Но Леонтій говорилъ о себѣ также какъ объ ученикѣ калабрійца Варлаама [5]); не могъ ли онъ быть его слушателемъ въ Солуни?

1) II, 2; IV, 61.

2) Fam. XVIII, 2.

3) Gen. Deor. XV, 7.

4) l. c. XV, 6: thessalonicensem; VII, 41: Thessalus. О частомъ смѣшеніи Thessalonica и Thessalia сл. Harder, De Iohannis Tzetzae Histor. Fontibus (Kiliae 1886), стр. 16.

5) Gen. Deor. XIV, 8; XV, 6; IV, 46.

Его путь лежалъ на Падую, гдѣ Петрарка могъ увидѣть его зимой 1358 года; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ Боккаччьо отъ 18-го августа 1360 года [1]) онъ говоритъ, что познакомилъ его съ нимъ какой-то падуанскій пріятель. Старое, платоническое увлеченіе эллинизмомъ проснулось въ Петраркѣ при видѣ ученаго грека, обладавшаго къ тому-же и нѣкоторымъ знаніемъ латинскаго языка; очевидно, по его просьбѣ Леонтій перевелъ нѣсколько пѣсенъ Иліады; на этотъ-то первый опытъ перевода Петрарка указываетъ въ письмахъ къ Боккаччьо [2]), къ Гомеру [3]) обѣщаетъ прислать его Заноби да Страда [4]), имъ онъ пользуется въ примѣчаніяхъ къ полному переводу гомерическихъ поэмъ, за который, по почину Боккаччьо, возмется впослѣдствіи Леонтій [5]).

О Леонтіѣ Боккаччьо узналъ отъ Петрарки; возможность познакомиться съ Гомеромъ, вновь приняться за греческія штудіи, обогатить свои свѣдѣнія по греческой древности и миѳу — все это восхитило его, и онъ рьяно взялся за дѣло. Неизвѣстно, гдѣ именно онъ сблизился съ Леонтіемъ, въ письмахъ Петрарки къ Боккаччьо отъ 1359 года, написанныхъ послѣ миланскаго свиданія, о томъ ничего не говорится. Какъ бы-то ни было, но Боккаччьо увлекъ его за собой: Леонтій будетъ жить у него, заниматься съ нимъ, вѣроятно за плату; замѣтимъ, что самъ Боккаччьо не обезпеченъ, что жалобы на отсутствіе безбѣднаго ученаго приволья не покидаютъ его; на этотъ разъ ихъ не слышно за восторженнымъ интересомъ въ наукѣ и сознаніемъ совершаемаго подвига. «Часто привожу я Леонтія Пилата, солунца, и, какъ онъ утверждаетъ, слушателя упомянутаго Варлаама, говоритъ онъ въ біографическо-литературномъ эпизодѣ

1) Var. 25.
2) Var. 25.
3) Fam. XXIV, 12.
4) Var. 2.
5) De Nolhac, Petrarque et l'humanisme, стр. 332, 340, 342, 353—355.

Генеалогій [1]). Человѣкъ онъ съ виду страшный [2]), некрасивый лицомъ [3]), съ длинной бородой и черными волосами; всегда погруженный въ свои мысли [4]), неотесанный и непривѣтливый [5]), но, какъ показалъ опытъ, въ греческой литературѣ ученѣйшій, неисчерпанный архивъ [6]) греческихъ сказаній и басенъ; латинскимъ онъ еще мало обученъ. Никакого его труда я не знаю, привожу лишь то, что узналъ отъ него лично, ибо въ теченіи почти трехъ лѣтъ [7]) я слышалъ его толкованія Гомера [8]) и дружескія бесѣды [9]), такъ что, при другихъ заботахъ [10]), никакая память не удержала бы его безчисленныхъ разсказовъ, если-бы я не записывалъ ихъ въ тетрадяхъ [11])». И въ другомъ мѣстѣ [12]), отвѣчая хулителямъ, глумившимся надъ его слабостью къ греческимъ цитатамъ, онъ отвѣчаетъ, что это—его право. «Не я ли моими совѣтами удержалъ Леонтія Пилата отъ долгаго пути въ западный Вавилонъ (Авиньонъ) — на моей скромной родинѣ [13])? Не я ли пріютилъ его въ собственномъ домѣ, долго держалъ его гостемъ и много старанія положилъ на принятіе его въ число профессоровъ Флорентинскаго университета [14]) съ платой изъ общественныхъ средствъ [15])? Я первый на мое собственное иждивеніе вернулъ въ Этрурію творенія Гомера и другихъ грековъ, удалившихся много вѣковъ тому назадъ безъ надежды на возвра-

1) XV, 6.
2) Horridus.
3) Turpi facie.
4) Meditatione occupatus continua.
5) Moribus incultus nec satis urbanus homo.
6) Arcivum.
7) Fere tribus annis.
8) Eum legentem Homerum.
9) Mecum singulari amicitia conversantem.
10) Vergente etiam alia cura animam.
11) Cedulis.
12) XV, 7.
13) In patria tenui.
14) Ut inter doctores florentini studii susciperetur.
15) Ex publico mercede apposita.

щеніе; и не въ Этрурію только, но и на родину (то-есть, во Флоренцію). Первый изъ латинянъ я частнымъ образомъ слушалъ у Леонтія Пилата Иліаду, устроилъ публичныя чтенія Гомеровой книги, и хотя не достаточно понималъ, уразумѣлъ на сколько могъ, и не сомнѣваюсь, усвоилъ бы и полнѣе, еслибъ тотъ непосѣда[1]) дольше остался среди насъ. Но какъ-бы мало я ни научился изъ многаго, кое-что уразумѣлъ изъ повторенныхъ наставленій [2]) учителя и внесъ въ свой трудъ, гдѣ показалось нужнымъ».

«Вернуть въ Этрурію творенія Гомера» не указываетъ ли на ихъ латинскій переводъ, сдѣланный для Боккаччьо Леонтіемъ Пилатомъ? «Древніе греки» пришлись къ слову, хотя намѣренія были широкія: хотѣли перевести и другихъ, между прочимъ Платона, творенія котораго, собранныя въ большомъ томѣ, Боккаччьо видѣлъ у своего достопочтеннѣйшаго учителя Петрарки [3]). Если такъ, то переводъ Гомера исполненъ былъ на средства Боккаччьо, онъ не преминулъ бы вспомнить съ обычной похвалой и Петрарку, еслибы тотъ участвовалъ въ расходахъ; но упоминаній нѣтъ, а между тѣмъ въ письмѣ отъ 1374 года къ папскому секретарю Лукѣ делла Пенна Петрарка [4]) говоритъ о Гомерѣ, «переведенномъ на латинскій языкъ моимъ попеченіемъ и иждивеніемъ и нынѣ охотно пребывающемъ у меня среди латинянъ». Едва ли Петрарка имѣлъ въ виду лишь расходы по перепискѣ своего экземпляра Гомера, какъ съ другой стороны трудно вычитать изъ приведеннаго выше показанія Боккаччьо, что ему принадлежитъ лишь пріобрѣтеніе (возвращеніе «въ Этрурію») греческаго текста Гомера, что оставило-бы за Петраркой траты по переводу [5]).

1) Hommo ille vagus.

2) Demonstratione crebra.

3) Com. I, 370.

4) Sen. XVI, 1.

5) De Nolhac, l. c. стр. 344—345.

Петрарка отнесся къ предпріятію съ видимымъ увлеченіемъ. Изъ его письма отъ 18-го августа 1360-го года, единственнаго, въ которомъ онъ высказался передъ Боккаччьо относительно своего миланскаго пребыванія [1]), оказывается, что дѣло уже было въ ходу, но встрѣчались и препятствія. Ты просишь ссудить тебѣ, если только я его пріобрѣлъ, тотъ списокъ Гомера, что̀ продавался въ Падуѣ, пишетъ Петрарка, дабы нашъ Леонтій могъ перевести его съ греческаго на латинскій языкъ на пользу твою и всѣхъ нашихъ занимающихся [2]) согражданъ. Я видѣлъ этотъ списокъ, но оставилъ его, ибо онъ показался мнѣ гораздо неисправнѣе моего собственнаго, давно хранящагося въ моей библіотекѣ; впрочемъ его нетрудно будетъ пріобрѣсти при помощи того самаго лица, которое доставило мнѣ знакомство съ Леонтіемъ; оба мы напишемъ ему, горячо побуждая къ желанному труду. Еслибы тотъ списокъ ускользнулъ отъ насъ, что̀ невѣроятно, мой къ вашимъ услугамъ, ибо я всегда жаждалъ того перевода, жаждалъ научиться греческому языку, и еслибъ не моя судьба и ранняя смерть моего достойнаго учителя (Варлаама), я былъ бы теперь кое-чѣмъ бо̀льшимъ, чѣмъ начинающимъ. И такъ, разсчитывайте на меня въ этомъ предпріятіи и будьте увѣрены въ моей дѣятельной помощи. Если утраченъ древній латинскій переводъ Гомера, принадлежавшій, быть можетъ, Цицерону, то пусть хотя бы трудъ чужеземцевъ восполнитъ утраченное по нашей небрежности, и да улыбнутся вамъ музы и поспѣшествуетъ Аполлонъ. Что касается до меня, то ни изъ Серики, ни изъ Аравіи, ни отъ Еритрейскаго моря не придетъ товара, merx, который былъ бы мнѣ милѣе этого. — Петрарка пользуется случаемъ, чтобы защитить употребленіе слова merx въ прямомъ падежѣ, но далѣе грамматика забыта, и слѣдующій совѣтъ переводчику ставитъ ему эстетическія требованія. Вы говорите, что переводъ будетъ дословный, пишетъ онъ Боккаччьо; прислушайтесь, что

1) Var. 25. Сл. выше стр. 196—7.

2) Studiosi.

говоритъ Іеронимъ въ предисловіи къ своему переводу De temporibus Евсевія Кесарійскаго: тотъ, кто утверждаетъ, что красоты подлинника не утрачиваются въ переводѣ, пусть попытается передать Гомера на латинскомъ языкѣ, переводя слово въ слово, и онъ увидитъ, что выйдетъ нѣчто достойное смѣха, и краснорѣчивѣйшій изъ поэтовъ окажется косноязычнымъ. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ напомнить, дабы трудъ оказался не напраснымъ. Впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете, я такъ лакомъ до подобнаго рода благородныхъ яствъ, что уподобляюсь голодному, которому все равно, какъ поваръ приготовитъ кушанье; я жажду духовной пищи, какова бы она ни оказалась. И въ самомъ дѣлѣ: хотя начальные стихи Гомера, когда-то переведенные для меня Леонтіемъ латинскою прозой (имѣется въ виду первый опытъ перевода, сдѣланный для Петрарки) и оправдываютъ мнѣніе Іеронима, тѣмъ не менѣе переводъ нравится, въ немъ есть какая-то своя особая красота[1]), и я не прочь уподобить его кушанью, назначенному явиться въ видѣ студня, но связь не удалась, нѣтъ формы, хотя есть и вкусъ и ароматъ. И такъ, да благопріятствуетъ небо благому начинанію, да возстановится утраченный для насъ Гомеръ; заботу о другихъ (писателяхъ) предоставимъ Богу. Вы просите также прислать томъ Платона, который мнѣ удалось спасти изъ погрома моей трансальпинской виллы; хвалю ваше рвеніе, вы получите книгу въ свое время, за моей помощью столь благородное дѣло не станетъ; но смотрите, хорошо ли соединять двухъ великихъ вождей греческой мудрости и будетъ ли по силамъ поднять ихъ одновременно? Помѣряйтесь, въ добрый часъ, съ однимъ изъ нихъ и начните съ того, кто писалъ за нѣсколько столѣтій впередъ.

Вскорѣ послѣ того Петрарка получилъ свѣдѣнія о новомъ переводѣ съ пространнымъ посланіемъ отъ имени Гомера, въ

1) Et profecto quoddam breve, ubi Homeri principium Leo idem latinis verbis olim mihi quasi totius operis gustum obtulit, etsi Hieronymi sententiam faveat, placet tamen; habet enim et suam delectationem abditam.

которомъ великій поэтъ представлялся сѣтующимъ на свою судьбу и ставилъ себя подъ защиту Петрарки. По нашему мнѣнію, посланіе могло быть написано самимъ Боккаччьо; мы знаемъ лишь отвѣтъ Петрарки отъ 9-го октября 1360-го года[1]). Давно я сбирался писать тебѣ, обращается онъ къ Гомеру, но мѣшало незнаніе твоего языка, а твои старые переводы на латинскій потеряны по нерадѣнію потомковъ. Но вотъ въ наши дни явился нѣкто, кто вновь подарилъ тебя нашей рѣчи. Твоя Пенелопа не ждала такъ страстно Улисса, какъ я твоего появленія; я уже потерялъ надежду, ибо ничего твоего не видѣлъ по латыни, кромѣ нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ (указаніе на первый обращикъ Леонтіевскаго перевода), по которымъ воображалъ тебя, какъ издали представляютъ себѣ образъ друга по кончикамъ волосъ и неясному, быстрому движенію зрачковъ подъ бровями. Книжица, ходящая подъ твоимъ именемъ, хотя и извлеченная изъ тебя, тебѣ очевидно не принадлежитъ[2]); а тотъ человѣкъ сулитъ перевести тебя цѣликомъ, если хватитъ у него жизни, и начало перевода позволяетъ намъ насладиться не только благороднымъ содержаніемъ твоихъ божественныхъ твореній, но ихъ красотами и ароматомъ стиля. Теперь я понимаю, что сила великаго таланта сказывается въ какой бы то ни было формѣ. Помню, я писалъ, слѣдуя мнѣнію нѣкоего Іеронима, почитаемаго между нами за свое знаніе языковъ, что если не только перевести тебя дословно по латыни, но и переложить въ греческую прозу, ты покажешься не краснорѣчивѣйшимъ, а грубымъ писателемъ; теперь, къ моему удивленію, я нахожу тебя прекраснымъ и въ латинской прозѣ. И вотъ пишу тебѣ, не какъ къ Виргилію, въ его же метрахъ[3]), а прозой, въ стилѣ тебѣ, быть можетъ, несвойственномъ, мнѣ обычномъ—въ стилѣ полученнаго мною письма.—Съ содержаніемъ послѣдняго мы знакомимся изъ отвѣтнаго посланія Петрарки: онъ

1) Fam. XXIV, 12.

2) Разумѣется такъ называемый Pindarus Thebanus; сл. еще Fam. X, 4.

3) Сл. посланіе къ Виргилію Fam. XXIV, 11.

благодаритъ Гомера за свѣдѣнія о его, дотолѣ неизвѣстныхъ ему наставникахъ, о происхожденіи поэзіи и первыхъ служителяхъ музъ, въ числѣ которыхъ упоминался Кадмъ, сынъ Агенора и Геркулесъ; Алкидъ или нѣтъ? спрашиваетъ Петрарка [1]. Его интересуютъ ученыя путешествія Гомера, ему пріятно узнать настоящее число его книгъ, бо́льшая часть которыхъ оставалась неизвѣстной итальянцамъ; многіе его труды утрачены, къ стыду грековъ, мнящихъ себя во всемъ выше латинянъ: въ нерадѣніи они дѣйствительно ихъ побѣдили. Гомеръ жаловался на своихъ подражателей, на Виргилія; подражателей тебѣ бояться нечего; вотъ я, человѣкъ незначущій, а радуюсь, когда кто идетъ за мной слѣдомъ, и счастливъ, если онъ опередитъ меня. А ты всегда будешь первымъ; правда, иные колеблятся между тобой и Виргиліемъ; я упомянулъ о томъ не потому, чтобы склонялся къ тому или другому мнѣнію, а чтобы показать тебѣ, какъ различно судили о тебѣ потомки. Виргилія, на котораго ты такъ сѣтуешь, я хочу защитить: ты обвиняешь его въ томъ, что, украсившись твоими доспѣхами, онъ никогда не упомянулъ твоего имени. Но онъ называлъ тебя въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, назвалъ бы и въ лучшей, послѣдней части своей божественной поэмы, еслибъ до нея дожилъ. Онъ слишкомъ былъ порядоченъ, скроменъ и нравственъ, чтобы не сдѣлать того; а еслибъ и оставались какія въ томъ сомнѣнія, слѣдуетъ всегда предполагать лучшее. Ты сѣтуешь на людей, которые, обобравъ тебя, осыпаютъ тебя хулою, на юристовъ и медиковъ, которые не держатъ тебя въ чести, какъ то дѣлали встарь ихъ предшественники. Но порицаніе такихъ людей тебѣ въ похвалу; тѣ-же изъ современниковъ, у которыхъ есть въ груди хотя-бы искра древней доблести, почитаютъ тебя не только священнымъ философомъ, но и величайшимъ изо всѣхъ, ибо изящныя красоты философіи ты умѣешь скрыть подъ тончайшимъ покровомъ (поэ-

1) Сл. Gen. Deor. VII, 32: о Геркулесѣ, сынѣ Нила, изобрѣтшемъ, по Теодонцію, письмена для Фригійцевъ.

зіи). Еще есть у тебя одна жалоба, но я чуть не принялъ ее въ шутку; или человѣку съ испорченнымъ желудкомъ все кажется горькимъ и ты не радуешься, а плачешь, что нашъ пріятель, котораго ты считаешь явившимся изъ Өессаліи[1]), я выходцемъ изъ Византіи, побуждаетъ тебя, незнакомаго, или, какъ ты говоришь, скитальца и изгнанника, вступить въ стѣны моей цвѣтущей родины (Флоренціи)? Знай и будь увѣренъ, что дѣлаетъ онъ это изъ любви и живѣйшаго уваженія къ тебѣ, почему такъ и дорожатъ имъ всѣ твои, хотя и немногочисленные, почитатели. И такъ, ты видишь, что несправедливо сѣтуешь на того, которому мы, преданные тебѣ поклонники, считаемъ долгомъ принести отъ своего и твоего имени величайшую благодарность, ибо если небо будетъ благопріятствовать ему, онъ намѣренъ возвратить тебя италійскимъ музамъ и намъ, тщетно тебя ожидавшимъ. Не дивись, что въ долинѣ Фьезоле и на берегахъ Арно обрѣтаются всего трое людей, тебѣ преданныхъ и пріязненныхъ, этого не мало, а много, больше, чѣмъ можно было ожидать въ городѣ (Флоренціи), преданномъ торговлѣ и наживѣ. Найдется, пожалуй и четвертый; я могъ бы присоединить и пятаго, вѣнчаннаго дельфійской или алфеевой вѣтвью, но его, не знаю какъ, похитилъ у насъ западный Вавилонъ. Если тебѣ мало кажется пяти человѣкъ, одновременно живущихъ въ одной городской чертѣ, то посмотри, сколько ихъ въ другихъ городахъ: въ Болоньѣ, хотя и именитомъ пристанищѣ наукъ, всего одинъ[2]), двое въ Веронѣ, одинъ въ Сульмонѣ, одинъ въ Мантуѣ, но онъ покинулъ твои знамена для Птолемея; въ Римѣ, главѣ міра, не находится, къ удивленію, ни одного; былъ одинъ въ Перуджіи, много обѣщавшій, но, бросивъ заботу о себѣ и о Парнассѣ, онъ оставилъ за

1) Сл. Thessalus у Боккаччьо = Thessalonicensis.

2) Загадочны слова, обращенныя къ Гомеру: *tua* illa Bolonia, *qua suspiras* (по которой ты вздыхаешь?).... unum habet. Если перевести qua suspiras: на которую ты жалуешься (Fracassetti), то имѣются, быть можетъ, въ виду болонскіе юристы, хулители Гомера.

собой Апеннины и Альпы, и состарѣлся, скитаясь по Испаніи, пытаясь перомъ заработать богатства. Были и другіе по другимъ городамъ, которыхъ я зналъ, но ихъ уже нѣтъ.

И такъ пойми, куда я веду рѣчь: не жалуйся болѣе на пріятеля, приведшаго тебя въ городъ, гдѣ у тебя столько почитателей, какъ ни въ какомъ другомъ. Развѣ ты не знаешь, какъ они стали рѣдки на свѣтѣ? Я полагаю, что во всей Греціи, кромѣ нашего пріятеля (Леонтія), никого не найдется. Былъ еще одинъ, когда-то мой учитель (Варлаамъ), который раскрылъ мнѣ сердце для сладостной надежды, но онъ умеръ въ началѣ моихъ занятій, да и ранѣе того покинулъ меня, когда, болѣе заботясь о немъ, чѣмъ о самомъ себѣ, я старался доставить ему епископство.

Не гнушайся-же малочисленностью твоихъ поклонниковъ; ихъ всегда было мало, теперь и того меньше, а въ будущемъ, думается мнѣ, не будетъ никого, кто-бы держалъ въ чести и цѣнилъ почтенныя занятія. Останься въ обществѣ этихъ людей, на берегахъ Арно, среди нашихъ смѣющихся холмовъ, гдѣ цвѣтутъ таланты и свили гнѣзда благозвучныя Филомелы; ихъ не много на самомъ мѣстѣ, но поведи глазами вокругъ и вблизи, ихъ наберется и много; а за ними толпа чесальщиковъ, ткачей, кузнецовъ, не говоря объ обманщикахъ, мытаряхъ, ворахъ всякаго рода и грязномъ ремесленномъ сорѣ. Твое имя и произведенія да останутся имъ неизвѣстными!

О себѣ, послѣднемъ по дарованію и времени, говорю подъ конецъ, такъ какъ ты удостоилъ попросить моей помощи. О еслибъ я могъ помочь столь великому мужу! Но клянусь истиннымъ Богомъ, котораго ты не зналъ, что я въ состояніи лишь соболѣзновать тебѣ, подать совѣты. Да и что можетъ сдѣлать для другого человѣкъ, который ничего не состояніи сдѣлать для себя? Самъ ты и твои послѣдователи были предметомъ зависти и посмѣяній; если такъ было съ тобой въ твоихъ ученѣйшихъ Аѳинахъ, то что будетъ съ другими въ нашихъ распутныхъ городахъ? Я самъ изъ числа тѣхъ, которыхъ зависть, не знаю почему, избрала своею мишенью; а ты ищешь защиты подъ моимъ

покровомъ! Ты, для котораго роскошнѣйшій дворецъ былъ бы недостойнымъ пребываніемъ, еслибъ талантъ давалъ почести, какъ судьба раздаетъ свои дары! Но слѣпой, надменный рокъ распоряжается нами, великіе умы избѣгаютъ золотыхъ палатъ, гдѣ ютится невѣжество, и предпочитаютъ бѣдное пристанище, гдѣ обитаютъ трудъ и наука. Что касается до меня, то хотя я и не достоенъ принять столь великаго гостя, я давно уже пріютилъ тебя, грека, и надѣюсь вскорѣ получить тебя латиняниномъ, если тотъ, кого ты зовешь ѳессалійцемъ, я полагаю византійцемъ, приведетъ свой трудъ къ благополучному концу. Но болѣе вѣрный пріютъ я готовлю тебѣ въ душѣ; моя любовь къ тебѣ свѣтлѣе и жарче солнца, никто болѣе меня не благоговѣетъ передъ тобой. То, что было въ моихъ силахъ, я для тебя сдѣлалъ, отецъ мой; уберечь тебя отъ насмѣшекъ невѣжественной толпы не могу ни я, и никто, кромѣ Бога.

Многое наговорилъ я тебѣ, точно самъ ты былъ со мною; но пора умѣрить фантазію, письмо вышло длинное, какъ пространно было и твое. Прощай, поклонись отъ меня Орфею, Лину, Еврипиду и всѣмъ твоимъ товарищамъ.

Орфей, Линъ, Еврипидъ въ товарищахъ Гомеру — таковы фантастическія представленія гуманистовъ, вышедшихъ на открытіе новаго для нихъ міра греческой древности. Они его не знаютъ, тѣмъ восторженнѣе ихъ ожиданія; они снимутъ съ него завѣсу, и Гомеръ снова вернется къ италійскимъ музамъ. Ихъ немного, людей, въ которыхъ еще тлѣетъ искра древней доблести; гуманизмъ аристократиченъ: за немногими тотчасъ-же начинается ремесленная толпа. Петрарка перечисляетъ людей, интересовавшихся въ его время греческимъ языкомъ и литературой, но нѣкоторыя изъ его указаній неопредѣленны[1]), и мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, на сколько интересъ отвѣчалъ приблизительному знанію. Въ числѣ флорентійскихъ эллинистовъ разумѣется, несомнѣнно, Боккаччьо и, вѣроятно, монахъ Тедальдо делла Каза,

1) Cл. Fracassetti, Lettere, т. V, стр. 197.

учившійся вмѣстѣ съ нимъ у Леонтія Пилата [1]); подъ лауреатомъ, похищеннымъ западнымъ Вавилономъ, т. е. Авиньономъ, скрывается Заноби да Страда; для Болоньи можно предположить Пьетро дель Мульо, для Вероны предположили Гвильельмо да Пастренго и Ринальдо да Виллафранка, для Мантуи нѣкоего Андрея, одного изъ корреспондентовъ Петрарки. Все это были любители, начинающіе и чающіе, наконецъ учащіеся; всѣ ждали откровеній отъ ѳессалійца Леонтія Пилата.

Боккаччьо былъ у Петрарки въ Миланѣ въ началѣ 1359-го года: вскорѣ послѣ того Леонтій могъ приняться за свой трудъ; къ ноябрю 1361-го года, когда Боккаччьо собрался въ Неаполь, конченъ былъ переводъ Иліады и Одиссеи, что̀ приблизительно отвѣчаетъ показанію Боккаччьо, что Леонтій пробылъ у него *около* трехъ лѣтъ. Очевидно, этотъ непосѣда оставилъ его ранѣе его отъѣзда, иначе непонятенъ былъ бы ни этотъ упрекъ, ни то отрицательное настроеніе Боккаччьо, которое сквозитъ въ письмахъ Петрарки. Куда послѣ того дѣлся Леонтій, мы не знаемъ; онъ могъ быть у Петрарки въ Венеціи ранѣе, чѣмъ лѣтомъ 1363-го года видѣлся тамъ съ Боккаччьо; Петрарка жилъ въ Венеціи съ сентября 1362-го года [2]); его письма доскажутъ намъ судьбу Леонтія и гомеровскаго перевода.

Петрарка разгадалъ Леонтія, очевидно, послѣ продолжительнаго съ нимъ общенія; его характеристика подтверждаетъ портретъ угрюмаго, непокладистаго солунца у Боккаччьо, но она ярче, жизненнѣе; забыты реторическія похвалы «другу Гомера», единственному, понимающему его изъ современныхъ грековъ. Серьезнаго у меня ничего нѣтъ, а хочется поговорить съ тобою, пишетъ Петрарка Боккаччьо 1-го марта 1364-го года [3]); разскажу, что изъ недавняго времени подсказываетъ мнѣ память.

1) Mehus, Vita Ambr. Camald. стр. 234.
2) Сл. прим. Fracassetti къ Var. XLIII.
3) Sen. III, 6; сл. Fracassetti, Lettere v. IV, p. 98.

Нашъ Леонтій, на самомъ дѣлѣ калабріецъ [1]), — хотя выдаетъ себя за солунца, потому-ли, что греческое происхожденіе считаетъ благороднѣе итальянскаго, или, какъ мнѣ кажется, потому, что ему нравится являться иностранцемъ, грекомъ между нами, итальянцемъ между греками; и такъ вотъ этотъ Леонтій, откуда бы онъ къ намъ ни явился, оказался большимъ дурнемъ и послѣ твоего отъѣзда самъ захотѣлъ уѣхать, болѣе глухой къ моимъ просьбамъ и убѣжденіямъ, чѣмъ тѣ утесы, гдѣ онъ снова хочетъ засѣсть. Ты знаешь насъ обоихъ, но не можешь себѣ представить, что̀ больше: его ли природная ипохондрія, или моя веселость; а такъ какъ душевные недуги заразительнѣе тѣлесныхъ, и я опасался, какъ бы постоянное общеніе съ нимъ не сказалось и на мнѣ, я отпустилъ его, тѣмъ болѣе, что удержать его можно было не лаской и не просьбами, а развѣ какими нибудь цѣпями; далъ ему на дорогу Теренція, его комедіи очень ему нравятся, я и самъ дивлюсь: что̀ можетъ быть общаго между этимъ грекомъ-ворчуномъ и тѣмъ веселымъ африканцемъ? Такъ онъ и уѣхалъ въ концѣ лѣта. Часто говорилъ онъ мнѣ массу мерзостей по адресу Италіи и итальянцевъ; должно быть, онъ еще не доѣхалъ, какъ я получилъ отъ него письмо, болѣе длинное и безобразное, чѣмъ его борода и волосы, въ которомъ онъ величаетъ до небесъ столь ненавистную ему Италію, а Грецію и Византію, которыя прежде такъ превозносилъ, хулитъ и порицаетъ; при этомъ проситъ меня вызвать его къ себѣ, и такъ заклинаетъ и страстно молитъ, какъ не молилъ ап. Петръ Христа, повелѣвающаго водами. Мнѣ это смѣшно, и я удивляюсь столь быстрой измѣнчивости рѣшеній; или лучше не удивляюсь, ибо знаю, что нѣтъ въ мірѣ ничего измѣнчивѣе души, которая не пустила корней въ добродѣтели и мудрости. Тамъ, гдѣ этихъ корней нѣтъ, наука и знаніе не только не приносятъ пользы, но и положительно вредны, ибо они дѣ-

1) Sen. XI, 9: въ наши дни были въ Калабріи люди ученѣйшіе въ греческомъ языкѣ, особенно монахъ Варлаамъ и Леонъ или Леонтій; сл. выше письмо къ Гомеру.

лаютъ человѣка отважнымъ, указываютъ мѣста и пути, даютъ средства, горячатъ фантазію и, возбуждая живѣйшее желаніе видѣть многое, не только не обуздываютъ духъ, отъ природы непостоянный, но и подталкиваютъ и увлекаютъ. Ни на комъ не оказалось это такъ явственно, какъ на нашемъ Леонтіѣ. Мармарійскій левъ въ лихорадкѣ не мечется такъ безпокойно и страстно по берлогѣ, какъ нашъ левъ [1]) по свѣту; если бы бѣдность не замѣняла въ немъ ума, я сказалъ бы, что онъ болѣе птичьей, чѣмъ львиной природы. Однимъ я доволенъ, что, не повѣривъ словамъ, онъ сдался доказательствамъ факта и его каменный мозгъ нѣсколько смягчился силой опыта. Впрочемъ, я не вѣрю его постоянству, и что бы онъ ни обѣщалъ, не думаю, чтобы при его характерѣ и въ его годы можно было серьезно надѣяться на перемѣну. А теперь послушай и посмѣйся: проситъ онъ меня, между прочимъ, чтобы я рекомендовалъ его письменно константинопольскому императору, котораго я не знаю ни лично, ни по имени; но онъ желаетъ того, потому и представляетъ себѣ, что онъ также благосклоненъ и милостивъ ко мнѣ, какъ римскій императоръ; точно сходство титула отождествляетъ ихъ, или потому, что греки называютъ Константинополь вторымъ Римомъ, осмѣливаясь считать его не только равнымъ древнему, но и превосходящимъ его по народонаселенію и богатству. Если бы это было и такъ, чтò я отрицаю (да проститъ мнѣ Созоменъ), то нѣтъ столь безсмысленнаго грека, который позволилъ бы себѣ счесть ихъ равными по отношенію къ ихъ дѣятелямъ, военной славѣ и доблестямъ.

Подъ конецъ, дабы не безъ пользы прошла моя болтовня о вѣтренномъ пріятелѣ, я попрошу у тебя одной услуги: пришли мнѣ, какъ можно скорѣе, хотя бы переписанное твоей рукой, то мѣсто Одиссеи, переведенной нашимъ пріятелемъ по твоему совѣту, гдѣ поэтъ описываетъ схожденіе Улисса въ адъ и мѣстности въ преддверіи Эреба. Пока сдѣлай это, и тотчасъ-же, ибо

1) Игра словами: leo и Leontius.

мнѣ это крайне нужно, впослѣдствіи же постарайся устроить такъ, чтобы всѣ произведенія Гомера явились въ латинской одеждѣ, (переписанныя) на мой счетъ[1]), въ моей библіотекѣ, уже давно владѣющей ихъ греческимъ оригиналомъ. Знаю, что возлагаю тяжелую ношу на твои плечи, обремененныя своей собственной; но у меня нужда, а я разсчитываю на тебя.

Въ письмѣ къ Боккаччьо отъ 10-го декабря 1364-го года[2]) Петрарка прибавляетъ въ концѣ, что не намѣренъ вызывать къ себѣ Леонтія, тѣмъ болѣе, что и его другъ того же мнѣнія: пусть поплачется тамъ, куда повело его нахальство. Ежели въ тщеславіи, неприличномъ во всякомъ положеніи, тѣмъ болѣе при его бѣдности, онъ презиралъ прелести Флоренціи, пусть повздыхастъ въ своей нищенствующей Византіи; онъ отвернулся надменно отъ прекрасныхъ долинъ Италіи, теперь погніетъ до старости въ гемонійскихъ лѣсахъ и будетъ пищей греческимъ червямъ, если не предпочтетъ вернуться туда, гдѣ я знаю, коли не знаешь, ты, онъ прожилъ долгое время — привратникомъ критскаго лабиринта. А онъ былъ бы намъ не безполезенъ въ нашихъ занятіяхъ, не будь онъ столь звѣриныхъ нравовъ и странныхъ обычаевъ[3]), которые я объясняю прирожденной грубостью или желаніемъ, какое встрѣчалось у многихъ, прослыть и сдѣлаться знаменитымъ именно своею странностью. Пусть себѣ проваливаетъ съ своими привычками, своей бородой, плащемъ и голодомъ.

Еще до отъѣзда Петрарки въ Павію лѣтомъ 1365-го года Боккаччьо выслалъ ему въ Венецію отрывокъ перевода; между тѣмъ 20-го августа самъ онъ выѣхалъ въ Авиньонъ посланникомъ Флорентійской коммуны; 4-го ноября онъ былъ уже на обратномъ пути, черезъ Генуя во Флоренцію, откуда писалъ

1) Tuo studio, mea impensa.

2) Sen. V, 3; сл. Fracassetti, Lettere v. IV, p. 98.

3) Si tam homo esset nec se belluam asperitate insigni et novitatis studio effecisset.

Петраркѣ; тотъ отвѣтилъ ему письмомъ изъ Павіи отъ 14-го декабря 1365-го года[1]), ласково упрекая, что онъ не завернулъ къ нему; было вѣдь такъ близко, такъ хорошо было бы повидаться!

Въ заключеніи письма снова вопросъ о переводѣ Гомера: Петрарка благодаритъ Боккаччьо за доставленіе требуемой выписки, и ему совѣстно, что его другъ положилъ на нее много лишняго труда. Мнѣ интересно было узнать не то, что дѣлается въ аду у грековъ, достаточно и того, что дѣлается у латинянъ (далъ-бы Богъ, чтобы мы узнали о томъ изъ описанія, а не собственнымъ опытомъ, шутитъ Петрарка), а разбирало любопытство, какимъ образомъ Гомеръ, рожденный въ Греціи или Азіи, и, что еще чуднѣе, слѣпой, описалъ пустынныя мѣстности Италіи, Эолію, Авернское озеро и Цирцейскую гору. Но все это я надѣюсь найдти въ полномъ твореніи, которое ты обѣщаешь мнѣ выслать; только я недоумѣваю: ты послалъ мнѣ всю Иліаду, а Одиссеи, гдѣ и находится искомое, только часть; или у тебя самаго нѣтъ ея всей? Впрочемъ, когда вернусь домой, посмотрю, въ чемъ дѣло, велю списать твою рукопись, дабы не лишить тебя такого сокровища, а на Донато (дельи Альбанцани) сержусь: пишетъ мнѣ о всякомъ пустякѣ, а ничего не писалъ о томъ, что для меня крайне важно, какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ посылавшему.

Письмо это Петрарка отправилъ вмѣстѣ съ предыдущимъ и третьимъ, еще болѣе запоздалымъ [2]). Таковы были условія письменнаго общенія: писали съ оказіей, письма залеживались — и зачитывались по дорогѣ. Такъ случилось и на этотъ разъ: какой-то дурень выпросилъ у Петрарки для прочтенія именно его три письма къ Боккаччьо, зачиталъ и отдалъ лишь тогда, когда Петрарка на него накричалъ, но вернулъ истрепанныя и испачканныя. Петрарка направилъ ихъ къ Донату, для до-

1) Sen. V, 1.

2) Sen. V, 3: 10 декабря 1365 г. и Sen. V, 2, 28-го августа, вѣроятно, 1364 года.

*

ставленія Боккаччьо, 1-го сентября 1366-го года [1]). Когда онъ получилъ ихъ, бѣднаго Леонтія, можетъ быть, уже не было въ живыхъ. Надѣюсь, до тебя дошли три длиннѣйшія посланія, писанныя въ разное время, но посланныя вмѣстѣ въ прошломъ году изъ Павіи, пишетъ Петрарка къ Боккаччьо 25-го января 1367-го года [2]). Въ Венецію я прибылъ поздно ночью, а на другой день пришелъ нашъ Донато, и мы бесѣдовали съ нимъ одинъ на одинъ, съ чувствомъ той близкости, которую усиливаетъ разлука. Говорили обо всемъ, разумѣется, всего болѣе о тебѣ и о Гомерѣ, о которомъ ты пишешь, что послалъ его мнѣ; но я его не получалъ; справься, что̀ съ нимъ сталось. Это приводитъ мнѣ на память того, благодаря которому Гомеръ явился у насъ по латыни. Бѣдный, несчастный Леонтій! Въ былое время онъ поднималъ во мнѣ желчь, теперь жалость позволяетъ мнѣ говорить о немъ безъ горечи. По своему, онъ былъ къ намъ привязанъ, хотя онъ такъ былъ созданъ, что не умѣлъ любить ни другихъ, ни себя; родился онъ при несчастныхъ предзнаменованіяхъ, скончался при еще болѣе несчастныхъ, не испытавъ ни одного свѣтлаго дня. Припоминая его теперь, я дивлюсь, какъ въ такую печальную, мрачную душу могъ заглянуть лучъ поэзіи и небесной гармоніи. Онъ постоянно просилъ меня призвать его, каясь въ своихъ заблужденіяхъ, что̀ смиряетъ всякій гнѣвъ; но я зналъ его непостоянство, зналъ, что въ извѣстные годы люди трудно мѣняются, опирался наконецъ на твое мнѣніе (которому я всегда желалъ бы слѣдовать, ибо въ тебѣ два драгоцѣнныхъ свойства совѣтодателя: умъ и честность) — и не отвѣчалъ ему. А его тянуло къ намъ, онъ устыдился своего несправедливаго сужденія объ Италіи, и разсчитывая на наши нравы, сообразилъ, что если бы онъ явился ко мнѣ и незваный, я бы его не прогналъ. И вотъ, не смотря на непогоду, онъ храбро сѣлъ на корабль и вышелъ въ море изъ Византіи. Приготовься, другъ мой, выслушать нѣчто ужасное, вставляетъ Петрарка, переходя

1) Sen. V, 4; сл. VI, 1. 2) Sen. VI, 1.

къ реторическому разсказу о бурѣ, застигшей корабль уже въ виду итальянскаго берега: матросы бросались каждый за своимъ дѣломъ, одинъ Леонтій ухватился за мачту и пораженъ упавшей на нее молніей. Петрарка играетъ по этому поводу двоякимъ значеніемъ слова malum [1]), удивляется, что одна и та же судьба постигла Капанея, Тулла Гостилія, Кара, — и Леонтія, ученаго, но темнаго человѣка, которому ни разу не улыбнулась судьба, не осѣнило своимъ вѣяніемъ довольство [2]); вспоминаю теперь, какое облако грусти лежало постоянно на его лицѣ, и думаю, что то было предчувствіе грозившаго ему удара. Его бѣдные пожитки и засаленныя книги спаслись; посмотрю я, не найдется ли между ними Еврипидъ, Софоклъ и другіе, которыхъ онъ обѣщалъ поискать для меня. Тѣло его обрѣло могилу въ морѣ; такъ онъ сталъ жертвой итальянскихъ рыбъ, не греческихъ червей, какъ писалъ я тебѣ въ другомъ письмѣ.

Лишь въ 1367-мъ году Петрарка получилъ полный переводъ Гомера; «это залогъ твоей любви, пишетъ онъ Боккаччьо въ концѣ однаго письма, посвященнаго вопросамъ личной свободы [3]); вмѣстѣ съ тѣмъ печальная память о несчастной судьбѣ его переводчика»; трудъ этотъ исполнилъ довольства и радости не только меня, но и всѣхъ грековъ и латинянъ моей библіотеки.

Переводъ Леонтія сохранился [4]); сохранился и экземпляръ Иліады, принадлежавшій Петраркѣ, списанный и украшенный миніатюрами у него на дому, какъ значится изъ его записи въ концѣ [5]), съ его собственноручными объясненіями и глоссами, относящимися къ послѣднимъ годамъ его жизни. Такимъ же образомъ списывалась для него и Одиссея, но онъ не дожилъ до окончанія труда; его собственноручныя помѣтки прекращаются

1) Malum, мачта, была Леонтію послѣдней невзгодой, malum.

2) Nec fortunati unquam prospere, nec jucundi.

3) Sen. VI, 2; сл. выше стр. 198.

4) Hortis, Studi стр. 508, прим. 2, и отрывки, стр. 543 слѣд.

5) Domi scriptus, Patavi coeptus, Ticini perfectus, Mediolani illuminatus et ligatus anno 1369.

*

на 21-й страницѣ, далѣе мѣняется и рука писца. Дечембріо записалъ на первомъ листѣ: «Франческо Петрарка умеръ 23-го іюня 1374-го года, въ то время, какъ глоссировалъ [1]) эту книгу; онъ прожилъ такимъ образомъ пять лѣтъ послѣ написанія Иліады» [2]).

Глоссы и замѣтки Петрарки къ гомеровскимъ поэмамъ характеризуютъ его интересъ къ дѣлу, желаніе овладѣть поэзіей Гомера сквозь дословный, иногда непонятный, часто безграмотный переводъ Леонтія, котораго онъ часто зоветъ Leo, какъ и въ письмахъ. Онъ борется съ нимъ самимъ его же оружіемъ, повѣряя переводъ, доставленный Боккаччьо, по немногимъ отрывкамъ перваго перевода, сдѣланнаго Леонтіемъ для него самого [3]). Но онъ связанъ плохимъ знаніемъ греческаго языка, хотя и заглядываетъ порою въ оригиналъ [4]); приходится довѣрять Леонтію, когда, съ развязностью невѣжи, который стыдится не отвѣтить на предложенный ему вопросъ, онъ даетъ такое, напримѣръ, объясненіе къ разсказу о Пенелопѣ: будто у древнихъ грековъ былъ обычай не свататься за женщину, занятую тканьемъ, дабы не отвлекать ее другими заботами [5]). Только кое-гдѣ онъ отмѣчалъ на поляхъ, что значенія такого-то слова Леонтій не понималъ, не зналъ, либо не умѣлъ перевести [6]), что его толкованіе непонятнѣе текста [7]), что онъ ошибся [8]). Петрарка переноситъ въ свой экземпляръ глоссы Леонтія, находившіяся въ спискѣ Боккаччьо, съ невѣроятными греческими этимологіями, напоминающими соот-

1) Dum illuminaret.

2) Hortis, l. c. стр. 507—8, прим. 47; стр. 543; De Nolhac, l. c. стр. 347 слѣд.

3) De Nolhac, l. c. стр. 353—4.

4) De Fluminibus, a. v. Oceanus: говорятъ иные, что это рѣка на дальнемъ западѣ, ego quidem *inspecta Homeri littera et modo loquendi* non credo fluvium, sed ipsum mare oceanum.

5) De Nolhac, i. c. 356—7, прим. 3.

6) l. c. стр. 354, прим. 7.

7) l. c. стр. 357.

8) l. c. стр. 360.

вѣтствующія въ Генеалогіяхъ боговъ [1]), но начинаетъ сомнѣваться, когда Леонтій пускается въ миѳологическія и реальныя объясненія, гдѣ другіе, латинскіе источники Петрарки говорили иное. Леонтій утверждалъ, напримѣръ, что Додона — городъ, Петрарка замѣчалъ: не городъ, а лѣсъ [2]); часть глоссъ посвящена такимъ археологическимъ, миѳологическимъ, литературнымъ дополненіямъ и параллелямъ и аллегоризаціи миѳовъ, съ ссылками на Аристотеля, Халцидія, Цицерона, Ливія, Виргилія, Овидія, Боэція и др. [3]). При склонности Петрарки — и Боккаччьо — къ морализаціи прочитаннаго понятно появленіе этого элемента и въ глоссахъ; рѣчь Онейроса, принявшаго образъ Нестора, къ Агамемнону, что совѣтодателю мужей не подобаетъ покоиться, вызываетъ восклицаніе: Внемлите этому, цари, преданные сну и чревоугодію! [4]); а въ концѣ Иліады помѣчено: Уразумѣй это, читатель, и помни: дѣло смертныхъ рукъ, начатое въ гнѣвѣ и гордынѣ, кончилось сѣтованіемъ и могилой [5]). Эти скорбныя замѣчанія старѣющагося поэта не мѣшали ему обращать вниманіе на литературную, поэтическую сторону памятника; онъ знаетъ цѣну переводу Леонтія и въ первой же глоссѣ приводитъ, въ его извиненіе [6]), извѣстную намъ изъ письма къ Боккаччьо цитату Іеронима,—о непоэтичности прозаичнаго, дословнаго перевода [7]). Большая часть его примѣчаній носитъ стилистическій характеръ: неуклюжая ѳразеологія Леонтія ему противна, онъ предлагаетъ

1) De Nolhac, стр. 365: elicopida: eli — traho u copos, oculus и Gen. Deor. X, 16: Cyclops отъ ciclus и copis, oculus. Сл. Eustathii Comm 56, 41 слѣд.: ἑλίκωπες.... οἱ τὰς κώπας ἑλίσσοντες, ἤγουν ναυτικοὶ.... κούρη δὲ ἡ ἑλικῶπις.... τοὺς ἐραστὰς ἐφελκομένη.... ἢ καὶ ἡ μελανόφθαλμος.... διὰ τὸ ἑλικοὺς, ὅ ἐστι μέλανας ἔχειν τοὺς ὦπας. Сл. ibid. 120, 39; 206, 22. См. еще De Nolhac, стр. 49: этимологія Hercules = Gen. Deor. XIII, 1, съ именемъ Леонтія и др.

2) De Nolhac, стр. 357.

3) l. c. стр. 363 слѣд.

4) l. c. стр. 361—2.

5) l. c. стр. 363.

6) Pro excusatione Leonis nostri qualis interpretis l. c. стр. 358.

7) Сл. выше стр. 354—5.

въ замѣну болѣе литературныя выраженія, но къ изученію гомеровской поэтики онъ приступаетъ съ реторическими схемами, которыя выражаются такими же глоссами на поляхъ, какими онъ нерѣдко сопровождалъ латинскіе тексты: разсказъ, сравненіе, рѣчь, вопрошаніе, отвѣтъ и т. д. [1]). Какъ красоты цицероновской фразы вызывали его эстетическія замѣчанія [2]), такъ извѣстное сравненіе людской судьбы съ листьями приводитъ его въ восторгъ: изящное изреченіе! замѣчаетъ онъ [3]), но въ гомеровскій стиль онъ не вжился: рѣчь Нестора въ концѣ XI-й пѣсни Иліады кажется ему слишкомъ пространною: болтливый, какъ старики, Несторъ начинаетъ длинный, довольно запутанный разсказъ, едва ли соотвѣтствующій моменту [4]). Что Петрарка вынесъ изъ Гомера, ссылки на котораго учащаются въ его послѣднихъ произведеніяхъ, — это обновленный интересъ къ миѳамъ и героямъ, о которыхъ говорили его любимые латинскіе поэты.

Такъ съ почина Петрарки началось въ Италіи то, что можно бы назвать гомеровскимъ вопросомъ XIV вѣка; Боккаччьо былъ въ немъ главнымъ дѣятелемъ и исполнителемъ. Вопросъ этотъ создало сплетеніе обстоятельствъ, въ которыхъ случайность играла, пожалуй, бо̀льшую роль, чѣмъ естественный спросъ гуманистической эволюціи. Случайно затерялся въ 1359 году, по дорогѣ между Венеціею и Авиньономъ, неотесанный грекъ, калабріецъ или солунянинъ; какъ разъ въ 1359 году Боккаччьо закончилъ вчернѣ, судя по посвященію королю Гуго, свои Генеалогіи боговъ; Леонтій сулитъ ему Гомера, и Боккаччьо и Петрарка восхитились пришлецомъ. Впослѣдствіи его поняли; его характеристика у Петрарки принадлежитъ къ самымъ удачнымъ въ смыслѣ психологическаго пониманія типа, но попытка

1) Narratio, comparatio, oratio, interrogatio, brevis imprecatio, De Nolhac, l. c. стр. 355, прим. 2.

2) Elegantissime, proproprie, festive и т. д.

3) Elegantissima sententia, l. c. стр. 98, прим. 4.

4) l. c. стр. 358.

идеализовать вѣчно печальное настроеніе Леонтія не отрицаетъ впечатлѣнія, что знаніе не соединялось въ немъ ни съ добродѣтелью, ни съ мудростью. Это впечатлѣніе можно, кажется, обобщить, не противорѣча Петраркѣ: доблесть и мудрость на сторонѣ латинянъ, не грековъ, кичащихся своимъ культурнымъ превосходствомъ, ставящихъ Византію выше Рима, тогда какъ ихъ современное невѣжество извѣстно всему міру [1]). Такова точка зрѣнія первыхъ гуманистовъ: Гомеръ, но водворенный къ италійскимъ музамъ, греческая древность, но объясняющая свою, національную, стоящую гораздо выше ея [2])—вотъ что ихъ интересуетъ. Если Петрарка увѣряетъ Гомера, что не рѣшаетъ въ вопросѣ о преимуществѣ между нимъ и Виргиліемъ, то это любезность по адресу старшаго; характерна самая нерѣшительность, и она осталась, вѣроятно, и послѣ того, какъ Гомеръ былъ прочтенъ вполнѣ; во всякомъ случаѣ Виргилій не ниже Гомера [3]). Это освѣщаетъ для насъ значеніе гомеровскаго вопроса въ XIV вѣкѣ и должно предупредить противъ крайнихъ оцѣнокъ, когда дѣло идетъ о роли Боккаччьо въ исторіи новѣйшаго эллинизма. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, можетъ быть, самый серьезный изъ всѣхъ, отдавшихся изученію греческаго языка; увлеченіе новизной сказывалось порой ребячливо: прежде онъ цитовалъ греческія слова, теперь приводитъ въ оригиналѣ стихи изъ Иліады [4]) и Одиссеи [5]); этого большинство его читателей не понимало, и надъ нимъ трунили, но онъ защищался и дѣйствовалъ примѣромъ и пропагандой: публичныя чтенія Леонтія начались, вѣроятно, уже въ 1359-мъ году. Самосознаніе Боккаччьо, какъ перваго обновителя греческихъ штудій въ Италіи, поддерживается въ слѣдующемъ поколѣніи свидѣтельствомъ Манетти [6]), раннимъ развитіемъ

1) Sen. V, 6 1367 г.
2) Sen. XII, 2; Fam. I, 3.
3) Gen. Deor. XIV, 19: ingenio non minor Homero.
4) Gen. Deor. III, 22=Il. XIV, 214 слѣд.; Gen. Deor. IV, 18=Il. I, 402 слѣд.
5) Gen. Deor. IV, 41; сл. I, 7: стихи, приписанные Орфею.
6) Vita di G. B., стр. 91.

эллинизма именно во Флоренціи, но пока спросъ отъ греческой древности былъ чисто внѣшнимъ. Гомеръ не обновилъ Генеалогій, а лишь обогатилъ ее новыми фактами, свидѣтельствомъ древности, которой не всегда отдается предпочтеніе. Ссылки на Гомера, цитаты и перифразы встрѣчаются въ Генеалогіяхъ въ цѣломъ рядѣ главъ [1]); иныя ограничиваются свѣдѣніемъ съ указаніемъ на Гомера: онѣ, очевидно, принадлежатъ послѣдней редакціи, по-леонтьевской. Такъ въ V, 34 читаемъ: Калатъ былъ сынъ Юпитера и Антіопы, какъ говоритъ Гомеръ въ Одиссеѣ; о немъ я ничего не узналъ, кромѣ имени и т. п. Но другія главы были уже составлены по латинскимъ памятникамъ, Теодонцію и Паоло, и гомеровская цитата пристраивалась, какъ могла, нерѣдко за поздними свидѣтельствами, либо въ такомъ, напримѣръ, видѣ: Гомеръ въ Иліадѣ и поэтъ Сенека въ трагедіи Troas говорятъ и т. д. [2]); Горацій разсказываетъ то-то, что̀ подтверждается и Одиссеей [3]) и т. п. Боккаччьо видимо провѣрялъ ссылки на Гомера, встрѣчавшіяся въ источникахъ, путая его текстъ съ показаніями схоліастовъ, очевидно, по сообщеніямъ Леонтія, и удивляясь, что не могъ провѣрить цитату изъ Гомера у Сервія [4]), тогда какъ, напримѣръ, Паоло приводитъ свидѣтельство Гомера, не указывая на книгу [5]); къ ясному пониманію соотношеній греческой и латинской традиціи это не привело. Указывается на зависимость Виргилія отъ Гомера [6]), но, напримѣръ, въ описаніи

1) Сл. I, 3; II, 15, 17, 30, 37; III, 22; IV, 4, 6, 14, 18, 41, 58; V, 3, 30 (bis), 31, 33, 34, 43, 44; VI. 5, 6, 9, 12, 13, 14 (ter), 16, 18, 20, 22, 24, 25, 30, 31, 33, 35—39, 41, 44, 45, 51, 52 (bis), 53; VII, 1—3, 9, 11, 14, 18—20, 45, 46, 52—54, 63, 64; VIII, 4, 8, 16; IX, 1—3, 10, 11, 19, 21, 22, 34; X, 1, 9, 14, 15, 17—23, 32, 35—37, 39, 41, 43, 44, 47, 58, 61; XI, 8, 14, 19, 21, 31—34, 39, 40; XII, 2, 12, 14, 15, 17, 33, 34, 43, 45, 48, 49, 51, 63, 70, 71; XIII, 1, 2, 11—13, 16, 20, 34, 35, 38, 39, 41—45, 47, 53, 56—62.

2) VI, 25.

3) XI, 19.

4) VI, 39.

5) VI, 45.

6) X, 1.

внѣшности Сциллы [1]) ихъ показанія просто сопоставлены; либо противорѣчія Гомера разрѣшаются ссылкой на Лукана [2]): Гомеръ называетъ Ксанѳа сыномъ Зевса, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о рѣкахъ, какъ о дѣтяхъ Океана; но у Лукана Ксанѳъ является потокомъ, а потоки питаются болѣе дождевой, чѣмъ почвенной влагой, вотъ почему Ксанѳъ и названъ сыномъ Зевса, то-есть воздуха, изъ котораго рождаются дожди! Въ иныхъ случаяхъ латинскому преданію просто отдается перевѣсъ, безъ объясненія: Геба, говоритъ Теодонцій, была дочерью Юноны безъ участія отца, съ чѣмъ согласны всѣ латинскіе поэты, и хотя Гомеръ въ Одиссеѣ утверждаетъ, что она зачата отъ Зевса, я не внесъ ее въ родословную [3]). Или: Агамемнонъ былъ сынъ Плисѳена, мальчикомъ оставшійся у Атрея; былъ онъ царемъ Микенъ и наслѣдникомъ Тіэста, какъ говоритъ Гомеръ по поводу скипетра Агамемнона [4]); но такъ какъ въ стихахъ не соблюденъ порядокъ генеалогіи, я приведу ее, слѣдуя латинскимъ авторамъ [5]).

Ясно, что латинскіе авторы, скорѣе, готовыя генеалогіи Теодонція и другихъ связывали своею цѣльностью, выработалась уже и своя система интерпретаціи (почему, напримѣръ, Геба — дочь одной Юноны), и Гомеръ не въ силахъ былъ ее нарушить. Въ переводѣ Леонтія онъ и не могъ увлечь своей поэзіей; Петрарка угадывалъ ее между строками, или же обманывалъ себя; для Боккаччьо это былъ сборникъ свѣдѣній, драгоцѣнныхъ, но часто сбивчивыхъ и неточныхъ, ибо его учитель, цитовавшій Ликофрона и Ферекида, часто не понималъ гомеровскаго текста или не умѣлъ его передать при плохомъ знаніи латинскаго языка. Боккаччьо спрашивалъ его о значеніи διάκτορος ἀργειφόντης, онъ наивно переводилъ: diactoro argifonte; μερόπων ἀνθρώπον=meropum hominum; если взять въ разсчетъ его этимологіи въ глос-

1) X, 9.
2) XI, 14.
3) IX, 2.
4) Приводится пересказъ Il. II, ст. 100 слѣд.
5) XII, 15.

*

сахъ Петрарки и Генеалогіяхъ [1]), станутъ понятны у Боккаччьо и смѣшеніе гомеровской Ἄτη съ Litigium [2]), и дословный переводъ въ VII, 1: θεῶν γένεσιν = deorum nationem (объ Океанѣ, родоначальникѣ боговъ). Боккаччьо вѣрилъ всему этому безусловно; его собственное знаніе языка были слишкомъ недостаточно, чтобы ему самому стать судьей «ученаго грека»; но когда дѣло шло о его толкованіяхъ миѳа, нерѣдко рѣшительныхъ въ своей голословности [3]), о неисчерпаемыхъ росказняхъ Леонтія, которыя приходилось записывать въ тетрадяхъ [4]), Боккаччьо, подобно Петраркѣ, чувствовалъ почву подъ ногами: здѣсь онъ начитанъ, и его опытность, какъ толкователя, даетъ ему право на критерій. Онъ вноситъ въ свой трудъ разсказы, объясненія, этимологіи Леонтія [5]), но часто выражаетъ свое несогласіе съ

1) I, 4; II, 12; VII, 41; IX, 1; XIII, 1.

2) I, 3.

3) V, 48: paucis absolvit.

4) XV, 6; сл. II, 2: graecus homo et talium abundantissimus.

5) I, 4, 13; II, 2 (сл. V, 1), 3, 4, 7, 8, 9, 11, 12, 31, 36, 65; III, 20; IV, 14, 18, 19, 42, 46, 59, 66, 67; V, 1, 12, 16, 24, 33, 41, 44, 48, 50, 51; VI, 4, 7, 24, 53; VII, 3, 6, 16, 18, 20, 22, 36, 40, 41, 55; VIII, 4 (сл. Com. II, 48 слѣд.), 9, 13, 16; IX, 1; X, 3, 4, 9, 32, 33, 44, 58, 61; XI, 7, 11, 40; XII, 10—12, 17, 43, 52 (Com. I, 467—468), XIII, 1, 15, 16, 31—3, 54; XIV, 8 (Com. I, 394); XV, 6, 7. Сл. въ Com. I, 319 слѣд., со словъ Леонтія, біографію Гомера по Каллимаху, съ тѣми-же перечнями городовъ, что и въ Генеалогіяхъ и толкованіяхъ на Бож. Ком. (сл. выше стр. 306, прим. 1). Грамматику Каллистрату приписываются критическія работы по Гомеровскому тексту и Σύμμικτα, въ которыхъ сообщались, между прочимъ, разныя черты изъ біографій древнихъ поэтовъ (сл. *Susemihl*, Gesch. d. griech. Literatur in der Alexandrinerzeit, I, 449—450). Въ разночтеніяхъ къ тексту Таціана и въ выпискѣ изъ него у Евсевія вмѣсто Каллистрата стоитъ Каллимахъ. Не это-ли Каллимахъ Леонтія? Разумѣется, Боккаччьо могъ обработать его данныя при помощи другихъ источниковъ; многое у него напоминаетъ стиль средневѣковыхъ Vitae philosophorum, приписанныхъ, между прочимъ, и королю Роберту. Изъ Гомеровыхъ біографій у *Westermann'a* (Vitarum scriptores graeci minores) одна (Πρόκλου περὶ Ὁμήρου) объясняетъ загадочное свѣдѣніе у Боккаччьо: объ одномъ трудѣ Гомера, chiamato Egam (*Westermann* l. c. 27: Αἶγα); другая (стр. 45) пріурочиваетъ, согласно съ Боккаччьо, къ кончинѣ Гомера старый анекдотъ-загадку о ловцахъ, не поймавшихъ, что ловили (рыбу), и словившихъ, чего не искали (нечисть). Сл. ту-же легенду у Тцетца, Chil. XIII, v. 651 слѣд. и Prooemium in Iliadem v. 115 слѣд. Она разсказана, съ нѣсколько инымъ окончаніемъ, и въ Боккаччьевомъ Теренціи (см. выше стр. 97).

нимъ [1]), колеблется [2]); миѳъ о заговорѣ боговъ, задумавшихъ наложить цѣпи на спящаго Зевса, котораго предупредила о томъ Ѳетида, этотъ миѳъ Леонтій толковалъ хаотической борьбой высшихъ и низшихъ стихій, замиренной — влагой; и многое другое онъ еще говорилъ, достойное болѣе смѣха, чѣмъ памятованія [3]).

Приведенное толкованіе Леонтія не даетъ полнаго понятія о его пониманіи миѳа. Въ большинствѣ случаевъ онъ евгемеристъ: первый Юпитеръ, напримѣръ, былъ благородный мужъ изъ Аркадіи, по имени Лизанія, и лишь аѳиняне, которыхъ онъ научилъ законамъ и нравамъ, сдѣлали его царемъ и прозвали богомъ Зевсомъ [4]). Но Леонтій допускаетъ и натуралистическую экзегезу [5]), являясь раціоналистомъ [6]) и морализуя по поводу миѳа о нимфѣ Меранѣ [7]). У него есть особый разсказъ о Сциллѣ [8]), о смерти Улисса [9]) и, по Ликофрону, о невѣрности Пенелопы; но здѣсь Боккаччьо протестуетъ, какъ протестовалъ въ De Claris Mulieribus: не повѣрю я тому, кто запятнаетъ честь Пенелопы, прославленную столькими и столь достойными писателями, что-бы ни злословилъ Ликофронъ [10]).

Сообщенія Леонтія и откровенія Гомера были послѣдними вкладами въ Генеалогіи боговъ. Ихъ системы они не измѣнили: ученость Леонтія не выходила за уровень Теодонція, Паоло, Варлаама, гомеровскіе факты укладывались въ готовую работу. Намъ остается оцѣнить ея критическіе пріемы.

1) VI, 53; XII, 17; XIII, 31.

2) II, 9, 11; V, 1.

3) IV, 18: plura ridenda potius quam scribenda. Сл. II, 20: quoniam frivola visa sunt, eis omissis (т. е. толкованія Леонтія) Barlaae relatum apponere libuit.

4) II, 2; V, 1.

5) XI, 7.

6) VI, 7: объ Антигонѣ.

7) II, 31.

8) X, 9.

9) XI, 40.

10) V, 44; сл. X, 59; XII, 69. Сл. Eustath. Comm. 1435 и выше стр. 219.

IV.

Боккаччьо хочетъ дать намъ генеалогію боговъ; ея планъ предусмотрѣнъ въ нѣсколькихъ строкахъ біографіи Данте: древніе чествовали въ началѣ единое божество, распавшееся впослѣдствіи на множество боговъ, олицетворявшихъ силы природы; позже явились боги — обоготворенные люди. Наполнить этотъ планъ помогли древніе генеалогическіе перечни, которые, гдѣ можно, повѣряются по подлинникамъ; обильныя цитаты изъ самыхъ разнообразныхъ авторовъ, особенно латинскихъ поэто̂въ, приводятся подъ рядъ, стихи нерѣдко цѣликомъ, но въ ихъ обоюдной оцѣнкѣ желаніе соглашенія преобладаетъ надъ элиминаціей, чутье къ различному качеству источниковъ и ихъ генеалогическимъ отношеніямъ отзывается понятной слабостью, какъ нерѣдко и пониманіе текстовъ [1]), описки которыхъ принимаются на вѣру [2]) и серьезно толкуются. Намъ внушаютъ недовѣріе къ Папіѣ, ибо Боккаччьо часто уличалъ его въ разногласіи съ истиной [3]), но онъ же цитуетъ Ансельма и Гервасія, авторовъ хотя новыхъ, но серьезныхъ [4]), а на вопросъ о томъ, чей сынъ былъ Латинъ, отдаетъ преимущество мнѣнію Виргилія—ибо его держатся всѣ [5]). Онъ готовъ согласиться съ Плиніемъ относительно реальнаго существованія нереидъ, но смѣется надъ безмозглыми бабами и невѣжественными крестьянами, когда, не краснѣя, они разсказываютъ, что сами видѣли выходившихъ изъ источниковъ кра-

1) IV, 1: о Титанѣ, рожденномъ quinta luna съ Virg. Georg. I, 277 слѣд., гдѣ вмѣсто luna слѣдуетъ разумѣть dies.

2) Сл. Citheonus, сынъ Тибра VII, 51, изъ Virg. Aen. X, 198: ciet Ocnus; III, 13: Orna изъ Orphne, Ovid. Met. V, 539; сл. еще IV, 11, 21 и Cic. De Nat. Deor. III, 19, 48: patre matricida изъ patre, matre Idyia; V, 13: объ Аристеѣ съ Justin. l. XIII, c. 7; XI, 42 съ Ovid. Fast. IV, 72: stabant agricolae вм. argolicae.

3) V, 20.

4) XII, 22: non tamen parvae sunt gravitatis.

5) VIII, 17: cum universalis fama Virgilio faveat; гл. VII, 51.

савицъ-ламій [1]).—Когда источники противорѣчатъ другъ другу, онъ ограничивается ихъ сопоставленіемъ [2]), готовъ предположить искаженіе собственныхъ именъ [3]), выходитъ изъ противорѣчій проніей: Касторъ и Поллуксъ, Елена и Клитемнестра — дѣти Леды отъ Тиндара или второго Юпитера? Я полагаю, что отъ Тиндара, хотя вовсе не желаю отнять у цѣломудреннаго бога дѣтей, которыми одарила его щедрая древность [4]) — а въ XI, 7 подробно сообщается миѳъ о діоскурахъ — сыновьяхъ третьяго Юпитера!—Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о герояхъ и оботворенныхъ людяхъ, Боккаччьо надѣялся найдти помощь въ хронологіи; тогда онъ наводилъ справки, преимущественно у Евсевія, и миѳы и боги обѣщали распредѣлиться въ порядкѣ времени [5]); но часто ни хронологія, ни толкованія не помогали, и Боккаччьо терялся: не знаю, чему вѣрить, говорилъ онъ [6]), какъ согласить разнорѣчія [7]), пусть распутаютъ истину болѣе остроумные [8]), читатель можетъ держаться какого хочетъ изъ двухъ мнѣній [9]), ибо писанія погибли по ветхости и нерадѣнію, такъ что относительно многаго невозможно доискаться правды, данъ полнѣйшій произволъ измышленіямъ, и всякій пишетъ о древности, что придетъ ему въ голову [10]). Самъ Боккаччьо справлялся въ книгѣ Гермеса Трисмегиста de Idolo и не нашелъ того, что вычиталъ тамъ Августинъ: очевидно, по моему неразумію, замѣчаетъ онъ скромно; я не рѣшусь обвинить Августина [11]).

Между тѣмъ какъ хронологія указывала, повидимому, на не-

1) VII, 14.
2) XII, 20 и passim.
3) XI, 28.
4) V, 40.
5) II, 3, 19, 62, 63; V, 3, 12, 25, 28; XI, 8, 26; XII, 25; XIII, 56 и passim.
6) II, 9; XIV, 8.
7) II, 55.
8) V, 41; сл. гл. VII, 24; XII, 3.
9) XII, 12.
10) V, 16: vetustate et ignavia librariorum.
11) V, 21.

совмѣстимость нѣкоторыхъ именъ, разнорѣчія одного и того-же миѳа приводили не къ ихъ критикѣ, а къ попыткѣ распредѣлить ихъ по времени, предположеніемъ, что могло быть нѣсколько лицъ, носившихъ одно и то-же имя. Такъ поступали уже тѣ миѳологи, о которыхъ говоритъ Цицеронъ [1]). Такъ и у Боккаччьо явились двѣ Кирки [2]), три Эскулапа, какъ училъ Цицеронъ [3]), два Сарпедона [4]), два Сизифа [5])—и далѣе, съ Цицерономъ и Лактанціемъ, хотя не всегда согласно съ ними, ряды одноименныхъ боговъ: три Юпитера, четыре Минервы, три Купидона, четыре Иракла, шесть Меркуріевъ, но одинъ Аполлонъ, хотя Цицеронъ говорилъ о четырехъ [6]).—Это углубило перспективу родословной, иныя поколѣнія которой спускаются отъ боговъ въ міръ героевъ гомеровскаго и ѳиванскаго эпосовъ, тогда какъ въ глубинѣ возсѣдаетъ, отвѣчая идеѣ Боккаччьо о первоначальномъ единобожіи, таинственный Демогоргонъ, окруженный своимъ, столь-же безформеннымъ и отвлеченнымъ отродьемъ [7]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе яркою плотью одѣваются боги, тѣмъ они многочисленнѣе, пока идея единобожія снова не торжествуетъ уже на почвѣ героическаго эпоса—въ лицѣ послѣдняго Зевса. Такова въ общихъ чертахъ миѳологическая система Боккаччьо.

Въ введеніи, слѣдующемъ за посвятительнымъ посланіемъ

1) De Natura Deor. III, 16—21—23.

2) IV, 14.

3) V, 19.

4) XI, 34.

5) XIII, 56.

6) V, 3. Сл. Petrarcae, De ignorantia, стр. 1047: duos Joves, unum naturalem, alterum fabulosum, ut Lactantius ait, seu potius tres Joves, ut ait Cicero, numerant hi, qui theologi nominantur; deorum inquam theologi, non unius Dei. Quantas vires habeant et quanti extimanda sunt pretii, ne nimis a proposito deerrem, apud ipsum Lactantium Firmianum, qui quaeret, inveniet Institutionum suarum libro primo, nam illud piget etiam attigisse, quod Soles quinque, totidemque Mercurios, totidemque Dionysios, totidemque Minervas, quatuor vero Vulcanos, quatuor Apollines, quatuor Veneres, tres Aesculapios, tres Cupidines, tres Dianas dicunt, sex Hercules, ut Cicero ait, aut ut Varro tres et quadraginta.

7) Сл. Cic. De Nat. Deor. III, 7: о порожденіяхъ Эреба и Ночи; 18, 24. Сл. Tuscul. disp. IV, 8, 16.

къ королю Гуго, онъ ставитъ вопросъ: кого перваго чтили язычники богомъ? Готовясь выйдти въ великое море, онъ хочетъ знать, отъ какого берега отвязать ему свою ладью, дабы при благопріятномъ вѣтрѣ вѣрнѣе добраться до желанной цѣли. Люди, достойные вѣры, хотя и разныхъ религіозныхъ толковъ, согласно утверждали, что богъ одинъ, только язычники заблуждались, вмѣняя созданію свойства создателя, поэты, которыхъ Аристотель зоветъ первыми богословами, называли первыми богами то, въ чемъ они видѣли причину всѣхъ вещей, и такъ какъ мнѣнія были разныя, то у разныхъ народовъ явились разные и многіе боги, при чемъ каждый народъ считалъ своего бога истиннымъ и единственнымъ, отцомъ и властителемъ всѣхъ другихъ. И вотъ Боккаччьо обращается съ своимъ вопросомъ къ мудрецамъ [1]: Θалесъ говоритъ, что начало всему—вода, Анаксименъ, что воздухъ, Хризиппъ — огонь, Алкмеонъ [2] утверждаетъ, что солнце, луна, свѣтила и небо создатели сущаго; Макробій говорилъ объ одномъ солнцѣ, но Теодонцій, человѣкъ, какъ я полагаю, не новый [3] и тщательный изслѣдователь подобныхъ вопросовъ [4], указывалъ на мнѣніе древнихъ аркадцевъ, что причиною всего была земля и прирожденный ей божественный духъ, который называли Демогоргонъ, что подтверждается ссылкой на Лактанція [5]. Боккаччьо разбираетъ мнѣнія философовъ и, приравнивая стихіи къ ихъ миθологическому выраженію, воду къ Океану, Юпитера къ огню и т. д., находитъ въ своихъ генеалогіяхъ, что всѣ они рождены отъ кого-нибудь и имъ нѣтъ мѣста въ началѣ родословной; оно остается за Демогоргономъ, ибо Боккаччьо ни-

1) Сл. Cic. De Nat. Deor. I, 10 слѣд.

2) Alcinous въ текстѣ Генеалогій.

3) Non novus homo. Сл. выше стр. 343; или: не невѣжественный.

4) Talium investigator praecipuus.

5) Lact. Placidi глоссы къ Stat. Theb. IV, 516: dicit deum Daemogorgona summum, cujus nomen scire non licet.—Infiniti autem philosophorum, magorum, Persae etiam confirmant re vera esse, praeter hos, deos incognitos, qui in templis coluntur, alium principem et maxime deum caeterorum ordinatorem, de cujus genere sint Sol atque Luna.

чего не отыскалъ у поэтовъ объ его отцѣ, но читалъ о немъ, какъ о родоначальникѣ другихъ боговъ. Логическій выводъ ясенъ, не принято лишь въ соображеніе, что у Демогоргона потому только нѣтъ восходящей генеалогіи, что самъ онъ продуктъ поздней, философской абстракціи.

И вотъ Боккаччьо спускается въ нѣдра земли, гдѣ Демогоргонъ предсталъ предъ нимъ, въ туманахъ и меракѣ, страшный самымъ именемъ, окутанный бѣлесоватой, сырой плѣсенью [1]), издавая острый запахъ земли [2]). Сознаюсь, я улыбнулся [3]) при видѣ того, кого древніе, по своему неразумію, считали творцомъ всего сущаго, говоритъ Боккаччьо, ссылаясь на Теодонція и Лактанція, объясняя и имя Демогоргона: по латыни это означаетъ бога земли, ибо, по Лактанцію, демонъ—богъ, Gorgon—земля; или скорѣе: мудрость земли, такъ какъ демонъ часто означаетъ знающаго или мудрость; иные толкуютъ: страшный богъ. У него, по словамъ Теодонція, двѣ супруги: Вѣчность [4]) и Хаосъ [5]); его дѣти: Раздоръ [6]), Панъ [7]), Парки [8]), Polus [9]), Phython [10]), Земля [11]) и Эребъ [12]). То, что сообщается объ этомъ первомъ поколѣніи боговъ, идетъ отъ Теодонція, ссылающагося на поэта Пронапида въ его Протокосмѣ. Оттуда взята, напримѣръ, слѣдующая басня [13]) о рожденіи Раздора: когда Демогоргонъ покоился въ вертепѣ Вѣчности [14]), услышалъ движеніе въ утробѣ Хаоса,

1) Pallore quodam muscoso et neglecta humiditate amictus.
2) Terrestrem, tetrum foetidumque evaporans odorem.
3) Risi fateor.
4) I, 1: Aeternitas.
5) I, 2.
6) I, 3: Litigium.
7) I, 4.
8) I, 5.
9) I, 6.
10) I, 7.
11) I, 8.
12) I, 14.
13) Fabula.
14) I, 3: in Aeternitatis antro.

почему, протянувъ руку, онъ вскрылъ утробу, вырвалъ оттуда бушевавшій Раздоръ и, увидѣвъ его безобразіе, швырнулъ въ воздухъ; онъ тотчасъ-же поднялся, не будучи въ состояніи спуститься, ибо тамъ все было занято Демогоргономъ. Между тѣмъ Хаосъ продолжалъ мучаться въ родахъ, и Демогоргонъ извлекаетъ изъ него Пана и трехъ Парокъ; Пана онъ назначилъ правителемъ своего дома, сестеръ далъ ему въ услуженіе [1]). Polus родился при слѣдующихъ обстоятельствахъ: сидя у воды, Демогоргонъ слѣпилъ изъ глины [2]) небольшой шарикъ, который и назвалъ Полусъ; онъ-же, гнушаясь бездѣльемъ отцовскаго крова, поднялся въ воздухъ, и такъ какъ онъ былъ еще въ мягкомъ состояніи, такъ раздулся, что окружилъ собою все, созданное отцомъ. Но не было у него никакого убранства; и вотъ, когда однажды онъ присутствовалъ при работѣ отца, ковавшаго свѣтоносный шаръ [3]), онъ спряталъ за пазуху вылетавшія изъ подъ молота искры, которыми и украсилъ себя [4]). Подъ свѣтоноснымъ шаромъ разумѣется Phython [5]), другое порожденіе Демогоргона, которому, по разсказу Пронапида, надоѣла безконечная тьма, почему, взобравшись на Акрокеравнскія горы, онъ оторвалъ отъ нихъ громадную огневую глыбу, округлилъ ее клещами, затѣмъ выковалъ на кавказскихъ вершинахъ, шесть разъ окунулъ ее въ море за островомъ Тапробане и столько-же повращалъ въ воздухѣ, дабы она не уменьшалась при дальнѣйшемъ вращеніи, не ржавѣла и могла бы двигаться быстро—и она, блестящій шаръ, тотчасъ же взлетѣвъ на воздухъ, вступила въ обитель Polus'а, наполнивъ свѣтомъ отчій домъ [6]).

Все это вовсе не напоминаетъ стиль традиціонныхъ греческихъ миѳовъ и отзывается не то метафизическими, не то отреченными баснями Пронапида.

1) О Litigium сл. еще IV, 54.
2) Ex exili limo.
3) Солнце: lucis globum.
4) I, 6.
5) Вѣроятно, вмѣсто Phaethon.
6) I, 7.

Изъ дѣтей Демогоргона только у двухъ есть потомство: у Земли [1]) и Эреба [2]); послѣдній породилъ (по Цицерону) цѣлую массу отвлеченныхъ существъ, никогда не роившихся въ миѳической фантазіи народа: Любовь, Грацію, Трудъ, Зависть, Страхъ, Обманъ, Бѣдность и Голодъ, Старость, Сонъ и Смерть; Харона и День. Всѣ они безплодны; только у Эѳира [3]) есть дѣти — и изъ абстракцій первой книги мы вступаемъ наконецъ въ реальную генеалогію боговъ.

У Эѳира два сына: первый Юпитеръ и Coelius (то-есть, Уранъ). Вторая книга занята родословіемъ перваго Юпитера; у него дѣти: Минерва [4]), Sol [5]), Діана [6]), Меркурій [7]), Геркулесъ [8]), Прозерпина [9]), Либеръ [10]) — всѣ съ обозначеніемъ «первыхъ», въ отличіе отъ позднѣйшихъ одноименныхъ; наконецъ, Эпафъ [11]). Генеалогія Либера перваго, его сына Меркурія второго [12]) и внука Купидона [13]) доводитъ насъ до Улисса [14]); отъ Эпафа и его внуковъ Эгиста [15]) и Агенора [16]) рядомъ поколѣній мы доходимъ съ одной стороны до Деифилы [17]) и Аргіи [18]), съ другой до Лавдакидовъ и Полиникова сына Терсандра [19]).

Родословіе Целія-Урана, втораго сына Эѳира, занимаетъ

1) I, 9—13; между прочимъ, Ночь, Тартаръ, Fama.
2) I, 14—34; II, 1.
3) II, 1: Aether.
4) II, 3.
5) II, 5.
6) II, 6.
7) II, 7.
8) II, 9.
9) II, 10.
10) II, 11.
11) II, 19.
12) II, 12.
13) II, 13.
14) II, 11—17.
15) II, 27.
16) II, 44.
17) II, 42.
18) II, 43.
19) II, 75.

III-ю книгу; изъ числа его дѣтей выдѣляются: первая Опсъ [1]), Өетида великая [2]), первая Церера [3]), первый Вулканъ [4]), Меркурій [5]), Венера великая [6]), Венера вторая [7]); Титанъ [8]), Юпитеръ второй [9]), Океанъ [10]) и Сатурнъ [11]). Разсмотрѣны лишь порожденія первой Цереры [12]), перваго Вулкана [13]), Меркурія и второй Венеры [14]).

Четыре сына Целія-Урана съ ихъ поколѣніями выдѣлены въ особыя книги: Титанъ въ IV-ю, Юпитеръ второй въ V-ю и VI-ю, Океанъ въ VII-ю, Сатурнъ въ VIII-ю.

Въ многочисленномъ родѣ Титана [15]), стоитъ особо поколѣніе Гиперіона [16]), Япета [17]), Атланта съ сыновьями Эпиметеемъ, Прометеемъ и др. [18]); Астрея [19]); у Паллепе, дочери Титана, дочь Минерва [20]).

Въ V-й книгѣ разсмотрѣна лишь часть родословной Юпитера второго: первая Діана [21]), второй Аполлонъ съ его потомствомъ [22]),

1) III, 2.
2) III, 3.
3) III, 4.
4) III, 18.
5) III, 20; сл. II, 7, 12.
6) III, 22.
7) III, 23.
8) IV, 1.
9) V, 1.
10) VII, 1.
11) VIII, 1.
12) III, 4: у нея отъ сына Ахеронта внуки: Фуріи III, 6—9, Викторія — Побѣда, съ сыномъ Honor и внучкой Majestas III, 10—12, и Стиксъ съ отродьемъ адскихъ рѣкъ III, 14—17.
13) III, 19: у него сынъ Аполлонъ первый.
14) III, 24: съ сыномъ Купидономъ; сл. II, 13.
15) IV, 1.
16) IV, 2—15.
17) IV, 28—30.
18) IV, 31—51.
19) IV, 52—61.
20) IV, 64.
21) V, 2.
22) V, 3—23.

Вакхъ [1]), Лакедемонъ, родъ котораго доведенъ до Пенелопы [2]), Геркулесъ и его порожденіе [3]), Минерва, названная второю [4]), хотя двѣ уже встрѣчались [5]). — VI-я книга продолжаетъ родъ Юпитера второго въ области героической легенды: отъ его сына Дардана [6]) къ Иліону [7]) и его брату Ассараку [8]); родъ перваго доведенъ до Пріама и его сыновей [9]), родъ второго [10]) останавливается у преддверія римской исторіи съ Амуліемъ, Нумиторомъ и Иліей.

Въ родословной Океана, наполняющей VII-ю книгу, мы встрѣчаемъ Нерея съ дочерями-нимфами [11]) и цѣлый рядъ миѳологическихъ рѣкъ: Ахелой [12]), Инахъ [13]), Пеней [14]), Тибръ [15]) и др.; особенно Нилъ [16]), среди дѣтей котораго мы снова видимъ дублеты знакомыхъ именъ: Минерву [17]), Геркулеса [18]), Меркурія [19]) и его одноименнаго сына [20]), Вулкана [21]), у котораго сынъ Sol [22]), тогда какъ другой Sol названъ сыномъ самого Океана [23]).

1) V, 25.
2) V, 36—44.
3) V, 46—51.
4) V, 48.
5) II, 3; IV, 64.
6) VI, 1.
7) VI, 5.
8) VI, 49.
9) VI, 14—48.
10) VI, 49—73.
11) VII, 13—18, между прочимъ Ѳетидой VII, 16.
12) VII, 19—20: съ дочерями сиренами.
13) VII, 21.
14) VII, 27.
15) VII, 50.
16) VII, 30.
17) VII, 31; сл. II, 3; V, 48.
18) VII, 32; сл. II, 9; V, 46.
19) VII, 34.
20) VII, 36; сл. II, 7, 12; III, 20.
21) VII, 38; сл. III, 18.
22) VII, 40.
23) VII, 65; сл. II, 5; IV, 3.

Сатурнъ является въ VIII-й книгѣ съ дѣтьми: Вестой [1]), Церерой [2]), Плутономъ [3]), Пикомъ и его родословной до Латина, Лавиніи и Пренеста [4]).

Юнонѣ, Нептуну и третьему Юпитеру, также дѣтямъ Сатурна, отведены послѣднія книги Генеалогій: они родоначальники послѣдняго поколѣнія боговъ.

Юнона [5]) родила безъ участія мужа Гебу [6]) и Марса [7]); изъ его потомства отмѣтимъ Купидона [8]), Партаона, генеалогія котораго нисходитъ до Діомеда [9]), Флегія [10]) съ сыномъ Иксіономъ и пошедшими отъ него кентаврами [11]), наконецъ, Рема и Ромула [12]).

X-я книга занята мелкимъ отродьемъ Нептуна. Съ XI-й начинается потомство Юпитера третьяго, и Боккаччьо ставитъ общій вопросъ, какимъ образомъ отъ явленія многобожія снова перешли къ понятію если не единаго бога, то отца боговъ. Юпитеръ царилъ въ началѣ или въ пору разцвѣта героическаго поколѣнія и языческихъ поэтовъ-богослововъ. Онъ возвышался надъ другими людьми, самъ искалъ божескихъ почестей; его имя — Юпитеръ — издавно было славно, присвоено истинному богу [13]); наконецъ онъ и жилъ на Олимпѣ, а этимъ именемъ мы обозначаемъ небо. Все это повело къ тому, что его не только назвали отцемъ и властителемъ боговъ, не только перенесли на него, что разсказывалось о двухъ первыхъ Зевсахъ, но, что гораздо хуже, многое, касающееся истиннаго Бога, и наоборотъ,

1) VIII, 3; сл. III, 2: Веста, сестра и супруга Сатурна.
2) VIII, 4; сл. III, 4.
3) VIII, 6: дочь Veneratio с. 7.
4) VIII, 10—19.
5) IX, 1.
6) IX, 2.
7) IX, 3.
8) IX, 4; сл. II, 13; III, 24.
9) IX, 11—22.
10) IX, 25.
11) IX, 27—32.
12) IX, 40—1.
13) Vero deo attributum.

истинному богу вмѣнили принадлежащее Юпитеру: его прелюбодѣянія, измѣны и войны. Я знаю, что именитые мужи [1]) разумѣли въ такихъ миѳахъ не бога, а естественные акты природы, его созданія, но чтобы божественное могущество выражалось соблазнительными баснями—этого я не одобряю. Что же касается множества боговъ, то разумные люди видѣли въ нихъ лишь выраженія различныхъ свойствъ одного и того же истиннаго божества, дѣйствующаго какъ-бы черезъ своихъ слугъ, какъ-то разъясняетъ Апулей [2]), какъ и мы говоримъ о служителяхъ господняго правосудія (демонахъ), милосердія (ангелахъ) и тѣхъ, во власти которыхъ находится судьба и питаніе человѣка [3]).

Потомство Юпитера третьяго раздѣлилось неравномѣрно. Въ XI-й книгѣ встрѣчаемъ въ числѣ его дѣтей: Музъ [4]), Венеру [5]) съ сыномъ Амуромъ [6]), Прозерпину [7]), Кастора и Поллукса [8]), Елену и Клитемнестру [9]), Люцифера [10]), Оріона [11]), Миноса [12]), Сарпедона [13]), Радаманта [14]).—Въ XII-ю книгу отнесены другіе его сыновья: Танталъ съ его родомъ до Ореста [15]), Діонисъ [16]); затѣмъ: Персей, Аонъ, Эакъ, Пилумнъ, Меркурій [17]) и Вулканъ [18]), каждый съ своимъ потомствомъ. — Иракломъ и

1) Illustres viri.

2) De dogmate Platonis.

3) XI, 1: alios opportunitatum et victus, ut supercoelestia corpora.

4) XI, 2.

5) XI, 4; сл. III, 22, 23.

6) XI, 5; сл. I, 15.

7) XI, 6; сл. II, 10.

8) XI, 7.

9) XI, 8—9.

10) XI, 15.

11) XI, 19.

12) XI, 26.

13) XI, 34.

14) XI, 36.

15) XII, 1—23.

16) XII, 24.

17) XII, 62; сл. II, 7, 12; III, 20; VII, 34, 36. — У него сынъ Панъ XII, 69, сл. I, 4.

18) XII, 70; сл. III, 18; VII, 38.

Эоломъ и ихъ родами наполнена XIII-я книга и кончается потомство третьяго Зевса. Я могъ-бы присоединить къ нему и еще двухъ предполагаемыхъ сыновъ Зевса, говоритъ Боккаччьо въ послѣдней (71-й) главѣ: Александра Македонскаго и Сципіона Африканскаго, но такъ какъ въ ихъ время уже вышелъ изъ употребленія неразумный обычай — величать именитыхъ людей, возводя ихъ къ отродью боговъ, и настали вѣка, когда слава добывалась доблестью, мнѣ казалось, что было бы смѣшно прославить ихъ такимъ образомъ. Къ тому же честолюбивые вымыслы, придуманные или только молчаливо допущенные, не легко возбуждаютъ довѣріе [1]). Александръ попустилъ разсказывать, что Зевсъ, подъ видомъ змѣи, смѣшался съ его матерью: молвой объ ея цѣломудріи онъ пожертвовалъ изъ желанія прослыть сыномъ бога; что за пустое, презрѣнное стремленіе къ славѣ! Вотъ почему мы устранимъ его по праву, дабы онъ не пользовался плодами обмана, когда могъ вызвать хвалы своею доблестью [2]). И о Сципіонѣ разсказывали въ народѣ, что онъ сынъ Зевса, но, какъ человѣкъ мудрый, онъ никогда не утверждалъ этого, хотя и не отрицалъ; и такъ какъ, казалось, онъ самъ молчаливо устранялъ отъ себя эту пустую честь, умолчу о ней и я, положивъ конецъ отродью Зевса, а вмѣстѣ и этой книжицѣ.

Пересказывая фактическое содержаніе Генеалогій боговъ, я имѣлъ главнымъ образомъ ввиду выяснить распорядокъ ихъ матеріала; самъ по себѣ онъ указываетъ на пріемы автора, на преобладаніе компилятивно-собирательнаго элемента надъ критицизмомъ—при желаніи критики. Мы особенно подчеркнули серіи одноименныхъ боговъ, по которымъ располагаются ихъ главные роды, и на повтореніе однихъ и тѣхъ же именъ въ разныхъ генеалогіяхъ. Боккаччьо видимо старается разобраться во множествѣ созвучныхъ именъ и образовъ, распредѣляетъ между ними символическіе аттрибуты и успокоивается на этомъ, нерѣдко

1) Non satis juste conceditur.

2) Qui virtute poterat laudari.

субъективномъ распредѣленіи. У Цицерона и Теодонція онъ прочелъ о Купидонѣ, сынѣ Меркурія и первой Діаны; это былъ, вѣроятно, красивый юноша, оттого на него и перенесли имя Купидона, сына Венеры, и изображали крылатымъ, потому что онъ былъ быстръ на бѣгу [1]). Поищемъ настоящаго Купидона: такъ звался сынъ второй Венеры, рожденный ею безъ мужа, какъ утверждаетъ поэтъ Симонидъ по свидѣтельству Сервія, «но такъ какъ о немъ придется разсказать многое въ другомъ мѣстѣ, я ограничусь здѣсь его упоминаніемъ» [2]); о немъ подробно говорится въ IX, 4,—но какъ о сынѣ Венеры и Марса.—Или обратимся ко многимъ Меркуріямъ Генеалогій: первый—сынъ перваго Юпитера и нимфы Cilene, какъ училъ Леонтій; его характеристика и символика у латинскихъ поэтовъ приводитъ къ заключенію, что имѣется ввиду планета Меркурій съ ея астрологическими свойствами. Шляпа Меркурія указываетъ, напримѣръ, на планету, почти всегда скрывающуюся въ лучахъ солнца, на настроеніе человѣка, подверженнаго вліянію свѣтила: онъ хитро скрываетъ свои замыслы. Меркурій своимъ кадуцеемъ выводитъ души изъ Орка: планета вліяетъ на зародышъ въ утробѣ матери, именно на шестомъ мѣсяцѣ, когда въ зародышъ вселяется разумная душа; богъ какъ бы выводитъ ее изъ Орка. Меркурій владѣетъ вѣтрами; холодная планета нерѣдко вызываетъ ихъ и т. д. При этомъ не обращено вниманіе на то, что въ цитатѣ Горація Меркурій названъ внукомъ Атланта; черта, не отвѣчающая его родословной у Боккаччьо, но авторъ могъ бы отвѣтить намъ, что это перенесено на его Меркурія такъ же, какъ его смѣшеніе съ другими соименниками повело къ признанію его богомъ краснорѣчія, купцовъ и воровъ [3]).—Второй Меркурій (по Теодонцію и Корвилію)—сынъ Либера и Прозерпины; по Леонтію, къ мнѣнію котораго Боккаччьо склоняется, онъ прозванъ Стильбономъ за

1) II, 13.
2) III, 24.
3) II, 7.

свою быстроту; человѣкъ красивый, краснорѣчивый, замѣчательно способный на всѣ ручныя подѣлки [1]); онъ и есть патронъ воровъ. Имя бога на него перенесено, какъ и аттрибуты другихъ Меркуріевъ [2]).—Отъ Целія родился третій Меркурій, Гермесъ по Варлааму, которому слѣдуетъ здѣсь Боккаччьо [3]): въ Египтѣ онъ научился ариѳметикѣ, геометріи и астрологіи, но его спеціальность медицина. И его также прозвали Меркуріемъ и совершилось то же перенесеніе символовъ, но съ другимъ толкованіемъ, наивнымъ въ своей произвольности. Мы помнимъ, какое значеніе давалось шляпѣ, кадуцею, вѣтрамъ при Меркуріи—планетѣ; тѣ же аттрибуты выражаютъ теперь иное содержаніе: шляпа — это покрывающее насъ небо съ его свѣтилами, вліяющими на здоровье больного, указывающими и на цѣлебныя средства; именно небо особенно подобаетъ наблюдать и знать врачу; кадуцей—это жезлъ, символъ его знанія, авторитетъ, переданный ему изобрѣтателемъ медицины, Аполлономъ; вѣтры—это ложныя представленія больнаго, которыя врачъ устраняетъ своими доводами, либо вѣтры, отъ которыхъ онъ его освобождаетъ. — Гермесъ Трисмегистъ (сынъ Нила) и его сынъ были мудрые, ученые люди, на которыхъ также перевели имя божества: это четвертый и пятый Меркуріи [4]). На послѣдняго перешли и знакомые намъ символы, но у него есть и своя спеціальность: Теодонцій говоритъ о немъ, что онъ удалился изъ Египта на крайній западъ, гдѣ научилъ жителей многому, касающемуся торговли, мѣръ и вѣсовъ, почему его почитали богомъ купцовъ; его аттрибутъ, пѣтухъ [5]), обозначаетъ ихъ ночную бдительность, ибо въ это время они вьючатъ товары, сводятъ счеты [6]) и путешествуютъ; его не даромъ про-

1) Manualia opera.

2) II, 12.

3) III, 20.

4) VII, 34, 36.

5) VII, 36: gallus illius apponitur cingulo.

6) In componendis mercimoniis et in revidendis rationibus.

звали Трифономъ, то-есть, на всѣ руки [1]), ибо таковъ норовъ купцовъ, что они прилаживаются къ обычаямъ всякаго народа, дѣла свои устраиваютъ ловко, хитро заплетая рѣчи [2]).

Остается еще шестой Меркурій, сынъ (третьяго) Юпитера и Майи: Меркурій вульгаты [3]). Теодонцій считаетъ именно его богомъ краснорѣчія, по какой причинѣ, не знаю, говоритъ Боккаччьо, но полагаю, что какой-нибудь изъ Меркуріевъ почитался таковымъ, ибо по мнѣнію математиковъ (то-есть, астрологовъ) всѣ звучащіе органы нашего тѣла находятся подъ вліяніемъ планеты Меркурій. Оттого онъ и явился богомъ краснорѣчія и вѣстникомъ боговъ — и Боккаччьо принимается толковать съ этой точки зрѣнія ту самую символику, которую онъ дважды объяснялъ при Меркуріѣ — планетѣ и Меркуріѣ — богѣ врачества: шляпа — это прочный покровъ краснорѣчія противъ молніеносныхъ ударовъ зависти; кадуцей, которымъ выводятся души изъ Орка — это сила краснорѣчія, многихъ вырывавшая изъ пасти смерти; кто извлекъ изъ Орка Милона, Помпилія Лената, если не слово Цицерона? Меркурій возбуждаетъ вѣтры, краснорѣчіе — страстныя движенія, какъ, напримѣръ, рѣчь Куріона къ Цезарю подъ Римини и т. д.

Содержаніе символа предполагается такимъ образомъ видоизмѣняющимся, двоящимся, троящимся при одномъ и томъ же образѣ — и эта точка зрѣнія можетъ быть защищена принципами новѣйшей миѳологической экзегезы, потому что по мѣрѣ того, какъ развивается внутреннее содержаніе божества, и его аттрибутамъ начинаютъ придавать не тотъ смыслъ, какой они имѣли ранѣе. Но чтобы заключить такимъ образомъ, необходимо, чтобы матеріалъ символики былъ разобранъ критически, распредѣленъ по времени и качествамъ источника. Этого Боккаччьо не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и его взгляды на тожде-

1) Conversibilem.

2) Quadam astuta sermonis circumvolutione.

3) XII, 62.

ство миѳа и поэзіи покоились, какъ мы видѣли, на гипотезѣ личнаго вымысла, а это уравнивало въ его глазахъ права древняго миѳическаго аттрибута и, напримѣръ, описанія Вѣчности у какого нибудь Клавдіана [1]). Такимъ образомъ его анализъ содержательнаго развитія символа вызванъ не органическимъ его пониманіемъ, а необходимостью привести его въ соотвѣтствіе съ однимъ изъ усвоенныхъ имъ взглядовъ на значеніе языческихъ боговъ. Они могли быть выраженіемъ какого-низудь физическаго закона, созданія, принятаго за создателя, но могли быть и просто именитыми людьми, героями, изобрѣтателями, возведенными въ боги. Боккаччьо колебался и приравнивалъ символъ къ той или другой возможности: Аполлону врачу приписана, напримѣръ, лира, потому что какъ согласіе струнъ производитъ мелодію, такъ правильное біеніе пульсовъ — здоровье. Но Аполлонъ, можетъ быть, и солнце, въ такомъ случаѣ лира имѣетъ отношеніе къ мелодическому вращенію небесныхъ сферъ и т. п. [2]).

Толкованіе символовъ приготовило насъ къ толкованію миѳовъ вообще, то-есть, къ той части Генеалогій, которой Боккаччьо давалъ едва-ли не большее значеніе, чѣмъ накопленію и распредѣленію фактическаго матеріала. Онъ такъ же тщательно собиралъ и отмѣчалъ старыя и новыя объясненія миѳовъ, отъ Лактанція и Фульгенція до Паоло изъ Перуджіи и Леонтія Пилата— и самъ пускался въ экзегезу. Причудливыя фантазіи Фульгенція нерѣдко ставили и его въ тупикъ: Фульгенцій говоритъ не кстати [3]), по своему обыкновенію усматриваетъ всюду превыспренній смыслъ, котораго не имѣли въ виду создатели миѳа [4]) — но иныя объясненія самого Боккаччьо могли бы вызвать ту же оцѣнку. Онъ отмѣчаетъ себѣ [5]) разумное мнѣніе Августина, что

1) I, 1.

2) V, 3.

3) IV, 24: minime opportunam verborum effundens copiam.

4) IV, 30: Fulgentius autem more suo ex abysso conatur in aethera educere intellectum; сл. XI, 7 и XIII, 58.

5) IV, 68.

не во всякомъ разсказанномъ событіи слѣдуетъ искать смыслъ, иное прибавлено просто для разсказа, какъ и въ музыкальныхъ инструментахъ лишь струны отвѣчаютъ цѣлямъ пѣнія, не тѣ части, къ которымъ онѣ прилажены. Но именно Боккаччьо стремится объяснить по возможности все; это та же склонность къ микроскопической обстоятельности, къ выписыванію мелочей, которую мы наблюдаемъ въ стилистѣ Декамерона.

Его взгляды на значеніе миѳа не отличаются отъ тѣхъ, на которыхъ онъ воспитался чтеніемъ другихъ толкователей. Въ Генеалогіяхъ [1]) онъ говоритъ, слѣдуя Варрону, о трехъ видахъ богословія: общественномъ [2]), миѳическомъ и физическомъ: это дѣленіе стоиковъ. Подъ общественной теологіей онъ разумѣлъ область культа, подъ миѳической (или мистической) баснословные разсказы поэтовъ о богахъ, разсказы, скрывавшіе подъ личиной миѳа дѣйствительныя историческія отношенія. Это область евгемеризма, къ которой стоики относились отрицательно; ихъ толкованія касались физической теологіи, раскрывавшей въ миѳѣ выраженія природныхъ явленій и разумнаго міроваго устройства. Если въ De Claris Mulieribus Боккаччьо стоялъ на сторонѣ евгемеризма, то въ Генеалогіяхъ Боговъ онъ является поочередно сторонникомъ то исторической, то физической экзегезы; раціоналистомъ, иногда очень забавнымъ. Дочери Прета, красавицы, осмѣлились возгордиться предъ Юноной, и богиня наказала ихъ тѣмъ, что онѣ вообразили себя коровами; Мелампъ исцѣляетъ ихъ, очистивъ въ источникѣ, вода котораго дѣлала человѣка трезвымъ [3]). Онѣ, стало быть, были просто охочи до вина и, однажды охмѣлѣвъ, стали возноситься надъ отцемъ; гнѣвъ Юноны — это его гнѣвъ [4]). Пигмаліонъ изваялъ изъ слоновой кости образъ красавицы, которую, по его просьбѣ, Венера оживи-

1) XV, 8.
2) Civilis seu politica.
3) Abstemius.
4) II, 30.

вила; полагаю, говоритъ Боккачьо, что Пигмаліонъ подозрительно относился къ цѣломудрію взрослыхъ дѣвушекъ, почему и выбралъ себѣ дѣвочку [1]), бѣлую и нѣжную, какъ слоновая кость, ее онъ и воспиталъ согласно съ своимъ нравомъ [2]). По приказанію Юпитера Меркурій сгоняетъ стадо къ берегу, гдѣ обыкновенно рѣзвилась съ подругами Европа, которую Юпитеръ и похищаетъ, принявъ образъ быка. Меркурій—это какой-нибудь ловкій сводникъ, выманившій красными словами дѣвушку изъ города на берегъ, либо купецъ, увлекшій ее на корабль обѣщаніемъ показать ей драгоцѣнныя вещи; что до Юпитера, обратившагося въ быка, то изображеніемъ бѣлаго быка украшенъ былъ его корабль, про то знаютъ и полоумныя старухи [3]). Семела — беременная женщина, убитая молніей [4]); Лаомедонтъ не вернулъ денегъ, взятыхъ имъ заимообразно на построеніе стѣнъ и назначенныхъ на требы Нептуну и Аполлону, а такъ какъ затѣмъ случились наводненіе и моръ, которые насылаются этими богами, то и стали разсказывать, что они сами работали надъ возведеніемъ стѣнъ и, обсчитанные Лаомедонтомъ, наказали его такимъ образомъ [5]).

Въ другихъ случаяхъ натуръ-философскому объясненію отдается предпочтеніе передъ историческимъ раціонализмомъ. Мы уже знаемъ, что подъ Меркуріемъ первымъ разумѣется планета, то-же толкованіе допускается и для Амура [6]), и для Оріона [7]). Въ миѳѣ о Тифеѣ, на котораго Зевсъ обрушилъ Сицилію, раскрываются причины землятрясеній [8]); пень Мелеагра объясняется,

1) Virgunculam.

2) II, 49.

3) II, 62: jam apud deliras aniculas vulgatum est; сл. De Clar. Mul. c. 9 и выше стр. 220—1.

4) II, 64.

5) VI, 6.

6) XI, 5.

7) XI, 19.

8) IV, 22.

какъ жизненная влага [1]); мальчикъ Гіацинтъ, любимый Аполлономъ-солнцемъ, убитый Бореемъ — цвѣтокъ этого имени [2]). Въ миѳѣ объ Іо объясненіе выходитъ изъ области физическаго процесса къ правоученію: Зевсъ-солнце возлюбилъ дочь рѣки Инаха, то-есть, жизненную влагу человѣческаго сѣмени; дабы воздѣйствовать на нее, онъ окружилъ ее мракомъ, чтобъ отвести глаза Юнонѣ и, когда та разсѣяла его, обратилъ Іо въ корову: мракъ — утроба матери, откуда Юнона, помощница при родахъ, выводитъ на свѣтъ ея плодъ. Далѣе Боккаччьо допускаетъ передержку: Аргусъ, приставленный къ Іо, не къ ея сыну, толкуется какъ многоочитый разумъ, данный въ охрану новорожденному и усыпляемый Меркуріемъ, то-есть, лукавыми побужденіями плоти и т. д. [3]).

Нерѣдко миѳъ объясняется чисто внѣшней аллегоріей, игрой словъ, совпаденіемъ. О Гіадахъ, дочеряхъ Атланта, говорили, что онѣ перенесены въ созвѣздіе Тельца; сколько звѣздъ въ его головѣ, столько было и Гіадъ; перенесеніе представленія и имени совершилось случайно, въ шутку [4]). Такъ появленіе птицъ у костра Мемнона подало поводъ къ разсказу о его обращеніи въ птицу [5]), и сходно толкуется превращеніе Левкотеи [6]). Сатурна, явившагося въ Италіи, назвали сыномъ неба, потому что о людяхъ замѣчательныхъ или внезапно явившихся мы часто говоримъ, что они съ неба упали [7]). Горгоны, всѣхъ привлекавшія своей красотой, названы дочерьми Форка и морскаго чудовища (по Теодонцію), ибо о морскомъ чудовищѣ, именно китѣ [8]), разсказываютъ люди, изслѣдовавшіе природу животныхъ, что когда

1) IX, 15, 19: согласно съ Паоло изъ Перуджіи.
2) IV, 58.
3) VII, 22.
4) IV, 33.
5) VI, 11.
6) XII, 38.
7) VIII, 1.
8) Balena.

онъ разѣваетъ пасть, все наполняется благовоніемъ, на которое идутъ рыбы, а онъ ихъ пожираетъ, пока не насытится [1]). Любовники Цирцеи [2]) добивались ея расположенія дарами, а чтобы добыть ихъ, принуждены были пускаться на разныя грязныя дѣла; таково значеніе звѣриныхъ образовъ, въ которыя будто бы зачаровала ихъ Цирцея [3]); но и теперь еще у ея горы жители слышатъ ревъ дикихъ звѣрей [4]).

Можно было-бы попытаться выдѣлить изъ числа толкованій особую группу, которая должна была отвѣтить вкусамъ Боккаччьо: нравственно-аллегорическую; хотя точное выдѣленіе невозможно. Толкуя, напримѣръ [5]), объ Эребѣ, который отождествляется съ Тартаромъ, адомъ и т. д., Боккаччьо говоритъ объ обычномъ представленіи мѣста мученій въ нѣдрахъ земли — но предполагаетъ, что мнѣніе древнихъ мудрецовъ было иное: что тѣ страшные образы, которые Виргилій помѣщаетъ въ преддверіи своего Эреба, не что иное, какъ внѣшнія причины, вызывающія душевныя страданія человѣка, или внутреннія причины, выражающіяся во внѣшнихъ образахъ [6]). Въ легендѣ о Пазифаѣ она сама—душа, управляемая разумомъ (Миносъ), но совращенная вожделѣніемъ (Венерой) къ мірскимъ соблазнамъ (быкъ), которые доводятъ до скотскаго порока (Минотавръ) [7]); Энцеладъ, ворочающійся подъ бременемъ Этны—образъ надменнаго, яростнаго человѣка [8]); Гарпіи — заботы и безпокойства, гложущія скупцовъ [9]); Эхо — слава [10]) и т. д.

1) X, 10.

2) Она — meretrix famosa.

3) IV, 14.

4) Сл. Virg. Aen. VII, 10 слѣд. и толкованіе бл. Августина, на которое намекаетъ и Петрарка, It. Syr. у Lumbroso, l. c. стр. 33, и выше стр. 221, 226 и прим. 5.

5) I, 14.

6) Сл. у третьяго ватиканскаго миѳографа = Альберика отдѣлъ о Плутонѣ, Bode, Scriptores rerum mythicarum I, стр. 176, § 5, стр. 187, § 22.

7) IV, 10.

8) IV, 25.

9) IV, 59.

10) VII, 59.

Боккаччьо зачастую не ограничивается однимъ какимъ-нибудь толкованіемъ миѳа, а предлагаетъ ихъ нѣсколько, на выборъ, какъ, напримѣръ, и Альберикъ; это то-же колебаніе и изобилованіе, какъ при символикѣ, ибо и миѳъ можетъ имѣть то или другое значеніе. Для Боккаччьо эта многозначительность аллегоріи — принципъ, о которомъ онъ предупреждаетъ съ самаго начала, который разъясняетъ примѣромъ Персея, убивающаго Горгону и побѣдоносно улетающаго. Этотъ разсказъ можетъ имѣть дословный, историческій смыслъ [1]), но и нравственный [2]): побѣда разумнаго мужа надъ порокомъ и обращеніе къ добродѣтели; либо аллегорическій: презрѣніе къ мірскимъ соблазнамъ и пареніе къ небу; наконецъ анагогическій: побѣда Христа надъ княземъ міра сего и его вознесеніе [3]).—Такія параллельныя толкованія проходятъ черезъ всю книгу. Семела, напримѣръ, означаетъ, какъ мы видѣли, беременную женщину—или и виноградную лозу [4]). Различные образы, принимаемые Протеемъ, либо человѣческія страсти, которыя символически ими выражаются [5]), либо измѣнчивое, въ своей образности, журчаніе водъ [6]), ибо волхвованіе гидромантіей совершалось при ихъ теченіи [7]). Цирцея запретила Улиссу касаться стада, которое пасутъ въ Сициліи нимфы Фаэтуза и Лампетія, дочери Солнца и Нереи (Неэры), но товарищи Улисса посягнули на него по уговорамъ Эврилоха, за что и были наказаны. Солнце и Нерея, т. е. жаръ и влага, производятъ лѣса и пастбища, подающія стадамъ тѣнь и питаніе; въ этомъ смыслѣ нимфы и названы блюстительницами стада, то-есть питающими растительную и чувственную душу; но разумная душа должна умѣренно пользоваться этой пищей, не поддаваться

1) Historialis.
2) Moralis.
3) I, 3.
4) V, 25.
5) Rei similitudinem gerentes.
6) Quae sui cursus murmure plurimas imitantur formas.
7) VII, 9.

соблазнамъ чувственности (Эврилоху), иначе она подлежитъ смерти. Но можно объяснить этотъ миѳъ и такъ, что когда неблагопріятная погода задержала Улисса въ Сициліи, его товарищи такъ предались явствамъ и питію и женщинамъ, что, выйдя снова въ море, пренебрегли необходимыми мѣрами и погибли. Такъ и воиновъ Аннибала изнѣжила и погубила капуанская нѣга [1]).

Такимъ образомъ миѳы оказывались поочередно отраженіемъ историческаго прошлаго, нравоучительнымъ апологомъ, откровеніемъ естественныхъ законовъ. Ихъ содержаніе серьезнѣе, чѣмъ можно было-бы судить по ихъ часто соблазнительной оболочкѣ; говоря, по поводу Стикса [2]), о двухъ родахъ скорби [3]), Боккаччьо выдѣляетъ ту, которая бываетъ вызвана внутреннимъ сознаніемъ нашей неправедности: это сознаніе и питаетъ ту добродѣтель, которая побудила язычниковъ обращаться къ своимъ богамъ, христіанамъ указываетъ путь къ вѣчному блаженству [4]). Язычники могли заблуждаться, но ихъ побужденіемъ была добродѣтель. Логически это воззрѣніе не имѣетъ ничего общаго съ средневѣковымъ взглядомъ на языческія божества, какъ на дѣйствительныя демоническія силы; этотъ взглядъ мы встрѣчаемъ отчасти въ эпизодахъ Дантовскаго ада; Петрарка и Боккаччьо освободились отъ него на высотѣ поэтическаго синкретизма, безмятежно орудовавшаго именами и легендами классическихъ боговъ для выраженія христіанскихъ сущностей; въ Генеалогіяхъ мы встрѣчаемъ его снова, онъ вторгается со стороны, непослѣдовательно, внѣ всякой связи съ общей системой толкованія. Только что объясненъ былъ физическимъ явленіемъ миѳъ о рожденіи Аполлона и Діаны, и тутъ-же говорится, что неизвѣстно

1) IV, 6. Сл. еще IX, 37, XI, 19, 22 и passim.

2) III, 14; сл. Com. II, 76 и Pietro Alighieri къ Inf. VII.

3) Tristitia.

4) Nam ex minus bene commissis dolere et tristari nil aliud est, quam alimenta praebere virtuti per quam in deitates suas gentiles ruere, et nos christiani in beatitudinem imus aeternam.

по какимъ чарамъ [1]) демонъ долгое время пророчилъ на Делосѣ подъ именемъ Аполлона [2]); въ слѣдующей главѣ [3]) онъ уже названъ діаволомъ [4]); Эскулапъ привезенъ въ Римъ въ образѣ змѣи, по дѣйствію діавола [5]); некромантія и узнаваніе будущаго дѣло нечистыхъ духовъ [6]); Боккаччьо дивится на развалины храма Самосской Юноны: сколько труда и ума положено было здѣсь — чтобы послужить діаволу! [7]).

Отъ «добродѣтели», побуждавшей язычниковъ создавать себѣ боговъ—въ смутномъ чаяніи истиннаго бога, отъ боговъ, какъ выраженія одной и той же божественной сущности, до вѣры въ реальныхъ, враждебныхъ демоновъ существуетъ несомнѣнно логическій скачекъ, который Боккаччьо едва-ли сознавалъ: «добродѣтель» подсказана была ему его любовью къ классикамъ, смутнымъ пониманіемъ эволюціи религіозной мысли, демонизмъ упрочившимся взглядомъ, боязливымъ оберегомъ своей католической репутаціи. Желаніе спасти любимую поэзію отъ напрасныхъ нареканій находило здѣсь свои границы: недаромъ онъ глумится надъ языческими божествами, постоянно напоминаетъ намъ, что онъ человѣкъ вѣрующій, читаетъ въ XV книгѣ [8]) символъ вѣры, и его введенія въ отдѣльныя книги Генеалогій кончаются молитвеннымъ обращеніемъ къ тріединому Богу [9]). Въ его защитѣ поэзіи отъ укоровъ христіанскихъ блюстителей чувствуется порой какъ-бы суевѣрный страхъ: что если это такъ!

1) Nescio cujus maleficio.
2) IV, 20·
3) IV, 21.
4) Сл. еще введеніе въ V-ю книгу.
5) V, 19; сл. VI, 6.
6) VI, 53; сл. XI, 40.
7) IX, введеніе.
8) Гл. 9.
9) Сл. введеніе въ кн. II—XV.

V.

Введенія въ отдѣльныя книги Генеалогій показываютъ въ ихъ авторѣ ту-же внимательность къ литературной обработкѣ и то-же стремленіе къ картинности и разнообразію, какія онъ обнаружилъ въ прологахъ къ De Casibus. Онъ началъ съ Демогоргона и, чтобы лицезрѣть его и его ближайшее отродье, спустился въ своей ладьѣ въ глубь земли на стигійскія воды (сл. послѣсловіе къ посвященію королю Гуго). Путь былъ трудный, среди мрака и тумана, но вотъ ладья выводитъ его на свѣтъ, родъ Эѳира и его сына, Юпитера, увлечетъ его къ берегамъ Египта и Сиріи—и къ царству короля Гуго, Кипру [1]). Онъ плыветъ по «древнему морю заблужденій», когда среди волнъ и скалъ ему предсталъ древній старецъ, философъ Нуменій. Боккаччьо развиваетъ здѣсь [2]) фразу Макробія [3]), будто Нуменію боги объявили въ сновидѣніи свой гнѣвъ, что своимъ толкованіемъ онъ оповѣстилъ людямъ таинства Елевзиса. И меня, какъ всѣхъ богослововъ, то-есть поэтовъ [4]), занимало то-же, что и тебя, предупреждаетъ автора Нуменій и разсказываетъ, какъ однажды въ глубокомъ снѣ онъ увидѣлъ елевзинскихъ богинь: онѣ были въ одеждѣ блудныхъ женъ и отдавались каждому приходящему. Нуменій дивится: что сталось съ цѣломудренными богинями? а онѣ отвѣчаютъ ему гнѣвно: Тебѣ ли спрашивать, преступный сводникъ? Самъ ты всему причиной, насъ, дѣвственныхъ и цѣломудренныхъ, ты схватилъ за волосы и насильно влечешь на общественный позоръ [5]). Хотя и одержимый сномъ, Нуменій понялъ, чего не уразумѣлъ на яву: что священныя таинства удѣлъ немногихъ — и онъ оставилъ свое намѣреніе, уговариваетъ оста-

1) II, введеніе.
2) III, введеніе.
3) In somnium Scipionis I, c. 2; сл. Gen. Deor. I, 3.
4) Theologizantium, scilicet poetarum.
5) In publicum lupanar.

вить и Боккаччьо примѣрами Ерпзихоона, Пентея, Ніобы; тайны божества нельзя безнаказанно открывать людямъ. Изъ какихъ областей явился ты? спрашиваетъ его авторъ, съ трудомъ останавливая ладью; судя по сѣрному запаху и по закоптѣлому лицу — видно, что изъ ада. Это Плутонъ хочетъ запугать меня, какъ прежде стращалъ язычниковъ. Но пали старыя цѣпи, притупилось оружіе древняго врага, мы побѣдили, искупленные драгоцѣнною кровью. Я не открываю ложницъ твоихъ богинь, обителей твоихъ боговъ, чтобы увидѣть ихъ мерзость, а дабы показать, что поэты, если право было ихъ представленіе о богѣ, достойны славы и уваженія. Ты пугаешь меня гнѣвомъ боговъ! Но и тебѣ и имъ и всѣмъ столь же неразумно вѣрующимъ — единъ Богъ Іисусъ Христосъ. — Тутъ Нуменій исчезъ, и авторъ готовъ выплыть въ Эгейское море—разыскивать родъ Целія, съ молитвой къ Тому, кто послалъ волхвамъ путеводную звѣзду.

Введеніе въ IV-ую книгу продолжаетъ эту картину: поднимается страшная буря, точно титаны снова пошли на приступъ неба — и авторъ прославляетъ молніи Юпитера, молитъ удвоить наказанія, цѣпи для преступныхъ. Буря улеглась по повелѣнію Божію [1]), авторъ можетъ, наконецъ, выйдти въ море и издали созерцать исполинскія тѣла титановъ, полуобожженныя, почернѣлыя, съ знаками цѣпей по всему тѣлу. — Но вѣтры стихли, парусъ лѣниво и устало прильнулъ къ мачтѣ; если Юпитеръ утомился, меча молнію, можетъ отдохнуть и авторъ: онъ выходитъ на аттическій берегъ, взобрался на холмъ, осматривается, и память подсказываетъ ему: вотъ горы Аркадіи съ ихъ миѳологическими воспоминаніями; Аѳины, скорѣе ихъ развалины; авторъ смѣется надъ неразуміемъ людей, которые считали ихъ безсмертными [2]); а какъ они блистали въ былое время своими философами и поэтами, славой царей и побѣдами! Двуглавый Парнассъ вызываетъ въ авторѣ чувство благоговѣнія; онъ скорбитъ о запу-

1) Jubente deo.

2) Сл. этимологію въ V, 48.

стѣніи касталійскаго источника; видитъ гротъ дельфійскаго Аполлона, гдѣ древній врагъ увлекалъ къ гибели своими вѣщаніями — теперь онъ нѣмъ и безсловесенъ, нѣтъ ни статуй, ни драгоцѣнныхъ камней, все поросло ползучими растеніями, такова Божія воля, возвѣщаемая не запутанными рѣчами [1]), а голосомъ святыхъ и пророковъ. Далѣе: видѣніе Ѳивъ, Лакедемона (второго ока Греціи), Коринѳа [2]).

Ладья пристала къ устьямъ Тибра; авторъ уже готовъ отдаться своимъ археологическимъ впечатлѣніямъ («золотой Римъ», славный своею священной бѣдностью), какъ память о Дарданѣ (родоначальникѣ Энея и Энеадъ) побуждаетъ его повернуть къ меонійскому берегу [3]). Лишь недавно покинулъ онъ Эльзу, что̀ у Чертальдо, и тосканскій Арно, для далекаго плаванія, какъ внезапно перенесенъ къ берегамъ Океана и объятъ трепетомъ: вся слѣдующая книга посвящена отродью Океана [4]). Въ бурю поднимается туманное, зловредное свѣтило Сатурна [5]), и слѣдуетъ его генеалогія; авторъ держитъ путь къ Италіи [6]), но затѣмъ къ Самосу, гдѣ развалины храма Юноны вызываютъ въ немъ горькія размышленія: люди, христіане, способны на все, когда дѣло идетъ объ ихъ обогащеніи: сверлить нѣдра горъ, странствовать по сѣвернымъ снѣгамъ, испытывать жару эѳіоповъ, усыплять ливійскихъ змѣй, бороздить океанъ, а коли можно, пробраться и на небо; но они же грабятъ на морѣ, устраиваютъ засады на дорогахъ, вламываются въ дома, лжесвидѣтельствуютъ [7]), проливаютъ невинную кровь, всюду, гдѣ можно, тиранствуютъ и насильничаютъ. Но къ чему это обогащеніе, къ чему бренная роскошь палатъ и пировъ и утвари, когда нашей честью, нашей красой и

1) Implicitis vocibus.
2) Введеніе въ V-ю книгу.
3) Введеніе въ VI-ю книгу.
4) Введеніе въ VII-ю книгу.
5) Введеніе въ VIII-ю книгу.
6) Введеніе въ IX-ю книгу: in Laurentium littus.
7) Falsas signare tabellas.

славой владѣютъ недостойные? Славный городъ Іерусалимъ въ рабствѣ у агарянъ, христіанскія святыни обезчещены мерзостью варваровъ! Что за непростительный позоръ! Жители небольшого острова вытесывали изъ горъ колонны, отрывали громадные камни, тратили массу золота, чтобы возвести храмъ непотребной женщинѣ, а Европа не думаетъ вывести въ море свои флоты, взяться за оружіе, чтобы вырвать святыню изъ рукъ трусливыхъ враговъ, смыть съ насъ позорное пятно, возвести храмъ не на землѣ, а вѣчный, на небѣ! Но къ чему даромъ тратить слова? Косныхъ накажетъ Господь, онъ обездолитъ и любостяжателей.

Десятая книга, посвященная роду Нептуна, заводитъ ладью автора въ Средиземное море; его восторженный панегирикъ культурному значенію мореходства [1]) напоминаетъ рѣчи Стильбона въ XIII эклогѣ [2]); обмѣнъ товаровъ вызываетъ общеніе народовъ, ихъ нравовъ [3]) и языковъ — и Боккаччьо не находитъ на этотъ разъ тѣхъ возраженій, которыя влагалъ когда-то въ уста Дафниса.

Изъ Ахайи ладья принесла автора въ Сицилію. Ему осталось разсказать генеалогію третьяго Юпитера, котораго почитали отцомъ и царемъ всѣхъ боговъ. Но какъ быть? Ему не взобраться на небо, не увидѣть всего, о чемъ знали «священные богословы язычества»: каковы палаты Зевса, какъ боги собираются тамъ на совѣщанія, какъ изрекаются законы и распредѣляются власти на устроеніе смертныхъ. Авторъ палъ духомъ, когда его ладью внезапно увлекло къ Криту; тутъ повязка спала съ его глазъ и, просвѣщенный свыше, онъ призналъ колыбель и гробницу Юпитера, не того, кого онъ мнилъ правителемъ неба, а простого смертнаго [4]).

1) Введеніе въ X-ю книгу.

2) Сл. выше т. I, стр. 15; т. II, стр. 58—9.

3) Ritus.

4) Proletarii Jovis; сл. введеніе въ XI-ю книгу.

Когда пройдена большая часть пути, возницѣ полагается дать конямъ передохнуть, напиться и попастись по цвѣтущему лугу [1]), пока самъ онъ выпьетъ и поспитъ у гостинника; пахарь отпрягаетъ воловъ и пускаетъ ихъ на свободу, хотя и не все поле еще взорано, а самъ, поѣвъ, пѣсней забывается въ лѣсной тѣни отъ тяжелаго труда. Такъ поступаетъ и воинъ, такъ хочетъ поступить и Боккаччьо; кстати, частыя остановки полезны для памяти. И вотъ онъ представляетъ себѣ, что вышелъ на авзонійскій, бѣдный пристанями [2]) берегъ и любуется остатками древности: здѣсь Кумы, храмъ Дедала и гробница Мизена, островъ Инарима (Искія), когда-то пріютъ обезьянъ, и оторванная отъ него Прочида; шумныя устья Вильтурна и Лириса, туманы Фузинскаго озера и Линтернскія болота, памятныя изгнаніемъ и смертью Сципіона Африканскаго; напротивъ помѣстье М. Скавра, еще носящее его имя; развалины Формій и другихъ римскихъ и карѳагенскихъ сооруженій [3]). О какъ возрадовался я духомъ, увидѣвъ, что Италія славою своихъ дѣлъ не только равна болтливой Греціи, но и превосходитъ ее! заключаетъ Боккаччьо; онъ отдохнулъ на знакомомъ пейзажѣ байскаго берега и тотчасъ отправляется въ путь — во Фригію, гдѣ ожидаетъ его потомство Тантала [4]), а далѣе къ Ѳивамъ и на Эолійскіе острова, къ отродью Геркулеса и Эола [5]).

1) Введеніе въ XII-ю книгу: exonerare vesicam permittere et recenti fluvio atque florido recreari prato.

2) Importuosum.

3) L. c.: veteres Cumae chalcidiensium opus, Daedali templum, Miseni tumulus atque Juliae aquae admiratione tenebant animum, et ex opposito Inarimae vetus simiarum hospitium et ex Inarimae excussa Prochita distrahebant; sic sonantes revolutionibus aestuantium fluminum Vulturni fauces atque Lyris, Fusini nebulae et Linterni paludes, exilio et morte amplissimi viri primi Africani nobilitatae; et in conspectu fere M. Scauri villula suo adhuc insignis nomine atque Formiarum fere deleta vestigia, et longiuscule in radicibus montium Calenus, Stelenates atque Campanus agri mira fertilitate conspicui, et supereminentia agris oppida Suessa, Theanum, Sidicinum, Caselinum, Thelesiae et alia plura tam romanorum quam carthaginiensium monimenta.

4) L. c.

5) Введеніе въ XIII-ю книгу.

У Боккаччьо была издавняя склонность къ географическимъ подробностямъ, особенно если онѣ удовлетворяли вкусамъ археолога. Уже въ первомъ романѣ онъ тщательно выписывалъ маршруты своихъ героевъ, Флоріо и Бьянчифьоре, обставляя ихъ рядомъ древнихъ воспоминаній. Все это сказалось и на «введеніяхъ»; кстати Географическій словарь Боккаччьо составлялся параллельно съ Генеалогіями, авторъ нашелъ въ немъ подходящій матерьялъ, какъ не брезгалъ и другими средствами стилистическаго развитія. И въ Генеалогіяхъ, какъ въ остальныхъ его ученыхъ трактатахъ, много общихъ мѣстъ, замѣтокъ по поводу, свѣдѣній и сентенцій, выходящихъ за предѣлы сюжета, но часто интересныхъ своимъ личнымъ колоритомъ. Взглядъ на женщину отрицательный, какъ вообще въ произведеніяхъ по-декамероновской поры [1]), любовь понята реально [2]), это нѣкое страстное движеніе, воспринятое извнѣ тѣлесными чувствами и усвоенное силами духа, подъ вліяніемъ свѣтилъ [3]); троякое дѣленіе любви по Платону и Аристотелю напоминаетъ размышленія Фьямметты въ юношескомъ романѣ Боккаччьо (Филоколо) [4]); въ несчастномъ бракѣ присутствуютъ фуріи [5])—и лишь въ уединеніи, вдали отъ всѣхъ, мы какъ бы похищаемъ истину [6]). Тѣ же намеки и нареканія на честолюбіе правителей [7]), на тиранновъ въ противоположность съ праведными царями [8]); Полифемъ типъ тиранна: онъ одноглазый, ибо тиранны думаютъ лишь о себѣ, не помышляя ни о богѣ, ни о подданныхъ [9]); по поводу сиренъ намекъ на со-

1) IV, 44 съ ссылкой на Петрарку; V, 10: болтливость; IX, 3: по Исидору; X, 57: жадность; XI, 8: искусственно умножаютъ свою красоту.

2) III, 22; VI, 51.

3) IX, 4: mentis quaedam passio ab exterioribus illata et per sensus corporeos introducta et intrinsecarum virtutum approbata, praestantibus ad hoc supercaelestibus corporibus aptitudinem.

4) I, 15; сл. выше, т. I, стр. 169 и прим. 1.

5) III, 6.

6) IV, 44: какъ Прометей огонь; сл. XI, 2: о поэтахъ.

7) III, 11.

8) IX, 27.

9) X, 14.

блазны Авиньона: сирены и демоны плясали въ Вавилонѣ, говорилъ боговдохновенный пророкъ Исайя — что̀, быть можетъ, оправдалось и на новомъ [1]). Природа щедра не къ однимъ лишь благороднымъ, хотя судьба и окружаетъ ихъ бо̀льшимъ блескомъ [2]). Рядомъ съ старыми разсужденіями о значеніи сновъ [3]), о вліяніи свѣтилъ [4]), объ аллегоріяхъ лавра [5]) и павлина [6]), встрѣчаемъ замѣчанія о случайномъ открытіи огня въ связи съ развитіемъ человѣческаго языка и культуры [7]), трактаты о хронологіи [8]), о дѣленіи ночи и дня [9]), о вѣтрахъ [10]) и пути Язона [11]). Мимоходомъ говорится о рождественскомъ обычаѣ «божича», который соблюдалъ отецъ Боккаччьо [12]), о гробницѣ Рема [13]), за которую Боккаччьо и Петрарка принимали пирамиду Каія Цестія, о находкѣ при императорѣ Генрихѣ III гигантскаго тѣла Палланта [14]) и подобной же, недавней находкѣ [15]) въ пещерѣ подъ Дрепаномъ: исполина, локтей въ двѣсти вышины, который отъ прикосновенія разсыпался въ прахъ; его зубъ, вѣсомъ въ сто унцій, повѣсили въ церкви св. Аннунціаты. Это разсказано по поводу гигантовъ.

1) VII, 20.

2) XIII, 1: quamquam nobilium corpora fortuna faciat clariora.

3) I, 31; сл. выше стр. 295 и прим. 2.

4) I, 10; III, 22; IX, 4.

5) VII, 29.

6) IX, 1. Сл. аллегоріи лавра и павлина въ біографіи Данте, выше стр. 291, 296.

7) XII, 70.

8) VIII, 2.

9) I, 9, 34.

10) IV, 54: генуэзцы—лучшіе мореплаватели.

11) XIII, 26.

12) XII, 65; сл. выше т. I, стр. 12.

13) IX, 50.

14) XII, 60, 67; сл. разсказъ Альбани въ Spicilegium Romanum t. VIII, стр. 263.

15) IV, 68: his diebus; X, 14: his temporibus.

VI.

Въ первыхъ тринадцати книгахъ Боккаччьо дважды касался и вопроса о поэзіи, раскрывая значеніе ея аллегоризма [1]), защищая отъ нападеній узкихъ нравоучителей. Разумѣется поэзія классиковъ, поэзія-богословіе, какъ выразились бы Петрарка и Боккаччьо, права языческаго миѳа на значеніе поэтическаго сюжета. Боккаччьо говорилъ объ этомъ въ біографіи Данте, XIV-я книга Генеалогій вся посвящена разбору тѣхъ же положеній, обстоятельному, порой страстно личному, безъ порядка спѣшащему отъ вопроса къ вопросу, начинающему прямо съ нападенія.

Мой трудный путь свершенъ, обращается Боккаччьо къ королю: по твоему желанію я собралъ какіе могъ остатки отъ крушенія стараго язычества, соединилъ ихъ въ одно цѣлое, прибавилъ и толкованія. Теперь выйдти бы на берегъ, отдохнуть и съ благодарственной молитвой къ Богу увѣнчать лавромъ побѣдоносную ладью! Но я чую возможность бури; что станется съ ладьей безъ кормчаго? Надо охранить ее отъ грозы и непогоды, защитить свой трудъ отъ враговъ поэзіи и поэтовъ, самого автора отъ нападеній, подсказанныхъ завистью. Трудъ мой попадетъ прежде всего въ руки твоего Величества, и я увѣренъ, что принявъ его благосклонно, ты подивишься, до какихъ онъ выросъ размѣровъ; я знаю, что, по недостатку книгъ, онъ не полонъ, но когда, читая его, ты увидишь, какъ изъ подъ грубой оболочки негаданный смыслъ выдѣляется, какъ полосы свѣта отъ огненнаго шара [2]), ты будешь пораженъ и, получивъ нѣкое удовольствіе, похвалишь [3]). Мнѣ вѣдь знакомъ твой давній взглядъ на поэтовъ, что они не простые были баснословы, какъ говорятъ

1) I, 3.
2) Non aliter quam si ex igneo globo recentes scaturire latices.
3) Modesta quadam delectatione laudabis.

завистники, а ученые люди, одаренные какъ бы божественнымъ духомъ и искусствомъ. Какъ бы то ни было, отъ тебя я ожидаю справедливаго сужденія, снисходительной критики и поощренія; это напередъ меня радуетъ; но моя книга перейдетъ отъ тебя въ руки твоихъ знакомыхъ [1] — и здѣсь я начинаю безпокоиться: вѣдь зависть прирождена людямъ со времени грѣхопаденія; набросятся на мой трудъ, найдутъ въ немъ слабыя стороны и начнутъ терзать его. Ихъ то нападенія я и хочу предупредить [2]).

Начну съ болѣе слабыхъ противниковъ. Это люди, для которыхъ высшее благо—ѣсть, пить, предаваться разврату и тунеядству; самоувѣренно и надменно они произносятъ свои сужденія о достойныхъ людяхъ, глумясь надъ ихъ учеными бдѣніями и скромными трудами. О безразсудный, скажутъ они мнѣ, сколько времени ты потерялъ, трудясь по пусту, сколько бумаги извелъ, сколько стиховъ нацарапалъ даромъ! Не лучше-ли было бы любить, пить и ѣсть, чѣмъ писать пустяки? — Стоитъ-ли отвѣчать этимъ прихлебателямъ и опиваламъ, вырвавшимся изъ гнѣздъ разврата! Ихъ хула въ похвалу достойнымъ людямъ, ибо нѣтъ ничего неприличнѣе и противнѣе невѣжи; лучше слышать ослиный ревъ, свиное хрюканье и мычанье быковъ, чѣмъ ихъ рѣчи. Пусть служатъ себѣ мамонѣ [3]).

Есть еще сортъ людей, болѣе нравственныхъ, но столь-же неразумныхъ. Школы они не видѣли, но слышали когда-то имена нѣкоторыхъ философовъ и возмнили себя таковыми; и не столько возмнили, сколько желаютъ таковыми прослыть. Прочтя нѣсколько итальянскихъ книжекъ [4]), схвативъ однѣ верхушки [5]), они любятъ ходить къ ученымъ людямъ, и здѣсь съ притворной степенностью рѣчи и таковымъ-же нравственнымъ вѣсомъ [6]) поднимаютъ вопросы

1) Im amicorum manus.
2) XIV, введеніе и с. 1.
3) XIV, 2.
4) Visis aliquando nonnullis libellis vulgarium.
5) Non nisi de apicibus rerum verba faciant.
6) Quadam ficta gravitate verborum et morum ponderositate.

о высокихъ предметахъ: напримѣръ, о трехъ лицахъ единаго божества, о томъ, можетъ ли Богъ создать подобнаго себѣ и т. п. На объясненія свѣдущихъ людей они отвѣчаютъ пустыми фразами, показываютъ, что отвѣтъ ихъ не удовлетворяетъ, качаютъ головой и, съ улыбкой поглядѣвъ на присутствующихъ при бесѣдѣ, какъ бы снисходя къ достоинству отвѣчающаго, удаляются. А тамъ, на посидѣлкахъ у бабъ [1]) или на перекресткахъ передъ невѣжественной толпой, они выкладываютъ то, что удержала ихъ лѣнивая [2]) память, глубоко переводя духъ, точно говорятъ отъ себя, добытое съ трудомъ изъ нѣдръ божественнаго духа; говорятъ не въ томъ порядкѣ, какъ слышали, а перескакивая отъ одного сюжета къ другому, не приходя ни къ какому заключенію, путая себя и слушателей. Казалось бы, они изучили всѣ свободныя искусства, и когда оказывается, что не слыхали даже именъ Присціана, Аристотеля, Цицерона, Аристарха, Эвклида и Птолемея, отвѣчаютъ съ противной болтливостью, что пренебрегли ими для высокихъ откровеній богословія. Такъ судятъ они и о людскихъ нравахъ, о дѣяніяхъ героевъ, о законахъ; когда-же дѣло зайдетъ о поэзіи и поэтахъ, они порицаютъ ихъ и отвергаютъ, точно все читали: музъ называютъ косноязычными, Геликонъ и касталійскій источникъ и дубрава Феба—все это выдумки сумасбродовъ, которыя годны развѣ мальчикамъ для введенія въ грамматику. Я знаю, что̀ эти люди скажутъ о моей книгѣ, о поэтахъ, но отвѣчать имъ я не стану, мнѣ жаль ихъ: пусть лучше займутся своимъ дѣломъ, либо, если ужъ жажда славы разбираетъ ихъ, пусть сначала поучатся, почитаютъ, послушаютъ умныхъ споровъ, памятуя правило Пиѳагора, по которому никто въ его школѣ не смѣлъ говорить, не пробывъ слушателемъ въ теченіи пяти лѣтъ [3]).

За нахально-наивными самозванцами науки идетъ третья

1) Apud mulierculаrum textrinas.
2) Intellectus.... remissus.
3) XIV, 3.

група противниковъ поэзіи—это юристы; Боккаччьо не долюбливаетъ ихъ издавна; поклонники наживы, они въ пріятельскомъ кружкѣ не прочь похвалить поэтовъ за ихъ ученость и краснорѣчіе, но въ ихъ похвалахъ скрывается и ядъ: поэты — люди неблагоразумные, ибо отдавались недоходному труду; оттого они всегда были бѣдняками. Да, поэзія не даетъ богатства, какъ и всѣ умозрительныя дисциплины; это дѣло ремесленныхъ занятій, юристовъ, чеканящихъ монету молотомъ продажнаго языка, обращающихъ, при помощи своего краснорѣчія, слезы несчастныхъ въ золото. Въ этомъ отношеніи поэзія стоитъ на одной степени съ физикой, изучающей законы природы, съ богословіемъ; она занимается высшими вопросами: обитая въ небѣ, въ божественныхъ совѣтахъ, она увлекаетъ немногихъ къ вожделѣнію вѣчной славы, внушаетъ возвышенные помыслы, подсказываетъ дивные образы и изящныя рѣчи, и когда, склоняясь на моленія, она сходитъ на землю въ обществѣ священныхъ музъ,—поселяется не во дворцахъ и не въ роскошныхъ палатахъ, а въ пещерахъ и ущельяхъ, въ тѣни лѣсовъ, у серебристыхъ источниковъ, въ убогихъ пріютахъ людей занимающихся. Поэты бѣдны, но не неблагоразумны, ибо благоразумнѣе стремиться къ возвышенному, чѣмъ къ бренному, къ постоянному, чѣмъ къ преходящему; законы не вездѣ одни и тѣ-же, по однимъ живетъ эѳіопъ, по другимъ савроматъ, къ тому же они мѣняются, выходятъ изъ употребленія, почему юриспруденція не наука, а скорѣе искусство[1]); поэзія, незыблемая, покоится на постоянныхъ началахъ, сулитъ долговѣчное благо: славу въ потомствѣ. Поэты бѣдны, но ихъ имя окружено славой; кто изъ юристовъ удостоился памяти и почета Гомера и Плавта, Эннія и Виргилія? Если такъ, то и мой трудъ былъ не напрасенъ, заключаетъ Боккаччьо,—но тема о бѣдности принадлежала къ его излюбленнымъ, и онъ даетъ намъ ея анализъ: есть бѣдность хорошая, желанная, равносильная ограниченію желаній, отсутствію любостяжанія: это бѣдность Діогена, Ксено-

1) Facultatem legum, non scientiam esse dicendam.

крата, Анаксагора, Амикла,—поэтовъ; можно-ли представить себѣ Гомера, творящимъ Иліаду и въ то-же время судящимся съ крестьяниномъ или требующимъ отчета отъ домоправителя? Эту бѣдность воспѣвали поэты, Камиллы, Фабриціи, Сципіоны побѣдили ею міръ [1]). И есть другая бѣдность, врагъ мира и покоя, гнетущее желаніе наживы при полномъ обезпеченіи. Это бѣдность Тантала, — и напрасно юристы жалѣютъ поэтовъ [2]).

Типъ ханжей, мечущихъ на поэзію свои благочестивые громы, вышелъ еще ярче, чѣмъ характеристика болтуновъ-начетчиковъ; тѣ и другіе отдаютъ стилемъ Декамерона. Есть на землѣ храмъ, на подобіе чертога небеснаго совѣта; въ немъ возсѣдаетъ царственная жена, философія, въ лѣвой рукѣ у нея книга, въ правой жезлъ, за нею на возвышенныхъ сѣдалищахъ ея служители, почтенные, благодушные, блюстители ея ученій, которыя они передаютъ людямъ; далѣе толпа ихъ ревностныхъ учениковъ. Но есть между ними и такіе, которые, едва усвоивъ начала знаній, осмѣливаются наложить руки на царственную порфиру и, оторвавъ отъ ней клочки, запасшись разными титулами, которые нерѣдко предлагаются на продажу внѣ храма, выходятъ изъ него надменные, точно познали всю божественную мудрость. Они корчатъ изъ себя добродѣтельныхъ людей, лицо искажаютъ, будто это у нихъ отъ бдѣній, глаза потуплены, точно они боятся прервать свои думы; они шествуютъ медленно, дабы дураки вообразили себя, что они падаютъ подъ бременемъ своихъ возвышенныхъ созерцаній. Они одѣваются скромно, не потому, что таково ихъ настроеніе, а чтобы обмануть другихъ видомъ святости; говорятъ рѣдко и важно, отвѣчаютъ съ остановками, вздохнувъ и помолчавъ, возведя очи горѣ, потому что до небесныхъ тайнъ вѣдь далеко; исповѣдуютъ благочестіе, святость, правосудіе, часто цитуя пророческія слова; напримѣръ, Zelus domus dei comedit me.

1) Excelsis praeposuere regibus, orbis praefecere imperio. Сл. De Casibus III, 1; VIII, 17 и выше стр. 200.

2) XIV, 4.

Вотъ эти-то люди и показываютъ свое удивительное знаніе, порицая все, чего не знаютъ, и дѣлаютъ это не безъ причины: такимъ образомъ они отклоняютъ вопросы, на которые не въ состояніи были бы отвѣтить, либо даютъ понять, что пренебрегли ими, какъ не стоющими вниманія, и обратились къ болѣе серьезнымъ. Такъ обойдя дураковъ, они смѣло вмѣшиваются въ мірскія дѣла, даютъ совѣты, устраиваютъ браки, участвуютъ въ пирахъ, пишутъ и приводятъ въ исполненіе духовныя завѣщанія и многое другое дѣлаютъ, недостойное философовъ. И слава ихъ ростетъ въ народѣ, сами они проникаются спѣсью, имъ пріятно, чтобъ на нихъ показывали пальцемъ, передъ ними вставали, называли ихъ равви, кланялись бы имъ, приглашали, давали бы первое мѣсто [1]). Все это придаетъ имъ смѣлость; они не стѣсняются жать въ чужомъ полѣ; и вотъ, когда при нихъ случайно зайдетъ рѣчь о поэзіи и поэтахъ, они приходятъ въ гнѣвъ, ихъ глаза горятъ, они рвутъ и мечутъ и такъ голосятъ передъ равнодушной толпой [2]), въ школахъ ли, или на площадяхъ и съ амвоновъ, что слушатели начинаютъ бояться за себя. Поэзія — пустое, достойное смѣха занятіе, говорятъ они, поэты — баснословы [3]), хуже того, обманщики [4]), живутъ въ лѣсахъ и на горахъ, ибо не знаютъ городскихъ нравовъ; ихъ поэмы и не понятны [5]) и лживы, полны неприличій [6]) и глупыхъ разсказовъ о языческихъ богахъ, напримѣръ, о Юпитерѣ, то прелюбодѣѣ и развратникѣ, то отцѣ боговъ, то властителѣ неба; онъ и огонь и воздухъ, то человѣкъ, то быкъ. Кромѣ того они называютъ поэтовъ соблазнителями, обезьянами философовъ; безъ разбора они готовы изгнать ихъ изъ городовъ, опираясь на мнѣніе Платона, а вмѣстѣ съ ними и ихъ сценическихъ прелестницъ [7]), какъ говоритъ Боэцій.

1) Proponant.
2) Vulgo inerti.
3) Homines esse fabulosos.
4) Fabulones.
5) Obscura.
6) Lasciviis.
7) Scenicas meretriculas, то-есть, музъ.

Къ такимъ-то милостивымъ, нелицепріятнымъ судьямъ попадетъ и мой трудъ, говоритъ Боккаччьо, и они станутъ ходить вокругъ него, какъ голодные волки, ища, что поглотить. Судьи глупые [1]), но сильные въ другихъ отношеніяхъ [2]) — и Боккаччьо боится и трепещетъ, призывая помощь Бога и короля; вѣдь онъ для него и работалъ [3]).—Въ сущности вся слѣдующая защита поэзіи и написана въ виду этихъ судей; другіе не стоили такой обороны.

Говорятъ, поэзія — пустое искусство [4]); но это — противорѣчіе въ самомъ себѣ; самое слово искусство указываетъ на содержимое [5]), говоритъ Боккаччьо, фехтуя словами, какъ его противники, которыхъ онъ величаетъ то невѣжами, то, иронически, людьми тонкими [6]), всезнающими. Пустое дѣло не заставило бы столькихъ именитыхъ людей дорожить именемъ поэта, не вызвало бы столь многочисленныхъ произведеній. Но противники ускользнутъ въ сторону и слово пустой замѣнятъ — вреднымъ: поэзія воспѣваетъ мерзости боговъ. Сознаюсь, есть такія произведенія; но еслибъ Пракситель или Фидій предпочли какой нибудь неприличный сюжетъ цѣломудренной Діанѣ, еслибъ Апеллесъ или нашъ Джьотто, второй Апеллесъ своего времени [7]), вздумали изобразить шашни Марса и Венеры, вмѣсто Зевса, изрекающаго законы со своего престола, я сказалъ бы, что виной тому сладострастное движеніе ума; были и поэты, если только возможно назвать ихъ поэтами, которые позволяли себѣ подобное изъ выгоды или въ угоду вкусу своего времени. Все это подлежитъ осужденію; но исключенія не даютъ повода осуждать всю поэзію.

1) Inepti.
2) Alias tamen valent.
3) XIV, 5.
4) XIV, 6: futilem facultatem.
5) Aliqualem plenitudinem.
6) Elegantes hi viri.
7) Quo suo aevo non fuit Apelles superior. О Джьотто сл. выше т. I, стр. 514 и прим. 6.

Поэзія—это не только нѣчто, но и достойная уваженія наука [1]) — и Боккаччьо пытается дать ей опредѣленіе: это — страстное побужденіе [2]) изобрѣсть и выразить изобрѣтенное словомъ; побужденіе, исходящее отъ Бога и врожденное немногимъ. Ея проявленія прекрасны: она вселяетъ потребность высказаться, измышлять новое и неслыханное, измышленное располагать въ извѣстномъ порядкѣ, украшать необычнымъ подборомъ словъ и изреченій, скрывать истину подъ покровомъ пристойнаго баснословія, смотря по сюжету: вооружать царей, выводить рати и флоты, описывать страны и воды, украшать дѣвъ вѣнками и цвѣтами, возбуждать коснѣющихъ, сдерживать смѣльчаковъ, налагать узы на виновныхъ, восхвалять достойныхъ. Но одного врожденнаго побужденія недостаточно, если нѣтъ обычныхъ орудій для выраженія: необходимо полное знаніе грамматическихъ и реторическихъ правилъ (хотя и были люди, удивительно писавшіе на родномъ, то-есть, не на латинскомъ языкѣ, настоящіе поэты) [3]), надо владѣть хотя бы началами другихъ свободныхъ дисциплинъ, нравственныхъ и естественно-историческихъ, располагать обиліемъ словъ, видѣть памятники древности, помнить исторіи народовъ, знать расположеніе странъ и морей, рѣкъ и горъ. Полезна поэтамъ прелесть уединенія, спокойствіе духа, стремленіе къ земной славѣ, нерѣдко на пользу и пылъ юности. Гдѣ всего этого нѣтъ, тамъ талантъ коснѣетъ. А такъ какъ это страстное возбужденіе, изощряющее и просвѣщающее силы ума, можетъ породить лишь нѣчто искусственное [4]), то поэзія и называется искусствомъ. Ея названіе не отъ греческаго: роуо, роуs, что означаетъ творю, творить [5]), но отъ древнѣйшаго греческаго слова poetes, что означаетъ: изящ-

1) Scientia veneranda.

2) XIV, 7: furor quidam.

3) Esto nonnuli mirabiliter materno sermone iam scripserint et per singula poesis officia peregerint.

4) Artificiatum.

5) Fingo, fingis.

ная рѣчь [1]), ибо первые вдохновенные поэты начали соблюдать въ своей рѣчи количество, въ видахъ благозвучія, а дабы излишняя краткость или пространность не вредили впечатлѣнію, подчинили ее извѣстной мѣрѣ и опредѣленному числу стопъ или слоговъ; что такимъ образомъ получалось, носило названіе, не поэзіи, а поэмы.

Сіятельные порицатели не повѣрятъ моимъ утвержденіямъ, что даръ поэзіи отъ Бога, но, быть можетъ, повѣрятъ слову Цицерона, въ его рѣчи за Архія, что всѣмъ другимъ наукамъ обучаются, одна лишь поэзія отъ природы, отъ возбужденія духовныхъ силъ, какъ бы отъ божественнаго вдохновенія.—И Боккачьо уличаетъ своихъ противниковъ тѣмъ, что они, отвергающіе поэзію, пользуются ея же средствами, когда говорятъ, напримѣръ, о небесной лѣстницѣ, заставляютъ деревья выситься до неба и т. п. Они скажутъ, что это средства риторики, и въ извѣстной мѣрѣ я того отрицать не стану, но въ изображеніи поэтическихъ иносказаній и того, что онѣ выражаютъ, риторика не при чемъ: это дѣло поэзіи [2]).

Гдѣ она впервые появилась — сказать трудно. Полагаютъ, что въ связи съ первыми священными обрядами и сопровождавшимъ ихъ молитвословіемъ; одни думаютъ, что у евреевъ (жертвоприношеніе Каина и Авеля, Ноя, Авраама, Моисея), другіе, что у вавилонянъ (Немвродъ), какъ утверждаетъ съ обычной болтливостью венетъ, епископъ пуццольскій, великій изслѣдователь всякихъ исторій [3]). Откуда онъ это взялъ—онъ не говоритъ; часто я читалъ о древности религіи, философіи у ассирійцевъ, объ ихъ великой славѣ; но чтобы у такихъ грубыхъ [4]) народовъ зародилось столь высокое исскусство, какъ поэзія, мнѣ не вѣрится. Греки приписываютъ ея начало себѣ, какъ утверждалъ Леонтій,

1) Exquisita locutio; сл. выше стр. 319, прим. 1.
2) Mera poesis est, quicquid sub velamento componimus et exquiritur exquisite.
3) Сл. выше стр. 103.
4) XIV, 8: immanes.

и Боккаччьо готовъ съ нимъ согласиться, поминая слова своего знаменитаго учителя Петрарки, которыя развивалъ въ своей біографіи Данте [1]). Говорятъ, первыми поэтами у грековъ были Музей, Линъ и Орфей, но у нихъ были соименники; мнѣніе о времени ихъ жизни колеблется, — и высказавъ вскользь предположеніе о возможномъ тождествѣ Музея съ Моисеемъ, авторъ склоняется къ тому, что первыми поэтами были пророки, что Моисей написалъ часть своего Пятикнижія героическимъ стихомъ [2]), а языческіе поэты пошли по стопамъ еврейскихъ, только одни писали подъ наитіемъ Св. Духа, другіе по внутреннему страстному побужденію, откуда и ихъ имя: vates.

Ихъ зовутъ баснословами, но это не укоръ, а признаніе: такъ и философа не представишь себѣ безъ силлогизма. Что такое басня, вымыселъ? Это примѣръ или притча, раскрывающая изъ подъ своей оболочки мысль разсказывающаго [3]). Есть четыре вида вымысловъ: первый, гдѣ внѣшняя оболочка лишена всякаго вѣроятія, когда, напримѣръ, выводятся въ басняхъ звѣри или неодушевленные предметы: таковы басни Эзопа; этотъ видъ знаетъ и священное писаніе, заставляя деревья избирать себѣ царя [4]). Второй видъ смѣшиваетъ дѣйствительное съ невѣроятнымъ [5]), когда, напримѣръ, говорится о дочеряхъ Минея, пряхахъ, презрѣвшихъ оргіи Вакха и обращенныхъ за то въ летучихъ мышей. Такіе разсказы измышляли древнѣйшіе поэты, смѣшивая божественное съ человѣческимъ; у великихъ поэтовъ они служатъ возвышеннымъ цѣлямъ, нѣкоторые комики исказили ихъ, не заботясь о нравственности, служа вкусамъ развратной толпы. Но если отвергать ихъ вообще, то придется отвергнуть въ Ветхомъ Завѣтѣ все, что богословы называютъ фигурами,

1) Сл. выше стр. 319.

2) Heroico.... carmine.

3) XIV, 9: fabula est exemplaris seu demonstrativa sub figmento locuti, cujus amoto cortice patet intentio fabulantis.

4) Lingua scilicet silvarum de constituendo rege sibi habuisse colloquium.

5) Fabulosa.

видѣнія Исайи, Іезекіиля и Даніила. Третій видъ вымысловъ болѣе отвѣчаетъ понятію историческаго разсказа: такъ Виргилій представляетъ Энея, испытывающаго бурю; у Гомера Улиссъ привязалъ себя къ мачтѣ, чтобы не увлечься пѣснею сиренъ; и тотъ и другой поэты разумѣли въ обоихъ положеніяхъ не то, что изображали. Таковъ пріемъ пристойнѣйшихъ изъ комиковъ, Плавта и Теренція: ничего не подразумѣвая въ томъ, что они писали, они поучали и предостерегали читателей изображеніемъ людскихъ нравовъ и дѣяній, если и не дѣйствительно приключившихся, то возможныхъ, такъ они обычны. Если осуждать этотъ родъ вымысловъ, то то-же осужденіе постигнетъ и притчи Спасителя въ Евангеліи. Есть, наконецъ, еще видъ вымысловъ, гдѣ нѣтъ ни внѣшняго, ни внутренняго вѣроятія: это разсказни полоумныхъ старухъ [1]). Кажется, этотъ видъ басенъ противники поэзіи и отождествляютъ съ поэтическими вымыслами, заключаетъ Боккаччьо, раскрывая ихъ значеніе, ихъ психологическое вліяніе, то успокоивающее, то возбуждающее, на примѣрахъ Хариты у Апулея и короля Роберта, воспитавшагося къ сознанію на басняхъ Эзопа [2]).

Предполагать, что поэты ничего не желали выразить подъ личиной своихъ вымысловъ, а лишь хотѣли блеснуть своимъ краснорѣчіемъ — и смѣшно и глупо. Боккаччьо указываетъ на иносказательный смыслъ въ буколикѣ и Энеидѣ Виргилія, на Данте и буколику Петрарки, минуя свою собственную, ибо о себѣ не говорятъ, да онъ и не смѣетъ сопоставлять себя съ достойнѣйшими. Не только люди, взлелѣянные музами, полные философскаго знанія, влагали въ свои поэтическія произведенія глубокій смыслъ, но нѣтъ такой выжившей изъ ума старухи, разсказывающей на зимнихъ посидѣлкахъ у очага про духовъ и фей [3]), которая по своему малому разумѣнію не соединяла бы съ

1) Deiirantium vetularum inventio.

2) Сл. выше т. I, стр. 542—3.

3) XIV, 10: fabellas orci seu fatarum vel lamiarum et hujusmodi. Orco вм. Oraculo слѣдуетъ читать у Петрарки, Contra med. invect. III (стр. 1102): Audires,

своимъ разсказомъ какого-либо значенія, иногда далеко не смѣшного, стращая ребятъ, либо потѣшая дѣвушекъ, или потѣшаясь надъ стариками, или просто желая показать, каковы силы судьбы.

Поэты ищутъ уединенія не потому, что не знаютъ культурныхъ нравовъ и къ нимъ не способны; стоитъ только припомнить, сколь многіе изъ нихъ были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ царями и именитыми людьми, между прочими Данте и Петрарка. Они бѣгутъ изъ города, отъ двора, потому лишь, что тамъ ихъ творчество связано; такъ говорилъ Горацій—и Боккаччьо поетъ хвалы уединенію въ природѣ, котораго искали отшельники и поэты [1]). Но ихъ уединеніе не нравится людямъ, хулящимъ всѣхъ, кто не похожъ на нихъ. Да: поэтамъ не нравится наводить на лица искусственную блѣдность, вызывать похвалы мерзкимъ ханжествомъ; они не только не требуютъ, но и не желаютъ почестей и власти, источниковъ чревоугодія и тунеядства; не толкутся при дворахъ, не улещаютъ бабъ, чтобъ стащить ввѣренныя имъ деньги, не превозносятъ ростовщиковъ [2]), соразмѣряя похвалы вознагражденію. Какъ-же не ненавидѣть ихъ въ ихъ уединеніи?

Упрекаютъ поэтовъ въ намѣренной темнотѣ, которою они будто-бы щеголяютъ, тогда какъ древнее ораторское правило требовало вразумительности и ясности. Но развѣ у философовъ, къ числу которыхъ безстыдно причисляютъ себя противники поэзіи, нѣтъ темнотъ, нѣтъ ихъ въ св. Писаніи, знаніемъ котораго они кичатся [3])? Но подслѣповатому и солнечный день кажется туманнымъ; такъ и имъ. Я не отрицаю, что въ иныхъ поэтахъ есть неясности, но поэтовъ слѣдуетъ не порицать, а ско-

credo, libentius fabellas, quas post coenam ante focum de Oraculo et lamiis audire soles.

1) XIV, 11; сл. выше т. I, стр. 509—10 (гдѣ ошибочно указаніе на 16-ю главу).

2) Caturcenses.

3) XIV, 12: cujus ipsi professores haberi cupiunt.

рѣе поощрять, если они набрасываютъ покровъ на то, что достойно памятованія и уваженія, что отъ излишней откровенности потеряло-бы цѣну и становится тѣмъ дороже, чѣмъ больше умственнаго труда потрачено на его откровеніе. Такъ объясняетъ и бл. Августинъ неясности св. Писанія. Надъ ними надо потрудиться; если хулителямъ поэтовъ непонятна ихъ рѣчь, фигуры и цвѣты краснорѣчія и подборъ неслыханныхъ словъ, пусть снова отправятся въ школу грамматики, испытаютъ ферулу учителя, познакомятся съ вольностями, дозволенными поэтамъ, читаютъ не одно только свое, итальянское, но и другое, и отринувъ старый духъ, исполнятся новаго: тогда темное покажется имъ яснымъ и близкимъ. Святыню, по слову писанія, не бросаютъ псамъ, передъ свиньями не мечутъ бисера [1]).

Обвиненіе поэтовъ во лжи заставляетъ Боккаччьо еще разъ обратиться къ вопросу о значеніи вымысла и къ анализу понятія лжи, mendacium. Это — вымыселъ, похожій на истину, которымъ иные пользуются противъ нея. Но многіе поэтическіе вымыслы вовсе не похожи на истину, другими, напоминающими формы дѣйствительности, поэты пользовались, какъ притчами и примѣрами. Если они говорили о множествѣ боговъ, то не потому, чтобы не признавали единаго Бога, къ познанію котораго стремились, на сколько могли, силами человѣческаго ума, а выражая по своему во множествѣ боговъ разныя стороны и свойства одного и того-же божества. Не ихъ вина, если они не знали истиннаго Бога; это вина Аристотеля, Платона, Сократа; они жили до проповѣди Евангелія, а евреи ни съ кѣмъ религіозно не общались; поэты и философы могли говорить ложное, но они не лгали. Другое обвиненіе касается искаженій, которыя позволилъ себѣ Виргилій въ разсказѣ о Дидонѣ. На это у него были причины, говоритъ Боккаччьо: Виргилій подражалъ пріемамъ Гомера, поэтическимъ, не исторіографическимъ. Историкъ сообщаетъ все,

1) Сл. съ этимъ отдѣломъ инвективу Петрарки, l. c. стр. 1105: Quod si stylus insuetus videatur occultior и т. д., съ тѣми-же аргументами.

въ порядкѣ времени, отъ начала до конца; вотъ почему Лукана и зовутъ скорѣе историкомъ-стихотворцемъ, чѣмъ поэтомъ; поэтъ часто досказываетъ начало въ серединѣ и концѣ: таковъ разсказъ Улисса у феаковъ, и Виргилій подражалъ ему, заведя Энея къ Дидонѣ, хотя и жившей за нѣсколько столѣтій, и вложивъ въ его уста повѣсть о его предыдущей судьбѣ. Такимъ вымысломъ Виргилій достигалъ и другихъ цѣлей: выразить въ поэтическомъ иносказаніи, какой борьбѣ страстей подвергается человѣческая слабость; восхвалить въ Энеѣ родъ Октавіана Цезаря, возвеличить пророческими словами Дидоны славу римскаго имени [1]).

Развратныхъ, нелѣпыхъ басенъ о богахъ, которыя выводятъ на сцену древніе комики, никто поощрять не станетъ; онѣ вызывали укоръ и въ старомъ Римѣ, а со времени Константина и папы Сильвестра онѣ и совсѣмъ отмѣнены; остались произведенія честныя, достойныя уваженія; смущаться тѣмъ, что Юпитеръ является богомъ то неба, то воздуха или огня, орломъ или человѣкомъ — нечего, если вспомнить, что и единаго истиннаго Бога священное писаніе называетъ солнцемъ и пламенемъ, львомъ и змѣемъ и агнцемъ и т. д. [2]). Если пелигнецъ Назонъ, поэтъ замѣчательный, хотя сладострастный [3]), написалъ свою Ars Amatoria, соблазнительную, но не лишнюю [4]), то съ одной стороны нѣтъ теперь юноши или дѣвушки, которые, отдаваясь страсти, не превзошли-бы въ уловкахъ того, кого почитали учителемъ; съ другой есть такіе поэты, какъ Гезіодъ, Виргилій и др., не подлежащіе тому-же порицанію. Ихъ осуждаютъ, не читавъ, заявляютъ, что и читать не хотятъ, ибо помышляютъ о высшемъ. Господь можетъ опочить, за него неусыпно трудятся другіе, занимаются высокими предметами, этимъ движется неподвижное небо. Что я говорю правду, вотъ тому доказательство: нѣкій почтен-

1) XIV, 13.
2) XIV, 14.
3) Clari sed lascivientis ingenii.
4) In quo si multa suadentur nefaria, nil tamen minus opportunum.

ный лѣтами мужъ, извѣстный, впрочемъ, своей святостью и ученостью, толковалъ однажды утромъ въ нашей главной школѣ [1]) евангеліе отъ Іоанна, когда случайно, упомянувъ слово поэзіи, внезапно сверкнулъ глазами, поднялъ голосъ и, закусивъ удила, началъ говорить о поэтахъ невѣроятное—а далѣе заявилъ клятвенно, что никогда ихъ не видѣлъ и не желалъ видѣть! Развѣ Духъ Святой настроилъ его такъ строго — но я полагаю, въ столь грязныя души Онъ не вселяется. А между тѣмъ поэты не только не совращаютъ къ порокамъ, но и ведутъ къ добродѣтели: я не говорю о Гомерѣ, ибо по своему языку латинянамъ онъ менѣе знакомъ, а о Виргиліѣ, у котораго было бы все свято, еслибъ онъ позналъ истиннаго Бога; о Гораціи, Персіи и Ювеналѣ [2]). Если хулители считаютъ соблазномъ самую прелесть поэтической рѣчи, то напрасны были пѣснопѣнія Давида и Іова, Орфея, Гомера и другихъ; если они соединяютъ съ этимъ и соблазнъ содержанія, то тѣмъ самымъ показываютъ, какихъ именно поэтовъ сами они читаютъ. Съ Божьей помощью сами они ухаживаютъ, пускаютъ влюбленные взгляды, пишутъ любовныя записочки, слагаютъ стишки и пѣсенки, въ которыхъ говорятъ о своихъ чувствахъ и вздохахъ, и гдѣ не хватитъ умѣнья, обращаются за помощью къ учителямъ этого искусства, Катулламъ, Проперціямъ и Назонамъ, а затѣмъ ихъ же называютъ соблазнителями! Таковы-то чтенія этихъ людей [3]), позволяющихъ себѣ обзывать поэтовъ обезьянами философовъ. Если это говорится не въ насмѣшку, а серьезно, то поэты не обезьяны, не подражатели философовъ, а сами изъ ихъ числа, только ихъ средства разныя: одни дѣйствуютъ силлогизмомъ, другіе иносказаніемъ, тѣ пишутъ прозой, эти стихами. Если поэты кому подражаютъ, то природѣ; но что-же можетъ быть почтеннѣе, какъ не стараться

1) In generali studio nostro.
2) XIV, 15.
3) XIV, 16.

воспроизвести искусствомъ, что природа творитъ своими силами [1])?

Надо бросить, сжечь произведенія поэтовъ, они гибельны для души, пища демоновъ, какъ говорилъ бл. Іеронимъ въ посланіи къ Дамазу о блудномъ сынѣ. Такъ кричатъ христіанскіе ревнители, привыкшіе скрывать свое невѣжество за запретами и кострами, какъ врачи покрываютъ свои ошибки землею. Но за что-же? Тѣ поэты были язычники, не знали Христа, превозносили вѣру, которую почитали святою, измышляли многое, изящное и полезное. Какіе законы или пророки запрещаютъ читать ихъ? Разумѣется, читать умѣючи; у кого шлемъ стекляный, тому не слѣдъ ходить, гдѣ швыряются камнями. Никто не станетъ отрицать, что изучать священное писаніе полезнѣе, но не у всѣхъ природное влеченіе одинаковое, и если иные увлекаются поэзіей, какая въ томъ вина? Мы знакомимся и дружимся съ варварами, изучаемъ писанія еретиковъ, смотримъ на непристойныя игры скомороховъ [2]), слушаемъ нескромныя пѣсни потѣшниковъ [3]) на пирахъ; живописцу дозволено изображать въ храмахъ Цербера, охраняющаго порогъ Дита, Харона и Эринній и Плутона, назначающаго муки грѣшникамъ, а въ палатахъ царей и господъ любовныя шашни боговъ; однихъ поэтовъ запрещаютъ читать наши наставники, можетъ быть, въ желаніи блеснуть передъ бабенками своей мудростью и дождаться болѣе сдобныхъ приношеній [4]). Но познать грѣхъ — не грѣхъ, а грѣхъ творить его [5]), сказалъ апостолъ Павелъ; жемчужину можно найдти и въ навозной кучѣ; истина не станетъ ложью потому лишь, что ее произнесъ поэтъ; богословы приводятъ въ свидѣтельство діавола, поэта приводить нельзя; но почему-же цитуемъ мы языческихъ философовъ, избѣгая поэтовъ, которые на нихъ воспитались? — Что до ссылки

1) XIV, 17.
2) XIV, 18: joculatores.
3) Histriones.
4) Ut. . . . inde pinguiores consequantur offas.
5) Scire malum malum non esse, sed operari.

на Іеронима, то она касается тѣхъ низменныхъ комическихъ поэтовъ, которыхъ самъ Боккаччьо осудилъ, а достойныхъ Іеронимъ не только читалъ, но и приводитъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній; такъ и Августинъ, и Фульгенцій; апостолъ Павелъ цитовалъ стихи Менандра [1]) и Эпименида [2]), самъ Спаситель обратился къ апостолу Павлу съ словами Теренція [3]), и не взялъ ихъ у него, а попустилъ Теренція изречь то-же, что и Онъ.

Противники поэзіи опирались на мнѣніе Платона, желавшаго изгнать поэтовъ изъ своего государства, и по отношенію къ дѣйствительному взгляда Платона они были правы. Петрарка [4]) и Боккаччьо [5]), почерпнувшіе свои свѣдѣнія о «Республикѣ» изъ какого нибудь другаго источника, согласно отрицаютъ, что таково могло быть настоящее воззрѣніе философа. Если поэтовъ упрекаютъ за любовь къ уединенію (Гомеръ, Виргилій, Петрарка въ Воклюзѣ), то ихъ нечего и изгонять изъ городовъ, начинаетъ Боккаччьо; да и не вѣрится, чтобы Платонъ исключилъ изъ нихъ Гомера, котораго священные законы цесарей зовутъ отцемъ добродѣтелей, стихи котораго цитуются въ кодексѣ Юстиніана, какъ то можно видѣть въ пизанскихъ пандектахъ, на котораго притязали семь городовъ, какъ говорится въ одной древнѣйшей греческой эпиграммѣ [6]). Вопросъ о Гомерѣ вызываетъ таковой-же о Солонѣ, Виргиліи, Гораціи, Персіи, Ювеналѣ, Петраркѣ; очевидно, Платонъ имѣлъ въ виду не такихъ поэтовъ, а тѣхъ, которыхъ Боккаччьо не разъ касался, такихъ же подонковъ поэзіи, какъ циники и эпикурейцы среди философовъ [7]), еретики

1) Corrumpunt mores bonos colloquia mala

2) Cretenses semper mendaces, malae bestiae, ventres pigri.

3) Durum est tibi contra stimulum calcitrare.

4) Contra med. invect. III, 1104, которую слѣдуетъ сличить для всего слѣдующаго отдѣла; сл. Hortis, Studi, стр. 375—6, прим. 3.

5) XIV, 19.

6) Carmine.

7) Quid enim philosophia rerum omnium veracius? Haec amurcae loco, ut de ceteris taceam, cinicos habuit et epicurios. Сл. Petr. Contra med. Invect. III, 1103: Nec enim negaverim ut in vino fex et in oleo amurca, sic in rebus fere omnibus,

среди христіанъ. Боккаччьо называетъ въ числѣ прочихъ, вредно вліявшихъ на нравственность, Плавта и Теренція, хотя и честныхъ людей — и Овидія. — Такую-то поэзію имѣлъ въ виду Боэцій, когда въ его видѣніи философія отстраняетъ отъ него сценическихъ распутницъ [1]), предоставляя уврачевать его себѣ самой и своимъ музамъ.

Боккаччьо кончилъ свою отповѣдь хулителямъ поэзіи: онъ былъ бы рѣзче, еслибы считалъ это приличнымъ, да и его противники внушаютъ ему болѣе состраданія, чѣмъ гнѣва, и онъ предлагаетъ имъ миръ [2]), надѣясь, что они вразумлены его доводами и обратятся къ изученію и культу поэтовъ, какъ то не постыдился сдѣлать на старости лѣтъ король Робертъ. Если авторъ ошибся въ своемъ ожиданіи, и они еще коснѣютъ въ прежней враждѣ, пусть, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ отличіе между дурными и хорошими поэтами, не хулятъ достойныхъ между язычниками, ни еврейскихъ, выдѣлятъ Данте и Петрарку, а изъ древнихъ христіанскихъ Пруденція и Седулія, Аратора и Ювенка. Не пристало имъ быть строже нашей матери церкви, благодушно отнесшейся къ Оригену, писателю необычайнаго таланта и плодовитости, выбравъ изъ его писаній одно лишь похвальное, какъ разумная дѣвушка срываетъ цвѣты между колючекъ, не поранивъ пальцевъ, а колючки оставляетъ [3]). Вѣдь и Августинъ и Іеронимъ нападали не на искусство поэзіи, а на выражавшіяся въ нихъ языческія заблужденія, и сами представили образцы цвѣтущей латинской рѣчи. Боккаччьо заключаетъ словами Цицерона въ защиту Архіи: занятія эти руководятъ юношество, утѣ-

etiam in corporeis, esse suam fecem. Itaque et philosophiae quaedam species, et philosophi quidam vulgo habentur infames, ut Epicurus totusque epicureus ille grex.

1) XIV, 20: scenicas meretriculas.

2) XIV, 21.

3) XIV, 22: more solertis virginis quae inter spineta flores illaesis colligit digitis et spinarum aculeos sinit separatim vilescere; сл. Дек. V, 10, De Claris Mulieribus въ посвященіи и выше стр. 216 прим. 4.

шаютъ старость, въ счастіи онѣ украшеніе, въ несчастіи убѣжище и утѣха; радуютъ дома, не мѣшаютъ и внѣ его; онѣ ночуютъ съ нами, путешествуютъ; еслибы мы сами были и неспособны къ нимъ, мы всегда должны удивляться имъ вчужѣ, на другихъ. Если противники не вразумлены и послѣ того, Боккаччьо болѣе писать не станетъ, ибо состраданіе уступило въ немъ мѣсто презрѣнію.

Защищая поэзію и поэтовъ, онъ защищалъ отчасти и себя; но этого недостаточно: ладья обережена, надо оберечь и пловца. Послѣдняя книга Генеалогій, посвященная его оборонѣ, носитъ чисто личный характеръ.

Многіе, при видѣ этого колосса (то-есть, Генеалогій), скажутъ, пожалуй, съ искреннимъ сожалѣніемъ, что трудъ этотъ не нуженъ и не полезенъ. Но что такое нужное? Развѣ нужны наши дворцы и капитоліи, драгоцѣнныя одежды и утварь, когда тойже цѣли можетъ служить мазанка и шерсть животныхъ и глиняная посуда? Къ чему волосы, безъ которыхъ Венера не понравилась бы Марсу? Все это служитъ украшеніемъ; этой цѣли достигаетъ и мой трудъ: что можетъ быть пріятнѣе, какъ вставить порой въ разговоръ какой-нибудь разсказъ, примѣнить его содержаніе? Въ раскрытіи этого содержанія, котораго и не подозрѣвали въ поэтическихъ вымыслахъ — вторая цѣль труда и его польза. Богъ дастъ, и впредь будутъ люди, преданные искусству поэзіи, имъ моя книга послужитъ, по крайней мѣрѣ, своими родословными [1]). Лишь бы она понравилась тебѣ, обращается Боккаччьо къ королю, а о другихъ мнѣніяхъ я не забочусь.

Иные станутъ соболѣзновать, что мой трудъ полонъ недочетовъ, непроченъ и потому недолговѣченъ. Но пробѣловъ я ожидалъ и предупредилъ о нихъ заранѣе; что до долговѣчности, то вѣдь Иліонъ палъ скорѣе бѣдной хижины Аглая Софидія; а я напередъ наказалъ своему труду быть смиреннымъ, смиренныхъ Богъ милуетъ. Пусть говорятъ себѣ, что хотятъ, я говорю, что же-

1) XV, 1: fiet saltem tabulis preciosum.

лаю [1]). Я сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ твои велѣнія, снова взываетъ авторъ къ королю, если мой трудъ устоитъ, то по милости Божіей и твоей удачей. — Трудъ не устоитъ, скажутъ другіе, потому что дурно построенъ: грудь изъ черепа, изъ груди голени. На это я не знаю, что и отвѣтить. Я сказалъ въ самомъ началѣ, что начало генеалогіи спорное; я избралъ то, которое показалось мнѣ древнѣйшимъ, и къ нему, какъ съумѣлъ, пристроилъ остальные члены. Иного порядка я не нашелъ, не смотря на то, что трудился прилежно и много книгъ перерылъ. Пусть научатъ меня фактами, не ограничиваясь голословными обличеніями [2]).

Что многаго у меня не достаетъ, многія лица не упомянуты въ генеалогіяхъ, это я знаю; виною недостатокъ книгъ, моя память. Если порой я позволялъ себѣ толковать смыслъ басенъ, что̀ не по моимъ силамъ, то я слѣдовалъ въ этомъ желанію твоего Величества, отвѣтственность на тебѣ; я могъ кое-что проглядѣть, вѣдь смыкались глаза и у Аргуса, а у меня всего два глаза, да и ихъ часто побѣждаетъ сонъ. Но пусть мои противники дополнятъ пропущенное, предложатъ новыя объясненія; думаю, что я работалъ честно и правдиво [3]), и хотя быстрыми шагами приближаюсь къ старости [4]), не боюсь, а напротивъ жажду поучиться.

Упрекъ въ томъ, что онъ приводитъ «неслыханныя басни и исторіи» и трудные тексты, онъ устраняетъ указаніемъ на древнѣйшіе комментаріи, послужившіе ему источникомъ; что до трудности текста, но вѣдь ни на кого не угодишь: легкій и понятный вызоветъ обвиненіе, что это писано для школьниковъ, напишешь поискуснѣе, назовутъ писателя шероховатымъ [5]). Онъ обращался

1) XV, 2: dicant isti, quod volunt, et ego quod cupio arbitror.
2) XV, 3.
3) XV, 4: etsi non plene, verum tamen atque sancte scribere ratus sum.
4) Etsi jam totis pedibus in senium tendam.
5) XV, 5.

и къ новымъ авторамъ, характеристиками которыхъ мы уже воспользовались [1]), черпалъ и изъ малоизвѣстныхъ; нѣкоторая неразборчивость объясняется новостью его труда: гражданскіе и каноническіе законы вызвали, по множеству текстовъ (умноженныхъ людскою злобой), цѣлый аппаратъ толкованій, философскія, медицинскія книги и Священное писаніе [2]) комментируются и толкуются; одна поэзія, какъ не приносящая выгоды, была въ загонѣ; пришлось брать матеріалъ, гдѣ онъ попадался. безъ особаго разбора [3]), даже въ безыменныхъ глоссахъ.

О греческихъ стихахъ [4]), встрѣчающихся въ моемъ трудѣ, скажутъ несомнѣнно, что приводилъ я ихъ для хвастовства. Отвѣчу завистникамъ, по обыкновенію, спокойно: у меня были и еще есть творенія Гомера, изъ нихъ я почерпнулъ многое, ибо лучше брать изъ источника, чѣмъ изъ потоковъ; къ тому же стихи разбиваютъ однообразіе текста, приведенные въ подлинникѣ дѣйствуютъ убѣдительнѣе, я только подражалъ Цицерону, Макробію, Апулею, Авзонію. Мнѣ скажутъ, что тогда это было хорошо, теперь же напрасный трудъ, ибо никто не понимаетъ греческаго языка. Мнѣ остается только пожалѣть латинянъ, забывшихъ даже греческую грамоту: въ союзѣ съ греческой литературой, латинская, обнявшая весь западъ, выиграла бы въ блескѣ [5]), да и древніе римляне не все взяли у грековъ, осталось многое, намъ неизвѣстное, познаніе чего было бы намъ на пользу. Но объ этомъ въ другой разъ; мои критики, вѣроятно, не знаютъ, что мой трудъ написанъ для ученѣйшаго короля, которому, если вѣрить молвѣ, одинаково знакома и греческая и латинская письменность, при которомъ постоянно пребываютъ греки, имъ эти стихи покажутся не лишними. Но пусть такъ: и написалъ ихъ—не безъ намѣренія

1) Сл. выше стр. 331 слѣд.
2) XV, 6: sacrae litterae.
3) Absque tam celebri selectione.
4) XV, 7: graeca carmina.
5) Lucidiores.

показать себя [1]); къ чему же порицать меня за то, на что у меня есть право? Это моя честь и слава, что среди этрусковъ я понимаю греческіе стихи [2]). — Боккаччьо разсказываетъ по этому поводу о своихъ занятіяхъ съ Леонтіемъ Пилатомъ. — А на меня сердятся, что я, противъ обычая времени, вмѣшиваю въ латинскую рѣчь греческіе стихи! Дайте же мнѣ хоть немного похвалиться плодами своего труда и снизойдите, памятуя слова Валерія Максима, что нѣтъ столь смиреннаго человѣка, котораго не привлекала бы сладость славы.

Нѣкоторые духовные люди [3]) могутъ соблазниться названіемъ поэтовъ — теологами. Боккаччьо приводитъ по бл. Августину мнѣніе Варрона о трехъ видахъ теологіи [4]), повторяетъ знакомый намъ взглядъ Аристотеля и удерживаетъ отождествленіе. Названіе теологіи не предполагаетъ непремѣнно христіанское содержаніе, миѳическая теологія древнихъ поэтовъ — скорѣе физіологія или этологія; но поэтъ Данте можетъ быть названъ теологомъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова.

Занятіе языческими суевѣріями и генеалогіями боговъ можетъ увлечь въ заблужденія. Это вѣрно, говоритъ Боккаччьо, инымъ его необходимо запретить, но не всѣмъ, иначе церковь такъ бы и постановила. Въ ту пору, когда насаждались первыя сѣмена христіанства, такое чтеніе могло быть вредно; теперь, когда язычество пришло къ уничтоженію, оно опасно для ребятъ и неофитовъ. Что до меня, я не боюсь, хотя бы ничѣмъ другимъ не занимался, ибо со времени моего крещенія, по мѣрѣ бренныхъ человѣческихъ силъ, исповѣдую, что поется въ собраніи вѣрующихъ. — И Боккаччьо парафразируетъ символъ вѣры, называя Іоанна Предтечу суровымъ пророкомъ-отшельникомъ [5]), дьявола

1) Ostentationis causa.

2) Graecis uti carminibus.

3) XV, 8: religiosi homines.

4) Mythica, physica и civilis или politica.

5) XV, 9: ab hispido atque silvycola vate.

Плутономъ, апостоловъ соратниками Христа, цитуя Өому Аквинскаго и Діонисія Ареопагита. Вотъ вѣчныя истины, глубоко проникшія въ мое сердце, ихъ не искоренитъ никакое язычество, ибо если я и грѣшникъ, то, благодаря Бога, не Херея Теренція, котораго изображеніе Зевса, падающаго съ крыши на Данаю (золотымъ дождемъ), возбудило къ желанному имъ поступку. Съ годами прошло и вѣтренное отношеніе къ подобнымъ вопросамъ, чего, впрочемъ, я за собой не помню, и какъ Митридатъ ядами вооружился противъ яда, такъ я противъ сѣтей древняго врага ученіями ап. Павла, Августина и другихъ святыхъ отцовъ. Если, будучи христіаниномъ, я занимался языческими бреднями, то дѣлалъ я это по твоему велѣнію, славный повелитель, подражая, если дозволено сравненіе малаго съ великими, Августину, Іерониму и Лактанцію. Съ малыхъ лѣтъ я знаю, по словамъ псалмопѣвца, что языческіе боги—демоны, ихъ дѣянія всегда были мнѣ противны; но, сознаюсь, нравы и писанія нѣкоторыхъ поэтовъ, если устранить вопросъ объ ихъ религіи, мнѣ нравились, я хвалилъ ихъ и защищалъ отъ нападеній невѣждъ, ибо убѣжденъ, что, еслибъ они познали истиннаго Бога, были бы прославлены и среди христіанъ.—Хорошо, скажутъ мнѣ, ты принялъ мѣры противъ враговъ, но, возясь со смолой, не трудно и замараться; вспомни примѣръ Соломона; ты не сильнѣе-же его? — У него была другого рода опасность: его совратила жена египтянка — а кто не знаетъ, какъ трудно и тяжело бороться съ любимой женщиной, особливо въ ночныхъ бесѣдахъ съ нею? У меня же борьба съ языческими баснями, которыхъ тщету я знаю, и Господь не попуститъ, чтобы подъ старость я совратился съ праваго пути, по которому шелъ съ малыхъ лѣтъ.

Слѣдующая глава [1]) напоминаетъ мотивы De Casibus: бесѣду автора съ Фортуной и оборону Алкивіада и своего собственнаго поэтическаго призванія [2]). Онъ отвѣчаетъ на возможный вопросъ,

1) XV, 10.

2) De Casibus, VI, введеніе; III, 13, 14. Сл. выше стр. 248 слѣд., 276—7.

почему не предпочелъ онъ болѣе почтенныя [1]) занятія цесарскими и каноническими законами, медициной, философіей, наконецъ священнымъ писаніемъ [2]), что̀ предпочтительнѣе всего. Какъ гитаристъ [3]) изъ струнъ различно натянутыхъ и издающихъ не одни и тѣ же звуки извлекаетъ нѣжную мелодію, такъ природа создаетъ различныя способности и призванія на поддержаніе человѣческаго рода, иначе немыслимое. Вотъ почему одинъ родится ремесленникомъ [4]), другой морякомъ, тотъ купцомъ, священникомъ, юристомъ, поэтомъ, философомъ, богословомъ. Что̀-бы вышло, еслибы всѣ предались богословію, и не было земледѣльца? Я хорошо знаю, что всѣ мы одарены свободной волей и можемъ побороть ею силы природы, что̀ инымъ и удавалось, но крайне рѣдко, ибо насъ неудержимо влечетъ къ тому, на что мы родились. И такъ, если мы родились и воспитывались на разное, довольно и того, что мы по мѣрѣ силъ [5]) исполнили свое призваніе, не увлекаясь къ другому; кто пытался это сдѣлать, терялъ свое, не ставъ тѣмъ, чѣмъ желалъ. На какое бы дѣло природа не произвела другихъ людей, меня она расположила отъ чрева матери къ поэтическимъ созерцаніямъ; на это я рожденъ, это доказалъ опытъ.—И Боккаччьо разсказываетъ о напрасныхъ попыткахъ отца сдѣлать изъ него купца или канониста [6]); къ другимъ занятіямъ его не тянуло, отъ богословія его удержали годы [7]) и недостаточность таланта и нежеланіе подъ старость лѣтъ стать школьникомъ въ новой области знанія. И такъ, оставьте сапожника при шилѣ и щетинѣ, меня при моихъ поэтахъ.

Нѣсколько неожиданнымъ является упрекъ, что Боккаччьо потревожилъ прахъ древнихъ царей, предавъ порицанію ихъ

1) Gen. Deor. l. c.: studiis sanctioribus.
2) Sacra volumina.
3) Cytarista.
4) Faber.
5) Plane.
6) Сл. выше т. I, стр. 14 слѣд.
7) Gen. Deor. l. c.: annosa aetas.

славу, и снова возбудилъ вниманіе къ полузабытымъ злодѣяніямъ языческихъ боговъ. Эти обвиненія отзываются язычествомъ [1]), отвѣчаетъ авторъ; никѣмъ не воспрещено писать о дѣяніяхъ царей, достойныхъ или недостойныхъ; ихъ дѣломъ было такъ поступать, чтобы о нихъ можно было разсказать лишь достойное. Обнаруживая негодованіе къ откровенности Боккаччьо, противники рисуются своимъ великодушіемъ, благородствомъ. Дешево они хотятъ пріобрѣсть его: вѣдь оно дается добрыми нравами, справедливостью, святостью, знаніемъ. Пусть соболѣзнуютъ чему-нибудь другому, лучшему, ибо нельзя соболѣзновать недостойнымъ, хотя бы и не язычникамъ. — А что я возбудилъ память о полузабытыхъ мерзостяхъ боговъ, то они не только покоятся сномъ, но и погрязли подъ бременемъ Христовой истины; и я, христіанинъ, потщился увеличить это бремя.

Для однихъ я писалъ слишкомъ сжато, для другихъ—слишкомъ пространно. Первымъ отвѣчу, что я сообщалъ лишь то, что находилъ въ источникахъ, не умножая и не изобрѣтая; никогда бы не кончилъ, если бы старался быть подробнѣе; писалъ для ученѣйшаго короля и для людей понимающихъ; наконецъ, сжатость полезна и въ томъ смыслѣ, то она изощряетъ пытливость; кромѣ того, я желалъ оставить кое-что и для другихъ, чтобы не отбить у нихъ славы. А если иной разъ я былъ пространнѣе, то меня увлекало мое перо, какъ и многихъ, разумнѣйшихъ, чѣмъ я; это можетъ быть полезно для менѣе понимающихъ [2]).

Оставалось удалить еще одно подозрѣніе завистниковъ, будто бы Боккаччьо лишь похвастался, что написалъ свой трудъ по повелѣнію короля. Всѣ мы жаждемъ похвалы, лучшими людьми движетъ желаніе славы, какъ сказалъ Цицеронъ; вѣдь для маленькаго человѣка большая честь услужить достойному повелителю. И я также жажду славы, говоритъ Боккаччьо, но ко лжи неспособенъ. Я гордъ, если назвать гордостью то, что лишь Богу

1) XV, 11: gentilium animum redolet ista conquestio.
2) XV, 12.

воздаю честь и поклоненіе по своей волѣ, а не всѣмъ, кто меня о томъ попроситъ.—Боккаччьо припоминаетъ по этому поводу извѣстныя намъ подробности, какъ король побудилъ его къ труду черезъ посредство Доннино, Беккино Беллинчьони и Павла Геометра [1]). Никогда не видѣлъ я твоего величества, ни ты меня, говоритъ онъ; напрашиваться на твое личное, письменное приказаніе я считалъ излишней гордостью [2]); я повѣрилъ твоимъ посредникамъ; изъ нихъ одинъ, Доннино, умеръ почти въ томъ-же году, другіе живы; они и ты можете свидѣтельствовать за меня. Но у меня есть и другіе свидѣтели, не худородные [3]), а именитые люди: что еслибъ я захотѣлъ украсить свой трудъ королевскимъ именемъ, мнѣ нечего было измышлять нелѣпую басню о Кипрѣ, ибо былъ нѣкій король, хотя и не столь ученый [4]), который самъ попросилъ бы меня посвятить ему мой трудъ, еслибъ разсчитывалъ на мое согласіе, полагая, что не его имя принесетъ мнѣ славу, а мои писанія умножатъ его собственную. Ибо похвалами [5]) писателей превозносятся имена властвующихъ; недаромъ писателей привлекали къ себѣ и поощряли Александръ Македонскій и Помпей, Сципіоны и Катонъ Цензорій, Марій, Цицеронъ и другіе. Неужели сталъ бы я ложно навязываться къ именитому королю съ непрошенной славой, пятная при этомъ мою собственную? Ни при одномъ изъ другихъ моихъ трудовъ нѣтъ подобнаго посвященія; только Буколику я посвятилъ моему дорогому другу [6]) Донато Альбанцани [7]), бѣдному, но честному человѣку, по его просьбѣ; королевскимъ именамъ я не даю предпочтенія. А что короли желаютъ и домогаются такихъ посвященій, то примѣромъ тому славный Робертъ, властитель Іерусалима и Сициліи, про-

1) XV, 13. Сл. выше т. I, стр. 96, II, стр. 106—7, 323 слѣд., 336.
2) XV, 13: mihi superbum visum est.
3) Ex fece plebeia.
4) Esto minus intelligens princeps esset.
5) Suffragiis.
6) Praecipuus amicus.
7) Donatus Appenigena.

сившій знаменитаго мужа, Франческо Петрарку, украсить его именемъ Африку, если онъ не найдетъ ей высшаго назначенія [1]), и не во славу автора, а себѣ въ честь. Не знатныя имена дѣлаютъ писателей извѣстными, писатели даютъ имъ извѣстность; къ хорошему труду ничего не прибавитъ королевское имя, дурной не защититъ отъ нареканій. Я же повторю тебѣ: я такъ упрямо гордъ [2]), что развѣ Богу, но самому Цесарю или Сципіону не посвятилъ бы и одного стихотворенія, иначе какъ по ихъ просьбѣ или по дружбѣ. Пусть король извинитъ меня за откровенность и заставитъ умолкнуть тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, что этотъ трудъ посвященъ ему не по его просьбѣ, написанъ не по его велѣнію.

Трудъ конченъ, сказано многое въ защиту его и автора, который самъ сознаетъ свои недостатки и проситъ короля исправить ихъ, пополнить, что нужно, украсить стилистически. Если же онъ отвлеченъ государственными обязанностями, то авторъ предоставляетъ себя на судъ людей вѣрующихъ и благочестивыхъ, особенно именитаго своего учителя Франческо Петрарки: пусть съ свойственнымъ имъ благодушіемъ они устранятъ его заблужденія, либо направятъ ихъ на пусть святой истины. Онъ будетъ доволенъ своимъ трудомъ, если удовлетворилъ короля; но не вмѣняй это мнѣ въ заслугу, заключаетъ онъ: не мнѣ честь, и не моему знанію, а Тому, отъ Кого исходитъ все благое. Не намъ Господи, не намъ, а имени Твоему [3]).

VII.

«Генеалогіи боговъ» заслуживали подробнаго разбора; послѣ Декамерона это второе казовое произведеніе Боккаччьо: одно завершило его юность, другое его ученую зрѣлость; оба вызвали

1) Ni altius tribuisset.
2) Superbe obstinatus.
3) XV, 14.

оппозицію и защиту трудовъ и автора; между ними лежитъ періодъ колебаній и перелома къ ригоризму въ нравственныхъ понятіяхъ и, что для насъ важнѣе, къ классической эрудиціи отъ итальянской поэзіи: періодъ Корбаччьо; а между тѣмъ, у Генеалогій тѣ же враги, что и у Декамерона, отъ котораго Боккаччьо уже успѣлъ отречься. Онъ хотѣлъ идти впередъ и уходилъ, измѣнилось многое въ его міросозерцаніи, но осталась та же складка ума, тѣ же пріемы мышленія, тѣ же критеріи, не вызванные и не измѣненные новымъ матеріаломъ знанія, который мы зовемъ гуманистическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющіе сущность гуманизма, какъ критическаго начала. Эту цѣльность направленія Боккаччьо, очевидно, не ощущалъ въ себѣ, но ее чуяла оппозиція.

Въ чемъ состояли нападки на автора Декамерона[1])? Говорили что онъ занимается баснями, не дающими хлѣба, когда могъ бы заниматься дѣломъ; это нападки практиковъ; говорили особенно о его непристойности, о зломъ языкѣ, не щадящемъ, напримѣръ, монаховъ, и звали его на Парнасъ, къ серьезнымъ музамъ. Въ этихъ противникахъ не трудно угадать тѣхъ, отъ которыхъ ему придется, главнымъ образомъ, оборонять и поэзію: люди схоластическаго закала, старой литературной традиціи, святоши, замыкавшіеся отъ всего новаго, ибо оно грозитъ скандаломъ. Что имъ претило въ Декамеронѣ — мы знаемъ: не соблазнъ отдѣльныхъ новеллъ, — онѣ давно были въ обиходѣ, — а то, что эти новеллы собрались въ одну человѣческую «комедію ошибокъ», и въ нихъ ищутъ не одного смѣха, — его бы простили, — а матеріала эстетическихъ и психологическихъ наблюденій, цѣнныхъ сами по себѣ, внѣ счетовъ съ очередными нравственными воззрѣніями; это и вызвало скандалъ. Смѣхъ или осужденіе уживались съ старымъ критеріемъ нравственности, личный анализъ, не исключая смѣха, грозилъ ея устоямъ. Это было новшество Боккаччьо; новшество безсознательное: его разскащики люди на-

1) Сл. выше, т. I, стр. 533 слѣд.

божные, въ Декамеронѣ есть партіи, проникнутыя не только христіанскимъ, но и церковнымъ благочестіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ струѣ анализа проносился незримый ядъ, и его результаты обѣщали сложиться въ систему личной нравственности, въ которой многое будетъ оправдано и многому прощено, что не оправдывалось и чему не прощали.

Перейдемъ къ противникамъ Генеалогій, то есть, собственно поэзіи. Петрарка защищалъ ее отъ нападеній медиковъ, также опровергая доказательства, почерпнутыя изъ Боеція; Боккаччьо въ XIII-й эклогѣ ломалъ за нее копья съ купцами, въ XII-й—съ юристами, врачами и богословами; въ Генеалогіяхъ число противниковъ поэзіи возросло: это неучи-тунеядцы и интеллигентные болтуны, юристы—и наконецъ тѣ же схоластики-богословы. Оставимъ неучей; врачи и юристы — это, очевидно, тѣ практики Декамерона, которые соблазняли Боккаччьо хлѣбными занятіями, но и съ ними нельзя не считаться, какъ съ представителами извѣстнаго образовательнаго преданія, средневѣковой системы знаній, въ которой поэзіи не было мѣста. Интеллигентные болтуны нахватались итальянскихъ книжекъ, да и своимъ схоластикамъ Боккаччьо совѣтуетъ не ограничиваться такимъ чтеніемъ, а обратиться къ болѣе серьезному; разумѣются въ первомъ случаѣ тѣ энциклопедическія знанія, которыя составляли ученое содержаніе итальянской до-Боккаччьевской литературы: отрывочные переводы кое-какихъ классиковъ, дидактическіе и правоучительные трактаты; схоластики-богословы приносили съ своей стороны спеціальную начитанность въ церковныхъ авторахъ и церковные взгляды. Это—чтенія Данте, за вычетомъ свѣтлой виргиліевской струи; схоластиковъ, противниковъ языческихъ поэтовъ, мы навѣрно встрѣтили бы въ той партіи, которая заподозрила Петрарку въ зависти къ творцу Божественной комедіи [1]), въ флорентійскихъ критикахъ Африки, которыхъ Петрарка вызывалъ написать что-нибудь по-латини, не ограничиваясь разглаголь-

1) Сл. выше стр. 278 слѣд.

ствованіемъ по угламъ, среди бабъ и шерстобитовъ, на народномъ языкѣ [1]).—Особо стоятъ въ вопросѣ о поэзіи средневѣковые раціоналисты, поклонники Аверроэса, и тѣ новѣйшіе діалектики, которые осуждали Платона и Аристотеля и пожимали плечами надъ стилемъ Виргилія, потому что онъ слишкомъ злоупотребляетъ — союзами [2]).

Обратимся къ схоластикамъ, изображеніе которыхъ у Боккаччьо напоминаетъ характеристику монаховъ-святошей у Дамьяни [3]), также падкихъ на кличку «равви». Ихъ протестъ противъ классической поэзіи обусловленъ ея религіознымъ и нравственнымъ содержаніемъ, то и другое къ соблазну вѣрующихъ; но нѣчто другое, безсознательное, стояло за этими мотивами, которые и въ XIV вѣкѣ могли казаться обветшалыми. Прошло то время, когда церковь поднималась противъ чтенія языческихъ авторовъ; ихъ не только читали, но и пересказывали, путемъ аллегоризма сюжеты и символы миѳа успѣли занять мѣсто въ духовной живописи; миѳы обезвреживались иносказаніемъ, «морализовали» такимъ образомъ самого Овидія. Ко всему этому пріучились; въ чемъ же вина Боккаччьо? Въ самой затѣѣ Генеалогій, въ массѣ миѳологическаго матерьяла, послѣдовательно истолкованнаго. Какая-нибудь скандальная новелла, къ какимъ бы ни вела она сомнительнымъ этически выводамъ, не поражала; но сто одна новелла Декамерона указывали на начала этики, независимой отъ церковныхъ книгъ. Отдѣльные миѳы толковались иносказательно; это была остроумная забава, не манившая къ обобщенію; въ связи Генеалогій забава очутилась серьезнымъ откровеніемъ: за богами новѣйшей героической формаціи являлись другіе, въ которыхъ древній человѣкъ выразилъ свои понятія о единомъ началѣ сущаго и его проявленіяхъ, свои посильныя стремленія къ добродѣтели и истинѣ. Этотъ взглядъ, лишь

1) Sen. II, 1.
2) Sen. V, 2.
3) Opusc. XII, 17.

кое-гдѣ нарушенный демонизмомъ, поднималъ этическое содержаніе язычества, ставя его не только хронологически, но и по существу, внѣ критики христіанства; чѣмъ виноватъ Виргилій, что не причастенъ истинной вѣрѣ? Онъ былъ бы славой христіанскаго имени. Еслибы Орфей, Виргилій и Овидій постоянно держались того, что смутно ощущали по наитію природы (то-есть, идею единобожія), они пришли бы къ пониманію той-же истины, что и мы, говорилъ Лактанцій [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ поднималось и значеніе языческой поэзіи, какъ выразительницы миѳа; эта было не нѣчто вредное и лишь терпимое, а высокое искусство, и призваніе, и дѣло, довлѣющее само себѣ, и лишь уклоненія отъ его идеала вызываютъ порицаніе; неясныя, таинственныя нити объединяли ее на разстояніи тысячелѣтій, сблизили Музея съ Моисеемъ, заставили языческихъ поэтовъ вступить на стези пророческихъ пѣвцовъ, всѣхъ— искать на разныхъ путяхъ одной и той же истины и беречь ее отъ толпы въ драгоцѣнной оправѣ иносказаній.—И здѣсь опека церкви устранялась; поэзія искала себѣ оправданія въ томъ самомъ принципѣ аллегоризма, въ которомъ церковь находила осужденіе миѳа. Такъ измѣнился критерій, что Боккаччьо ратуетъ за поэзію оружіемъ Лактанція.

Поэзія-богословіе — это идея, высказанная Петраркой, и не имъ впервые, но только Боккаччьо обставилъ ее массою примѣровъ, разработалъ аналитически, и получилась система, заставившая схоластиковъ волноваться, какъ отъ нравственныхъ выводовъ Декамерона. Съ схоластиками и считается Боккаччьо, защищаясь и нападая; онъ ихъ не уважаетъ, они глупы, но сильны другимъ, и онъ старается показать, что въ состояніи биться ихъ-же оружіемъ, и постоянно заявляетъ о своемъ правовѣріи. Мы знаемъ, что былъ и другой поводъ къ такимъ заявленіямъ, психологическій: въ колебаніяхъ, иногда овладѣвавшихъ Боккаччьо, въ невольныхъ сомнѣніяхъ, когда на новыхъ путяхъ

1) Div. Inst. I, 5.

передъ нимъ внезапно возставалъ грозный призракъ прошлаго. Его старый знакомый, Пьетро да Монтефорте, «хозяинъ Піэридъ», писалъ ему, что его книга о языческихъ богахъ какъ бы нуждается таинствъ христіанской религіи [1]); онъ объяснялся и защищался, вторя Іоанну Салисберійскому, что языческихъ поэтовъ подобаетъ читать лишь людямъ, крѣпкимъ въ вѣрѣ; когда какой-нибудь наивный мистикъ, вродѣ Чьяни, пугалъ его вѣчными муками, его воображеніе настраивалось на ужасное, онъ падалъ духомъ но, какъ клерикъ старой легенды, онъ навсегда обручился съ статуей древней богини; поэзія антика увлекала его безсознательно въ тотъ чудесный міръ,

où le ciel sur la terre
Marchait et respirait dans un peuple de dieux;
Où Vénus-Astartè, fille de l'onde amère,
Secouait, vierge ancore, les larmes de sa mère
Et fécondait le monde en tordant ses cheveux;
..............où les nymphes lascives
Ondoyaient au soleil parmi les fleurs des eaux
Et d'un éclat de rire agaçaient sur les rives
Les Faunes indolents couchés dans les roseaux....
Où tout était divin, jusqu'aux douleurs humaines.
(Musset, Rolla).

И Боккачьо снова неудержимо тянуло въ святилище языческихъ боговъ, и онъ вступалъ въ него съ амулетами молитвы и Символа вѣры,—потому что ему не жить безъ поэзіи, которую онъ отождествляетъ съ этикой, съ человѣчнымъ содержаніемъ латинской древности. Онъ по призванію поэтъ. Не даромъ сказалъ онъ о себѣ въ своей эпитафіи:

Studium fuit alma poesis.

VIII.

Люди дѣйствительно даровитые никогда не ошибаются на счетъ своей даровитости, но часто цѣнятъ въ себѣ не то, что

1) Сл. выше т. I, стр. 103—4.

дѣйствительно цѣнно; у поэтовъ бываетъ слабость къ сомнительнымъ произведеніямъ своей музы, Шекспиръ тщательно переиздавалъ свои сонеты и поэмы, забывая о драмахъ. Потому-ли, что великимъ поэтамъ недостаетъ полноты самосознанія?

Shakespeare, o profondeurs! voyait-il tout Shakespeare?

спрашиваетъ Гюго. Можно отвѣтить на это проще и не такъ поэтично: часто сознательный, устойчивый трудъ, положенный на извѣстное дѣло, оставляетъ въ авторѣ болѣе раздѣльное впечатлѣніе, чѣмъ безсознательно творческая мысль, которая его одушевила и отложится въ будущемъ, какъ законъ новаго движенія. То, что намъ важно въ Генеалогіяхъ—это ихъ идея, обоснованіе свободной, свѣтской поэтики; Боккачьо цѣнилъ въ нихъ главнымъ образомъ потраченную на нихъ матеріальную работу и фактическое расширеніе древности—въ сторону Гомера. Этимъ онъ далъ толчекъ къ позднѣйшему развитію ученаго эллинизма, но самъ обогатился имъ не идейно, а фактически. Воззрѣнія Генеалогій не зависимы отъ ихъ гомеровскихъ цитатъ. Какое важное значеніе давалъ Боккаччьо именно матеріальной сторонѣ своей книги, видно изъ его признанія [1]): онъ хотѣлъ сдѣлать для поэзіи, что существовало для богословскихъ, юридическихъ и другихъ наукъ, ученый аппаратъ, систематическій толковый сводъ разныхъ свѣдѣній о миѳахъ и богахъ и сродныхъ сюжетахъ—на пользу менѣе опытныхъ читателей, для которыхъ написанъ и послѣдній его трудъ, Географическій словарь [2]).

Боккаччьо принялся за него ради отдыха и развлеченія, по окончаніи большаго труда [3]), можетъ быть, Генеалогій, то-есть принялся за приведеніе въ порядокъ замѣтокъ, которыя дѣлалъ себѣ, читая для Генеалогій и во время работы надъ ними;

1) XV, 6.

2) De Montibus, Sylvis, Fontibus, Lacubus, Fluminibus, Stagnis, seu Paludibus, de nominibus Maris.

3) Введеніе: Surrexeram equidem fessus a labore quodam egregio.... assumpsi loco jocosi laboris studentibus poetarum illustrium libros aut antiquorum hystorias revolventibus in aliquo levi ope si possem velle prodesse.

тогда-же у него могла явиться идея собрать ихъ въ одно цѣлое, то, что приходило на память, не дѣлая новыхъ разысканій [1]), и онъ дважды указываетъ въ Генеалогіяхъ на этотъ будущій сводъ, подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ: De Montibus et Fluminibus. Единственно, что можетъ повести къ заключенію, что подъ «большимъ или изряднымъ трудомъ» разумѣются не Генеалогіи, а нѣчто другое, это заявленіе о De Montibus, какъ уже написанной работѣ [2]); но она могла быть написана и по окончаніи Генеалогій, хотя и до ихъ выхода въ свѣтъ, что случилось, какъ извѣстно, гораздо позже. Если боязнь соперничества съ учителемъ (Петраркой), о чемъ говорится въ послѣсловіи къ словарю, имѣетъ ввиду его Itinerarium Syriacum, составленный, вѣроятно, до 1363-го года, можетъ быть, въ 1361-мъ году [3]), то мы получили бы нѣкоторую, хотя и колеблющуюся точку отправленія для опредѣленія времени, когда Боккаччьо принялся за редакцію своего географическаго труда.

Послѣ небольшаго введенія, въ которомъ объясняется естественный порядокъ изложенія (горы прежде лѣсовъ, на нихъ растущихъ и т. д.), слѣдуютъ географическіе, расположенные въ порядкѣ алфавита, перечни: горъ, лѣсовъ, источниковъ, озеръ, рѣкъ, болотъ и морей; каждому отдѣлу предшествуютъ вступительныя статьи. Книжка должна была служить пособіемъ при чтеніи классическихъ поэтовъ и историковъ: Боккаччьо беретъ свой матеріалъ изъ древнихъ авторовъ [4]), сопоставляя ихъ свѣдѣнія, повѣряя одно другимъ. Цитатъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, случайныхъ, нѣтъ: это не отвѣчало практической цѣли

1) Сл. въ заключеніи трактата: Esto (ut ab initio testatus sum) quietis causa non anxium acremque sed jocosum laborem assumpsi, a quo ne adversus intentionem meam defatigarer, quicquid in memoriam venit nulla indagine solertiori peracta concessi calamo.

2) Scripsi VII, 50; сл. ib. 30.

3) Сл. выше стр. 85.

4) Введеніе: Celebres inter auctores quoscunque et potissime gentiles; заключеніе: Maiorum imitatus sum monumenta et potissime poetarum illustrium, circa quos plurimum hactenus versatus sum.

труда, но новѣйшая критика возстановила объемъ чтеній Боккаччьо; онъ богаче матеріала, которымъ пользовался авторъ Dittamondo; кромѣ поэтовъ привлечены: Аристотель, Варронъ, Цезарь, Титъ Ливій, Витрувій, Помпоній Мела, Сенека, Іосифъ Флавій, Курцій, Солинъ, Евсевій съ добавленіями Іеронима, Сервій, Вибій Секвестръ, Орозій, Марціанъ Капелла, Исидоръ Севильскій, Лактанцій Плацидъ, глоссаторъ Стація. Изъ Географическаго словаря Вибія Секвестра, также расположеннаго въ алфавитномъ порядкѣ, Боккаччьо черпалъ съ лихвою, но его интересовали и современныя географическія извѣстія; его старый учитель Андалоне ди Негро странствовалъ по всѣмъ частямъ свѣта [1]), самъ онъ вносилъ въ свою рабочую тетрадь реляціи о путешествіяхъ [2]); у него къ этому такая-же страсть, какъ у Петрарки, тотъ также любитъ путешествовать, хотя бы — по картѣ [3]); самъ онъ многое видѣлъ [4]), о многомъ разспрашивалъ у очевидцевъ; греческія названія гавани и мысовъ на Понтѣ [5]) онъ могъ слышать отъ моряковъ, но сознается, что главные его источники письменные, свидѣтельства древнихъ, которымъ онъ склоненъ вѣрить болѣе, чѣмъ показанію своихъ глазъ [6]). Это уваженіе къ древнему преданію не мѣшаетъ ему порой обнаруживать сомнѣніе, недовѣрчиво улыбаться [7]), и разбирая мнѣнія о положеніи Каспійскаго моря, выразиться такимъ образомъ: Какое изъ мнѣній вѣрно, рѣшатъ болѣе свѣдущіе [8]), ибо я не смѣю не

1) Сл. выше т. I, стр. 76.

2) Сл. выше, стр. 102.

3) Sen. IX, 2.

4) Въ введеніи къ отдѣлу De Fluminibus: de his potissime dico quos... ipsi sumpsimus oculis regiones varias peragrantes.

5) Calosulimen, Cruimeropon, Parthemon въ De Maribus a. v. Calosulimen.

6) Въ заключеніи: Pauca quaedam visa aut fidedignis audita ultra quam scripta compererim apposui; nec inficiabor: vidi quaedam se aliter habere quam veterum rationes ostendunt, quibus tamen indulgens fui, ut mallem potius eorum auctoritati quam oculis credere meis.

7) Сл. въ отдѣлѣ De Montibus a. v. Canatus; въ отдѣлѣ De Fluminibus a. v. Adonius, Marsia, Ister, Padus.

8) Diligentioribus.

довѣрять древнимъ и не могу не повѣрить современникамъ-очевидцамъ [1]).

Статьи словаря неравномѣрны, какъ и отдѣлы Генеалогій; это зависѣло отъ качества источниковъ; иногда и самъ Боккаччьо распространялся ввиду читателей, какихъ онъ себѣ воображалъ. Свѣденія сообщаются разнообразныя: топографическія, физическія и археологическія; говорится о мѣстныхъ культахъ и достопримѣчательностяхъ въ стилѣ mirabilia; разсказываются миѳы съ ихъ толкованіями; Нептуну посвящена особая небольшая статья; объясняются собственныя имена, напр. Авентина, Палатина, Понта, причемъ Боккаччьо рискуетъ и собственную этимологію: Понтъ, можетъ быть, мостъ (pons), ибо онъ замерзаетъ. Подъ Tinolus (гора въ Киликіи или Меоніи) замѣчено: Tinolus, или какъ другіе вѣрнѣе пишутъ, Tmolus, сливая i и n въ m, — какъ то часто дѣлаютъ греки; названіе Тибра, звавшагося прежде Albula, перенесено на него отъ канала, вырытаго плѣнными аѳинянами для жителей Сиракузъ: въ сущности это греч. ybris: injuria, съ приставкою t; одна изъ многихъ этимологій, изъ которыхъ ни одна не невозможна, замѣчаетъ Боккаччьо. Различныя названія одной и той-же мѣстности, горы или рѣки, или колебанія въ ихъ объясненіи отразились въ Словарѣ распредѣленіемъ матеріала по разнымъ рубрикамъ: Эриданъ и Падъ, Дунай и Истръ, Amimoneus и Lerneus (fons); статьи: Beris [2]), Cardenni, Ocila отсылаютъ къ Арарату, Тавръ къ Кавказу.

Какъ и можно было ожидать, итальянская часть словаря вызываетъ въ насъ особый интересъ: здѣсь Боккаччьо могъ многое видѣть лично, и археологическія воспоминанія сливаются для него съ впечатлѣніями современности. Съ любовью описаны мѣстности вокругъ Неаполя и Байскаго берега, воспѣтыя въ Филострато и Фьямметтѣ [3]). Точка отправленія — географія классиковъ: Бок-

1) De Maribus a. v. Caspium mare.

2) Baris, Jos. Ant. Iud. 1, 3, 6.

3) Сл. De Montibus: Inarimes (сл. Gen. Deor. IV, 22), Massicus, Vesevus; De Fontibus: Baiarum fontes, Ciceronis fons, Leucogei fontes; De Lacubus: Anius,

каччьо ищетъ подъ Неаполемъ рѣки Sebetus — и не находитъ: развѣ это безыменный потокъ, вытекающій изъ подошвы Везувія и впадающій въ море у Неаполя. Такъ пропала когда-то воспѣтая Виргиліемъ рѣка Numicius, а о Рубиконѣ мало кто и знаетъ: жители зовутъ его теперь Pisciatello. Поэтическія имена исчезли, и Боккаччьо отыскиваетъ соотвѣтствующія имъ въ средневѣковой и современной географической номенклатурѣ: Helia зовется теперь Veglia [1]); Тавроменія еще и Eusebonсora [2]), заливъ Полы — Кварнаро [3]), Saturnia porta на Капитолійскомъ холмѣ названа была впослѣдствіи porta Pandana [4]); Glanicus, теперь Гарильяно [5]); сообщаются итальянскія наименованія устьевъ По [6]); Везувій вызываетъ воспоминаніе о страшномъ изверженіи при Неронѣ; теперь гора не курится и не извергаетъ пламени, жители зовутъ ее Somma [7]), у ея подошвы происходила битва между римлянами и латинами, въ которой консулъ Публій Децій обрекъ себя подземнымъ богамъ [8]).

Вниманіе Боккаччьо дѣлится между историческими и физическими впечатлѣніями мѣстности: первыя провожаютъ его отъ локализованнаго миѳа къ оцѣнкѣ современныхъ отношеній, вторыя отъ баснословныхъ разсказовъ, которые онъ принимаетъ на вѣру, къ личнымъ наблюденіямъ, показывающимъ, что и къ деталямъ природы онъ присматривался такъ же внимательно, какъ и къ явленіямъ человѣческой жизни.

Avernus съ замѣчаніемъ, что по мнѣнію «невѣжъ» здѣсь былъ входъ въ преисподнюю; De Fluminibus: Sarnus, Sebetus; De Maribus: Baianus sinus, Misenus sinus и др. Сл. описаніе Байскаго берега въ Itin. Syr. Петрарки у Lumbroso, l. c. стр. 34 слѣд.

1) De Montibus a. v. Palinurum.

2) De Flum. a. v. Taurominus.

3) De Maribus a. v. Polaticus sinus.

4) De Montibus a. v. Capitolinus mons.

5) De Fluminibus a. v. Glanicus.

6) L. c. a. v. Padus.

7) Vulgo Summam vocitant.

8) De Montibus a. v. Vesevus.

Однажды Геркулесъ зашелъ въ горы Этруріи; его попросили показать свою силу, и онъ воткнулъ въ землю свою желѣзную палицу, которую лишь онъ одинъ былъ въ состояніи выдернуть; теперь на этомъ мѣстѣ озеро [1]). Монте Кассино, горы Гарганъ и Соракте вызываютъ не только классическія воспоминанія, но и память о св. Бенедиктѣ, папѣ Сильвестрѣ и о чудѣ арх. Михаила [2]); въ Арицинскомъ лѣсу вѣщала нимфа Эгерія и умеръ Симонъ магъ [3]); съ высоты «королевской» горы [4]) Альбоинъ впервые увидѣлъ Италію; на рѣкѣ Калорѣ при Беневентѣ погибъ въ битвѣ Манфредъ [5]) и тамъ же былъ похороненъ, пока, по повелѣнію папы Климента, его тѣло не бросили на берегахъ рѣки Верде [6]), какъ человѣка, отлученнаго отъ церкви; болото Сатура или Астура дало названіе городу, извѣстному плѣномъ Свева Конрадина [7]). На горѣ Algidus, недалеко отъ Рима, городокъ того-же имени; теперь тамъ лѣсъ и водятся разбойники [8]); Монако — гнѣздо генуэзскихъ пиратовъ, какъ въ Дек. II, 10 [9]); Болонья, около которой протекаетъ Рено [10]), все еще славная mater studiorum. Пафлагонцы, переселившіеся въ Италію съ Антеноромъ, назвались венетами [11]); но это не нынѣшніе венеціанцы, эти произошли отъ падуанскихъ рыбаковъ, и такъ имъ благопріятствовала судьба и собственная ловкость, что они возмнили о себѣ, хотятъ захватить власть на морѣ, готовы измѣнить и старое его имя, изъ адріатическаго въ венетское [12]). Они, быть можетъ, имѣются

1) De Lacubus, a. v. Cuminius lacus.
2) De Montibus a. v. Casinus, Garganus, Soractes.
3) De Sylvis a. v. Aricinum nemus.
4) De Montibus a. v. Regis mons.
5) De Fluminibus a. v. Calor.
6) L. c. a. v. Virdis.
7) De Stagnis a. v. Satura.
8) De Montibus a. v. Algidus.
9) L. c. a. v. Monychus promontorium.
10) De Fluminibus a. v. Rhenus.
11) De Montibus a. v. Cithorius.
12) De Maribus a. v. Venetum mare.

ввиду, когда объ эгейскомъ морѣ говорится, что надъ нимъ тяготѣетъ теперь иго рабства [1]); въ комментаріяхъ къ Божественной Комедіи венеціанское владычество на Критѣ названо тиранніей; или разумѣется турецкая власть на морѣ, на которую жаловался въ своей рѣчи къ папѣ Бенедикту XI Варлаамъ?

Естественно-историческія воззрѣнія Боккаччьо стоятъ на уровнѣ его времени: онъ вѣритъ, что рѣки получаютъ свои воды изъ океана черезъ подземные каналы, и серьезно вноситъ въ свой словарь разныя тератологическія диковинки, напр. объ одномъ озерѣ въ Апеннинахъ: камень или что-либо другое, въ него брошенное или попавшее, производитъ страшную бурю [2]); о двухъ рѣкахъ въ Калабріи, воды которыхъ окрашиваютъ въ бѣлый или черный цвѣтъ [3]). Иныя сообщенія интересны, напр. о потокѣ Черреторіо между Пистойей и Луккой, въ извѣстные періоды времени извергающемъ и влекущемъ громадное количество камней [4]); такъ разсказывали тамошніе жители, но самъ авторъ видѣлъ, во времена короля Роберта, несмѣтное количество заснувшей рыбы, извергнутое Авернскимъ озеромъ: внутри онѣ были черны и пахли сѣрой, вѣроятно, онѣ подохли отъ того, что въ озерѣ обнажились въ ту пору сѣрныя жилы [5]). Окаменѣлыя раковины Чертальдо, остатки древняго потопа, издавна привлекали вниманіе Боккаччьо [6]): онъ говоритъ о нихъ по поводу рѣки Эльзы, протекающей мимо стараго замка Чертальдо, «о которомъ я любовно храню память, ибо это была осѣдлость и родина моихъ предковъ, прежде чѣмъ Флоренція приняла ихъ въ число своихъ гражданъ»; вещи, брошенныя въ Эльзу у ея истоковъ, покрываются каменной корою [7]). Симпатіи къ Флоренціи сказались тѣмъ, что

1) l. c. a. v. Aegeum mare.

2) De Lacubus a. v. Scaphagiolus.

3) De Fluminibus a. v. Crotides и Sabaris; сл. еще Cherius.

4) L. c. a. v. Cerretorium.

5) De Lacubus a. v. Avernus.

6) Сл. выше стр. 61 и прим. 3, стр. 327.

7) Сл. De Fluminibus a. v. Elsa; то-же въ комментаріяхъ на Божественную Комедію.

Арно помѣщенъ въ числѣ рѣкъ не въ порядкѣ алфавита, а первымъ, ибо это мнѣ родная рѣка, знакомая мнѣ съ дѣтства [1]), говоритъ Боккаччьо, описывая ея теченіе; на пути отмѣчены: Анчиза, гдѣ жили предки свѣтила поэтовъ, Франческо Петрарки; затѣмъ краса Италіи, Флоренція. Арно не судоходенъ, не богатъ рыбами, но на его берегахъ совершались славные подвиги; Боккаччьо упоминаетъ лишь объ одномъ, въ которомъ самъ Арно какъ-бы лично принималъ участіе: внезапно выйдя изъ береговъ, онъ остановилъ Аннибала, шедшаго отъ Фьезоле къ Ареццо, при чемъ часть пунійскаго войска погибла, самъ Аннибалъ лишился одного глаза; случилось это, быть можетъ, въ долинѣ Флоренціи; не отъ того-ли флорентійцы издавна зовутся слѣпыми? [2]) Еслибъ и другія рѣки поступили такъ же, пунійцу пришлось бы сражаться слѣпымъ, либо оставить Италію въ покоѣ.

Анчиза заставила Боккаччьо помянуть Петрарку; тѣмъ болѣе Соргія въ Воклюзѣ [3]); она знаменита издревле, станетъ еще знаменитѣе пѣснями и пребываніемъ новаго гостя [4]) — ибо сюда удалился изъ новаго Вавилона, ища уединенія, славный мужъ Франческо Петрарка, мой согражданинъ и наставникъ. Пріобрѣтя домикъ и клочекъ поля, довольствуясь услугами своего работника, вдали отъ всякихъ соблазновъ, онъ честно и свято провелъ здѣсь цвѣтущую пору своей юности, и не въ пустомъ тунеядствѣ и наслажденіи прелестной природой, а среди неусыпныхъ, священныхъ занятій. Боккаччьо перечисляетъ нѣкоторые изъ его твореній [5]); они свидѣтельствуютъ скорѣе о божественномъ, чѣмъ

1) Quia patriae flumen sit et mihi ante alios omnes ab ipsa infantia cognitus.

2) Ob semicaecatum hostem florentini.... cognominati sunt caeci. Въ комментаріяхъ на Божественную Комедію Боккаччьо даетъ иное легендарное объясненіе этого прозвища. О другихъ сл. брошюру Corazzini, знакомую мнѣ по Bulletino della Società Dantesca italiana, v. I, fasc. 8, стр. 157—8.

3) De Fontibus a. v. Sorgia.

4) Novi hospitis.

5) Африку, Буколику, посланія въ стихахъ и прозѣ; инвективы противъ врачей и De vita Solitaria.

о человѣческомъ талантѣ. Петрарки нѣтъ болѣе въ Воклюзѣ, но его обитель стала какъ-бы святыней, жители показываютъ ее приходящимъ, а сыновья и внуки почтятъ еще большею честью память великаго поэта [1]).

Мы уже знаемъ, что паломничество къ святынѣ Петрарки началось еще при его жизни [2]); онъ съумѣлъ сдѣлать его интереснымъ; такіе панегиристы, какъ Боккаччьо, проторили къ тому путь. Даже въ послѣсловіи къ своему словарю онъ нашелъ возможнымъ восхвалить своего учителя за его географическіе труды, которыхъ мы почти не знаемъ, а себѣ удѣлилъ скромную роль работника, связаннаго плачевными условіями своихъ источниковъ, принужденнаго довѣряться неисправнымъ текстамъ. Ошибались авторы, и это простительно: они не все могли видѣть сами; переписчики, скорѣе копировальщики [3]), не находятъ извиненія. Прежде этимъ великимъ дѣломъ занимались лишь люди знающіе [4]), теперь смѣло берется за него всякій, лишь бы умѣлъ выводить и связывать буквы, и беретъ деньги; что всего хуже, нерѣдко, бросивъ прялку и тканье, на это отваживались и женщины. Они копируютъ, не понимая, выпускаютъ и измѣняютъ, случайно или по неразумѣнію, вслѣдствіе чего страдаетъ орѳографія, двоегласныя исчезаютъ или не отмѣчены соотвѣтствующими значками, нѣтъ знаковъ препинанія и тѣхъ, которыми мы привыкли обозначать измѣненія слова; въ результатѣ мы читаемъ не то, что писали древніе, знаменитые авторы. Если писецъ и замѣчаетъ порой свою ошибку, не исправляетъ ее, чтобы не набросить на себя тѣнь и рукопись вышла чистая. Въ обыкновенныхъ случаяхъ знаніе грамматики помогаетъ возстановить

1) Quasi obsoleto veteri aquarum miraculo post ejus discessum aestatis fervore superato tamquam sacrarium quoddam et quodam numine plenum ejus hospitium visitant incolae ostendentes loco miraculi ignaris et peregrinis; nec dubium quin adhuc filii, nepotes et qui nascentur ab illis ampliori cum honore tam vatis administratione (?) vestigia veneretur (sic).

2) Сл. выше стр. 112.

3) Immo pictores.

4) Homines exquisiti ingenii et intelligentes.

написанное, легко было принять за разное и такъ и размѣстить; Боккаччьо предпочиталъ вносить хотя бы лишнія имена, чѣмъ удалять иныя конъектурой; пусть исправятъ его читатели, у которыхъ подъ руками лучшіе тексты. Онъ могъ ошибаться и въ другомъ родѣ, называя напр. рѣку ручьемъ и т. п.; здѣсь онъ всюду связанъ былъ своими источниками, показаніями древнихъ писателей, немногимъ видѣннымъ и слышаннымъ. Его могутъ спросить: почему, назначая свой трудъ для малообразованныхъ [1]), онъ не предпочелъ употреблять современныя названія мѣстностей? Но вѣдь ихъ отношенія къ древнимъ рѣдко можно установить съ точностью, а въ другихъ случаяхъ только предположить; да и словарь назначенъ для уразумѣнія древнихъ писателей, гдѣ и названія древнія.

Боккаччьо спѣшитъ къ цѣли своего пути, когда ароматъ лавра заставилъ его взглянуть въ сторону, и онъ увидѣлъ славнаго, почтеннаго мужа, Франческо Петрарку, своего именитаго учителя: въ вѣнкѣ изъ лавра, онъ медленно шествовалъ по тому-же пути (что и авторъ), серьозно благодушный, видимо трудъ не утомилъ его, онъ погруженъ въ другія, болѣе глубокія думы. Я изумился, говоритъ Боккаччьо: что привело великаго человѣка къ столь скромному порогу? но мнѣ припомнился Виргилій, то выводившій стадо въ долину, то возносившій своего Энея выше звѣздъ. Я покраснѣлъ отъ стыда, бранилъ судьбу, что меня, послѣдняго изъ учениковъ, она заставила соперничать съ учителемъ. Идти-ли мнѣ, или вернуться, изгладивъ слѣды на пути? Многое побуждало меня къ возвращенію: и возвышенный стиль наставника, обаятельный, не смотря на неподходящее содержаніе; и знаніе дѣла, ибо, казалось, онъ все видѣлъ и все удержалъ въ вѣрной памяти. А у меня ни стиля, ни знанія, умъ неповоротливый и слабая память; но тутъ мнѣ вспомнилось старое присловье, что отъ сопоставленія крайности становятся ярче, и я измѣнилъ своему намѣренію: я буду ему не соревнователемъ, а преданнымъ слугой,

1) Rudes.

подобные тексты; но какъ быть съ собственными именами лицъ и мѣстностей? Тутъ одно и то-же названіе, разнымъ образомъ стану уготовлять ему путь. Такъ я дошелъ до конца своей работы и предупреждаю читателей, что если въ ней окажется нѣчто, несогласное съ мнѣніями славнаго мужа, пусть осудятъ меня и слѣдуютъ ему. Я писалъ, что приходило на умъ [1]); онъ-же, я увѣренъ, что̀ писалъ или напишетъ, то все взвѣситъ, во всемъ серьезно разобравшись. Если же найдутъ у меня что либо, согласное съ его писаніями, пусть припишутъ это Господней благости и наставленіямъ учителя [2]).

Еще разъ, какъ въ De Casibus, является знакомый намъ идеализованный образъ человѣка, котораго Боккаччьо неизмѣнно звалъ своимъ учителемъ въ гуманизмѣ, котораго избралъ себѣ примѣромъ для подражанія, объектомъ поклоненія. Въ этомъ онъ искрененъ, увлекается до скромности, до забвенія своей самобытности. Между тѣмъ оба вышли къ той же цѣли разными путями, независимо другъ отъ друга, и когда вліяніе Петрарки стало возможнымъ, Боккаччьо былъ уже сложившимся человѣкомъ. Только путь Боккаччьо былъ труднѣе, цѣль достигалась борьбою; онъ больше самоучка, работалъ урывками, не прошелъ университетской школы, хотя, быть можетъ, въ вопросахъ гуманизма отъ нея и нечего было ожидать многаго; позднѣе отсутствіе средствъ и досуга мѣшали спокойной работѣ. Такъ онъ сталъ объ руку съ Петраркой. Оба одинаково идутъ въ римскую древность, неутомимые начетчики, но съ разными вкусами: одинъ чутче къ афоризму, другой любитъ и эпическій фактъ. Увлеченіе классическими авторами развило у того и другого потребность критики, нерѣдко наивной культъ изящной латинской рѣчи и композиціи; въ послѣднемъ отношеніи Петрарка выше, виртуознѣе Боккаччьо, онъ могъ на досугѣ отдѣлывать свои ученые трактаты, какъ обработывалъ стиль дружескихъ писемъ. Оба

1) Quod in buccam venit.

2) Doctrinae ascribatur suae.

лелѣяли идеалъ исторической, культурной Италіи, который пытались приложить къ современности, дабы оправдать въ ней, что считали своимъ общественнымъ идеаломъ — и расходились вслѣдствіе различнаго пониманія свободы, и въ той-же древности они находили матеріалъ для анализа тѣхъ сторонъ своей личной жизни, тѣхъ насущныхъ спросовъ своего я, которыхъ законность они ощущали страстно и вмѣстѣ боязливо, не встрѣчая имъ оправданія въ христіанской этикѣ. Здѣсь они согласны, гуманистическіе трактаты Петрарки и Боккаччьо отражаютъ вопросы, которые ставила себѣ ищущая себя личность; только у Петрарки они одностороннѣе, общѣе, неоткровеннѣе; это монотонная виртуозность Canzoniere; Боккаччьо весь на лицо. Какъ его итальянскія писанія до Декамерона разсказали внутреннюю исторія его любви, такъ, послѣ перелома Корбаччьо, его латинскія сочиненія послѣдовательно выразили исканіе новыхъ путей: любовь и нравственность, нравственность и извѣстность, судьба и призваніе, призваніе и сознаніе поэта, защита поэзіи — вотъ путь отъ біографій Именитыхъ женщинъ къ Роковой участи великихъ людей и, далѣе, къ Генеалогіямъ Боговъ.

XI.

ПРАКТИЧЕСКІЕ НЕДОЧЕТЫ И БѢДНЫЙ ДОСУГЪ ВЪ ЧЕРТАЛЬДО.

I.

Мы снова возвращаемся къ внѣшней біографіи Боккаччьо, отъ которой отвлекла насъ характеристика его гуманистической дѣятельности.

Съ весны 1350-го года, послѣ поѣздки въ Миланъ и до ноября 1361-го, онъ живетъ во Флоренціи, усердно занимается съ Леонтіемъ Пилатомъ, погруженъ въ Гомера; у него кончены или на очереди окончанія книги объ Именитыхъ женщинахъ и Великихъ людяхъ, редактируются Генеалогіи. Но энтузіазму работы не отвѣчали ни матеріальное положеніе Боккаччьо, ни тревожная политическая жизнь Флоренціи. Занятія требовали обезпеченности, покоя, а Боккаччьо по прежнему стѣсненъ, чувствуетъ потребность въ поддержкѣ и не рѣшается поступиться своей свободой; эти вопросы волнуютъ его, мы видѣли, какъ они отразились въ его перепискѣ съ Петраркой. О поэтическомъ уединеніи не могло быть и рѣчи въ городѣ, гдѣ по изгнаніи герцога Аѳинскаго[1]) и пораженія родовой знати продолжалась соціально-политическая борьба между мелкимъ рабочимъ людомъ[2]), получившимъ доступъ къ высшимъ должностямъ, и богатой буржуазіей. Слѣдствіемъ этого переворота было приниженіе нравственнаго и интеллигентнаго уровня въ правящихъ классахъ, потому что съ аристократіей удалились доблесть и великодушіе, а въ новыхъ людяхъ, призванныхъ отъ ремесла къ управленію го-

1) Сл. выше т. I, стр. 178 слѣд.

2) Popolo minuto.

родомъ, онѣ не возжигались[1]). Изъ среды буржуазіи выбирались такъ называемые начальники гвельфской партіи[2]), назначеніемъ которой было блюсти гвельфскіе интересы Тосканы, орудіемъ — введенный въ 1358-мъ году законъ «аммониціи», по которому простое подозрѣніе и ложный оговоръ въ гибеллинствѣ вели къ денежнымъ пенямъ, изгнанію или казни. Средство было опасное, нерѣдко служившее личнымъ цѣлямъ, и оно вызывало протесты: за аммоницію стояли Альбицци, противъ нея ратовали семьи Альберти, Риччи, Медичи. Явились заговоры, нерѣдко воображаемые, репрессивныя мѣры. Въ 1360-мъ году на обратномъ пути изъ Авиньона черезъ Миланъ, гдѣ онъ видѣлся съ Петраркой, и Болонью, пріѣхалъ во Флоренцію Аччьяйоли. Какъ флорентійскій гражданинъ, онъ могъ быть избранъ на одну изъ общественныхъ должностей, ибо его имя стояло въ числѣ кандидатовъ, онъ самъ былъ на лицо, и избирательныя урны какъ разъ почти пусты. Но онъ былъ слишкомъ вліятеленъ и силенъ — для флорентійской свободы и возбудилъ подозрѣнія; чтобъ удалить ихъ отъ себя, онъ выѣхалъ изъ Тосканы, но когда вскорѣ послѣ того прошли слухи о какомъ-то готовившемся во Флоренціи переворотѣ, подозрѣнія усилились; именно ввиду Аччьяйоли изданъ былъ законъ, запрещавшій быть пріоромъ всякому гражданину, владѣющему городами или замками и правомъ уголовнаго суда. Въ томъ же году два пріятеля Боккаччьо, Никколо̀ ди Бартоло дель Буоно и Пино деи Росси были обвинены по подозрѣнію, будто-бы вмѣстѣ съ Бортоломмео ди мессеръ Аламанно деи Медичи они затѣвали предать республику въ руки партіи Риччи; Маттео Виллани не вѣритъ, чтобъ они причастны были заговору, это на нихъ взвели; но Пино деи Росси былъ изгнанъ, дель Буоно, какъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ, поплатился головой: тотъ самый Никколо̀ ди Бартоло дель Буоно, котораго въ послѣсловіи

1) Machiavelli, Stor. fior. l. II, въ концѣ; l. III, c. 1.
2) Capitani di parte guelfa.

къ Амето Боккаччьо назвалъ своимъ единственнымъ другомъ, образцомъ истинной дружбы [1]).

Когда Боккаччьо забывался своей наукой, поэзiей, ему и тутъ не было покоя: ему твердили, что онъ занимается вздоромъ и по дѣломъ голодаетъ, что его занятiя вредны и безбожны. Онъ отбивался и шутилъ и торжествовалъ надъ схоластиками и боязливо гналъ отъ себя сомнѣнiя. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ нравственной усталости и могъ къ нему явиться, вѣроятно, въ Iюнѣ 1361-го года, монахъ Джьоаккино Чьяни, явился отъ лица недавно скончавшагося картезiанскаго монаха Пьетро де' Петрони († 1361-го года, 21-го мая), слывшаго за человѣка святого, удостоеннаго откровенiй свыше. Незадолго до смерти ему было видѣнiе: онъ видѣлъ въ сiянiи Христа, разгнѣваннаго на людей за ихъ корыстолюбiе; лицезрѣлъ селенiя праведныхъ и муки грѣшниковъ, изъ которыхъ иныхъ называлъ по имени; многiе изъ нихъ считались при жизни за людей добродѣтельныхъ и благочестивыхъ; ему открыты были всѣ дѣла и тайныя помышленiя смертныхъ, извѣстныя одному лишь Богу. И вотъ святой поручилъ своему любимому ученику, котораго сдѣлалъ участникомъ своихъ помысловъ, Джьоаккино Чьяни, пойти въ мiръ и повѣдать тѣ откровенiя людямъ, которыхъ самъ онъ никогда не видѣлъ, которыхъ дотолѣ не зналъ даже по имени: однихъ пусть увѣщеваетъ любовно, другихъ сурово, всѣхъ обращая на правый путь. Съ такимъ-то порученiемъ Чьяни явился и къ Боккаччьо, человѣку ученому, въ то время чуть не вождю тосканскаго краснорѣчiя [2]). Монахъ обратился къ нему наединѣ, ласково и серьезно: онъ пришелъ отъ лица святого; Боккаччьо не зналъ его, но за то святой зналъ его отлично и молился за него. И вотъ Чьяни держитъ проповѣдь,

1) Сл. выше т. I, стр. 176 и 291—2 (гдѣ ошибочно напечатано: Бартоло дель Буоно вм. Никколò и т. д.); Matteo Villani l. X, c. 24 слѣд.; Gino Capponi, Storia della repubblica di Firenze, I, стр. 311—312.

2) Virum litterarum sane studiosum atque tunc temporis hetruscae eloquentiae facile principem.

обличая роскошное житіе [1]), заблужденія Боккаччьо, его любовныя писанія [2]), увлекающія другихъ ко грѣху. Дары ума и краснорѣчія онъ употребилъ не во славу Божію, а въ услуженіе сатанѣ, на снисканіе бренной славы и почестей, на развращеніе нравовъ. Подумай, Джьованни, каковы твои дѣла передъ Господомъ, когда ты являешь себя врагомъ цѣломудрія, потворщикомъ сладострастія, когда твои сочиненія—орудія дьявола, совращающающія души къ Венерѣ [3]), самъ ты и словомъ и писаніями и нравами — примѣръ другимъ скверны и разврата [4]). Я не щажу тебя, потому что мнѣ дорого твое спасеніе; умоляю тебя, вѣщаю отъ лица Пьетро: оставь свой образъ жизни, брось гибельную поэзію [5]), обратись на путь добродѣтели, къ болѣе строгимъ нравамъ и занятіямъ. Если ты не внемлешь тому, говорю тебѣ вѣщаніями того-же мужа, что кара близка и что скорѣе, чѣмъ ты думаешь, будетъ конецъ и твоимъ мірскимъ занятіямъ [6]), и твоей жизни.—Въ заключеніи Чьяни открылъ Боккаччьо тайну, которую никто не могъ знать, кромѣ Бога; и Боккаччьо рѣшился озаботиться своимъ нравственнымъ оздоровленіемъ, разстаться съ поэзіей [7]) и даже продать свои книги [8]).

Всѣ эти подробности мы знаемъ изъ житія бл. Пьетро, написаннаго около 1362-го года учениками святого, бл. Джьованни Коломбини и Никколо́ Винченци. Итальянскій подлинникъ житія,

1) Luxus.

2) Amatoria studia.

3) In Venerem.

4) Verendum mihi interdum arbitror, ne divinae justitiae gladius in te sit intentus, quandoquidem tuis ipse litterarum monumentis honestati bellum indicis, dum intemperantiam et lasciviam, dum turpitudinem et flagitiosam illam tuam verborum licentiam, ad risum concitandum, vel mentes animosque, ut dicis, exhilarandos ante oculos proponis atque uno eodemque tempore in te moribus et verbis effingis.

5) Poetica studia.... exitialem poeticen.

6) Profana studia.

7) Omnia poeticae studia deserere.

8) Manni l. c. part. I, стр. 83 слѣд.; AASS. VII, подъ 29 мая: житіе бл. Пьетро Петрони, откуда взяты предыдущія цитаты.

къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ, сохранился латинскій пересказъ XVII вѣка, принадлежащій флорентійскому картезіанцу, отцу Варѳоломею. Нѣкто Аттиліо Берлингьери доставилъ ему списокъ итальянской легенды, съ просьбой пересказать ее поизящнѣе [1]), что̀ онъ и сдѣлалъ; но онъ не только стилизовалъ ее на-ново, а и повѣрилъ и дополнилъ по документамъ и другимъ даннымъ [2]), среди которыхъ ссылки на авторовъ подлинника какъ то теряются [3]). Къ такимъ постороннимъ свѣдѣніямъ принадлежитъ и письмо Петрарки, которымъ онъ старался ободрить друга, озадаченнаго откровеніями Чьяни. Если для его бесѣды съ Боккаччьо у перескащика житія не было иного источника, кромѣ указаннаго письма, то онъ только развилъ намѣченное въ немъ положеніе, сочинилъ проповѣдь Чьяни, и ему-же принадлежитъ то крайное освѣщеніе, въ которомъ является — раскаяніе Боккаччьо. Мы сказали-бы: растерянность.

Боккаччьо былъ правъ: схоластики-богословы оказались на время сильнѣе его. Въ томъ состояніи нравственнаго напряженія, въ какомъ онъ находился, откровенія монаха его поразили, ярче освѣтивъ его собственныя сомнѣнія. Онъ искалъ опоры въ поэзіи, она, оказывается, чуть не увлекла его на край пропасти; гибель близка, уже поднимаются и грозные образы смерти. Надо бросить занятія, поэзію, книги; книги продать Петраркѣ. Боккаччьо слышалъ, что, разочаровавшись въ итальянцахъ, Петрарка хо-

1) Elegantius retexendum.

2) Ex vetustissimis litteris probatisque auctoribus excerpsi. Многими сообщеніями авторъ обязанъ Celso Cittadini. О дѣятельности бл. Петра у него были и другія свѣдѣнія, не вошедшія въ житіе. Utinam vel Ioachimus (Чьяни) scriptis mandasset, quae ille (т. е. Petrus) Romae, quaeque deinde Neapoli cum Ioanna regina gessit, quae tum cum summo totius Ecclesiae romanae pontifice Avenione per eos dies una cum sacro purpuratorum senatu commorante fecerat; quae mox cum Ioanne Galliae atque inde cum Eduardo Britanniae regibus, ad quos inter se atrociter dissidentes et gravissima subinde bella gerentes Ioachimum vicarium suum Petrus legavit, ut reconciliatis voluntatibus de pacis foedere praepotentis Dei imperio ageret.

3) Ex quo factum est, ut complures nos ipsi audiverimus (addunt auctores nostri) и т. д.

четъ удалиться въ Германію, къ Сарматамъ, увлекая за собою и музъ, и Геликонъ [1]). Неужели это возможно? Онъ напишетъ ему.

Письмо Боккаччьо, къ сожалѣнію, не дошло до насъ; съ содержаніемъ его знакомитъ отчасти посланіе Петрарки. Пока онъ медлилъ отвѣтомъ, Боккаччьо уже успѣлъ пережить то удрученное состояніе духа, въ которое повергли его суевѣрные страхи. А о немъ уже пошла молва, что онъ хочетъ постричься въ неаполитанской Чертозѣ; эта вѣсть вызвала сонетъ Саккетти: Тебя напоили сладкія струи Геликона, писалъ онъ о Боккаччьо, ты обиталъ на Парнасѣ среди музъ, о славный, обильный источникъ краснорѣчія! Но ты уразумѣлъ, что̀ такое нашъ міръ, какъ кратокъ и тѣсенъ нашъ жизненный путь, и до заката бѣжалъ отъ лавроваго вѣнца; тебя влекло къ познанію того, что выше семи небесъ, что познали всѣ, писавшіе объ истинѣ, и, облекшись въ одежду картезіанца, ты устремилъ мысль къ высшему, къ вѣчной славѣ, которую откроетъ тебѣ твоя доблесть [2]).

Такъ говорили о Боккаччьо, а въ немъ снова проснулась любовь къ жизни, къ поэзіи. Онъ не оставитъ ее, а постарается обезпечить; онъ снова попытаетъ счастья у Аччьяйоли.

Боккаччьо былъ уже на обратномъ пути изъ Неаполя, когда Петрарка собрался отвѣтить ему изъ Падуи письмомъ отъ 28-го мая 1362-го года [3]). Посланіе друга и удивило и глубоко опечалило его, когда онъ принялся его читать; читая далѣе, онъ успокоился, успокаиваетъ и Боккаччьо: ему дѣйствительно опротивѣла Италія, гдѣ его, впрочемъ, не заслуженная слава, вызываетъ не признаніе, а зависть; онъ хотѣлъ уѣхать, но не навсегда: онъ въ самомъ дѣлѣ собрался въ Францію и Германію [4]), но военныя дѣйствія заградили ему путь, а въ Германію онъ направлялся лишь

1) Fam. XXIII, 8.

2) Così virtù nel fin vi manifesta. Сл. Manni l. c. parte I, стр. 99—100.

3) Sen. I, 5.

4) Сл. Sen. I, 3; Fam. XXIII, 9, 10, 14.

за тѣмъ, чтобы отвѣтить на любезное приглашеніе императора, нѣсколько разъ звавшаго его къ себѣ; ты вѣдь помнишь, что сказано у Валерія Максима: наши отцы полагали, что кто не оказываетъ уваженія къ властвующимъ, способенъ на всякія преступленія. — Далѣе онъ прямо обращается къ откровеніямъ Чьяни, разбирая ихъ спокойно, разсудительно, иронически, какъ разсудилъ бы самъ Боккаччьо въ пору Декамерона. Петрони удостоился видѣнія Христа; это великое дѣло, если оно—не вымышлено, ибо подъ личиной святости и религіи не въ первый разъ скрывается обманъ. Пока я ничего не утверждаю, увижу посланнаго и тогда посмотрю, на сколько можно ему довѣрять. Ты пишешь мнѣ, что отъ тебя онъ отправился въ Неаполь, хотѣлъ пробраться во Францію и Англію, затѣмъ ко мнѣ. Я разсмотрю его: какихъ онъ лѣтъ, что за лицо, взглядъ, характеръ, внѣшность, движенія и поступь; прислушаюсь къ его голосу и рѣчамъ, и куда они ведутъ. Что онъ повѣдалъ другимъ, не знаю; тебѣ онъ сказалъ, что жить тебѣ осталось не долго и что ты долженъ бросить поэзію. Что до перваго, то твои страхи мнѣ непонятны — и Петрарка подробно развиваетъ идею о неизбѣжности смерти: всякому свой часъ, цитуетъ онъ стихи Виргилія:

Stat sua cuique dies,

тѣ самые, на которыхъ Заноби да Страда построилъ свою вѣнчальную рѣчь, и тотчасъ же иронически замѣчаетъ: Да вѣдь тебѣ запрещена поэзія? Почему? Я уразумѣлъ бы подобнаго рода совѣтъ старику, вздумавшему впервые заниматься этимъ дѣломъ подъ старость лѣтъ; но обращенный къ человѣку, который въ поэзіи не новичекъ, а ветеранъ, и умѣетъ разобраться въ томъ, что полезно и что слѣдуетъ отметать—онъ мнѣ непонятенъ, ибо отнимаетъ у старости, что ей въ удовольствіе и утѣшеніе. Чтобы сталось съ Лактанціемъ, Августиномъ, Іеронимомъ, еслибы къ нимъ обращенъ былъ подобный запретъ? Я, разумѣется, имѣю ввиду старика, понимающаго, что̀ можно извлечь изъ такого рода занятій для познанія вещей, нравовъ, для краснорѣчія и за-

щиты нашей религіи; старика, который знаетъ, что̀ ему думать о прелюбодѣяніяхъ Юпитера, о Меркуріи-своднпкѣ, о разбойникѣ Геркулесѣ, о ткачихѣ Минервѣ — и чѣмъ мы обязаны пресвятой Дѣвѣ и ея Сыну, нашему Спасителю, истинному Богу и истинному человѣку. Если избѣгать поэтовъ и языческихъ авторовъ, то слѣдовало бы избѣгать и еретическихъ писаній; а защитники Христовой вѣры читаютъ ихъ.

Это—одинъ изъ аргументовъ самого Боккаччьо въ Генеалогіяхъ Боговъ; письмо Петрарки переходитъ въ защиту поэзіи и гуманистической науки: ни любовь къ добродѣтели, ни мысль о близости смерти не должны отвлекать насъ отъ литературныхъ занятій, ибо, хорошо направленныя, онѣ именно возбуждаютъ любовь къ добродѣтели и удаляютъ или умаляютъ страхъ смерти; не помѣха, а помощь и утѣшеніе на жизненномъ пути. Недаромъ возбуждали такія похвалы люди, до конца дней сохранившіе это рвеніе. Петрарка приводитъ примѣры; онъ знаетъ, что св. Григорій прославлялъ св. Бенедикта за то, что онъ бросилъ эти занятія—для уединенія и аскезы, но вѣдь онъ бросилъ не только поэзію, а и науку вообще, и я сомнѣваюсь, чтобы его панегиристъ снискалъ себѣ похвалу, если бы подражалъ восхваляемому. Однимъ словомъ: многіе достигли святости безъ науки, но наука не исключаетъ святости; путь отъ невѣжества къ добродѣтели ровнѣе, но это путь лѣнивыхъ и малодушныхъ; путь отъ науки труднѣе, но онъ даетъ болѣе блеска. Великому святому изъ неученыхъ можно противопоставить еще большаго святого изъ ученыхъ мужей.

Далѣе Петрарка обращается къ практической сторонѣ дѣла. Если ты серьезно намѣренъ бросить занятія и отдѣлаться отъ необходимыхъ для того орудій, то-есть, отъ книгъ, то я благодаренъ тебѣ за то, что ты желаешь продать ихъ именно мнѣ. До книгъ, я, какъ ты говоришь, охотникъ; я этого не отрицаю; но хотя, повидимому, я пріобѣтаю мою же собственность (т. е. собственность друга), я не желаю, чтобы книги столь извѣстнаго человѣка разбрелись по непосвященнымъ рукамъ; какъ у насъ съ

тобою одно сердце, такъ пусть и орудія нашихъ занятій достанутся, по нашей кончинѣ, какому нибудь благочестивому учрежденію, на вѣчную о насъ память. Ты просишь меня назначить книгамъ цѣну; сдѣлай это самъ; если ты рѣшишься (чего я всегда желалъ и что ты однажды почти обѣщалъ) провести со мною остатокъ нашихъ дней, твои книги будутъ къ твоимъ услугамъ, равно какъ и мои; ибо и онѣ—твоя собственность. Такъ ты ничего не потеряешь, а еще и выиграешь.—Ты пишешь мнѣ, что у многихъ въ долгу, между прочимъ, у меня; брось эту глупую совѣстливость. За тобой одинъ долгъ — твоя дружба, да и это не долгъ: ты давно и исправно расплатился со мною; развѣ то только, что въ этомъ отношеніи ты постоянно одолжаешься; но вѣдь за то ты постоянно и расплачиваешься. Что касается твоихъ жалобъ на бѣдность, *которыя я слышалъ не разъ*, не стану ни утѣшать тебя, ни приводить примѣры именитыхъ мужей, постигнутыхъ нищетою. Скажу, что всегда говорилъ: ты предпочитаешь независимясть и покойную бѣдность богатствамъ, которыя я тебѣ предлагалъ, хотя и поздно; это я понимаю, но не могу похвалить, что ты пренебрегалъ другомъ, такъ часто звавшимъ тебя къ себѣ. Обогатить тебя я не въ состояніи; если бы могъ, не говорилъ бы и не писалъ бы о томъ, а доказалъ бы дѣломъ; но у меня есть на столько, что хватитъ на двоихъ, съ однимъ сердцемъ и подъ одной кровлей. Ты оскорбляешь меня, отклоняя предложеніе, еще болѣе, не довѣряя мнѣ. Прощай.

Итакъ, Боккаччьо не разъ жаловался Петраркѣ на свою необезпеченность, и Петрарка радушно, дружески предлагалъ ему поселиться у него—но Боккаччьо отклонялъ это; его XVI-ая эклога указываетъ на причины отказа: онъ могъ опасаться, что зависимыя отношенія помѣшаютъ дружбѣ. Подъ богатствами, которыя Петрарка сулилъ Боккаччьо, разумѣется, какъ думаютъ, мѣсто папскаго секретаря, очистившееся по смерти Заноби да Страда († 1361): его предложили Петраркѣ, онъ отказался и указалъ вмѣсто себя на двухъ достойныхъ кандидатовъ; изъ нихъ

одинъ отклонилъ предложеніе, потому что обязанность была слишкомъ трудная [1]).

Это было въ 1361-мъ году; въ томъ-же году Боккаччьо получилъ письмо отъ Аччьяйоли, приглашавшее его раздѣлить съ нимъ его «благоденствіе». Какъ и при какихъ условіяхъ вновь завязались эти связи—остается неизвѣстнымъ; онѣ сулили давно желанный поэтическій досугъ, и, забывъ предыдущую неудачу, Боккаччьо въ ноябрѣ пустился въ путь, забравъ свои книги и брата Якова. Это указывало на переселеніе, на желаніе основаться въ Неаполѣ.

Знакомый намъ Нелли провелъ 1357—8-й годъ въ Авиньонѣ, куда въ 1359-мъ году переселился изъ Неаполя Заноби; съ 1358-го Нелли снова во Флоренціи, въ 1361-мъ въ Неаполѣ при Аччьяйоли, въ качествѣ его секретаря и мажордома [2]). У него были старыя отношенія къ семьѣ патрона: онъ былъ ближнимъ человѣкомъ флорентійскаго епископа Анджело Аччьяйоли; мать Никколо̀ обрѣла гробницу въ церкви св. Апостоловъ, гдѣ Нелли былъ пріоромъ [3]). «Великаго сенешаля», очевидно, вновь обуяла идея обставить себя поэтическимъ Парнасомъ [4]): Нелли замѣнилъ при немъ Заноби, теперь онъ звалъ къ себѣ Боккаччьо и Петрарку, по его порученію Нелли писалъ тому и другому. Сохранилось лишь письмо Нелли къ Петраркѣ отъ 6-го ноября 1361-го года [5]): онъ долго не писалъ ему, потому что, не смотря на возрастъ, требующій покоя, все время былъ въ разъѣздахъ, очевидно, сопровождая Аччьяйоли; и теперь пишетъ, а рука дрожитъ: онъ схватилъ обычную въ Апуліи осеннюю лихорадку. Онъ проситъ Петрарку внять пламеннымъ желаніямъ друга — Аччьяйоли: его ждутъ; мѣстность на побережьи между Амальфи и Салерно поспоритъ красотой съ самыми красивыми въ Италіи,

1) Sen. I, 2, 4.
2) Spenditore. Сл. Cochin l. c. стр. 121—2 и 131.
3) l. c. стр. 15 прим. 1; стр. 76 прим. 2.
4) Сл. выше т. I, стр. 57—8.
5) У Cochin № XXVII.

самая подходящая для поэта; есть, гдѣ уединиться, есть и города, на случай отдыха отъ занятій; воздухъ на берегу и на горахъ мягкій, безоблачное небо, масса садовъ, полныхъ аромата и плодовъ, не переводящихся круглый годъ. Нелли не забылъ сказать и вообще о жизненныхъ припасахъ: ихъ вволю, подвозятъ съ суши и съ моря. Пріѣзжай; если не что другое, пусть побудитъ тебя моя преданность; я буду тебѣ покорнымъ, ревностнымъ слугою.

Петрарка не поѣхалъ[1]), и Аччьяйоли сѣтовалъ впослѣдствіи, что, по волѣ небесъ, не удостоился того, чего такъ жаждала его душа; онъ утѣшится письмами къ нему Петрарки: онѣ прославятъ его имя не менѣе, чѣмъ его собственные подвиги[2]).

Поѣхалъ Боккаччьо; его также вызывали, но приняли какъ-то неряшливо, пренебрежительно, забывали, волочили обѣщаніями. Можетъ быть, Нелли оказался не расторопнымъ, былъ слишкомъ повадливъ къ Аччьяйоли, а тотъ, занятый болѣе важными дѣлами, не спѣшилъ устроить пріѣзжаго. Очевидно, тутъ не было желанія обидѣть его, но для Боккаччьо, съ его щепетильнымъ отношеніемъ къ вопросамъ свободы и меценатства, всякое невниманіе было уколомъ. Онъ молилъ, заявлялъ и выносилъ; такъ прошло шесть мѣсяцевъ. Въ маѣ 1362-го года онъ пустился въ обратный путь, откланявшись Аччьяйоли и Нелли и обоихъ обвиняя. Онъ мѣшкалъ по дорогѣ; въ Италіи снова ходила чума: она была въ Неаполѣ[3]), во Флоренціи; Боккаччьо миновалъ Флоренцію и весной 1363-го года пріѣхалъ въ Венецію, къ Петраркѣ, который, очевидно, не зналъ объ его неаполитанской поѣздкѣ, когда отвѣчалъ ему по поводу Чьяни и еще 13-го марта 1363-го года писалъ ему подробно, жалуясь на флорентійскихъ критиковъ, завистливо копошившихся въ нѣсколькихъ стихахъ его Африки[4]).

1) Sen. I, 2.

2) Сл. письмо Аччьяйоли у Cochin, стр 309—10: 18-го марта 1362-го года? Сл. l. c. стр. 139.

3) Сл. письмо Нелли отъ 20 дек. 1362 г. у Cochin № XXX.

4) Sen. II, 1.

Въ Венеціи Боккаччьо получилъ письмо отъ Нелли отъ 22-го апрѣля 1363-го года. Въ Неаполѣ, вѣроятно и, можетъ быть, непритворно недоумѣвали, почему онъ «бѣжалъ»; его удаленіе называли бѣгствомъ, оно неприлично; казалось въ порядкѣ вещей, что Боккаччьо будетъ ждать, какъ ждали вообще литературные кліэнты; но онъ не умѣлъ ни льстить, какъ Заноби-Коридонъ, ни игнорировать, какъ Петрарка, не умѣлъ себя поставить. Когда въ 1360-мъ году на пути изъ Авиньона Аччьяйоли посѣтилъ въ Миланѣ Петрарку [1]), котораго до тѣхъ поръ не зналъ лично, онъ явился къ нему полный смиренія и благоговѣйныхъ чувствъ. Такъ разсказываетъ самъ Петрарка въ письмѣ къ Заноби [2]): онъ жилъ тогда за городомъ въ монастырѣ св. Симплиціана, и какъ Помпей сложилъ знаки своего консульскаго достоинства въ низменной хижинѣ Посидонія, такъ Аччьяйоли переступилъ за скромный порогъ Петрарки съ непокрытой головой, чуть не палъ ницъ, какъ склонилъ бы чело поклонникъ Парнаса, вступая въ храмъ Аполлона и музъ. Всѣ присутствовавшіе, а между ними были именитые люди, были поражены, тронуты до слезъ: такъ поразила всѣхъ его величественная наружность, привѣтливость, знаменательное молчаніе въ началѣ и серьезныя рѣчи. Онъ окинулъ взглядомъ мои книги, товарищей и пищу моихъ занятій, иныя разсмотрѣлъ пристальнѣе, держа себя такъ мило и изящно, что лучшаго нельзя себѣ представить, продолжаетъ Петрарка. Мы бесѣдовали о многомъ; онъ остался дольше, чѣмъ длится обычный визитъ, удалился нехотя и на долго наполнилъ мое убѣжище блескомъ своего присутствія: это съ благоговѣніемъ ощутитъ всякій посѣтитель, кому дорога доблесть. Что еще сказать о немъ? Весь городъ возликовалъ отъ его прибытія, точно отъ его яснаго чела исходили радость и покой. Любезный нашимъ правителямъ, милый народу, онъ сталъ мнѣ дороже прежняго, хотя я думалъ, что не въ состояніи полюбить его больше, чѣмъ

1) Сл. выше стр. 454.
2) Fam. XXII, 6.

любилъ; молва о немъ не обманула меня, онъ оказался ея выше, чего я никогда ни на комъ не испыталъ, и читалъ лишь о немногихъ.

Эту сцену интересно было припомнить, чтобы понять ея контрастъ съ пріемомъ, который встрѣтилъ Боккаччьо въ Неаполѣ. Если повѣрить ему, все его неаполитанское пребываніе — одна мартирологія; таковой она дѣйствительно могла ему показаться; онъ могъ преувеличивать, но его разсказъ останется яркой картинкой литературныхъ нравовъ XIV вѣка; вспомнимъ испытанія Франческо да Фіано [1]). Съ его самолюбіемъ не считались и, вдобавокъ, его же обвинили.

Это его взорвало, и 7-го іюня онъ написалъ свое знаменитое посланіе къ «мессеру Франческо»: памфлетъ ярче Корбаччьо, негодующій и сдержанно-ироническій, въ которомъ достается и слабому, покладистому Нелли, и интеллигентному барину изъ мѣщанъ, державшему поэтовъ въ людской, Аччьяйоли. Письмо дошло до насъ въ итальянскомъ текстѣ; его предполагали переводомъ съ латинскаго, но ничто не мѣшаетъ видѣть въ немъ подлинникъ Боккаччьо [2]).

Я хотѣлъ молчать, пишетъ онъ Нелли, но ты задѣлъ меня своимъ язвительнымъ письмомъ. Жаль, что честному человѣку нельзя сказать истины безъ того, чтобы его не обвинили въ злословіи, а меня, обиженнаго, еще и обвиняютъ, и я принужденъ объясниться.

Ты называешь меня человѣкомъ стекляннымъ [3]), нѣженкой, недотрогой; это для меня не новость, ты и прежде меня такъ обзывалъ; говоришь, что я вспыльчивъ [4]), и наконецъ пишешь, что мнѣ не слѣдовало уѣзжать такъ внезапно, урываться отъ твоего мецената, такъ сказать, нахрапомъ [5]): все бы устроилось по моему

1) Сл выше стр. 176 слѣд.

2) Corazzini, l. c. стр. 131 слѣд.

3) Uomo di vetro.

4) Subito.

5) La fuga.... arrapare.

желанію, и тревожить его было безсмысленно. Затѣмъ ты совѣтуешь мнѣ вернуться, выждавъ время, если меня пугаетъ чума и лѣтніе жары, и завѣряешь честнымъ словомъ, что все мнѣ будетъ приготовлено; твой меценатъ, видишь ли, устыдился, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, ибо многимъ показалось, что произошелъ онъ по его винѣ; еслибы ему въ голову пришло повѣрить мнѣ (т. е. моимъ жалобамъ), я бы не уѣхалъ, а еслибы и уѣхалъ, то меня проводили бы на родину съ подобающимъ почетомъ и дарами. Многое еще говоришь ты въ томъ-же родѣ, пріятнаго и важнаго. О какъ бы я посмѣялся, что бы отвѣтилъ, еслибы захотѣлъ! Но смѣху будетъ свой чередъ, а на твое письмо я отвѣчу, не такъ, какъ ты заслуживаешь, а какъ пристало моему достоинству.

Если бы иной кто написалъ то-же, что ты, ему можно было бы найти извиненіе, ибо онъ ошибся бы по невѣдѣнію; но ты обо всемъ зналъ и знаешь, что написалъ противъ убѣжденія. Ты, можетъ быть, скажешь, что запамятовалъ; люди дѣйствительно забываютъ, но не то, что случилось недавно. Что-же сказалъ бы ты, еслибъ все это приключилось годъ тому назадъ? Вѣдь еще года не прошло, какъ о моей невзгодѣ говорили въ Мессинѣ въ ту пору, когда умеръ нашъ король Людвигъ (Людвигъ Тарентскій † 26 мая 1362 года)—а ты такое пишешь 22-го апрѣля слѣдующаго года! Ужь не скажешь-ли, что я забывчивъ? Но если самъ ты не отвѣдалъ отъ воды Леты, то долженъ помнить собственноручныя ко мнѣ письма твоего мецената, знаменитаго покровителя музъ, какъ убѣдительно просилъ онъ меня пріѣхать, какія давалъ обѣщанія, лишь-бы я явился—принять участіе въ его благоденствіи [1]). И при желаніи мнѣ не солгать, вѣдь у меня цѣлы письма, они покажутъ истину; пусть ихъ у меня потребуютъ. Сознаюсь, я нѣсколько колебался по прочтеніи письма [2]), опа-

1) Ch'io venissi a participare seco la felicità sua.

2) Lette le lettere tue. Lettere въ значеніи лат. litterae: одинъ изъ латинизмовъ письма, въ которыхъ видѣли слѣды оригинала. Разумѣется письмо Аччьяйоли, которому противополагается далѣе письмо (epistola) Нелли. Оттого tue (lettere) не переведено, какъ лишнее.

сался, поминая прежніе опыты, не скрывается ли за широкими обѣщаніями, необычною щедростью и сладкими словами что нибудь неладное, оскорбительное. Я не довѣрялся, но твое письмо разсѣяло сомнѣнія и, не въ укоръ твоему меценату, тебѣ я повѣрилъ. Меня побудили не обѣщанія, не твои уговоры, а то, что мой образъ жизни на родинѣ и мои занятія тебѣ извѣстны, и я былъ убѣжденъ, что ты не посовѣтуешь человѣку зрѣлыхъ лѣтъ вживаться въ новые, ему непривычные нравы. Такъ я и послѣдовалъ твоему совѣту; а дабы ты не обвинялъ меня въ неблагоразуміи, напомню о письмѣ, которое я написалъ тебѣ (списокъ съ него у меня): въ немъ я подробно объяснялъ тебѣ, съ какими намѣреніями я ѣхалъ къ вамъ; коли ты предъявишь его, то увидишь, сдѣлалъ-ли я что-либо несогласное съ нимъ.

Но къ чему тратить слова? Пріѣхавъ въ недобрый часъ, я встрѣтилъ въ Ночерѣ тебя и твоего великаго человѣка. Что за счастливый день, что за привѣтливая встрѣча! Точно я вернулся изъ подгородныхъ къ Неаполю мѣстъ: ни веселаго лица, ни дружескихъ объятій и словъ; напротивъ: твой меценатъ едва подалъ мнѣ руку; съ такими то недобрыми знаменіями вступилъ я въ его домъ [1]). На слѣдующій день мы прибыли въ Неаполь, и здѣсь мнѣ тотчасъ-же удѣлили частицу обѣщаннаго мнѣ благосостоянія; удѣлилъ ты, ибо ты вѣдь былъ поставленъ управлять роскошными хоромами; хорошую, почетную часть; очевидно, надъ этимъ долго размышляли.

У твоего мецената, какъ тебѣ извѣстно, знатные города и замки, деревни и дворцы и большія помѣстья; въ этой то роскоши есть частица, уголокъ, мглистый, затканный паутиной, пыльный и смрадный, которымъ погнушался бы самый послѣдній человѣкъ; я часто, въ разговорѣ съ тобой, называлъ его корабельнымъ

1) Въ текстѣ, иначе непонятномъ, я вставилъ отрицаніе: Non altrimenti che s'io tornassi da' borghi o dal contado vicino a Napoli [non] con viso ridente, con amichevole abbracciare e graziose parole dal tuo Mecenate ricevuto sono, anzi, appena portami la mano ritta и т. д.

люкомъ [1]), куда сваливаютъ всѣ нечистоты; сюда-то, въ этотъ удѣлъ обѣщаннаго мнѣ счастья, и сослали меня, пріѣхавшаго издалека, не какъ пріятеля, а какъ преступника [2]). Это мое первое впечатлѣніе. Не думай, чтобъ я забылъ его.

Была половина ноября, ходила чума, отъ холоднаго воздуха все цепенѣло, а по твоему распоряженію мнѣ, усталому старику, отвели вмѣстѣ съ братомъ дырявую горенку, почти на сѣверъ; вещи стояли на каменномъ полу, матрасъ набитъ шерстью и сшитъ горбами, его, должно быть, недавно вытащили изъ подъ какого-нибудь погонщика муловъ; одѣяла на него не хватало, да и оно было вонючее; подушки [3]) не было. Кто привыкъ спать на соломѣ, для того это была находка. Не забуду я этой ночи, полной стигійской мглы, печальной и тревожной для насъ обоихъ, особенно для старшаго. Казалось, никогда не настанетъ день; и такихъ ночей было много, еще худшихъ; почему не подложили намъ морской травы или водорослей, если ужъ не нашлось папоротника или дрока? Да, хорошо меня приняли, лучше не встрѣчали римляне плѣнныхъ Персея и Сифакса. А ты-то, умный человѣкъ [4]), будто не помнилъ, какая у меня была комнатка дома, какъ мало соотвѣтствовали тому твои приготовленія! Или твои слуги полагали, что я обратился въ собаку, какъ несчастная Гекуба? По милости Божіей, я еще человѣкъ, грязныхъ и сорныхъ угловъ я нашелъ бы вдоволь и въ своемъ отечествѣ, не зачѣмъ было мнѣ трудиться пріѣзжать въ Неаполь, чтобы жить въ люкѣ. Но этого мало: присоедини къ этому домашній столъ, блестящую обстановку и пріятныхъ сотрапезниковъ. Пишу тебѣ обо всемъ этомъ не потому, чтобы ты этого не зналъ, а дабы устыдить тебя хоть немного. Итакъ вступавшихъ въ эти царственные покои, съ ихъ золотыми балками и отдѣлкой изъ сло-

1) Sentina.
2) Nocivo.
3) Piumaccio.
4) Oculato.

новой кости, представлялась въ печальномъ контрастѣ, поражавшемъ зрѣніе, вкусъ и слухъ, небольшая глиняная лампочка въ углу, въ которой полупотухшая отъ скуднаго олея свѣтильня грустно боролась за свою жизнь. Съ другой стороны столикъ, покрытый грубой, грязной скатертью, изгрызенной временемъ или собаками, не покрывавшей всего стола; на ней нѣсколько мутнаго цвѣта стакановъ; вмѣсто скамьи — скамеечка о трехъ ногахъ, для того, вѣроятно, чтобы успокоеніе сидящихъ за роскошной трапезой не перешло въ сонъ, хотя въ очагѣ не было огня и все было полно кухоннаго дыма и смрада. Я готовъ согласиться съ тобой, что такъ жила и такъ царственно пиршествовала Клеопатра съ своимъ Антоніемъ.—Начинали отовсюду собираться бароны: объѣдалы, лизоблюды, погонщики муловъ и мальчишки, повара и поваренки, однимъ словомъ придворные псы и мыши, лучшіе потребители помоевъ. Они шныряли повсюду, наполняя домъ своимъ мычаніемъ; что всего болѣе поражало мои глаза и носъ, это то, что кружки и сосуды съ виномъ, переходя изъ рукъ въ руки, разбивались, и вино и пыль смѣшивались подъ ногами въ грязь, заражавшую воздухъ своею вонью до тошноты и рвоты. Затѣмъ являлся мажордомъ [1]) царскаго дома, грязный, неприглядный, одѣтый соотвѣтственно всему окружающему; его глаза слезятся отъ дыма, въ рукахъ нѣсколько огарковъ; хриплымъ голосомъ и жезломъ онъ подаетъ знакъ къ битвѣ, приказывая размѣщаться тѣмъ, кто будетъ ужинать. Я съ немногими садился за первый столъ, самый почетный въ «люкѣ», а напротивъ меня бросалась усаживаться какъ попало, не выжидая приказа, грязная, безпорядочная толпа. Всякій прилаживался къ стойлу, жадный до жратвы; мои глаза противъ желанія нерѣдко обращались въ ихъ сторону, и я видѣлъ неутертые носы, блѣдныя лица, слезливые глаза, тогда какъ съ страшнымъ кашлемъ летѣли передо мною шлепки густой, гнилой слизи. И немудрено: они были полуодѣты, въ легкомъ, поношенномъ платьѣ,

1) Prefetto.

доходившемъ лишь до колѣнъ, они дрожали и точно голодные звѣри глотали поставленныя передъ ними кушанья. Что сказать о нихъ, о сосудахъ, напоминавшихъ утварь великаго Антіоха, царя Азіи и Сиріи? Пожалуй иной, по слухамъ, вообразитъ, что это въ самомъ дѣлѣ было такъ, но тебя не обманешь, ты вѣдь самъ все это приготовлялъ. Сосуды были глиняные, и въ этомъ нѣтъ грѣха, употребляли же ихъ такіе почтенные мужи, какъ Курій и Фабрицій; но сосуды то были грязные, часто мнѣ думалось, что ихъ украли у неаполитанскихъ цирульниковъ, которые спускаютъ въ нихъ испорченную кровь. Были тамъ и деревянные, но черные и вонючіе, отзывавшіяся вчерашнимъ жиромъ; видно, таково было твое распоряженіе, дабы мясо, пропитавшись запахомъ дерева, было смачнѣе. Ты скажешь мнѣ, пожалуй: Коли ты увѣренъ, что все это было мнѣ извѣстно, къ чему писать мнѣ о томъ? Затѣмъ лишь, клянусь Геркулесомъ, чтобы дать тебѣ понять, какъ понялъ и я, что ничто тамъ не напоминало Мальфу (замокъ Аччьяйоли).

Какъ въ прошломъ году (не отмѣчаю мѣсяца и дня) я видѣлъ у нѣкоторыхъ вельможъ, что появленіе кушанья возвѣщалось чуть-ли не глашатаемъ, такъ и здѣсь распорядитель держался порядка, который соблюдалъ поваръ. Говорили многіе, что твоими заботами скупались отовсюду быки, околѣвшіе отъ старости, работы или болѣзни; я, признаться, тому не вѣрилъ, ибо помню, что когда то ты былъ лакомкой. Затѣмъ являлось мясо опоросившейся свиньи и старые голуби, подгорѣлые или полусырые, ибо, по ученію короля Роберта, они лучше для питанія [1]), хотя Эскулапъ, Аполлонъ съ Гиппократомъ и Галеномъ не очень-то совѣтуютъ эти нетерапевтическія кушанья, особенно въ чумное время. Все это было очень хорошо; а дабы твое хозяйничанье проявлялось вполнѣ, между каждыми двумя изъ сидѣвшихъ за первымъ столомъ клали по три чуть теплыхъ каштана. Я ничего еще не сказалъ о мелочахъ, о рыбкахъ, которыхъ обыкновенно

1) Сл. выше т. I, стр. 34.

оставляютъ нищимъ, а намъ ихъ подавали во дни святого поста сваренными въ вонючемъ маслѣ. Въ вознагражденіе за все это являлись вина, молодыя, или отдававшія гнильемъ и кислыя, которыми нельзя было утолить жажду, даже подмѣшавъ большое количество воды. Если бы ты самъ ужиналъ съ нами, я никогда не подумалъ бы, что это твое дѣло, ибо помню, что ты былъ охотникъ до хорошихъ винъ; но, благоразумный, какъ всегда, ты, оставивъ жалкую толпу, поднимался на Монте Кассино и принималъ участіе въ царственныхъ пирахъ, или коли хочешь, въ пирахъ твоего мецената, гдѣ больше было лакомыхъ кусковъ на серебряной посудѣ и ты могъ смаковать отличныя вина. Какъ все это великодушно, достойно твоего великаго мецената, какъ все это отвѣчаетъ обѣщаніямъ — благоденствія!

Ты, пожалуй, скажешь мнѣ: Чего-же тебѣ было надобно? Не зналъ ты развѣ, какъ живутъ при дворѣ? Чѣмъ довольствуются другіе, тѣмъ ты недоволенъ?—Хорошо это сказано, свято, по дружески! Знакомо мнѣ съ малыхъ лѣтъ, какъ живется при дворѣ, но я полагаю, меня вызывали не за тѣмъ, чтобы быть дворовымъ, а чтобы принять участіе въ благоденствіи твоего великаго человѣка; да и въ письмѣ къ тебѣ, написанномъ до моего пріѣзда, я ясно говорилъ, что дворовымъ быть не желаю. Если это не было въ видахъ твоего мецената, зачѣмъ было не отклонить моего пріѣзда? Тѣмъ не менѣе я не того желалъ, что тебѣ думается: если я, по твоему мнѣнію, человѣкъ стеклянный, то не жадный, не объѣдало, не изнѣженъ, какъ баба. Не потребовалъ бы я отъ тебя винъ изъ Тира или Понта, или, что̀ ближе, съ мизенскаго мыса, изъ Абруццъ или Ломбардіи; не попросилъ бы дичи изъ Колхиды или Ортигіи, фазановъ и куропатокъ, соррентинскихъ телятъ или козлятъ, ни калидонскаго кабана, сраженнаго Мелеагромъ, ни палтуса изъ Адріатики, ни золотыхъ рыбокъ и устрицъ изъ питомника Сергія Ораты, ни гесперійскихъ яблокъ. Мнѣ не нужно царскихъ явствъ, перинъ Сарданапала, пуховиковъ Дидоны и пурпуромъ украшеннаго ложа; не нужны золотыя палаты Нерона, льстецы, киѳаристы, кудря-

вые служители, именитые бароны. Пусть эти прелести будутъ достояніемъ твоего мецената и тѣхъ, кто заботится лишь объ удовольствіяхъ своего желудка. Я желалъ бы себѣ, чего добивался не однажды: небольшой домикъ вдали отъ сводниковъ и болтуновъ, столикъ, чисто накрытый, простая, но опрятно приготовленная пища, простыя, свѣтлыя, хорошо выдержанныя вина, въ чистыхъ сосудахъ; постель, какая прилична моему положенію, въ чистой комнатѣ. Все это не дорого и не притязательно. Ты, можетъ быть, не знаешь, другъ мой, что съ юности и до зрѣлыхъ лѣтъ я жилъ въ Неаполѣ среди молодыхъ людей именитаго рода, моихъ сверстниковъ, которые не гнушались посѣщать меня, ибо они видѣли, что живу я не по звѣриному, а по человѣчески, съ удобствами, какъ умѣемъ жить мы, флорентинцы; и мой домъ и мое хозяйство были, по состоянію, блестяще обставлены [1]). Многіе изъ тѣхъ сверстниковъ еще живы, состарились и вышли въ люди; если бы они пожелали по прежнему водить со мною дружбу, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они, увидѣвъ меня живущаго такимъ образомъ, составили себѣ понятіе обо мнѣ, какъ о человѣкѣ негодномъ [2]). Ты скажешь: это бабьи соображенія, не приличныя въ ученомъ [3]). Сознаюсь: женщины любятъ изнѣженность, звѣри звѣриный образъ жизни, но во всемъ есть мѣра: почтенные люди соблюдаютъ то, чего я прошу; въ числѣ прочихъ и величайшихъ—мой Сильванъ (Петрарка), по стопамъ котораго я иду, по мѣрѣ силъ. Если ты осуждаешь его, то мнѣ не по чемъ и твое осужденіе.

Такъ какъ ни одно изъ многихъ обѣщаній не исполнялось, а то, чѣмъ меня подманивали, было мнѣ не вмоготу, я принужденъ былъ обратиться къ щедрости именитаго юноши, нашего согражданина, Майнардо деи Кавалькавти, который зналъ обо всемъ этомъ и часто и радушно принималъ и угощалъ меня,

1) Сл. выше т. I, стр. 107.
2) Viltà.
3) Studiante.

когда я выходилъ изъ «люка»; если я еще живъ и здоровъ, то этимъ я несомнѣнно обязанъ Господу и его помощи. Братъ мой, хотя и неизбалованный [1]), также не могъ вынести этихъ неудобствъ и перешелъ въ гостинницу, чѣмъ и сберегъ себя. Такъ то я освободилъ твоего мецената отъ тяготы, а онъ, занятый важными дѣлами, прикинулся, что ничего не видитъ, и все это допустилъ; но ты еще болѣе виновенъ въ допущеніи.

Мнѣ остается разсказать о не менѣе печальныхъ обстоятельствахъ. Пока я оправлялся, живя у милѣйшаго юноши, твой меценатъ слалъ ко мнѣ записку за запиской, чтобы я явился къ нему (въ Триперголи, его помѣстье) съ моими книгами и намъ вмѣстѣ съ нимъ наединѣ провести нѣсколько дней въ весельи и покоѣ. Ты знаешь, что я, на мое несчастье, послушался и былъ принятъ не менѣе царственно, чѣмъ въ «люкѣ», помѣщенъ въ смрадной комнаткѣ, точно меня хотѣли подвергнуть испытаніямъ, какъ заслуживающаго того. Приготовили мнѣ коротенькую кровать, на которой не улечься и собакѣ; мнѣ было противно смотрѣть на нее, въ глазахъ стояли слезы; не будь со мною книгъ, я тотчасъ-же вернулся бы въ Неаполь, но я былъ связанъ. Твой великій человѣкъ, можетъ быть, не вѣрилъ тѣмъ, кто говорилъ ему, какъ позорно со мной обходятся, да еще и на людяхъ [2]), и вотъ онъ самъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ именитыхъ мужей пришелъ въ смрадную клѣтушку; она вся была на лицо, онъ увидѣлъ, между прочимъ, и кровать,—и смолчалъ; этого я не забуду. Цезарь пролилъ слезу надъ тѣломъ Помпея, ибо онъ увидѣлъ то, чего желалъ; еслибы твой меценатъ прослезился, я, быть можетъ, объяснилъ бы это жалостью и далъ бы ему возможность еще долѣе издѣваться надо мной. Ко мнѣ приходили поглядѣть на мои книги, а я краснѣлъ за позорную рабью постель. Но Господь сжалился надо мной: одинъ молодой неаполитанецъ, хорошаго рода, вспомнилъ старую дружбу, навѣстилъ меня и, увидѣвъ собачье логовище, сталъ жестоко

1) Benchè non molto in costumi vaglia?

2) In luogo così pubblico.

поносить и тебя и твоего великаго за вашу скаредность и неряшливость; я кое-какъ успокоилъ его, а онъ тотчасъ-же слеталъ верхомъ къ себѣ въ Пуццуоли и послалъ мнѣ превосходную постель съ подушками, дабы, судя по крайней мѣрѣ по постели, меня не считали человѣкомъ болѣе низкаго положенія, чѣмъ какимъ я ему представлялся. Не могу я забыть, какъ косо ты на нее посматривалъ; но объ этомъ я съ тобой еще поговорю.

Случилось потомъ, что твой знаменитый человѣкъ и пріятель музъ вызвалъ къ себѣ въ Неаполь своихъ дамъ, проведшихъ нѣсколько веселыхъ дней въ Триперголи. Ты, по своей обязанности, распорядился относительно людей и лошадей — ибо море было бурное — и велѣлъ перевезти все до мелочи, исключая деревяннаго стула и глинянаго кувшина. Меня съ моими книгами и слугой оставили одного на берегу. Ты знаешь, что тамъ нѣтъ таверны, нѣтъ у меня и пріятелей, у которыхъ я могъ бы оставить свои вещи, чтобы пѣшкомъ пуститься въ путь; нигдѣ ничего не купишь и не чѣмъ жить, если не принести съ собою. Пришлось поститься; что хуже, надо мной трунили, видя, что я плутаю по берегу. Наконецъ, когда въ теченіи двухъ дней я проглядѣлъ всѣ глаза на море и на дорогу, явились люди, посланные тобою, чтобы отнести мои вещи въ Неаполь, въ «люкъ», еслибы я пожелалъ туда вернуться. Пока живъ, не забуду, какъ я жаловался тебѣ тогда, что меня, точно послѣдняго слугу [1]), бросили на байскомъ берегу, а ты впервые назвалъ меня человѣкомъ стекляннымъ (т. е. сахарнымъ, нѣженкой).

Въ Неаполѣ, откуда Майнардо уѣхалъ въ Сантъ-Эльмо на службу къ королевѣ, я, убоясь «люка», переселился къ одному пріятелю, небогатому купцу, у котораго прожилъ пятьдесятъ дней и болѣе, до самаго отъѣзда; мнѣ было совѣстно, а твой меценатъ все видѣлъ и молчалъ.

Но я хочу потолковать съ тобою, дабы ты уразумѣлъ меня, иначе ты подумаешь, что все это я перенесъ благодушно.

1) Vile schiavo.

Скажи мнѣ, пожалуйста, неужели я кажусь тебѣ столь ничтожнымъ, не заслуживающимъ какого-бы то ни было уваженія, что ты отнесся ко мнѣ такъ недостойно? Изъ грязи, что-ли, ты меня поднялъ, или вывелъ изъ острога, изъ стада волшебницы Цирцеи, что обошлись со мной такъ низко, такъ скверно, такъ по свински, самъ-ли ты отъ себя, или по наущенію своего мецената? Развѣ я издѣвался надъ вами, порочилъ васъ? Кажется мнѣ, твой меценатъ вообразилъ, что я одинъ изъ его грековъ [1]), которымъ нѣтъ иного убѣжища, кромѣ его люка. Но онъ ошибается, у меня ихъ много и пристойныхъ, тогда какъ его — позорно, и хотя онъ великъ и богатъ, я бѣденъ, я не сомнѣваюсь, что знающіе насъ обоихъ считаютъ меня болѣе достойнымъ уваженія. Пусть бы на другомъ дѣлѣ вы показали—онъ свою щедрость, ты свое начальничество. Этого мнѣ никогда не забыть, пока я живъ.

Такъ какъ обѣщанія повторялись, но не исполнялись, а я не хотѣлъ отнимать хлѣба у дѣтей моего радушнаго хозяина, я, нѣсколько разъ предупреждавшій твоего мецената о моемъ желаніи удалиться, простился съ нимъ возможно сдержанно и уѣхалъ, а мой Сильванъ (Петрарка) дружески принялъ меня въ Венеціи.

Поле битвѣ за тобою, ты можешь смѣяться надъ моей простотой, можешь торжествовать надъ обезоруженнымъ врагомъ; я радъ, что нахожусь въ безопасности.

Самъ ты виноватъ, что я такъ посѣтовалъ надъ моей невзгодой, а теперь попытаюсь вырвать жало, которое ты вонзилъ въ неповиннаго. Ты назвалъ меня человѣкомъ стекляннымъ; это вѣрно, что всѣ мы хрупки, смертны; но у тебя былъ другой умыселъ: ты хотѣлъ сказать, что у меня такой характеръ, невыдержанный, непостоянный [2]). Этого я не заслужилъ. Стеклянный человѣкъ выходитъ изъ себя, до бѣшенства, если его задѣнетъ

1) Greciuoli-graeculi. Сл. выше, т. I, стр. 25.
2) Con sozza macchia la costanzia mia ti sforzi di guastare.

какая нибудь мелочь, хотя бы и по заслугамъ [1]); а скажи мнѣ, выходилъ-ли я изъ себя, не выносилъ-ли въ теченіи двухъ мѣсяцевъ грязный, отвратительный люкъ? Не меня-ли манили ложными обѣщаніями, точно ребенка, не вынужденъ-ли я былъ жить у другихъ вслѣдствіе вашихъ оскорбленій и мерзостей? А вѣдь я не горячился, не бѣшенствовалъ, и если жаловался тебѣ, то тихо и мирно. Развѣ ведутъ себя такъ стеклянные люди, да еще въ теченіи шести мѣсяцевъ? Ты, можетъ быть, желалъ бы, чтобы я, подобно тебѣ, до конца жизни терпѣлъ эти докуки [2]). Упаси Боже отъ такого стыда человѣка, вхожаго въ палаты философіи, водящагося съ музами, котораго знаютъ и почитаютъ именитые люди, чтобы ему, точно мухѣ, сновать съ биркой въ рукѣ по лавкамъ, гдѣ торгуютъ лежалымъ мясомъ и гнилымъ виномъ, по булочникамъ и бабамъ, что продаютъ капусту — и всю эту дешевку нести домой на прокормъ голодному воронью. Къ этому у меня сердце не лежитъ, да и судьба еще не такъ принизила меня, какъ хотѣлось бы твоему меценату. Помнишь, я говорилъ ему, что меня не манятъ ни мѣста въ римской куріи, ни другія [3]), которыхъ вожделѣютъ многіе, чтобъ очутиться потомъ въ долгомъ рабствѣ; поддерживать на своихъ плечахъ, какъ Атлантъ, всякую мерзость, у меня не было бы никакой охоты; чего я желалъ — это жить порядочно и честно. Нечего, стало быть, называть меня стекляннымъ человѣкомъ, если, невыразимо натерпѣвшись, я далѣе выносить не могъ. — И Боккаччьо разсказываетъ по этому поводу знакомый намъ [4]) анекдотъ о скульпторѣ Буонаккорсо, вызванномъ королемъ Робертомъ и тотчасъ-же удалившемся при первомъ проявленіи его скаредности.—Онъ хорошо поступилъ, я низко, что такъ долго терпѣлъ.

Ты скажешь, пожалуй, что, уѣзжая, я былъ слишкомъ по-

1) Giustamente.

2) Fastidi.

3) Me nè tiravano e pastorali de' pontefici, non le prepositure del pretorio.

4) Сл. выше т. I, стр. 48.

спѣшенъ, даже опрометчивъ [1]), а ты будто-бы не зналъ, какая тому причина. Больно напоминать о томъ человѣку, представляющемуся забывчивымъ, но ты, какъ никто другой, зналъ всякое мое рѣшеніе, тебѣ я открывалъ всѣ тайные помыслы моего сердца—а ты говоришь, что ничего не зналъ, и зовешь меня опрометчивымъ! Пусть такъ, я объяснюсь, тѣмъ болѣе, что теперь меня не обмануть. Выше я разсказалъ тебѣ, что̀ главнымъ образомъ побудило меня къ отъѣзду: я не могъ болѣе выносить противныхъ нравовъ твоего мецената, его неприличное обращеніе; если я скажу, что и твое, я не солгу. Ты называлъ меня опрометчивымъ, а я пять мѣсяцевъ назадъ разъ сто говорилъ тебѣ, что хочу уѣхать, и ты поощрялъ меня къ тому, а дабы я еще болѣе тебѣ довѣрился, говорилъ, что и самъ вскорѣ поступишь такъ же, ибо и ты осуждалъ, что осуждалъ я. Кто такъ долго взвѣшивалъ свое рѣшеніе, тотъ не опрометчивъ; въ это я не вѣрю, не вѣришь и ты. Но если эта причина отъѣзда покажется тебѣ недостаточной, я приведу другія; приличнѣе было-бы помолчать о нихъ, я бы и помолчалъ, еслибы не писалъ тебѣ. Держи ихъ про себя.

Я убоялся негуманности твоего мецената; ты долженъ былъ бы понять это, еслибъ вмѣстѣ съ совѣстью не утратилъ и пониманія. Запрягшись въ ярмо, ты тащишь его по усмотрѣнію возницы, но ему слѣдуетъ заботиться о везущихъ, а никто не заботился о томъ такъ мало, какъ твой меценатъ. Я думалъ, что, возвысившись, онъ измѣнится къ лучшему, но счастье его испортило, у него нѣтъ никакого попеченія о бѣднякахъ, которые служатъ ему, никакого благодушія; говорю это по опыту. Дождь ли, градъ, вѣтеръ, молнія, пожаръ, разбойники—ему все равно, онъ такъ мало соболѣзнуетъ тѣмъ, кто помогаетъ ему совѣтомъ, словомъ или дѣломъ, какъ еслибъ дѣло шло объ арабахъ, индійцахъ или дикихъ звѣряхъ. Лишь бы ему было хорошо; попирать, презирать меньшую братію — вотъ что кажется ему ве-

1) Subito, quasi ruinoso.

личіемъ; если заболѣлъ пріятель, онъ не только не поможетъ ему, не утѣшитъ, но не хочетъ и слышать о его нуждахъ; завись это отъ него, пріятель скончался бы въ своей комнаткѣ безъ помощи врача и причастія. Кого не ужаснутъ эти нравы? Вѣдь нѣтъ столь варварской страны, гдѣ-бы не чтили дружбу; не тому научаетъ Валерій Максимъ, котораго твой меценатъ хорошо знаетъ—по его увѣренію. Пусть бы вспомнилъ примѣры Марка Марцелла, Александра Македонскаго; благостью укрѣпляются сердца друзей, смягчаются враги; суровость и пренебреженіе друзей удаляютъ.

Обвиненія противъ Аччьяйоли растутъ: его уличаютъ въ присвоеніи наслѣдій своихъ служилыхъ людей, если они не оставили завѣщанія; говорится объ одной противной его привычкѣ, о которой всѣ знаютъ, знаешь и ты, пишетъ Боккаччьо, иронизируя Нелли; я разскажу тебѣ о ней—по дружбѣ: случается твоему меценату быть въ совѣтѣ [1]), и вотъ, дабы всѣ подумали, что онъ занятъ важными государственными дѣлами, у дверей, по царскому обычаю, стоятъ привратники; передъ входомъ толкутся нерѣдко важные люди, спрашиваютъ шопотомъ: Можно ли видѣть? но привратники научены, и есть чему посмѣяться, когда они отвѣчаютъ: Онъ совѣщается, или: молится [2]), или: утомился отъ занятій и отдыхаетъ. А онъ ничего не дѣлаетъ, развѣ, какъ Домиціанъ, бьетъ мухъ, или занимается вотъ чѣмъ (хотя я не прислужникъ, а знаю, что дѣлается въ покояхъ): сидитъ на суднѣ, точно на тронѣ, а кругомъ его дамы, не публичныя [3]), это было бы нечестно, но и не сестры и не родственницы; въ этомъ то положеніи, среди громовъ и ароматовъ, держится совѣтъ, рядятся государственныя дѣла, пишутся письма къ царямъ и папѣ, наушники [4]) и греки [5]) и дамы поддакиваютъ, тѣже, что въ передней, полагаютъ, что, принятый въ сонмъ боговъ,

1) Nel conclavio.

2) Lui dire el divino ufficio.

3) Meretrici.

4) Lusinghieri.

5) Greculi.

онъ вмѣстѣ съ ними торжественно вершаетъ судьбы міра. Помню, что мнѣ легче было добиться доступа къ папѣ, императору Карлу и другимъ властителямъ, чѣмъ къ нему именитымъ людямъ,—пока онъ не управится съ желудкомъ. Онъ полагаетъ, что, устраняясь отъ взоровъ друзей и просителей по обычаю персидскихъ царей, онъ умножаетъ свое величіе, тогда какъ онъ возбуждаетъ лишь негодованіе, ибо и маленькимъ людямъ удается видѣть, что дѣлается въ его покояхъ. И вотъ, когда онъ долгое время поморочилъ другихъ, надоѣлъ и себѣ, отворяются двери, и онъ выходитъ, серьозно наморщивъ лобъ, вздыхая, и оглядываетъ всѣхъ; на него устремляются взоры, слышатся смиренныя, слезныя просьбы, а онъ, занятый высокими мыслями, прикидывается, что не слышитъ, если просьба не по немъ, или отвѣчаетъ обѣщаніями, пустыми словами, отвѣчаетъ такъ, какъ будто онъ одинъ осѣненъ свыше, другіе — неразумныя животныя. Забылъ онъ то время, когда пріѣхалъ въ Неаполь купцомъ, съ однимъ слугою; и не тогда это было, когда Албаній или Сильвій основывали Альбу, а не прошло еще тридцати лѣтъ, еще многіе это помнятъ, помню и я. Откуда же эта гордыня, эта невыносимая надменность? Вѣдь онъ не изъ рода Юпитера, нѣтъ у него ни богатствъ Дарія, ни силъ Геркулеса, ни мудрости Соломона. Да, онъ именитъ — потому что, при отсутствіи доблестныхъ людей, возвышаются и дрянные; но еслибы онъ и самъ заслужилъ свое счастье, развѣ это даетъ право попирать меньшихъ? Судьба перемѣнчива, она возвышаетъ и свергаетъ; развѣ твой меценатъ не читалъ о Ксерксѣ, Поликратѣ, Прузіи? У него были передъ глазами недавніе, многочисленные примѣры такихъ-же паденій, они должны были бы научить его не пренебрегать не только тѣми, кто доблестнѣе его, но и тѣми, кто ниже. Но онъ не помнитъ себя, а я не выношу этихъ нравовъ и потому рѣшился уѣхать.

Еще одного я боялся, и очень: какъ бы не взвалилъ онъ мнѣ на плечи обузы—написать о великихъ подвигахъ, которые онъ будто бы совершилъ, или желаетъ увѣрить, что совершилъ. Я и прежде догадывался, что онъ хочетъ этого и что на это именно

я и былъ позванъ. Насколько я его понимаю, у него страстная жажда имени и славы; я знаю, какъ она добывается, онъ-же, не имѣя о томъ никакого представленія, надѣется добиться ея своими шашнями и богатствомъ, не дѣлами. Это, разумѣется, самообольщеніе, но онъ не настолько глупъ, чтобы не понимать этого; онъ и желалъ бы, чтобы кто нибудь, написавъ о немъ красивыя небылицы, вывелъ его къ славѣ. Это сдѣлалъ бы его Коридонъ (Заноби да Страда), еслибы еще прожилъ; меня трудно было бы склонить написать несогласное съ истиною; вотъ почему мною и не дорожили. Говорятъ, Коридонъ, человѣкъ льстивый, котораго онъ чтилъ, какъ оракулъ дельфійскаго Аполлона, внушилъ ему, что имя создается троякимъ путемъ: подвигами оружія, строительства или литературными. Это стало для него убѣжденіемъ, и отдайся онъ чему нибудь одному, онъ, быть можетъ, и достигъ бы цѣли; Коридонъ, разумѣется, убѣдилъ бы его, что онъ славенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и онъ бы ему повѣрилъ; какъ не повѣрить тому, что подтверждаетъ намъ собственное мнѣніе о себѣ? Но ты, пожалуй, скажешь: Не его это мнѣніе, а такъ его цѣнятъ многіе. Это и надо разобрать, иначе твой меценатъ вообразитъ, что его подвиги были мнѣ не по силамъ, и я устранился по малодушію.

Коридонъ увѣрилъ его, либо онъ убѣдилъ себя самъ, что онъ отличный военачальникъ, потому, вѣроятно, что король, еще юноша (Людвигъ тарентскій), поставилъ его надъ другими. Но гдѣ его военные подвиги? Гдѣ выигранныя битвы? Я не знаю ни одной; если я не сравню его съ Цинциннатами, Курціями, Сципіонами и другими, скажутъ, что это я изъ зависти; коли сравню, то солгу. Мнѣ замѣтятъ, что въ вождѣ цѣнится не одна лишь храбрость, а и сноровка, хитрость; но и для этого нѣтъ никакихъ фактовъ, ибо не хитрость овладѣвать врагомъ при помощи золота, это не дѣло могущественнаго вождя. Коридонъ, очевидно, обманывалъ его, если не было другихъ основаній, оставшихся мнѣ неизвѣстными.

Еще увѣрилъ его Коридонъ, что онъ снискалъ вѣчную славу,

построивъ монастырь съ нѣсколькими стѣнами (Чертозу подъ Флоренціей), и, на сколько я знаю мецената, онъ повѣрилъ ему и возгордился такъ, какъ еслибъ онъ былъ строителемъ вавилонской башни, пирамидъ, галикарнасскаго мавзолея. Такъ-то мой обманщикъ самъ попался впросакъ; но ты, всегда пребывающій съ нимъ и въ его совѣтахъ, почему не открылъ ты ему глаза, не убѣдилъ, что не слѣдуетъ грабить бѣдняковъ, обращая ихъ достоянія къ цѣли, которая не будетъ достигнута? Странно надѣяться, что сооруженія сохранятъ память ихъ основателя; зданія подвержены случайностямъ времени, погоды, разрушенія, а если и сохраняются, то не переживаютъ вмѣстѣ съ ними имена строителей. Кто строилъ храмъ, который полагаютъ храмомъ Байской Венеры, молельню [1]) Силлы, чудесные храмы самосской Юноны, Діаны эфесской и дельфійскаго Аполлона? Еще стоятъ подъ Байями сооруженія Марія, Юлія Цезаря, Помпея и многихъ другихъ, но кто воздвигъ ихъ и на чьи средства, этого никто не знаетъ, и всякая старушонка разсказываетъ о томъ, что ей взбредетъ на умъ. Таково первое вліяніе разрушающаго времени, что, путая настоящее отношеніе вещей, оно приготовляетъ такимъ образомъ путь къ забвенію. Вонъ въ Римѣ термы Діоклитіана и домъ Антонія, полуразрушенный, благодаря нерадѣнію и любостяжанію горожанъ, чуть не утратили свое названіе [2]). Итакъ, другъ мой, на этомъ славы не построить; Иродъ Антипатръ и Неронъ были великіе строители, но ихъ имена не дошли бы до насъ, еслибъ они не прославились другимъ.

Есть еще одно страстное желаніе у твоего мецената, мы съ тобой объ этомъ знаемъ: прослыть литераторомъ [3]), другомъ музъ. Таковымъ онъ себя считаетъ; Коридонъ, слышно, увѣрилъ его, что можно быть писателемъ, ученымъ [4]), не зная латинскаго

1) Oratorio.
2) Quasi mutati i nomi et distratti quanto alla gloria de' componitori.
3) Litterato.
4) Letterato.

языка [1]), будто онъ нуженъ не для того, чтобы развить умъ и сообщить новыя свѣдѣнія, а чтобы съ его помощью нѣмецъ или французъ могли уразумѣть писанное итальянцемъ; что историческія и другія свѣдѣнія можно найти и въ итальянскихъ книгахъ. Всему этому твой меценатъ повѣрилъ, и вотъ онъ излюбилъ бесѣду съ умными [2]) людьми, самъ говоритъ, разсказываетъ исторіи, знакомыя даже бабамъ, иногда отпуститъ нѣсколько словъ, отзывающихся латынью; вытаскиваетъ книги, цитуетъ стишки; собираетъ библіотеку, пріобрѣтая, получая въ даръ и отнимая насильно, и когда случайно упомянутъ имя какого-нибудь писателя, говоритъ, что онъ у него есть въ шкафу — точно онъ его прочелъ. Разумѣется, все это похвально, другіе дѣлаютъ хуже; занятіе литературой [3]) даетъ славу и почетъ, мы знаемъ, какъ блещутъ имена Музея, Орфея, Платона, Гомера, Цицерона и другихъ; но слава дается трудомъ, основывается на произведеніяхъ. Ничего подобнаго я не нахожу въ твоемъ меценатѣ. Говорятъ, у него отъ природы замѣчательная способность къ литературнымъ занятіямъ [4]), но къ чему она, когда онъ обратилъ свои силы на совершенно другую дѣятельность? А что ни говоритъ Коридонъ, итальянскія писанія литераторомъ [5]) не дѣлаютъ, они могутъ пробудить отъ лѣни, облегчить путь къ болѣе серьознымъ занятіямъ. Что они выдѣлили твоего мецената изъ толпы, я не отрицаю, но этого не достаточно для славы. Онъ писалъ много итальянскихъ писемъ, которымъ давалъ такое значеніе, что письмо, назначенное одному, разсылалъ многимъ въ свидѣтельство своего могучаго краснорѣчія. Я такія письма видѣлъ, въ нихъ, по его обыкновенію, цвѣтовъ краснорѣчія болѣе, чѣмъ дѣла [6]); ихъ хвалить можно, но особымъ чѣмъ нибудь я ихъ не считаю,

1) Gramatica.
2) Sommi.
3) Lettere.
4) Admirabile attitudine nella litteratura.
5) Letterato.
6) Attendendo piuttosto ad ornato parlare secondo l'usanza sua, che a fruttuoso.

не считаешь и ты. Да еще разсказывали мнѣ люди достовѣрные, что въ Палермо, когда онъ начальствовалъ на войнѣ (хотя начальствовать то было не надъ чѣмъ, ибо войска было мало и сбродное), онъ среди военной суматохи написалъ сочиненіе, можетъ быть, замѣчательное и достойное Гомера, ибо, презрѣвъ народный флорентійскій языкъ, который онъ ни во что не ставитъ, онъ изобрѣлъ какую-то невиданную смѣсь изъ разныхъ языковъ. Написалъ онъ еще по французски о дѣяніяхъ крестоносцевъ [1]), въ стилѣ, которымъ, бывало, писались романы Круглаго стола; сколько у него тамъ смѣшнаго и невѣрнаго, про то знаетъ онъ самъ [2]). И мнѣ хвалить за все это его, недруга музъ, звать его ихъ «пріятелемъ»? Господь упаси меня отъ такого стыда; а что я боюсь его, этому тебѣ, какъ литератору [3]), изумляться нечего. Напротивъ, я готовъ возстать на твоего мецената, если онъ не отворитъ тюрьму, гдѣ у какихъ-то тунеядцевъ недалеко отъ Флоренціи, роскошно содержанныхъ (у монаховъ въ флорентійской Чертозѣ) [4]), онъ хранитъ множество книгъ; будто люди путешествовали, учились и проводили безсонныя ночи за тѣмъ лишь, чтобъ ихъ сочиненія стали жертвой моли и пыли! Но я убѣжденъ, что, моими-ли или чужими усиліями, музы накажутъ его, какъ наказали своего невѣрнаго хозяина Пиренея [5]).

1) Cavalieri del santo spedito.

2) Сл. выше т. I, стр. 57.

3) Uomo letterato.

4) Сл. выше стр. 170.

5) Disleale oste Pireneo. Сл. Gen. Deor. XI, 2: has (musas) autem voluisse Pyrrheneum includere nil aliud puto, quam quosdam ad ostentationem sui impetuosos et avidos, qui neglectis studiorum laboribus postquam scrinea libris compleverint et eorum fere tegmina viderint, tanquam omnia quae in eo continentur cognoverint sese audent extimare poetas aut a circumspicientibus arbitrari. Verum cum evolaverint musae quas putaverunt claustris clausisse, si eas in publicum sequi velint, i. e. ostendere se scire quod nesciunt, in praecipicium confestim ruunt; ex quibus *nonnullos ego cognovi* qui librorum congerie cumulata se crediderе magistros et in conspectu scientium corruere. Сл. эклогу VIII (о Мидасѣ-Аччьяйоли):

Seque Mecenatem magnumque deum vocari
Gliscit, et invitas dum servat rupe camenas
Ascreum putat esse senem.

Еще многое я могъ бы порасказать о немъ, но пусть сдѣлаютъ то другіе, говоритъ Боккаччьо — и не можетъ остановиться. Онъ анализуетъ понятіе великодушнаго [1]), — такъ звали Аччьяйоли,—и находитъ величіе духа въ хладнокровіи, съ которымъ онъ выслушалъ вѣсть о смерти сына; какъ и прежде, въ письмѣ къ Заноби [2]), такъ и теперь оно его поражаетъ, это единственная черта, которая достойна была бы его пера, заслуживала бы быть изсѣченной золотыми буквами. За то щедрость мецената—мнимая или подсказанная разсчетомъ; онъ ходитъ въ пурпурѣ, но тратить на себя не щедрость; онъ довольствовался однимъ слугой, теперь онъ держитъ много служилыхъ людей, но вѣдь того требуетъ его положеніе, а какъ онъ ихъ содержитъ, это Боккаччьо испыталъ самъ—и онъ поминаетъ Александра Македонскаго, Фламинія, Помпея и затѣмъ спрашиваетъ поклонниковъ мецената: ужъ не ставятъ-ли они ему въ заслуги изобрѣтетеніе «круглаго стола», съ тѣмъ, чтобы можно было на одномъ блюдѣ подавать многимъ, что обычно подается на двоихъ?

Кажется, я достаточно объяснилъ тебѣ, что нерѣдко меня пугало; а теперь разскажу еще нѣчто изумительное. Когда я жилъ у твоего мецената, часто слышалъ, какъ онъ говорилъ, и серьозно, что отдалъ бы всѣ свои богатства, лишь бы вести свой родъ отъ фригійскихъ боговъ, отъ троянской крови, какъ будто отъ этого ему и богатства прибавилось бы и славы!—Боккаччьо попалъ на свои любимыя темы: благородства и судьбы [3]) и еще разъ разразвиваетъ ихъ по поводу Аччьяйоли: онъ видитъ, что благороднымъ отдается предпочтеніе, и желалъ бы получить извнѣ, что обрѣтается внутри. И царь и работникъ отъ одного и того-же вещества; души сотворены Богомъ одинаково совершенными, лишь тѣла, созданныя на одинъ образецъ, развиваются разно подъ вліяніемъ неба и свѣтилъ, какъ полагаютъ многіе; это разнообра-

1) Magnanimo.

2) Сл. выше стр. 180 слѣд.

3) Сл. выше стр. 48 слѣд.

зіе передается и соединеннымъ съ нимъ душамъ, которыя бываютъ увлечены то тѣми, то другими вожделѣніями тѣла, и лишь мужественный духъ въ состояніи побороть ихъ, хотя не безъ затрудненія. Оттуда врожденныя отличія общественныхъ положеній: тотъ, кто рожденъ былъ для военнаго дѣла и кому Фортуна благопріятствовала, естественно возвышался надъ трусливымъ крестьяниномъ, одинъ назвался благороднымъ, другой сервомъ, плебеемъ. Лишь впослѣдствіи вышло то, что люди, по природѣ благородные, очутились въ зависимомъ положеніи отъ малодушныхъ, рожденныхъ, по волѣ небесъ, отъ благородныхъ, какъ, наоборотъ, благородные нерѣдко выходятъ изъ вилллановъ. Развѣ не довольно было твоему меценату, что онъ превзошелъ своихъ предковъ, кто бы они ни были, тогда какъ иные положили конецъ родовому блеску? И къ чему фригійскіе боги? О родахъ, отъ нихъ пошедшихъ, я что-то ничего не читалъ; только о папѣ Григоріи, извѣстномъ своей ученостью и святостью, говорится, что онъ былъ такого именно происхожденія. Не лучше-ли было прямо назвать своимъ отцемъ Юпитера? Вѣдь поступилъ-же такъ Сатурнъ, назвавъ своего отца и мать Небомъ [1]) и Землею [2]), чтобы возвеличить себя?

Такъ-то обманулъ твоего мецената его Коридонъ! Кто хочетъ облагородить себя чужимъ прозвищемъ, теряетъ за нимъ свое имя, ибо слава остается за прозвищемъ, а самъ онъ оказывается не при чемъ. Такіе бѣдняки, какъ Амиклъ, Кодръ, Аглавръ нашли хвалителей; твой меценатъ хотѣлъ окружить свое имя вѣчнымъ блескомъ, а нашелся человѣкъ, который навѣки затемнилъ его, поставивъ подъ сѣнью другихъ.

Ты упрекаешь меня въ опрометчивомъ бѣгствѣ. Ты пишешь это противъ своей совѣсти, твое перо услужливѣе моего: ты хотѣлъ понравиться своему меценату, я этого не осуждаю, ты вѣдь обязанъ служить ему, а я уѣхалъ, чтобы не служить. Но

1) Cielo = Coelius.

2) Terra.

едва-ли можно говорить о бѣгствѣ, когда человѣкъ распростился съ друзьями, съ тобой, послалъ впередъ свои вьюки, выѣхалъ среди бѣла дня, въ третьемъ часу, при народѣ, съ мѣста, гдѣ постоянно бываютъ купцы—и далѣе ѣхалъ, не спѣша, въ товарищахъ, до Аверзы, гдѣ пробылъ два дня у пріятеля, не скрываясь, затѣмъ до Сульмоны, гдѣ меня радостно привѣтствовалъ и чествовалъ нашъ Барбато. Лишь на третій день я былъ за границами королевства. Такъ ли поступаютъ бѣглецы? И зачѣмъ было мнѣ бѣжать? Я не Тіэстъ, не тотъ, кто поднесъ Александру Македонскому чашу съ ядомъ. Я просто сбросилъ иго; какое-же тутъ зло? Если бы ты понялъ свое заблужденіе, ты-бы также былъ опрометчивъ. Что подумаетъ обо мнѣ твой меценатъ, до этого мнѣ мало дѣла; говоря съ Теренціемъ, я такою цѣною не покупаю надежды и не разсчитываю, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ то, чего не дѣлалъ для другихъ, когда былъ къ тому обязанъ. Пусть остаются при немъ его богатства, его изобрѣтенная слава, у меня—моя святая свобода; въ бѣдной хатѣ я счастливѣе, чѣмъ онъ въ золотыхъ палатахъ. Разумѣется, раздражать сильнаго человѣка было неблагоразумно, но вѣдь я не заслужилъ его гнѣва, и если онъ обратитъ его на меня, я припомню слова Марка Катона къ консулу Кнею Карбону: у сильнаго человѣка много мечей [1]); но вѣдь и у меня есть оружіе, и, пожалуй, лучшее. Моя кровь славы ему не принесетъ, лучше пусть самъ побоится безславія, котораго не сотрешь. Если онъ предприметъ что-либо противъ меня за то, что говорю правду, выиграетъ имя обиженнаго; лишь бы Господь былъ со мною, а человѣка я не страшусь.

Возвратиться, какъ ты меня убѣждаешь, у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія, хотя бы ты обѣщалъ мнѣ и ни вѣсть что, ибо лучше жить въ надеждѣ на лучшее, чѣмъ жить скверно безъ этой надежды. Два раза меня зазывали ложными обѣщаніями [2]), два

1) Coltella.

2) Разумѣется первая поѣздка въ Неаполь въ 1352 году. Сл. выше стр. 166 слѣд.

раза испытывали мое терпѣніе и принудили удалиться. Отсутствуя, я еще могу надѣяться на твоего мецената; пріѣзжать въ третій разъ не хочу, чтобы не обвинить ни его, ни себя; я въ самомъ дѣлѣ показался бы вѣтреннымъ [1]) и себѣ и тѣмъ, которымъ тяжело было видѣть, какъ ты и твой великій человѣкъ оскорбляли меня.

Что, если нужда не оставитъ мнѣ никакого убѣжища, кромѣ твоего мецената? Но, благодаря Бога, ихъ много, а еслибъ не было ни одного, было бы легче побираться за кускомъ хлѣба по домамъ; а вы оставайтесь съ своимъ роскошнѣйшимъ «люкомъ». Что онъ не вѣрилъ моему отъѣзду — это ложь; и вѣрилъ, и это было ему пріятно; какъ только онъ убѣдился, что я не намѣренъ писать, выдавая басни за истину, такъ я ему и опостылѣлъ; если онъ и говорилъ, что желаетъ моего возвращенія, и ты въ это вѣришь, то заблуждаешься. Я отлично знаю, что̀ такое его общество и его чествованія; онъ не даетъ, а сулитъ — за то какъ великолѣпно; я счелъ бы себя дуракомъ, еслибы не понималъ всего этого. Пусть остается при своемъ. Полагаю, что мой отъѣздъ мнѣ къ великой чести; его одобряетъ и Сильванъ (Петрарка), оплакивая неразуміе своего Симонида (Нелли); вѣроятно, онъ самъ будетъ писать ему, иначе я былъ бы еще подробнѣе.

Но надо кончить. Я увѣренъ, ты не ожидалъ столь пространнаго отвѣта на твое короткое, но язвительнѣйшее письмо; но такъ какъ я знаю, что писалъ ты его не по совѣсти [2]), твои слова и хитросплетенія [3]) и негодованіе на мою вину побудили меня высказаться вполнѣ — и я написалъ, давъ себѣ полную свободу, обезпеченный отъ насилія [4]).

Трогать улей осъ и не ожидать уколовъ всего роя могутъ только дѣти; небольшой ударъ о головню заставляетъ разлетаться

1) Volatile.
2) Dal tuo puro ingegno dettata.
3) Malizie.
4) Separato dall' altrui potenza.

тысячи искръ. Потому берегитесь, не раздражайте меня своими нареканіями, ибо ты узнаешь, что въ этомъ искусствѣ я сильнѣе, чѣмъ ты полагалъ. Ты вымылъ мнѣ голову холодной водой, я обрилъ тебя, какъ и слѣдовало, зазубреннымъ ножомъ; что не додѣлано, сдѣлается, если ты не оставишь меня въ покоѣ. Упаси тебя Боже!

II.

Посланіе Боккаччьо къ Нелли, мѣтящее въ сущности на Ачьяйоли, полно личныхъ счетовъ и несдержанности, но въ немъ есть принципіальныя стороны, и въ этомъ отношеніи оно драгоцѣнно. Оно выясняетъ намъ еще разъ, что̀ волновало друзей Петрарки и его самого, когда они задумывались надъ его зависимымъ положеніемъ при дворѣ Висконти [1]). Мы уже знаемъ, что гуманизмъ, поднявъ значеніе литературы, какъ профессіи, и вмѣстѣ ощутивъ ея общественную силу, поставилъ наново вопросъ объ отношеніяхъ литературной кліэнтелы къ меценатству. Петрарка уживался въ нихъ, успокоивая себя и другихъ софизмами; Нелли, какъ бывало Заноби, служили своимъ перомъ, не считаясь съ своимъ самолюбіемъ; иные жаловались; одинъ Боккаччьо пытался ужиться и кончилъ бѣгствомъ изъ неволи и страстнымъ протестомъ. Если вспомнить, что частныя письма такихъ людей, какъ онъ и Петрарка, ходили по рукамъ, его посланіе получаетъ характеръ общественнаго памфлета. Литераторъ не только поднималъ голову, но и грозилъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ Боккаччьо глубоко скорбѣлъ; не столько о золотыхъ снахъ, которые отлетѣли, не осуществившись, сколько о своемъ безразсудствѣ, о томъ, что онъ самъ назвался на униженіе. И не однажды: ему вспоминается его первая неаполитанская поѣздка, кончившаяся такой же неудачей, старыя полузабытыя отношенія; все это объединилось въ его фантазіи, одѣлось въ аллегорическій покровъ и отложилось

1) Сл. выше стр. 144 слѣд., 173 слѣд., 184 слѣд.

въ его VIII эклогѣ. Мидасъ, когда то бѣдный, потомъ разбогатѣвшій пастухъ — это Аччьяйоли; Луписка тоже пастушка, но разумѣется Катерина Валуа, вліяніемъ которой Аччьяйоли былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ; онъ устроилъ союзъ Мелалки (Джьованны) съ Аметомъ (Людвигомъ Тарентскимъ). Аргусъ, по прежнему, король Робертъ, Алексисъ—Андрей; Коридонъ, какъ и въ письмѣ къ Нелли, Заноби, покинувшій Неаполь съ 1359-го года.

Фитія — Боккаччьо пришелъ съ своимъ стадомъ въ чужія поля (Неаполь); Знаешь-ли, гдѣ ты? спрашиваетъ его Дамонъ, коли увидитъ тебя Мидасъ или Луписка, неизвѣстно, кто у кого отобьетъ добычу. — Зачѣмъ позоришь ты именитыхъ пастырей? Въ былое время, когда бѣдность заставляла Мидаса пасти хозяйское стадо, Луписку прясть, твое опасеніе, быть можетъ, было бы умѣстно; теперь у нихъ свои стада; я же пришелъ не врагомъ, а по желанію Мидаса, онъ сулилъ мнѣ, коли вѣрить его слову [1]), и пастбище, и водопой, и свѣжія сѣни.—Лучше отгони свое стадо, иначе настанутъ нежеланные дни, обѣщанія разлетятся по вѣтру. Да неужели думаешь ты, неразумный, что они разбогатѣли праведно? Будто не знаешь, что̀ можно пріобрѣсть праведнымъ трудомъ!—Несчастный я, обманули меня! Снова придется мнѣ гнать назадъ бѣдное стадо, въ жару, по скаламъ, не вѣдая, гдѣ его успокоить. Клянусь тебѣ Паномъ, ничто иное не побудило меня покинуть родныя поля Аркадіи (Флоренціи), какъ довѣріе [2]) къ Мидасу и Луписке и обманчивыя надежды, манившія меня къ Везувію и зеленымъ берегамъ Гавра. Но скажи мнѣ: по какому праву грабятъ и наживаются Мидасъ и Луписка? — Въ отвѣтъ на это Дамонъ разсказываетъ о любовной связи Аччьяйоли съ Катериной Валуа: нимфа, краса лѣсовъ, пребывала на евбейскихъ поляхъ, недавно овдовѣвъ; къ ней-то воспылалъ Мидасъ, носившій въ городъ творогъ и кожи на продажу; и судьба улыб-

1) Si qua fides.
2) Fides.

нулась ему: однажды, когда онъ возвращался домой съ деньгами, овладѣлъ красавицей, побѣжденной подаркомъ. Она, уже увлеченная имъ, разогнала его заботы, подняла духъ; когда умеръ Аргусъ и злою судьбою сраженъ былъ Алексисъ, онъ искусно вмѣшался въ дѣла пастырей, сѣя раздоры [1]), когда же пагубная вражда ополчила другъ на друга братьевъ, жадно и коварно сталъ захватывать стада, а дабы у него не было недостатка въ убѣжищѣ, соединилъ Мелалку съ Аметомъ. Ихъ онъ извлекъ изъ волнъ на родныя поля, побудилъ увѣнчать себя лавромъ, далъ въ руки дубовый жезлъ (намекъ на вѣнчаніе Джьованны и Людовика) и самъ пріобщился къ высшимъ почестямъ — а до тѣхъ поръ его едва знали на берегахъ тихаго Арно. — Счастливъ онъ своей долей, восклицаетъ Фитія, кто пожелаетъ большаго? Изъ слуги онъ сталъ хозяиномъ, товаръ обратилъ въ золото. — Но ты ничего не понимаешь, Фитія, видно, что служитель музъ [2]), только и зналъ, что приносить жертвы фавнамъ и нимфамъ, коли зовешь счастливымъ стяжателя и грабителя стадъ. — Да, я это утверждаю, ибо никому не достигнуть высшихъ почестей, кому не судилъ ихъ правосудный Юпитеръ. — Да ты не Фитія, лѣса сдѣлали тебя Ликургомъ! — Нѣтъ я Фитія, пастухъ изъ Аркадіи, умѣю играть на цѣвницѣ, не знаю ни людскихъ нравовъ, ни священныхъ постановленій Ликурга. Тебѣ Аполлонъ далъ киѳару, Помона послала свои дары, а ты смѣешься надъ бѣднякомъ, презираешь человѣка, свергнутаго съ высоты. Помни, обстоятельства мѣняются, пѣлъ старикъ Аминта, мои-же слезы прекратитъ лишь смерть. — Фитія хочетъ удалиться; Дамонъ его удерживаетъ; не быть тому, чтобы Дамонъ презрѣлъ друга, говоритъ онъ и начинаетъ характеризовать Мидаса-Аччьяйоли: его особенность — двуличность, умѣнье показывать, что онъ не желаетъ того, чего именно хочетъ; когда онъ былъ еще слугой, бывало, скрытый въ травѣ, связывалъ хвостами овецъ,

1) Dirceaque semina.
2) Napacas.

терзалъ молодыхъ козлятъ; окрѣпнувъ, точно быкъ, сталъ валить деревья, оглашая ревомъ лѣса, набрасываясь съ львиной яростью на коровъ, наводя страхъ на медвѣдей. У Бавія онъ хитростью увелъ козловъ, коровъ и быковъ изъ закуты; а сколько фавновъ и нимфъ онъ въ былое время обманулъ, сколько сатировъ свелъ съ дороги, увлекши ихъ лживою пѣсней! Онъ страстно желаетъ прослыть меценатомъ, великимъ богомъ, и заключивъ каменъ въ утесѣ [1]), мнитъ, что онъ аскрейскій старецъ, что въ его власти и касталійскія рощи, и плектръ Аполлона, и священныя музы. Кто перечислитъ его безумныя начинанія, хищенія, гибель юношей? Жестокая Луписка съ нимъ за одно: она похищаетъ кормъ у скота, отнимаетъ сосунцевъ у матокъ, трижды въ день доитъ и трижды стрижетъ; ночью бродитъ, совершая чары, и похищаетъ мальчиковъ на любовную утѣху. — Фитія въ ужасѣ: и такъ Мидасъ развратникъ, поспѣшникъ преступленій; Луписка, старая, скупая блудница, когда-то сбиравшая зелья и жолуди, тревожитъ небо своими чарами! Что-же Мелалька и Аметъ? — Такъ попустили боги, это ихъ гнѣвъ за неотомщенную смерть бѣднаго Алексиса. — Я трепещу, что дѣлать мнѣ? Эти поля прокляты богами, мое стадо точно уменьшилось — это поля даютъ знать, что онѣ принадлежатъ Луپискѣ. Но я-то что сдѣлалъ? Сознаюсь, я не желалъ обратить терніе въ лавры, возвеличить пѣснью Олимпъ выродившихся пастырей, будто они божественные. Неужели это столь великое зло? Не думалъ я этого, теперь безъ вины обманутъ и ухожу отсюда бѣднякомъ; видитъ то праведный Панъ. Недавно напророчила мнѣ все это, каркая съ древняго дуба, болтливая ворона, да неодолимое любостяжаніе [2]) помѣшало уразумѣть вѣщаніе и увлекло на злокозненныя поля [3]). Не такъ пѣлъ здѣсь когда-то Коридонъ, подъ сѣнью лавра, когда былъ славенъ въ привольныхъ лѣсахъ! — Не

1) Сл. выше стр. 483, прим. 5.

2) Dira cupido.

3) Dubios.... compos.

знаешь ты будто Коридона, не знакома тебѣ его свирѣль, на которой онъ умильно напѣвалъ вамъ о безплодной любви [1])? Слышалъ я, какіе жалкіе [2]) стихи и звуки у него выходили, когда онъ разставлялъ [3]) силки въ поляхъ.—Но что-же мнѣ предпринять, Дамонъ? Бѣжать! Лучше жить въ бѣдной хатѣ, на лѣсистой глуши Парразія, и пусть стадо лижетъ скалы Ликея, чѣмъ обладать тучнымъ полемъ на стимфальскихъ равнинахъ. Пѣлъ со мною, подъ малымъ кровомъ [4]) безпечный [5]) Амиклъ, станетъ пѣть великій Сильванъ (Петрарка), онъ утишитъ расходившуюся жолчь и неразумную Діону (любовь).—Такъ будетъ лучше, говоритъ Дамонъ; недавно, когда я купалъ свое стадо, вода закрутилась водоворотами; быть бѣдѣ, сказалъ я себѣ, падетъ Мидасъ, Луписка станетъ собирать жолуди и травы. — Есть у насъ въ сторонѣ цвѣтущія поля [6]), пещера любезная нимфамъ; тамъ пріятельница Главкисъ уготовитъ тебѣ ложе изъ свѣжихъ вѣтвей, поднесетъ сотъ меда!—Ступай, я за тобою, и пусть Луписка остается при своихъ поляхъ [7])!

Настроеніе VIII-й эклоги то-же, что въ посланіи къ Нелли, только тоны мягче, печальнѣе, нѣтъ острыхъ приливовъ раздраженія и сарказма. Образъ Мидаса-Аччьяйоли намъ знакомъ: онъ ловкій, двуличный проходимецъ, который воспользовался своей связью съ Катериной Валуа, чтобы вмѣшаться въ политику и раздоры анжуйскихъ принцевъ по смерти Роберта [8]) и открыть себѣ путь къ власти и наживѣ союзомъ Людвига Тарентскаго съ Джьованной; а убійство Андрея еще не отомщено! — Мы уже сказали, что Боккаччьо обобщаетъ положеніе, соединяя старое

1) Non fistula nota — Qua steriles vobis blandus contabat amores.

2) Tenues.

3) Laqueos.

4) Rupe sub exigua.

5) Tutus.

6) Florentia rura = Флоренція.

7) Tende igitur, veniam, teneat sua prata Lupisca.

8) Discordes. . . .fratres; сл. De Claris Mulieribus, c. 105: intestina regulorum fratrum dissidia.

съ новымъ, представляя Луписку-Катерину Валуа († 1347) еще въ живыхъ; память о смерти Андрея принадлежитъ къ такимъ-же воспоминаніямъ, но она снова какъ-бы бросаетъ тѣнь на одного изъ гадательныхъ участниковъ переворота, на «львовъ» третьей эклоги [1]). Такимъ-то образомъ изъ бѣднаго, неизвѣстнаго Флорентинца, пріѣхавшаго въ Неаполь съ однимъ слугою [2]), путемъ коварства и писанія, Аччьяйоли сталъ великимъ человѣкомъ, возмечтавъ себя чуть не богомъ, Гезіодомъ, меценатомъ; держитъ каменъ въ утесѣ [3]); онъ вызвалъ къ себѣ Боккаччьо, и Боккаччьо поддался любостяжанію [4]), забывъ осторожность, но онъ не былъ въ состояніи обратить тернія въ лавръ, воспѣть недостойнаго, то-есть Аччьяйоли [5]). Въ этомъ его вина — и причина разрыва.

Восьмая эклога написана въ первые мѣсяцы неаполитанскаго пребыванія Боккаччьо и въ началѣ его разочарованій. 29-го мая 1362-го года скончался король Людовикъ, а эклога ничего не говоритъ о томъ; разумѣется, съ точки зрѣнія композиціи эклоги, обнимающей раздѣленное временемъ, это не хронологическое показаніе; доказателенъ здѣсь образъ Дамона. Это, несомнѣнно, Нелли, который не разъ бесѣдовалъ съ Боккаччьо о его и своихъ невзгодахъ, вмѣстѣ съ нимъ негодовалъ и также помышлялъ о бѣгствѣ; такъ въ посланіи къ Нелли — и въ эклогѣ, гдѣ Дамонъ говоритъ Патіи: Ступай, я за тобою! Между тѣмъ у Дамона-Нелли не хватило на то характера, или его жалобы на положеніе служилаго литератора были реторической шумихой. Какъ разъ послѣ того, какъ Боккаччьо уѣхалъ изъ Неаполя, Петрарка, по вызову Нелли, написалъ Аччьяйоли письмо, образчикъ паѳоса въ лести, въ которомъ онъ обѣщалъ, при случаѣ, воспользоваться его милостивыми предложеніями [6]). Если у Нелли и могло явиться

1) Сл. выше т. I, стр. 380.

2) Сл. письмо къ Нелли, выше стр. 479.

3) Сл. выше стр. 491, прим. 1.

4) Dira cupido VIII-й эклоги.

5) L. c. и посланіе къ Нелли, сл. выше стр. 479—80, 487.

6) Сл. письмо Нелли № XXVIII у Cochin и Fam. XXIII, 18 (8-го іюня 1362 г.).

желаніе оставить Неаполь, то по вожделѣніямъ не свободы, а болѣе спокойнаго мѣста. Онъ самъ въ томъ признается, не скрывая своей слабости. Когда за смертью Заноби да Страда освободилось мѣсто апостольскаго секретаря, Петрарка отклонилъ отъ себя этотъ постъ и предложилъ вмѣсто себя своихъ пріятелей, между прочимъ Нелли [1]). Тотъ преданнѣйше благодарилъ его за память письмомъ изъ Мессины отъ 16-го марта 1362-го года [2]); но онъ такъ долго вторилъ за Петраркой, что слѣдуетъ сторониться всего вульгарнаго, презирать мнѣніе толпы [3]), такъ откровенно впадалъ въ громовый тонъ, когда дѣло шло объ авиньонскомъ «лабиринтѣ» [4]); какъ поступитъ онъ теперь? Если ты спросишь меня, какъ я намѣренъ поступить, если мѣсто будетъ мнѣ предложено, сознаюсь откровенно: такъ, какъ нравится толпѣ, пишетъ онъ Петраркѣ. Ему хочется попытать счастья, хотя, быть можетъ, не для лучшаго [5]), но такова бренность человѣческаго ума и непостоянство воли, что онъ колеблется: воля Христова намѣстника обязываетъ его къ повиновенію и вмѣстѣ пугаетъ трудъ, влечетъ слава и останавливаетъ любовь къ меценату Аччьяйоли. Разлука съ нимъ будетъ мнѣ терзаніемъ [6]): онъ обращается со мной не какъ господинъ, а какъ другъ; простота его нравовъ, братская благожелательность при сановитости добродѣтелей—все это дѣлаетъ жизнь окружающихъ его счастливой и блаженной. Говорить-ли тебѣ о благоразуміи этого славнаго мужа, о его твердости и разнообразныхъ доблестяхъ, проявляемыхъ имъ дома и на войнѣ? Обо всемъ этомъ зналъ я по молвѣ, но потомъ увидѣлъ собственными глазами въ дѣлахъ, въ которыхъ и на меня пришлась большая доля участія [7]). Если бы

1) Сл. выше стр. 461—2.

2) № XXIX, у Cochin. Двумя днями позже написано письмо Аччьяйоли къ Петраркѣ. Сл. выше стр. 463.

3) Сл. Fam. XII, 4 (къ Нелли); письма Нелли у Cochin, №№ XIX и XXV.

4) Письма Нелли у Cochin, №№ XVIII и XIX.

5) Etiamsi videam in partem alteram meliora probari.

6) Excarnificandus.

7) Quorum.... pars magna fui, Aen. II, 6.

я захотѣлъ достойно хвалить его, боюсь, я многаго бы не доскалъ, затемнилъ бы то, что хотѣлъ освѣтить; авзонійскій берегъ всегда будетъ по праву имъ гордиться и опечалится, его утративъ [1]. Я же намѣренъ кончить это письмо, подсказанное чувствомъ, которое онъ заполонилъ [2].

Все это освѣщаетъ слова Дамона: Ступай, я за тобою! Онъ не поѣхалъ, бѣжалъ лишь Питія-Боккаччьо. Онъ могъ быть недоволенъ своимъ пріятелемъ, но когда тотъ написалъ ему, по внушенію своего мецената, извѣстное письмо, онъ не выдержалъ и далъ ему острастку. Разрыва между ними не вышло, иначе Боккаччьо не сказалъ бы Нелли, что и Петрарра напишетъ ему и пожуритъ по поводу его роли въ неаполитанскомъ инцидентѣ. У Петрарки, мы это знаемъ, былъ абстрактный культъ дружбы, которой онъ всюду ставилъ алтари; несомнѣнно, въ ней были отттѣнки чувства, уваженія и снисходительности и эстетическое увлеченіе иедеаломъ, но безъ нея онъ не могъ обойтись, ему нужны были не только поклонники, но и сочувствующія души; сочувствіе было для него увеличивающей призмой, въ нее и попалъ Нелли. Разумѣется, Петрарка зналъ о невзгодахъ Боккаччьо въ Неаполѣ, готовъ былъ, быть можетъ, и пожурить Нелли — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно пораженъ его смертью. Еще одного друга не стало, кругомъ него рѣдѣетъ; онъ пишетъ о томъ Боккаччьо, и его письмо проникнуто тихой грустью человѣка, котораго годы постепенно пріучаютъ къ одиночеству. Изъ его друзей остался въ живыхъ одинъ Боккаччьо, и его чувство болѣзненно усилилось страхомъ возможной утраты.

Боккаччьо прожилъ въ Венеціи три мѣсяца; въ сентябрѣ 1363-го года онъ былъ во Флоренціи; письмо къ нему Петрарки помѣчено 7-мъ сентября [3]. Я зналъ напередъ, что твое общество будетъ мнѣ любо, но не предполагалъ, что оно принесетъ и

1) Tristabitur caruisse.

2) E plenissimo suarum rerum pectore.

3) Sen. III, 1.

счастье. Въ теченіи немногихъ, къ сожалѣнію, мѣсяцевъ, которые ты провелъ въ моемъ, или лучше, твоемъ домѣ, судьба дала мнѣ вздохнуть, щадила меня, но лишь только ты отплылъ, она поразила меня неожиданно. — И Петрарка разсказываетъ, какъ часъ спустя по отъѣздѣ Боккаччьо священникъ, съ которымъ онъ писалъ своему пріятелю Лелію [1]), принесъ ему его собственное письмо — неразпечатаннымъ: Лелій умеръ въ Римѣ [2]); затѣмъ пришла вѣсть о смерти Симонида (Нелли) въ Неаполѣ: оба стали жертвою чумы. Такъ-то смерть пошаливаетъ съ нами, другъ мой, пишетъ Петрарка; она учащаетъ удары, дабы, переживая кончину всѣхъ своихъ близкихъ, мы сами умирали дольше и чаще. Пусть творитъ, что хочетъ, я очерствѣлъ и ничего болѣе не ощущаю; привычное страданіе — не страданіе больше; я скорѣе питаюсь имъ съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ, какъ, бываетъ, иныя животныя живутъ ядомъ. Я сталъ совсѣмъ иной, не тѣ привычки, не тотъ образъ жизни; остался одинъ лишь образъ, старость, веселая и благодушная въ началѣ, заволоклась теперь для меня мрачными тучами. — О, дорогой Лелій! ты былъ для меня дѣйствительно Леліемъ, хотя я не могъ быть тебѣ Сципіономъ. О милый Симонидъ, по праву такъ названный, священникъ и вмѣстѣ поэтъ, ты еще недавно содрогался при мысли, что переживешь меня [3]), и вотъ небо вняло не моимъ, а твоимъ молитвамъ. Отчего не поступили они, какъ ты (то-есть Боккаччьо), не бѣжали отъ чумы, опустошавшей Римъ и Неаполь, и не поискали у меня вѣрнаго убѣжища вмѣстѣ съ тобой, который былъ имъ товарищемъ по духу? Римлянинъ Лелій покоится теперь, какъ и слѣдуетъ, въ Римѣ, тѣло Симонида должно было бы принадлежать Флоренціи, но ему, поклоннику музъ,

1) Lello di Pietro Stefano.

2) Изъ письма Петрарки къ Боккаччьо отъ 20 сентября 1363 года = Sen. III, 2 оказывается, что Боккаччьо зналъ объ этой смерти, но предпочелъ чтобы кто-нибудь другой сообщилъ о томъ Петраркѣ.

3) Сл. Письмо Нелли у Cochin, № XXIX: Quotiens tremo horeoque ne me tibi superstitem audiam.

служитъ возмездіемъ, что его кости лежатъ близь гробницы Виргилія. Позже всѣхъ насъ переступилъ онъ за порогъ жизни, раньше другихъ ее покинулъ, и я лишь теперь — таково мое тупоуміе — начинаю понимать, что въ человѣческихъ дѣлахъ нѣтъ никакой прочности.

Но я снова принялся за жалобы; это старая привычка пера; я самъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и выработалъ рѣшеніе: одинаково презирать надежду и страхи, радость и печаль. Именно противъ страховъ и печалей намъ надо вооружиться, ибо, благодаря Богу, насъ давно перестали баловать и тревожныя надежды, и избытокъ веселья, все, что возвышаетъ духъ за тѣмъ лишь, чтобы потомъ его низвергнуть.

Возвращусь къ тебѣ и къ нашему Симониду. Изъ товарищей по занятіямъ ты одинъ у меня остался; Симонида нѣтъ, но никогда я не ощущалъ такъ живо его присутствія, какъ теперь. А я надѣялся, что по моей смерти онъ будетъ для моихъ трудовъ тѣмъ же, чѣмъ были Варій и Тукка для Виргилія! Но небо рѣшило иначе, и мы обязаны позаботиться о его неоконченныхъ писаніяхъ и посланіяхъ. Раздѣлимъ трудъ, каждому по его способностямъ, пришли мнѣ мою долю, и, хотя и у меня есть своя рабочая ноша, я обѣщаю свое содѣйствіе.

Я хотѣлъ посвятить Симониду всѣ мои письма [1]), какія написалъ по смерти моего Сократа [2]), и сдержу это обѣщаніе. Чувствую, что я зажился; я хотѣлъ жить, но не одинъ, а съ старыми, испытанными друзьями; вскорѣ я буду безъ друзей (печальная жизнь, недостойная человѣка!), или обреченъ заводить новыя отношенія, что̀ и трудно и полно сомнѣній.

Петрарка припоминаетъ, чего стоила ему эпидемія чумы, начиная съ 1348-го года. Въ 1361-мъ году умеръ его сынъ, въ слѣдующемъ его «лучшій другъ», Аццо ди Корреджьо; въ 1363-мъ чума страшно опустошила многіе города, особенно

1) Senilia.

2) Luigi di Campinia.

Флоренцію; астрологи видятъ тому причину въ какомъ-то роковомъ сочетаніи созвѣздій, вліяніе котораго будетъ продолжаться до 1365-го года. Тутъ Петрарка пускается въ пространныя обличенія астрологіи и астрологовъ, къ которымъ у Боккаччьо была тайная слабость: чума не отъ звѣздъ, а отъ Божьяго гнѣва; людямъ надо исправиться; это, разумѣется, не мѣшаетъ имъ беречься. Петрарка благодаритъ Провидѣніе, внушившее Боккаччьо мысль покинуть Неаполь и миновать Флоренцію, хотя оба города еще были тогда свободны отъ чумы [1]); объ одномъ онъ жалѣетъ, что его другъ такъ скоро его покинулъ; онъ не оскорбленъ, что, какъ бывало и прежде, Боккаччьо предпочелъ ему Флоренцію, но такъ какъ у дружбы уши чутки, какъ у кабана, хотя и не всегда глаза рыси, а Петрарка слышалъ, что во Флоренціи не все еще спокойно, онъ проситъ пріятеля, ради него самого, вернуться. Успокой меня, пишетъ онъ ему; ты не знаешь, что ты сталъ мнѣ теперь дороже, чѣмъ когда либо. И знаешь-ли почему? Потому, что ты рѣдкость, а у кого одинъ лишь глазъ, тотъ дорожитъ зрѣніемъ. Изъ старыхъ друзей ты остался у меня одинъ; о нашемъ Барбатѣ [2]) не знаю, что и подумать, все-ли онъ еще среди пелигновъ и бруціевъ. Приди-же, тебя ожидаютъ: время года самое благопріятное, никакихъ заботъ, кромѣ пріятныхъ занятій съ музами; жилище здоровое; я описалъ бы его тебѣ, еслибъ оно не было тебѣ знакомо. Лучшаго общества и желать нельзя: во первыхъ канцлеръ Венеціи Бенинтенди («благонастроенный»), имя котораго отвѣчаетъ его дѣятельности, ибо онъ преданъ и общественному дѣлу, и друзьямъ и благороднымъ занятіямъ [3]). Ты самъ недавно испыталъ прелесть его вечернихъ посѣщеній, когда, освободившись отъ дневныхъ заботъ, онъ пріѣзжалъ къ намъ въ своей гондолѣ, веселый, привѣтливый. Какъ хороши ночныя прогулки по морю, откровенныя, за просто, бесѣды съ такимъ человѣкомъ!

1) Сл. однако письмо къ Нелли, выше стр. 463, 468.

2) Сл. выше т. I, стр. 99 слѣд.

3) Сл. выше стр. 82.

Ты встрѣтишь здѣсь и нашего Доната съ Апеннинъ [1]), покинувъ тосканскія горы, онъ давно живетъ въ Венеціи; онъ нашъ, ибо намъ преданъ [2]), а имя и профессію унаслѣдовалъ отъ стараго Доната (грамматика, учителя св. Іеронима). Нѣтъ его милѣе, простодушнѣе, привязаннѣе къ намъ обоимъ, особенно къ тебѣ [3]). Другихъ не называю. Я никогда не былъ поклонникомъ полнаго, дикаго уединенія, не понимаю Беллерофонта, который снѣдалъ свое сердце, избѣгая людей; я много говорилъ объ этомъ въ моей «Уединенной жизни»; но я всегда былъ того мнѣнія, что мудрому, ученому человѣку необходимо общество немногихъ, ибо онъ пріучился, въ случаѣ нужды, самъ быть себѣ товарищемъ и собеседникомъ. Еслибъ время и осенняя непогода возбудили въ тебѣ подозрѣнія, хотя ничто такъ не проясняетъ воздухъ, какъ веселыя лица и желанныя бесѣды друзей, ты былъ-бы мнѣ товарищемъ и руководителемъ въ другомъ убѣжищѣ, можетъ быть, не безъ пользы, во всякомъ случаѣ, не безъ удовольствія. Мы поѣдемъ въ Капо д'Истрія [4]) и въ Тріэстъ, гдѣ, какъ мнѣ пишутъ, погода прекрасная; во всякомъ случаѣ посѣтимъ, о чемъ я давно мечталъ, источникъ Тимава, воспѣтый поэтами, но неизвѣстный даже ученымъ людямъ; посѣтимъ его не тамъ, гдѣ его ищутъ, введенные въ заблужденіе Луканомъ, въ окрестностяхъ Падуи, а, вмѣстѣ съ достовѣрнѣйшими космографами, въ области Аквилеи, гдѣ, вырвавшись изъ горы девятью истоками, съ грохотомъ, точно бурное море, онъ наводняетъ поля своими шумными волнами [5]). Прощай.

Письмо это Петрарка не отправилъ тотчасъ-же, не по лѣни, а потому, что боялся даромъ потерять трудъ: какъ бы и это письмо не вернулось къ нему нераспечатаннымъ, какъ письма къ

1) Apennigena.

2) Nobis se donante.

3) Purius.... nec notius tibi; сл. Sen. V, 2: nihil tui amantius, nihilque devotius. О Донато сл. выше стр. 60, 107, 211, 431.

4) Justinopolis.

5) Aen. I, 245—6.

Лелію и Симониду, и по той-же причинѣ. Я и Донатъ безпокоимся о тебѣ, не случилось ли и съ тобой того-же, пишетъ онъ Боккаччьо 20-го сентября, иначе ты не оставилъ бы насъ въ неизвѣстности и тревогѣ. Если ты живъ, тебѣ нѣтъ извиненія, если, напротивъ, всякая надежда потеряна, какъ говоритъ Виргилій [1]), у тебя есть оправданіе, счастливое для тебя, плачевное для насъ. Итакъ будь здоровъ, и надолго, коли ты въ живыхъ; если тебя нѣтъ, прощай на вѣки [2]).

III.

Боккаччьо молчалъ, переживая впечатлѣнія неаполитанской поѣздки, отъ которыхъ не освободили его ни дружескій пріемъ Петрарки, ни веселыя и умныя бесѣды въ гондолѣ канцлера Бенинтенди. Въ концѣ 1363-го года и весь слѣдующій годъ онъ живетъ въ Чертальдо: флорентійскіе порядки ему опротивѣли, онъ видитъ все въ черномъ свѣтѣ, да и въ матеріальномъ отношеніи въ Чертальдо ему легче было существовать; но это не та желанная бѣдность, о которой онъ мечталъ, какъ о спутницѣ поэтическаго otium'a. Онъ упалъ духомъ; изъ тысячи человѣкъ ты единственный, который увлекается при оцѣнкѣ своихъ собственныхъ трудовъ не любовью, а презрѣніемъ и ненавистью, писалъ ему Петрарка 28-го августа 1364-го года [3]), укоряя его не въ скромности, а въ гордости. До Петрарки дошли слухи, что бѣдные поэты-сказители, жившіе плодами чужой музы, встрѣчаютъ у Боккаччьо всегда отказъ, потому что онъ сжегъ свои итальянскіе стихотворенія. Къ чему это? Одни объясняли, что онъ будто-бы сбирался ихъ переработать въ болѣе серьезномъ, зрѣломъ стилѣ [4]). Но что хотятъ передѣлать, того не

1) Aen. I, 555: sin absumta salus.

2) Sen. III, 2.

4) Sen. V, 2; сл. выше стр. 128, 365 прим. 2.

4) Ut.... praesenti solido et jam cano ingenio reformares.

сжигаютъ. Донато открылъ Петраркѣ настоящую причину: когда Боккаччьо прочелъ итальянскія стихотворенія Петрарки, не только пересталъ писать въ томъ-же родѣ, но и уничтожилъ написанное. Это и заставляетъ обвинить его въ униженіи паче гордости. Я понимаю, что по скромности ты не притязаешь на первое мѣсто среди итальянскихъ поэтовъ, пишетъ ему Петрарка; но предположимъ, что я превосхожу тебя, я, который почелъ бы за честь быть тебѣ равнымъ; предположимъ, что художникъ нашего роднаго слова [1]) (Данте) тебя выше; кто не терпитъ, чтобы ему предпочли одного или двоихъ, во всякомъ случаѣ немногихъ, обнаруживаетъ, пожалуй, болѣе гордыни, чѣмъ еслибы притязалъ на первое мѣсто. Мнѣ говорили, что тотъ равеннскій старецъ, хорошій судья въ подобнаго рода вопросахъ [2]), всегда отводитъ тебѣ третье мѣсто; я охотно уступлю тебѣ второе; но еслибы кто либо призналъ, справедливо или нѣтъ, что я въ чемъ-нибудь тебя превосхожу, неужели ты устыдился бы идти рядомъ со мною? Въ такомъ случаѣ я обманулся въ твоей скромности, въ твоей любви ко мнѣ: вѣдь любящимъ пріятно, если любимые ими ихъ превзошли, лучше ихъ. Когда-то я надѣялся, и еще надѣюсь, что я буду тебѣ, не скажу, дороже сына, но дороже тебя самого, мое имя дороже твоего собственнаго; ты самъ говорилъ мнѣ о томъ (не намекъ ли на извѣстное письмо Боккаччьо о Данте?). Если тогда ты былъ искрененъ, ты долженъ былъ-бы радоваться, что я опередилъ тебя, и, не покидая поприща, изо всѣхъ силъ слѣдовать за мною, дабы никто не сталъ между нами. — И Петрарка подсказываетъ Боккаччьо извиненіе: онъ, очевидно, уничтожилъ свои стихотворенія по той-же причинѣ, которая побудила и Петрарку отказаться отъ итальянской поэзіи и обратиться къ латинской рѣчи, чтобы избѣжать кривыхъ толковъ и зависти презрѣнной, ничего непонимаю-

1) Nostri eloquii dux vulgaris.

2) Можетъ быть, общій знакомый Боккаччьо и Петрарки, Менгино Меццани; сл. выше т. I, стр. 375; II, 106.

щей толпы; это та-же точка зрѣнія, что и въ отвѣтѣ Петрарки на письмо по вопросу о Данте [1]). Не только толпы, но и людей, считающихъ себя учеными, властителей, преданныхъ сну и нѣгѣ, діалектиковъ новѣйшей формаціи, осуждающихъ Платона и Аристотеля и критикующихъ слогъ Виргилія, наконецъ людей, для которыхъ Амвросій, Августинъ и Іеронимъ — болтуны, ап. Павелъ—пустословъ: это аверроисты, представители средневѣковаго раціонализма и религіознаго скепсиса, видѣвшіе въ гуманизмѣ одно пустословіе. Петрарка спорилъ съ ними и выходилъ изъ себя: одного изъ нихъ онъ вышвырнулъ изъ комнаты [2]); четверо другихъ, посѣщавшихъ его въ Венеціи, составили въ 1366-мъ году забавно-торжественный приговоръ, что Петрарка — неучъ; онъ отвѣтилъ имъ въ 1368-мъ году трактатомъ «О своемъ и чужомъ невѣжествѣ».

Судя по письму Петрарки, Боккаччьо находился въ томъ-же состояніи нравственной подавленности, какъ когда въ 1355-мъ году онъ отрицался званія поэта [3]); къ тому-же онъ хворалъ и, по недостатку средствъ, принужденъ былъ обойтись безъ помощи врача. Петрарка горячо привѣтствовалъ его выздоровленіе, и его письмо отъ 10-го декабря 1364-го года [4]) — сплошная обвинительная рѣчь противъ медиковъ; лишь въ концѣ онъ говоритъ о Леонтіѣ Пилатѣ и своемъ намѣреніи не вызывать его къ себѣ.— Прихварывалъ и Петрарка, но весело шутилъ надъ постигшимъ его недугомъ (чесоткой) и бодро звалъ къ дружеской бесѣдѣ. Долго мы молчали, — такъ начинается одно его письмо къ Боккаччьо, безъ даты; и въ молчаніи, какъ и въ пріятной бесѣдѣ, есть своя прелесть; но какъ-бы не зайти намъ слишкомъ далеко! Вѣдь у насъ всегда найдется о чемъ поговорить: небо и земля и море и все, что въ нихъ есть, особенно человѣкъ, чудо искусства матери-

1) Сл. выше стр. 285.

2) См. то-же письмо.

3) Сл. выше стр. 201—2.

4) Sen. V, 3. Сл. выше стр. 364.

природы, совершеннѣйшее и гнуснѣйшее изъ животныхъ, то подобный ангеламъ, то болѣе жестокій, чѣмъ ядовитый аспидъ [1]).— Для Боккаччьо этой альтернативы не было; его пессимизмъ окрѣпъ съ годами, поддержанный печальнымъ опытомъ, и самъ онъ очутился въ его освѣщеніи: бѣдный, смиренный старикъ, онъ поетъ въ Чертальдо свои послѣднія пѣсни, гордый своей свободной бѣдностью. Такъ изображаетъ онъ самъ себя въ XVI-й эклогѣ. Она названа: Angelos, вѣстникъ; вѣстникъ приводитъ къ Донату бѣдное стадо Церретія (Боккаччьо), всего пятнадцать козъ-эклогъ. Таковъ уже знакомый намъ отчасти планъ эклоги [2]); бесѣдуютъ Angelos и Apenninus (Донато). Что это за стадо? спрашиваетъ Апеннинъ, глумясь надъ его тощимъ видомъ: ужъ не пасъ ли его въ долинахъ Амфриза Аполлонъ, когда, изгнанный съ неба, онъ сталъ пастыремъ? Смотри, какъ бы твоихъ козъ не сглазили, захирѣютъ! — Знаю я, Апеннинъ, что у тебя коровы тучныя, но пожалѣй же и моихъ бѣдняжекъ; помни, что фортуна завистлива къ счастью. — Да, я былъ неправъ; но куда-же бредешь ты съ малымъ стадомъ, всего пятнадцать козъ? Останься здѣсь; здѣсь хорошо. — Я пришелъ по приказанію, тебѣ велѣно предоставить все стадо, послалъ меня бѣдный Церретій. Вѣдь ты знавалъ нашего этрусскаго старца? — Помню я его, когда, пребывая въ пещерѣ равеннскаго циклопа [3]), онъ бродилъ по лѣсамъ, отдыхая отъ трудовъ [4]), видѣлъ его, когда онъ посѣтилъ венетскіе холмы (Венецію въ 1363-мъ году) [5]). Но что мнѣ дѣлать съ козами? У нихъ только кости да кожа. Ихъ послать бы Сильвану (Петраркѣ), онъ знаетъ, какъ помочь; никому богиня Палесъ не дала такой власти въ поляхъ, какъ ему [6]); его

1) Sen. III, 5.

2) Сл. выше стр. 60—1.

3) Бернардино ди Полента, сл. выше стр. 60.

4) Nostrisque sub antris—Nonnumquam duros solitum recreare labores, Dumque ravennatis Cyclopis staret in antro—Et fessus silvas ambiret saepe palustres.

5) Сл. выше стр. 463, 495.

6) Non Archas siculusve fuit, non Ismarus olim,—Non italus pastor, cui tantum juris in agris—Alma Pales dederit.—Ismarus = Орфей.

чтутъ фавны и нимфы, мужи, лѣса, пещеры и источники; ему, тосканцу, открыты писанія боговъ, молчаливыя сѣни Дита. — Стыдно было посылать такому пастырю столь малый подарокъ, ему, который пріобыкъ пасти царскія и звѣздныя стада. А какъ его любитъ, какъ свято чтитъ Церретій! Поетъ-ли, шепчетъ-ли, у него всегда на языкѣ Сильванъ, онъ ему отецъ и господинъ, его великая, единственная надежда. Но и на тебя надежда, Апеннинъ: во имя музъ, не отвергай дара; козы тощи, не молочны, но молоко пресладкое, и оно тебѣ понравится[1]).—Скажи-же, отчего у нихъ столь жалкій видъ[2]), чтобы можно было ихъ уврачевать?—Есть у насъ на верху горы Церрета[3]) пустынныя, безлѣсныя пастбища[4]), голоднымъ козамъ приходится глодать обросшія мохомъ ветлы[5]) да богородицкую траву, проросшую сквозь старыя раковины. Оттого онѣ и стали таковыми; воды Эльзы окаменили ихъ[6]) и обезкровили; ты ихъ сдѣлаешь тучными, Сильванъ поможетъ совѣтомъ. — Если вашъ Церретій живетъ тамъ, то противъ нашего желанія; что только сѣетъ старикъ, къ чему трудится, разбивая мотыкой пашню, уже истощенную другими? Я такъ думаю, не удерживаетъ ли его, неразумнаго, побѣдная любовь[7])? Старику пора бы отказаться отъ юношескихъ проказъ: когда то, еще полнаго силъ, его провела Галатея, теперь его замучитъ кривая Діона[8]).—Успокойся, старику не до того, ему даже больно вспомнить, что онъ долго увлекался Ликорисъ. Но что ему и дѣлать, какъ не сидѣть на родныхъ поляхъ? Нѣтъ у него ни стада, ни пастбищъ; или сидѣть сложа руки, или па-

1) Nec multum lactis habentes, Sed praedulce quidem, pomisque favisque Menalcae — Si gustant latii, si gustes ipse parumper — Praepones.

2) Sordis.

3) Cerreti montis: Чертальдо.

4) Pascua sunt nobis Cerreti montis in umbra. Heu sterili nimium nullis frondentia lucis.

5) Salices.

6) Сл. выше стр. 444.

7) Timeo non saeva Dyones—Occupet insanum.

8) Lusit Galatea potentem Viribus, enervem faciet quid lusca Dyonez.

хать. — Всего намъ не узнать [1]), не знаешь, видно, и ты, какъ часто Сильванъ звалъ къ себѣ Церретія издалека и лично [2]), предлагая ему стада, тихое убѣжище въ лѣсахъ Лигурія (Миланъ) и на пастбищахъ древняго «гуся» [3]) и на плодоносномъ Евганеѣ (Падуя) и на венетскомъ заливѣ (Венеція). Чего желать тебѣ большаго? Къ нему приходили послушать его пѣсенъ сиканскіе (король Робертъ) и диктейскіе (?) властители, кипрійцы [4]) и великіе квириты, сатиры и фавны, нимфы и богини; самъ Панъ сломалъ въ удивленіи свою цѣвницу—а нашъ бѣднякъ [5]) имъ гнушается! Гдѣ же его любовь, гдѣ уваженіе, если онъ отказывается отъ приглашенія? Пусть придетъ, а грубымъ крестьянамъ предоставитъ засѣвать отеческія поля.—Какъ часто обманываетъ незнающихъ неразумное желаніе! Самъ ты сказалъ, что не всѣмъ все знать [6]). Вонъ онъ тихій, скромный, живетъ въ деревнѣ, а недавно еще отказался начертать на хартіи любовь, воспѣтую Эгономъ [7]); его помыслы выше, онъ считаетъ себя способнымъ на лучшее [8]). Недавно, когда солнце палило поля, оба мы усѣлись подъ зеленымъ дубомъ [9]), посвященнымъ Церерѣ; я первый началъ рѣчь: Что-же, ты такъ и будешь здѣсь собирать на пустыхъ поляхъ

1) Non omnia novimus omnes.

2) Viva voce.

3) Pascua ruris—Anseris antiqui. Anser или Aesaris: нынѣ Serchio?

4) Петръ Лузиньянъ I былъ въ Венеціи въ декабрѣ 1362 по 2 генв. 1363 (дальнѣйшій путь черезъ Местре, Падую, Верону и т. д.) и съ 11 ноября 1364 по конецъ іюня 1365 года. Сл. письмо Петрарки къ его канцлеру Филиппу де Мезьеръ, Sen. XIII, 2 и Mas-Latrie, Hist. de l'île de Chypre II, стр. 239—41, прим. 1.

5) Pauper noster.

6) Ignaros quoties heu fallit caeca voluptas!
Dixisti nuper: non omnia novimus omnes.
Et merito nostro saeva si rusticus Ammon
Peste boves mediis pinguis consumpsit in arvis,
Pectoris ardentis multum sibi cessit Apollo.
Quem tacitum и т. д. Вѣроятно, аллюзія на чуму.

7) Quem tacitum mitemque vides et rura colentem, Noluit Aegonis nuper describere dulces—Pellibus is pecudum, quos ipse canebat amores.

8) Dum maiora leget, dum se maioribus aptum—Aextimat.

9) Ilice.

гнилыя ракушки? Почему не примешь предложенія Сильвана? Онъ такъ часто звалъ тебя.—Онъ долго молчалъ, уставивъ глаза въ лещину. Кто все обѣщаетъ, ничего не даетъ, началъ онъ. Такъ было у меня когда-то съ великимъ Эгономъ, съ Мидасомъ, когда я былъ помоложе [1]); я, довѣрчивый, поспѣшилъ въ его лѣса, привѣтствовалъ Гавръ и знаменитые своими источниками Байи—когда увидѣлъ, что пастбища приготовлены не для быковъ, а для мелкаго скота и бѣднаго пастыря [2]). Благодушный Стильбонъ пріютилъ меня въ своей пещерѣ, а Мидасъ допустилъ это и не только не далъ пастбищъ, но не звалъ и къ обѣду. Я дивлюсь и негодую и думаю себѣ: Что еслибъ я безъ его разрѣшенія вступилъ въ лѣса или мои свиньи забрели въ готовое для жатвы поле, козлы въ виноградникъ? Вѣдь никакія воды не омыли бы меня, коли и теперь, когда я былъ вызванъ, мною пренебрегаютъ, невиннымъ! Пусть остаются при Мидасѣ его пастбища, на которые взираетъ широко-разлегшійся Везевъ, я счастливъ моимъ бѣднымъ полемъ. Такъ я обратилъ свои стопы и поспѣшилъ вспять. Часто Аркадецъ [3]) бралъ въ свои тенета мэналійскихъ волковъ и медвѣдей и снова выпускалъ въ лѣсъ; всѣ мы, увы, тревожимся желаніями; коли исполнятся, мы довольны, а далѣе ихъ забываемъ [4]). Что если и Сильванъ поступилъ бы со мною такъ же? Вѣдь лучше было бы умереть? Не разумно искушать боговъ. Панъ далъ мнѣ многое, и я доволенъ его даромъ: лѣсные орѣхи мнѣ пищей, источникъ утоляетъ жажду, дубы подаютъ тѣнь, ворохъ вѣтвей ложе, мѣха [5]) прикрываютъ истощенное тѣло [6]); ко всему этому до-

1) Omnia qui profert nil dat, mihi maximus Aegon—Jam dixit, Midas pridem dum fortior aetas—Jusserat illud idem(?)

2) Parvoque subulco.

3) Archas.

4) Maenalios persaepe lupos ursosque coegit — In laqueos exire suos sudoribus Archas, Post haec captivos nemori solvebat aperto. Jam sat, heu, votis sic angimur omnes, Et si succedant satis est, hinc linquimus ultro.

5) Lapposaque vellera.

6) Corporis offoeti.

рогая, великая свобода [1]), взыскавшая меня старика [2]), хотя и поздно.

Онъ кончилъ; я ничего не отвѣтилъ, говоритъ Ангелъ; да и кто-бы могъ возразить? Ты-же, Апеннинъ, прими мой бѣдный даръ.

Эклога написана въ Чертальдо, можетъ быть, еще въ концѣ 1363-го года, какъ бы въ отвѣтъ на посланіе Петрарки отъ 7-го сентября [3]). Онъ звалъ къ себѣ друга въ Венецію, но Боккаччьо боится новыхъ опытовъ, боится искусить боговъ; ему страшно отъ одной мысли, что Сильванъ-Петрарка можетъ поступить съ нимъ, какъ поступилъ Мидасъ-Аччьяйоли, принудившій его выселиться къ благодушному Стильбону: очевидно, тому пріятелю-купцу, о которомъ говорится въ посланіи къ Нелли. Въ XIII-й эклогѣ Стильбономъ (прозвище Меркурія въ Генеалогіяхъ боговъ), названъ какой-то генуэзскій купецъ [4]); Стильбонъ VI-й эклоги, какъ будто, поэтъ [5]). Эгонъ загадоченъ; Боккаччьо не захотѣлъ воспѣть его любовь: это напоминаетъ подобныя-же ожиданія Мидаса-Аччьяйоли въ VIII-й эклогѣ и посланіи къ Нелли [6]). Галатея возвращаетъ насъ къ далекой памяти о Фьямметтѣ [7]), но интересенъ психологическій поводъ къ ея упоминанію: Боккаччьо все еще не забылъ въ себѣ стараго грѣшника и волокиту, и это болѣзненное сознаніе, съ выраженіемъ котораго мы еще встрѣтимся, онъ невольно, можетъ быть, подозрительно переноситъ въ сознаніе другихъ. Оттуда неожиданный вопросъ Аппеннина: ужъ не любовь ли удерживаетъ старика въ Чертальдо? И Боккаччьо открещивается: когда то увлекала [8]) его Галатея, затѣмъ какая-то Ликорисъ; теперь не до того.

1) Dulcis et ingens — Libertas.
2) Inertem.
3) Сл. выше стр. 211, 498—9.
4) Сл. выше стр. 58—9.
5) Сл. выше т. I, стр. 386.
6) Сл. выше стр. 479—80, 491, 493.
7) Сл. выше т. I, стр. 117 слѣд.
8) Lusit.

Хронологія XVI-й эклоги позволяетъ намъ разобраться въ послѣдовательности работъ Боккаччьо въ 1363—4-хъ годахъ [1]). Посвященіе De Claris Mulieribus Андреѣ Аччьяйоли написано во всякомъ случаѣ позже эклоги, вѣроятно, также въ Чертальдо, отсюда, быть можетъ, и письмо къ del Muglio [2]); De Casibus окончено: оно отвѣчало пессимистическому настроенію автора. Боккаччьо чувствовалъ себя одинокимъ, непризнаннымъ, почти изгнанникомъ, черпающимъ силу въ сознаніи своего достоинства и личной свободы; жизненные недочеты и прирожденная любовь къ независимости, угловатая и непокладистая въ практической жизни, все это отложилось для него въ идеалъ горделивой бѣдности, видимо самодовольной и смиренно-величавой. Въ такомъ настроеніи онъ написалъ въ Чертальдо свою біографію Данте: въ извѣстномъ смыслѣ это исповѣдь самого Боккаччьо, какъ и его увѣщательное посланіе къ Пино деи Росси [3]) на тему дантовскаго письма къ другу: что для доблестнаго человѣка всякія положенія безразличны, онъ найдется вездѣ, ибо ему отечество — міръ [4]).

Мы уже знаемъ [5]), что Пино деи Росси, пріятель Боккаччьо, былъ изгнанъ въ 1360-мъ году, но Боккаччьо не спѣшилъ писать ему, потому что, говоритъ онъ, всему свое время, и пока горе свѣжо, утѣшеніе не принесетъ пользы. Теперь Пино сжился съ необходимостью и можетъ выслушать утѣшенія бѣдняка [6]) безъ положенія и авторитета; если онѣ принесутъ пользу, онъ будетъ радъ, если нѣтъ, то ему не въ новость даромъ тратить плоды своихъ усилій.

Увѣщательное письмо Боккаччьо разрабатываетъ реториче-

1) Сл. выше стр. 211 слѣд.

2) Сл. выше стр. 81: съ рекомендаціей одному пріору изъ Чертальдо; скоро-ли попаду я къ тебѣ въ Падую, пишетъ Боккаччьо — не знаю.

3) Corazzini, стр. 67 слѣд.

4) Il mondo. . . . essere una città; сл. въ Filocolo II, 903 увѣщаніе къ Филено: conciossiecosachè il mondo sia una città a tutti.

5) Сл. выше стр. 454.

6) Mendicante.

ски, по хріямъ, положеніе, что можно быть счастливымъ въ несчастіи, съ массой общихъ мѣстъ, навѣянныхъ Сенекой [1]), и примѣровъ, которые подсказали ему его собственные De Casibus.

Даже люди сильные духомъ бываютъ поражены, когда внезапно обрушится на нихъ несчастье; такъ, слышалъ я, было и съ тобою. Я этому не удивляюсь, но человѣку разсудительному подобаетъ не поддаваться ударамъ судьбы, а оправившись, внять внушеніямъ разума и опыту другихъ, не лживымъ сужденіямъ, толпы. Еще древніе философы сказали, что наше отечество — весь міръ [2]), гдѣ бы ни пришлось очутиться мудрому, онъ всегда у себя: вездѣ годъ распадается на четыре времени, солнце встаетъ утромъ и заходитъ вечеромъ, нѣтъ мѣста, гдѣ-бы огонь былъ холоденъ, вода суха; отъ юга до сѣвера вездѣ одинаково почтены добрые нравы и законы природы вездѣ для насъ одинаковы. Съ этой точки зрѣнія то, что зовется изгнаніемъ, не болѣе какъ перемѣна мѣста [3]). Новые нравы и обычаи не должны пугать и вмѣняться въ тягость: если къ нимъ пріучаются дѣти, то тѣмъ болѣе люди разумные; финикійцы, массильцы [4]), освоились на новыхъ осѣдлостяхъ; стоитъ только вжиться въ мысль, что Пино переселился не по принужденію, а по собственной волѣ, и ему будетъ легче. — Скажутъ иные: дома онъ занималъ высокое положеніе, котораго лишился; тому, кто потерялъ незаслуженное положеніе, не о чемъ скорбѣть, доблестный человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что добродѣтель вездѣ чтится (Коріоланъ, Алкивіадъ, Аннибалъ). Многіе изъ нашихъ гражданъ стали именитѣе на чужбинѣ, чѣмъ у себя дома; такъ можетъ быть и съ тобою.

1) Ad Helviam matrem De consolatione.

2) Сл. Cic. De leg. I, c. 23, 61; Par. II, 18; Tusc. disp. V, 37, 108.

3) Sen. Dial. XII, VI, 1: quid sit exilium: nempe loci commutatio; VIII, 1: quocumque venimus, eadem rerum natura utendum est.

4) Sen. l. c. VII, 3: Graii, qui nunc Massiliam incolunt.... trucibus et inconditis Galliae populis se interposuerunt=I Marsigliesi lasciata la loro nobile città in Grecia ne vennero tra l'alpestri montagne della Gallia e tra fieri popoli a dimorare.

Но положимъ, дѣло идетъ не о перемѣнѣ мѣста, а объ изгнаніи. Ты не первый, и не послѣдній; припомни примѣры другихъ изгнанниковъ (Кадмъ, Сарка, царь молоссовъ, тираннъ Діонисій и др.), имъ пришлось хуже, ты не помѣняешься съ ними; напротивъ, почтешь себя счастливымъ, что не видишь нашихъ городскихъ порядковъ. На нихъ тошно смотрѣть, таковы нравы тѣхъ, въ руки которыхъ, благодаря неразумію и злокозненности ихъ предшественниковъ, перешли бразды правленія. Что отъ нихъ отдаетъ деревенщиной [1]) и они прошли къ власти прямо отъ сохи и лопаты—не въ томъ бѣда; такихъ примѣровъ много (Серранъ, Цинциннатъ, Марій), ибо души не всегда посылаются Богомъ въ соотвѣтствующія имъ общественныя положенія [2]); но тѣ люди полны любостяжанія и гордыни, гнѣва и зависти, довели до крайности и доведутъ до потери свободы городъ, который мы называемъ нашимъ и стыдно будетъ признать своимъ, если дѣла не измѣнятся. Обжоры, кабачники, распутники стоятъ у кормила, а невѣжды считаютъ ихъ порядочными людьми, потому что они принимаютъ важный видъ, внушительно молчатъ, отираютъ ноги о фрески [3]), суетятся, точно радѣютъ объ общемъ благѣ, а сами не умѣютъ пересчитать, сколько пальцевъ на рукѣ, хотя великіе мастера въ грабежѣ и мошенничествѣ [4]). Все это ты самъ видѣлъ и слышалъ и испыталъ, и мнѣ больно, что послѣ всего этого ты еще жалуешься на изгнаніе. Да тебя нужно было самому бѣжать, чтобъ не видѣть этой мерзости, какъ Демокритъ и оба Сципіона; еслибъ я смѣлъ, на ряду съ славными, упомянуть и мое смиренное, бѣдное имя, я сказалъ бы, что именно по этой причинѣ я покинулъ Флоренцію и живу въ Чертальдо; я ушелъ бы куда нибудь и подальше, еслибы то позволила моя бѣдность.

Говорятъ: въ изгнаніи теряешь друзей, родныхъ, сосѣдей. О

1) Chi da Capalle, quale da Cilicciavole, e quale da Sugame o da Viminiccio.

2) Non simili alle fortune piovano da Dio gli animi ne' mortali.

3) Grattando i piedi alle dipinture.

4) Barattare.

послѣднихъ заботиться нечего, друзья — другое дѣло; но ты можешь утѣшиться хотя бы мыслью, что случай далъ тебѣ возможность распознать настоящихъ друзей отъ ложныхъ, ибо въ несчастіи познаются друзья (Орестъ и Пиладъ, Тезей и Перитой, Низъ и Евріалъ), и ты ясно поймешь, въ какой опасности ты обрѣтался, довѣряясь, кому не слѣдуетъ. Личное присутствіе въ дружбѣ не главное дѣло: съ друзьями ты можешь бывать душей, можешь говорить съ нами, спрашивать, совѣтоваться, и они отвѣтятъ, какъ тебѣ нужно, какъ тебѣ хочется, безъ пререканій, лучше и пріятнѣе, чѣмъ еслибы они присутствовали лично. — Это то-же признаніе воспроизводящей силы фантазіи, какъ когда-то въ вопросахъ любви при отсутствіи любимаго предмета [1]). — Къ тому-же друзья заботятся о тебѣ въ твоемъ отсутствіи, стараются помочь тебѣ, чего ты не могъ-бы сдѣлать лично; а письма поддержатъ между вами связь, перо замѣняетъ слово. Такимъ образомъ, друзья всегда съ тобою.

Ты потерялъ отцовское и пріобрѣтенное тобою состояніе. Но что за неразуміе заставляетъ людей помышлять о стяжаніи! Развѣ не лучшее бѣдность, свободная, беззаботная, побуждающая къ труду? Боккаччьо словословитъ ее, какъ словословилъ не разъ [2]), какъ защищаетъ ее, въ утѣшеніе матери, Сенека; флорентійцы заражены любостяжаніемъ, наши пріоры стали епископами, иронизируетъ Боккаччьо, намекая на обычай наказывать лихоимцевъ, надѣвая на нихъ позорную митру [3]); позорно и то, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій одинъ лишь гражданинъ прославился честной бѣдностью, за то по смерти ему воздаиы были царскія почести: это Альдобрандино Оттобони, котораго Боккаччьо назвалъ въ своей рабочей тетради вторымъ Фабриціемъ [4]). Бѣдностью стояла римская имперія, богатства привели ее въ настоящее

1) Сл. выше т. I, стр. 166.

2) Сл. выше стр. 199—200.

3) Mitriati.

4) Сл. выше стр. 103.

положеніе, когда она нѣчто лишь по имени, безъ содержанія [1]). Если ты такимъ-же остался, какимъ я тебя считалъ, грубый, простой охабень [2]) будетъ тебѣ къ большему почету, чѣмъ драгоцѣнныя одежды.

Одною честью, скажутъ, не проживешь, дочерей замужъ не выдашь. Это—по нынѣшнимъ нравамъ; въ первые вѣка, когда невинность еще царила въ мірѣ, жолуди и вода удовлетворяли потребностямъ человѣка; римляне, выступая въ походъ, запасались небольшимъ количествомъ муки и сала, ибо воду надѣялись найти повсюду. До такого стѣсненнаго положенія ты, слава Богу, еще не дожилъ, у тебя не будетъ роскоши Сарданапала, но есть чѣмъ содержать семью по образцу Ксенократа, и Тотъ, кто питаетъ звѣрей и птицъ, не оставитъ васъ. Даже лучше, что твои дѣти выростутъ въ относительной бѣдности: такіе люди нерѣдко выходили къ славѣ, тогда какъ воспитанные въ нѣгѣ становились лѣнтяями, гордецами, никуда не годными. Вспомни изнѣженность ассирійскихъ и египетскихъ царей, а съ другой стороны Давида и Митридата.

Что несчастіе посѣтило тебя въ старости, это то-же къ выгодѣ, ибо старость не можетъ быть долговѣчной, да она и хладнокровнѣе; обтерпѣлась къ страданіямъ и новыя переноситъ легче. Въ этомъ отношеніи судьба благопріятствовала тебѣ. Старость почтенна своими совѣтами; соединенная съ нею тучность дѣлаетъ ее сановитѣе. Бѣгать тебѣ не за чѣмъ, ты можешь себѣ сидѣть и отдыхать, отдаваясь своимъ мыслямъ, радуясь на дѣтей, въ которыхъ проснется со временемъ духъ ихъ предковъ, они еще будутъ утѣшеніемъ тебѣ, твоей надеждой, по смерти твоими мстителями. Что сказать о женѣ, твоей да и всеобщей тяготѣ [3])? Я ее не испыталъ, но полагаю, что выносить ее, если она дурная,

1) È in nome alcuna cosa, e in esistenza niuna. Сл. Petr. Canz. IV: un nome Vano senza suggetto.

2) Cottardita.

3) Rammarico.

легче при бѣдности, чѣмъ въ счастьѣ, потому что какъ сорная трава роскошно растетъ на жирной почвѣ, а на тучной хирѣетъ, такъ бываетъ и съ неблагоустроенной душой; но у кого жена хорошая, цѣломудренная, доблестная, нѣтъ лучше ея утѣшенія въ несчастіи.— Слѣдуютъ примѣры дурныхъ (Елена, Клеопатра и др.) и добродѣтельныхъ женъ (Ипсикратея, Сульпиція и др.); къ нимъ принадлежитъ и твоя монна Джьованна.

Но перейду къ тому, что, по моему мнѣнію, наиболѣе тебя печалитъ въ твоемъ изгнаніи. Сказывалъ мнѣ одинъ пріятель, что ты особенно оскорбленъ неблагодарностью согражданъ, не пожелавшихъ выслушать твоихъ законныхъ оправданій и изгнавшихъ тебя съ пятномъ безславія. Я понимаю, что ты объ этомъ горюешь: всякій доблестный дѣятель имѣетъ право надѣяться на снисхожденіе во имя своего прошлаго; ты изъ ихъ числа; но только достойные люди бываютъ предметомъ зависти, и ты можешь гордиться и найти утѣшеніе, припоминая опыты Тезея, Солона, Мильтіада и другихъ. Неблагодарность стара, какъ міръ, неизбѣжное переносится легче. Вопросъ о безславіи ядовитѣе, ибо всѣ мы естественно стремимся продлить память нашего имени, стараемся умножить и оберечь свою славу; кто объ этомъ не печется, тотъ неразумное животное, довлѣющее чреву. Но вѣдь ты сдѣлалъ все, чтобы охранить свою славу, предлагалъ оправдаться, не разъ писалъ о томъ начальствующимъ и частнымъ лицамъ, говоря, что твоя голова порукой твоей невинности. Для всѣхъ иныхъ, кромѣ безразсудныхъ флорентійцевъ, этого было-бы достаточно. Утѣшься тѣмъ, что ты невиненъ, упрямыми оказались судьи. Тебя безпокоитъ, что сосѣди, невольно введенные въ заблужденіе, повѣрятъ невѣжамъ; для твоего спокойствія достаточно сознанія твоей невинности. Потому ободрись и заставь своими поступками раскаяться тѣхъ, кто судилъ о тебѣ криво. Вѣдь и мужи болѣе именитые, чѣмъ ты, бывали обезславлены (Сципіонъ Африканъ, Цезарь) и восторжествовали; и въ наши дни и въ нашемъ городѣ были люди, мыслью и дѣломъ стремившіеся къ ниспроверженію общественнаго строя, но привычка къ такого рода

переворотамъ и общее ожиданіе ихъ и давность были причиною того, что впослѣдствіи мы видѣли тѣхъ людей въ числѣ власть имущихъ. Наконецъ, нареканія на Христа развѣ можно назвать— безславіемъ?

Еще разъ повторивъ вкратцѣ свои доводы, Боккаччьо ободряетъ своего друга надеждой на Бога. Онъ, не судьба, приходилъ на помощь гонимымъ (Камиллъ, Алкивіадъ, Массинисса), такъ одному нашему скромному [1]) гражданину, котораго я назвалъ бы по имени, еслибы онъ того стоилъ [2]); но дѣло это столь недавнее, что ты поймешь, о комъ идетъ рѣчь. Помнишь, что въ какіе нибудь одиннадцать мѣсяцевъ онъ былъ изгнанъ, объявленъ аристократомъ (у насъ это наказаніе, у насъ все навыворотъ, sì siamo ritrosi), на него пала вся тяжесть нашихъ законовъ, и въ то время, какъ онъ всего менѣе ожидалъ милосердія, онъ изъ купца очутился не только воиномъ, но и военачальникомъ, получилъ гражданство съ большею торжественностью, чѣмъ заслуживали того его дѣла, сталъ изъ аристократа пополаномъ [3]) и удостоился высшей должности [4]) въ нашемъ городѣ. Кто можетъ знать тайныя рѣшенія судьбы! Божья благость безконечна, а нашъ городъ полонъ перемѣнъ, по слову поэта (Данте), что въ немъ до половины ноября не держится сотканное въ октябрѣ [5]).

Пожалуйста, не отвѣть мнѣ на все это нашей пословицей, что утѣшать легко, у утѣшителя голова вѣдь не болитъ [6]). Знаю и я, что дѣло выше, но всякій даетъ лишь то, что можетъ; а ты знаешь, что̀ я въ состояніи сдѣлать.

Много говорилъ я о томъ, что̀, по моему мнѣнію, полезно въ твоемъ положеніи, а теперь скажу кое-что и о моемъ собствен-

1) Piccolo.

2) Se io delle mie lettere degno estimassi.

3) Plebeo.

4) Nostro maggior magistrato.

5) Ch'a mezzo novembre — Non giugne quel che tu d'ottobre fili, Purg. VI, 144—145.

6) A confortator non duole il capo.

номъ. Согласно моему намѣренію, о которомъ я упомянулъ выше, я вернулся въ Чертальдо и здѣсь вжился, съ меньшими затрудненіями, чѣмъ предполагалъ; мнѣ начинаетъ нравиться и грубая одежда и крестьянская ѣда, и я спокоенъ, потому что не вижу честолюбивыхъ происковъ и противнаго мнѣ образа жизни моихъ согражданъ; я былъ бы и того счастливѣе, еслибъ ничего о нихъ не слышалъ. Вмѣсто того я созерцаю здѣсь поля, холмы и деревья въ зелени и цвѣту; все это естественно-просто, тогда какъ въ городѣ все искусственно; восхищаюсь пѣніемъ соловья и другихъ пташекъ, въ городѣ надоѣдало слышать день-деньской объ обманахъ и безчестныхъ продѣлкахъ; а когда вздумается, мои книги къ моимъ услугамъ, и я безпрепятственно бесѣдую съ ними. Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что, послалъ ли бы мнѣ Господь брата, или не послалъ [1]), я, смертный, наслаждаюсь здѣсь вѣчнымъ блаженствомъ.

Я хотѣлъ написать тебѣ письмо, а вышла цѣлая книга; я не извиняюсь, лишь бы унялись твои вздохи, пока ты будешь ее читать. Я соболѣзную Лукѣ и Андрею, какъ подобаетъ пріятелямъ въ несчастіи, и охотно бы утѣшилъ ихъ, еслибы зналъ, какъ; подбодри ихъ, сообщивъ имъ изъ моихъ увѣщаній, что ихъ болѣе касается. Я кончилъ и молю Бога утѣшить всѣхъ васъ.

IV.

Боккачьо видимо успокоился въ бѣдной, но независимой обстановкѣ Чертальдо, на лонѣ природы и въ уединенномъ общеніи съ своими книгами [2]), вдали отъ города и постылыхъ Флорентинскихъ отношеній. Какія обстоятельства побудили его покинуть уединеніе и даже явиться общественнымъ дѣятелемъ—

1) Se Dio m' avesse dato fratello o non me lo avesse dato; сл. Decameron III, 8: Se Iddio m'avesse dato marito o non me lo avesse dato = пер. I, стр. 246: если бы Господь даровалъ мнѣ настоящаго мужа, или не даровалъ вовсе. Сл. выше т. I, стр. 382.

2) Сл. Gen. Deor. XIV, 11 и выше т. I, стр. 509—10; II, 417.

остается неизвѣстнымъ; для слѣдующихъ лѣтъ матерьяловъ внѣшней біографіи мало, и они не всегда располагаются хронологически, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и та внутренняя біографическая прозрачность, которая позволяетъ слѣдить за развитіемъ человѣка.

Лѣтомъ 1365-го Боккаччьо выслалъ Петраркѣ часть перевода, сдѣланнаго Леонтіемъ Пилатомъ [1]), а въ концѣ августа того-же года ходилъ съ посольствомъ въ Авиньонъ по дѣламъ республики: ему поручено было уладить нѣкоторыя недоразумѣнія, похлопотать о переводѣ падуанскаго епископа, Пилео да Прато, на патріаршій престолъ Аквилеи и предложить услуги республики папѣ Урбану V на случай, еслибъ онъ рѣшился переселиться въ Римъ. Подобныя порученія даны были ему и для генуэзскаго дожа. Вѣрительныя грамоты [2]) называютъ Боккаччьо мужемъ совѣтнымъ и разумнымъ, магистромъ, почтеннымъ флорентійскимъ гражданиномъ [3]); рекомендательное письмо поручало его вниманію Франческо Бруни, флорентійца, смѣнившаго Заноби да Страда въ должности папскаго секретаря; дѣловаго гуманиста, съ которымъ Петрарка состоялъ въ перепискѣ.

Въ началѣ ноября посольство вернулось домой; Петрарка, очевидно, не зналъ о немъ, когда 28 октября написалъ Боккаччьо одно изъ интереснѣйшихъ посланій общаго содержанія [4]). Оно начинается характеристикой одного юноши гуманиста, родомъ изъ Равенны, который видѣлъ Боккаччьо въ Венеціи въ 1363-мъ году у Петрарки и Донато, а годъ спустя сталъ посѣщать Петрарку. Мы уже говорили о судьбахъ этого загадочнаго равенца [5]), о надеждахъ и разочарованіи Петрарки; пока онъ еще

1) Сл. выше стр. 364.

2) Сл. Corazzini, l. c. стр. 340—411, 489 слѣд.; Hortis, Giov. Boccacci ambasciatore in Avignone, стр. 15 слѣд., 50 слѣд.

3) Circumspectum virum dominum Iohannem Bocchaccii, prudentem virum magistrum I. B. honorabilem civem florentinum.

4) Fam. XXIII, 19.

5) Сл. выше стр. 75.

въ періодѣ увлеченій и, назидая ученика, пишетъ нѣсколько строкъ о границахъ подражанія въ поэзіи [1]).

О поѣздкѣ Боккаччьо онъ узналъ лишь позднѣе.

Хорошо ты сдѣлалъ, писалъ онъ Боккаччьо 14-го декабря 1365-го года [2]), что по крайней мѣрѣ откликнулся, коли лично не могъ или не захотѣлъ заѣхать ко мнѣ (въ Павію); а я не былъ покоенъ съ той поры, какъ узналъ, что ты переѣхалъ черезъ Альпы, направляясь въ новый Вавилонъ (Авиньонъ); знакомы мнѣ трудности пути, твоя сосредоточенность и грузность тѣла, располагающая къ тишинѣ занятій, не къ отправленію общественныхъ дѣлъ и невзгодамъ путешествія. Благодареніе Богу, приведшему тебя обратно по добру по здорову. Ты спѣшилъ, а то вѣдь отъ Генуи сюда всего два дня, ты повидался бы со мною, полюбовался бы на Павію. — И Петрарка пускается въ похвалы древностей и прелестей Павіи, гдѣ проводитъ вотъ уже третье лѣто; кадитъ мимоходомъ Галеаццо Висконти и затѣмъ продолжаетъ: если усталость или, какъ ты говоришь, боязнь новой усталости и краткость положеннаго тебѣ срока помѣшали мнѣ обнять тебя, то почему не повидалъ ты въ Генуѣ мое второе я, архіепископа Гвидо? Но оставлю упреки; я радъ, что ты познакомился въ Авиньонѣ съ немногими изъ моихъ друзей, которыхъ еще пощадила смерть.—Боккаччьо писалъ ему, что старый пріятель Петрарки, Филиппъ де Кабассоль, изъ любви къ нему, бросился обнимать Боккаччьо, къ удивленію папы и кардиналовъ, и просилъ его убѣдить Петрарку прислать ему наконецъ трактатъ «Объ уединенной жизни», посвященный ему давно тому назадъ. Но что-же мнѣ дѣлать, жалуется Петрарка, коли нѣтъ переписчиковъ! Ты вѣдь знаешь, что это за люди; никто не повѣритъ, что для сочиненія, написаннаго въ нѣсколько мѣсяцевъ, ищешь переписчика цѣлые годы. Теперь я поручилъ это дѣло одному священнику изъ Венеціи; пишутъ, что онъ уже спра-

1) Сл. выше т. I, стр. 439.

2) Sen. V, 1; сл. выше стр. 365.

вился съ дѣломъ; пошлю, что получу, пусть отвѣчаетъ переписчикъ.

Мы уже знаемъ, что какъ это, такъ и два другихъ письма [1]) были доставлены Боккаччьо лишь въ 1366-мъ году при посредствѣ Доната [2]). Онъ-же явился посредникомъ и въ другомъ вопросѣ, интересовавшемъ Петрарку: для его трактата объ «Уединенной жизни», который уже переписывался для Филиппа де Кабассоль, ему нужны были свѣдѣнія о Петрѣ Даміани, котораго онъ смѣшивалъ съ Петромъ Равеннскимъ. Боккаччьо находился въ то время, къ своему несчастію [3]), въ Равеннѣ, и Донатъ просилъ его отъ имени Петрарки разыскать тамъ житіе и писанія Даміани, списать и доставить въ Миланъ.

Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ письма Боккаччьо къ Петраркѣ отъ 2-го января [4]); годъ не помѣченъ, но такъ какъ послѣднее, не случайное пребываніе Петрарки въ Миланѣ относится къ 1366-му году [5]), то и письмо принадлежитъ, вѣроятно, тому-же времени. Какія причины, общественныя или домашнія, завели Боккаччьо, *къ его несчастію*, въ Равенну, остается неизвѣстнымъ; свѣдѣніями, имъ доставленными, Петрарка уже не могъ воспользоваться, ибо въ его Vita Solitaria остались тѣ самыя недоразумѣнія, которыя Боккаччьо постарался разъяснить ему, извиняясь, что онъ—поучаетъ его; вѣдь это то-же, какъ еслибъ какой-нибудь крестьянинъ вздумалъ наставлять въ вопросахъ земледѣлія Гезіода или Виргилія. Петръ Равеннскій и Петръ Даміани—не одно и то-же лицо, говоритъ Боккаччьо, ссылаясь на мнѣніе почтенныхъ, маститыхъ равенцевъ, но смѣшивая въ свою очередь Петра Хризолога съ Петромъ degli Onesti: одинъ зовется равенцемъ лишь потому, что былъ епископомъ Равенны около 350-го года, или, какъ полагаютъ другіе, во время папы

1) Sen. V, 2 отъ 28 августа 1364 года, сл. выше стр. 365.
2) Сл. выше стр. 366.
3) Infortunio meo.
4) IV Nonas Januarii.
5) Сл. Hortis, Studi, стр. 280, прим. 2.

Григорія Великаго; Петръ Даміани жилъ при папѣ Стефанѣ IX и былъ родомъ изъ Равенны, объ этомъ говорятъ писанія о немъ и обитель Fonte Avellana, гдѣ онъ былъ настоятелемъ. И вотъ Боккаччьо принимается искать его житіе, къ чему ободрили его и жители Равенны, и долго ничего не находитъ; справляется въ монастырѣ Santa Maria in Porto, ошибочно полагая его основателемъ Даміани, и дивится, что о немъ знаютъ тамъ такъ-же мало, какъ о какомъ-нибудь пустынникѣ Ѳиваиды. Наконецъ какой-то старикъ сказалъ ему, что у него, сколько ему помнится, должно быть житіе святого. Онъ повелъ Боккаччьо къ себѣ и показалъ кучу старыхъ хартій; Боккаччьо перебираетъ ихъ, внутренне смѣясь надъ своей довѣрчивостью; готовъ отбросить въ сторону полуистлѣвшую, грязную тетрадь, когда случайно его глаза остановились на заглавіи: житіе св. Петра Даміани. Обрадованный своей находкой, онъ тотчасъ-же унесъ ее къ себѣ. Житіе оказалось написаннымъ какимъ-то Іоанномъ, современникомъ и товарищемъ святого, но изложеніе безтолковое и многословное, годное для бабьихъ росказней [1]), недостойное ни святого, ни вниманія Петрарки. Боккаччьо взялся пересказать для него житіе, ничего не измѣняя по содержанію, а слѣдуя по стопамъ другого Іоанна [2]); но если Петраркѣ надобенъ подлинникъ, онъ его ему доставитъ.—Письмо писано «въ клоакѣ цисальпійской Галліи» [3]).

Корреспонденція Петрарки за 1366—7-й годы бросаетъ лишь мало свѣта на біографію Боккаччьо. 25-го января 1366-го года онъ извѣщалъ пріятеля о трехъ залежавшихся, не по его волѣ, посланіяхъ, отправленныхъ при посредствѣ Доната [4]) и разсказалъ о трагической кончинѣ Пилата [5]). На разсвѣтѣ 20-го іюля того-же года онъ берется за перо, чтобы побесѣдовать съ другомъ въ торжественную для себя минуту: онъ вступилъ въ

1) Muliercularum conventibus.

2) Joannes Joannis scribens vestigia imitatus sum.

3) In cloaca fere totius Galliae cisalpinae. Сл. Corazzini, стр. 307—12.

4) Sen. V, 4.

5) Sen. VI, 1; сл. выше стр. 366—7.

63-й годъ, годъ, который считался тогда климатерическимъ, опаснымъ. Петрарка не былъ мелочно-суевѣренъ, но видно, что онъ внутренне тревожится, и это сквозитъ въ тихой преданности провидѣнію, торжественно настраивающей тонъ письма. Посмотримъ, что будетъ; умру-ли, или останусь живъ, помни обо мнѣ [1]).

Весной слѣдующаго года Петрарка, по обыкновенію, переѣхалъ въ Павію; отсюда онъ еще разъ писалъ Боккаччьо по вопросу, продолжавшему волновать его друга: о возможности сохранить свободу въ служеніи у Галеаццо Висконти [2]). Можетъ быть, Боккаччьо былъ въ это время уже на пути въ Венецію. Онъ зналъ, что Петрарки тамъ не было, но въ Венецію его звали дѣла, и онъ хотѣлъ познакомиться съ дочерью Петрарки, которую эмфатически зоветъ Тулліей (такъ звалась дочь Цицерона), и съ ея мужемъ, Франческо да Броссано. Свое путешествіе онъ самъ разсказалъ Петраркѣ въ письмѣ изъ Флоренціи отъ 30-го іюня 1367-го года [3]). Въ психологическомъ смыслѣ это одно изъ показательныхъ писемъ: мы видимъ попрежнему старика Боккаччьо, скромно повергающагося у алтаря Петрарки; передъ нимъ, передо всѣмъ, на чемъ лежитъ его печать, что ему близко, онъ забываетъ себя; не забыты только старые эротическіе грѣхи; объясненіе Боккаччьо, почему онъ не остановился въ домѣ Тулліи, отзываются тою-же болѣзненною, забавною щепетильностью, какъ подозрѣнія Апеннигены въ XVI-й эклогѣ [4]). Эти воспоминанія возникаютъ въ немъ, когда онъ очутился на нѣсколько дней въ чистой, лелѣющей атмосферѣ семьи. Онъ и Петрарка отрицали ее, какъ несовмѣстную съ серьезнымъ служеніемъ мысли, но подъ конецъ жизни Петрарка свилъ себѣ гнѣздо въ семьѣ дочери, и одинокій Боккаччьо отдыхаетъ въ ней. Въ ея пониманіи есть нѣчто римское, Туллія—идеалъ цѣломудренной

1) Sen. VIII, 1.
2) Sen. VI, 2; сл. выше стр. 198.
3) Corazzini, стр. 123 слѣд.
4) Сл. выше стр. 504, 507.

матроны, но шаблонъ исчезаетъ, когда является ея дочка Элетта: она напомнила Боккаччьо его Олимпію [1]), и онъ неподдѣльно растроганъ.

24-го марта я выѣхалъ изъ Чертальдо въ Венецію, чтобы повидать тебя, славный мой наставникъ, пишетъ Боккаччьо, но во Флоренціи меня задержали дожди, представленія друзей и разсказы пріѣзжихъ изъ Болоньи, что дорога полна затрудненій. Между тѣмъ на мое горе ты уѣхалъ въ Павію, и я готовъ былъ отказаться отъ путешествія, но друзья поручили мнѣ въ Венеціи одно серьезное дѣло, и хотѣлось повидать твоихъ близкихъ, которыхъ я еще не зналъ: твою Туллію и ея Франческо; потому, выждавъ благопріятное время, я пустился въ путь. О томъ, какъ нежданно я встрѣтилъ Франческо, онъ, вѣроятно, самъ тебѣ разсказалъ. — Боккаччьо въ восторгѣ отъ его пріема, отъ него самого; хвалитъ выборъ Петрарки; но развѣ онъ можетъ не хвалить что-либо, принадлежащее другу, сдѣланное имъ?—Разставшись съ Франческо я, на разсвѣтѣ, сѣлъ въ лодку; на берегу меня встрѣтили нѣкоторые изъ нашихъ согражданъ, точно ихъ кто-то предупредилъ, и всѣ стали просить остановиться у нихъ, такъ какъ тебя не было; просилъ и нашъ Донатъ, но мнѣ не хотѣлось обидѣть Франческо Аллегри, который ѣхалъ со мною отъ Флоренціи и былъ ко мнѣ крайне предупредителенъ. Говорю это въ свое извиненіе, что я остановился не у тебя, какъ ты великодушно предложилъ въ письмѣ ко мнѣ. Не будь у меня пріятелей, которые бы меня пріютили, я скорѣе-бы пошелъ въ гостинницу, чѣмъ принялъ предложеніе Тулліи, въ отсутствіи ея мужа, ибо, какъ въ этомъ, такъ и во многомъ другомъ, ты знаешь чистоту моихъ отношеній ко всему, что тебя касается, да другіе то того не знаютъ, и хотя моя сѣдина и возрастъ и тѣло, безпомощное отъ излишней тучности [2]), должны были бы удалить всякія подозрѣнія, я все-же предпочелъ воздержаться,

1) Сл. выше стр. 64 слѣд.

2) Nimia sagina corpus invalidum.

дабы наговоры, большею частью злостные, не открыли слѣдовъ тамъ, гдѣ никто не ступалъ [1]). Ты вѣдь знаешь, что въ такихъ вопросахъ лживая молва часто предпочитается истинѣ.—Отдохнувъ, я отправился къ Тулліи; она тотчасъ-же вышла ко мнѣ на встрѣчу, какъ выходитъ къ тебѣ, привѣтливая; слегка покраснѣвъ, потупивъ глаза, она обняла меня скромно, съ какимъ-то дочернимъ чувствомъ. Я догадался, что это ты такъ наказалъ ей, оцѣнилъ твое довѣріе и возрадовался, что я настолько сталъ твоимъ. Мы побесѣдовали, посидѣли съ нѣсколькими друзьями въ твоемъ садикѣ; она предоставила къ моимъ услугамъ твой домъ, книги, все, что есть, постоянно сохраняя серьезный тонъ матроны [2]); но тутъ вошла, скромная не по лѣтамъ, Элетта, твоя любимица, и еще не зная, кто я, посмотрѣла на меня улыбаясь. Я взялъ ее на руки, радостно, страстно; мнѣ показалось, что это моя Олимпія. Если не повѣришь мнѣ, повѣрь врачу Гвильельмо изъ Равенны, нашему Донату, они видѣли Олимпію и скажутъ, что у нея и у Элетты то-же лицо, тотъ-же смѣхъ, тѣ-же веселые глазки, тѣ-же движенія и обликъ, только моя была старше: ей было пять съ половиною лѣтъ, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ; будь у нихъ одинъ и тотъ-же говоръ [3]), онѣ болтали бы одинаково и такъ-же простодушно; твоя бѣлокурая, у моей были каштановые волосы [4]); сколько разъ, когда я обнималъ Элетту и наслаждался ея болтовнею, память объ умершей дочкѣ вызывала у меня никѣмъ незамѣченныя слезы! — О любезности и внимательности твоего Франческо не стану распространяться, устало-бы перо; о томъ, какъ часто онъ посѣщалъ меня, убѣдившись въ моемъ твердомъ рѣшеніи не быть его гостемъ; какъ онъ меня чествовалъ. Знаешь-ли что еще? Онъ зналъ, что я бѣденъ [5]), и наканунѣ моего отъѣзда, вечеромъ, отвелъ

1) Сл. выше стр. 507.
2) Matronali semper gravitate servata.
3) Idioma.
4) Inter nigram rufamque.
5) Cum me pauperem novisset.

меня въ уголокъ и, такъ какъ слова не помогали, схватилъ меня, тщедушнаго, своими гигантскими руками и, добившись того, что я, нехотя и краснѣя, принялъ его щедрый даръ, распростился со мною почти на бѣгу, пока я самъ осуждалъ себя за то, что допустилъ это. Далъ-бы Богъ, чтобы я могъ отплатить ему! — Видѣлъ я еще славнаго маэстро Гвидо да Реджіо, почтившаго меня своей пріязнью [1]) и даромъ перстня. — Разумѣется врачъ Гвидо ди Баньоло изъ Реджіо, одинъ изъ четырехъ аверроицевъ, осудившихъ въ 1366-мъ году Петрарку за его невѣжество. Въ 1367-мъ году Боккаччьо могъ не знать объ участникахъ этого приговора, потому и не стѣснялся упоминать Гвидо, хотя повидимому и споръ и осужденіе были теоретическаго характера, не нарушившаго отношеній. Самъ Петрарка не называетъ своихъ совопросниковъ, друзей, хотя и поступившихъ не по дружески [2]), тѣмъ понятнѣе упоминаніе Гвидо въ письмѣ Боккаччьо, котораго «нѣкія напасти и удрученіе духа» [3]) побудили пуститься въ обратный путь среди такихъ же затрудненій, съ какими пріѣхалъ.

Вотъ разсказъ о моемъ путешествіи; онъ дологъ, а между тѣмъ разсказано не все, что стоило воспоминанія; стоитъ для меня, бѣдняка [4]); тебѣ покажется пустяками и то, что написано.

Уже во Флоренціи Боккаччьо получилъ черезъ посредство Доната какое-то письмо Петрарки [5]); этими письмами онъ дорожилъ, они донесутъ до потомства и его имя, ибо Петрарка не сталъ бы писать человѣку ничего не стоющему и незнающему [6]). Вотъ ужъ годъ, какъ Боккаччьо сталъ собирать и приводить въ

1) Gratia.

2) Fracassetti, Lettere v. II, стр. 60 слѣд. Гвидо былъ медикомъ кипрскаго короля, получилъ въ 1360 году права венеціанскаго гражданства и участвовалъ въ заключеніи мирнаго договора Венеціи съ Генуей въ 1365 г. Сл. Mas-Latrie l. c. II, стр. 272—3.

3) Quibusdam agentibus incommodis, affectus tedio.

4) Qui homunculus sum.

5) Можетъ быть, Sen. VI, 2; сл. выше стр. 198, 520.

6) Inerti ignavoque.

порядокъ письма къ нему Петрарки; къ сожалѣнію, многихъ и очень давнихъ онъ никогда не получалъ, напр. писемъ по поводу списка твореній Августина [1]), о Данте [2]), противъ астрологовъ [3]), о молодомъ гуманистѣ изъ Равенны [4]), наконецъ о климатерическомъ годѣ [5]). О существованіи послѣдняго Боккаччьо могъ узнать изъ какого-нибудь недошедшаго до насъ письма Петрарки, котораго онъ проситъ велѣть списать по крайней мѣрѣ недостающія у него письма и доставить ему — если ужъ нельзя добыть всѣхъ вообще посланій друга.

Климатерическій годъ миновалъ для Петрарки благополучно, о чемъ онъ и писалъ Боккаччьо, ровно годъ спустя, на зарѣ 20-го іюля 1367-го года [6]). Для Боккаччьо этотъ и слѣдующій годъ были дѣловыми: въ ноябрѣ 1367-го онъ ходилъ съ посольствомъ въ Римъ, куда незадолго передъ тѣмъ перенесенъ былъ папскій престолъ. Документы, касающіеся этого посольства, нынѣ утрачены [7]); 18-го ноября Боккаччьо и его товарищи по посольству принесли обычную присягу; въ отвѣтѣ папы флорентійской коммунѣ отъ 1-го декабря того-же года Боккаччьо названъ «любезнымъ сыномъ» [8]).

Къ этому посольству относится, очевидно, письмо Колуччіо Салутати, впервые объявляющагося для насъ въ кругозорѣ Боккаччьо, хотя, судя по настроенію письма, они давно были въ дружескихъ отношеніяхъ. Салутати, родомъ изъ тосканскаго Стиньяно (род. 1331 года), учился въ болонскомъ университетѣ у знакомаго намъ Пьетро да Мульо, пріятеля Петрарки и Боккаччьо [9]), и сталъ ихъ

1) Fam. XVIII, 3; сл. выше стр. 193.

2) Fam. XXI, 15; сл. выше стр. 196, 280 слѣд.

3) Sen. III, 1; сл. выше стр. 495 слѣд.

4) Fam. XXIII, 19; сл. выше стр. 516.

5) Sen. VIII, 1; сл. выше стр. 519—20.

6) Sen VIII, 8.

7) Сл. Mazzucchelli, Gli scrittori d'Italia a. v. Boccaccio, стр. 1326, nota 77; Ammirato, Istorie fiorentine ed. L. Scarabelli, t. III, стр. 12. Сл. Corazzini, l. c. стр. LIX—LX, прим. 3.

8) Arch. Stor. Ital. I Ser., App. VII, n. XCIV, стр. 430.

9) Сл. выше стр. 81.

восторженнымъ поклонникомъ, блюстителемъ ихъ преданія въ слѣдующемъ поколѣніи гуманистовъ. Въ 1368-мъ году онъ былъ назначенъ помощникомъ апостольскаго секретаря Франческо Бруни; онъ и Боккаччьо и ввели его въ кругъ Петрарки. Въ 1367-мъ Салутати жилъ въ Тоди, куда Бруни писалъ ему изъ Рима; въ письмѣ была приписка Боккаччьо. Онъ жадно набросился на нее, еще не пробѣжавъ письма, спрашиваетъ Боккаччьо словами Виргилія: какая причина завела его въ Римъ [1]), заставила промѣнять тишину Геликона на суматоху жизни? Онъ и самъ стремится въ Римъ, чтобы имѣть возможность предаться любимымъ занятіямъ, и разсчитываетъ на дружбу Бруни; его любовь къ поэзіи не охладѣла не смотря на бѣдность, съ которой ему приходится бороться [2]).

Въ ноябрѣ—февралѣ 1367—8-го года Боккаччьо былъ избранъ членомъ коммиссіи, вѣдавшей денежные разсчеты республики съ наемными дружинами, состоявшими на ея службѣ [3]), а 2-го апрѣля является вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими гражданами въ качествѣ свѣдущаго человѣка на совѣщаніе распорядителей (capitani) братства Orsanmichele по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли, при недостаткѣ средствъ, продолжать работы по реставраціи и украшенію алтаря Богородицы [4]). Относящееся къ тому-же году письмо Салутати [5]) подтверждаетъ еще одинъ фактъ біографіи Боккаччьо, не разъясняя, впрочемъ, имѣвшихся о немъ косвенныхъ свидѣтельствъ. Салутати объясняетъ долгое молчаніе Боккаччьо его поѣздкой на другую окраину Италіи, въ троянскій градъ венетской области [6]). Подъ троянскимъ градомъ разу-

1) Et quae tanta fuit Romam tibi causa videndi.

2) Epistolario di Coluccio Salutati ed. Novati, vol. I, lib. I, ep. 18, 20 Дек. 1367 года.

3) Ufficio della condotta, сл. Crescini, Contributo, стр. 259.

4) Corazzini, стр. CI—CII.

5) L. c. lib. II, ep. 12: изъ Рима 8 апрѣля 1369 года.

6) Recessisti siquidem ad alium pene Italiae angulum et Venetie Iliacam urbem.

мѣется Падуя; изъ писемъ Петрарки къ Донату дельи Альбанцани[1]) оказывается, что Боккаччьо былъ у Петрарки, вѣроятно, въ сентябрѣ 1368-го года, когда послѣдній писалъ Донату, утѣшая его въ смерти сына, ссылаясь и на собственную утрату: 18-го іюля того-же года онъ потерялъ внука, Франческино. Второе письмо къ Донату, подписанное 3-мъ октября, шлетъ привѣтъ ему и Боккаччьо, который «теперь съ тобою», т. е. въ Венеціи.

V.

Загадочна во всѣхъ отношеніяхъ поѣздка Боккаччьо въ Неаполь осенью 1370-го года; не смотря на сохранившіяся письма, намъ неизвѣстны ея поводы и непонятны результаты. Боккаччьо покинулъ Флоренцію, полный *негодованія;* можетъ быть, его гуманистическая дѣятельность не находила признанія, сочувствія? Позже мы еще вернемся къ этому вопросу; но Боккаччьо говоритъ намъ о какихъ то *домашнихъ непріятностяхъ*. Какъ въ прежніе годы, онъ могъ искать въ Неаполѣ и сочувствія и обезпеченности; между тѣмъ оказывается, что въ Неаполь онъ попалъ—*случайно*. Его стараго псевдо-мецената не было въ живыхъ съ 1365-го года, но оставались другіе пріятели, являлись неожиданно и новые. Ему дѣлаютъ предложенія, хотятъ его устроить на покоѣ, онъ отказывается; во всемъ замѣтна какая-то нервная суетливость, накопленіе контрастовъ: пониженное самомнѣніе и риторизмъ похвалъ, чувство свободы — и печальная необходимость благодарить за подаяніе, и старая обидчивость, не знавшая мѣры укоризнамъ. Таково впечатлѣніе писемъ, относящихся къ послѣднему путешествію въ Неаполь. Боккаччьо старѣется и болѣетъ.

Въ Неаполѣ онъ встрѣтился съ прежнимъ знакомымъ, котораго знавалъ еще въ молодости, Никколò ди Монтефалконе; теперь онъ былъ настоятелемъ монастыря св. Стефана въ Калаб-

1) Sen. X, 4 и 5.

ріи. Онъ увлекъ Боккаччьо описаніемъ прелестей своей обители, предложеніемъ пріѣхать и, коли понравится, поселиться у него; Боккаччьо согласился, а аббатъ однажды ночью снялся съ мѣста и уѣхалъ одинъ, не сказавъ ни слова. Боккаччьо шлетъ ему отъ 13-го февраля 1371-го года товарищески-рѣзкое письмо: Я думалъ, что сѣдины и годы и болѣзни и духовный санъ устраняютъ юношескую вѣтренность и исправляютъ нравы; ты открылъ мнѣ глаза: тебя не исправили ни немощи, ни морщины, ни подагра, ни незаслуженное званіе аббата, кормчаго несчастной обители. По прежнему ты падокъ на мерзости [1]), такія каменныя души, какъ твою, труднѣе смягчить, чѣмъ сдвинуть Этну или Пиндъ. Какимъ былъ, такимъ и остался, старикомъ; я тебя узнаю. Ты прикинешься, что не понимаешь, на что я жалуюсь; погоди, поймешь. Помнишь, какъ ласково ты встрѣтилъ меня, пріѣзжаго, давно не видѣннаго, сколько было привѣтливыхъ рѣчей и объятій? Я-бы попался, если-бы всему повѣрилъ. Что-бы сталось, еслибы ты вообразилъ, что я богатъ! Но не стану гадать, а разскажу, что было. Ты расхвалилъ мнѣ прелестное уединеніе твоего монастыря, множество книгъ, всякія удобства и мягкость климата, и вселилъ желаніе не только повидать обитель, но, въ случаѣ необходимости [2]), обрѣсти въ ней убѣжище, а между тѣмъ втайнѣ помышлялъ о бѣгствѣ, точно я строю тебѣ ковы. Что за дружеское довѣріе, что за чистота чувства, достойныя старика и аббата! Въ былое время, кто собирался въ дальній путь, совѣтовался съ друзьями и уѣзжалъ, все съ ними обсудивъ и попрощавшись; ты оставилъ меня, какъ воръ и обманщикъ, ночью сѣвъ на корабль, чтобы ѣхать въ Калабрію. А я то, глупецъ, думалъ, что ты пригласишь, станешь просить меня во имя старой школьной дружбы [3]), чтобы я побылъ у тебя нѣсколько дней, порадовался твоему возвышенію, обнадежился [4]). Ты, по-

1) Illecebras.
2) Si solum necessitas exegisset.
3) Per veterem studiorum nostrorum amicitiam.
4) Et de oblatis spem firmiorem assumerem.

жалуй, читая это, разсмѣешься, скажешь: онъ видно, забылъ, что у бѣдняковъ нѣтъ друзей и богатые отъ нихъ сторонятся. Да, такъ часто дѣлаютъ люди, не знающіе ни страха Божія, ни перемѣнчивости судьбы. Такъ ты и удалился; не знаю, хорошо-ли отъ того стало твоимъ подначальнымъ, только и я не очутился въ грязи. Но я не хочу обойтись съ тобою, какъ обошелся со мною ты, заключаетъ Боккаччьо, и въ концѣ сообщаетъ аббату, что папа Урбанъ V умеръ, а на его мѣсто избранъ Григорій X. Ты говоришь, что благодаря просьбамъ нѣкоторыхъ лицъ [1]), онъ покровительствовалъ тебѣ [2]). Коли хочешь довести твое дѣло до конца, пріѣзжай тотчасъ-же въ Неаполь; да не забудь прислать списокъ Корнелія Тацита, который ты увезъ, дабы мой трудъ не пропалъ, да и книга еще болѣе не истрепалась [3]).

Въ письмѣ, напоминающемъ посланіе къ Нелли, чувствуется какая-то старческая раздражительность, необъяснимая недочетами самолюбія. Если аббатъ оказался не радушнымъ къ Боккаччьо, то другіе окружили его вниманіемъ. За нимъ ухаживаетъ графъ Гуго ди Санъ-Северино, одинъ изъ магнатовъ королевы Джьованны, ея главнокомандующій, человѣкъ вліятельный, любившій людей науки; тотъ самый Гуго, къ которому Петрарка направилъ знакомаго намъ «равенца» [4]), котораго благодарилъ за хлопоты о себѣ: Гуго пытался доставить ему въ Неаполѣ какой-то бенефицій, но шашни придворныхъ Джьованны разстроили дѣло [5]).—Въ домѣ Гуго Боккачьо познакомился съ Пьетро ди Монтефорте, профессоромъ гражданскаго права и членомъ великаго суда; оба интересуются его Генеалогіями Боговъ, которыя онъ привезъ съ собою [6]).—Весною 1371-го года пріѣхалъ въ Неаполь миноритъ Убертино

1) Dominorum de Baucio.
2) Promotorem fuisse.
3) Corazzini, стр. 257—9.
4) Sen. XI, 9. Сл. выше т. I, стр. 24.
5) Fam. XXIII, 17.
6) Сл. выше т. I, стр. 103—4.

ди Корильяно, профессоръ богословія, посланный королемъ Фридрихомъ Сицилійскимъ для заключенія мирнаго договора съ королевой Джьованной. Боккаччьо съ юныхъ лѣтъ любилъ знакомиться съ достойными людьми; онъ отправился къ Убертино, стоитъ передъ нимъ съ непокрытой головой, смотритъ, почтительно кланяется; тотъ принялъ его съ достоинствомъ, привѣтливо, приглашаетъ сѣсть; Боккаччьо слушаетъ его, и ему вспоминается разсказъ о Платонѣ и пчелахъ, приносившихъ гиблейскій медъ въ уста спящаго ребенка. Убертино жилъ у церкви св. Павла, гдѣ прежде стоялъ храмъ Аполлона, на горѣ, и Боккаччьо часто хаживалъ къ нему пѣшкомъ, не смотря на свою тучность [1]), ибо держать лошадь не было средствъ, а Убертино увлекалъ его разсказами о Яковѣ Пиццинге, логоѳетѣ сицилійскаго короля, любителѣ поэзіи и поэта, что̀ дало впослѣдствіи поводъ Боккаччьо обратиться къ нему съ посланіемъ.—У него являлись и неожиданны поклонники: какой-то молодой человѣкъ, Маттео ди Амброзіо [2]), написалъ ему восторженное письмо, полное похвалъ. Боккаччьо не остался въ долгу, играетъ созвучіями Амброзіо и амброзіи: онъ не ожидалъ найти человѣка столь ученаго и краснорѣчиваго въ городѣ, издавна извѣстномъ своею изнѣженностью и бездѣльемъ. Онъ счастливъ, что въ Италіи возрождаются наконецъ старые таланты, казавшіеся погребенными по нерадѣнію и любостяжанію, и, возлагая на юношу великія надежды, дѣлаетъ оговорки по отношенію къ себѣ. Амброзіо захвалилъ его, но онъ заблуждается, его увлекла любовь, страшная язва [3]), совращавшая къ ложнымъ сужденіямъ боговъ и людей. Я не считаю себя человѣкомъ грубаго ума [4]), но мои работы [5]) не даютъ повода къ такимъ похваламъ. Или ты хочешь польстить мнѣ, чему я не

1) Mole gravatus corporea.

2) Въ рукописи, по которой я напечаталъ письма Боккаччьо къ Кавальканти (Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Спб. 1876 г.) и варьянты которой приводятся далѣе: Ambrasio.

3) Judiciis adversa lues.

4) Etsi omnino rudis homo non sim.

5) Studiorum vigilantia.

вѣрю; мнѣ было бы больно, еслибъ меня, старика, сочли податливымъ на лесть, которую я терпѣть не могъ молодымъ человѣкомъ. Забудь ее, не воздавай мнѣ хвалы, это подобаетъ лучшимъ, чѣмъ я; я приму тебя на мѣсто друга, брата, товарища; чувствую, что твоя дружба поднимаетъ меня, и я не такъ бы восхвалилъ ея святыню, еслибъ не спѣшилъ — ибо предстоитъ отъѣздъ, *желанный по многимъ причинамъ*[1]); чего не досказалъ, доскажу, Богъ дастъ, когда буду *покойнѣе*[2]). Письмо[3]) подписано 12-мъ мая, *festinanter;* въ іюлѣ 1371-го года Боккаччьо снова былъ въ своемъ бѣдномъ уголкѣ въ Чертальдо. Его письма отсюда досказываютъ исторію его неаполитанскаго путешествія.

21-го іюля 1371-го года онъ сидѣлъ въ отдаленной комнаткѣ своего домика; незадолго передъ тѣмъ онъ прочелъ въ псалмѣ: Открываешь руку твою и насыщаешь все живущее по благоволенію (пс. CXLIV, 16), когда постучались въ дверь и ему подали письмо отъ Никколò Орсини, неаполитанскаго аристократа, военнаго человѣка, состоявшаго на службѣ королевы Джьованны и папской, съ 1371 года правителя папской области[4]) и гражданина Флоренціи. Какое дѣло до тебя, бѣдняка[5]), одному изъ именитѣйшихъ гражданъ твоего города[6])? недоумѣваетъ Боккаччьо. Сѣвъ въ уголку, онъ читаетъ посланіе, тогда какъ ожидалъ письмеца, какъ пишутъ его военные люди, и пораженъ цицероновскимъ стилемъ; стало быть, не вымерли еще ни дарованія, ни интересъ къ наукѣ древнихъ. Онъ радуется блестящему возвышенію Никколò, умѣющаго не только собирать, но и расточать, не только вспомнившаго его, но и удѣлившаго ему отъ своихъ щедротъ болѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ и желалъ. Ему смѣшно посмотрѣть на себя: онъ бѣденъ, его слава поблекла[7]), а именитые люди взыскали его своимъ

1) Instante discessu meo, quem, pluribus impellentibus causis, cupio.

2) Ex quietiori loco.

3) Corazzini, стр. 327—9.

4) Patrimonio.

5) Villico homine.

6) Urbis suae princeps insignis, т. е. Флоренціи.

7) Umbraculam nominis.

вниманіемъ, тогда какъ въ лучшіе годы судьба издѣвалась надъ нимъ, покрывая его имя стигійскимъ миракомъ. Тебѣ вѣроятно извѣстно, продолжаетъ онъ, что въ прошломъ году я, старый и хворый, предпринялъ трудное путешествіе и *случайно* попалъ въ Неаполь [1]), но ты, можетъ быть, не знаешь, что я нашелъ тамъ, противъ ожиданія, незнакомыхъ мнѣ дотолѣ друзей, которые успокоили меня, негодовавшаго на домашнія обстоятельства [2]), и дѣлали все, чтобы я тамъ остался. Пока я пребывалъ у нихъ подъ кровомъ бѣдности [3]), узналъ о моемъ пріѣздѣ великодушный Гуго ди Санъ-Северино, твой знакомый, и по своей добротѣ, не по моимъ заслугамъ, не только явился въ Неаполь, чтобы повидаться [4]) со мной, но и обнадежилъ меня [5]), стараясь удержать въ Неаполѣ на своемъ иждивеніи, еслибъ нельзя было устроить меня иначе, и предлагалъ мнѣ то-же, что предлагаешь ты. Увидѣвъ, что я твердо рѣшился, и *не безъ причинъ* [6]), вернуться къ себѣ, и всѣ уговоры были бы безполезны, онъ напутствовалъ меня въ отечество щедрыми дарами, которыхъ я не заслужилъ. Ты знаешь, какъ такая щедрость обязываетъ; еслибъ люди всегда склонялись на дары и просьбы, я давно бы сдался на ласковые, краснорѣчивые уговоры Петрарки, моего славнаго учителя, которому я всѣмъ обязанъ. Я еще не зналъ Гуго, когда Петрарка просилъ меня поселиться у него; у него нѣтъ столькихъ и столь разнообразныхъ пріютовъ, какъ у Гуго, но есть убѣжище, наиболѣе отвѣчающее моимъ лѣтамъ и занятіямъ; туда онъ звалъ меня не только какъ друга и товарища, но и какъ хозяина дома и всего достоянія [7]). Наконецъ, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Неаполя свѣтлѣйшій Яковъ, король Майоркскій (третій мужъ Джьованны), велѣлъ передать мнѣ свое желаніе, чтобы я остался и провелъ безбѣдную ста-

1) Casu Neapolim delatus.
2) A quibus frenato domesticae indignationis meae impetu.
3) Sub latebra paupertatis latens.
4) Salutatum.
5) Amicis verbis spem meam prostratam evexit.
6) Non absque causa.
7) Sen. I, 5, сл. выше стр. 461.

рость [1]) подъ сѣнью его величія, пользуясь полнѣйшей свободой [2]). Но мнѣ казалось, что эта свобода, которую я желалъ полной, все-же будетъ связана нѣкой скрытой путой [3]), и потому, отговорившись, какъ могъ приличнѣе, я покинулъ короля и его дары и отплылъ на родину.—Ты явился четвертымъ, послѣднимъ, съ подобнымъ же предложеніемъ, сулишь больше и болѣе подходящее старику; я отвѣчу тебѣ, какъ и другимъ: благодарностью; но въ мои лѣта человѣкъ, привыкшій къ свободѣ, не можетъ склониться подъ иго. У меня есть небольшое отцовское поле, этого хватитъ на скромное существованіе. Жить мнѣ осталось немного, бѣдность будетъ тѣмъ сноснѣе, что она не долго продлится, я желаю умереть на родинѣ, сложить свою персть рядомъ съ предками, отъ которыхъ ее получилъ. Если я измѣню своему намѣренію, ибо за будущее мы не отвѣчаемъ, я, можетъ быть, и послѣдую твоему приглашенію, хотя за другими и давность и болѣе правъ: мой наставникъ обитаетъ на евганскихъ холмахъ (въ Arqua'ѣ), король Майорки, какъ молодой человѣкъ, жадный до новыхъ впечатлѣній, блуждаетъ по разнымъ странамъ [4]), Гуго живетъ въ городахъ Кампаніи; для меня старика это далеко; у тебя-же, если вѣрить твоему служителю Монте, моему пріятелю и соотчичу, есть прелестныя помѣстья на томъ мысу, который вдается въ тирренское море и, какъ говорятъ, отдѣляетъ тусковъ отъ этрусковъ. Если я могу услужить тебѣ здѣсь, я готовъ и жду приказаній. Прощай, свѣтлѣйшій мужъ [5]).

Къ тому-же времени относится, вѣроятно, и письмо Боккаччьо къ логоѳету Сициліи, Якову Пиццинге [6]). Боккаччьо не знаетъ его лично, но много слышалъ о немъ отъ Убертино ди Корильяно [7]);

1) Otiosus senium traham.

2) Amplissimum ultra regale munus libertati meae afferens spatium.

3) Quodam occulto nexu.

4) Maioricarum rex tamquam juvenis et novarum rerum avidus varias circuit rationes?

5) Corazzini, стр. 317—321.

6) Corazzini, стр. 189 слѣд.

7) Сл. выше стр. 528—9.

гуманисты часто братались письмами съ единомышленниками, меценатами, съ которыми не знакомы; такъ вчужѣ завязывались связи, интересъ къ гуманизму служилъ рекомендательной карточкой, симпатіи ободряли и выражались несдержанно-реторически: корреспонденты оказывались обыкновенно геніальными людьми, цицероньянцами, грядущими поэтами. Такимъ является и Пиццинге.

Прошлой весной я былъ въ Неаполѣ, пишетъ Боккаччьо, и колебался: меня влекла любовь къ родинѣ, которую я покинулъ осенью, *полный негодованія* [1]), хотѣлось повидать свои книги, несправедливо забытыя, друзей и близкихъ; съ другой стороны именитый мужъ Гуго ди Санъ-Северино, вѣроятно, извѣстный тебѣ по блестящей молвѣ, упрашивалъ меня и настаивалъ, чтобъ я остался, обѣщая обезпечить меня въ Неаполѣ при помощи ея величества, Джьованны, королевы Іерусалима и Сициліи. Я былъ въ нерѣшительности, когда узналъ о пріѣздѣ Убертино изъ ордена миноритовъ, твоего согражданина.—Боккаччьо разсказываетъ о своемъ съ нимъ знакомствѣ [2]) и переходитъ, съ его словъ, къ похваламъ Пиццинге: выше богатствъ и роскоши для него слава; ему открыты божественныя поэмы Гомера и Виргилія и все великое въ поэзіи, что только онъ могъ достать; самъ онъ направилъ свои стопы къ вершинамъ Парнаса, и его прельщаетъ лавровый вѣнецъ на Капитоліи. Это приготовляетъ насъ къ панегерику поэзіи: она когда то процвѣтала, поэты были въ чести у именитыхъ людей, знавшихъ, что въ рукахъ поэтовъ ихъ слава; поэтамъ воздвигались памятники. Все это было забыто, но есть надежда на возрожденіе; Господь, соболѣзнуя Италіи, обновилъ въ новомъ поколѣніи и древнія доблести, и любовь къ поэзіи; въ Италіи, въ сущности, ея искра никогда не угасала, хотя тлѣла, полуживая, съ Катономъ (Діонисіемъ), Просперомъ, Памфиломъ, Арригетто, пока не воспрянула съ

1) Indignans.

2) Сл. выше стр. 528—9.

Данте и Петраркой [1]). Я присоединилъ бы къ нимъ и третьяго моего согражданина, Заноби да Страда, который, отложивъ школьную ферулу, сгорая желаніемъ славы, добился почестей, можетъ быть, и не заслуженныхъ [2]); богемскій Цезарь (Карлъ IV), презрѣвъ древній обычай, возложилъ на него лавровый вѣнокъ, не римскій, а пизанскій, а онъ, удовлетворившись тѣмъ, что нѣсколько его стихотвореній понравились одному человѣку, впослѣдствіи какъ бы устыдился оказанноей ему почести, поѣхалъ въ западный Вавилонъ, соблазненный золотомъ, и тамъ замолкъ. Такъ какъ онъ немного потрудился для поэзіи и вовсе не принесъ ей славы, Боккаччьо считаетъ возможнымъ опустить его [3]); его надежда—на Пиццинге: пусть только трудится, онъ прославитъ Мессину, какъ Ѳеокритъ Сиракузы, и Италія возликуетъ. Посмотри на нее и посѣтуй, я обращаюсь съ той-же просьбой ко всѣмъ итальянцамъ: что сталось съ имперіей, съ Римомъ, когда-то властителемъ народовъ, теперь коснѣющимъ подъ гнуснымъ игомъ фарисеевъ! Памятники его военной славы, его законы, которымъ когда-то повиновался міръ, слава философовъ и лавровые вѣнки его поэтовъ, которыми наши предки превзошли даже Грецію, священная свобода—все это забыто, либо взято у насъ чужеземцами и искажено. Всего не вернуть, но ты обновилъ блескъ поэтическаго имени, и Римъ снова предстанетъ варварамъ съ печатью прежняго величія, а я, величая тебя, воспою:

Jam virgo rediit, redeunt saturnia regna.

Ты ожидаешь, быть можетъ, что я скажу нѣсколько словъ о себѣ, ибо и я порой занимался поэзіей. Признаюсь тебѣ, не безъ краски стыда, въ моемъ ничтожествѣ [4]). Съ большой отважностью [5]) я вступилъ на торный путь, съ жаждой славы, въ надеждѣ на своего вождя-учителя; я шелъ по слѣдамъ тѣхъ-же,

1) Сл. выше стр. 77—8.

2) Nescio utrum.... satis meritos.

3) Сл. выше стр. 171.

4) Ignaviam.

5) Ingenti.... animo.

что и ты, но дозволялъ себѣ увлекаться домашними и общественными дѣлами, меня пугали вершины, уходившія выше неба, и я слабѣлъ, падалъ духомъ, отчаяваясь достигнуть цѣли, отсталъ, уже состарѣвшись, отъ руководителей; что всего хуже, не въ силахъ ни вернуться, ни идти впередъ. Такъ, если не случится чуда[1]), я завѣщаю могилѣ, вмѣстѣ съ тѣломъ, и безславное имя.

Когда Боккачьо писалъ это, онъ былъ искрененъ: подобныя выходки противъ себя обусловливались не только моментами находившаго на него сомнѣнія, но и сознаніемъ, что талантъ не отвѣчалъ въ немъ жаждѣ знанія, настойчивости труда[2]). А между тѣмъ онъ все шелъ впередъ, къ нему тянулись молодыя гуманистическія силы. Колуччьо Салутати пишетъ ему 21-го генваря 1372-го года, извиняясь, что долго не отвѣчалъ, пораженный смертью любимой жены; посылаетъ свою эклогу, гдѣ подъ классическими именами проводилось «богословское ученіе» о благодати—и проситъ его указаній: продолжать ему или нѣтъ; посылаетъ ему Клавдіана и проситъ Макробія, котораго въ полномъ видѣ никогда не читалъ [3]).

Еще одно письмо Боккачьо, отъ 5-го апрѣля 1372-го года[4]), относится къ его неаполитанскому путешествію: письмо къ Пьетро ди Монтефорте, которымъ мы отчасти уже воспользовались[5]). Онъ познакомился съ нимъ недавно [6]), и они вступили въ переписку, но одно письмо Монтефорте привело Боккачьо въ восторгъ: онъ перечитываетъ его, хвалитъ стиль «своего учителя» [7]), который снизошелъ до того, что назвалъ его своимъ—другомъ. Особливо понравилась Боккачьо строгая отповѣдь Монтефорте какому-то хулителю поэзіи. Онъ самъ боролся за нее, защищая ее въ своихъ Генеалогіяхъ Боговъ; о нихъ онъ и заводитъ рѣчь. Оказывается,

1) Ni nova desuper infundatur gratia.
2) Сл. выше стр. 56, 58.
3) Novati, l. c., l. III, ep 8, стр. 156—7.
4) Corazzini, стр. 349 слѣд.
5) Сл. выше т. I, стр. 103—4.
6) Сл. выше стр. 528.
7) Preceptor meus.

Монтефорте сталъ ихъ глашатаемъ, ревностно, всѣми способами [1]), распространяя славу Боккаччьо. Онъ попалъ въ уязвимую точку: всѣ мы влечемся жаждой славы [2]), сказалъ Цицеронъ; Боккаччьо недоставало глашатая [3]), и онъ нашелъ его въ лицѣ такого человѣка, какъ Монтефорте. Какъ не восторгаться — и какъ не убояться: вѣдь облако, слишкомъ заряженное, разряжается скоротечнымъ лучемъ,—и его нѣтъ. Хвали меня поменьше; пожелай мнѣ скорѣе умереть въ неизвѣстности, но спокойно, чѣмъ взобраться на вершину, чтобы бурные вѣтры снесли меня. — Ты пишешь, что съ моего согласія прочелъ мою книгу (Генеалогіи), и хвалишь меня, что я не замедлилъ ее обнародовать. Это не совсѣмъ такъ. Я привезъ съ собой мою книгу, товарища въ путешествіи [4]), не затѣмъ, чтобъ ее обнародовать; я не считалъ ее готовой, хотѣлъ удалить кое-что, что казалось мнѣ непристойнымъ [5]), украсить, на сколько возможно, стиль. Въ тѣ дни, когда мы съ тобой впервые познакомились, помню, что въ бесѣдѣ съ тобой и Гуго да Санъ-Северино, я выразилъ желаніе, чтобы ты просмотрѣлъ мой трудъ, но затѣмъ оставилъ это намѣреніе, испугавшись твоихъ знаній и строгой критики, и тебѣ книги не посылалъ, какъ ты утверждаешь по забывчивости, и ни съ тобою, ни съ кѣмъ другимъ не говорилъ о томъ болѣе, рѣшившись не показывать своего труда, пока не исправлю, что мнѣ казалось необходимымъ. Случилось, незадолго до моего отъѣзда, какъ—не не помню, что Гуго увидѣлъ мое твореніе и выпросилъ его на время, чтобы списать; я не могу ни въ чемъ отказать ему, но уступилъ неохотно, видитъ Богъ, причемъ Гуго обѣщался не давать никому своего списка, не внеся въ него исправленій, какія я укажу. Не знаю, какимъ образомъ дошли до тебя тѣ слова и попала къ тебѣ моя книга, и если сѣтую, то не на то, что уви-

1) Tuis insuper sumptibus?

2) Trahimur omnes studio laudis.

3) Promulgator egregius.... preco diligentissimus.

4) Peregrinationis meae socium.

5) Quasdam notas, ut rebar, illecebres.

дѣлъ ее ты, которому я охотно открылъ бы свою душу, а что вышла она раньше времени, ибо въ ней многое слѣдовало бы сократить, прибавить и еще больше измѣнить. — Такихъ исправленій Боккаччьо ждетъ отъ своего пріятеля; экземпляра Генеалогій, который тотъ переслалъ съ нѣкимъ Джьованни Латинуччи, онъ еще не получалъ обратно, потому и не знаетъ, что тамъ отмѣтилъ, читая, Пьетро; въ письмѣ къ Боккаччьо онъ только выражалъ желаніе, чтобы его книга была переработана въ болѣе христіанскомъ смыслѣ. Правда, она говоритъ о предметахъ чуждыхъ христіанству, отвѣчаетъ авторъ, но она постоянно превозноситъ его, протестуя противъ языческаго суевѣрія; если, впрочемъ, таково сужденіе Пьетро, пусть онъ и другіе достойные люди исправятъ, что неладно; объ этомъ онъ молитъ, проситъ, этого онъ требуетъ.

Письмо переходитъ къ другимъ литературнымъ вопросамъ; въ ихъ центрѣ стоитъ Петрарка. Пьетро былъ большимъ его поклонникомъ и недоумѣвалъ, почему онъ такъ долго держитъ у себя свою «Африку», которую всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. И я нерѣдко тому дивился, отвѣчаетъ Боккаччьо, но какъ многіе именитые люди древности, ты и самъ испыталъ, что̀ такое зависть, и поймешь, почему человѣкъ благоразумный страшится выступить съ трудомъ, надъ которымъ долго работалъ и который дорогъ ему. Петраркѣ постоянно приходится бороться противъ недоброжелателей: Боккаччьо упоминаетъ его инвективу противъ врача, его письмо къ Боккаччьо по поводу флорентійскихъ зоиловъ, язвительно разбиравшихъ отрывокъ Африки [1]), его передѣлки съ венеціанскими аверроистами, вызвавшими его отповѣдь «о своемъ и чужомъ невѣжествѣ» [2]). На него, на его стихотворенія нападали, и онъ защищался, перо уставало отвѣчать разнымъ галламъ и другимъ. Теперь онъ состарѣлся и самъ усталъ; онъ не критики боится, а мелочныхъ непріятностей

1) Сл. выше стр. 463.
2) Сл. выше стр. 502.

борьбы, и предполагаетъ посвятить остатокъ дней внутреннему совершенствованію.—Мнѣ могутъ сказать, что моя защита учителя падаетъ на меня самого обвиненіемъ, ибо я пишу и обнародываю свои писанія слишкомъ часто и неосмотрительно и непрошенно. Я принимаю упреки, но эта тупость во мнѣ простительнѣе: бѣднякъ и ночью безопаснѣе отъ нападеній, чѣмъ богачъ днемъ и въ сопровожденіи многихъ; съ моей скромной репутаціей [1]) уживаются и пороки, на его блестящей славѣ видно было бы и пятнышко.

Пьетро говорилъ также и о томъ письмѣ Петрарки, гдѣ онъ корилъ Боккаччьо за сожженіе стихотвореній, за нежеланіе быть третьимъ въ союзѣ итальянскихъ поэтовъ [2]). Оно дошло до Неаполя, какъ расходились вообще и читались письма Петрарки, адресованныя частнымъ лицамъ; Пьетро имъ недоволенъ, оно кажется ему слишкомъ язвительнымъ [3]), и Боккаччьо защищаетъ своего учителя: его укоры справедливы, они обращены были не на кого либо другого, а на меня; извѣстно, что къ любимымъ сыновьямъ, любимымъ ученикамъ относятся строже; напротивъ, Петрарка пощадилъ его, обращаясь въ письмѣ какъ бы къ неизвѣстному лицу. Но Пьетро, очевидно, склоненъ обобщить язвительность письма къ невыгодѣ Петрарки, говоритъ о ка-

1) Famae meae tenuitas.

2) Сл. выше стр. 500 слѣд.

3) Titulum quem *mordacem* arbitrari videris epistolae scilicet a me (?) scriptae *contra appetentiam primi loci* etc. quaeso non adeo *severe* dictum putes. — *A me*, очевидно, описка. Мы сказали въ другомъ мѣстѣ, что письма Петрарки ходили по рукамъ, какъ трактаты на общія темы (сл. выше стр. 112); такъ и въ данномъ случаѣ: письмо надписано было contra appetentiam primi loci, и адресатъ забытъ на столько, что Боккаччьо долженъ указать на себя: in me dictum est, non in alios, et si quid austeritatis habet, in me iniecta est, eo quod, ut percipere potes ex littera, cum in primum locum pervenire non possem, non sufficientibus ingenii viribus, ardens mea vulgaria et profecto juvenilia nimis poemata dedignari visus sum in *secundo* (Corazzini: in hoc), uti meo convenienti ingenio consistere? Сл. далѣе въ томъ же письмѣ: Si dicas: quid ergo ad infinitam personam videtur dirigere? Patet liquido, ut mitius imbecillis ego austeritatem castigationis receperim.

комъ-то его писаніи о невѣжествѣ и надменности молодого поколѣнія [1]).

О такомъ трудѣ Боккаччьо ничего не слышалъ, а теперь спѣшитъ заявить, что Петрарка всегда хвалилъ въ современникахъ все выдающееся; если Пьетро попадалось что-либо въ другомъ родѣ, то не все слѣдуетъ понимать дословно, и ты знаешь, въ какомъ смыслѣ [2]). Надменныхъ неучей много; ты самъ недавно уличалъ одного изъ нихъ — словами; почему-бы Петраркѣ не дѣлать того же писаніемъ? Итакъ, если тебѣ случится прочесть что-либо въ этомъ родѣ, знай, что писано это о такихъ людяхъ, не о тебѣ и тебѣ подобныхъ. Но объ этомъ въ другой разъ [3]).

Въ заключеніи письма Боккаччьо обѣщаетъ побудить Петрарку сообщить что-нибудь изъ своей Африки; если не будетъ какой помѣхи, онъ самъ думаетъ въ концѣ апрѣля или началѣ слѣдующаго мѣсяца отправиться въ Падую, и если чего добьется, то напишетъ. А теперь прощай, дорогой другъ, поклонись нашему общему пріятелю, почтенному Анджело да Равелло [4]).

Обѣщаніе Боккаччьо съѣздить къ Петраркѣ въ апрѣлѣ или маѣ 1372-го года въ связи съ письмомъ послѣдняго [5]) позволяетъ намъ заключить, что поѣздка эта дѣйствительно состоялась. Съ 1370-го года Петрарка переселился въ Arqua'у, подъ Падуей, гдѣ ему привольнѣе жилось подъ сѣнью дѣйствительно образованнаго властителя, Франческо Каррара. Поѣздка Боккаччьо была какая-то спѣшная, торопливая; какъ всегда, его тянуло къ старому пріятелю, онъ живетъ его интересами, дѣлится съ нимъ жалобами — и не можетъ долго у него ужиться. На этотъ разъ онъ скрывается отъ него почти тайкомъ; пишетъ Петраркѣ изъ Чертальдо; тотъ долго молчалъ. Слѣдующее его письмо [6])

1) Contra ignorantiam atque arrogantiam modernorum.

2) Cum *effectu* (Corazzini: affectu) verba intelligenda sint.

3) Sed de hoc alias.

4) Magistro.

5) Sen. XV, 8.

6) L. c.

относятъ къ концу 1373-го либо началу слѣдующаго года; вѣроятнѣе пріурочить его къ апрѣлю или маю 1373-го: Петрарка пишетъ, что не станетъ говорить пріятелю о своихъ планахъ за послѣдній годъ; это не указаніе-ли на посѣщеніе Боккаччьо ровно годъ назадъ, въ апрѣлѣ или маѣ 1372-го года? Петрарка не отвѣчалъ потому, что былъ занятъ и за множествомъ начинаній ничего не дѣлалъ; это, впрочемъ, его обычное извиненіе, но есть и другое: съ Боккаччьо удалилось отъ него и здоровье, старость питаетъ болѣзнь; онъ чувствуетъ, что ему не выздоровѣть, и не обращается къ врачамъ, потому что по прежнему имъ не довѣряетъ. Письмо содержитъ указаніе на утраченный для насъ трудъ Боккаччьо: оказывается, онъ выступилъ въ защиту Петрарки противъ его зоиловъ, венеціанскихъ аверроистовъ. Ужь не сомнѣнія-ли Монтефорте побудили его къ тому? «Объ этомъ въ другой разъ» читаемъ мы въ его письмѣ къ Монтефорте; это какъ бы указаніе на задуманную отповѣдь [1]), за которую Петрарка благодаритъ: его порадовала преданность друга, его благородный гнѣвъ, ему нравится его стиль и мысли, но противники всего этого недостойны, или слишкомъ ничтожны. Какой-то Лоренцо, человѣкъ, какъ ты говоришь, ученый, сказывалъ тебѣ, что лишь только я узналъ о приговорѣ надо мной, я воспылалъ гнѣвомъ и отвѣчалъ. Лоренцо, очевидно, не знаетъ моего характера, его обманули; я не выходилъ изъ себя, а посмѣялся, и лишь уговоры и жалобы Донато побудили меня, годъ спустя, взяться за перо отъ скуки и бездѣлья, когда я медленно поднимался вверхъ по теченію По. Къ зависти я привыкъ съ юныхъ лѣтъ, огрубѣлъ къ ея уколамъ. — Я радъ, что ты вернулся по добру по здорову, но признаюсь, твой тайный отъѣздъ огорчилъ меня; я опечаленъ, упрекаю самъ себя, чуть не плачу. Прощай.

1) Сл. выше 539.

VI.

Къ началу 1373-го года относится одинъ документъ, касающійся Боккаччьо. Въ 1348-мъ году нѣкій Липаччьо Чекки, жившій тогда въ Чертальдо, отказалъ свое имущество сыну, а за его смертью, Джери деи Бекки, съ тѣмъ, чтобы они соорудили въ госпиталѣ Santa Maria ди Катиньяно алтарь, а если не войдутъ въ соглашеніе съ строителями госпиталя [1]), то капеллу на землѣ Джери, и при ней домикъ для священника; то и другое было обезпечено доходами. Актомъ отъ 19-го марта 1373-го года тогдашній епископъ Флоренціи, Анджело Рикасоли, желая привести все это въ исполненіе, поручилъ собрать надлежащія свѣдѣнія Боккаччьо, гражданину Чертальдо, флорентинскому клерику, мужу разумному и благочестивому [2]), жившему въ тѣхъ мѣстностяхъ и близко знающему всѣ отношенія [3]).

Въ концѣ лѣта того-же года Боккаччьо тяжко заболѣлъ; онъ и передъ тѣмъ прихварывалъ; какъ многіе другіе ученые, поэты того времени, какъ Петрарка, онъ страдалъ чесоткой; теперь болѣзнь обострилась; едва оправившись, Боккаччьо пишетъ своему старому знакомому, Майнардо деи Кавальканти, письмо, которое вышло жанровою картинкой: обстановка мелкаго городка, комнатка бѣднаго ученаго, за которымъ ходитъ вѣрная служанка, вѣроятно, та самая Бруна, которую онъ не забылъ въ своей духовной; совѣщаніе досужихъ сосѣдей, толкующихъ о томъ, какъ бы помочь заболѣвшему, и появленіе деревенскаго эскулапа, серьезно вѣрящаго, что онъ спасъ Боккаччьо, выпустивъ ему не крови, а смертоноснаго яда. Все это описано реально, съ рельефомъ Декамерона.

Съ Майнардо или Магинардо деи Кавальканти Боккаччьо былъ

1) Cum operariis.

2) Confidens quamplurimum de circumspectione et fidei puritate providi viri J. B.

3) Manni, Storia del Decamerone, P. I, стр. 35.

знакомъ со времени неаполитанской поѣздки 1361—2-го года, если не ранѣе [1]). Это былъ флорентіецъ хорошаго рода, военный человѣкъ на службѣ у неаполитанскаго двора; его дѣятельность въ Италіи и Мореѣ доставила ему званіе великаго маршала неаполитанскаго королевства; человѣкъ интеллегентный и развитой, онъ обратилъ вниманіе на Боккаччьо, пріютилъ его у себя, когда онъ бѣдствовалъ у Аччьяйоли, и далѣе не забывалъ его своей помощью; онъ, очевидно, полюбилъ его.

Ты, чай, дивишься, пишетъ ему Боккаччьо, что я такъ долго не писалъ тебѣ, но ты, вѣроятно, слышалъ, какъ я былъ боленъ; я говорю: былъ, точно я не продолжаю болѣть, и, что хуже, безъ надежды скоро оправиться. Лишь недавно я вздохнулъ свободнѣе, а былъ уже въ челюстяхъ Орка. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ тобой въ послѣдній разъ, моя жизнь была похожа на смерть; она мнѣ опостылѣла, такъ много было страданій [2]). Во первыхъ я постоянно ощущалъ и еще ощущаю страшный чесъ [3]), сухая короста заставляла ногти днемъ и ночью работать надъ колупаніемъ струпьевъ; присоедини къ тому тяжесть и вялость живота, постоянную боль въ почкахъ [4]), одутловатость селезенки, воспаленіе печени [5]), удушливый кашель, хрипоту, одурманенную голову [6]) и многія другіе напасти, и ты увидишь, что я весь боленъ. Понятно, что мнѣ трудно глядѣть на небо, тяготитъ тѣло [7]), я хожу шатаясь, руки дрожатъ, блѣдность у меня стигійская, отсутствіе аппетита, неохота ко всему, ненавистны даже любимыя книги; силы духа подавлены [8]), память ослабѣла, умъ коснѣетъ [9]), мысли заняты могилой и смертью.

1) Сл. выше стр. 165, 239—40, 472.
2) Non unico tantum vexata stimulo.
3) Igneus pruritus.
4) Renium.
5) Bilis incendium.
6) Attonitum caput.
7) Onerosa corporea moles.
8) Remissae.
9) Hebes.

Отнято у меня и главное утѣшеніе: умолкли для меня музы, небесною пѣснью которыхъ я порой развлекался, когда Маронъ и нашъ Петрарка и другіе бряцали на касталійской лирѣ; тихо стало въ комнаткѣ, когда-то полной звуковъ, и все для меня устраивается печально. При этомъ глаза по прежнему зорки, нѣтъ тошноты, и когда я достаточно начесался, сонъ меня возстановляетъ. Здѣсь у меня нѣтъ ни лѣкарствъ, ни врачей (хотя я въ нихъ и не вѣрю), живу слѣдуя природѣ и инстинкту [1]). Ты не узналъ бы меня: не то лицо [2]), невеселые глаза, кожа такъ пристала къ костямъ, что я покажусь тебѣ Эризихѳономъ, не твоимъ Джьованни, тѣло обратилось въ безкровный трупъ. Что будетъ далѣе, не знаю; я жажду смерти, пора-бы ей прійти, мнѣ вѣдь шестидесятый годъ. Довольно я пожилъ, даже слишкомъ, видалъ, чего не видѣли предки, новаго ничего не увижу, если бы даже удвоились годы, развѣ горы станутъ летать и рѣки возвратятся вспять. Пусть явится смерть и положитъ конецъ моимъ мукамъ, прежде чѣмъ я стану въ тягость друзьямъ.

Вотъ все, что я въ состояніи былъ написать 12-го августа и въ слѣдующіе два дня [3]); оставалось на другой день запечатать письмо, когда къ вечеру у меня, слабаго, еле живого, явилась лихорадка, да такая, что я слегъ, думая, что болѣе уже не встану. Ночью жаръ усилился, голову ломило, дыханіе было горячее, я тихо стоналъ, ибо у меня не въ обычаѣ молчать, какъ то дѣлаютъ другіе; я метался, точно хотѣлъ куда-то убѣжать отъ лихорадки, и, опахивая себя бѣльемъ, старался умѣрить жаръ. Я чувствовалъ себя совсѣмъ изнеможеннымъ, и въ ожиданіи конца, устремилъ свои мысли на будущее, какъ мнѣ, грѣшнику, предстать передъ Судію, какъ онъ обратитъ на меня свой праведный гнѣвъ; страхъ обуялъ меня, я дрожалъ и плакалъ, и слезы были искренни. При мнѣ была всего одна служанка, давно живущая

1) Appetitu.

2) Non oris habitus ille priscus.

3) II ydus Augusti tribus tam paucis litteris diebus concessis. . . . Augusti IIII ydus incoepta.

у меня; видя меня въ такомъ положеніи и воображая, что я кончаюсь, она плакала и неумѣло и глупо ободряла меня; она меня смѣшила, хотя я былъ въ горячкѣ; я мысленно просилъ друзей, словно они были со мною, помолиться, чтобы Господь послалъ мнѣ тихую кончину и смиловался надо мной,—и уже распростился съ тобой и другими. Была глухая ночь, когда я почувствовалъ, точно какой-то огненный токъ вышелъ изъ пупа, распространяясь до конца живота къ правому паху; съ нимъ выйдетъ и лихорадка, подумалъ я и спокойнѣе началъ ожидать смерти. Но она не приходила; тогда мнѣ припомнилась участь Фаэтонта, обращеннаго въ пепелъ, и я устрашился того, чего прежде желалъ.

Между тѣмъ, послѣ долгихъ ожиданій, занялось утро; служанка позвала нѣсколькихъ моихъ пріятелей изъ крестьянъ и разсказала, въ чемъ дѣло. Они подивились, и не зная, чѣмъ помочь, стали совѣщаться, посовѣтовали позвать врача; врачей я презираю, но дабы не показалось, что я скуплюсь, согласился. Не думай, чтобъ то былъ новый Аполлонъ, первый, познавшій силу злаковъ, либо эпидаврійскій Эскулапъ или Гиппократъ съ Хіоса; это былъ человѣкъ, обыкшій лѣчить крестьянъ, очень привѣтливый и разумный. Увидѣвъ пятно огненнаго цвѣта, признакъ воспаленной печени, онъ заявилъ, что слѣдуетъ удалить изъ тѣла лишнее и вредное, и тотчасъ-же, ибо если промедлить одинъ день, я черезъ четыре умру. Я ощутилъ страхъ и велѣлъ все исполнить, что онъ прикажетъ. И вотъ уготовляется все для моего терзанія: инструменты, огонь и желѣзо; меня жгутъ раскаленными орудіями и по выжженному мѣсту дѣлаютъ частыя насѣчки бритвой; такъ то выцѣдили изъ меня много крови, смертоноснаго яда, говорилъ медикъ. Теперь ты излѣченъ, сказалъ онъ мнѣ, и я повѣрилъ, ибо съ кровью удалилась отчасти и лихорадка, и я, не смыкавшій по ночамъ глаза, могъ отдохнуть. Съ тѣхъ поръ у меня явилась надежда на выздоровленіе, я крѣпъ съ каждымъ днемъ и теперь, хотя и слабой рукой, въ состояніи держать перо.

Но перейду къ болѣе веселому сюжету, продолжаетъ Боккаччьо, поздравляя пріятеля съ недавнимъ бракомъ и съ тѣмъ, что, по его совѣту, онъ отпраздновалъ свадьбу ночью. Изъ слѣдующаго письма оказывается, что Кавальканти женился на вдовѣ, Боккаччьо проситъ его поклониться новому свояку, Донату, сына Якова; разумѣется Донато Аччьяйоли, братъ Андреи или Андреины, вышедшей въ первый разъ (въ 1364 году) за Франческо ди Симоне Гвиди, графа Баттифолле и Поппи, во второй— за Кавальканти; Андреина была, стало-быть, вдовою, а по словамъ Анджело дельи Убальди, юрисконсульта XV-го вѣка, вдовы вѣнчались лишь ночью, по крайней мѣрѣ въ Перуджіи [1]). Боккаччьо могъ имѣть ввиду подобный-же обычай. Онъ шлетъ привѣтъ молодой, которую не знаетъ и не надѣется увидѣть, проситъ напомнить его именитому мессеру Америго и Саличе (братьямъ Майнардо) и поклониться какому-то Форкеттѣ [2]).

Письмо, начатое 12-го, дописано было 28-го августа [3]). Отвѣтъ Майнардо не заставилъ себя ждать; онъ не только писалъ Боккаччьо, но и вспомнилъ о его стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Боккаччьо отвѣтилъ 13-го сентября знаменитымъ письмомъ, гдѣ отрицается своего Декамерона, какъ грѣха юности. Мы знаемъ, какъ сложилось и росло это отрицаніе; оно сквозило всюду, не доставало лишь признанія [4]).

Я получилъ твой даръ и твое посланіе, пишетъ онъ Майнардо: одно прочелъ съ жадностью, другой принялъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ [5]); извини, если отвѣтъ будетъ безпорядочный, писать приходится о многомъ. Ты говоришь, что, читая о моихъ страданіяхъ, ты прослезился не безъ нѣкой краски стыда, ибо

1) Сл. выше т. I, стр. 59 и Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres, Спб. 1876, стр. 3.

2) Сл. Corazzini, стр. 281 слѣд.; моего изданія стр. 10—14; Hortis, Studi, стр. 297.

3) V Kal. septembris in finem deducta.

4) Corazzini, l. c. стр. 295—302; моего изданія стр. 15 слѣд.

5) Verecunde.

слезы—дѣло женское. Мнѣ онѣ не въ малую славу: что можетъ быть отраднѣе человѣку удрученному, какъ не этотъ признакъ дружбы, къ тому же со стороны такого лица! Вѣдь люди высокопоставленные [1]) такъ рѣдко соболѣзнуютъ бѣднякамъ! Твои слезы омыли мои раны; онѣ не одной лишь поверхности коснулись, какъ огонь, обнимающій жирные предметы, а прошли внутрь, проливая утѣшеніе, утоляя, какъ холодная вода жаждущаго. Краска стыда показатель сильнаго духа, нѣсколько пролитыхъ слезъ говорятъ о человѣчности и состраданіи.—Боккаччьо не забылъ своего панегерика Аччьяйоли, когда тотъ невозмутимо встрѣтилъ вѣсть о смерти сына [2]); то люди мужественные, суровые [3]), желѣзные, но не слѣдуетъ осуждать и тѣхъ, которые уступаютъ природѣ: они чувствительны, они — люди. Плакалъ Александръ Македонскій, Маркъ Марцеллъ, Цезарь, Христосъ надъ тѣломъ Лазаря: онъ подаетъ примѣръ. Не стыдись-же ни краски стыда, ни слезъ; а молитвы твои и твоей супруги доходны до Бога, ибо что утолили твои слезы, то обновили съ прежнею силой молитвы: никогда еще не ощущалъ я столь страшнаго зуда, не чесался съ такимъ наслажденіемъ [4]).

Но довольно объ этомъ. Ты пишешь, что не читалъ моихъ книженокъ, точно это такое важное преступленіе! Я смѣюсь себѣ и не удивляюсь: не таковы онѣ, чтобы ради нихъ стоило забыть другое — хотя лѣтніе жары и короткія ночи и молодая жена (о домашнихъ дѣлахъ я не говорю) могли бы увлечь не только молодого человѣка, воина, но и человѣка пожилого, сѣдого, ученаго оторвать отъ серьезныхъ занятій [5])—и имъ бы нашлось извиненіе. Ты пишешь, что намѣренъ сдѣлать это будущей зимою; я ничего

1) Splendidis.

2) Сл. выше стр. 180, 484.

3) Obstinati.

4) Nam quae lacrymarum tuarum dulcor expulerat, precum virtus in vires pristinas revocat, cum nunquam mihi pruritus fuerit infestior nec unguis acutior aut scalpendi delectatio major(?)

5) A sacris studiis.

не имѣю противъ этого[1]), если не будетъ у тебя лучшаго занятія[2]); но что ты обѣщалъ прочесть своимъ достойнымъ дамамъ мои шалости[3])—этого я не одобряю и молю не дѣлать: ты вѣдь знаешь, сколько тамъ непристойнаго, противнаго нравственности, побуждающаго къ нечестной любви даже стойкія сердца; если это и не увлечетъ къ паденію достойныхъ женщинъ, на челѣ которыхъ лежитъ печать цѣломудрія, то можетъ незамѣтно возбудить въ нихъ нескромныя волненія и внезапно заразить язвой любострастія[4]). Надо устроить такъ, чтобы этого не было, ибо вина пала бы не на тебя, а на твоихъ дамъ; потому еще разъ прошу тебя не дѣлать того; предоставь это молодымъ искателямъ любывныхъ приключеній[5]), вмѣняющимъ себѣ въ честь, если о нихъ разсказываютъ, что они покусились на цѣломудріе многихъ женщинъ. Если ты не хочешь пощадить честь своихъ дамъ, пощади хоть мою: вѣдь читатели сочтутъ меня грязнымъ сводникомъ, блудливымъ старикомъ, безнравственнымъ, злословящимъ, съ любовью разсказывающимъ о чужихъ грѣшкахъ. Не всегда-же явится въ мою защиту человѣкъ, который скажетъ: онъ писалъ это въ юности и по приказу лица, власть имущаго[6]); а ты понимаешь, какъ мало пристали такія писанія моимъ лѣтамъ и занятіямъ. Положимъ, я человѣкъ не особенно нравственный[7]), прежде былъ и того менѣе, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы моя репутація и имя подверглись осужденію такихъ дамъ, какъ твои.

1) Laudo.

2) Ni melior adsit cura.

3) Domesticas nugas.

4) Nosti quot ibi sunt minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissiome quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus illecebres et improvidas animas obscena concupiscentiae tabe nonnunquam inficiunt irritantque.

5) Juvenibus passionum sectatoribus.

6) Juvenis scripsit et majoris coactus imperio.

7) Quamquam minus honestus sim.

Подарокъ Майнардо показываетъ, что, вращаясь при дворѣ великодушной королевы (Джьованны), онъ далекъ отъ малодушнаго скопидомства [1]) флорентійцевъ. Недавно онъ послалъ Боккаччьо золотой кубокъ [2]), полный червонцевъ; болѣзнь потребовала расходовъ, но Боккаччьо не расточителенъ, кое-что еще оставалось, чѣмъ продержаться зимою и согрѣть хилое тѣло. Даръ былъ великъ, даже слишкомъ, дороже всего тѣмъ, что онъ предупредилъ бѣдственное положеніе и просьбы друга; теперь Майнардо одарилъ его вторично, такимъ же образомъ, и Боккаччьо не знаетъ, какъ выразить ему свою признательность: ты извлекъ меня изъ грязи, помогъ подняться согбенному въ бѣдной крестьянской обстановкѣ [3]). Я счастливъ тѣмъ, что владѣю дружбой такого добраго, великодушнаго человѣка, покровителя [4]); позволь сказать: повелителя [5]); но богатства даны тебѣ не для того лишь, чтобы ты расточалъ ихъ на меня, а на служеніе королевѣ, на поддержаніе блеска военнаго достоинства, на воспитаніе будущаго потомства, для помощи друзьямъ, болѣе стариннымъ и того достойнымъ, чѣмъ я; наконецъ для бѣдныхъ во Христѣ: съ нихъ слѣдовало бы мнѣ и начать. На все это надо не мало средствъ, особенно у насъ, гдѣ даже солнечные лучи приходится покупать дорогою цѣною. — Я ожидалъ второго дара [6]), при твоемъ посредствѣ [7]) и моихъ просьбахъ, отъ Гуго да Санъ Северино, на котораго надѣюсь, какъ на вторую опору моей старости; но, видно, ты это взялъ на себя. Ежедневно мы молимъ Господа: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь; подъ хлѣбомъ разумѣется въ широкомъ смыслѣ все, необходимое для пропитанія, деньги; неисповѣдимыми для насъ путями Господь

1) Positis pusallanimitatis Florentinae moribus.
2) Vasculum.
3) Cervicem jam pressam ab ergastulo villicorum sustulisti.
4) Patrono.
5) Domino.
6) Onus hoc secundum.
7) Suasionibus tuis.

внушаетъ богатымъ людямъ открывать бѣднякамъ свою казну и житницы, они его десница, они чеканятъ его монету. Часто сказывалъ я псаломъ Давида: Не отвергни меня во время старости, когда будетъ оскудѣвать сила моя, не оставь меня (пс. LXX); теперь вижу, что моя молитва услышана, и я счастливъ этимъ, счастливъ и ты, что сталъ орудіемъ божьяго милосердія. Молю подателя всѣхъ благъ, Того, Кто сохранилъ отроковъ въ пещи, оградить тебя отъ вражьяго нападенія, отъ злого языка; какъ Онъ обратилъ на Іосифа милость Фараона, такъ ты да преуспѣешь въ милостяхъ королевы; какъ Онъ вознесъ пастуха Давида до царскаго престола, такъ да возвысишься и ты отъ почестей до вѣчной славы, которую заслужилъ своими дѣлами.

Боккаччьо былъ обрадованъ привѣтами общихъ друзей и именитыхъ людей [1]), которые передалъ ему Майнардо, и съ своей стороны проситъ его поклониться, когда будетъ писать въ Неаполь, Людовику Редженте, женѣ, новому свояку Донату, сыну Якова [2]), и нашему Джьованни Латинуччи, имя котораго уже встрѣтилось намъ въ посланіи къ Монтефорте [3]). Онъ отсылаетъ письма Латинуччи, обращенныя къ Майнардо, которыя послѣдній доставилъ Боккаччьо, очевидно, для прочтенія, и самъ настоятельно проситъ своихъ писемъ никому не показывать: онъ пишетъ запросто, фамильярно, откровенно; это можетъ быть интересно для Майнардо, ибо дружба заставляетъ его заблуждаться; другіе будутъ иного мнѣнія, и распространеніе писемъ можетъ послужить не къ славѣ, а къ порицанію писавшаго.

Письмо вышло длинное, точно писалъ его не больной, но такъ вышло: пока я пишу тебѣ, мнѣ такъ хорошо, точно я бесѣдую съ тобою лично о веселыхъ предметахъ.

Между 13-мъ сентябремъ 1373-го года и іюлемъ слѣдующаго у Майнардо родился сынъ, и Боккаччьо былъ его воспріем-

1) Majorum meorum.

2) Сл. выше стр. 545.

3) Сл. выше стр. 537.

никомъ, очевидно, заглазно. Объ этомъ мы узнаемъ изъ посвятительнаго письма при De Casibus Virorum Illustrium, написаннаго до смерти Петрарки [1]).

Не только неупоминаніе этой смерти, невозможность иного, болѣе вѣроятнаго хронологическаго пріуроченія, но и самый характеръ труда позволяетъ отнести къ тому-же приблизительно времени письмо Боккаччьо къ брату Мартину изъ Синьи съ разъясненіемъ аллегорическаго значенія своихъ эклогъ. Этимъ разъясненіемъ, написаннымъ по просьбѣ Мартина, мы не разъ пользовались [2]): оно неполно, уклончиво, авторъ видимо избѣгалъ нѣкоторыхъ воспоминаній, предупреждая, что не всѣмъ лицамъ и именамъ эклогъ онъ давалъ иносказательный смыслъ [3]).— Съ письмомъ къ Мартину онъ посылалъ другое, которое просилъ доставить ихъ общему отцу, епископу, то-есть Анджело Рикасоли, тому самому, который въ 1373-мъ году обратился къ Боккаччьо, «мужу разумному и благочестивому», по вопросу о завѣщаніи

1) Сл. выше стр. 240—1.

2) Сл. выше т. I, стр. 378 слѣд., II, 61, 63 слѣд.

3) Интересно сравненіе III-й эклоги, Faunus (сл. выше т. I, стр. 378—9), съ первымъ ея наброскомъ въ рукописи Лауренціаны (Pl. XXIX, 8), лишь недавно изданномъ Hauvette (l. c. стр. 139 слѣд.; сл. стр. 126 слѣд.). Боккаччьо не только сократилъ и стилистически усовершенствовалъ первоначальный текстъ, но и удалилъ нѣкоторые личные и откровенные намеки. Въ наброскѣ дѣйствующихъ лицъ не два, а три: Меналкъ=Боккаччьо и Мерисъ=Чекко; Тестилисъ по прежнему загадочна (сл. выше т. I, стр. 378), но при ней есть лишняя черта: въ печатномъ текстѣ она обращается къ Фавну: Non te cura tui retinet?... Non matris amor? въ наброскѣ v. 16: Non matris amor? *Non conjugis?* Похвалы Роберту въ первой редакціи развиты не только общими мѣстами: въ печатномъ текстѣ его оплакиваютъ сатиры и фавны и Аполлонъ; прежде говорилось (v. 131—2) объ Аполлонѣ и *Монсѣ* (Петраркѣ), *Питіи* (Барбатѣ) и *Идеѣ* (Баррили). Hauvette отмѣтилъ черту личнаго чувства, удаленную въ позднѣйшей передѣлкѣ: Боккаччьо-Меналкъ говоритъ о Робертѣ-Аргусѣ: зналъ его и я, *Ex grege nempe fui pulcro, sed iunior olim* (v. 141). Иныя выраженія смягчены: *male.... cautus* (v. 147) обратилось въ *cautus modicum* (объ Alexis= Андреѣ); Титиръ (Людовикъ Венгерскій) идетъ, чтобы словить волчицу (Джьованну) и львовъ (flavosque leones); здѣсь въ первой редакціи есть лишнее: Immanesque feras *(quarum jam mitis Alexis Egregius sanguis forsan per guttura fluxit!)*.

Липаччьо Чекки[1]). Рикасоли былъ избранъ на флорентинскую каѳедру въ 1371-мъ году; ранѣе этого времени нельзя помѣстить посланія къ Мартину, которому Боккаччьо напоминаетъ въ концѣ: У васъ есть теперь провинціальный викарій, смотри, чтобъ онъ не захватилъ монастырь св. Геминіана и другіе, тебѣ подвѣдомственные; много хлѣба переслалъ своимъ о прошломъ постѣ обманщикъ братъ Іоаннъ [2]).

Тонъ письма показываетъ на близкое знакомство. Братъ Мартинъ († 1387), магистръ богословія, былъ монахъ августинскаго ордена еремитовъ, обители Санто Спирито во Флоренціи, впослѣдствіи пріоръ ордена для эпархіи Пизы. Флорентійская республика чтила его познанія, обращаясь къ нему за совѣтами[3]), Боккаччьо поручилъ ему участь своей библіотеки по смерти, сдѣлалъ однимъ изъ распорядителей своей духовной. Онъ стоитъ первымъ въ ихъ числѣ; четвертымъ названъ Аньоло ди Торино Бенчивенни, нравоучительно-религіозный поэтъ, авторъ «Краткаго размышленія о божіихъ благодѣяніяхъ», «Лѣствицы о десяти ступеняхъ» и передѣлки средневѣковаго трактата дьякона Лотарія (Иннокентія III) «De Contemptu mundi seu de Miseria humanae conditionis», написанной въ 1374-мъ году по просьбѣ св. донъ Джьованни делле Челле и посвященной графу Карлу ди Баттифолле.— Эти знакомства характерны для старика Боккаччьо: это не гуманисты, а люди, такъ сказать, болѣе архаическаго типа, которыхъ могли сближать съ Боккаччьо не столько его классическія штудіи, сколько поворотъ къ религіонизму, сказывающійся въ личныхъ эпизодахъ Генеалогій, къ покаянному самосознанію, отрицавшемуся Декамерона. Боккаччьо сводилъ счеты съ собою, свивалъ паруса: пристроилъ свои Генеалогіи, истолковалъ эклоги; Карлъ Фиджьованни, переводчикъ Овидіевыхъ Героидъ, разсказываетъ,

1) Сл. выше стр. 541.

2) Corazzini l. c. стр. 267—74: пятаго мая; по одной рукописи: Certaldi VI dus octobris.

3) Сл. Manni, l. c. P. I, стр. 123 слѣд.

что сдѣлалъ онъ его при помощи Боккаччьо, котораго посѣщалъ, когда въ послѣдніе дни тотъ жилъ въ Чертальдо [1]). Въ такія минуты онъ ощущалъ въ себѣ прежніе литературные вкусы, онъ зналъ толкъ въ басняхъ, въ поэзіи формъ; но въ общемъ его мысли настроены мрачно, рѣже раздаются звуки «касталійской лиры», мысли обращены къ смерти, къ самоусовершенствованію, какъ говорилъ онъ о Петраркѣ [2]). Божественная Комедія когда-то прельстила его, еще юношу, своими образами и аллегоріями, идеально настраивая его чувственность; позже онъ искалъ въ ней поддержки своему идеалу свободы; теперь она готова отвѣтить его сердечному требованію—узнать, come l'uom s'eterna [3]). Filocolo, Ameto, Amorosa Visione принадлежатъ первому пониманію, глава изъ De Casibus и Жизнеописаніе Данте второму; третье выразилось въ послѣднемъ трудѣ Боккаччьо, его чтеніяхъ о Божественной Комедіи.

1) Сл. выше т. I, стр. 438. Въ первоначальномъ изданіи перевода Фиджьованни (Vinegia, MDXXXII) помѣщено его посланіе къ Andrea и Giovambattista de Rossi, сыновьямъ того Pino dei Rossi, къ которому обращено извѣстное увѣщательное письмо Боккаччьо (сл. выше стр. 508 слѣд.): мы не выходимъ изъ его кружка.—Къ легендамъ объ Овидіи и Боккаччьо въ Сульмонѣ и Чертальдо (сл. выше т. I, стр. 543—4) сл. еще: De Nino, Ovidio nella tradizione popolare di Sulmona, Casalbordino 1886; Correra, Ovidio nella tradizione popolare di Sulmona, Napoli 1886; Pitrè, Archivio per lo studio d. trad. pop. XII, стр. 127 (Stregoneria del Boccaccio).

2) Сл. выше стр. 538.

3) Inf. 15, v. 85.

XII.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ И СТАРЧЕСКІЙ СИНТЕЗЪ. ЧТЕНІЯ О БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДІИ.

I.

Нѣсколько флорентійскихъ гражданъ, желая для своей собственной пользы и на пользу другихъ, стремящихся къ добродѣтели, равно какъ и своихъ дѣтей и потомковъ, научиться въ книгѣ Данте [1]) (ибо и людей неученыхъ [2]) она можетъ наставить, какъ избѣгать пороковъ и преуспѣть въ добродѣтеляхъ, и изощрить въ краснорѣчіи), обращаются къ пріорамъ цеховъ и гонфалоньеру [3]) флорентійскаго народа и общины съ почтительной просьбой: позаботиться и постановить, чтобы избранъ былъ достойный и ученый мужъ, основательно знакомый съ наукой поэзіи [4]), который въ теченіи извѣстнаго времени, не болѣе года, прочелъ бы во Флоренціи для всѣхъ желающихъ рядъ лекцій по непраздничнымъ днямъ [5]) о книгѣ, обычно называемой «Данте» [6])—за вознагражденіе, какое вы положите, впрочемъ не свыше ста золотыхъ флориновъ въ годъ, и при условіяхъ [7]), какія вы найдете нужными. Казначеи означенной общины выдадутъ избранному слѣдуемый гонораръ изъ городской казны

1) Instrui in libro Dantis.

2) Non grammatica.

3) Di giustizia.

4) In hujusmodi poesis scientia bene doctum.

5) Diebus non feriatis.

6) El Dante, т. е. Божественная комедія. Сл. въ томъ-же значеніи: *книга Данте* у Петрарки (сл. выше стр. 282, 288); «il mero *libro di Dante*» въ сонетѣ Quirini у S. Morpurgo, Bullettino d. Società Dantesca italiana, v. I, fasc. 7, стр. 137.

7) Cum modis, formis, articulis et tenoribus.

въ два срока или двѣ части[1]), первую въ концѣ декабря, вторую въ концѣ апрѣля, безъ всякихъ вычетовъ [2]).

Просьбу эту обсуждали означенные господа пріоры и гонфалоньеръ вкупѣ съ коммиссіями цеховыхъ гонфалоньеровъ и двѣнадцати «свѣдущихъ людей» [3]) флорентинской коммуны, и собравшись въ достаточномъ числѣ въ ея палатѣ (думѣ), тайной подачей голосовъ 9-го августа 1373-го года отъ воплощенія Господа нашего, индикта XI, рѣшили: принять означенную просьбу и все, въ ней показанное, исполнить въ точности.

Таковъ документъ, которымъ учреждалась первая въ Италіи каѳедра для толкованія «Божественной Комедіи» [4]). Изъ числа подававшихъ голоса 186 человѣкъ положили черные шары, то-есть, говорили за; протестующихъ было всего 18. Чтецомъ былъ приглашенъ 25-го августа—Боккаччьо, едва оправившійся отъ болѣзни [5]); мѣсто чтеній — небольшая церковь св. Стефана. Боккаччьо вступилъ въ должность 18-го октября; 31-го декабря 1373-го года ему выплачена первая доля его гонорара, пятьдесятъ флориновъ; въ генварѣ 1374-го года внезапно прервались его чтенія: онъ прочелъ всего 59-ть лекцій, 60-ая прекращается на полусловѣ, на объясненіи Inf. XVII, v. 17: non fer mai drappi Tartari nè Turchi. Онъ началъ толковать: Татары. . . . [6]) — и на этомъ остановился. Въ письмѣ къ зятю Петрарки, Франческо да Броссано, отъ 3-го ноября 1374-го года, онъ говоритъ, что прошелъ уже десятый мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ его, читавшаго тогда о Божественной комедіи, посѣтила болѣзнь, затяжная и докучливая, хотя и не опасная [7]).

1) In duobus terminis seu paghis.

2) Sine ulla retentione gabelle.

3) Buoni uomini.

4) Сл. Gherardi, Statuti della università e studio Fiorentino, Appendice di Documenti, parte I, стр. 160—2, № LVII; Isidoro Del Lungo, Dell'esilio di Dante, стр. 163—9.

5) Сл. его письмо отъ 12—28 августа, выше стр. 541 слѣд.

6) Sono i tartari.

7) Magis longa atque taediosa, quam discrimine aliquo dubio aegritudo oppressit. Corazzini, стр. 378 слѣд.

Выборъ Боккаччьо на должность истолкователя Божественной Комедіи не удивителенъ: онъ давно былъ ея глашатаемъ, его «книжка»[1]) о Данте извѣстна. Вмѣстѣ съ тѣмъ и избраніе и самая затѣя каѳедры вызываютъ рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ флорентійскими отношеніями Боккаччьо и судьбами флорентійскаго гуманизма въ 60—70-хъ годахъ XIV-го столѣтія. Божественная Комедія уже успѣла найти толкователей непосредственно по смерти Данте: съ 1321-го по 1341-й годъ являются попытки комментаріевъ, начиная съ Якопо Алигьери и ser Graziolo до Якопо делла Лана и второго сына Данте, Пьетро. Трудность текста, загадочность его аллегоризма, богатство иносказаній — все это требовало объясненія; но отъ частныхъ комментаріевъ, удовлетворявшихъ любознательности относительно немногихъ, до публичныхъ чтеній на пользу всѣхъ желающихъ — большой шагъ. Онъ предполагаетъ въ интеллегентныхъ сферахъ, на него рѣшившихся, извѣстное настроеніе въ смыслѣ дантофильства, которое является вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ умственныхъ теченій.

Мы знаемъ, что дантовская партія существуетъ, обособленная одностороннимъ движеніемъ гуманизма, что Данте начинаютъ противополагать Петраркѣ[2]). Гуманизмъ въ своей латинской одеждѣ и съ своими античными вкусами, сторонится отъ толпы, Данте спустился на площадь и въ таверны, и его этическое содержаніе, истолкованное умнымъ человѣкомъ, доступно и для нелатинниковъ. Такъ раздѣлились въ литературѣ аристократическое и демократическое теченія, съ различной общественной и религіозной окраской. Гуманисты слишкомъ серьезно увлекались содержаніемъ язычества, чтобы не возбудить сомнѣній; Боккаччьо пришлось отбиваться отъ нихъ, и легко предположить, что онъ нашелъ себѣ противниковъ во Флоренціи; флорентійцы были и тѣ зоилы, которые злостно разобрали отрывокъ Африки, нападая на Петрарку его-же оружіемъ[3]). Многое говоритъ за то, что для чистокровнаго гуманиста Флоренція не представляла тогда удоб-

1) Trattatello.

2) Сл. выше стр. 285 слѣд.

3) Сл. выше стр. 463.

*

ной почвы. Ея поэты, современники послѣдней боккаччьевской поры, соединяютъ культъ Данте, Петрарки и Боккаччьо съ средневѣковой учительностью, какъ у Торини, петраркизуютъ, какъ Чино Ринуччини, или развиваютъ и свой собственный стиль, стиль здороваго буржуазнаго реализма, на которомъ лежитъ печать новеллы и патріотической завзятости; таковы Пуччи, Саккетти, Орканья. Они, въ сущности, показатели своеобразнаго, мѣстнаго литературнаго развитія, отвѣчавшаго внутреннему росту флорентійской коммуны; они слишкомъ мѣстны, провинціальны и на столько далеки отъ отвлеченныхъ задачъ гуманизма. Въ такой средѣ ему собственно негдѣ развиться; молодые гуманисты выѣзжаютъ, живутъ или жили внѣ Флоренціи: Заноби, Нелли, Франческо Бруни, Салутати; говоря (послѣ 1361-го года) о Петраркѣ и Заноби, Маттео Виллани выражается объ ихъ твореніяхъ, что ихъ пріятно послушать, но что съ точки зрѣнія *богословской* мудрые люди не ставятъ ихъ ни во что [1]). Это освѣщаетъ положеніе. Къ университету [2]), куда когда-то желали привлечь Петрарку, горожане относились неряшливо, какъ денежной обузѣ, такъ что правительство должно было напомнить имъ (въ 1357 году), что онъ честь и украшенія города. На классической каѳедрѣ чередуются случайныя или неизвѣстныя имена: въ 1360-мъ году читаетъ реторику Франческо Бруни, вскорѣ удалившійся на службу при папской куріи; въ 1366—7-мъ — флорентійскій нотаріусъ ser Michele de Lora; въ 1368-мъ — магистръ Джьованни Конверсино изъ Равенны, въ 1368—9-мъ—флорентійскій гражданинъ, профессоръ реторическаго искусства, Варѳоломей, сынъ Якова [3]). Какъ разъ въ эти годы Боккаччьо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣловыхъ поѣздокъ, находился во Флоренціи; не звали его на гуманистическую каѳедру, или онъ самъ устранился отъ нея, или считалъ себя изолированнымъ? Его покровители— неаполитанцы, дома о немъ вспомнили не какъ о гуманистѣ, а когда затѣяли публичныя толкованія — Божественной комедіи.

1) Matteo Villani, V, 26. 2) Studio.

3) Bartholomeus Jacobi. Сл. Gherardi, l. c. стр. 297, 315, 319, 333, 336.

Онъ взялся за дѣло рьяно. У него была любовь къ предмету, подъ руками матерьялы дантовской біографіи, умѣнье вращаться въ аллегорическихъ тонкостяхъ, громадный запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для комментаріевъ, былъ на-готовѣ въ Генеалогіяхъ боговъ, въ книгахъ о великихъ женщинахъ и мужахъ, въ Географическомъ словарѣ [1]). Все это переселилось въ его чтенія; часто онъ начинаетъ разсказъ и обрываетъ его помѣткой: и такъ далѣе; онъ могъ досказать его по готовымъ текстамъ [2]). Его чтенія, въ сущности, концептъ, разработанный неравномѣрно, но по строго продуманному плану: онъ напередъ распредѣлилъ матерьялъ толкованій; встрѣчаясь съ извѣстнымъ сюжетомъ, ихъ вызывавшимъ, онъ замѣчаетъ напр., что поговоритъ о немъ подробно въ другомъ мѣстѣ, по поводу такой-то пѣсни. Такія ссылки впередъ встрѣчаются и у другихъ комментаторовъ; у Боккаччьо нерѣдко и на такія части Божественной Комедіи, которыя ему не удалось болѣе истолковать [3]).

Вступительная лекція начинается моленіемъ о Божьей помощи и комплиментомъ флорентинцамъ: это было своего рода captatio benevolentiae, которую заглушаютъ впослѣдствіи громы откровенныхъ обличеній. Боккаччьо сознаетъ трудность затѣи: онъ непонятливъ и скудоуменъ [4]), память у него слабая, онъ знаетъ, что беретъ на себя непосильный трудъ: объяснить хитроумный [5]) текстъ, множество разсказовъ и высокій смыслъ, скрытый подъ поэтическимъ покровомъ Комедіи нашего Данте — и притомъ

1) Присоединимъ къ этому нѣсколько новеллъ Декамерона о лицахъ, упоминаемыхъ въ Божественной Комедіи (сл. выше т. I, стр. 462), напр. новеллу о Кавальканти (VI, 9); разсказъ о мадоннѣ Чангеллѣ въ Корбаччьо (сл. выше стр. 34) и дантовскія аллегоріи въ Генеалогіяхъ (сл. выше стр. 335—6).

2) Ed. Milanesi I, 160, 463, 465: здѣсь надо разсказать объ обычаѣ бдѣнія въ храмахъ, и какъ принесли его сюда Марсельцы, и откуда онъ пошелъ; 467; II, 176: здѣсь надо разсказать басню Пронапида о происхожденіи фатъ.

3) L. c. I, 101, 118, 120, 143, 218, 236, 442, 480; II, 6, 21, 25, 57, 58, 160, 166, 177, 225, 257, 280, 282, 366, 389, 429, 455.

4) Intelletto tardo, lo ingegno piccolo.

5) Artificioso.

истолковать людямъ столь глубокаго пониманія и удивительнаго остроумія [1]), какими обладаете вы, господа флорентійцы. Боккаччьо не надѣется на свои силы и потому взываетъ словами Виргилія:

> Iupiter omnipotens, precibus si flecteris ullis,
> Aspice nos; hoc tantum; et si pietate meremur,
> Da deinde auxilium, pater.

Прежде, чѣмъ обратиться къ разбору поэмы, Боккаччьо хочетъ выяснить нѣсколько общихъ вопросовъ, ея касающихся, каковы: 1) предметъ поэмы, 2) ея заглавіе, 3) ея философія. То, что мы обозначили словомъ «предметъ», лишь отчасти отвѣчаетъ выраженію cause, которыя съ своей стороны подраздѣляются по категоріямъ сюжета [2]), формы [3]), автора [4]) и цѣли [5]). Сюжетъ двоякій, ибо соединяетъ дословное значеніе съ иносказательнымъ. Съ точки зрѣнія перваго поэма изображаетъ посмертную участь душъ, съ точки зрѣнія аллегоріи она представляетъ, какимъ образомъ человѣкъ, въ силу своей свободной воли возвышаясь или падая, повиненъ возмездію награды или наказанія. — Вопросъ о формѣ касается внѣшняго дѣленія поэмы на три кантики, пѣсни, терцины — и поэтическаго стиля; авторъ — Данте, конечная цѣль поэмы: побудить людей выйти изъ бѣдственнаго состоянія къ состоянію блаженства [6]).

Переходя [7]) ко второй изъ поставленныхъ имъ рубрикъ, заглавію поэмы, Боккаччьо разбираетъ понятіе cantica съ точки зрѣнія ея музыкальнаго пониманія и устраняетъ сомнѣнія тѣхъ, которымъ названіе комедіи казалось не подходящимъ. Они говорили, что содержаніемъ комедіи, по смыслу самаго слова,

1) D'alto intendimento e di mirabile perspicacità.
2) Materiale.
3) Formale.
4) Efficiente.
5) Finale.
6) Milanesi I, стр. 79—82.
7) L. c. стр. 82—91.

являются низменныя лица и отношенія, чему поэма не отвѣчаетъ; что и стиль комедіи такой-же низменный, чего тоже нѣтъ, потому что хотя Данте писалъ и на народномъ языкѣ, на которомъ говорятъ бабенки [1]), но писалъ высокимъ стилемъ. Я не отрицаю, прибавляетъ отъ себя Боккаччьо, что если бы то-же содержаніе выражено было въ латинскихъ стихахъ, оно явилось бы болѣе художественнымъ и возвышеннымъ, ибо и латинская рѣчь художественнѣе [2]) современной народной.—Интересно, какъ поставленъ въ послѣднемъ трудѣ Боккаччьо вопросъ объ отношеніяхъ обоихъ языковъ, столь существенный въ литературной исторіи гуманизма. Въ извѣстномъ посланіи къ Петраркѣ Боккаччьо говорилъ, что если Данте предпочелъ народные метры, то не по незнанію латинской рѣчи [3]); въ біографіи Данте избраніе имъ итальянскаго языка объясняется тѣмъ, что гуманистическій интересъ и знаніе латыни находились въ упадкѣ у людей власть имущихъ, меценатовъ [4])—и этотъ аргументъ повторяется и въ комментаріи [5]); въ той-же біографіи итальянскій языкъ названъ, по сравненію съ латинскимъ, некрасивымъ, неизящнымъ [6])—какъ и въ комментаріи читаемъ, что блестящія достоинства Данте тускнѣли во мракѣ народной рѣчи [7]), а знаменитые versi strani толкуются, какъ итальянскіе, ибо до Данте никому не приходило въ голову писать о подобныхъ матеріяхъ иначе, какъ по латыни [8]). Вспомнимъ еще выраженіе Генеалогій Боговъ: о Божественной Комедіи, написанной художественно, — *хотя* и на народномъ языкѣ [9]). — Данте прославляется постоянно,

1) Le femminette.

2) Molto più d'arte e di gravità.

3) Сл. выше стр. 279.

4) Сл. выше стр. 312—13.

5) I, 102.

6) Sozzo, сл. выше стр. 296.

7) II, 428: la luce del cui valore per alquanto tempo stata nascosa sotto la caligine del volgar materno.

8) II, 172.

9) Сл. выше стр. 334.

какъ великій художникъ итальянскаго слова [1]), но это не умаляетъ преимуществъ латинскаго, а только возвышаетъ славу того, кто съ меньшими средствами достигъ великаго. Для народной рѣчи просятъ лишь одного: снисхожденія; Беатриче обращается къ мантуанцу Виргилію на своемъ языкѣ, то-есть, на флорентійскомъ, поучая насъ такимъ образомъ, что безъ особой необходимости не слѣдуетъ оставлять родного языка для какого-нибудь другого [2]).

Были и другія замѣчанія на счетъ неумѣстнаго обозначенія дантовской поэмы комедіей: въ поэмѣ не проведенъ принципъ діалога, много вводныхъ разсказовъ, содержаніе дѣйствія не вымышленное, ибо кара грѣшниковъ и награда праведныхъ отвѣчаютъ ученію церкви; нѣтъ дѣленія на сцены [3]). Боккаччьо защищаетъ названіе тѣмъ, что какъ комедія, бурная и шумливая въ началѣ, кончается миромъ и покоемъ, такъ и поэма Данте начинается съ печали и страданій, чтобы умиротвориться съ праведниками въ вѣчной славѣ [4]).

Къ вопросу о заглавіи примыкаетъ характеристика Данте. Это краткій очеркъ, съ ссылкой на «біографію» [5]), безъ новыхъ данныхъ; только Брунетто Латини названъ учителемъ Данте [6]), о чемъ біографія умалчиваетъ; какъ и въ ней [7]), имя поэта оказывается даннымъ свыше: не даромъ называютъ его по имени; Беатриче = теологія и первозданный Адамъ. — Эти свѣдѣнія пополняются эпизодически въ теченіи комментарія: такъ Боккаччьо говоритъ со словъ мессера Джьярдино изъ Равенны [8]), что Данте умеръ на 57-мъ году жизни [9]); сообщаетъ свѣдѣнія

1) Сл., между прочимъ, письмо къ Пиццинге, выше стр. 77—8, 533.

2) I, 223.

3) Storie.

4) I, 85—7.

5) Trattatello.

6) II, 417.

7) Сл. выше стр. 296.

8) Сл. выше стр. 290.

9) I, 104: trapassato; иначе въ Vita, ed. Macrì-Leone, стр. 32: già nel mezzo o presso al cinquantesimo sesto suo anno.

о Беатриче Портинари [1]), повторяетъ знакомый намъ [2]) разсказъ о томъ, какъ найдены были первыя семь пѣсень Ада. На этотъ разъ онъ называетъ свои источники: у Данте былъ племянникъ, сынъ его сестры, Андрей Поджи, человѣкъ необразованный [3]), но разумный [4]) и порядочный, и лицомъ и всей фигурой напоминавшій дядю, даже горбившійся, какъ, говорятъ, горбился онъ. Этотъ-то Поджи и разсказывалъ Боккаччьо, что въ находкѣ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ; съ другой стороны старый пріятель Данте, Дино Перини, утверждалъ, что утраченныя пѣсни найдены были имъ самимъ. Кому изъ нихъ повѣрить, не знаю, говоритъ Боккаччьо, но выражаетъ и вѣскія сомнѣнія въ достовѣрности и вѣроятности самой легенды; въ біографіи онъ еще принималъ ее на вѣру [5]).

Остался еще третій общій вопросъ, поставленный въ началѣ введенія: къ какого рода философіи относится Божественная Комедія. Боккаччьо отвѣчаетъ, что къ этической.

Все это введеніе не что иное, какъ разработка и передѣлка положеній приписываемаго Данте посланія къ Can Grande della Scala съ посвященіемъ Рая. Иныя выраженія переведены дословно, тотъ же схематизмъ, лишь нѣсколько измѣненный. Въ посланіи общихъ вопросовъ поставлено шесть: 1) сюжетъ, 2) авторъ (agens), 3) форма, 4) цѣль, 5) заглавіе, 6) родъ философіи. У Боккаччьо первыя четыре рубрики сведены въ одну подъ заглавіемъ cause, можетъ быть, подъ вліяніемъ какого нибудь средневѣковаго комментарія. Такъ Треветъ разбиралъ Сенекова Hercules furens по категоріямъ causa efficiens (авторъ), materialis (сюжетъ), formalis (форма драмы) и finalis (увеселеніе народа или цѣли нравственнаго исправленія).—Дальнѣйшій анализъ частностей повторяетъ посланіе: та-же двойственность сю-

1) I, 224—5; сл. выше стр. 290.
2) Сл. выше 290, 312.
3) Idiota.
4) D'assai buon sentimento naturale.
5) II, 129 слѣд.

жета и то-же, буквально, опредѣленіе иносказательнаго содержанія поэмы; тотъ-же разборъ формы, та-же защита названія «комедіи», та-же цѣль и родъ философіи.

Оказывается, Боккаччьо парафразировалъ посланіе Данте не называя его, какъ парафразировалъ его въ введеніи къ своему комментарію Якопо делла Лана (между 1323-мъ и 1323-мъ гг.), сокративъ шесть дѣленій въ четыре [1]) и также не назвавъ автора; въ комментаріи Пьетро Алигьери (1340—41 г.) тотъ-же матерьялъ посланія къ Cane della Scala распредѣляется уже совсѣмъ по боккаччьевскимъ рубрикамъ: cause [2]), заглавіе, философія.—Вопросъ о подлинности Дантовскаго письма, еще недавно вызывавшаго сомнѣнія, насъ здѣсь не касается; вѣроятно одно, что если ни Якопо делла Лана, ни Боккаччьо не упомянули его, то потому, что они пользовались имъ въ особомъ видѣ, безъ имени и посвященія, которое позволило бы угадать автора. Какъ бы то ни было, именно посланіе дало тѣ общія точки зрѣнія, которыя легли въ основу послѣдующихъ толкованій Божественной Комедіи, какъ безыменныхъ глоссъ къ ея тексту, такъ и комментаріевъ, обнимавшихъ ее цѣликомъ или частями. На такія толкованія ссылается и Боккаччьо, ни разу не обозначая ихъ точнѣе: у него, какъ нерѣдко и у другихъ комментаторовъ, это просто «другіе», которымъ онъ часто не вѣритъ, предпочитая свое пониманіе, но отмѣчая и несочувственныя [3]). Незнакомство съ прямыми источниками его дантовской экзегезы не всегда позволяетъ судить объ оригинальности его собственной. Уже сыновья Данте, Якопо и Пьетро, въ своихъ комментаріяхъ, первый и въ своемъ Dottrinale, установили ту точку зрѣнія, что подъ аллегоріей загробныхъ мукъ и наградъ Данте имѣлъ ввиду изобразить троякое состояніе людей въ этой жизни: грѣшниковъ, погрязшихъ въ адскомъ мракѣ пороковъ и невѣдѣнія,

1) Subietto, forma, cagione efficiente, cagione finale.

2) Efficiens, materialis, formalis, finalis. Сл. ed. Vernon, стр. 3.

3) I, 192, 195, 265, 296—7; II, 14, 158—9, 217, 281, 300, 303, 331, 422.

покаявшихся и добродѣтельныхъ; ихъ участь и возмездіе—естественное слѣдствіе ихъ жизненнаго дѣланія; ихъ судья, Миносъ,—ихъ собственная совѣсть. — Мы встрѣтимъ этотъ взглядъ и у Боккаччьо, въ соединеніи съ другимъ, оставляющимъ за дантовской трилогіей ея христіанско-легендарное значеніе, видящимъ въ Данте личнаго грѣшника, котораго примѣры божественнаго правосудія приводятъ къ сознанію и направляютъ къ добродѣтели. Таково пониманіе въ комментаріяхъ Ser Graziolo и въ анонимномъ толкованіи, изданномъ Сельми.—Къ этимъ принципьяльнымъ совпаденіямъ присоединяются и мелкія: Боккаччьо усматриваетъ напр. сознательный параллелизмъ въ томъ, что въ каждомъ кругѣ Ада Данте помѣстилъ особаго демона, назначеннаго застращать пришельцевъ [1]); но подобное замѣчаніе сдѣлано было уже Якопо ди Данте. Приступая къ разбору каждой пѣсни Боккаччьо напередъ распредѣляетъ ея содержаніе на нѣсколько отдѣловъ, о которыхъ и говоритъ послѣдовательно; это тотъ-же пріемъ, что у Якопо делла Лана и Пьетро Алигьери. Аллегорія Veltro, будущаго освободителя Италіи [2]), оставляетъ Боккаччьо въ недоумѣніи, онъ не дѣлаетъ окончательнаго выбора изъ разныхъ мнѣній и рѣшительно отрицаетъ отождествленіе Veltro съ І. Христомъ [3]), приводя, какъ наиболѣе правдоподобное, мнѣніе тѣхъ, которые представляли себѣ Veltro безвѣстнымъ, безроднымъ бѣднякомъ, имѣющимъ изгнать изъ міра любостяжаніе [4]).

Обращаясь къ толкованію первой части Божественной Комедіи, Боккаччьо еще разъ оговаривается: онъ слабъ умомъ и памятью, и если ему случится сказать что-либо несогласное съ ученіемъ церкви, онъ напередъ отдаетъ себя подъ ея судъ. Божественная Комедія ставила богословскіе вопросы; первымъ является вопросъ объ—адѣ; Боккаччьо [5]) развиваетъ здѣсь положенія, вы-

1) I, 277, 433; II, 4, 135, 275.

2) I, 191 слѣд.

3) Таково было толкованіе Ser Graziolo.

4) Сл. выше стр. 159—160 и Pietro Alighieri: naturalis et de vili natione.

5) I, 91 слѣд.

раженныя имъ въ Генеалогіяхъ боговъ[1]), на этотъ разъ съ ссылкой на Священное писаніе, различающее три ада: верхній, средній, или лимбъ, и низшій, или адъ въ обычномъ употребленіи слова. Для его аллегорической системы важнѣе пониманіе верхняго ада: это — жизнь, полная страданій и грѣховности; адъ — въ сердцѣ человѣка, съ Церберомъ — ненасытными желаніями, судьями — судомъ совѣсти и т. д. Слѣдуютъ вопросы: о положеніи нижняго ада, о чемъ существуютъ разныя мнѣнія; о его названіяхъ [2]). Первая пѣснь дантовскаго Ада выдѣляется, какъ вводная къ остальнымъ, и начинается толкованіе [3]). Методичность и знакомая намъ обстоятельственность Боккаччьо сказались въ точномъ обособленіи дословнаго толкованія отъ аллегорическаго; это было нововведеніе: дословное толкованіе всегда имѣетъ ввиду слѣдующее за нимъ аллегорическое, ссылается на него впередъ; что распредѣленіе матерьяла является при этомъ нѣсколько искусственнымъ, понятно само собой. Только при 10-й и 11-й пѣсни нѣтъ объясненія иносказаній, ибо онѣ не представляли ничего новаго; въ 8-й этотъ отдѣлъ ограничивается нѣсколькими строками; такъ и въ 16-й, съ ссылкой на будущее толкованіе; 15-я пѣснь отсылаетъ слушателя къ аллегоріямъ 17-й, комментарій которой остановился, какъ мы видѣли, на полуфразѣ.

Займемся сначала отдѣломъ дословнаго толкованія. Оно двоякое, стилистическо-грамматическое и реальное. Первое не даетъ понятія объ образовательномъ цензѣ слушателей, собравшихся вокругъ Боккаччьо въ стѣнахъ Санъ-Стефано: въ немъ есть пища для всѣхъ. Иные стихи Данте разбираются синтаксически, то-есть возстановляется прозаическій порядокъ рѣчи [4]), комментарій становится почти школьнымъ, нѣсколько разъ возвращаясь къ частямъ одного и того-же предложенія, повторяя и

1) Сл. выше стр. 395.
2) Gen. Deor. I, 14.
3) I, 104 слѣд.
4) I, 221; II, 332—3, 450.

резюмируя[1]); съ другой стороны даются указанія на разночтенія въ текстѣ Данте[2]), приводятся этимологіи[3]), объясняется поэтическое словоупотребленіе[4]), значеніе словъ[5]), синонимы[6]); флорентинизмы[7]), ломбардизмы[8]), романьолизмы; въ словѣ orranza (вмѣсто onoranza)[9]) отмѣчена синкопа, въ другихъ случаяхъ сравненія[10]), тропы и фигуры[11]), заимствованія изъ Виргилія[12]), иной разъ къ выгодѣ Данте[13]).

Грамматическое толкованіе приготовляло комментарій по содержанію. Источниками Боккаччьо могли быть здѣсь тѣ «другіе», съ мнѣніями которыхъ онъ считается, не называя ихъ; для реальной части комментарія его собственные ученые труды, съ тѣми-же ссылками на Пронапида[14]), Теодонція[15]), Леонтія Пилата[16]), на классиковъ; съ набѣгами въ область французскихъ романовъ[17]), баснословныхъ разсказовъ объ Александрѣ Вели-

1) I, 229; II, 162—2.

2) I, 111—112, 216, 297, 315.

3) I, 154, 203, 205—8, 269, 311, 511; II, 41, 145, 186, 214, 216, 287—8, 325 и passim. Сл. II, 46—7 (Pape Satan aleppe): Alep è la prima lettera dell' alfabeto de' Giudei.... cioè *a*; ed è alep appo gli Ebrei adverbiium dolentis. Такъ у Ottimo и Buti; Генрихъ изъ Сеттимелло начинаетъ свою элегію De diversitate Fortunae парафразой библейской фразы, любимой Данте и Боккаччьо: Quomodo sola sedet *probitas*? Flet et ingemit *aleph*!

4) I, 277; II, 158, 401.

5) I, 293 (sonno), 334—5 (scuola), 444—5 (bufera), 446—7 (франц. lai); II, 51 (rabbuffa), 245 (stipa), 272 (burrati), 348 (poste), 357 (giubbetto).

6) I, 229 слѣд., 337; II, 140 слѣд., 188 слѣд., 271.

7) II, 13 (piaggiare), 148—9 (broda, secondo il nostro parlare), 150 (credo questo vocabolo bizzarro sia solo de' Fiorentini), 186 (avello), 349 (rosta).

8) II, 164 (cionca), 191—2 (spaldo).

9) I, 317.

10) II, 275.

11) I, 109 (гипербола), 116 (acirologia), 199 (inculcatio); II, 55 (preoccupazione).

12) I, 201, 341: II, 5, 133, 145.

13) I, 209, 159.

14) Сл. выше стр. 342—3.

15) Сл. выше стр. 341 слѣд.

16) Сл. выше стр. 350 слѣд.

17) I, 487; II, 185—6.

комъ [1]) и городскихъ легендъ Фьезоле и Флоренціи [2]), съ неравномѣрными порывами критики, колеблющейся между сомнѣніемъ и довѣрчивостью (напр. въ легендѣ о Дидонѣ) [3]), возбраняющей себѣ вопросы въ дѣлахъ вѣры [4]): не слыхалъ я и не читалъ, чтобы Христосъ сошелъ въ лимбъ съ знаменіемъ побѣды, замѣчаетъ Боккаччьо къ дантовскому стиху. Принадлежность одной пьесы Сенеки возбуждаетъ въ немъ довѣріе по существу и сомнѣніе по отношенію къ стилю [5]). Павлова Видѣнія онъ, кажется, не зналъ [6]), Теофрастово De Nuptiis, текстомъ котораго онъ пользовался въ біографіи Данте [7]), переведено теперь цѣликомъ [8]).

Такое массовое чтеніе объясняетъ подробность историко-реальнаго комментарія, особенно въ его классическомъ отдѣлѣ: пересказываются миѳы съ ихъ толкованіемъ, сообщаются свѣдѣнія объ играхъ у древнихъ [9]), біографіи дѣятелей миѳа и исторіи, героевъ, поэтовъ и философовъ: Виргилія [10]) и Камиллы [11]), Платона [12]) и «грѣшнаго» Овидія [13]); Миносъ увлекаетъ къ воспоминанію о Дедалѣ въ Байяхъ [14]), имя Париса — къ легендѣ о немъ [15]).

Отъ воспоминаній древности текстъ Данте переносилъ Боккаччьо къ среднимъ вѣкамъ, итальянскимъ и чужимъ; явились

1) II, 289 слѣд., 370 слѣд.
2) II, 305, 352 слѣд., 411 слѣд.
3) I, 225, 349, 451 слѣд., 484. Сл. выше стр. 91 слѣд.
4) I, 303—4.
5) I, 398.
6) I, 217.
7) Сл. выше стр. 291.
8) II, 438 слѣд.
9) II, 432—3.
10) I, 118 слѣд., 136 слѣд., 301; II, 166. Сл. выше стр. 90.
11) I, 143 слѣд., 356.
12) I, 378 слѣд.
13) I, 328 слѣд., 408—9. Сл. выше т. I, стр. 438.
14) I, 433 слѣд. Сл. выше стр. 172.
15) I, 470 слѣд.

статьи о лонгобардахъ [1]), о Фридрихѣ II [2]) и Пьеро делле Винье [3]), объ Эццелинѣ [4]) и Францескѣ изъ Римини [5]), въ паденіе которой Боккаччьо отказывается вѣрить: оно было возможно, но Данте не могъ знать о немъ, это — вымыселъ, основанный на вѣроятности. Рядъ историческихъ и біографическихъ свѣдѣній объ итальянскихъ и флорентійскихъ дѣятеляхъ, о политическихъ отношеніяхъ Флоренціи приводитъ насъ къ другимъ источникамъ, хроникамъ (Виллани), прежнимъ комментаторамъ, разсказамъ стариковъ и свѣдущихъ людей. Многое принадлежитъ сообщеніямъ Коппо ди Боргезе Доменики; извѣстно [6]), какъ чтилъ Боккаччьо этого живого свидѣтеля доброй старины: съ его словъ записанъ анекдотъ о Гвальдрадѣ [7]), разсказана новелла Декамерона о Федериго Альбериги [8]), отъ него идутъ свѣдѣнія о Филиппѣ Арджентн [9]), дѣйствующемъ лицѣ другой новеллы [10]), герой которой, Чакко, также встрѣчается въ комментаріяхъ въ связи съ характеристикой партій, на которыя распались флорентійскіе гвельфы: Бѣлые (Bianchi) съ родомъ Черки во главѣ, и Черные (Neri), руководимые семьей Донати [11]). Мы знаемъ, какъ поверхностно было у Боккаччьо пониманіе старыхъ флорентійскихъ отношеній, и знаемъ тому причины [12]). Вскорѣ послѣ 1302-го года, особенно послѣ итальянскаго похода Генриха VII, Bianchi и Neri исчезаютъ, какъ названіе гвельфскихъ партій; первые сливаются съ гибеллинами, вторые означаютъ гвельфовъ вообще;

1) I, 119—120.
2) II, 239 слѣд.
3) II, 334 слѣд.
4) II, 299 слѣд.
5) I, 476 слѣд.
6) Сл. выше т. I, стр. 468—9.
7) II, 434 слѣд. и De Casibus, сл. выше стр. 222; сл. Ottimo I, 299 и G. Villani V, 37.
8) Сл. выше т. I, стр. 468.
9) II, 149—150.
10) Дек. IX, 8.
11) II, 8 слѣд., 446.
12) Сл. выше стр. 150, 164.

между тѣмъ, комментируя (Inf. VI, 70) пророчества Чакко, что Черные еще долго будутъ воздымать чело, то-есть верховодить, Боккаччьо замѣчаетъ въ 1373-мъ году, что это время еще не прошло [1]). Говоря о Черныхъ, онъ, очевидно, разумѣетъ просто гвельфовъ, какъ анонимный комментаторъ Ада (м. 1321 и 1337 годомъ)—не флорентинецъ [2]). Въ Vita отсутствуютъ самыя названія Bianchi и Neri, а о гвельфахъ и гибеллинахъ сказано, что откуда пошли эти клички — неизвѣстно [3]); съ тѣхъ поръ достопочтенный мужъ Луиджи Джьянфильяцци [4]) разсказалъ Боккаччьо, что̀ слышалъ объ ихъ происхожденіи отъ Карла IV: анекдотъ о графинѣ Матильдѣ и двухъ совопросникахъ, Гвельфѣ и Гибеллинѣ, который и пересказывается безъ сомнѣній [5]), безъ сознанія принципьяльной обусловленности гибеллинскихъ и гвельфскихъ партій широкими идеями папства и имперіи.

Энциклопедическое содержаніе Божественной Комедіи шло на встрѣчу энциклопедизму самаго Боккаччьо. Авторъ De Montibus сказывается въ статьяхъ географическаго характера [6]); о замкѣ, который затѣвали построить у водопада Аквакеты, онъ самъ слышалъ отъ аббата сосѣдняго монастыря [7]). Разъясняются вопросы естественно-историческіе, физіологическіе, метеорологическіе [8]), не безъ примѣси баснословія и наивнаго суевѣрія, когда напр. объ осахъ говорится, что онѣ зарождаются изъ гнилыхъ внутренностей осла [9]), хотя напр. въ Генеалогіяхъ зарожденіе палочной травы изъ человѣческой крови вызываетъ сомнѣніе [10]);

1) II, 13.

2) Rocca, Di alcuni commenti della Div. Commedia, стр. 111 слѣд.

3) Сл. выше стр. 302.

4) О немъ сл. выше стр. 204—5.

5) II, 225 слѣд.

6) I, 479; II, 184—5, 271—2, 326—7, 379—380, 390 слѣд. и др.

7) II, 450—1.

8) I, 108, 141: сердце; сл. II, 336; I, 294: громъ; II, 268—9: вѣтры, = Gen. Deor. IV, 54; II, 303—4: casso; 368: окаменѣлыя раковины; 402—3: приливъ и отливъ.

9) I, 282.

10) Gen. IX, 3.

или что люди, косоглазые отъ рожденія, по мнѣнію физіологистовъ, бываютъ хитры и коварны [1]), а у умирающихъ является даръ прозорливости [2]). — Въ иныхъ случаяхъ Боккаччьо помогли его старыя юридическія занятія: отвѣчая на сомнѣнія людей, соблазнявшихся тѣмъ, что въ Дантовскомъ лимбѣ подвергаются одинаковой карѣ дѣти, умершія до крещенія, и языческіе мудрецы и поэты, которымъ слѣдовало бы положить болѣе тяжкое наказаніе, Боккаччьо [3]) подробно различаетъ понятія: невѣдѣнія закона и невѣдѣнія факта; послѣднее служитъ къ извиненію и облегченію участи тѣхъ язычниковъ, которые жили до Христа и не имѣли возможности познать истиннаго Бога, тѣ-же, которые жили въ пору «закона», не могутъ защищаться его незнаніемъ. Боккаччьо строже Данте: онъ исключилъ-бы изъ его лимба не только Авиценну, Галена и Аверроэса, но и Овидія, Лукана и друг.; таково его мнѣніе, которое онъ готовъ подчинить рѣшенію церкви и мнѣніямъ болѣе мудрыхъ людей. Подобной, нѣсколько искусственной юридической формулой, различеніемъ pena illativa и pena privativa, онъ пытается спасти Данте отъ обвиненія въ разногласіи съ церковью, учащей, что по воскресеніи всѣ души соединятся съ своими тѣлами (дѣло идетъ объ Inf. XIII, 91 слѣд., возбуждавшемъ сомнѣнія уже древнихъ комментаторовъ) [4]), тогда какъ тѣла дантовскихъ самоубійцъ окажутся повѣшенными на тѣхъ самыхъ деревьяхъ, въ которыхъ они заключены въ аду [5]).

Знакомое намъ пристрастіе Боккаччьо къ астрологіи и хронологическимъ выкладкамъ вызвало два астрономическихъ экскурса [6]):

1) Com. II, 56.

2) II, 19.

3) I, 416 слѣд.

4) Сл. напр. Ottimo и вставленную въ одинъ изъ текстовъ его комментарія глоссу frate Accorso Bonfantini о томъ, что въ данномъ случаѣ Данте «pone due spezie di pene, l'una è positiva, l'altra è privativa». Сл. Riv. crit. VII, 4, стр. 108, прим. 1.

5) II, 346 слѣд.

6) I, 110—111; II, 266—8.

вычисленіе, сколько времени провелъ Данте въ своемъ воображаемомъ хожденіи [1]); то-же пристрастіе побудило комментатора еще разъ высказаться по вопросамъ, издавна его занимавшимъ: о вліяніи свѣтилъ на человѣка, о значеніи астрологіи, о судьбѣ. Вѣчнымъ вращеніемъ и различными сочетаніями свѣтилъ, этихъ орудій божественнаго всемогущества, производящихъ существа низшаго порядка, объясняется въ людяхъ различіе ихъ по внѣшности, темпераменту, призванію; всякій родится на что-нибудь, и хотя Господь одарилъ наши души разумомъ и свободной волей, *кажется* (pare), что люди слѣдуютъ не выбору, а тому, на что каждый рожденъ [2]). Вопросъ о Фортунѣ, поставленный Данте, приводитъ Боккаччьо къ тѣмъ-же точкамъ зрѣнія [3]): Фортуну встарь считали богиней, поэты изображали ее женщиной, съ повязанными глазами, вращающей колесо; но подъ ней разумѣется не что иное, какъ различныя вращенія небесъ, движимыхъ божественнымъ разумомъ къ извѣстной цѣли — оттого неумѣстна повязка на глазахъ Фортуны. Движеніемъ небесъ объясняются непонятныя намъ перемѣны въ судьбѣ людей и царствъ; у Боккаччьо на памяти примѣры изъ De Casibus; такъ въ наши дни величіе Французовъ перешло на англичанъ, о когда-то именитыхъ въ нашемъ городѣ семьяхъ Черки, Донати, Тозинги, едва теперь поминаютъ, ихъ слава перешла на другихъ, о которыхъ тогда не знали. Врожденность увлекаетъ насъ, но еслибы мы захотѣли быть благоразумными и послѣдовать внушеніямъ свободной воли ибо наши души созданы Богомъ и внѣ вліянія Фортуны, мы воспротивились бы ей, попрали бы ее, неисповѣдимую — ибо человѣческому пониманію не обнять тайны неба, что̀ доказываютъ постоянныя, чаще всего напрасныя старанія астрологовъ, хотя сама по себѣ астрологія, какъ наука, имѣетъ основаніе [4]). Если въ

1) I, 112, 268; II, 269, 408.
2) I, 152—3.
3) II, 62 слѣд.
4) Vera.

другомъ мѣстѣ [1]) вѣрованіе, что какое-нибудь созвѣздіе можетъ роковымъ образомъ влiять на людскiе умы, осуждается, какъ неразуміе и даже ересь, если о Данте говорится, что его дарованія не отъ звѣздъ, хотя Господь и одарилъ ихъ многими силами, а отъ милости Божіей [2]) — то это ставитъ насъ въ кажущееся только противорѣчіе съ взглядами Дантовской біографіи [3]), съ заявленіями Генеалогій [4]), съ общей постановкой этого вопроса въ комментаріяхъ. Эта постановка ясна: старческій résumé жизненныхъ взглядовъ, колебаній, отстоявшихся въ видимомъ покоѣ. De Casibus еще отражаетъ періодъ колебаній, борьбы личности въ противорѣчіяхъ судьбы и призванія. Тамъ Фортуна — Богъ, но языческаго типа; она непререкаема, ее побѣждаетъ доблесть, но побѣжденная; ее можно избѣжать, ограничивъ желанія; въ эту двойственность неотразимо вторгались моменты призванія, сознанія силы, прирожденнаго таланта, который не знаетъ границъ и невольно идетъ на встрѣчу судьбѣ [5]). Въ комментаріяхъ эти противорѣчія помирены: талантъ, призваніе отъ звѣздъ, отъ вращенія небесъ, но то и другое въ рукахъ Бога; понятія прирожденности, фортуны сливается съ представленіемъ Божества, вмѣстѣ съ тѣмъ доблесть, ограниченіе желаній уходитъ въ понятіе свободной воли. Если-бы мы были разумны, мы чаще бы подчинялись ей, но, кажется, народы чаще слѣдуютъ не ея разумнымъ указаніямъ, а своимъ наклонностямъ [6]).

Боккаччьо не написалъ бы теперь своего панегерика Алкивіаду [7]); его воззрѣнія смиренно подошли къ церковной нормѣ; какъ въ соотвѣтствующихъ частяхъ Генеалогій, его христіанство боязливое, нѣсколько суровое: мы видѣли, что онъ исключаетъ кри-

1) II, 354.
2) II, 410—11.
3) Сл. выше стр. 295—6.
4) Сл. выше стр. 405; сл. еще посланіе къ Нелли, выше, стр. 484—5.
5) Сл. выше стр. 274 слѣд.
6) Сл. комментарій Ser Graziolo къ Inf. VII, 89, Pietro Alighieri. и др.
7) Сл. выше стр. 276—7.

тику въ дѣлахъ вѣры, предоставляя свои сужденія на судъ богослововъ [1]); если говоритъ о Юпитерѣ, какъ о богѣ-отцѣ [2]), то старательно отмѣчаетъ и другое его, языческое значеніе [3]); онъ не вѣритъ, чтобы душу можно было вызвать изъ ада: вмѣсто нея являлся демонъ [4]); демоны наполняютъ воздухъ, вздымаютъ бури, соблазняютъ людей [5]); иные, менѣе разумные, объясняютъ ихъ вліяніемъ явленія парализіи [6]).—Я сказалъ о суровомъ христіанствѣ Боккаччьо: некрещенныхъ дѣтей въ лимбѣ онъ одаряетъ сознаніемъ, но оно имъ не въ утѣшеніе, а на муку [7]); грѣшники лишены всякаго утѣшенія: если Франческо говоритъ, что Паоло и теперь ее не покидаетъ, то Данте слѣдовалъ здѣсь Виргилію, не ученію христіанства [8]). Однажды, казалось-бы, Боккаччьо готовъ подойти случайно, хотя «предметъ того и не требовалъ» [9]), къ вопросу о существованіи въ природѣ вреднаго, неполезнаго, напр. пустынь; но онъ не обобщаетъ его, а рѣшаетъ благодушно, въ связи съ фактомъ: пустыня освободилась изъ подъ моря, которое служило цѣлямъ плаванія. Зло явилось въ мірѣ съ исторіей: она начинается съ золотого вѣка и кончается разложеніемъ; если въ Амето, въ Фьямметтѣ [10]) это—общее мѣсто, въ комментаріяхъ оно выражаетъ старческое настроеніе [11]). Все идетъ на склонъ, и нравы, и самые костюмы; простые въ старину [12]), они стали теперь безстыжими; въ старину красавецъ Спуринна исказилъ свое лице, ибо оно возбуждало соблазнъ и вожделѣніе [13]), со-

1) I, 306.
2) I, 202, 403; II, 199.
3) II, 345, 373.
4) II, 166.
5) I, 262; сл. 372.
6) I, 278.
7) I, 298.
8) I, 484.
9) II, 367.
10) Сл. выше т. I, стр. 278—9 ,363, 419—20, 505.
11) II, 27 слѣд., 94 слѣд.
12) II, 222, 431.
13) Сл. De Casibus IV, 19, выше стр. 270.

временные молодые люди идутъ на встрѣчу тому и другому. То, что говорится о нихъ [1]), напоминаетъ указъ короля Роберта [2]) и туалетныя подробности Корбаччьо и De Casibus [3]). Модное кротополіе, платье въ обтяжку возбуждаютъ негодованіе, тѣмъ болѣе, что эти люди защищаютъ себя примѣромъ англичанъ и нѣмцевъ, французовъ и провансальцевъ. Что за срамъ! восклицаетъ Боккачьо въ порывѣ національнаго самосознанія: въ былое время, когда мы еще не страдали изнѣженностью, мы давали всему свѣту и законы и моды и нравы; въ этомъ было наше благородство, наше преимущество и сила; теперь, заимствуя у варваровъ, у нашихъ бывшихъ рабовъ и данниковъ, то, что̀ они у насъ переняли, мы тѣмъ самымъ заявляемъ, что мы рабы, они выше насъ и благороднѣе и образованнѣе. Неужели эти люди не поймутъ, какъ унизительно для итальянца слѣдовать обычаямъ такихъ народовъ! Римскимъ обычаемъ нельзя защититься: я не могу доказать письменными памятниками, что римляне не носили короткаго платья, но тому доказательствомъ статуи — а я ихъ много видѣлъ.—Но у Боккачьо есть и другой аргументъ противъ новой моды: это ея соблазнъ, вожделѣніе, которое она, своею откровенностью, можетъ возбуждать въ женщинахъ. Ибо въ женщинахъ вожделѣніе и безъ того не знаетъ границъ, онѣ красятся, рядятся, поютъ, играютъ глазами съ единственной цѣлью увлечь мужчинъ; тѣ идутъ имъ на встрѣчу и впадаютъ въ сладострастіе; это — смерть юношамъ, утѣха [4]) женщинъ, мать лжи, врагъ чести, нарушеніе вѣрности, опора пороковъ, вмѣстилище скверны, соблазнительное зло, позоръ стариковъ; именно для огражденія отъ ея излишествъ Господь и установилъ бракъ, ограничившій мужа одной женою; всѣ иныя связи подлежатъ осужденію — и Боккачьо переходитъ къ перечисленію видовъ преступ-

1) I, 498 слѣд.

2) Сл. выше т. I, стр. 49.

3) Сл. выше стр. 31 слѣд., 266 слѣд.

4) Amica.

ной страстности, доходя до содоміи. Правда, любовная страсть карается слабѣе другихъ пороковъ, какъ бы менѣе оскорбляетъ Господа, ибо она врождена намъ небесами, и мы находили бы въ томъ извиненіе, еслибъ у насъ не было свободной воли, возможности уберечь себя отъ соблазновъ и возбужденій — ибо «безъ Цереры и Вакха хладѣетъ любовь».

Все это сказано по поводу грѣшниковъ, караемыхъ за любострастіе во второмъ адскомъ кругѣ, и сводится къ объясненію поэтическаго эпизода о Франческо и Паоло! Боккаччьо внимательно слѣдитъ за соотвѣтствіемъ проступка и наказанія: вихрь, въ которомъ несутся любовники — холодный вихрь, какъ противоположность горячности вожделѣнія.

Старый, реально-физіологическій взглядъ Боккаччьо на любовь [1]) не удивитъ насъ въ томъ его произведеніи, на которомъ ярче должна была лечь печать лѣтъ и боязливыхъ старческихъ счетовъ съ совѣстью. Его ригоризмъ обострился, общія мѣста поученія, нажитые взгляды еще разъ являются на перекличку: тѣ-же укоры женщинамъ, которыя красятся и притираются [2]), тогда какъ красота—даръ небесъ, почти всегда соединяющійся съ другими преимуществами, невольно вызывающій почетъ [3]), не передаваемый никакой кистью [4]); та-же похвала цѣломудрымъ матронамъ—и злая инвектива противъ брака по слѣдамъ Теофраста [5]); осужденіе плотской страсти [6]), знакомое опредѣленіе любви съ классификаціей ея по Аристотелю [7]) и почтительнымъ замѣчаніемъ къ извѣстному дантовскому стиху: о любви, вызывающей любовь [8]) — что это можетъ относиться только къ добродѣтель-

1) Сл. выше т. I стр. 524 слѣд.

2) I, 96, 175—6.

3) I, 222.

4) I, 464; сл. De Clar. Mul. c. 35 и выше стр. 233 слѣд.

5) II, 438 слѣд.

6) I, 176—7.

7) Сл. Gen. Deor. I, 15; IX, 4; сл. выше стр. 404.

8) Amor ch'a null'amato amor perdona.

ному чувству [1]). То, что говорится о молвѣ — fama [2]), поэзіи и поэтахъ [3]), о тиранахъ [4]), объ идеалѣ короля [5]) и служителя правосудія [6])—повторяетъ знакомыя тирады De Casibus и Генеалогій. Пороки, караемые въ дантовскомъ Аду, явились темой обстоятельныхъ разсужденій о гордыни, зависти и любостяжаніи [7]); чревоугодіе [8]) даетъ поводъ къ характеристикѣ застольныхъ излишествъ, въ которыхъ повинны итальянцы, особенно тосканцы: описывается ихъ безконечное столованье, съ пѣвцами и скоморохами и бесѣдами обо всемъ, начиная отъ пятенъ на лунѣ до вопроса о достоинствѣ тѣхъ или другихъ винъ. Не дѣлается ни одного общественнаго или частнаго дѣла, чтобы не поѣсть и не попить; роскошь дошла до того, что иные стали золотить мясо; и подобное дѣлаютъ не только набольшіе, правители, но и мелкій людъ; за такими то трапезами вершаются серьезныя дѣла, вино и обильныя яства помогаютъ обвиненію или оправданію, они — адвокаты, заступники; Богъ знаетъ, къ чему все это ведетъ!

Общія разсужденія о томъ или другомъ этическомъ вопросѣ оживаютъ и дѣйствуютъ сильнѣе, когда за ними чувствуется наблюденіе надъ дѣйствительностью, преимущественно флорентійской, либо отзвуки лично пережитого. Говоря о любостяжаніи и расточительности [9]), Боккаччьо мѣтитъ на клериковъ, какъ въ другомъ случаѣ [10]) недоумѣваетъ о смиреніи современныхъ папъ,

1) I, 480—3 слѣд. О любви и ненависти, какъ міровыхъ принципахъ по Демокриту сл. еще II, 278—9.

2) I, 225 слѣд., 233; II, 424, 453.

3) I, 123 слѣд., 153, 392—3, 429—30; II, 424 слѣд.

4) I, 94—5: нѣтъ жертвы угоднѣе Богу, чѣмъ кровь тирана, сказалъ Сенека; Цезарь тираннически попралъ народную свободу; особенно II, 318 слѣд.: кентавры — сателлиты, наемники тирановъ. Сл. древнихъ комментаторовъ (Pietro Alighieri, Ottimo и др.) къ Inf. XII, 55.

5) II, 146 слѣд.

6) I, 492 слѣд.

7) II, 14 слѣд.

8) II, 29 слѣд.

9) II, 97 слѣд.

10) II, 421.

но когда онъ нападаетъ на людей, расточительныхъ къ льстецамъ, скоморохамъ, заблудшимъ женщинамъ, и неумѣющихъ почтить достойнаго человѣка [1]), невольно вспоминается его пріемъ у Аччьяйоли; это, можетъ быть, такое-же личное воспоминаніе, какъ и указаніе на зависть, царящую при дворахъ [2]). Нравы флорентинцевъ давали матеріалъ для нареканій: ихъ обвинили въ чревоугодіи, вопросъ о гнѣвѣ и нравственной косности [3]) вызываетъ разсужденіе о вендеттѣ, которой пятнаютъ себя тосканцы, особенно флорентинцы [4]); съ нихъ писанъ портретъ вѣчно тревожнаго, озабоченнаго случайностями купца [5]). Данте зоветъ флорентинцевъ неблагодарными, слѣпыми; въ прошломъ они дѣйствительно были неблагодарны къ людямъ, которые дѣлали имъ добро [6]), а о прозвищѣ слѣпыхъ идетъ такой разсказъ: когда пизанцы отправились въ походъ на Майорку, упросили флорентинцевъ быть на стражѣ ихъ города, а въ награду обѣщали подѣлиться съ ними добычей. Они привезли съ собой рѣзныя деревянныя врата и двѣ колонны изъ краснаго порфира, которыя обшили сукномъ; выборъ былъ предоставленъ флорентинцамъ, они выбрали колонны, которыя оказались сломанными. Оттуда, будто бы, прозвище слѣпыхъ; Боккаччьо не вѣритъ въ это объясненіе, а другого не находитъ [7]); онъ забылъ свое собственное, въ Географическомъ словарѣ [8]). — И далѣе Боккаччьо слѣдуетъ за Данте, называющаго флорентинцевъ стяжательными, завистливыми, надменными; развивая эти нареканія, авторъ включаетъ въ нихъ и себя: это реторическій пріемъ, притуплявшій жало: всѣмъ *намъ* прирождена стяжательность, *мы* завистливы

1) II, 104—105.
2) II, 339.
3) II, 111 слѣд.
4) II, 115—116.
5) I, 287—8.
6) II, 411.
7) II, 414—415.
8) Сл. выше стр. 445, прим. 2.

паче другихъ, и т. д. [1]). Но эта отрицательная оцѣнка взвѣшивается положительной; идеальный поклонникъ стараго Рима, Боккаччьо позволяетъ себѣ противорѣчить Данте [2]) заявленіемъ, что уже со временъ императоровъ Римъ былъ наполненъ всякимъ народнымъ отребьемъ, но самъ онъ проникнутъ тосканскимъ самосознаніемъ: мы должны благодарить Бога, что принадлежимъ къ этой, а не къ другой націи, если только слава страны сообщается и ея жителямъ; а Флоренція выше всѣхъ тосканскихъ городовъ, какъ голова благороднѣе другихъ членовъ тѣла [3]). Это—самосознаніе-ли Данте, или новый комплиментъ флорентинцамъ?

За толкованіемъ Божественной Комедіи по содержанію оставался не меньшій трудъ: объясненіе ея иносказательнаго смысла. Общій путь указанъ Данте, комментаторамъ оставалось развить подробности. Здѣсь Боккаччьо неистощимъ, какъ всегда методиченъ, нерѣдко доходя до наивности въ своей акрибіи. Онъ пристально присматривается къ всякой мелочи любимаго текста, ставитъ вопросы, недоумѣваетъ и старается выйти изъ недоумѣнія, помирить кажущіяся противорѣчія: почему напр. Лукреція попала въ число добродѣтельныхъ язычниковъ лимба, когда она убила себя, а самоубійцамъ уготовано въ аду другое мѣсто [4])? почему въ аду Сенека, тогда какъ, по убѣжденію Боккаччьо, онъ былъ христіанинъ [5])? почему Минотавръ, типъ яростнаго гнѣва, не карается вмѣстѣ съ гнѣвными [6])? Порой толкователь остается при своемъ недоумѣніи: Данте говоритъ, что обитатели лимба не ощущаютъ иныхъ страданій, кромѣ вздоховъ, между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ сказано (очевидно, метафорически) о пламени [7]); или Виргилій говоритъ Данте, что вскорѣ удовлетворено будетъ его тайное

1) II, 415—416.
2) II, 417.
3) II, 278—220.
4) I, 409 слѣд.
5) I, 402—3; сл. выше стр. 91.
6) II, 277.
7) I, 235.

желаніе; комментаторы пытались опредѣлить его, Боккаччьо заявляетъ откровенно, что оно ему неясно [1]). Самъ онъ пытается пролить свѣтъ тамъ, гдѣ все ясно, если не искать сокровеннаго смысла во всякомъ реторическомъ оборотѣ, въ поэтическомъ образѣ. А онъ всюду ищетъ аллегоріи и находитъ ее, тѣмъ легче, что по его теоріи, скрѣпленной примѣрами Св. Писанія, раздѣлявшейся и другими толкователями, каждый образъ можетъ имѣть нѣсколько значеній: Церберъ напр. означаетъ въ дантовскомъ Аду и любостяжаніе и чревоугодіе [2]). И вотъ безконечно-напрасныя усилія Данаидъ не что иное, какъ аллегорія женщинъ, которыя хорошатся и рядятся, часто не достигая цѣли [3]); подробно разбирается, примѣнительно къ пороку, наказаніе чревоугодниковъ [4]); у расточителей волоса острижены, ибо, по мнѣнію ученыхъ [5]), въ волосахъ нѣтъ влаги и ничего полезнаго здоровью тѣла, почему они и выражаютъ иносказательно—мирскія блага, не приносящія никакой пользы нашимъ душамъ [6]). Гнѣвные истязаютъ себя сами, бьются головой, грудью и т. д.; голова—это мысли, намѣренія, рѣшенія гнѣвнаго человѣка, грудь означаетъ жизненныя силы питанія и т. д. [7]). Наконецъ — хвостъ Миноса, которымъ онъ опоясываетъ себя столько разъ, сколько круговъ слѣдуетъ пройти грѣшнику, чтобы достигнуть назначеннаго ему мѣста; и этотъ реалистическій образъ находитъ неожиданное толкованіе: хвостъ, крайняя часть тѣла, означаетъ послѣднюю часть нашей жизни, нравственное содержаніе которой и опредѣляетъ рѣшеніе Божьяго суда [8]), ибо Миносъ—Божіе правосудіе [9]).

Важнѣе частныхъ аллегорическихъ толкованій и хитроум-

1) II, 217—18; сл. еще II, 385—6.

2) II, 89, 90 слѣд.

3) I, 95—6.

4) II, 39 слѣд.

5) Dottori.

6) II, 60.

7) II, 118—119.

8) II, 495—6; сл. Якопо Алигіери и Ottimo къ Inf. V, 11.

9) II, 490.

ныхъ сближеній было проникнуть въ общій планъ дантовскаго иносказанія, проникнуться его духомъ. Авторъ старается подойти къ тому двумя путями. Съ одной стороны онъ выясняетъ себѣ систему адскихъ мукъ, представлявшую нѣкоторыя трудности. Въ XI-й пѣснѣ Ада Данте даетъ нѣсколько сбивчивыя указанія: до седьмого круга, говоритъ онъ, караются грѣхи *невоздержности* [1]); далѣе злоба, *malizia*, достигающая своихъ цѣлей *насиліемъ* или *обманомъ* [2]). Это распредѣленіе слѣдуетъ помирить съ другимъ, аристотелевскимъ: *невоздержность*, злоба или коварство—*malizia*, и неразумное звѣрство — la matta *bestialitade* [3]). Bestialità отвѣчаетъ насилію первой схемы, malizia ея обману; если внести въ нее эти опредѣленія, то получится распорядокъ Боккаччьо [4]): incontinenza, bestialità, malizia. Съ этой точки зрѣнія насильники относятся ко второй категоріи, bestiale [5]); и это было бы ясно, если бы при другомъ случаѣ [6]) Боккаччьо не припомнилъ перваго дантовскаго дѣленія, относящаго насиліе къ проявленіямъ malizia. Но это внѣшній недочетъ, объясняемый излишнимъ вниманіемъ къ слову дантовской системы. — Любопытно, какъ расширилъ Боккаччьо понятіе bestialità: у Данте положеніе ереси въ лѣствицѣ грѣховъ не опредѣлено, можетъ быть, сознательно не выяснено; онъ могъ колебаться въ пріуроченіи, но, помѣстивъ ересіарховъ непосредственно за невоздержными, невольно вызываетъ вопросъ: не относилъ ли онъ ересь къ категоріи невоздержности; мы подскажемъ: невоздержности мысли. Ею еретики погрѣшили, не желая оскорбить Бога, напротивъ, полагая, думая услужить ему [7]). Съ этимъ согласенъ и Боккаччьо; тѣмъ не менѣе его выводъ не стоитъ на уровнѣ дантовской гуманности: ересь отнесена у него къ звѣрству или скотоподобію; развѣ не скотоподобны [8]) напр.

1) Incontinenza. 2) Con *forza* o con *frode*, Inf. XI, 22 слѣд.
3) L. c. 82 слѣд. 4) II, 192; сл. 259—60.
5) II, 274—5, 314. 6) II, 250.
7) Сл. мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха № XII, стр. 128. Иначе Francesco D'Ovidio, Della topografia morale dell'Inferno Dantesco, Nuova Antologia 1894, 15 Sett., стр. 202 слѣд. 8) Bestiali.

еретики, утверждавшіе, что послѣ Целестина не было настоящаго папы? Изъ нихъ недавно сожгли болѣе шестисотъ, и по дѣломъ, за ихъ упрямство [1]). Упрямство — вотъ формула, при помощи которой аллегорически объясняются устройство и аксессуары «града Дита», гдѣ казнятся дантовскіе еретики: и самый городъ, и образы Горгоны и Медузы—символы упрямства, умственнаго коснѣнія [2]); фуріи — душевныя волненія, отвѣчающія этому состоянію духа.— Боккаччьо не написалъ бы теперь своей сатиры на «инквизитора нечестивой ереси» [3]).

Другой путь, которымъ онъ подходитъ къ выясненію внутренняго смысла Божественной Комедіи, намѣченъ его пониманіемъ ада [4]). Хожденіе по тремъ загробнымъ царствамъ только оболочка, весь процессъ понимается психологически, какъ совершающійся въ человѣческомъ микрокосмѣ [5]): это тревожная повѣсть человѣка, выходящаго изъ ада пороковъ и заблужденій [6]), путемъ познанія и помощью благодати, къ постепенному очищенію и прозрѣнію высшаго блага. Пороки —это звѣри, заступившіе путь Данте въ началѣ его аллегорическаго хожденія [7]); Виргилій — это разумъ или благодать содѣйствующая [8]); donna gentile—молитва, Лучія—божественное милосердіе [9]), Беатриче, которая въ началѣ труда отождествлялась съ теологіей [10]), является теперь спасающею благодатью [11]). Всѣ образы пристраиваются къ этому психологическому процессу, не безъ обильныхъ натяжекъ; не только Ахеронъ понятъ, какъ аллегорія бѣдственной человѣческой жизни, но и челнокъ Харона означаетъ наши вожделѣнія, его весло — наши тревожныя заботы [12]) и т. д.

1) II, 211 слѣд.

2) II, 193 слѣд., 125, 203, 208. То-же у Петрарки въ канцонѣ къ Богородицѣ (Medusa e l'error mio m'han fatto un sasso). Сл. Franc. Cipolla, La Medusa dell' Inferno dantesco. Venezia, 1893.

3) Дек. I, 6.

4) Сл. выше стр. 566.

5) I, 248.

6) I, 190, 288, 290—1.

7) I, 251.

8) I, 188; Pietro Alighieri: rationale philosophia.

9) Pietro Alighieri: gratia cooperans.

10) I, 90 и Pietro Alighieri.

11) I, 247—8: salvificante, beatificante.

12) I, 282 слѣд.

Весь анализъ предполагаетъ грѣховнаго человѣка вообще, но въ особенности самого Данте. На этотъ путь личнаго объясненія вступилъ уже сэръ Граціоло[1]); Боккаччьо приготовленъ былъ къ нему со времени дантовской біографіи, когда вмѣнилъ поэту порокъ сладострастія[2]); комментарій давалъ къ тому поводъ, когда Боккаччьо защищаетъ самосознаніе Данте, называющаго себя шестымъ въ сонмѣ великихъ поэтовъ древности[3]), или говоритъ о его благородномъ негодованіи[4]), или сообщаетъ мнѣніе[5]), что подъ двумя праведными людьми во Флоренціи[6]) Данте разумѣлъ себя и своего друга Кавальканти[7]). Но обыкновенно состраданіе, pietà Данте къ грѣшникамъ вызываетъ оцѣнку его личности, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскій ригоризмъ толкователя. Общая точка зрѣнія та, что къ грѣшникамъ грѣшно сострадать; если поэтъ обнаруживаетъ жалость, то къ самому себѣ, въ сознаніи, что и онъ повиненъ въ тѣхъ порокахъ, которые предстали ему въ образѣ аллегорическихъ звѣрей[8]). И вотъ онъ самъ заподозрѣнъ въ сладострастіи[9]), въ томъ, что порой чревоугодничалъ[10]), склоненъ былъ къ любостяжанію[11]), гнѣву[12]); грѣшенъ-ли онъ былъ въ содоміи — объ этомъ авторъ предоставляетъ судить другимъ, хотя Данте и сжалился надъ содомитами[13]), какъ разжалобился, слушая рѣчи Пьеро делле Винье— въ предчувствіи, что и самъ онъ станетъ жертвой зависти[14]).

1) Rocca, l. c., стр. 56.
2) Сл. выше стр. 292, 308.
3) I, 337—8; сл. Conv. tratt. I, c. 2.
4) II, 144.
5) Alcuni.... voglion dire.
6) Inf. VI, 73.
7) II, 14.
8) I, 185.
9) II, 474, 490—1.
10) I, 9—10.
11) II, 54—5, 59.
12) II, 281.
13) II, 432.
14) II, 341.

Толкуя пророчество Брунетти Латини[1]), Боккаччьо говоритъ о неувядающей славѣ Данте; онъ самъ глубоко проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, но образъ поэта и человѣка выходитъ у него тусклѣе прежняго, нѣтъ графической опредѣленности того идеала, который онъ изобразилъ въ своей біографіи. Онъ расплывается въ мелочахъ, и тому причиной не одна лишь разбросанность комментарія, и притомъ комментарія недосказаннаго. Если-бы онъ былъ дописанъ, онъ достигъ-бы грандіозныхъ размѣровъ, но мы едва-ли бы отъ того выиграли: это старческій трудъ, любовно словоохотливый, педантски обстоятельный; сводъ чтеній и житейскихъ взглядовъ, окрашенный болѣзненнымъ ригоризмомъ — ибо страхъ смерти рѣдко позволяетъ намъ логически досказаться до конца нашего интеллектуальнаго развитія и незамѣтно сводитъ его къ покаянному настроенію; а мы знаемъ, что у Боккаччьо этотъ поворотъ намѣченъ былъ съ половины 50-хъ годовъ. Кромѣ того комментарій былъ, очевидно, и не выработанъ окончательно: остались двадцать четыре тетради и четырнадцать тетрадокъ — можетъ быть, замѣтокъ и выдержекъ. Эти подробности раскрываются намъ изъ ссуднаго дѣла, начавшагося между наслѣдниками Боккаччьо 20-го февраля 1376-го и рѣшеннаго 18-го апрѣля слѣдующаго года.

Мы знаемъ[2]), что онъ завѣщалъ свою библіотеку брату Мартину изъ Синьи; комментаріи были въ работѣ и могли не считаться въ составѣ библіотеки; такъ понимали дѣло нѣкоторые изъ исполнителей духовной, между прочимъ братъ Боккаччьо, Яковъ, тогда какъ братъ Мартинъ показывалъ, что тѣ тетради принадлежатъ ему, какъ вѣдающему книгохранилище. Въ виду этого разногласія Яковъ передалъ тѣ тетради, съ согласія брата Мартина, одному изъ исполнителей завѣщанія, Франческо ди Лапо ди Бонамики, съ тѣмъ, чтобы онъ и два другіе исполнителя, Бардуччьо ди Керикини и Аньоло Торини,

1) II, 410.

2) Сл. выше стр. 96, 551.

порѣшили между ними спорный вопросъ; но братъ Мартинъ не пожелалъ подвергнуться ихъ рѣшенію, ибо имъ не довѣрялъ; вслѣдствіе этого Яковъ обратился къ суду съ просьбой вернуть ему тѣ тетради, стоимость которыхъ онъ оцѣнилъ въ восемьнадцать флориновъ золотомъ, или и болѣе. Спрошенный на судѣ, отвѣтчикъ показалъ, что дѣйствительно тѣ тетради переданы ему на храненіе, но что отдать ихъ онъ не можетъ, пока не порѣшено будетъ, кому они принадлежатъ; въ случаѣ-же рѣшенія просилъ, чтобы каждому изъ исполнителей завѣщанія предоставлено было снять съ нихъ копію. Такъ какъ изъ пяти человѣкъ двое были сторонѣ Якова, судъ рѣшилъ дѣло въ его пользу [1]).

II.

Болѣе, чѣмъ эта внѣшняя исторія боккаччьевскихъ чтеній, насъ интересуетъ впечатлѣніе, произведенное ими на слушателей. Въ числѣ ихъ находился, по его собственному показанію [2]), Бенвенуто Рамбальди изъ Имолы (род. м. 1336—40-мъ гг., † 1390), изъ младшихъ гуманистовъ перваго поколѣнія, хотя и съ значительной средневѣковой подкладкой, авторъ двухъ компилятивныхъ трудовъ по римской исторіи [3]), комментаторъ Виргилія и трагедій Сенеки, Фарсалій Лукана и Валерія Максима, Петрарковыхъ эклогъ и Божественной Комедіи, которую въ 1375-мъ году онъ публично толковалъ въ Болоньѣ.

Вліянія Боккаччьевскихъ чтеній на его комментарій свѣже, хотя неравномѣрно: онъ повторяетъ, слѣдомъ за Боккаччьевской Vita di Dante, легенду о нахожденіи первыхъ семи пѣсенъ Ада [4]) — безъ позднѣйшей оговорки автора [5]); ссылается на De Montibus

1) Manni, Storia del Decamerone, P. I, стр. 104—6.
2) Comm. V, 145.
3) Romuleon и Augustalis libellus.
4) Comm. I, 274.
5) Сл. выше стр. 563.

и объясняетъ, согласно съ нимъ, прозвище флорентійцевъ «слѣпыми» въ связи съ исторіей Аннибала, и тотчасъ же даетъ другое объясненіе, то самое, которое мы находимъ и въ комментаріяхъ Боккаччьо, но безъ ссылки на него [1]). Онъ, можетъ быть, не все записалъ, или Боккаччьо могъ впослѣдствіи кое-что измѣнить въ текстѣ своихъ теченій. Иногда Бенвенуто разногласитъ съ своимъ учителемъ, не вѣритъ въ Виргилія мага и чудеснаго строителя [2]), но напр. въ объясненіи миѳа о рожденіи Аполлона и Діаны на Делосѣ онъ даетъ иносказаніе Генеалогій [3]); оттуда или изъ комментарія идетъ, вѣроятно, и упоминаніе Пронапида [4]). Онъ не только знаетъ всѣ латинскіе труды Боккаччьо [5]), но и цитуетъ ихъ и пользуется ими [6]), изъ итальянскихъ особенно жизнеописаніемъ Данте [7]) и Декамерономъ: онъ пересказываетъ нѣсколько новеллъ, ссылается на ихъ типы [8]); когда онъ говоритъ о «сладости болонской крови» [9]) — это напоминаетъ восклицаніе Боккаччьо: О чудесная сладость болонской крови! [10]). У него самого очевидно пристрастіе къ забавнымъ розсказнямъ, не даромъ онъ называетъ Боккаччьо ревностнымъ собирателемъ всякихъ потѣшныхъ исторій [11]). Отъ него онъ слышалъ многое, не нашедшее мѣста въ боккаччьевскихъ чтеніяхъ: объясненіе флорентинизмовъ [12]),

1) I, 513—14. Сл. выше стр. 445 прим. 2.

2) II, 89, III, 86.

3) III, 544—5. Сл. выше, т. I, стр. 97.

4) IV, 306.

5) V, 164.

6) De Montibus et Fluminibus I, 124, 509, 514; De Casibus III, 536.

7) I, 76, 79, 274; 339 съ ссылкой; 515: то-же; III, 393, 455.

8) Сл. Com. I, 95—6 = Дек. I, 2; Com. III, 169 слѣд. = Дек. X, 2 съ указаніемъ; Com. III, 265, V, 262: ссылка на Дек. I, 1; Com. III, 314=Дек. VI, 9; Com. III, 388—9: ссылка на Дек. V, 4; Com. III, 392: ссылка на Дек. V, 8; Com. IV, 382=Дек. X, 6.

9) Dulcis sanguinis II, 16. Тоже въ глоссахъ къ Documenti d'Amore Барберино, сл. Antognoni, Saggio di studi sopra la Div. Comm. di Dante, Livorno, 1893, стр. 70—1.

10) Дек. VII, 7 = пер. II, 76 Сл. еще I, 284 и Дек. IX, 8; I, 545: Guglielmo Borsiere (Дек. I, 8).

11) III, 392: curiosus inquisitor omnium delectabilium historiarum.

12) I, 47, 50, V, 140 и passim.

свѣдѣнія о мѣстныхъ нравахъ, анекдоты о библіотекѣ Monte Cassino [1]). Флорентинцы напр. зовутъ lonza = рысь — пардомъ; однажды, когда вели парда по улицамъ, мальчишки заголосили: Посмотри-ка, какой пардъ! [2]). Либо Боккаччьо слышалъ отъ стариковъ, что когда мальчишка бросалъ камнемъ или грязью въ статую Марса, ему грозили: Ты плохо кончишь! И въ самомъдѣлѣ, вторитъ Бенвенуто, я зналъ такихъ двоихъ: одинъ утонулъ, другого повѣсили [3]). Когда Бенвенуто приходится истолковать, что такое Marzucco въ Purg. VI, 18, онъ предпочитаетъ изъ двухъ объясненій — объясненіе Боккаччьо, ибо ему онъ больше вѣритъ [4]), называетъ его (и Петрарку), говоря о чревоугодіи флорентинцевъ [5]), о Джьотто [6]); ссылаясь на мнѣніе лучшихъ флорентинцевъ о мстительности ихъ согражданъ [7]), вторитъ укорамъ Боккаччьо, вживается въ его отрицательное міросозерцаніе, когда громитъ флорентинскую роскошь, ведущую къ сладострастію. Ихъ женщины живутъ въ царскихъ покояхъ [8]), страсть къ нарядамъ, противъ которой безсильны всѣ городскія постановленія, развилась въ цѣлое искусство — и Бенвенуто парафразируетъ [9]) обличенія De Casibus [10]), упоминая сатиру Geri d'Arezzo, написанную въ стилѣ Апулея, и обличая флорентинцевъ, что они ѣдятъ и пьютъ, прежде чѣмъ отправиться въ церковь или на свадьбу. Какъ Боккаччьо [11]) онъ нападаетъ на кротоподіе мужчинъ, на ихъ пристрастіе къ иностраннымъ модамъ, и также проникается итальянскимъ самосознаніемъ: заимствуютъ

1) V, 301—2; сл. выше стр. 93—4.
2) I, 35.
3) I, 461.
4) III, 171—2.
5) I, 227.
6) III, 302—313.
7) II, 391.
8) V, 147.
9) IV, 62.
10) Сл. выше стр. 267—8.
11) Сл. выше стр. 575.

не только моды, но и французскій языкъ, утверждая, что нѣтъ его краше; а вѣдь онъ ублюдокъ [1]) латинскаго; не умѣя произносить cavaliero, signor, они произнося chevalier, sir; вмѣсто того, чтобы сказать: говорить по народному, vulgariter, они выражаются: говорить по романски, romanice, и произведенія на этомъ языкѣ зовутъ romancia [2]). Весь этотъ бредъ иностраннымъ явился съ тѣхъ поръ, какъ флорентинцы разбрелись по свѣту, но это не мѣшаетъ однако сознаться, что именно эти люди, замѣнивъ нелѣпые идіотизмы болѣе приличными выраженіями, говорятъ лучше и чище, чѣмъ тѣ, которые засидѣлись дома [3]).

Во всѣхъ этихъ общихъ мѣстахъ чувствуется печать флорентинскаго руководителя—Боккаччьо. Боккаччьо—это не только слава Чертальдо [4]), но и слава Флоренціи, какъ всегда неблагодарной къ своимъ великимъ сынамъ: Данте, Петраркѣ, къ нему [5]). Боккаччьо, жертва неблагодарности, это Боккаччьо, заброшенный въ Чертальдо, больной, необезпеченный старикъ; такимъ узналъ его Бенвенуто; онъ зоветъ его своимъ учителемъ, достопочтеннымъ, мудрымъ, сладкорѣчивымъ, не Боккаціемъ [6]), а bucca aurea, устами, источающими сладость [7]); но мы отмѣтимъ другіе, болѣе сердечные эпитеты, подсказанные не литераторомъ, а человѣкомъ: милѣйшій, прекраснѣйшій, добрѣйшій изъ людей, добрый [8]).

Таково впечатлѣніе одного изъ слушателей Боккаччьо. Когда онъ умеръ, Саккетти помянулъ добромъ его дантовскія чтенія: Какъ намъ надѣяться, что возстанетъ Данте, когда нѣтъ никого,

1) Bastarda.
2) II, 409.
3) V, 160.
4) V, 164.
5) V, 191.
6) Отъ bocca = ротъ.
7) V, 163; сл. I, 79, V, 145: venerabilis; 124: suavis eloquentiae.
8) I, 35: suavissimus; III, 169: placidissimus; 171—2: a bono Boccatio; 265: placidissimus hominum.

кто былъ-бы въ состояніи истолковать его, а Джьованни читалъ намъ о немъ? [1]).

Между тѣмъ, его чтенія не всѣхъ удовлетворили; явились зоилы или зоилъ; изъ какого лагеря — сказать трудно; можетъ быть, изъ лагеря крайнихъ дантофиловъ, которымъ казалось святотатствомъ раскрывать глубокія тайны дантовской поэмы людямъ, того недостойнымъ. Уже въ XIV-мъ вѣкѣ существовало не только увлеченіе, но и самое имя *дантиста* [2]); были и богословы, всенародно заявлявшіе, къ великому смѣху Бенвенуто, что Беатриче Божественной Комедіи — просто женщина, спрашивавшіе: къ чему мнѣ слѣдовать ученію этой книги, когда въ ней такъ мало — теологіи? [3]). Другіе могли устранять толпу, какъ позднѣе Анжело Торини, повидимому, пріятель Боккаччьо [4]), упрекалъ Марсили, что тотъ принимаетъ у себя людей непосвященныхъ въ науку, даже женщинъ, и бесѣдуетъ съ ними о высокихъ предметахъ [5]). Такъ или иначе, но на Боккаччьо ополчились, его язвили стихами; уже его старая болѣзнь, чесотка, заставила его прекратить чтенія, когда онъ, больной, схватился за перо въ свою защиту, скорѣе въ извиненіе. Да онъ, пожалуй, виновенъ, друзья увлекли его къ неразумному шагу, побудила къ нему бѣдность, но онъ жестоко наказанъ; онъ страдаетъ и почти проситъ пощады. «Если я позорно предалъ музъ на поруганіе презрѣннаго люда и неразумно обличилъ передъ чернью ихъ сокровенныя прелести — то упрекать меня за эти проступки излишне, ибо Аполлонъ такъ сурово наказалъ меня за то въ моемъ тѣлѣ, что нѣтъ члена, въ которомъ бы не отзывалась боль. Я обратился

1) Corazzini, l. c. стр. 483.

2) Ben. de Imola Comm. III, 371; сонетъ анонима, вѣроятно, Менгино Меццани, къ Бернардо Каначчьо у Ricci, L'ultimo rifugio и т. д. стр. 265; сл. стихотвореніе Саккетти къ messer Antonio piovano eccelente *Dantista* e di quello lettore (Inc. Secche eran l'erbe).

3) Com. IV, 339—40.

4) Сл. выше стр. 551.

5) Вилла Альберти стр. 95, 201.

въ мѣхъ, но онъ наполненъ не вѣтромъ, а тяжелымъ свинцомъ; я едва движусь; такъ всецѣло овладѣлъ мной недугъ, что у меня нѣтъ надежды на выздоровленіе, хотя я знаю, что Господь можетъ уврачевать меня» [1]). Слѣдующій сонетъ еще разъ пересказываетъ тѣ-же идеи: «Если Данте, гдѣ-бы онъ ни пребывалъ, опечаленъ тѣмъ, что его высокіе замыслы открыты были недостойной толпѣ, какъ ты выражаешься о моихъ чтеніяхъ — я скорблю и никогда не перестану негодовать на себя, хотя кое-что меня и поддерживаетъ — ибо не мнѣ принадлежитъ неразумная затѣя, а другимъ: обманчивая надежда и дѣйствительная бѣдность и заблужденіе друзей и ихъ просьбы — вотъ что побудило меня къ тому. Но не на пользу пойдетъ ученая (духовная) пища тѣмъ неблагодарнымъ ремесленникамъ, враждебнымъ ко всякому прекрасному, благому начинанію» [2]).

Когда нападки продолжались, Боккаччьо снова пишетъ безыменному хулителю: «Утомили меня и притупили твои стихи, направленные въ мое посрамленіе; хотя въ моемъ жалкомъ положеніи у меня едва хватаетъ времени на то, чтобы утолить мой чесъ, тѣмъ не менѣе, побуждаемый твоими стихами, я порой отвѣчалъ на то, на что метитъ твое перо; не въ Болоньѣ оно было очинено, если ты припомнишь, какъ суровы твои рѣчи! Довольно я твердилъ, что сожалѣю о своемъ неблагоразумномъ поступкѣ, но дѣла не вернешь; потому перестань и пощади меня, ибо даю слово, что никто болѣе не побудитъ меня къ столь ложному шагу» [3]). — Если слѣдующій сонетъ обращенъ къ тому-же критику, то Боккаччьо выходилъ иногда изъ терпѣнія, въ немъ вновь била жилка памфлетиста, и онъ грозилъ, какъ въ былое время Нелли: «Ты меня язвишь, а я вѣдь не изъ стали, и если твои уколы заставятъ меня заговорить, я такъ проберу тебя по швамъ, точно ты потревожилъ осиное гнѣздо. Мѣра переполнилась; довольно

1) Сонетъ VII.
2) Сон. VIII.
3) Misfatto, сон. IX.

съ тебя, Бога ради! Не заставляй меня повѣдать въ стихахъ о твоихъ мерзостяхъ, ибо я окажусь другимъ, чѣмъ тебѣ кажется; а разъ слово вылетѣло, его не вернешь, поздно будетъ говорить: А я думалъ.... Если у тебя чешется рука, безразсудная любовь, фортуна дадутъ тебѣ богатый матерьялъ, пусть твое остроуміе ими и тѣшится» [1]).—И затѣмъ у Боккаччьо являлись моменты самосознанія, какъ въ защитѣ Декамерона, безыменный хулитель отождествлялся для него со всей ремесленной толпой, которая не въ состояніи была понять его, не признала; онъ даже счастливъ мыслью, что прервалъ свои чтенія, оставилъ своихъ слушателей на полупути безъ нравственнаго руководства, ибо такой именно цѣли должны были служить его лекціи; они его недостойны. «Я посадилъ неблагодарную толпу на корабль, безъ сухарей и кормчаго, и покинулъ въ морѣ, ей невѣдомомъ, хотя она и считаетъ себя свѣдущей и знающей. Я еще надѣюсь, что слабое, непрочное судно станетъ вверхъ дномъ и что всѣ потерпятъ крушеніе, даже умѣющіе плавать; а я буду смѣяться, стоя на высотѣ, это будетъ мнѣ утѣшеніемъ за понесенныя обиду и обманъ; стану упрекать ихъ за стяжательность, за обманные лавры [2]), умножая тѣмъ ихъ скорбь и тяготу» [3]).

Въ такомъ-то расположеніи духа, больной и раздраженный, Боккаччьо уѣхалъ въ Чертальдо. Частный неуспѣхъ, голоса изъ толпы поразили его, и начались обычныя колебанія самоанализа. Онъ полонъ сомнѣній: онъ въ самомъ дѣлѣ проституировалъ Данте; какъ могъ онъ на то рѣшиться? Ему припоминаются уговоры друзей. И затѣмъ онъ обрушивается на непонятливую грубую толпу, занятую стяжаніемъ, далекую отъ идеальныхъ стремленій, полную зависти; они завидовали его лаврамъ; не къ нимъ-ли стремились обманчивыя надежды, о которыхъ говорится въ послѣднемъ сонетѣ? Друзья, надежды, бѣдность—вотъ что на

2) Сон. XI.
2) Il beffato alloro.
3) Сон. X.

первыхъ порахъ онъ приводитъ въ свое извиненіе. Бѣдность «дѣйствительная» [1]), говоритъ онъ; мы знаемъ, на сколько въ этомъ заявленіи шаржа, поддержаннаго постоянными мечтами о независимой обезпеченности поэта, ученаго. Объ этой бѣдности говоритъ одно изъ послѣднихъ его писемъ, если не послѣднее письмо къ Петраркѣ, относящееся ко времени, когда онъ еще не выступалъ чтецомъ Божественной Комедіи. О содержаніи посланія мы можемъ заключить лишь изъ отвѣта Петрарки: это было письмо больного старика, ворчливо-любовное, назойливо-откровенное; я обездоленъ, стѣсненъ, забытъ, говорилъ онъ о себѣ; пусть такъ; ты обезпеченъ, славенъ—а все еще заботишься о славѣ, зарабатываешься не въ мѣру, держишь посты; побереги себя—хоть для меня. Петрарка зналъ дружбу къ нему Боккаччьо, ревнивую, навязывавшуюся съ совѣтами, полную болѣзненныхъ обереговъ; онъ привыкъ къ его нытью, къ общимъ, непорѣшеннымъ вопросамъ о меценатствѣ и свободѣ; понималъ и его настроеніе въ глухомъ захолустьѣ Чертальдо. Тѣмъ не менѣе письмо подѣйствовало непріятно. Сначала онъ не хотѣлъ отвѣчать на него, а вздумалъ послать Боккаччьо свой переводъ послѣдней новеллы Декамерона, Гризельды; но затѣмъ онъ взялся за перо и обстоятельно отвѣтилъ; письмо подписано 28-мъ апрѣлемъ 1373-го года; и письмо и новелла, помѣченная (въ окончательномъ видѣ) 4-мъ іюля, залежались у него, по обыкновенію, и лишь два мѣсяца спустя онъ отправилъ ихъ съ коротенькимъ посланіемъ, вмѣсто введенія, гдѣ обозначенъ былъ и порядокъ, въ которомъ письма слѣдовало читать. Этого порядка придержимся и мы.

Я рѣшился не отвѣчать на твое письмо, ибо хотя въ немъ было много полезныхъ мыслей, подсказанныхъ дружбой, наши точки зрѣнія во многомъ расходились. Затѣмъ у меня явилась мысль написать тебѣ о другомъ сюжетѣ (переводъ Гризельды); въ оригиналѣ много было поправокъ, и я взялся было за пере-

1) Vera povertate.

писку, когда мнѣ, почти постоянно больному, явился на помощь пріятель. Пока онъ писалъ, я подумалъ: Что то скажетъ обо мнѣ мой другъ Джьованни? Что диктую тому человѣку ненужное, а на нужное не отвѣчаю! Тогда, болѣе по увлеченію, чѣмъ по зрѣломъ размышленіи, я снова взялся за перо и отвѣтилъ на твое посланіе. Оба письма пролежали у меня болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что не находилось гонца. Прочти сначала собственноручное, потомъ то, что писано другой рукою. Дочтя его до конца, ты скажешь, усталый: Такъ вотъ каковъ мой другъ, больной, занятый старикъ? Ужь не писалъ-ли кто-нибудь другой, здоровый, молодой, не знающій, что ему дѣлать? А между тѣмъ это я самъ, и я самъ дивлюсь на себя [1]).

Слѣдуетъ собственноручное письмо Петрарки. Онъ былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что разсказывалъ ему о себѣ Боккаччьо, хотя издавна привыкъ къ подобнаго рода вѣстямъ. Надо признаться, плохо ты надѣленъ дарами Фортуны, которые философы не считаютъ благами, хотя для жизни они—поддержка. Это печалитъ меня, и я вознегодовалъ бы на судьбу, еслибъ все, чтобъ ни случалось, не зависѣло отъ высшей воли. Господь далъ тебѣ болѣе, чѣмъ другимъ смертнымъ, поставилъ тебя выше многихъ современниковъ, а въ видѣ восполненія, можетъ быть, праведнаго, хотя грустнаго, сдѣлалъ тебя Лактанціемъ или Плавтомъ нашего времени, пославъ тебѣ, вмѣстѣ съ умомъ и краснорѣчіемъ, и бѣдность.—Петрарка приглашаетъ друга вдуматься въ свое положеніе и рѣшить, захотѣлъ-ли бы онъ помѣняться съ людьми, обезпеченными мирскими благами. На его долю выпало нѣчто болѣе драгоцѣнное, онъ можетъ сказать съ Гораціемъ: Вокругъ тебя мычатъ сотни стадъ, сицилійскія телки, ржутъ кобылицы, годныя въ упряжь; твоя одежда дважды окрашена въ африканскій пурпуръ; что до меня, то Парка, не знающая обмана, судила мнѣ крохотное поле, духъ греческой музы и презрѣніе къ завидующей толпѣ.—Добродѣтельному человѣку нѣтъ

1) Sen. XVII, 1.

причины жаловаться на отсутствіе временныхъ благъ, заключаетъ Петрарка, переходя ко второй части письма Боккаччьо, которая поднимала личный вопросъ. Петраркѣ не разъ приходилось отвѣчать на него. Ты даешь мнѣ понять, пишетъ онъ, что моя судьба сложилась для меня счастливо и богато; если такъ, то и твоя не такъ бѣдственна. Пойми это разъ на всегда, это вѣрно; замѣни эпитетъ: богатый другимъ: средственный, вмѣсто счастливаго поставь свободный отъ заботъ, и ты ближе подойдешь къ истинѣ. Какъ бы то ни было, я нѣсколько разъ говорилъ тебѣ, чего теперь не стоило бы повторять: будь у меня кусокъ хлѣба, я раздѣлилъ бы его съ тобою поровну.—Тебя тревожатъ мои недуги, пишешь ты; меня это не удивляетъ: никто изъ насъ не можетъ быть здоровымъ, когда болѣетъ другой. Ты говоришь, что причина тому старость, и напоминаешь мнѣ мои лѣта; я ихъ не скрываю, жалѣю только, что не употребилъ ихъ на лучшее, и стараюсь въ вечерній часъ исправить не сдѣланное въ теченіи дня; исправить и въ жизни и въ писаніяхъ. А ты убѣждаешь меня отдохнуть, успокоиться, хочешь увѣрить, что я не только много пожилъ, но и много поработалъ — и могу остановиться на пути! Но у меня совсѣмъ другое намѣреніе: я, напротивъ, хочу удвоить шаги. Меня удивляетъ такой совѣтъ, исходящій отъ человѣка, который самъ ему не слѣдуетъ. Такъ вѣрные совѣтники не поступаютъ. При этомъ ты дѣйствуешь очень тонко и искусно; если-бы ты не любилъ меня, не былъ-бы моимъ вторымъ я, я сказалъ бы, что ты шутишь; но тебя ослѣпляетъ твоя дружба. Ты говоришь, что моя слава распространилась отъ востока до запада, что̀ еще смѣшнѣе—среди эѳіоповъ и гиперборейцевъ; удивляюсь, какъ могли тебя въ этомъ увѣрить; я такъ думаю, что и въ Италіи меня едва-ли хорошо знаютъ, и сомнѣваюсь, чтобы былъ на свѣтѣ человѣкъ съ меньшимъ о себѣ мнѣніемъ, чѣмъ я. А ты хочешь обмануть меня, вселить самомнѣніе; къ чему это? Я былъ убѣжденъ, что никто лучше тебя меня не знаетъ, и охотнѣе повѣрю всему, чѣмъ заподозрить твою дружбу.

Но, положимъ, я извѣстенъ, и даже далеко извѣстенъ; вѣдь это только лишнее побужденіе трудиться. Я не отказываюсь отъ твоей похвалы, что въ Италіи, а, можетъ быть, и внѣ ея, я возбудилъ многихъ къ нашимъ занятіямъ, запущеннымъ въ теченіи столѣтій. Я старѣйшій изъ работниковъ въ этой области, но я не понимаю твоего заключенія, что мнѣ слѣдуетъ остановиться, дать мѣсто юнымъ талантамъ, дабы обо мнѣ не сказали, будто я все желалъ написать самъ. У насъ одни и тѣ-же стремленія, но какъ разны наши взгляды! Много остается еще сдѣлать, писалъ Сенека Луцилію, много останется, и черезъ тысячу лѣтъ никто изъ нашихъ потомковъ не будетъ лишенъ возможности еще прибавить къ тому, что сдѣлано.

Не знаю, какимъ образомъ Боккаччьо переходилъ далѣе къ вопросу о меценатствѣ; онъ у него наболѣлъ издавна; Петрарка защищался, какъ всегда. Ты говоришь, что большую часть жизни я провелъ въ услуженіи правителямъ. Дабы ты не заблуждался, вотъ истинное положеніе дѣла: видимо я жилъ съ ними, на самомъ дѣлѣ они жили со мною. Я присутствовалъ порой на ихъ совѣщаніяхъ, рѣдко на ихъ пиршествахъ; никогда я не могъ бы принять условій, которыя чѣмъ-бы то ни было стѣснили бы мою свободу и и занятія. Когда всѣ шли во дворецъ, я направлялся въ лѣсъ, либо отдыхалъ у себя съ моими книгами. Если бы я сталъ утверждать, что не потерялъ ни одного дня, я сказалъ бы неправду: много я ихъ потерялъ (не дай Богъ сказать, что потерялъ всѣ), то по лѣни, то по болѣзни и душевнымъ тревогамъ.— Петрарка высчитываетъ, сколько времени у него ушло собственно на служебныя обязанности; счетъ вѣрный, всего семь мѣсяцевъ, но въ него не входятъ годы пребыванія при дворахъ, а лишь — дѣловыя посольства. Такъ онъ обошелъ главный вопросъ, тревожившій его друга; но онъ былъ свободенъ.

Письмо продолжаетъ устранять другіе аргументы Боккаччьо: тотъ убѣждалъ Петрарку умѣрить работу; если прежде бывали примѣры такой выдержки, то это объясняется долголѣтіемъ древнихъ, у которыхъ нынѣшніе старики считались молодыми.

Петрарка опровергаетъ его воззрѣніе: продолжительность человѣческой жизни осталась та-же, говоритъ онъ; еще недавно знаменитый анахоретъ, Ромуальдъ изъ Равенны, достигъ 120-тилѣтняго возраста, несмотря на посты и бдѣнія, отъ которыхъ ты меня всячески удерживаешь. Не думай, чтобы наши предкя, кромѣ развѣ патріарховъ [1]), жили дольше нашего; они были только дѣятельнѣе, а недѣятельная жизнь—безполезно потерянное время [2]).

Но у тебя есть и другіе доводы, которыми ты обходишь затрудненія. Дѣло будто бы не въ лѣтахъ, а въ разности темперамента, климата, питанія. Я согласенъ со всѣмъ, кромѣ — вывода: ты совѣтуешь мнѣ, говоря буквально, удовольствоваться тѣмъ, что въ стихахъ я сравнялся съ Виргиліемъ, съ Цицерономъ въ прозѣ; ссылаешься на мое вѣнчаніе въ Капитоліи. Относительно этого иные другого мнѣнія, и я съ ними: тотъ лавръ былъ преждевременнымъ, осѣнилъ не зрѣлое разумомъ чело; будь я старше, я не пожелалъ бы той чести: одни юноши любятъ блескъ, не прозрѣвая, къ чему онъ ведетъ. Вѣнецъ не сдѣлалъ меня ни ученѣе, ни краснорѣчивѣе, онъ возбудилъ ко мнѣ зависть, лишилъ спокойствія, далъ съ извѣстностью и тревоги; я многое могъ бы поразсказать тебѣ о томъ, чему бы ты подивился.

Твой послѣдній доводъ—это желаніе, чтобы я подольше пожилъ на радость моимъ друзьямъ, на утѣху твоей старости; ты хочешь, чтобы я пережилъ тебя; того желалъ и нашъ другъ Симонидъ (Нелли), желаешь и ты, братъ мой, и нѣкоторые друзья; я же хотѣлъ бы умереть раньше васъ, чтобы жить въ вашей памяти, бесѣдѣ, молитвѣ. Мнѣ противно было бы существовать въ обществѣ, гдѣ нравы такъ упали, забыты отеческія преданія, и итальянцы рядятся и коверкаютъ языкъ, стараясь прослыть варварами.

Ты просишь меня извинить тебя, что ты обратился ко мнѣ

1) Quibus existimo nullum penitus commercium literarum fuit.

2) Segnis et inutilis mora est.

съ совѣтами. Я не извиняю, а благодарю; твоя дружба сдѣлала тебя врачемъ для меня — не для себя самого. Тебя я не послушаюсь, а попрошу послушаться меня: если бы я послѣдовалъ твоему совѣту, я бы вскорѣ погибъ. Работа, занятія — пища для моей души; перестать работать значило бы отказаться отъ жизни. Свои силы я знаю; нѣтъ на землѣ большаго наслажденія, болѣе благороднаго, постояннаго, пріятнаго, вѣрнаго, какъ занятія литературой.

Прости меня, братъ мой; во всемъ я повѣрю тебѣ, только не въ этомъ. Какъ бы ты не возвеличивалъ меня, я не могу не стремиться — стать чѣмъ нибудь; если я чего нибудь стою, то возвыситься; если бы я былъ великимъ человѣкомъ, чего нѣтъ, то сдѣлаться еще болѣе великимъ, величайшимъ. Мнѣ сдается иногда, что-бы вы тамъ ни думали, что я еще начинающій; хотѣлось бы, чтобы смерть застала меня юнымъ, а такъ какъ это немыслимо, то по крайней мѣрѣ среди занятій или слезныхъ молитвъ. Будь здоровъ, думай обо мнѣ, будь счастливъ и мужайся [1]).

Письмо Петрарки полно энергіи, жизнерадостности, не смотря на видимое пренебреженіе къ жизни, идеальной любви къ труду, не смотря на лѣта. Боккаччьо удерживаетъ его пылъ, какъ отецъ стращаетъ ребенка, любуясь его головоломными шалостями — и самъ не вѣренъ себѣ дважды, вѣдь и самъ онъ продолжаетъ работать. При разности практическихъ воззрѣній и снаровки, у обоихъ были однѣ и тѣ-же стремленія; Петрарка это вѣрно замѣтилъ: они были идеалисты, жили въ царствѣ мысли, открывали ее и насаждали. Это сознаніе въ нихъ крѣпко; но изъ ихъ кружка остались они вдвоемъ, они берегутъ другъ друга, слѣдятъ другъ за другомъ съ любовью и болью, одинъ въ Падуѣ, другой въ Чертальдо. Кругомъ выросло новое поколѣніе; ихъ отрицательное отношеніе къ нему, сквозящее въ словахъ Петрарки, подсказано не одной

1) Sen. XVII, 2.

старческой брезгливостью, а и высотой ихъ идеальныхъ требованій. Но отзвуки нашлись: дальнѣйшее развитіе итальянскаго сознанія примыкаетъ къ именамъ Петрарки и Боккаччьо.

Петрарка не устаетъ работать; но какъ явилась у него идея пересказать реторической латынью новеллу о Гризельдѣ? Былъ-ли это случайный выборъ, какъ онъ даетъ то понять, или случай совпалъ съ цѣлями личнаго внушенія? Боккаччьо жаловался на свою горькую участь; Гризельда учила терпѣнію.

Какимъ-то образомъ попалась мнѣ въ руки книга, написанная тобою на отечественномъ языкѣ, вѣроятно, въ юности, такъ начинаетъ Петрарка. Не скажу, чтобы я прочелъ ее, это было бы невѣрно; трудъ обширный, написанъ въ прозѣ, для народа; къ тому же я былъ страшно занятъ, тревожили и военныя событія; я пробѣжалъ книгу, какъ странникъ, спѣшно, не останавливаясь, оглядывающій путь. Замѣтилъ я, что на твою книгу напали собаки, но что ты накричалъ на нихъ и отбился палкой; твой талантъ я знаю, знаю по опыту и тѣхъ людей, назойливыхъ и праздныхъ, которые хаютъ все, чего сами не хотятъ или не въ состояніи сдѣлать.

Твою книгу я перелистывалъ съ удовольствіемъ; иныя нѣсколько вольныя мѣста объясняются возрастомъ, въ которомъ ты ее писалъ, стилемъ, языкомъ, легкостью сюжета и соотвѣтствующимъ настроеніемъ читателей, которыхъ ты имѣлъ ввиду.— Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Петрарка внимательнѣе прочелъ начало и конецъ Декамерона, онъ хвалитъ описаніе чумы, но особенно прельстилъ его послѣдній разсказъ, ни въ чемъ не похожій на предшествующіе. Онъ такъ имъ заинтересовался, что, не смотря на массу заботъ, запомнилъ его, чтобы имѣть возможность пересказать его, при случаѣ, пріятелямъ. Случай вскорѣ представился, и всѣ были въ восторгѣ. Тогда, продолжаетъ Петрарка, у меня явилась идея, что такой прелестный разсказъ могъ-бы заинтересовать и людей, не знающихъ нашего языка; вотъ уже сколько лѣтъ, какъ онъ продолжаетъ мнѣ нравиться, да и ты счелъ его достойнымъ своего стиля и

помѣстилъ въ заключеніи своего труда, гдѣ реторика повелѣваетъ помѣщать лучшее — И вотъ въ одинъ прекрасный день, когда по обычаю я предавался своимъ мыслямъ, не довольный ни ими, ни собою, я вдругъ все бросилъ, и взявшись за перо, принялся пересказывать твою новеллу; полагаю, это доставитъ тебѣ удовольствіе; ни для кого другого я того-бы не сдѣлалъ. Слѣдуя указанію Горація я переводилъ не рабски, кое-гдѣ измѣнялъ и прибавлялъ и думаю, что ты не только позволишь это, но и одобришь. Тебѣ посвящены эти страницы, новелла возвращается, откуда пришла: ей знакомъ судья, и домъ, и путь; кто прочтетъ ее, будетъ знать, что за нее отвѣчаешь ты, а не я. Если меня спросятъ, дѣйствительное-ли это произшествіе или сказка, я отвѣчу съ Саллюстіемъ: отвѣтственность падаетъ на автора, то-есть на моего друга Джьованни. Послѣ этихъ объясненій я начинаю.

Передѣлка, которой Петрарка подвергъ новеллу Боккаччьо, характерна для реторики гуманистовъ, съ ея рѣчами и описаніями, общими мѣстами, не всегда идущими къ дѣлу, и благообразнымъ декорумомъ въ ущербъ реализму. «Давно тому назадъ въ родѣ маркизовъ Салуццо былъ старшимъ въ домѣ молодой человѣкъ, по имени Гвальтьери» — такъ начинается новелла Декамерона. Посмотримъ, какъ начинаетъ свой разсказъ Петрарка. «На западѣ Италіи изъ хребта Апеннинъ поднимается высокая гора Визо, вершина которой, прорывая облака, купается въ прозрачномъ эѳирѣ. Славная сама по себѣ, эта гора еще болѣе знаменита источникомъ По, который, выйдя изъ ея склоновъ малымъ ручейкомъ, направляется на восходъ солнца и, увеличенный множествомъ притоковъ, становится, послѣ непродолжительнаго бѣга, не только значительной рѣкой, но царемъ рѣкъ, какъ сказалъ Виргилій. Въ своемъ быстромъ теченіи онъ разсѣкаетъ на двое Лигурію, отдѣляетъ Эмилію, Фламинію, Венетію и, наконецъ, разбившись на множество огромныхъ вѣтвей, впадаетъ въ Адріатику. Страна, о которой идетъ рѣчь, представляетъ прелестную, открытую солнцу равнину, перерѣзанную

и окруженную холмами и горами; вслѣдствіе положенія у подножья горы ее и назвали Піэмонтомъ. Тамъ города и прекрасные крѣпости [1]), въ числѣ прочихъ, у подошвы Визо, и область Салуццо, усѣянная селами и замками, подвластная родовитымъ маркизамъ. Первымъ изъ всѣхъ и самымъ могущественнымъ былъ, говорятъ, нѣкій Гвальтьери, глава рода и области».

Петрарка ничего не измѣнилъ въ разсказѣ Боккаччьо, позволивъ себѣ лишь мелочныя перестановки, кое-гдѣ больше опредѣленности въ виду историческаго колорита. О дѣтяхъ, которыхъ Гвальтьери отдалъ на сторону, говорится, когда они вернулись, что дочкѣ было двѣнадцать лѣтъ, мальчику шесть; такъ у Боккаччьо; Петрарка вноситъ точную хронологію: между рожденіемъ дочери и сына прошло четыре года; два года отъ рожденія мальчика до той поры, когда отецъ отнялъ его у матери; счетъ оказывается вѣрнымъ. Новыми явились рѣчи: у Боккаччьо подданные Гвальтьери просятъ его жениться, у Петрарки ихъ выборный произноситъ витіеватое слово; говорятъ Гвальтьери и Гризельда. Когда у нея отняли перваго ребенка, Боккаччьо рисуетъ ея смиреніе, во второй разъ онъ ограничивается указаніемъ, что повторилось то-же; Петрарка сознательно повторяетъ и сцену, ибо такъ подсказывала ему его реторика. И у Боккаччьо дѣйствующія лица нѣсколько подняты надъ уровнемъ обычныхъ человѣческихъ ощущеній, предполагаютъ героческіе нервы; Петрарка изобилуетъ. Гвальтьери суровъ, но степенно мудръ: онъ избралъ себѣ жену не въ любострастномъ настроеніи юноши, но съ мудростью старика. Гризельда прежде всего благопристойна: когда, посватавшись за нее, Гвальтьери велитъ ее одѣть, какъ подобаетъ ея будущему сану, ея волосы растрепаны подъ брачнымъ вѣнкомъ; Гвальтьери спрашиваетъ ее передъ всѣми: Гризельда, хочешь-ли ты меня мужемъ себѣ? На что она отвѣтила: Да, Господинъ мой! Петрарка удалилъ и всклокоченныя волосы и реализмъ народнаго обряда. Его вкусъ требовалъ классическаго

1) Oppida.

спокойствія и классически-одностороннихъ характеровъ: Гризельда таитъ въ своей груди мужественное сердце, полное мудрости; въ ней нѣтъ колебаній, нѣтъ «ножей въ сердцѣ», когда у Боккаччьо, смиряя себя, она отвѣчаетъ Гвальтьери, любовь къ которому она не въ силахъ подавить въ себѣ. У Петрарки человѣчное чувство любви ушло безъ остатка въ статуарное чувство долга.

Пересказывая эту исторію, говоритъ Петрарка, я имѣлъ ввиду не женщинъ, для которыхъ примѣръ Гризельды недосягаемъ, а мужчинъ: пусть поучатся на немъ и терпѣливо, какъ Гризельда, переносятъ испытанія, посылаемыя имъ Господомъ; я назову ихъ героями.

Моя дружба къ тебѣ побудила меня, старика, къ дѣлу, на которое въ юности я бы не рѣшился. Быль это или сказка, я не знаю; говорятъ, что сказка, потому только, что ты ее написалъ.— Петрарка разсказываетъ о различномъ впечатлѣніи, которое она произвела на двухъ общихъ знакомыхъ: одинъ, падуанецъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и знанія, нѣсколько разъ прерывалъ чтеніе, такъ его душили слезы; другой, изъ Вероны, не обнаружилъ никакого волненія: это сказка, Гризельда съ ея безотвѣтнымъ терпѣніемъ и пониманіемъ супружескаго долга казалась ему немыслимой. Петрарка не желалъ обострить пріятельскую бесѣду, иначе у него были бы подъ руками примѣры древности: Курій и Кодръ, Порція, Ипсикратея, Алцестъ.

Въ числѣ многихъ, которыхъ влекла въ Падую слава Петрарки и которыхъ онъ занималъ назидательной повѣстью о Гризельдѣ, былъ и какой-то англійскій клеркъ. Такъ говоритъ Чосеръ въ прологѣ къ повѣсти о Гризельдѣ, пересказанной имъ по латинской парафразѣ Петрарки съ стилистическими мотивами, заимствованными изъ другихъ источниковъ [1]). «Я разскажу вамъ исторію, такъ начинаетъ клеркъ, исторію, которую я слышалъ отъ

1) Между прочимъ, изъ Gautier de Coinci. Сл. Academy № 1165 (Sept. 1, 1894), стр. 153.

одного достойнаго ученаго мужа, прославившаго себя словами и дѣлами. Его ужь нѣтъ, онъ заколоченъ въ гробу, и я молю Господа успокоить его душу. Звали того клерка Франдискомъ Петраркой; былъ онъ лавровѣнчанный поэтъ, котораго сладкозвучная реторика осіяла поэзіей всю Италію». Позволено-ли отождествить клерка съ Чосеромъ — вотъ вопросъ. Чосеръ былъ въ Италіи съ англійскимъ посольствомъ въ 1372-мъ и по декабрь слѣдующаго года, былъ въ Генуѣ и Флоренціи; Боккаччьо читалъ тогда свои лекціи о Божественной Комедіи и еще не зналъ, что Петрарка готовится подарить его латинской Гризельдой [1]); а Падуи англійское посольство не коснулось. Всего вѣроятнѣе предположить, что фигура клерка навѣяна письмомъ Петрарки, гдѣ онъ говоритъ, что любилъ разсказывать знакомымъ именно новеллу о Гризельдѣ [3]). Это можетъ отчасти объяснить, въ пересказѣ Чосера, умолчаніе имени автора Декамерона; въ другихъ случаяхъ такое умолчаніе кажется страннымъ: Чосеръ, такъ много обязанный Боккаччьо, не знаетъ, что онъ авторъ Филострато и Тезеиды, пользуется его De Claris Mulieribus, De Casibus, Генеалогіями и ни разу не цитуетъ по имени. Пересказывая въ своемъ Троилѣ и Крессидѣ поэму о Филострато, онъ называетъ своимъ источникомъ какого-то Лоллія, который является въ House of Fame однимъ изъ авторовъ, писавшихъ о Троянскихъ дѣяніяхъ; въ томъ-же Троилѣ и Крессидѣ переводитъ, съ именемъ Лоллія, 88-й сонетъ Петрарки, — котораго дважды называетъ въ Кентерберійскихъ разсказахъ [3]). Именно смѣшеніе Петрарки и Боккаччьо въ имени Лоллія показываетъ, что въ данномъ случаѣ Чосеръ слѣдовалъ наивному пріему средневѣковыхъ поэтовъ, маскируя свои источники воображаемымъ, древнимъ, иногда фантастическимъ именемъ. Легко предположить,

1) Этимъ устраняется мнѣніе Buchheim'a (Athenaeum, № 3470, April 28, 1894, стр. 541), что Чосеръ могъ достать у Боккаччьо переводъ Гризельды, сдѣланный Петраркой.

2) Сл. выше стр. 598.

3) The Clerc's Tale, The Monk's Tale.

что поэтическіе труды Боккаччьо могли дойти до него анонимными, вѣдь ни Петрарка ни Боккаччьо не ожидали себѣ отъ нихъ особой славы, а въ рукописяхъ имя могло выпасть. Остаются латинскіе труды, къ которымъ гуманисты привязывали свою репутацію, которыхъ собственность они ревниво оберегали. Въ этомъ случаѣ умолчаніе имени Боккаччьо характерно: его мало знали, тогда какъ Петрарка заставилъ говорить о себѣ.

III.

Письмо, или скорѣе, письма Петрарки, дошли до Боккаччьо, если дошли вообще, лишь по смерти его друга. Боккаччьо узналъ объ ихъ существованіи отъ Луиджи Марсили (1342—1394), ученаго августинскаго монаха, игравшаго извѣстную роль въ кружкѣ первыхъ почитателей вождей гуманизма. Флорентинецъ родомъ, онъ еще мальчикомъ поѣхалъ въ Падую, гдѣ Петрарка обласкалъ его и возложилъ на него надежды. Съ тѣхъ поръ юноша нерѣдко посѣщалъ его, и Петрарка его ободрилъ, училъ не слушаться тѣхъ, кто совѣтовалъ ему ограничиться богословскими штудіями и пренебречь литературными: богослову надо все знать, этимъ велики Лактанцій и Августинъ. Именно Августина особенно чтили и Петрарка и Боккаччьо; ихъ пріятели — августинцы: Мартинъ изъ Синьи, Марсили, Діонисій изъ Борго Санъ Сеполькро; экземпляръ Признаній бл. Августина, подаренный послѣднимъ Петраркѣ, попалъ отъ него къ Марсили. Въ монастырѣ Санъ Спирито, гдѣ братъ Мартинъ поставилъ библіотеку Боккаччьо, Марсили сталъ центромъ кружка, гдѣ впослѣдствіи бесѣдовали съ нимъ о высокихъ предметахъ Салутати, Робертъ деи Росси, Никколи и друг. Здѣсь оживало преданіе Августина, прошедшее сквозь призму Петрарки и Боккаччьо: литературныя, т. е. классическія чтенія должны были служить высшимъ цѣлямъ, защитѣ христіанскихъ истинъ, критикѣ существующихъ церковныхъ порядковъ. Петрарка побуждалъ своего

молодого друга писать противъ «бѣшенаго пса Аверроэса» [1]), Марсили громилъ пороки авиньонской куріи [2]); аллегористъ, какъ Боккаччьо и Петрарка [3]), онъ такъ усвоилъ фразу Цицерона, Виргилія, Сенеки, что она стала его собственной; его письма и комментаріи къ сонетамъ и тріумфамъ Петрарки (еще неизданные), къ канцонѣ Italia [4]) даютъ понятіе объ одномъ изъ интересныхъ типовъ умственнаго синкретизма, вышедшихъ изъ школы Петрарки и Боккаччьо.—Въ 1372-мъ году Марсили былъ на короткое время во Флоренціи; въ декабрѣ 1373-го года въ Падуѣ и Арквѣ; здѣсь онъ и могъ узнать о письмахъ, отправленныхъ Петраркой. Судя по посланію Боккаччьо къ Франческо да Броссано, прежде чѣмъ отправиться въ Парижъ для полученія ученой степени, Марсили снова посѣтилъ Флоренцію, иначе Боккаччьо не выразился бы по поводу писемъ, что такъ «утверждаетъ нашъ братъ Луиджи» [5]).

Петрарка какъ бы предчувствовалъ, что его письма не дойдутъ, что ихъ могутъ задержать гдѣ-нибудь на границахъ досмотрщики, падкіе на литературныя новинки. Онъ говоритъ объ этомъ въ коротенькой запискѣ отъ 4-го іюля 1374-го года [6]). Я узналъ, что два моихъ пространныхъ посланія не дошли до тебя, какъ не дойдетъ и это. Пограничная стража ихъ вскрываетъ; такъ ей приказано ихъ господами, которыхъ сознаніе ихъ тиранніи заставляетъ безпрестанно тревожиться и собирать слухи. Письма они вскрываютъ, и если въ былое время переписывали, что нравилось ихъ ослинымъ ушамъ, то теперь они упростили дѣло и отпускаютъ гонцовъ безъ писемъ. Вотъ эта-то возможность и лѣта и общая усталость заставляютъ Петрарку

1) Sen. XV, 6, 7.

2) Вилла Альберти, стр. 309, прим. 71 къ стр. 94.

3) L. c. стр. 94.

4) Comento a una canzone di F. Petrarca. Bologna 1863.

5) Сл. Fracassetti, Lettere Sen. v. 2, стр. 427—9; Novati, Epist. di Col. Salutati, lib. IV, 3 въ примѣчаніи 1 на стр. 243—4.

6) Fracassetti, Lettere Sen. v. 2, стр. 563, гдѣ она смѣшана съ предыдущимъ письмомъ Sen. XVII, 3 (Гризельда).

задуматься; онъ прекратитъ вообще всякую корреспонденцію, будетъ писать лишь о дѣлѣ, давно обѣщалъ себѣ быть краткимъ — а теперь расписался; правда, что съ друзьями легче молчать, чѣмъ воздержаться отъ болтовни. Впрочемъ, еще Катонъ сказалъ, что старость по природѣ болтлива. Прощайте друзья, прощайте — письма [1]).

Это было, въ самомъ дѣлѣ, его послѣднее письмо къ Боккаччьо: 18-го іюля 1374-го года онъ скончался въ Арквѣ, скончался, какъ того желалъ, за работой: утромъ его нашли въ рабочей комнатѣ, угасшимъ надъ твореніями какого-то латинскаго поэта. Другіе разсказывали, что онъ умеръ на рукахъ своего ученика, Ломбардо да Серико, и что съ послѣднимъ вздохомъ изъ его устъ вышло бѣлое облачко, которое, взлетѣвъ до потолка, повитало тамъ нѣкоторое время и исчезло. Это быль или сказка? спросилъ бы Петрарка. Быль воображенія; Петрарка долженъ былъ умереть не только какъ гуманистъ, но и какъ святой. — Въ своей духовной, составленной 4-го апрѣля 1370-го года, онъ не забылъ и стараго больного друга, завѣщавъ ему пятьдесятъ флориновъ золотомъ — на теплую одежду, въ которой онъ могъ-бы заниматься по ночамъ.

Смерть Петрарки произвела страшнуы пустоту среди людей, для которыхъ онъ такъ долго былъ нравственной связью, голосомъ совѣсти, показателемъ идеальнаго служенія наукѣ. Всѣ глаза устремлены на Аркву; раздаются сѣтованія и панегерики; одно время въ литературныхъ кружкахъ только о томъ и говорятъ и пишутъ (Салутати, Бенвенуто изъ Имолы и др.), что̀ сталось съ знаменитой Африкой, какъ сохранить это драгоцѣнное наслѣдье. Боккаччьо былъ пораженъ глубже другихъ, для него это была сердечная утрата, потеря своего второго я. Онъ любилъ Петрарку, покланяясь ему; не было у него милѣе разговора, какъ о немъ. Когда Колуччьо Салутати [2]) переѣхалъ во Фло-

1) Sen. XVII, 3.

2) Сл. выше стр. 524—5.

ренцію, гдѣ въ 1374-мъ году вступилъ въ должность нотаріуса при выборахъ [1]), ему случалось видѣться съ Боккаччьо; къ сожалѣнію рѣдко, писалъ онъ послѣ его смерти [2]), ибо у меня были занятія, а Боккаччьо былъ и грузенъ и старъ, да и жилъ большею частью въ Чертальдо [3]). Въ такихъ случаяхъ исключительнымъ предметомъ разговора бывалъ Петрарка: Боккаччьо распространялся въ похвалахъ ему, увлекался въ подробности, тѣмъ болѣе, что и меня, какъ онъ видѣлъ, это интересовало. «Намъ вдвоемъ доставало одного Петрарки, какъ достанетъ и потомству, заходило-ли дѣло о наставительности его рѣчи [4]), о строгомъ изяществѣ краснорѣчія, о красотѣ прозы и гармоніи метровъ; обо всемъ этомъ Боккаччьо говорилъ такъ краснорѣчиво и много, что теперь, послѣ его смерти, никому такъ не истолковать, и не у кого и научиться». У «сладчайшаго нашего Боккаччьо» Салутати познакомился и съ сатирами Петрарки противъ властителей, т. е. съ письмами безъ адреса [5]).

Въ любви Боккаччьо было много дѣтски-эгоистическаго, надоѣдливаго, приставанья и просьбы о помощи. Въ этомъ была ея сила надъ Петраркой. Когда онъ видимо нападалъ на друга, упрекалъ и просилъ объясненій, какъ въ дѣлѣ о Данте и Висконти, онъ имѣлъ ввиду себя, свои воззрѣнія, свою жизненную норму; онъ привыкъ повѣрять себя Петраркой и волновался, когда видѣлъ разногласіе. Страстный и неустойчивый, рьяный работникъ, внезапно отдававшійся бездѣлью, въ вѣчной погонѣ за самоопредѣленіемъ, онъ благоговѣлъ передъ изящнымъ спокойствіемъ Петрарки, передъ видимой ясностью его жизненныхъ цѣлей, его ровной энергіей. Петрарка и бодрилъ его и успокоивалъ; Боккаччьо зналъ, гдѣ ему искать помощи и совѣта; и вдругъ его «отца и учителя» не стало.

1) Notaio delle tratte.

2) Novati, l. c. III, № XXV, стр. 225.

3) Propter molem et etatem rusticationemque Iohannis.

4) In moralitate sermonis.

5) Novati, l. c. IV, 2, стр. 242—3.

19-го октября получилъ я твое печальное письмо, пишетъ Боккаччьо зятю Петрарки, Франческо да Броссано; лишь только я сломалъ печать и прочелъ твое имя, я понялъ, въ чемъ дѣло. Хотя никто изъ друзей не писалъ мнѣ о томъ, но кругомъ всѣ о томъ говорили, и я нѣсколько дней плакалъ безпрерывно—не о немъ, а о себѣ, бѣдномъ, оставленномъ. Никто не былъ ему такъ преданъ, какъ я. Я хотѣлъ было ѣхать, чтобы вмѣстѣ съ вами пролить слезы надъ его могилой, но вотъ прошелъ уже десятый мѣсяцъ съ той поры, какъ, читая публично о Божественной Комедіи, я заболѣлъ не столько опасной, сколько затяжной и мучительной болѣзнью; четыре мѣсяца, какъ побуждаемый пріятелями, я слѣдую совѣтамъ не столько врачей, сколько болтуновъ, а болѣзнь усиливается, снадобья и посты такъ повліяли на силы питанія, что я испытываю невѣроятную слабость. Доказательствомъ мое лицо; увы! другимъ видѣлъ ты меня въ Венеціи. Кожа повисла на когда-то полномъ тѣлѣ, цвѣтъ лица измѣнился, зрѣніе притупилось, ноги и руки дрожатъ; мнѣ не только не перейти черезъ гордыя вершины Апеннинъ, но я съ усиліемъ, при помощи нѣкоторыхъ друзей, добрался до роднаго поля въ Чертальдо, гдѣ полуживой, печальный, я пребываю въ бездѣльѣ, надѣясь лишь на Бога. Онъ властенъ надъ недугами.

Твое письмо обновило мое горе; я проплакалъ всю ночь, не о немъ, ибо я увѣренъ, что его нравы, его посты и молитвы, любовь къ Богу и ближнему, сподобили его вѣчной славы — но о насъ, которыхъ онъ покинулъ, какъ корабль въ бурю безъ кормчаго.

Боккаччьо опечаленъ, но какъ-же должны горевать Туллія и Франческо? Онъ пытается утѣшить ихъ: Сильванъ удалился туда, гдѣ вскорѣ будемъ и мы, онъ молится о насъ, успокоился. Это должно послужить намъ утѣшеніемъ, утолить слезы; успокой Туллію, женщины труднѣе переносятъ такія страданья; но ты, вѣроятно, уже сдѣлалъ это.

Петрарка распорядился, чтобы его похоронили въ Арквѣ; Франческо хочетъ поставить ему великолѣпный памятникъ. Бок-

каччьо восторгается: Арква будетъ соперничать съ Позилиппо, съ Томи и Смирной, хранящими прахъ Виргилія, Овидія, Гомера; мореплаватель, возвращающійся въ Адріатику съ дальняго востока, завидѣвъ Эвганскіе холмы, скажетъ пріятелямъ: вонъ холмы, хранящіе въ своихъ нѣдрахъ красу свѣта, того, кто былъ когда то святилищемъ всякаго знанія, сладчайшаго поэта Петрарку, вѣнчаннаго въ Римѣ по опредѣленію сената, произведенія котораго доставили ему такую славы. Арква будетъ мѣстомъ паломничества: сюда будутъ являться и черный индусъ, и свирѣпый испанецъ и сарматъ; бѣдная Арква будетъ вторымъ Назаретомъ. А Флоренція? Жалкая, она недостойна хранить прахъ столь великаго сына; она сама въ томъ виновна, ибо не съумѣла привлечь его къ себѣ при жизни. Но вѣдь нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ.

Великолѣпный памятникъ! Боккаччьо ничего противъ того не имѣетъ; людямъ понимающимъ онъ не нуженъ, но онъ можетъ быть полезенъ тѣмъ, кто поучается не по книгамъ, а на изображеніяхъ живописи и ваянія; онъ все-таки узнаетъ, кто здѣсь покоится, и слава достойнаго старца распространится. Но надо помнить, что порой забытая гробница почетнѣе великолѣпной, всѣмъ извѣстной. Гробница Помпея—это все пространство между Пелузіемъ и Канопомъ. Прежде чѣмъ взяться за дѣло, сообрази это.

О великодушіи Петрарки къ друзьямъ и ко мнѣ трудно разсказать въ немногихъ словахъ: скажу о томъ въ другой разъ, если придется, а пока лишь о себѣ. По многимъ его благодѣяніямъ я познялъ, какъ онъ любилъ меня, вижу это на дѣлѣ и теперь, и увѣренъ, что, если въ лучшей жизни это возможно, онъ еще любитъ меня и будетъ любить, не по моимъ заслугамъ, а потому что въ его нравахъ было сохранять дружбу ко всякому, кого онъ разъ счелъ своимъ; я-же принадлежалъ ему въ теченіе сорока лѣтъ и болѣе. — Боккаччьо порадовало, что Петрарка вспомнилъ о немъ въ своей духовной, завѣщавъ ему щедрую долю; онъ приметъ ее съ благоговѣніемъ и благодарностью; а между

тѣмъ это наслѣдство его печалитъ; пусть бы лучше пожилъ Петрарка!

Послѣдняя часть письма посвящена литературному наслѣдію друга. Что сталось съ его драгоцѣнной библіотекой? У насъ разсказываютъ разное. Что сталось съ Африкой? Извѣстно, что, недовольный своей поэмой, которая такъ и продолжала оставаться для всѣхъ привлекательной грёзой, Петрарка не разъ поговаривалъ, что хочетъ сжечь ее. Боккаччьо встревоженъ: неужели это совершилось, и та-же участь постигла и другія творенія его друга? Онъ слышалъ, что кто-то поручилъ кому-то разсмотрѣть ихъ и сохранить лишь тѣ, которые сочтутъ того достойными. Дивлюсь я невѣжеству поручителя, еще болѣе неразумной смѣлости судей. Кому быть судьей Петрарки? Ни Цицерону, ни Флакку, ни Марону; ужъ не всезнающимъ ли юристамъ? Сообщи, пожайлуста, будетъ-ли поступлено согласно съ рѣшеніемъ подобныхъ знатоковъ. Что сталось съ другими сочиненіями, что съ книжкой «Тріумфовъ», о которой идетъ слухъ, будто она сожжена по общему приговору ученыхъ? Пока я не узнаю, въ чемъ дѣло, не перестану тревожиться, ибо нѣтъ у науки бо̀льшихъ враговъ, какъ невѣжи; къ тому-же мнѣ извѣстно, сколько у достойнаго мужа было завистниковъ и хулителей, которые все перепортятъ, утаятъ, осудятъ непонятное имъ, по возможности уничтожатъ. Вотъ чего слѣдуетъ особенно остерегаться.

Въ концѣ посланія просьба: пришли мнѣ, если можешь, копію послѣдняго, пространнаго письма ко мнѣ Петрарки, гдѣ, должно быть [1]), онъ выразилъ свое мнѣніе по поводу того, о чемъ я ему писалъ: чтобъ онъ поберегъ себя отъ излишней работы; да еще списокъ послѣдней изъ моихъ новеллъ, которую онъ украсилъ своимъ стилемъ. Онъ самъ отправилъ ихъ, какъ увѣряетъ нашъ братъ Луиджи [2]), но они затерялись по пути по нерадѣнію гонцевъ, я думаю, по винѣ досмотрщиковъ [3]), нерѣдко присваиваю-

1) Ut credo.

2) Сл. выше стр. 603—4.

3) Opere praesidentium praesentationibus.

щихъ ихъ себѣ безправно. Я знаю, что налагаю на тебя трудъ, но съ другомъ я откровененъ.

Недугъ не позволяетъ мнѣ писать дальше; прощай, дорогой братъ, и будь здоровъ. Письмо я кончилъ въ Чертальдо, седьмаго ноября; какъ видишь, спѣшить я не въ состояніи: писалъ это коротенькое письмо почти три цѣлыхъ дня, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ, чтобы дать отдохнуть усталому тѣлу.—Письмо заключается одной изъ обычныхъ въ тогдашней эпистолографіи формулѣ: твой Джьованни Боккаччьо, недостойный?[1]).

Versus pro Africa Petrarchae[2]) написаны одновременно съ письмомъ къ да Броссапо, проникнуты тѣми-же опасеніями за судьбу поэмы, въ которой пріучились видѣть палладіумъ гуманизма. Краса и честь Италіи, благородная дщерь Петрарки представляется живымъ существомъ. Она покоится, а между тѣмъ отцы-венеты уже творятъ надъ нею судъ, исполняя волю отца—завѣщателя; одно лишь Милосердіе стоитъ за нее, плачутъ съ нимъ Музы. Пока судьи колеблются, и еще не поднялось пламя костра—отчего она медлитъ, почему не бѣжитъ участи, которая заставляетъ всѣхъ трепетать за нее? Если погибнешь ты, погибнетъ обновившаяся честь Италіи, латинскія Музы, лавровый вѣнокъ, возложенный на чело поэта римской десницей подъ тарпейской скалою; погибнетъ достохвальная поэзія[3]). Всѣ къ тебѣ взываютъ: бѣги костра и довѣрься рукамъ твоихъ благоговѣйныхъ поклонниковъ, живи еще долгіе годы, водворяя съ собою древнихъ авзонійскихъ музъ. Тебя зоветъ Римъ, гдѣ твои пѣсни если не возстановятъ, то развеселятъ руины, обновивъ память предковъ; гдѣ плачется прахъ того, чью память ты увѣковѣчила (Сципіонъ); онъ умоляетъ тебя—не обрекать его забвенію. Сѣтуютъ Кумы и Байи и Везевъ, тритоны слышали печальный

1) Tuus Iohannes Boccaccius, si quid est. Сл. Corazzini l. c. стр. 347; Voigt, Briefsammlungen, стр. 46—7.

2) Corazzini, l. c. стр. 243 слѣд.

3) Veneranda poesis.

голосъ великодушнаго Роберта, раздававшійся изъ его гробницы: онъ поминалъ обѣщаніе Петрарки — посвятить тебя ему, дабы на вѣки упрочить его славу. А развѣ не слышала ты гореванье вдовствующей Флоренціи, тщетно зовущей сына! Она ждетъ тебя одну, надѣясь, что ты утолишь ея печали; если она узнаетъ, что ты обращена въ пепелъ, она, ожесточившись, устремится къ смерти, станетъ молить Эринній: пусть погрузятъ онѣ въ царство тѣней ея имя, которое ты увѣковѣчила бы; Флоренція, славнѣе и могучѣе которой нѣтъ города въ Италіи! Итакъ, рѣшись и ты увидишь дивное: сотни городовъ разцвѣтутъ въ новомъ веселіи, народы воспоютъ великому Юпитеру, украсять дома цвѣтами, величая тебя до небесъ; всюду раздадутся подъ звуки киѳаръ пѣсни Аонидъ; поблекшій нынѣ лавръ пуститъ зеленыя вѣтви, молодымъ квиритамъ покажется, что наступили старые дни, и Сципіонъ покинетъ свою гробницу въ болотахъ Авзоніи и взыщетъ свой Римъ и сенатъ, чтобы обновить забытые тріумфы. Робертъ тихо успокоится въ своей могилѣ, увидѣвъ такое приращеніе своей славы, возстанетъ въ новомъ блескѣ и слава родины (Флоренціи), и отложивъ печальныя одежды, она облачится въ пурпуръ и возложитъ на главу вѣнецъ Этрурія. Не медли-же, приди; ты-же, родитель (Петрарка), воззри на свою дочь, помоги ей и укрѣпи ее, покажи путь, отгони преслѣдующихъ и не осуди друзей, если они не вѣрно блюдутъ твой завѣтъ. Такъ и великій цесарь преступилъ когда-то завѣтъ Виргилія относительно его божественной Енеиды — а ты вѣдь вмѣстѣ со мною одобрялъ его рѣшеніе.

Это былъ послѣдній гуманистическій кликъ Боккаччьо, полный тѣхъ-же радужныхъ надеждъ и мечтаній, какъ и встарь. Программа не измѣнилась, но и не упрочилась; вопросъ объ осуществимости даже не ставится, все дѣло въ полнотѣ ощущаемаго импульса, во внутренней энергіи, въ вождѣ, за которымъ идти, въ символѣ. И чѣмъ болѣе онъ окруженъ тайной, тѣмъ болѣе отъ него ждутъ, тѣмъ священнѣе онъ кажется. Святыня теряетъ отъ частаго употребленія, говаривалъ Боккаччьо. Таин-

ственность Африки объясняетъ прелесть ея культа; это—символъ гуманистическаго движенія, съ страстностью его стремленій и несущественностью практическихъ цѣлей.

Боккаччьо угасалъ, но въ немъ оживали воспоминанія. Среди нихъ возставалъ Петрарка, не Петрарка послѣднихъ лѣтъ, благолѣпно-учительный, гуманистъ-постникъ, а поэтъ на ряду съ Данте, съ Чино изъ Пистойи и своимъ старымъ пріятелемъ, Сеннуччьо дель Бене († 1349); Петрарка, молодой пѣвецъ Лауры. Самъ Боккаччьо снова видѣлъ себя молодымъ, забывались десятки лѣтъ научныхъ работъ, коллектаней, тревожныхъ самоопредѣленій, и воображеніе переносилось къ тѣмъ далекимъ годамъ, когда онъ былъ непосредственно счастливъ — любовью Фьямметты. Фьямметта и Петрарка — это двѣ половины его жизни, два идеала, гармонически смѣнившихъ другъ друга; такъ подсказывало ему его чувство, въ безсознательномъ желаніи внести единство въ разладъ дорогихъ воспоминаній; въ дѣйствительности былъ разладъ между наукой и любовью, но Фьямметта примирила его, идеализованная по дантовски, какъ въ сонетахъ на ея кончину. — Всего этого уже нѣтъ, и жить не стоитъ.

Таково настроеніе слѣдующаго сонета [1]). «Унесся ты, властитель дорогой, въ селенья тѣ, куда уповаютъ войти избранныя Богомъ души, разставшись съ этимъ грѣшнымъ міромъ. Ты тамъ теперь, куда нерѣдко тебя влекло желаніе лицезрѣть Лауру; ты тамъ, гдѣ моя красавица Фьямметта возсѣдаетъ вмѣстѣ съ нею передъ лицемъ Господа. Ты теперь съ Сеннуччьо, съ Чино и Данте, пребываешь въ сознаніи вѣчнаго покоя, созерцая то, что намъ является тайной. Молю тебя! Если я былъ милъ тебѣ въ этомъ бренномъ мірѣ, возьми меня къ себѣ, дабы я могъ увидѣть ту, что̀ впервые воспламенила меня любовью».

Боккаччьо скончался въ Чертальдо 21-го декабря 1375-го года. Еще 21-го августа 1365-го года, вѣроятно, передъ поѣзд-

1) № XCVI.

кой въ Авиньонъ, онъ написалъ свою духовную [1]); по второй, составленной 28-го августа 1374-го года и сохранившейся въ черновой (по итальянски) и въ оффиціальномъ латинскомъ актѣ [2]), главными его наслѣдниками явились его племянники, Боккаччьо и Антоніо, сыновья его брата Якова, подъ опекой отца и нѣсколькихъ душеприкащиковъ. Мы уже знаемъ, что бѣдность, на которую такъ часто жаловался Боккаччьо, была относительная, условная, въ томъ смыслѣ, что она не обезпечивала поэтическаго досуга. Еще 2-го іюля 1361-го года, передъ отъѣздомъ въ Неаполь, куда онъ взялъ съ собою и брата Якова, онъ уступилъ ему принадлежавшій ему во Флоренціи домъ [3]). По духовной онъ владѣлъ въ волости Чертальдо клочкомъ пахотной земли, виноградникомъ и двумя домами, изъ которыхъ одинъ разрѣшалось продать для покрытія его долговъ; то-же и для той-же цѣли дозволялось сдѣлать и съ другимъ его имуществомъ, за исключеніемъ книгъ, которыя поступали въ пожизненное пользованіе брата Мартина изъ Синьи, а по его смерти въ монастырь Санъ-Спирито [4]). Нѣсколько вкладовъ назначены церквамъ и церковнымъ братствамъ, между прочимъ монастырю Sanctae Mariae de Sancto Sepulcro del Pogetto sive delle Campora — завѣщаны всѣ мощи, которыя Боккаччьо собиралъ въ теченіи долгаго времени и съ большими трудами изъ разныхъ частей свѣта.—Сандрѣ, женѣ одного изъ душеприкащиковъ, Франческо ди Лапо Бонамики, приходившагося ему сродни [5]), Боккаччьо оставилъ образъ Божіей Матери съ Спасителемъ на рукахъ и изображеніемъ черепа на обратной сторонѣ. Не забыта и служанка, долго ходившая за нимъ, Бруна, дочь Чапко изъ Монтеманьо: ей должно быть выплачено недоданное жалованье, оставлена кровать, на

1) Manni, l. c. P. I, стр. 109.

2) Corazzini, l. c. стр. 415 слѣд. Я не имѣлъ въ рукахъ слѣдующаго изданія: Testamento di G. Boccaccio fatto nel 1374. Siena, Stab. tip. lit. Sordomuti.

3) Corazzini, l. c. стр. CII—CV.

4) Сл выше стр. 96, 551, 584.

5) Manni, l. c. P. I, стр. 125.

которой она спала, съ принадлежностями, съ стоявшей рядомъ скамейкой и цѣлымъ скарбомъ другихъ хозяйственныхъ мелочей. Старикъ обо всемъ позаботился.

Онъ завѣщалъ похоронить себя, на случай, если бы скончался во Флоренціи, въ церкви монастыря Санто-Спирито, а если бы умеръ въ Чертальдо, то въ церкви св. Якова. Тамъ онъ и былъ погребенъ. На доскѣ, покрывавшей его гробницу, вырѣзано было его поясное изображеніе и гербъ (лѣстница изъ четырехъ перекладинъ, положенная наискось справа на лѣво), надъ нею, на стѣнѣ, эпитафія, сочиненная самимъ Боккаччьо: «Подъ этимъ камнемъ лежатъ прахъ и кости Іоанна, душа его предстоитъ Богу, украшенная трудами земной жизни. Отцемъ его былъ Боккаччьо, родиной — Чертальдо, занятіемъ — священная поэзія».

Hac sub mole jacent cineres ac ossa Iohannis,
mens sedet ante Deum, meritis ornata laborum
mortalis vitae. Genitor Bocchaccius illi,
patria Certaldum, studium fuit alma poesis.

Подъ этими стихами — другіе, принадлежащіе Салутати. Почему такъ скромно отозвался ты о себѣ, поэтъ? спрашиваетъ онъ и перечисляетъ описательно его труды: эклоги, Географическій словарь, книги о великихъ мужахъ и женщинахъ, Генеалогіи боговъ. Никому изъ древнихъ ты не уступишь, тысячи трудовъ дѣлаютъ тебя славнымъ, никогда твое имя не будетъ забыто [1]).

Три дня спустя по смерти Боккаччьо (24 декабря 1375 года) Салутати извѣщалъ о томъ Франческо да Броссано [2]). Онъ надѣялся кончить стихотвореніе въ честь Петрарки и послать его Франческо, но занятія по новой должности отнимали у него время, а теперь явилась и новая причина скорби: умеръ нашъ Боккаччьо,

1) Aetas te nulla silebit.

2) Corazzini, стр. 477—9; Novati, l. c. l. III, № 25, стр. 223 слѣд.

котораго послѣ Петрарки [1]) я всего горячѣе любилъ, съ которымъ отводилъ душу въ бесѣдахъ о немъ [2]). Какъ все непрочно! Не прошло двухъ лѣтъ, какъ, по милости Божіей, я достигъ почетнаго и выгоднаго положенія; казалось, ничего не доставало для счастья, когда смерть отняла у меня Петрарку, затѣмъ Боккаччьо. Увы! милѣйшій мой Боккаччьо [3]), ты одинъ у меня оставался, я любилъ тебя, ты былъ мнѣ совѣтникомъ въ трудныхъ положеніяхъ, утѣхой въ несчастіи, радостью въ счастіи, ты раздѣлялъ мои интересы [4]). Что стану я дѣлать, опечаленный твоей кончиной? Горевать-ли о себѣ или объ общей утратѣ?

O musae, o laurus, o sacrae fata poesis!

О музы, о лавры, о бездолье священной поэзіи! воскликну я стихомъ изъ моего стихотворенія на смерть Петрарки; все это относится и къ Боккаччьо.—Салутати напоминаетъ его главныя творенія: эклоги, которыя равняются эклогамъ древнихъ или и превосходятъ ихъ, ибо буколику Петрарки онъ не смѣетъ поставить въ сравненіе; Генеалогіи, De Casibus, De Claris Mulieribus и Географическій словарь. Куда дѣлся, дорогой мой Боккаччьо [5]), твой божественный умъ, неземное краснорѣчіе? У кого будемъ мы поучаться? Еще недавно, въ соперничествѣ съ небомъ, Флоренція сіяла двумя свѣточами, теперь она погружена во мракъ; съ ней вмѣстѣ сѣтуетъ Италія, все наше время: все процвѣтало вокругъ Петрарки, поблекло съ Боккаччьо.

Тѣ-же жалобы повторяются въ письмѣ Салутати отъ 28-го августа 1376-го года [6]) къ Луиджи Марсили, находившемуся тогда въ Парижѣ. Салутати долго не писалъ ему, между тѣмъ

1) Post busta Petrarcae.
2) Сл. выше стр. 606.
3) Jucundissime mi Boccaci.
4) Socius in humanis?
5) Iohannes mi dulcissime.
6) Corazzini, стр. 475; Novati l. c. IV, 3, стр. 243 слѣд.

за это время случилось многое: умеръ Петрарка, Салутати началъ стихотвореніе въ честь его, но пока рѣшался, послать его или нѣтъ пріятелю, избраніе на должность канцлера флорентійской коммуны отвлекло его отъ занятій—а тутъ случилось другое горе: зашло второе свѣтило, не родины только, а всей Италіи, Джьованни Боккаччьо, милѣе и привлекательнѣе котораго я не зналъ человѣка [1]); погасли два свѣтила краснорѣчія, два свѣтила нашего времени.

Прислушаемся къ другимъ отзывамъ о Боккаччьо тотчасъ по его смерти: они дадутъ мѣру его оцѣнки у современниковъ и вмѣстѣ укажутъ пути, по которымъ развивалось литературное наслѣдье, завѣщанное имъ и Петраркой.

Изсякла поэзія, сѣтуетъ по поводу смерти Боккаччьо Саккетти [2]); опустѣли палаты Парнаса съ тѣхъ поръ, какъ смерть лишила насъ высокой доблести. Если я плачу и издаю вопли, тому не подивится никто, кто вспомнитъ, что одинъ у насъ оставался Боккаччьо, а теперь и его нѣтъ. Я не о томъ скорблю, что онъ умеръ, это было бы тщетно, ибо всякому родившемуся на свѣтъ предстоитъ тотъ-же шагъ; я скорблю о томъ, что не осталось и не является никого, на котораго можно было бы возложить надежды, отъ кого чаять спасенія, ибо никого не тѣшитъ доблестное дѣланіе.

Саккетти перечисляетъ утраты, въ короткое время понесенныя Флоренціей: богослововъ Pietro и Francesco [3]), врача Толмазо del Garbo, краснорѣчиваго реторика Луиджи [4]), легистовъ Томмазо (Корсини) и Никколò [5]), Паоло ариѳметика и астролога [6]);

1) Quo neminem suaviorem et jucundiorem novi.

2) Corazzini, стр. 481 слѣд. Сл. выше стр. 588—9.

3) Можетъ быть, Francesco de' Nerli.

4) Dei Gianfigliazzi. Сл. выше стр. 204—5 и ссылки на Giovanni da Prato и Rinuccini въ моей Вилла Альберти, стр. 210 и 262.

5) Можетъ быть, Niccolò Monaci.

6) Паоло dell' Abbaco или Геометра, сл. выше стр. 336—7.

мужей, соединявшихъ служеніе Марсу и Аполлону: Никколò (Аччьяйоли)[1]), Альберто, Франческо и Манно (Донати)[2]). Въ центрѣ стоятъ три именитыхъ поэта: Заноби (да Страда) и Петрарка, вѣнчанные лавромъ, и Боккаччьо. Всѣхъ ихъ Саккетти еще видѣлъ вмѣстѣ, теперь ихъ нѣтъ, и онъ плачетъ, какъ человѣкъ, утратившій послѣднія надежды. Быть-ли еще доблести? Или съ ней станется то-же, что съ медициной, пока, лѣтъ черезъ пятьсотъ, не обновилъ ее Иппократъ? Можетъ быть, потомки и увидятъ новые всходы, если ранѣе не раздастся звукъ судной трубы — ибо все предано теперь любостяжанію, захудала когда-то прекрасная школа науки, всѣ, желающіе возвыситься, идутъ въ ремесло, въ хлѣбныя занятія[3]), и правятъ тѣ, кто ни себя, ни другихъ не умѣетъ управить: молодые люди берутъ не заслугами, а платьемъ, и никогда не заглянутъ туда, гдѣ пребываютъ музы; старики, сенаторы поступаютъ не какъ Сципіонъ или Катонъ, а какъ Катилина; Ликургъ и Солонъ имъ ни почемъ; тотъ считаетъ себя мудрѣе, кто можетъ надѣлать болѣе зла.

Какъ-же мнѣ надѣяться, что еще возстанетъ Данте, когда нѣтъ никого, кто бы могъ истолковать его, какъ то дѣлалъ Боккаччьо? Кому объявится теперь Африка, которую великій поэтъ направлялъ къ нему? Теперь она сиротствуетъ. Кто провѣщится такими твореніями, какъ книги о знаменитыхъ мужахъ и женахъ, какъ буколика, сочиненія о горахъ и рѣкахъ, о богахъ и ихъ нравахъ?

Пророчество говорило, что между 60-ми и 80-ми годами на свѣтѣ настанутъ коловратности и бѣды; исполненіе не заставило

1) Сл. сонетъ Саккетти на смерть Аччьяйолли: Piangi, Fiorenze, piangi, poi che Morte.

2) Сл. Fimerodia lib. II, c. 3: l'un Manno Donati—Chiamato, e l'altro fu degli Acciaiuoli. — Che fu eletto in fra' tanti pregiati — Baron del regnio in siniscalco e fessi — Grande per senno a per costumi ornati. Сл. Del Balzo l. c. III, стр. 72. Сл. эпиграфическіе сонеты къ Манно Donato у Zardo, Petrarca e i Carraresi, стр. 293.

3) Meccaniche arti.

ждать себя. Уже со всѣхъ сторонъ слышенъ призывный звукъ роговъ, времена извратились [1]); вернутся-ли прежнія — не знаю, развѣ поздно.

Саккетти напутствуетъ свою канцону, печальную, неутѣшную, безнадежную; пусть идетъ, какъ знаетъ, полагаясь на милость неба [2]).

По свѣжимъ слѣдамъ преданія написана біографія Боккаччьо въ жизнеописаніяхъ знаменитыхъ флорентинцевъ Филиппо Виллани. Боккаччьо является однимъ изъ обновителей одряхлѣвшей поэзіи; его біографія разсказана съ нѣкоторыми неточностями, извлечена отчасти изъ его сочиненій, вычитана изъ полуоткровенныхъ намековъ его аллегорій; взяты на вѣру его жалобы на бѣдность. О матери Боккаччьо говорится, что отецъ его на ней женился, «какъ утверждаютъ читавшіе внимательно сочиненія Джьованни»; сообщенъ анекдотъ или быль о томъ, какъ у Виргиліевой гробницы Боккаччьо внезапно обуяла любовь къ поэзіи [3]). Изъ его трудовъ первое мѣсто занимаютъ Генеалогіи, передъ аллегорической ученостью которыхъ авторъ преклоняется; затѣмъ работы по географіи, объ именитыхъ мужахъ и женахъ; эклоги «и многія посланія въ стихахъ и прозѣ, которыя цѣнятъ ученыя люди»; какъ извѣстно, писемъ въ прозѣ дошло до насъ не много, еще менѣе стихотворныхъ. — Петрарка, дружба котораго къ нему была такъ велика, что у нихъ была одна душа въ двухъ тѣлахъ, высоко его ставилъ, не вслѣдствіе одного лишь дружественнаго расположенія, а по заслугамъ, Заноби представлялъ на его судъ выборъ сюжета для своей поэмы [5]). Существуютъ еще многія его писанія на народномъ языкѣ, иныя въ риѳмахъ, другія въ прозѣ, гдѣ по распущенности юныхъ лѣтъ онъ шутитъ нѣсколько откро-

1) La stagione è rivolta.

2) Io mi ti raccomando.

3) Сл. выше т. I, стр. 105.

4) Сл. выше стр. 202—3.

венно; впослѣдствіи, состарѣвшись, онъ хотѣлъ было замолчать ихъ, но слова, вырвавшагося изъ груди, не позвать назадъ, и нельзя было, по желанію, потушить огонь, который онъ раздулъ своими мѣхами. Онъ, разумѣется, заслуживалъ лавроваго вѣнца, но тому помѣшало жалкое настроеніе времени, когда мірскіе властители предавались лишь мерзкой наживѣ, помѣшала и его собственная бѣдность. Его вѣнчаютъ, вмѣсто мирта и плюща, его собственные труды.

Вторымъ біографомъ Боккаччьо былъ Доменико Бандини изъ Ареццо (род. ок. 1340 года), профессоръ грамматики и реторики, читавшій въ 1374-мъ году въ Болоньѣ, затѣмъ во Флоренціи. Старикъ Петрарка, котораго онъ видѣлъ въ Падуѣ незадолго до его смерти, благословилъ его на трудъ: пусть читаетъ и перечитываетъ книги. Доменико сталъ дѣйствитдльно книгочіемъ: его Источникъ достопримѣчательностей міра [1])—огромная энциклопедія, обнимающая все познаваемое, начиная отъ книгъ о Богѣ и св. Троицы до морей, острововъ, травъ, знаменитыхъ мужей и женщинъ. Боккаччьо указалъ путь такого рода новому энциклопедизму, еще ранѣе Бандини вступилъ на него Доменико ди Сильвестро († 1407), флорентійскій нотаріусъ и поэтъ, съ своимъ трактатомъ «Объ островахъ и ихъ свойствахъ» [2]). Оба лелѣютъ наслѣдіе Боккаччьо: Бандини даетъ его біографическій очеркъ—повторяя Виллани и съ его освѣщеніемъ; составляетъ, по приглашенію Салутати, указатель къ Генеалогіямъ, въ концѣ которыхъ Сильвестри резюмируетъ ихъ содержаніе въ нѣсколькихъ латинскихъ стихахъ. Трактатъ Сильвестри объ островахъ начинается ссылкой на географическій словарь Боккаччьо, ему же принадлежатъ четверостишія въ похвалу Данте, Петрарки, Заноби и Боккаччьо въ помѣщеніи цеха флорентійскихъ судей и нотаріусовъ: Боккаччьо прославленъ здѣсь за Генеалогіи, книги о великихъ женахъ и мужахъ, за географическій словарь и буко-

1) Fons rerum memorabilium universi.

2) De Insulis et earum proprietibus.

лику [1]); это—знакомое намъ перечисленіе, повторяющееся и въ эпиграммѣ малаго флорентинскаго дворца, принадлежащей, быть можетъ, перу Салутати [2]).

Во всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ и славословіяхъ забытъ Боккаччьо — итальянскій поэтъ и авторъ Декамерона. Только Саккетти говоритъ о немъ, какъ объ истолкователѣ Данте, Бенвенуто да Имола пользуется и его чтеніями, и Декамерономъ, но въ перечисленіи трудовъ Боккаччьо ограничивается одними латинскими [3]), да Филиппъ Виллани упоминаетъ, что Боккаччьо многое писалъ на народномъ языкѣ въ юности, а въ зрѣлые годы напрасно искалъ уничтожить плоды своихъ нескромныхъ выходокъ. Это — оцѣнка самого Боккаччьо, вызванная старческими сокрушеніями; мы знаемъ, что Петрарка раздѣлялъ ее; въ извѣстныхъ кружкахъ она стала обязательной, но это оцѣнка нравственная, не литературная. Ею руководился Чьяни, и если списатель житія бл. Пьетро Петрони назвалъ Боккаччьо вождемъ тосканскаго краснорѣчія [4]), то это похвала обоюдо-острая: именно итальянскія произведенія Боккаччьо и вызывали соблазны.

Центръ тяжести лежитъ, такимъ образомъ, на его ученыхъ трудахъ, въ его латинской эрудиціи, въ оживленіи античныхъ каменъ и грацій. Когда Боккаччьо вмѣнялъ это въ заслугу Петраркѣ и тотъ принималъ похвалу, онъ выразилъ тѣмъ сознаніе своего дѣйствительнаго вліянія, почина: онъ старѣйшій изъ работниковъ въ этой области [5]). Боккаччьо идетъ непосредственно за нимъ, рядомъ съ нимъ; это разстояніе чувствуется, хотя бы въ сѣтованіи Салутати: послѣ Петрарки онъ никого такъ не любилъ, какъ Боккаччьо, Боккаччьо восполняетъ ему Петрарку. Это не отнимаетъ у Боккаччьо ни оригинальности замысла въ его латинскихъ работахъ, ни энергіи въ дѣлѣ обновленія греческихъ

1) Mehus, l. c. стр. CCXXX.
2) L. c. стр. CCLXVI.
3) Com. V, 164.
4) Ст. выше стр. 455.
5) Сл. выше стр. 595.

штудій. Если на него падаетъ тѣнь Петрарки, то потому что онъ не былъ рожденъ вождемъ: самосознаніе слишкомъ часто перевѣшивалось въ немъ сомнѣніемъ, это подкашивало увѣренность и мѣшало районнировать; самосознаніе и увѣренность составляли силу Петрарки, сила притягиваетъ и подавляетъ, организуетъ школу, плодитъ послѣдователей и учениковъ. Боккаччьо серьезно вообразилъ себя ученикомъ Петрарки, потому что энергіи учителя въ немъ не хватало; его вліяніе ограниченнѣе, признаніе не доходитъ до энтузіазма; чѣмъ-то узкимъ, почти семейнымъ отзываются эпитеты у Рамбальди и Салутати, позднѣе у Бруни: милый, привѣтливый, suavissimus, jucundissimus, dulcissimus [1]); это характеристика типа и темперамента, не историческая оцѣнка.

Другія точки зрѣнія открываетъ намъ оцѣнка Филиппо Виллани: обновителями одряхлѣвшей поэзіи являются у него Данте, Петрарка, Заноби и Боккаччьо. Это тотъ-же взглядъ, что въ письмѣ къ Якову Пиццинге, съ тою разницею, что Боккаччьо сознательно выключилъ Заноби и, разумѣется, самого себя [2]). Обновители поэзіи послѣ средневѣковаго застоя, стало быть, поэзіи древнихъ, отвѣчавшей серьезнымъ вопросамъ жизни и высокому призванію поэта. На это указываетъ подборъ именъ: Данте съ глубокими тайнами своей Комедіи, классическій патріотизмъ Африки, Боккаччьо не столько съ эклогами, сколько съ Генеалогіями, раскрывавшими глубокій смыслъ поэтическихъ вымысловъ. Такая точка зрѣнія опредѣляла взглядъ на значеніе средневѣковой поэзіи, съ пустотой ея любовной лирики, съ несодержательнымъ баснословіемъ ея эпическихъ росказней. Серьозная поэзія позади, у классиковъ; исканіе такихъ именно цѣлей помогало открывать ихъ тамъ, гдѣ ихъ не было, ибо аллегоризмъ вычитывалъ все, что чаялось; это требовало эрудиціи, широкой начитанности, ибо поэту, какъ и богослову, подобаетъ все знать. Задачи поэзіи объединялись съ высшими цѣлями знанія, съ стрем-

1) Сл. выше стр. 588, 616.

2) Сл. выше стр. 171, 534.

леніемъ къ нему; Боккаччьо, какъ латинскій поэтъ, провѣщился лишь эклогами, но его Генеалогіи и книги объ именитыхъ мужахъ и женахъ представлялись ему входящими въ ту-же обласль; моимъ занятіемъ была поэзія, говоритъ онъ о себѣ въ своей эпитафіи, и Салутати вторитъ ему, называя его vates. Поэзія — знаніе — это одно изъ синкретическихъ выраженій синкретической въ умственномъ отношеніи эпохи, привлекавшей понятіе любви въ обновленный идеалъ античной дружбы, средства софизма и реторики въ поэзію.

Такая поэзія, лелѣявшая древніе образы, естественно увлекалась къ предпочтенію латинской рѣчи передъ итальянской. Предпочтеніе не новое: въ средніе вѣка латынь была литературнымъ языкомъ по преимуществу, языкомъ церкви, науки, школьной поэзіи; въ Италіи ея значеніе поддерживалось сознаніемъ культурно-народнаго преданія и большей живучестью въ дѣловомъ и научномъ обиходѣ, затормозившей обособленіе итальянскаго языка, какъ органа литературы. Она естественно являлась органомъ серьозной поэзіи; здѣсь не было выбора между своимъ и чужимъ, какъ на западѣ вообще, а между одинаково народными орудіями мысли, изъ которыхъ одно издавна было выработано для всѣхъ ея выраженій, торжественно-строгихъ или изящно-игривыхъ, другое отвѣчало пока скромному спросу неученой или полуученой толпы, принужденной кормиться крошками, падавшими со стола богатыхъ. Богатые—это аристократы мысли, которымъ доступны тайны латинскаго стиля и знанія; Данте пишетъ свой Convito по итальянски — для неученыхъ, но свою Божественную Комедію онъ затѣвалъ по латыни, и если смѣнилъ ее позднѣе на родное слово, то потому, говоритъ Боккаччьо, что серьезная культура пала среди людей, на которыхъ поэма была разсчитана.

Такъ понимаютъ дѣло и Петрарка и Боккаччьо: они вмѣняютъ себѣ въ заслугу латинскіе труды и вирши и скромно или пренебрежительно отзываются о своихъ итальянскихъ произведеніяхъ; ихъ система къ тому обязывала, обязывалъ упроченный

взглядъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это были люди съ громаднымъ талантомъ, съ рѣдкой силой ассимиляціи; они невольно переносили въ свои итальянскіе труды результаты своихъ классическихъ чтеній, усваивали изящныя обороты рѣчи, звучное теченіе періода, законченность образовъ, чеканныя грани афоризмовъ, строй идей, не всегда новыхъ,— ихъ вычитывали и раньше — но обновлявшихъ въ своей совокупности, результатѣ обширнаго, связнаго чтенія. Все это они не только усваиваютъ, но и претворяютъ наново — въ лирикѣ Canzoniere и прозѣ Боккаччьо, въ поэтическомъ синкретизмѣ Ninfale, въ психологическихъ задачахъ Фьямметты, въ художественномъ реализмѣ и этической объективности Декамерона. Они сами не знаютъ, что̀ творятъ, имъ неясна связь между ихъ эрудиціей и тѣмъ, что изъ нея отложилось живого въ формахъ ихъ итальянской поэзіи; но если Боккаччьо отказался, по нравственнымъ причинамъ, отъ своего Декамерона, Петрарка продолжалъ и въ пору своей латинской славы скромно лелѣять и беречь свои итальянскія пѣсни.

Ихъ школа или послѣдователи поняли крайне дословно ихъ взгляды на отношенія латинской и итальянской поэзіи. Сами они ставили свои латинскія писанія выше итальянскихъ, стилистическія переживанія выше творчества; ихъ принялись мѣрить мѣркою классиковъ, и они очутились въ тѣни. Старый споръ между дантофилами и сторонниками классической поэзіи Петрарки [1]) принимаетъ теперь новый характеръ: вмѣстѣ съ Данте осуждаются и Петрарка и Боккачьо, и не только за итальянскую поэзію, а и за латинскій стиль и плохое знаніе антика. Нападаютъ изощрившіеся въ нихъ эрудиты, — и находятъ противниковъ; споръ, начавшійся съ конца XIV-го вѣка, продолжается въ слѣдующемъ [2]). Латинская эрудиція торжествуетъ: плодятся трак-

1) Сл. выше стр. 285 слѣд., 589.

2) Сл. Вилла Альберти, гл. V; Klette, Beiträge z. Geschichte u. Litteratur der italienischen Gelehrtenrenaissance II: Leonardi Aretini ad Petrum Paulum Istrum dialogus; сл. изданія Wotke и Kirner'a.

таты и эклоги, частныя посланія для всѣхъ, съ нѣкоторымъ прогрессомъ критической мысли и старыми темами, вродѣ предложенной на поэтическомъ конкурсѣ 1440-го года: о дружбѣ.— Рядомъ съ этимъ люди стараго направленія лелѣютъ память трехъ «флорентійскихъ вѣнцовъ», прославляютъ ихъ въ эпиграфическихъ и другихъ сонетахъ. Чѣмъ былъ Гомеръ для греческаго языка, Виргилій для латинскаго, тѣмъ для итальянскаго флорентинецъ Данте, поетъ Ансельмо Кальдерони; Боккаччьо облагородилъ эту рѣчь въ прозѣ и стихахъ; слѣдуютъ въ безпорядкѣ: Брунетто Латини, оба Гвидо, и далѣе, Петрарка и Салутати [1]).

Впечатлѣніе такой-же черезполосицы производитъ итальянская поэзія первой половины XV-го вѣка: она повторяетъ мотивы старотосканской лирики, дантовской и реалистической, морализуя и поучая, но чутье итальянскаго стиля притупилось, исчезла его прозрачная цѣльность, и въ языкѣ водворяется смѣшеніе діалектическихъ формъ и латинизмовъ, которымъ вторитъ безвкусное обиліе миѳологическихъ цитатъ. Копируютъ Петрарку, подражаютъ внѣшней манерѣ Данте, подражаютъ Декамерону. Авторъ «Урбано», часто приписываемаго Боккаччьо, до комизма усвоилъ его фразеологію; Джьованни ди Герардо слѣпо поддѣлывается подъ планъ и стиль Декамерона, но напр. новеллы Саккетти, бойкія и реальныя въ своемъ мѣстномъ флорентійскомъ колоритѣ, далеки отъ художественной типичности Боккаччьо, отъ широты его замысла и постановки общихъ вопросовъ, дѣлающихъ его новеллы памятникомъ не только эстетическаго, но и идейнаго развитія. Если въ извѣстномъ смыслѣ анекдотическія новеллы Саккетти представляютъ шагъ назадъ, то тѣмъ болѣе такіе новеллисты, какъ Серкамби и Джьованни Фьорентино, не смотря на заимствованія и подражанія Боккаччьо, скорѣе, благодаря тому и другому.

Далѣе традиція Декамерона дробится и мельчаетъ въ сборникахъ Джентиле Сермини (послѣ 1424 г.), Мазуччьо (между

1) Flamini, La lirica toscana del rinascimento, anteriore al tempo del Magnifico, стр. 331 слѣд.

1460 — 7 г.), Сабадино дельи Арьенти (нап. въ 1483 г.); входу новелла-анекдотъ, вродѣ потѣшнаго разсказа о дровяникѣ Грассо [1]), и тогда какъ нѣкоторыя новеллы Декамерона спускаются до площади [2]), къ популярнымъ виршамъ [3]), иныя поднимаются въ тонѣ: Франческо Малекарне, одинъ изъ участниковъ поэтическаго конкурса 1441-го года, переложилъ въ торжественно-скучные стихи повѣсть о Настаджіо дельи Онести, какъ другіе передѣлывали въ октавахъ новеллу о Гвардастаньо [4]); Definizioni сіэнца Якомо Серминоччи комментируютъ въ формѣ дантовской терцины боккаччьевскіе мотивы, соединяя схемы Амето и Корбаччьо съ преніями Филоколо; повѣсть о Гисмондѣ пересказывали не разъ, не только по итальянски, а и по латыни, и Леонардо Бруни свидѣтельствуетъ, что дамы бывали растроганы до слезъ трагической судьбой Троила [5]). — Новелла завоевала себѣ мѣсто и въ латинскихъ гуманистическихъ кружкахъ; уже Константинъ Ласкарисъ, бесѣдуя въ садахъ Руччеллаи, ставилъ Боккаччьо, по отношенію къ краснорѣчію и стилю, не ниже любого греческаго писателя, приравнивая сто разсказовъ Декамерона къ ста греческимъ поэтамъ. Между тѣмъ стояла на очереди, вмѣстѣ съ реабилитаціей итальянскаго языка, какъ органа поэзіи, и эстетическая оцѣнка Декамерона, какъ памятника итальянской литературы. Когда въ концѣ XV-го вѣка въ группѣ талантливыхъ людей, сошедшихся вокругъ Лоренцо Медичи, слились оба теченія, шедшія какъ-то порознь, классическое и итальянское, латинская

1) Его принадлежность Манетти (сл. выше т. I, стр. 465) отрицаетъ теперь Barbi, Antonio Manetti e la novella del Grasso legnaiuolo. Firenze. 1891.

2) Вилла Альберти, стр. 142.

3) La Lusignacca (=Dec. V, 4), Cerbino (Dec. IV, 4).

4) Сл. Ceciari, La leggenda del cuore mangiato e tre antiche versioni in 8-a rima di una novella del Boccaccio въ Riv. Contemp. 1888, an. I, № 9, стр. 336—57.

5) Flamini, l. c. стр. 327 слѣд. Къ старымъ русскимъ пересказамъ новеллъ Декамерона, упомянутымъ въ предисловіи къ моему переводу (т. I стр. IX—X), присоединю теперь и повѣсть о Гисмондѣ у Науменка, Новелла Боккаччьо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII вв., Кіевская Старина, 1885, іюль, стр. 273 слѣд.

эрудиція вновь начинаетъ питать вульгарную поэзію, обновляется въ Полиціано и Пульчи творческій починъ Петрарки и Боккаччьо и раздается такой восторженный отзывъ: «Кто читалъ Боккаччьо, человѣка ученѣйшаго и краснорѣчивѣйшаго, тотъ навѣрно скажетъ, что онъ единственный въ свѣтѣ не только по изобрѣтательности, но и по обилію слова», говоритъ Лоренцо Медичи въ комментаріяхъ къ своимъ сонетамъ; «кто раздумается надъ разнообразіемъ сюжетовъ Декамерона, то серьезныхъ, то обыденныхъ, то низменныхъ, обнимающихъ все, что только можетъ волновать человѣка, любовь и ненависть, страхъ и надежду; кто обратитъ вниманіе на всѣ эти невиданныя уловки и хитрости, на изображеніе всѣхъ возможныхъ характеровъ и страстей, какія только бываютъ на свѣтѣ,— тотъ безъ сомнѣнія заключитъ, что ни одинъ языкъ не въ состояніи выразить это лучше нашего» [1]).

IV.

Отнынѣ авторъ Декамерона станетъ итальянскимъ классикомъ и эрудитъ Генеалогій отойдетъ на задній планъ. И Декамеронъ и Генеалогіи одинаково принадлежатъ раннему гуманистическому движенію и, можетъ быть, первый болѣе яркій его показатель. Это и даетъ мнѣ поводъ еще разъ поставить вопросъ, не разъ поднимавшійся на предыдущихъ страницахъ: о хронологическомъ починѣ, о самомъ опредѣленіи гуманизма. Въ его понятіе входятъ идеи, освобождающія отъ преданія, развитіе критическаго начала въ жизни и знаніи; все это явилось въ результатѣ естественнаго историческаго роста и искало встрѣчныхъ формъ мысли и выраженія у классиковъ.

Перенесемъ это опредѣленіе на Боккаччьо: до начала 50-хъ годовъ онъ еще не объявился латинскимъ эрудитомъ, а между тѣмъ и произведенія его юношеской поры, и цицероновская фраза Декамерона покоятся на широкомъ чтеніи классиковъ; тѣ-же общіе

1) Poesie di Lorenzo de'Medici, ed. G. Carducci, стр. 16.

вопросы жизни и призванія, судьбы и поэзіи, которые онъ ставитъ въ своихъ ученыхъ трактатахъ, манили и прежде къ рѣшенію, и если гуманизмъ предполагаетъ вожделѣнія свободы и критики, то Декамеронъ гуманнѣе и навѣянный старостью и самобичеваніемъ ригоризмъ латинскихъ трудовъ означаетъ поворотъ назадъ. Другими словами, Боккаччьо былъ гуманистомъ раньше, чѣмъ стать эрудитомъ, условія его ранняго развитія были даны въ культурной обстановкѣ его юности, въ ученыхъ вожделѣніяхъ Паоло изъ Перуджіи, въ воззрѣніяхъ и привычкахъ окружавшаго его общества. Это общество вышло изъ того, которое для Данте было «настоящимъ». Имъ Данте не доволенъ: онъ мѣритъ его идеалами прошлаго, судитъ о городскихъ движеніяхъ своего времени съ высоты идеальныхъ, имперскаго и папскаго, принциповъ, когда историческое движеніе уже поставило на мѣстѣ перваго идею народности и государственности; онъ мечтаетъ о старомъ добромъ времени, когда честныя жены блюли святость семейнаго очага и поэзію колыбели—а въ его современности нравы разложились, поднимаетъ голову религіозное вольнодумство, нѣтъ Цинциннатовъ и Корнелій, возможна безстыжая Чангелла изъ родовитой семьи Тозинги и безумная расточительность Лапо деи Салтарелли[1]). И вотъ онъ зоветъ назадъ, еще разъ формулируя вѣрованія и убѣжденія, когда то живыя; синтезъ его Божественной Комедіи архаиченъ по отношенію къ жизни, въ которой уже собрались матерьялы, типы и воззрѣнія Декамерона — въ ожиданіи синтеза Боккаччьо.

Великіе поэты-мыслители—великіе рефлекторы, собирающіе живые лучи, разсѣянные на историческомъ пути; ихъ талантливость закупаетъ, ихъ творчески-собирательная сила представляется намъ ихъ начинаніемъ; но они и вліяютъ далѣе, по скольку резюмируютъ; признаніе, которое они встрѣчаютъ, указываетъ на извѣстную приготовленность среды, узнающей свои полустремленія, свои безсознательные вкусы и робкіе порывы критической

1) Paradiso, XV, 123 слѣд.

мысли—въ сознательной формулѣ, можетъ быть, односторонней, но ясной и успокоивающей указаніемъ цѣлей; вѣдь и призывъ отъ культуры къ природѣ и подъемъ чувствительности существовали въ теченіяхъ европейской мысли и литературы задолго до Руссо̀. Съ этой точки зрѣнія Петрарка и Боккаччьо не открываютъ, а формулируютъ предыдущее имъ движеніе, это и ставитъ на очередь требованіе: общѣе и шире опредѣлить самое понятіе итальянскаго гуманизма и гуманистическаго движенія вообще [1]). Не періода, который можно было-бы обвести линіей годовъ и обозначеніемъ столѣтій, а стараго теченія мысли, которое начинаетъ поражать насъ своей глубиной, когда въ его водахъ явственнѣе отразятся очертанія издавна провожавшаго его по берегамъ античнаго пейзажа. Церковныя реформы XI-го вѣка остановили это теченіе, создавъ въ язычески-индифферентной средѣ борьбу міросозерцаній, религіозный дуализмъ, лишь отчасти отвѣчавшій идеальнымъ противорѣчіямъ папства и имперіи, но опиравшійся на нихъ; когда эти противорѣчія ослабѣли, прежняя струя пробилась снова. Вопросъ въ сущности сводится не къ тому, откуда пошло движеніе гуманизма, а что̀ его замедлило. Разумѣется, не внезапная погоня за рукописями латинскихъ авторовъ, не усиленный на нихъ спросъ и не пріѣздъ захудалыхъ грековъ создали его; но за нимъ тѣмъ не менѣе останется эпитетъ классическаго, латинскаго. Именно классики, и именно въ Италіи, помогли мысли объективироваться въ самонаблюденіи, въ большей свободѣ отъ средневѣковаго общественнаго и церковнаго преданія; они не только давали критерій и формулу для рѣшенія вопросовъ, на которые это преданіе не отвѣчало, либо которые отрицало, но и сами ставили вопросы, возбуждая теоретическую дѣятельность ума. Они создали искусственную атмосферу, въ ко-

1) По этому вопросу сл. обстоятельное изслѣдованіе проф. М. Корелина, Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Москва 1892—3 гг. Какъ легковѣсно орудуютъ терминами Ренессансъ и Гуманизмъ, можно видѣть напр. у Faguet: для него Ренессансъ—это стремленіе къ идеямъ классической древности, Гуманизмъ—стремленіе къ ея искусству!

торой изощрялся вкусъ къ новымъ нормамъ прекраснаго, интересъ устремлялся къ вопросамъ поэзіи и нравственности и воспитывалось народно-культурное самосознаніе. Если оно ограничилось теоріей и грёзами, тому причиной отсутствіе въ жизни широко-поставленныхъ общественныхъ задачъ; оттого итальянскій гуманизмъ теоретиченъ, отданъ идеальнымъ построеніямъ, слишкомъ исключительно ищетъ ихъ въ предѣлахъ древности и тѣмъ тормозитъ себя; но въ этой теоретичности его международная сила, во второй разъ поднявшая въ исторіи международное значеніе и латинской рѣчи. Итальянскій гуманизмъ аристократиченъ; обособленность интеллектуальной среды, сознаніе высокихъ цѣлей должны были поднимать самосознаніе мыслителя, поэта, эгоизмъ личности, сторонившейся отъ толпы въ цѣляхъ духовнаго преуспѣянія и наивной надеждѣ, что перерожденіе человѣка пересоздастъ и общество. Пусть такая индивидуальность станетъ лицомъ къ лицу съ прямыми общественными задачами, она отдастъ ему свои знанія, вернетъ толпѣ симпатіи, потому что плодомъ ея эгоистическаго воспитанія былъ культъ человѣка, понятаго всецѣло; это обогатило понятіе христіанскаго альтруизма. Движеніе реформы не вышло изъ гуманизма, но рѣшилось отчасти его силами.

Поставленный въ такой перспективѣ образъ Боккаччьо выиграетъ въ сходствѣ, если и утратитъ кое-гдѣ ту яркость, которая явилась результатомъ пониманія Ренессанса, какъ момента, съ героями-начинателями, впервые выѣхавшими на полеванье противъ средневѣковыхъ страховъ. Когда свѣтъ распредѣлится ровнѣе, яркихъ пятенъ будто меньше: гуманизмъ вмѣнится широкому общественному теченію, знаменитая новелла «о трехъ кольцахъ» не станетъ больше вызывать идей вѣротерпимости, Декамеронъ не представится внезапнымъ откровеніемъ міра плоти и радости, торжествующихъ надъ аскезой. Останется Боккаччьо, художникъ-реалистъ, выразившій идеи своего времени въ формахъ и образахъ, которые времени не знаютъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Слѣдующіе тексты служатъ оправдательными или пояснительными документами къ біографіи Боккаччьо.

I. *Вѣнчальная рѣчь Заноби да Страда* [1]), впервые являющаяся въ печати, издается по тремъ рукописямъ. Копія съ вѣнской рукописи. [2]) любезно доставлена была мнѣ акад. И. В. Ягичемъ; варьянтами лейпцигской [3]) и флорентинской [4]) я обязанъ проф. Вольнеру и директору библіотеки Риккарди, Соломону Морпурго. Главная работа по конституированію текста принадлежитъ проф. И. В. Помяловскому. Всѣмъ участникамъ изданія приношу мою искреннюю благодарность.

Рѣчь Заноби интересна, какъ документъ къ исторіи современнаго Петраркѣ и Боккаччьо гуманистическаго движенія въ Италіи, характеръ котораго выяснится тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе мы познакомимся съ его праисторіей [5]), съ его грегаріями, съ его средними и малыми величинами. Къ нимъ принадлежитъ и Іоаннъ Кабаллини или Кабалли деи Черрони съ его Polistoria: трактатомъ о римскихъ древностяхъ по поводу описанія Рима [6]). На значеніе

1) Сл. выше стр. 167.

2) Cod. Vindob. 4488, fol. 112 слѣд. Сл. Denis, Cod. Mss. Theolog. Bibl. Pal. Vindobonensis I, col. 503.

3) Унив. библ. cod. Ms. 1269; о ней сл. Friedjung, Kaiser Karl IV, стр. 308.

4) Cod. Laur. XC inf. 14, c. 151; сл. Mehus, Vita Ambrosii Traversarii, стр. CXC и Bandini, Cat. Cod. Lat. Bibl. Laur. III, col. 735—6, § IV.

5) О маэстро Бонкомпаньо, какъ одномъ изъ предшественниковъ гуманизма въ началѣ XIII-го вѣка, сл. Carl Sutter, Aus Leben u. Schriften des Magisters Boncompagno. Freiburg i. B., 1894.

6) Сл. выше стр. 76, прим. 1.

этого труда, стоящаго на перепутьи между легендами Mirabilia и научными вожделѣніями гуманистовъ, указалъ Graf[1]). Къ двумъ, доселѣ извѣстнымъ спискамъ Полисторіи, новарскому, описанному Андресомъ, и вольфенбюттельскому, которымъ пользовался Urlichs[2]), присоединю и еще одинъ, XIV-го вѣка, какъ и предыдущіе, принадлежащій Императорской Публичной библіотекѣ, Лат. F. v. IV, № 1, пергаменный на 52 листахъ (новой номераціи). Въ новарскомъ спискѣ заглавіе такое: Incipit prologus polistorie *Ioannis Caballini de Cerronibus,* de urbe apostolice sedis scriptoris ac Canonici sancte Marie Rotunde de eadem urbe. De virtutibus et dotibus Romanorum ipsorumque imperatoris et pape, singularibus monarchiis de aliis incidentiis eorundem; въ началѣ перечня главъ читается: Polistoria Ioannis Caballini de Cerronibus de urbe et dignitatibus Romanorum. Рукопись списана для Giovanni di Capogallo, впослѣдствіи (съ 1398 г.) епископа Новары, тогда еще абата San Paolo въ Римѣ; стало быть, до 1398-го года.— Петербургскій списокъ, писанный крайне неряшливо, представляетъ отличія: Incipit prologus polistorie Iohannis *Petri* Caballi de Cerronibus de urbe apostolice sedis, de virtutibus et dotibus (пропущено: romanorum) ipsorumque imperatoris et pape, *secularibus* monarchiis et aliis incidentiis eorundem romani scriptoris (послѣднія слова попали не въ свое мѣсто); въ началѣ росписи главъ: Prologus polistorie Iohannis *Petri* Caballi de virtutibus imperatorum; въ концѣ помѣтка писца: scriptum nona die mensis Ianuarii anno domini MCCCLXXX septimo per me fratrem Guillelmum Blancherii ad utilitatem legentium precedentem librum, которую сообщилъ ему reverendissimus pater dominus cardinalis sancti Saturnini.

Urlichs[3]) указываетъ на время написанія Полисторіи: между 1345-мъ годомъ, годомъ убіенія короля Андрея неаполитанскаго,

1) Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, I, стр. 72 слѣд.
2) Codex urbis Romae topographicus, стр. 131 слѣд.
3) L. c. стр. 134.

о чемъ упоминается [1]), и 1347-мъ, годомъ вѣнчанія Петрарки, о которомъ составитель, очевидно, не знаетъ.

II. *Новелла о Керико изъ Александріи* уже издана была Lami [2]) и Zambrini [3]). С. Морпурго доставилъ мнѣ ея текстъ въ новомъ болѣе точномъ спискѣ съ той-же рукописи [4]). Печатаю ее ввиду вопросовъ, поставленныхъ выше [5]): объ отношеніи Боккаччьо-*художника* къ непосредственнымъ источникамъ его новеллъ. Работы и замѣтки, посвященныя разсказамъ Декамерона, продолжаютъ являться; укажу на остроумное сближеніе боккаччьевской новеллы-анекдота о Гвидо Кавальканти (Дек. VI, 9) съ эпизодомъ объ его отцѣ въ кругѣ дантовскихъ ересіарховъ [6]); на замѣтку Кроче, что въ Дек. X, 1 дѣйствующимъ лицомъ является Альфонсъ X-й [7]). Литературный источникъ Декамерона имѣетъ ввиду статья Скофильда, любезно доставленная мнѣ ея авторомъ [8]); замѣчу по ея поводу, что для уясненія художническихъ пріемовъ Боккаччьо важенъ не подборъ параллелей и не предположительное возстановленіе вѣроятнаго оригинала, а точное его опредѣленіе, если оно возможно; лишь на такой основѣ можно будетъ прочно поставить эстетическій и стилистическій разборъ Декамерона, которымъ задавались Tribolati [9]) и Cappel-

1) Сл. въ нашей ркп. л. 39 лиц.: infelix et proditoria mors illustris et innocentis principis regis Andrei immolati.

2) Novelle letterarie di Firenze, впослѣдствіи въ его-же Appendice all'illustrazione istorica del Decameron del Boccaccio. Milano, Pirotta, 1820.

3) Due novelle antiche anteriori al Decameron del Boccaccio, che servirono d'argomento a due bellissime istorie contenute in esso divin libro. Genova, Bernabò Lomellin, MDCCCLIX.

4) Riccardiana cod. 1103, s. XV, c. 160—164.

5) Сл. выше т. I, стр. 473.

6) Fraccaroli, Il cerchio degli eresiarchi въ Biblioteca d. scuole class. ital. an. VI, ser. 2-a, № 17.

7) Benedetto Croce, Primi contatti fra Spagna e Italia, изъ Atti dell'Accademia Pontaniana, v. XXIII, Napoli, 1893, стр. 15.

8) Henry Schofild, The source and history af the seventh novel of the seventh day in the Decameron, изъ Harward Studies and Notes in Philology and Literature, v. II, 1893.

9) Diporti letterari sul Decamerone del Boccaccio.

letti[1]).—Въ печатаемой мною новеллѣ видѣли источникъ Декамерона II, 9; наблюденія бывшаго моего слушателя, Д. К. Петрова, привели его къ двумъ возможнымъ заключеніямъ: что разсказъ Декамерона — обработка нашего, анонимнаго, либо что тотъ и другой восходятъ къ одному общему источнику, хотя послѣднее заключеніе представляется менѣе вѣроятнымъ.

Интересно, что въ обоихъ новеллахъ мѣстомъ дѣйствія является Генуя, образцомъ женской вѣрности генуэзка. Такъ уже въ извѣстной пьэсѣ Raimbaut de Vaqueiras, гдѣ она глумится надъ навязчивымъ трубадуромъ. Характеристика генуэзскихъ женщинъ у одного испанскаго путешественника первой половины XV-го вѣка даетъ нашимъ новелламъ бытовую подкладку: генуэзцы разбрелись по всему свѣту, говоритъ Тафуръ; въ другихъ странахъ цѣломудріе женъ пострадало бы отъ такого удаленія мужей, но генуэзки такъ славятся своей доблестью, что съ трудомъ найдется между ними какая-либо, которую заподозрили бы въ прелюбодѣяніи, а которую уличатъ, той не миновать смерти [2]).

III. Новелла Jacomo di Giovanni di Ser Minoccio cittadino di Siena списана была мною давно тому назадъ изъ Cod. VII, 7, 705 національной библіотеки во Флоренціи, и я тогда-же призналъ въ ней стихотворный пересказъ одного эпизода Filocolo, вторично обработаннаго въ Декамеронѣ [3]). Pasquale Papa [4]) не угадалъ этого источника [5]). Содержаніе поэмы, состоящей изъ 62-хъ главъ, слѣдующее: авторъ влюбленъ, но не встрѣчаетъ взаимности; по-

1) Studi sul Decamerone. Объ отношеніяхъ историческаго анализа литературнаго произведенія къ его эстетическо-психологической оцѣнкѣ сл. замѣтки у Rodolfo Renier, La Vita Nuova e la Fiammetta, стр. VII—VIII.

2) Andanças e viajes de Pero Tafur per diversas partes del mundo avidas, ed. Jimenes de la Espada въ Coleccion de libros españoles raros e curiosos. Madrid, 1874, I, 13.

3) Сл. выше т. I, стр. 498 слѣд.; т. II, стр. 625.

4) Un capitolo delle Definizioni di Jacomo Serminocci, poeta senese del secolo XV. Firenze 1887 (Nozze Renier Campostrini).

5) На что указалъ впослѣдствіи Rajna, Le Corti d'Amore, 1890, прим. 45 на стр. 74.

груженный въ печальныя думы, онъ сидитъ у родника на лугу, разстилавшемся на верху лѣсистой горы. Въ этомъ положеніи застаетъ его нимфа охотница, за которой слѣдуютъ шесть другихъ; съ ними шесть юношей, нагруженныхъ добычей. Поэтъ сообщаетъ нимфѣ о причинѣ, заставляющей его горевать; онъ жаждетъ смерти; нимфа ободряетъ его и приглашаетъ раздѣлить съ ними трапезу, послѣ чего рѣшено обождать въ тѣни, пока не спадетъ жаръ, и заняться бесѣдой: нимфа выбрана предсѣдательницей, дѣвушки и молодые люди поочередно выступаютъ съ вопросами, которые обсуждаются, а предсѣдательница объявляетъ свое рѣшеніе. Всѣхъ вопросовъ тринадцать, изъ нихъ 1, 10, 12 и 13-й являются въ формѣ новеллъ; обсужденіе распредѣлено по категоріямъ судоговоренія: Quaestio, Intentio, Appellatio, Confirmatio. По окончаніи бесѣдъ, всѣ отправляются на охоту, остается поэтъ, по прежнему тоскуя и изливая свою желчь противъ женщинъ. Какой-то прохожій юноша пытается утѣшить его разсказомъ о своихъ собственныхъ любовныхъ злоключеніяхъ, но напрасно. Оставшись одинъ, поэтъ готовъ заколоть себя, но храбрости у него не хватаетъ, и во время явилось соображеніе, что, въ сущности, все дѣло не въ женщинѣ, а въ немъ самомъ, упрямствующемъ въ чувствѣ, котораго она не раздѣляетъ. Это его успокоиваетъ, и онъ идетъ домой, отложивъ мысль о смерти.

Ясно во всемъ разсказѣ вліяніе Филоколо, и не только въ эпизодѣ «любовныхъ бесѣдъ» [1]), но и въ фигурѣ случайнаго утѣшителя [2]). Авторъ Definizioni [3]) питался наслѣдіемъ Боккаччьо и принадлежитъ къ его, чаще всего безталанному наслѣдію XV-го вѣка.

С. Морпурго свѣрилъ мою копію съ оригиналомъ новеллы; онъ-же держалъ послѣднюю корректуру № II и ему принадлежатъ сопровождающія его примѣчанія.

1) Сл. выше т. I, стр. 160 слѣд., 165 слѣд.

2) L. c. стр. 158—9.

3) Род. въ 1417 году, † послѣ 1477, сл. Rua, l. c. стр. 8.

I.

Oratio domini Zenobii florentini ad Karolum quartum Romanorum Imperatorem in commendatione famae[1]).

Stat sua cuique dies; breve et irreparabile tempus
Omnibus est vitae, sed famam extendere factis
Hoc virtutis opus (Virgilii Aeneidos x⁰. (v. 467)).

Saepe me admonere soleo, gloriosissime caesar, ne hanc qualemcumque ingenii mei conditionem officio publicae orationis experiar neve velim, quod in placido libellorum meorum comitatu minus perfecte fortasse aliquando otiosus didici, negotiosus tandem magno cum periculo in praesentia loqui, utpote et qui ingenio parum, arte minus, exercitio minimum valere me sentiam. Habebam non parvos huius meae admonitionis auctores. Memineram priscos viros omni, quae ad eloquentiam requiritur, arte compositos plurimisque, quae ad oratorem perficiendum sola natura dare potest, magna cum omnium admiratione dotatos, vereri semper ac pave-

1) Такъ озаглавлена рѣчь въ вѣнской рукописи. Въ лейпцигской она надписана иначе: Oratio Zebon (?) Zenobii de Florentia in laureatione sua ad Karolum Quartum romanorum imperatorem semper augustum et Bohemiae regem de Fama, extra cathedralem ecclesiam Pisanam mane Ascensionis Domini pridie Idibus Maji in praesentia Domini Ostiensis aliorumque praelatorum, principum et nobilium multitudine numerosa.— Въ флорентійскомъ спискѣ заглавіе такое: Ad serenissimum imperatorem Carolum Quartum et Bohemiae regem de Fama, extra cathedralem ecclesiam Pisanam im mane Ascensionis Domini in praesentia Domini cardinalis Ostiensis et aliorum praelatorum Zenobii de Strada poetae Florentini oratio incipit.

scere, quotiens in commune sua trahebatur oratio. Legebam mirabilem illum Crassum, cuius divinum ingenium immortalitate dignum tantis Cicero laudibus extollit, adeo pertimuisse facies hominum, ut in principio orationis semper albesceret. Sciebam quam periculosum esset judicia tentare aurium, quae, Cicerone nostro testante, cum oratorem perficiunt, superba admodum et indignantia sunt. Nec ignorare poteram, quod saepe mihi ad profundum mentis infixeram, non satis esse bene bona dicere, nisi in quadam audientium admiratione incredibili quadam dicendi magnitudine sese orator advertat, cum secundum Plinium orationi et carmini parva sit gratia nisi eloquentia summa sit [1]). At quid erit quod in magna principum et doctissimorum virorum frequentia admirabile seu summum videri debeat, cum illis pro rerum gestarum magnitudine, istis pro ingeniorum suorum profunditate minus videri possit omne quod dicitur? Sentiant, ut volunt, ceteri, ego vero jam dudum mihi suasi verum illud esse quod dicebam ad virum magnificum dominum Nicolaum Melfiae magnum regni Siciliae senescalcum, studiorum meorum ab annis adolescentiae promotorem, et, ut cum Virgilio loquar, Mecenatem meum: nam quotiens itinerantibus nobis et ad te, caesar, festinato gressu proficiscentibus ille me ad hujusmodi actus impelleret, respondebam timere hominum conventum considerantis esse, non timere vero aut confidentis aut dementis. Quod si pertimescenda sunt aurium quarumcumque judicia, quanto magis et principum, nec tantum principum, sed eorum, quos sive illius more saeculi, sive magis ad inexplicabilis maiestatis testimonium divos in terris nominavit antiquitas? Haec omnia itaque etsi ut taceam mihi suadeant, invictissime cesar, ne forte tam sacras aures rudis nimium et incultus sermo offendat, vincit tamen meum tacendi propositum patientia tua, plusque apud me illa valet ut loquar, quam conscientia meae parvitatis, ut taceam. Cujus quidem patientiae etsi toto terrarum orbe gloriosum famae testimonium habes, petitam tamen a te impetra-

1) Ep. V, 8.

tamque veniam velim, ut illam meis in rebus testis experiar. Ea enim cum majoribus in agendis praecipue cernitur, tum etiam maxime in audiendis patienter sermonibus comprobatur. Hujus ergo cum iam ipsa me serena facies tua certum faciat, ne exordiendo amplius modum excesserim, invocato, ut bene et religiose fieri solet, divino prius auxilio, dehinc favore tuo (cum neque recte aliquid inchoetur, nisi post deum faverit Imperator), uno praemisso, quod cum apud famosissimum principem loquar, de fama erit qualiscumque hic sermo meus, jam tactum superius Virgilianum thema recipio.

Stat sua cuique dies etc. Nolo, dive caesar, pro novitate thematis si forte miretur quispiam, inexcusatus incipere, quod praeter omnium pene mores verba Dei et sacrarum scripturarum themata relinquam, carmen poeticum in proponenda oratione suscipiam. Illud enim si quis miratur, attenderit Tullii dictum secundo de Natura deorum[1]): neminem virum magnum fuisse sine divino afflatu; profecto quodcumque ab hujusmodi praecipuis viris bene dictum est, non tantum judicabunt poeticum, sed divinum. Neque hujus tantae praeelectionis meae causa est, ut haec sacri canonis scriptis anteponam vel comparem, sed quia familiaritas major cum his illustribus viris me reddit ad eligenda in illis themata promptiorem. Et haec pro excusatione thematis.

Ut intenta iam prosequar: inter alia, quae non humano tantum, sed toti animantium generi natura, sive ipse naturae opifex Deus tribuit, illud praecipuum est, ut quoad possint se ipsa tueantur fugiantque contraria. Nec hoc priores nostri in animantibus tantum, sed novo quodam appetitus genere in arboribus, elementis[2]) atque omnino insensibilibus senserunt. Quae res nisi per se ipsam eniteret (utpote, quae ad sensum patet), poterat ad fidem faciendam primo de Officiis intervenire Tullius, tertio De consolatione Boetius. Hunc autem sui ipsius conservationis appetitum, quantum

1) II, 167.
2) Plantis ?

mihi plurima percurrendo vidisse fas fuit, philosophi ipsi tripliciter diviserunt, ut primum dicerent individui, secundum speciei, tertium nominis: primum quidem rebus omnibus voluerunt esse communem, hominibus ac belluis, arboribus et plantis, sic et non sensibilibus et omni penitus vitae ratione carentibus, ut ceteris; secundum adhuc minus communem esse, tertium vero tantum hominibus convenire. Primus quidem est individui ad se ipsum, unde ad tuendum hoc vitale individuum videmus primo adeo intentos homines, ut non vitalibus tantum alimentis se ipsi conservent, sed ad tuendam hanc qualemcumque corporis animaeque congeriem multiplices suae defensionis artes atque instrumenta reperierint. Nec bruta minus videmus pastum quaerere, et ad tuendam vitam alia gramineis campis, alia nemoribus, alia domesticis atque, ut ita dicam, locis humanis utuntur; aliis natura velocitatem dedit, alias quoque unguibus armavit et morsibus; similis quoque esset de volatilibus et reptilibus ratio; hinc et vegetabilia etiam non ignoro sic in loco singula conservari: sicut secundum Aristotelem corrumpuntur in tempore, locis sibi (ut Boetius ait) convenientibus haerent, ut alia pratis, alia montibus, alia paludibus, alia siccis arenis, alia sationalibus in agris, alia in hortis, alia nemoribus oriantur, alia silvis gaudeant, alia intacti et solidi soli parvo admodum humore contenta sint. Quod ne forte putes praeterisseVirgilium, audi illum Georgicorum primo [v. 54]:

Hic segetes, illic veniunt felicius uvae;
Arborei fetus alibi atque injussa virescunt
Gramina. Nonne vides croceos ut Tmolus odores,
India mittit ebur, molles sua thura Sabaei?...
Continuo has leges aeternaque foedera certis
Imposuit natura locis,

et cetera. Multa quoque et de inanimatis dicenda suppetunt, quae praetereo.

Sed et secundus appetitus dicebatur speciei, qui tantum sensibilibus et vegetabilibus convenit. Cogitant enim talia indivi-

dua, dum perpetuam ducere vitam nequeunt, sibi simile aliquid gignere, ut sic succesiva quadam perpetuitate serventur. Hinc ergo terrestrium et volatilium fetus, hinc pullulantes plantae, hinc multiplicatio seminum et quidquid talium multiplicatur aliquo modo vel gignitur.

Sed ne longius ista tractando sperato tardius oporteret prosequi principale propositum, erat tertius appetitus, nominis ut dicebam, quem non fortuna, non casus, sed natura ipsa magistra atque dux optima nobis indixit. Siquidem iste, ut primo dicebam, appetitus non volatilibus, non reptilibus, «et quae marmoreo fert monstra sub aequore pontus» [1]) communis est, non insensibilibus, sed humano tantum generi natura inpellente donatus est. Hinc est enim illa quaecumque vita quae, ut more majorum loquar, et iam in hac vita (neque enim de vita futura mihi sermo est) famosos viros conservat, ut saepe nonnullos cum illustribus mortuis magis conversari delectet, quam cum viventibus ignavis. Haec est, dico, illa vita, quae ut majores voluerunt, citra deos, hoc est, intelligentias separatas, et ultra bruta nos provehit, quorum siquidem appetitus ad id solum, quod praesens est, se accomodat, nihil se promovens ad futurum. Hinc ergo egregiis viris curam esse propagandi nominis videmus; hinc enim apud illustres priscos magnorum negotiorum gesta, belli domique perfecta sunt, hinc literarum monumenta, hinc urbium principia, hinc ingentia et erecta in caelum edificia, hinc marmorea templa, et erectae turres ad sidera; hinc enim qualecumque potuit invenit natura medium, ut, si perpetui esse non possumus, saltem, ne more bestiarum vixisse videamur, egregiorum factorum nostrorum famam et operum suorum exemplaria ventura longe posteritas inveniret, ne si torpescendo vitam silentio duceremus, aeternas nobis tenebras decerneremus et damno etiam posteris videremur, quod praeclarissime in principio Catilinarius Sallustius advertebat dicens: Omnes homines qui sese praestare ceteris animalibus student, summa ope

1) Virgil. Aen. VI, 729.

niti decet, ne vitam silentio transeant uti pecora quae natura prona atque obedientia ventri finxit. Sed postquam, ut dico, hoc nobis desiderium sit a natura tributum, ut vivendo vitam nobis posteram indagemus, tamen, ut a Tullio nostro tertio Rhetoricorum habemus, nihil est quod aut natura extremum invenerit aut doctrina primum. Ex quo vero colligi potest non satis esse in nobis optimos et naturales appetitus, nisi illi in nobis arte et doctrina perficiantur, et eo certe magis quaerenda est regula et doctrina in rebus memorabilibus, de quibus futura est haec qualiscunque collatio, quod secundum medicos vita brevis, ars vero longa est, immo magis ars ipsa difficilis. Quid enim tibi difficilius inter humana negotia quispiam dederit, quam id agere, dum vivis, unde, dum mortuus fueris, vivas? Quod bene profecto advertens praeceptor ille Virgilius (quem secundum Macrobium [1]) nihil latuit, nullius disciplinae error involvit, utpote praeco ingens et doctor vitae et praeclarissimus poeta quidem, secundum Augustinum primo De civitate Dei [c. III], magnus et optimus, et secundum eundem in eodem XXI° capitulo VI° poeta nobilis), proposita prius brevitate temporis, factis illustribus ac virtute conspicuis insistendum esse, ne tamquam non fuerimus, moriamur, in propositi thematis verbis eleganter ostendit dicens: «Stat sua cuique dies» etc. In quibus quidem verbis, quantum me incuria dividendi sermocinantium more cogitare permisit, tria brevissime Maronea illa tuba monstrat: primo namque ostenditur praefixi nobis temporis sine ulla exceptione necessitas, quia «stat sua cuique dies»; secundo percurrentis vitae nostrae sine ulla reparatione brevitas, «quia breve et irreparabile tempus omnibus est vitae»; tertio propagandi nominis pro aliquali compensatione donata nobis utilitas, «quia famam extendere factis hoc virtutis opus».

Primo ergo «stat sua cuique dies», ubi ostenditur praefixi nobis temporis sine ulla exceptione necessitas, quia stat, id est praefixa est, immobilis est sua cuique dies, id est tempus vitae vel terminus, nam secundum Servium feminino usus est genere, cum enim

1) Comm. in Somn. Sc. II, 8, 1.

masculino utimur, re vera diem significamus, non vitam. Sane hic non mediocriter attendendum, inclite caesar vosque viri proceres et egregii: duas enim, si bene legisse memini, philosophorum sectas reperio adversas sibi atque omnino contrarias, quorum alii nihil casibus et fortunae subjectum fore, sed omnia fato subjecta esse posuerunt, ut stoici, alii vero, ut epicurei, nihil fatali urgeri necessitate, sed omnia casibus casuum temeritate procedere. Hi generari infinitis mundum ex atomis et corrumpi, Cicerone nostro testante, cum naturam deorum dixit, voluerunt; quod vero primi fatum intelligerent, quaere Augustinum quinto de Civitate Dei, capitulo VIII et XI°, ubi tam copiose quam curiose ista tractantur. Secundum ergo primos dicunt aliqui locutum esse Virgilium hic in X°, et de morte Didonis in IV [v. 697]: Sed misera ante diem subitoque accensa furore. Ego vero, ut clarius, quid exinde Virgilius pro veritate sectarum intellexerit, quantum videre licet ostendam, id dicam, quod saniores intelligunt: corporibus enim caelestibus nemo dubitavit corpora humana subjecta esse, non animos, et ab his tamquam a causis adeo vitae nostrae praefigi terminum, ut vel solum mali regiminis causa, vel sinistro casuum eventu ab eo termino citra deficere liceat, sed non ulterius tendere. Neque hoc sic exponentes putant esse debere a ratione veritatis alienum, nam sicut ignis agit in oleum ad determinatum tempus, sic et calidum in humidum, quod apertissime sentire videbatur Albertus in libro De morte et vita capitulo ultimo, ubi ait: Periodus vitae est mensura caelestis quae completur in vita, adjuvantibus illam caelestibus per circuli virtutem et eorum quae in circulo sunt siderum, et ideo illae virtutes continuo influunt generato ex ortu et occasu siderum continue super vitam scintillantium ad juvandum vel infirmandum primam virtutem caeli, quae influxa est nato in casu primo seminis. Et hoc, quia expleatur per circulum, periodus vocatur. Neque ex hoc tamen negatur casus neque ex hoc ponitur ulla humanae libertati necessitas; ita enim credere causantibus sideribus et caelo omnia fatali necessitate procedere absurdissimum esset et a religione veritatis extraneum, unde et contra hos disputat Augustinus, ubi

supra, et Gregorius alibi. Absit a fidelium mentibus, ut fatum aliquid esse dicamus, sed tamen si praefigi nobis isto modo vitae terminum et christiana religione conceditur, tunc «stat sua cuique dies», id est a caeli et siderum motibus praefixa est, quod a quibusdam fatum caeleste dicitur, non tamen illud caeleste generaliter, quod dicebant primi. Triplex enim ego fatum reperio, unum caeleste, quod dividi posset, ut iam patet, secundum poeticum, tertium divinum. De caelesti satis dictum est, de poetico aliquid infra dicetur, mox vero de tertio. Sed quia sermo de fato sacris doctoribus est abhorrendus, praecipue propter vocabulum, ideo, ut securius et altius loquar et quomodo profundissime credo intellexisse Virgilium, dicamus periodum vitae hominis praefigi sibi ab ipsa divina providentia, quae dicitur fatum divinum, et tunc stat, id est stabilita et praefixa est hominis vita ab illa dei providentia quae cuncta disponit. Quod autem ista fuerit intentio Virgilii satis ex sequentibus monstrari posset: ex verbis Jovis ad Herculem, nisi alias mea festinaret oratio. Siquidem non parum interest, praefigere siderum et hujus divinae providentiae: in sideribus enim, ut dictum est, praeveniri potest ultimum, sed non praeteriri, hanc vero dei providentiam vel festinando vel praetereundo non fallimus: neque enim citius quisquam moritur quam deus providerit, neque ultra progreditur. Quinimmo audi verbum grande beati Gregorii XVI Moralium [c. X]; ubi cum super illo verbo Job: «qui sublati sunt ante tempus suum» multa de divina providentia disputasset, tandem concludit: neque alio in tempore quisquam mori potuit, quam in illo, in quo moritur. Quomodo autem solvatur contingens mortis et vitae, alterius est speculationis, non meae, sed eorum, quorum doctrina fides nostra est: timide enim et minus libenter [1]) de hac materia loquor, sed ut videtis invitum me prima thematis particula sic coegit. Sed tamen ex dictis multa solvuntur quae non mediocribus viris in Virgilio dubitatione digna sunt: ut illud Aeneidos 4to [v. 653]: Vixi et quem dederat cursum fortuna peregi, et in eodem [v. 697]: Sed misera ante diem; in eodem etiam de imprecatione moriturae Didonis contra Aeneam

1) Лейпц. ркп. bis libenter. Можетъ быть: dislibenter.

[v. 620]: Sed cadat ante diem, et Aeneidos VI° [v. 429] et XI° [v. 28]: abstulit atra dies et funere mersit acerbo, et in eodem XI° [v. 166] de ploratu Evandri pro morte filii sui Pallantis: Quod si immatura manebat Mors natum; multaque id genus quae ex dictis facillime solvuntur. Nemo igitur miretur sic Virgilium suam omnibus diem statuisse, cum etiam apud sacri canonis scripta eadem fere ad litteram verba legamus, ut pro concordantia tam secundae quam primae particulae faciat illud Job XIV, 5: «breves dies hominis sunt, numerus mensium eius apud te est, constituisti terminos ejus qui preteriri non poterunt». Super quo verbo egregie Gregorius XII Moralium ad clariorem intellectum tam secundae quam primae particulae—et erit finis primae partis: breves, inquit, dies hominis sunt, hoc enim velut non esse considerat, quod tanta velocitate transcurrit; quia vero apud omnipotentem Deum etiam labentia stant (Ecce: stat sua cuique dies), apud eum esse numerum nostrorum mensium perhibet. Quod sequitur: Constituisti terminos ejus qui praeteriri non poterunt, ubi Gregorius: nulla, inquit, quae in hoc mundo sunt, absque omnipotentis consilio dei eveniunt, nam cuncta Deus futura praesciens ante saecula decrevit, qualiter per saecula disponantur. Nam si Ezechiae regi annos XV addidit omnipotens Deus, cum eum mori permisit, tunc eum praescivit esse moriturum, qua in re questio oritur, quomodo ei per prophetam dicatur: dispone domui tuae, quia morieris tu et non vives? cui cum mortis sententia dicta est, protinus et ad ejus lacrimas vita est addita. Sed per prophetam dominus dicebat, quo tempore vir ille mori merebatur, per largitatem misericordiae illo eum tempore ad mortem distulit, quod ante tempora ipse praescivit; nec propheta igitur fallax est, quia tempus mortis innotuit, quo vir ille mori merebatur, nec divina statuta convulsa sunt, quia ut ex largitate Dei anni crescerent, hoc quoque ante saecula praefixum fuit, atque spatium vitae quod inopinate foris additum sine augmento in praescientia fuit intus statutum. Bene ergo: constituisti terminos ejus, qui praeteriri non poterunt. Haec originaliter Gregorius ubi supra.

Nunc ad secundam partem thematis brevissime, quae jam ex dictis patere potest, quia: «Breve et irreparabile tempus omnibus est vitae», ubi ostendebatur percurrentis nostrae vitae sine ulla reparatione brevitas, quod ille certe melius vidit, qui non tantum breves dies hominis, sed nihil esse monstrabat Job VII [v. 16]: Parce mihi, Domine, nihil enim sunt dies mei; aliter vero: quia nihil umbra fugacius, nihilque brevius, dies hominis umbrae comparabat Paralipomenon XXXVIIII° [I, 29, 15]: Dies mei quasi umbra super terram et nulla mora est. Et Affricano 2° superior Affricanus, dum ille quaesisset, an viveret ipse et Paulus pater aliique, quos nos extinctos esse arbitramur: Immo vero, inquit, hi vivunt, qui corporis vinculis tanquam e carcere evolaverunt, vestra vero, que dicitur vita, mors est. Ita enim audita morte filii Anaxagoras dicebat: Quid enim novi hominem mori, cujus tota vita nihil aliud quam ad mortem iter est? Ita Seneca de consolatione fratris ad Polybium et Valerii V° capitulo ultimo de his qui mortem filiorum forti animo tulerunt. Bene ergo «Breve et irreparabile tempus omnibus est vitae». Nonne homo natus de muliere brevi vivens tempore et fugit velut umbra, Job XII° [XIV, 2]? Umbrae enim transitus est tempus nostrum et non est reversio, Sapientiae 2° [5]; pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas regumque turres, o beate Sesti, vitae summa brevis spem nos vetat inchoare longam, Horatii primi carminum oda IIII. Ergo et non inconvenienter poetae doctissimi hanc fugacem et brevissimam vitam nostram filis comparaverant, ponentes siquidem nostri temporis deas, quae, quod superius dicebam, fatum poeticum appellantur, quae sunt Clotho, Lachesis et Atropos, suis illas officiis distinguentes, ut prima colum impleret, secunda fila duceret, tertia vero fila truncaret, a quibus siquidem deabus vitae nostrae integumentum ex earum interpretatione collegimus. Siquidem Clotho conversio dicitur, quae significat vitae nostrae principium generationemque, quae est progressus de non esse ad esse; Lachesis sors interpretatur, quae significat vitam nostram quam continuo vivendo sortimur; Atropos sine ordine dicitur, per quam intelligitur vitae finis qui saltem

apparentem ordinem non habet, juxta illud Senecae de consolatione fratris ad Polybium [Dial. XI, 11, 14]: omnes, immo omnia in ultimum diem spectant, non idem omnibus finis est. Alium in medio cursu vita deserit, alium in ipso aditu relinquit, alium in extrema senectute fatigatum et jam exire cupientem vix emittit: alio quidem atque alio tempore, omnes tamen in eundem locum tendimus. Et sic verum est illud Claudiani de raptu Proserpinae [III, 411]: nullo Lachesis discrimine saevit; hinc est quod in quodam carmine meo dixisse me recolo:

Nunc sine lege cadunt homines atque ordine nullo,
Saevit atrox Lachesis: juvenes nunc impia tollit
Indole surgentes nimia rebusque secundis,
Infantesque cadunt alii, caelumque videre
Vix datur; huic tristis servatur vita senectae.

Has insuper tres deas posuerunt diras, indomitas, ferreas, immobiles, inexorabiles non aliam ob causam, puto, nisi ut staret sua unicuique dies. Ita Seneca tragoediarum suarum tragoedia prima [H. F. 181]: durae peragunt pensa sorores, et (Statius) Thebaidos VI [45] de verbis Adrasti ad Lycurgum pro morte Archemori: ipse datum quotiens intercisoque tumultu conticuit stupefacta domus, solatur Adrastus alloquiis genitorem ultro nunc fata recensens resque hominum duras et inexorabile pensum. Et Thebaidos primo [327]: seu fors illa viae sive hac immota vocabat Atropos; et in eodem [III, 555]: ne ferrea Clotho. Bene ergo dicebas, egregie vates Maro Virgili: Breve et irreparabile tempus omnibus est vitae. Ita Seneca, ubi supra: durae peragunt pensa sorores, nec sua retro fila revolvunt. Igitur bene Georgicorum primo [284]: Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus.

Potest autem, nisi stilum mutes, patientissime caesar, haec vitae vera brevitas designari maxime propter tria, nam et propter breve spatium, propter velox medium et propter imminens periculum. Jam enim de brevitate satis dictum est, velox vero medium est tempus, quod cum secundum philosophos sit motus caeli propria passione, nemo potest ejus celeritatem satis imaginari nec dicere; nempe

enim, ut ex verbis Vellei ad Balbum optimum oratorem [N. D. I, 24] Cicero meus dicebat, caelum ea velocitate contorquetur, cui nulla par ne cogitari quidem nec esse potest; bene ergo Metamorphoseos [X, 519]: «labitur occulte fallitque volatilis aetas Et nihil est annis velocius»; «eheu fugaces, Postume, labuntur anni, nec pietas moram rugis aut instanti senectae afferet indomitaeque morti, non si trecenis quotquot eunt dies, amice, places illacrimabilem Plutona tauris, qui ter amplum Geriona Ticionque tristi compescit unda, scilicet omnibus quicumque terrae munere vescimur enaviganda, sive reges sive inopes erimus coloni, frustra cruento Marte carebimus,....... frustra per autumnos nocentem corporibus metuemus austrum,.... linquenda tellus et domus et placens uxor, neque harum quas colis arborum te praeter invisas cupressus ulla brevem dominum sequetur». Haec oda LII° [1]) in libro carminum satirus Venusinus. Bene ergo velox et intractabile, velox et irreparabile, quod nulla sanctitas, nulla pietas, nulla religio retrahit, nulla vis refrenat, quin per continua successivum momenta deficiat. Si otiosus es, tempus otium nescit, quia, ut alter ait, «nulla otia caelo»; si dormis, illud vigilat, si te curis exerces, illud mensura curarum est, denique quicquid agas sive non agas, tempus tamen semper agitur et nulla mora est. Et sic «dum loqueris potumque petis somnumque cibumque, tempora per tacitum fugiunt».

Sed et 3° designatur haec brevitas propter imminens periculum, nam sicut, ut superius diximus, a caeli et siderum motibus praefixus sit periodus vitae hominis, tamen innumerabiles pereminent casus, quibus ad exitum festinamus, ut paucissimos admodum vel non ullos esse, qui periodum vitae suae perficiant, satis sine ulteriori ratione persuasum esse jam debeat, ut bene sui nunquam acuminis immemor dixit Quintilianus: omnis dies per tacitas fallentesque horas nos applicat fato. At quid dicimus, quid tantis aliorum sententiis, quasi nihil a nobis videamur

1) Ркп. LIIII; дѣло идетъ объ одѣ II-й, 14; если включить въ счетъ и оды I-й книги, то цитуемая придется LII-ой.

inniti? Hunc jejuna fames interficit, hunc supra mensuram sumptus cibus occidit, hic labore vincitur, ille otio torpescente marcescit, alium sitis arida, alium potus interficit, alter maximis procellis obruitur, ille igne succenditur, hic morbo deficit, hic ferro perimitur. Et ne casuum fortasse, qui humano capiti innumerabiles imminent, designatos esse (aliquos) velle nunc videar, non multa sed infinita sunt potius, quae nos ad exitus praefixos impellunt, quia, ut ait Statius [Theb. IX, 280], mille modis leti miseros mors una fatigat. Bene ergo, ut illuc unde orta est terminetur oratio, «breve et irreparabile tempus omnibus est vitae».

In hoc itaque tam fugaci et irreparabili vitae nostrae curriculo agamus aliquid, quod dum illa labitur, non labatur, ut exigamus nobis tandem secundum Horatium [1]) monumentum aere perennius, quod nec imber edax, nec aquilo impotens possit diruere, aut innumerabilis annorum series et fuga temporum, et eo praecipue, quo tam veloci cursu festinamus. Et ad servandum penes posteros nomen naturalis, ut dictum est, appetitus iam nos impellit; qua vero via hoc facere possimus, ille quem supra hujus sermonis ducem suscepi et tertia et ultima thematis parte nos docet dicens: «Sed famam extendere factis hoc virtutis opus». De qua siquidem pauca dicam, si patiemini, princeps inclite, vosque viri proceres et egregii; eo enim brevius ista transcurram, quo jam, ut Apuleius platonicus ait, mihi docendi non estis, sed admonendi, eoque securius, quo superioribus in locis sum a te, invictissime caesar, bene ac diligenter auditus.

Sed antequam de re dicere incipiam, illud mihi solvendum est, ne putaverit quispiam qualicumque me verborum blandimento ignavis gloriae fore suasorem: neque enim id dico, ut virtuti cuipiam aut claris rerum negotiis propter hanc solum mundi famam diligentia sit adhibenda, sed illud magis pertinere ad unumquemque talem esse, ut suas laudes nulla possit obscurare oblivio, nulla delere antiquitas, nulla oblivisci posteritas; nam,

1) Carm. III, 30.

etsi, ut quosdam philosophos putare ait Tullius, virtutis laus post defunctum morte suprema corpus nihil ad virtutem activam attinet, tales nos tamen esse decet, ut vitae et operum suorum exemplaria a nobis veniat acceptura posteritas, ut sic doctrinam doctrinae addendo, artem arti, exemplar exemplo, consilia continuo et vitae rationes excrescant, meliorque fiat successione temporum aetas nostra; sed illud pro modo sit, quale a nobis sancte ac religiose putari debere doctiores volunt. Ego vero satis intentioni meae persolvisse videbor, si qua via ad famam et gloriam tenditur juxta propositum thema exposuero, quia «famam extendere factis hoc virtutis opus». Sed quia coincidentia saepe vocabulorum fallimur, illud sciendum est, ut ad famam clare significandam veniamus, differentiam esse inter nomen, laudem, gloriam et famam: et enim nomen et laus mediocrium proprie rerum sunt, sed nomen est rei absentis, laus, proprie loquendo, praesentis, et fama et gloria sunt operum clarissimorum; sed est proprie gloria rei praesentis, fama vero absentis, et est fama quae foris extenditur, gloria vero quae a merente recipitur. Si vero quando coincidant horum nominum significationes, hoc facit auctorum artificiosa eloquentia, quorum est de eadem re multiplicitate vocabulorum uti; quin immo ego saepe coincidam, idem enim pene sunt secundum subjectum, solum hac ratione differentia. Sed quia de fama solum et de fama post vitam est locus iste ultimus, quem vobis patientibus, caesar et proceres, paucis dictis expedio, illud sciendum est eadem pene ad veram famam requiri, quae requiruntur ad gloriam; quae autem sint, quae requirantur ad gloriam, ne verbis meis utendo ab alio traxisse videar, et quasi avis derisoria aliena me pluma vestire, audite, precor, Ciceronem meum 2°. de Officiis, ubi, cum multis primum de amicitia et benevolentia disputatis veniret ad gloriam, ait (De off. 2, 31): Summa igitur gloria et perfecta constat ex his tribus: si diligit multitudo, si fidem servat, si cum admiratione quadam honore dignos nos putant. Nota: si diligit multitudo, neque enim unius hominis dilectio proprie gloriam facit, nisi

elle fortasse sit homo potens, qualis est princeps, quia tunc «principibus placuisse viris non ultima laus est» [1]). Si fidem servat, ne scilicet ad tempus, sed perpetuo sine metu aliquo suspicionis diligamur. Si cum admiratione quadam honore dignos nos putant, ut scilicet virtutes et operum nostrorum gesta supra humana fuisse ingenia et ultra quam natura concederet audientes pariter et videntes intelligant; quamquam et Terentianus ille Chremes [2]) humani a se nihil alienum putet, verum is est summus humanarum rerum gradus, cum virtus nostra tanti sit, ut plus semper videatur admirationis habere, quam gloriae. Sicut igitur tria sunt, quae nobis viventibus gloriam pariunt, sic et res ita gerere oportet, ut tria sint, quae servent nobis mortuis famam, ut scilicet diligat multitudo, non multitudo tantum civitatis aut patriae, sed ut dilectio haec ad nationes etiam exteras extendatur. Ea autem dilectio sit benivolentia, sicut et dum vivimus saepe diligimus quos non videmus, ita et nos diligant posteri, nobis congaudeant, saepe de nobis loquantur, imaginentur, contemplentur libenter, in nostra velint incidisse tempora, nobiscum habuisse colloquia, sicut et nos de praecedentibus facimus. Nam quis est hominum hodie, quem bene meritorum famae et gloriae ardor incendat, qui cum de Scipionibus, Leliis, Emilianis, Scauris, Corvinis, Metellis, Fabiis et divis ante omnia Juliis, aliisque illustribus aetatis priscae familiis audit, non totus in illorum ardorem efferveat, non illos vidisse velit, de quibus audire laetatur, in illorum tempora incidisse, illorum res gestas tanta claritate vidisse? At quis est praeterea, ut jam ad gymnasia studiorum veniam, qui cum Solones, Socrates, Platones, Pythagoras, Architas, Aristoteles aliosque divini potius quam humani ingenii viros audit, non illos diligat, non, cum illos legat, magna contempletur devotione vel doceatur? O virtutis praeclara conditio, ut quos illa sentimus praeditos, extinctos etiam meritis superstitibus diligamus! Sed et fides

1) Horat. Epist. I, 17, 35.
2) Hautont. I, 1, 25.

servanda sit, ut scilicet nihil habeant posteri, unde virtutibus nostris detrahant, quinimmo illas pandere gaudeant, verbis attollere gloriososque de illis habere sermones: non sit nobis livor invidiae, sed aemulatio potius imitationis. Sed, et, tertio, cum admiratione quadam de nobis audiant posteri, ut gesta nostra vel scripta humana videantur transcendisse negotia; jam exinde condoleant aetati suae, jam fastidiant tempus, in quo vivunt, obstupescant, cum de nobis audiunt vel legunt, magna dicant talia a prioribus fieri potuisse vel dici. Quod si talia vivendo nobis pepererit virtus nostra, tunc in memoria hominum erimus, cum jam non erimus, tunc vivemus extincti, cum mortui erunt multi viventes. Verum enimvero, ut ait Sallustius, is mihi demum vivere atque frui anima videtur, qui aliquo negotio intentus praeclari facinoris aut artis bonae famam quaerit. Hic enim talis iam extinctus vivit, quia vivet cum vate superstes gloria, Metamorphoseos XV; vivit vigetque fama rerum gestarum dicebat Titus Livius decadis tertiae libro V°. Erant verba L. Marcii ad congregatos post mortem duorum bello Hispano ducum praeclarissimorum Gneii et Publii Scipionum; ast alii etiam viventes extincti sunt. Erigat igitur aliquis, ut ait Valerius, praemia virtutis, cum videat tales viros felicius duxisse mori, quam vivere ignavos. Nihil ergo talibus viris brevitas temporis nocebit, quorum mortes longe maiores quam aliorum vitas posteritas aestimabit quique vitae brevitatem longitudine famae et diuturnitate nominis superabunt. Ita enim super proposita thematis particula Servius dicebat ideo amandas esse virtutes, ut vitae brevitas et famae et gloriae meritis possit augeri, quamquam, ut superius dixi, non ideo tantarum magnarum rerum et virtuosarum gesta suadeam, ut illae nobis hanc solum mundi gloriam pariant. Scio enim, ut statim sequitur, eam satis dignum praemium non esse virtutibus, verum eam ad bene res gerendas constat summos saepissime viros hortari. Nam mihi facti fama sat est Aeneidos VIIII° [v. 194]. Admiranda enim et laudabilia multa fecit famae et gloriae cupiditas, Augustinus V° de Civitate Dei ca° XII°. Probet

igitur se ipsum homo et intra rationis suae judicium virtutes suas examinet et in ea se, qua maxime pollere putet, exerceat. Si res militaris, si armorum strenuitas, si conservatio vel acquisitio pacis in populos, si ferri audacia magis illum deceat, vel salubritas consilii, si securitatis, si magnanimitatis, si magnificentiae, si constantiae, si moderationis, si audaciae, si justitiae, si fortitudinis, si denique omnium virtutum vel aliquarum saltem possit clarus executor existere, si etiam naturae secreta acutissimis investigationibus aperire, si res gestas scribere, si poetica fingere, si oratorie disserere, si mechanicis etiam in artibus aliquid novum invenire, vel in inventis ceteros superare. Nemo igitur satis digne se excusaverit, cum tam multae variaequae sint artes, quibus, ut Sallustius ait, summa claritudo paratur. Denique ut jam ad unumquemque vestrum et ad te praecipue caesarem, cuius hic totus sermo est, loquatur Plinius (Epp. 1, 3, 4): Effinge aliquid et excute quod sit perpetuo tuum, nam cetera rerum tuarum post te alium atque alium dominum sortientur, hoc, scilicet virtutis opus, nunquam tuum esse desinet, si coeperit.

Hanc habui, ut jam verbis finem faciam, neve ut aliter ait usque ad fastidii necessitatem protendatur oratio, quae apud te, principum serenissime, vosque viros proceres et egregios ad virtutes exortatione loquerer. Credo enim, ut Philippicarum oratione prima Tullius meus ait (Ph. I, XII, 29), vos nobiles, magna quaedam spectantes, non pecuniam, ut quidam suspicantur, quae semper ab amplissimo quoque clarissimoque contempta est, nec opes violentas, sed caritatem civium et gloriam concupisse. Ea est autem gloria et laus recte factorum magnorumque in rempublicam meritorum, quae cum optimi cujusque, tum etiam multitudinis testimonio comprobatur, quin immo ea est gloria, quam ipse alio in loco clarius diffinivit orationum suarum oratione ultima et praeclarissima ad Julium Caesarem pro Marco Marcello. Et ex his aliqualem videre possumus differentiam inter gloriam et famam. Nam ponit famam in diffinitione gloriae (nolo tamen putetis oratorias diffinitiones esse logicales aut naturales); ait ergo

(p. M. VIII, 26): Si quidem gloria est, illustris et pervagata multorum et magnorum (ecce quod superius dicebam gloriam et famam esse magnorum) vel in suos cives, vel in patriam, vel in omne genus hominum fama meritorum; fama dico bonum, non fama malum, de qua Virgilius in IV^{to} (v. 174): qua non aliud velocius ullum mobilitate viget viresque acquirit eundo; non fama malum, de qua Titus Livius decadis tertiae li^{0} 4to: qua nihil vitalibus rebus est celerius; sed fama bonum, qua ut nihil rarius, nihil tardius, ita nihil toto orbe praeclarius; non potest enim malum esse quod a virtute proficiscitur, quae, ut 2^{0} Ethicorum ait Aristoteles, habentem perficit et opus suum reddit. Itaque si «famam extendere factis hoc virtutis opus» est, male putaverit quispiam aut divitiis aut nobilitate forsitan sanguinis famam aut gloriam quaerere, factis enim illa quaeritur, non pro genitorum meritis, aut pecunia, nec factis qualibuscunque, sed virtuosis, quia hoc virtutis opus, quod non est aliud, nisi virtuosa sunt opera quae famam extendunt.

Multa praeterea circa id disserere fuerat animus, nisi scirem ante quem loquerer. Itaque paucis ad te conversis, expectatissime ceasar, finem facio. Sentio, serenissime principum, quanta cura quantoque studio divi cesares et augusti famae cultores fuerint et ea, ut ad posteros transiret, non defendisse tantum, sed additis semper ad virtutem stimulis romanum imperium auxisse. Magno profecto exemplo priores habes, quos imiteris, quorum, si famam quaeris, aut superare aut aequare gestis oportet; grandis quippe via tibi restat—romani Imperii satis jam pressum caput extollere. Sed grandia granditer agentibus fortuna praesto est. Res mira et creditu difficilis orbem terrarum sacri imperii freno subicere, sed perfacillima erit, si memineris, quam parvis initiis adeo res romana crevit, ut, subacto jam orbe, Octaviani tempore sua, ut refert Titus Livius, magnitudine laboraret [Liv. praef.]. Tu itaque «magnae spes altera Romae» [1]) macte animi, ut

1) Virg. Aen. XII, 168.

dici solet, esto; quod tibi, Deo favente et sanctae Romanae ecclesiae antistite, donatum est, pro viribus tuis amplectere, magisque velis, precor, Imperator esse quam dici. Jam te non cura patriae, non hereditarii regni tui paterna successio, non te tuorum mores aut lingua, cum quibus ab ipsis infantiae primordiis es versatus, retrahant, quin magis velis esse italicus quam germanicus: Italia tua patria est, tua sedes est, et ante omnes, pace nationum ac terrarum omnium dixerim, sit nobilis et famosa provincia: terra, ut Virgilius ait (Aen. I, 531), antiqua potens armis et ubere glebae. Majoris profecto Italia est versantibus historias, quam moderna credit aetas. Nempe quingentis paene et sexaginta annis nunc ereptum nunc depressum in ipsa Italia Romanum caput est, qua subacta nec forte plus quam CXX annorum tempus interfuit, ut a Gange flumine usque ad Gades omnia suae ditioni submitteret et ab Hyperboreis montibus ad Affros, Mauros Ethyopesque transiret extra anni, ut Virgilius ait[1]), solisque vias. Haec igitur sit cura tua, huc animum tuum verte, hic pacem non bella geras, nisi forte res ipsa animum etiam pacis urgeret. Efferantur licet suis ad caelum titulis diversi terrarum tractus, sit hominibus frequens graius, sit cordatus arctous, accinctus gallus, nervosus hispanus, fertilis lybicus, aromaticus indus, tamen, ut 2° Georgicorum (G. 2, v. 136) Virgilius ait,

neque Medorum silvae ditissima terra,
nec pulcer Ganges atque auro turbidus Hermus
laudibus Italiae certent, non Bactra neque Indi,
totaque turiferis Panchaia pinguis arenis.

Huic prius innitere, atque ita fac, ut coepisti, accendatur animus tuus ad famam et ad aequandum priores caesares gloria, non sis huius vitae brevitate contentus, sed immortalitatis semper ardore concaleas, neque enim, ut ad Julium Caesarem Cicero meus dicebat, haec tua vita dicenda est, quae hoc corpore et hoc spiritu continetur. Illa, inquam, illa vita tua erit

1) Aen. VI, 797.

quae vigebit memoria seculorum omnium, quam posteritas alet, quam ipsa aeternitas semper intuebitur. Huic tu inservias, huic te te ostentes oportet; tunc tandem cum tu ista feceris, satis diu vixisse te dicito. Cum imperio tuo satis invigilaveris, cum pro varietate gentium justitiae administrator fueris, tarda tunc sit illa dies, cum coetus hominum relicturus non jam in fama tantum hominum, sed «in memoria aeterna eris justus et ab auditione mala non timebis» (Ps. 110 = 111,7), ubi non tantum laudibus hominum, sed beata visione aevo frueris sempiterno; neque enim virtutibus tuis satis vel facti conscientia vel fama hominum fuerit. Ita Scipio, ut refert Macrobius (C. I, IV), respondebat Lelio cum ille quereretur: Nullas Nasicae statuas factas, ait enim, nam quamquam sapienti conscientia ipsa factorum egregiorum magnum virtutis est praemium, tamen illa divina virtus non statuas plumbo inhaerentes, non coronas arescentibus laureis, sed excellentiora quaedam praemiorum genera desiderat. Et quae sunt ista? inquit Lelius; tunc Scipio: (Patimini me), quoniam tertium diem jam feriati sumus et caetera, quibus ad narrationem somnii venit, docens illa stabiliora esse et nitidiora praemiorum genera, quae ipse vidisset in caelo magnis rerum publicarum servata rectoribus; ibi enim verum erit et perpetuum regnum tuum, secundum Aug(ustinu)m in libro de triplici oraculo, omni fama majus, omni laude melius, omnique gloria quae putatur excellentius; quod regnum et quae praemia nostro quidem aevo tardius tibi nobisque tecum donare dignetur altissimus Deus, qui per aeterna regnat saecula saeculorum.

Jam satis (ut ad haec studiola veniam) de famae et gloriae cupiditate dixisse me arbitror, sacratissime caesar, quas ut penes posteros servare possimus meritis nostris, primum clarissimis operibus, dehinc incorruptis opus est rerum gestarum monumentis et scriptis. Nam quantumcumque clarissima opera nostra libens volensque praesens haec aetas attolleret, facile tamen haec fama cumque ipsa aetate deficeret, nisi historico seu poetico magis stilo

gesta nostra famae ac memoriae mandarentur, quod nisi sic visum esset prioribus tuis, caesar, profecto non tam famosi aut accepti apud eos fuissent hujusmodi cultores studii. Tanto apud eos in pretio habiti sunt, ut paribus coronari laureis poetas et caesares non puderet, ea nimirum causa, quia hi digna memoratu opera gererent, hi gesta servarent. Nunc ergo verum censeo, quia, caesar et augustus, es mores caesareos imitatus, ut ingeniorum pariter sicut imperii jura requiras — utrumque enim ad decus tuum pertinet imperii atque ingeniorum fines extendere—quorum alterum jam facis, alterum non omittis. Nam hoc tempore cum pene totum lapsa huius studii a tot ante saeculis cura esset, tu et in hoc homuncione praecipue decus poetici honoris exsuscitas, ut verum sit quod satirus Juvenalis (VII, 1) dixit: et spes et ratio studiorum in Caesare tantum, solus enim tristes hac tempestate Camenas respexit.

Res ipsa hortari videbatur, ut de speciebus aliquid coronarum dicerem, quas praetermittere satius duxi, quam aures caesareas fastidire; hoc tamen apud priores constat, aut lauro aut hedera aut mirto coronari consuevisse poetas, lauro quidem quia haec Phoebi arbor est, qui deus dicitur sapientiae, semper virens et, ut a naturalibus dicitur, nunquam fulminata, quae poetarum sapientiam et virentem ac omnibus intactam saeculis exprimeret famam, ac sicut in praemium triumphantibus laurea haec corona dabatur pro bellorum laboribus, sic eadem poetis post laborem studiorum in praemium tradebatur. Hedera quoque serpens herba, arbor Bacchi ex una parte viridis, ex altera pallens, poetarum primo facundiam et pallorem ex studiis, viriditatem ex operibus semper excrescentem significat et omnibus se magis ac magis saeculis applicantem. Hinc illud Juvenalis (VII, 28): qui facis in parva sublimia carmina (cella), ut dignus venias hederis et imagine macra. Mirtus quoque arbor Veneris est, non quidem incestae, sed concalescentis, per quam maxime demonstratur concalescens et fervens spiritus atque in praecordiis fervor ad studia ista poetica, quae non nisi divino quodam ardore haberi possunt. Etenim tanti ars ista

est, ut cum ceterae artes et labore et exercitio et studio haberi possint, ista sola non nisi praecipuo dono Dei haberi potest. Ita Tullius in oratione quadam pro Licinio Archia copiose atque eleganter ostendit. Tu itaque, caesar, unum me hodie ex talibus viris facis, seu, quia me dignum facere ipsa voluerit tuae maiestatis auctoritas, reminiscens priorum tuorum, quos constat semper sibi familiares voluisse poetas. Quid igitur, dive princeps, hic homuncio tibi referat, quem hodierna die ad tam sacrum apicem honoris attollis? Ego vero nihil dignum habeo majestati tua, nisi illud forte tibi acceptum est, ut aliquando, si fata permiserint, venturi te meque legant.

II.

Novella del Cherico d'Alessandria.

A una festa in Parigi si trovò una sera a una ciena molta buona giente di più paesi; e stando in grande festa e in grande solazo chominciarono a novellare d'una novella inn altra. Ora era tra questa giente uno giovane da Gienova, il quale era il più chortese giovane di Gienova, ed erasi partito di Gienova per andare a ghuadagniare e aveva secho bene dieci mila fiorini d'oro. Ora chominciò a novellare egli quando gli altri ebbono novellato, e disse di suo stato: chom'egli aveva la più savia donna di madre del mondo e aveva la più savia donna di moglie e lla più bella e lla più onesta che sia in Gienova o che ssi trovasse, «e di questo molto mi chonforto, chon tutto ciò che'l mio valesse già sesanta migliaia di fiorini d'oro, e oggi non ò se none diecimila fiorini d'oro; e questi cinquanta migliaia di fiorini d'oro ch'i'ò manchi, ò spesi in chortesie e in piaciere altrui. Ora e parenti e gli amici miei ánno voluto ch'io vada chon questi danari, che mmi sono rimasi, a ghuadagniare: a Ddio piaccia che chosì sia». Allotta rispuose u' merchatante molto bellissimo giovane, ch'aveva nome Chericho, ed era d'Alessandria, e disse: «Tu, giovane di Gienova, à' detto che ài la più bella donna di moglie che ssia, ed ài detto ch'ell'è la più savia e lla più onesta che ssi truovi; a chotesto ti voglio rispondere, e l'altre chose io'l ti acietto. Dicho chosì: che non è niuna donna nel mondo ch'io non credessi avere alla mia volontà, e in termine di meno di tre

mesi; e questo tolgho a tenere in piede, e metterevi suso ciò ch'io potessi fare». Allotta rispose el giovane da Gienova, cioè il marito della donna: «Io vi metto ciò ch'io ò, che ò questi diecimila fiorini d'oro; or vedi se ttu vogli mettere il pegnio». E quello Cherico d'Alessandria disse: «None vada di meno»; e inghagiarono insieme diecimila fiorini d'oro in presenza di tutta questa buona giente, che l'averebbe a ttu[tto] suo volere in termine di tre mesi, e che recherebbe tali segniali che'l marito non potrebbe dire di no; e chosì fermarono e chosì furono in chonchordia.

Ora s'aparechiò il detto Chericho per andare a Gienova molto be' ad arnese e cho molta moneta e chon quella chonpagnia che volle, e fu giunto a Gienova, e chapita ad aberghare a uno abergho, e poi l'altro die si misse a cierchare dove stava la donna del detto giovane. E quando ebbe saputo dov' ella stava, sì s'avisò d'una femmina che faciva servigio alle donne e stava nella chontrada vicina della detta donna, e fue a llei, e ssì lle favellò inn uno luogho segreto, e cominciolle a ragionare dello intendimento suo, e chome volea parlare a questa donna, e promisse di darle cinque ciento fiorini d'oro. Alotta las ervigiale sì gli rispuose e disse, ch'ella el servirebbe molto volentieri sì pella piacevoleza sua e ssì per guadagniare e detti cinqueciento fiorini; ma ella non vedea in che modo ella el potesse di ciò servire, perchè lla donna era delle più savie e delle più oneste donne di quella terra. Alotta rispuose el Chericho e disse: «I'ò pensato la via e'l modo chome voi mi potete servire sanza vostra verghognia o danno», e partissi da llei, e poi stette tre dì e tornò a llei, e pensato del modo che voleva ch'ella tenesse, e disselе: «Io m'ò pensato ch'io faccia fare una chassa, ed enteròvi entro e porteròvi da mangiare per tre dì. Fatto questo, voi andrete alla detta donna, e ssì lle direte che voi vogliate andare a una festa di lungi trenta miglia da Gienova, che v'à grandissimo perdono, e che voi siate botía di vicitare la detta chiesa, «e però io vi prieghо che questa cassa, dov'è tutto mio arnese, che voi me la ghuardiate tanto ch'io torni, e pregherò Iddio per voi e pel vostro marito, che Ddio il ghuardi di male e che llo

ci rimandi tosto sano e salvo»[1]. Alotta rispuose la donna e disse: «Molto volentieri, purchè [2]) voi preghiate Iddio pel mio marito che ccie lo rimandi sano e salvo; e però mandate la chassa quando v'è in piaciere, ch'ella fia bene ghuardata».

Alotta la femina si partì, nel suo chuore molto alegra, e tornò a chasa e favelò al detto Chericho i' luogho segreto, e disegli chome la donna era achoncia di ricivere la chassa; «e però t'aparechia, che domattina tu sia aparechiato di quello che tti bisognia, ched io farò portare la chassa». E chosì fu fatto, che lla mattina il detto Chericho entrò nella chassa chon quella vivanda che gli bisogniò. Alotta la femmina puose la detta chassa in chapo a un portatore, ed andonne chon essa a chasa la donna, e giunse suso in sala e trovò la donna, e salutolla e disse: «Madonna, echo la chassa che io voglio che voi mi serbiate». E lla donna disse: «Vo' siate la ben venuta: la chassa vi sarà bene ghuardata; e voglio che chotesto portatore la metta nella chamera mia, acciò che voi ne siate ben sichura». E lla femmina la ringraziò assai e prese chommiato da llei. Allotta [3]) si partì e andò nel detto viaggio.

Ora rimane el Chericho nella chamera della donna. Esendo nella chassa e pensando, la donna uscì fuori della chamera e serò la chamera di fuori. Alotta el Chericho uscì fuori della chassa e puose mente chome la camera era dipinta e in che modo ella stava, ed ebbe inmaginato nel chuor suo chom'ella stava; e questo dì non fece più nulla, e tornossi nella chassa. E lla notte vegniente, esendo la donna ne letto e dormendo molto forte, el Chericho, sentendola dormire chosì forte, uscì della chassa e andò al letto della donna e videla ch'ella dormiva molto fortemente; allora e' la schoperse pianamente e videla tutta ignuda, e vide che sotto la poppa ritta

1) Qui evidentemente (sebbene nel codice non sia lacuna) manca il racconto del come la mezzana andò dalla donna e le propose di prendere la cassa: assai probabilmente l'ommissione accadde perchè la mezzana ripeteva alla donna tale e quale il discorso che le aveva insegnato il Cherico, onde il copista, causa la ripetizione, saltò tutto quanto era frammezzo.

2) Cod. perchè.

3) Cod. Alotto.

ella avveva un neo; e veduto questo, sì lla lasciò stare e spense e lume e serossi nella chassa: e questa notte non fecie più nulla chosa; e questo era a tenpo di state. E lla donna, quando ella sì si destò e trovossi schoperta, si maravigliò, ma non pensò però male niuno, e lla mattina sì si levò, e stavasi chom'ella era usata di stare.

Or venne che questo dì la donna uscì della chamera e serolla; e quando il Chericho ch'era nella chassa udì serare la chamera, uscì della chassa e andò a uno forziere della detta donna e trassene fuori una sua ghuarnacha e un suo anello ch'ella portava in dito, e anche ne trasse uno schegiale chon una borsa di seta: tutte queste chose misse nella chassa sua, e rachonciò il forziere della donna che non pareva che fusse mai tocho, e poi si tornò nella chassa sua. E l'altro dì la femina ch'aveva rachomandato la chassa sua alla donna, chom'ella fu tornata dal perdono, inchontanente andò pella chassa sua, chom'ella aveva ordinato chol Chericho, e giunse alla donna e feciele grande chareze e diseli: «I'son venuta pella chassa mia», e molto la ringraziò del servigio ch'ella gli aveva fatto, e feciesi dare la chassa sua, e partissi da lei e ripose la chassa in chasa sua. Di queste chose non s'avide persona; e lla sera uscì el Chericho della chassa e fecie gran festa cholla femina che l'aveva chosì servito, e diede alla detta femina cinqueciento fiorini d'oro e partissi da lei e tornossi a l'aberghо dov' egli era aloggiato. E la mattina vegniente si partì di Gienova molto alegro e cholle dette chose ch'egli aveva tolte alla donna, e andosene a Parigi. E ttutte queste chose fecie in due mesi.

Ora è giunto il Chericho merchatante a Parigi e dicie al giovane da Gienova: «Voi avete perduto il ghaggio! Echo ch'io vi recho e mosterovi tal segniale, chom'io ò auto a fare della donna vostra, che voi non potrete dire di no, e però io vi priegho che voi vi chiamate vinto sanza vituperare la donna vostra». Alotta disse il giovane: «Tu mmi potresti dire asai parole, ch'io none credo nulla». Allotta di chonchordia si

chiamarono choloro ch'erano stati presenti quando e' misono il ghaggio, ed esendo raghunati tutti insieme, alotta parlò el Chericho: «Voi sapete e patti che furono tra mme e questo giovane da Gienova, e però voi siete quivi per dare la sentenzia di ciò; e io dicho tante chiareze di ciò, ch'egli medesimo dirà che sia chosì». Alotta il detto Chericho disse che lla chamera è chosi dipinta, e domandollo se ciò era vero; el giovane rispuose che sì, «ma per questo non isto chontento, però che ne potresti avere domandato». El Chericho trasse fuori la ghuarnacha della donna, che l'aveva tolta, e mostrolla, e disse: «Or non puo' tu dire di no, però che questa è la ghuarnacha della donna tua». El giovane da Gienova rispuose: «Io non ti confesso per questo, però che la potresti avere chonperata da uno righattiere». Alotta il Chericho trasse fuor lo scheggiale e la borsa ch'egli aveva tolta alla donna, e disse: «Che dirai quivi? chiamiti anchora vinto?» Alotta il giovane: «Anche ti dicho che lla potresti avere chonperata da uno orafo, sì ch'io none sto chontento». Allotta el Chericho trasse fuori l'anello e disse: «Questo è l'anello che ttu le desti quando tu la sposasti, ed ella mel donò pe richordanza di lei». El giovane rispuose e disse che non era chontento, bene che l'anello disse che gli pareva desso; e disse: «Tu'l potresti avere auto da uno che chonpera l'anella, ed ella il potrebbe avere perduto, sì ch'io none sto chontento». Alotta el Chericho merchatante disse: «Tu sse'il diavolo, che non vogli credere nulla; ma questo non potra' tu dire, che lla donna tua à sotto la poppa ritta uno neo». Alotta il giovane, quando udì dire questo, si chanbiò, e chonfesò ch'egli diceva il vero e che ssi chiamava vinto, e diedegli il pegnio e tenesi d'avere perduto, e chosì chonfessò; e per questo modo perdè e detti diecimila fiorini d'oro, ed ebegli el detto Chericho merchatante, e anche si tene la ghuarnacha e lo scheggiale e la borsa e l'anello che tolse a la donna.

Ora rimanendo el giovane gienovese molto tristo e sconsolato e dolente, si pensò di tornarsi a Gienova per fare vendetta de la moglie; e chosì si misse in chammino e giunse a Gie-

nova; e entrando in chasa disse alla donna sua: «Egli è di bisogno che inchontanente tu vada in chontado aluogho nostro a fare da desinare per domattina, perch'io astetto [1]) due merchatanti che debono venire a desinare mecho». E chomunche la donna fu partita, ed egli l'andò dietro, e gunti al detto luogho, el giovane da Gienova disse alla donna: «Ria femmina, tu mm'ài fatto manchamento, ma io te ne pagherò, rubalda puttana!». E lla donna pelle parole tutta paurosa [2]) rispuose e disse: «Signior mio, io non so quello che ttu ti voglia dire». El marito chon furia rispuose: «Tu sai bene quello che ttu ái fatto chol Chericho merchatante, el quale è ghiaciuto chon techo e di te à fatto tutto suo volere». E lla donna disse non conoscire el merchatante, e che di questo si maravigliava. El marito le rispose: «Chome di' ttu che non è el vero, che gli donasti la ghuarnacha e lo scheggiale e la borsa e l'anello el quale io ti detti quando io ti sposai?». E la donna rispuose non esere vero d'averle donate, ma che bene se le truova meno, «e nonn ò mai saputo pensare in che modo io me l'abia perdute». El marito rispuose: «Chome puo' tu dire non esere questo vero, ch'egli m'à detto chom'è dipinta tutta la chamera nostra, e àmmi detto che ttu ái u' neo sotto la poppa mancha? Chome potrebbe dire queste chose se no lle avesse vedute?» E la donna rispuose, nè la chamera nè lla persona non avere mostro a uomo, e che non sapeva chome questo potesse esere, che uomo sapesse questo. El marito rispuose: «Io ne farò tal vendetta che ttutte le done di Gienova ne piglierano asenpro»; e chiamò a ssè un suo famiglio e dissegli: «Mena questa rubalda alla marina, e quivi le segha le vene e gittala in mare». El famiglio, chon tutto che lo faciesse molto mal volentieri, disse: «Mesere, e' sara fatto». El marito disse alla donna: «Va' chon chostui»; e la dona tutta paurosa s'aviò chol famiglio, non potendo altro fare. El famiglio la menava

1) Объ astetto = aspetto сл. Ser Lapo Mazzei, Lettere v. I, стр. 11, п. 3.
2) Cod. paurora.

in verso la marina, e la dona chominciò a dire al famiglio, dov' egli la menava, e'l famiglio le disse quanto el suo padrone gli aveva chomandato. E la dona gli rispuose che mai non aveva achattato pechato, «e mai non udirete nulla di me che sia manchamento». El famiglio rispuose: «E' mi bisognia ubidire al mio padrone», e la donna rispuose: «Se ttu volessi avere miserichordia di me, Iddio te ne renderebbe merito per me». El famiglio disse: «Chome potrei io fare?» E la dona dise: «Menami a la tale marina, chè sai ch'è luogho diserto, e mai non potrete udire novelle di me». Alora il famiglio n'ebbe piatà e disse: «Ed io chosì farò»; e la donna e' ringraziò asai e disegli: «Dammi e tuoi panni e portane e miei, e dirai al tuo padrone e mio marito che ttu m'abia morta, ed egli lo crederà vedendo e miei panni». El famiglio disse: «Chosì fareno». Alora el famiglio tolse e panni de la donna e diedele e suoi, e partissi da llei e tornò al suo signiore, e feciegli credere ch'egli l'aveva morta.

Ora rimane la donna sola in sulla marina i luogho diserto e vestita a modo d'uomo cho' panni del famiglio: e piangieva forte e molto si doleva. E istando in questo lamento più dì, e chome ad Idio piaque, v'aparì una nave di chorsali, che n'era chapitano uno gientile homo di Chatalognia, el quale aveva molto tenpo, e vide chostei che pareva huomo, e andò, e dissegli: «Figliuolo, che fa' tu chostà?». El giovane rispuose e disegli: «Io era a chonpagnia di tre merchatanti, e quali m'ànno rubato e lasciatomi qui solo, come voi vedete; e però per Dio vi priegho che voi abbiate piatà di me». Alora il padrone vedendo chostui, gliene inchrebe, e fecielo salire in sua nave; e vedendolo [1]) il padrone sì bello e ghaio della persona (chè sichuramente egli era a vedere de' begli cristiani del mondo) e sí'l domandò dond'egli era; ed e' gli rispuose e disse: «I' sono di Gienova». Alora rispuose il padrone e disse: «Che sai tu fare?». Ed egli rispuose e disse: «Messer, io sono buono ragioniere e buono schrittore e ben

1) Cod. venendolo.

so servire a tavola». Alora il padrone fu molto alegro e disse: «Figliuolo, s'egl'è chome tu di', io t'ò molto charo, e se' bene arivato». E stando per pichol tenpo, il padrone invaghì sì di chostui pegli suoi begli chostumi, ch'egli el teneva charo chome suo figliuolo, e misegli in mano ogni suo fatto.

Ora navichando per più dì e rubando chom'egli era usato, chome piaque a ddi[o] si levò una fortuna di vento, di che la detta nave aportò in Saracinia, a un porto d'una terra dove abitava il grande Chane; e sappiate che quel dì ch'iglino aportarono era la vília della festa loro maggiore. E chome e' furono giunti in porto, fu presa tutta la giente della detta nave, e furono menati dinanzi al Gran Chane, perch'egli erano cristiani. E sappiate che se non fusse stato pella festa loro, e' gli arebbe tutti fatti ucidere: e pella solenità della festa non volle che fusono morti, e ritene a ssè il padrone della nave e tenelo secho a mangiare, e'l padrone ritenne secho il giovane ch'egli aveva secho, che gli serviva inanzi. E mangiando e servendogli chosì inanzi, el Gran Chane domandò el padrone: «Chi è questo giovane chosì bello che tti serve inanzi?». El padrone rispuose: «Egl'è mio figliuolo». Alora non si disse più, ma inchontanente si puose in chuore il Gran Chane di no lasciare partir da ssè il detto giovane, perchè inamorò di lui pe' suoi begli reggimenti. Ora vene da ivi al terzo die ch'era fatta la festa, el Gran Chane disse al padrone: «Anda chon Dio, perchè niuno cristiano può stare in questo reame; ma io voglio che voi mi lasciate questo vostro figliuolo, perch'io sono troppo invaghito della bontà sua»—«Chome, meser? voletemi voi tòrre el mio figliuolo?»—«Per cierto e' te lo chonviene lasciare». Alora il padrone veggiendo che non poteva fare altro, sì disse: «Mesere, io ve lo rachomando», e prese chommiato, e partisi dal Gran Chane molto doloroso per la lasciata del giovane.

Ora rimane il Gran Chane chon questo giovane con grande festa, e fassi servire inanzi per più tenpo. Ora gli piaciva sì il servire di chostui e parvegli sì savissimo, che pensò di fargli

onore e fecielo malischalcho d'una buona cittade. E stando in questa signioria per uno anno, venne pella festa maggiore ch'era nella terra che vi si faciva una grande e bella fiera, e venivavi molti merchatanti di più paesi per vendere loro merchatantie. Ora avenne che alla detta fiera vi vene el Chericho merchatante d'Alesandria cho molta merchatantia, e aveva posto per sua insegnia, ne luogho dov'egli stava a vendere la gharnacha e lo scheggiale e la borsa ch'egli aveva tolto al giovane da Gienova. E andando il detto malischalcho vegiendo la fiera, vide queste insegnie; inchontanente ristette e richonobbe queste sue chose. Molto pensò chome questo potesse esere, e domandando di chui era lo stazone. Alora il Chericho merchatante disse: «Mesere, sono mie, al vostro onore». El malischalcho el domandò: «Per che chagione tenete sì fatte insegnie?». El Chericho rispuose: «La chagione è molto bella, chi lla sapesse». Alora il maliscalcho disse: «Volentieri il vorei sapere; prieghoti che venghi a mme al palagio, acciò che ttu mi dichi questa chosa che di' ch'è così bella». El Chericho disse: «Mesere, io verò inchontanente». Ora fu giunto al palagio e fu dinanzi al maliscalcho, e disegli per ordine tutto il fatto, chome egli era ito. Alora il maliscalcho s'avide del grande inghano che chostui aveva fatto al suo marito e a lei, e immaginò di farne vendetta, e disegli: «Molto è bella questa novella, ma io voglio che ttu la dichi dinanzi al Gran Chane». El Chericho merchatante disse, che molto volentieri; e chosì, esendo insieme dinanzi al Gran Chane, disse la novella. Alora ciaschun disse che l'era delle belle novelle del mondo. Allora il maliscalcho disse al detto Chericho: «Va' oggimai al tuo stazone e vendi le tue merchatantie; e prieghoti che ognindì tu tti rapresenti una volta alla chorte, e quando sarai spacciato, voremo che facci di quelle merchatantie che bisognieranno a la chorte, di che tu trarai grande profitto». E niente di meno el detto malischalcho il facieva ghuardare che non si partisse. E fatto questo, il maliscalcho andò al Gran Chane e preghollo che gli dovesse piaciere, pe l'amore che gli portava, di lasciarlo andare

in fino a Gienova, promettendogli di tornare fra due mesi o prima: e questo era per grandissima chagione. Alora il Gran Chane dopo molti prieghi sì gli diede la parola; alotta il malischalcho fecie aparechiare due legni molto belli e ben forniti di marinai e di buona e orevole conpagnia, e da ivi alquanti dì si partirono; e navichando, in pocho tempo fu giunto a Gienova e chapitò a uno albergho preso alla chasa dov'egli stava. E pochi dì vi stette che domandò del marito, e in che stato e' fusse e che vita la sua era: fugli detto chom'egli era in male stato, e per ordine il seppe ogni suo afare.

E pochi dì stette che'l detto malischalcho mandò per lui (el quale era suo marito), e quegli venne a lui inchontanente. El malischalcho (la quale era sua donna) si pose lì a sedere a lato il detto suo marito, e chominciò a parlare cho lui el detto maliscalcho, e disegli: «La chagione perch'io ò mandato per te sì è questa, che io ò inteso che ttu se' gientile huomo e che tu fusti richisimo e che ttu ái chonsumato il tuo in chortesie; e perciò, quando tu ti volessi atenere al mio chonsiglio, io ti farò esere in pocho tenpo in buono stato». Alora il giovane rispuose e disse: «Voi site il messo che Dio m'à mandato», e ringraziandolo disse ch'era aparechiato di seguire ogni suo chomandamento. Alora disse il malischalcho: «I' sono barone del Gran Chane, e voglio che ttu venghi là cho mecho». E quegli rispuose: «Io verò unque voi vorete; ma io ò una mia madre, ch'io no mmi partirei ch'io no lle parlassi prima». Alora disse il malischalcho: «Falla venire qua». Alora quegli la fecie venire, e'l malischalcho le fecie grande reverenza e dissele: «Voi siete madre di chostui; e però io gli ò ragionato di volerlo fare ritornare in buono statto, e vonelo menare mecho, e prieghovi che vi piaccia di dargli la parola, ed e' m'à detto di fare ciò che voi il chonsigliate; e diciemi che voi non siete anche in buono stato, e però io vi voglio lasciare dumila fiorini d'oro». Alora la donna e'l giovane furono molto lieti e molto ringraziarono; e disse il giovane: «I' sono oggimai a ogni vostro piaciere». E da ivi a pochi die si partirono di Gienova, e

navichando giunsono nella terra del Gran Chane ed ivi smontarono chon grande alegreza, e giunsono al Gran Chane facciendo insieme molta grande alegreza della sua tornata.

E da ivi a pochi dì el detto malischalcho si fu nella chamera del Gran Chane chon esso lui, e disegli che gli voleva favelare, e voleva che vi fusse el Chericho merchatante. Ed esendo chosì insieme, dise il malischalcho del Gran Chane al Chericho: «Chontate la novella chome voi vincieste diecimila fiorini d'oro al giovane da Gienova, facciendogli veduto chome avavate auta la sua donna a ogni vostra volontà, e no l'avavate auta». Allotta el Chericho merchatante chontò tutta la novella a motto a motto, chome l'era stata. Il maliscalcho, che aveva menato il marito da Gienova, sì parlò e disse: «Mesere, vedete la falsità di chostui che v'à detta questa novella!» e fecie chiamare dentro il marito; e quando e' fu dentro, el detto maliscalcho si spogliò ignudanato, e mostrò chome ella era femina, e disse al Gran Chane: «Mesere, chostui è mio marito e credesi ch'io sia morta, e questo mi fecie questo mio marito choncredendo che io avesse fatto falanza chon questo Chericho». E chontò il detto maliscalcho tutto ciò che gli era intervenuto per infino a questo dì.

Allotta el Chericho merchatante isbigottì molto e chiese merzè pe l'amore di Dio. Allotta il Gran Chane disse: «Di te non si vole avere miserichordia, sì se' reo huomo, e di questo faremo tal gustizia che tutto el mondo ne piglierà asenpro». E ivi a pochi dì sì'l misono in sun uno charro, e ghuastarolo e feciollo morire a grande vituperio. E sappiate che lla festa fu grande tra'l giovane da Gienova e la moglie, e chiesele grande perdonanza; e ivi a pochi dì si partirono dal Gran Chane e tornoronsi a Gienova chon grande alegreza e cho molto tesoro. Iddio ne dia a nnoi s'egli è di suo piaciere. Amenne.

III.

Изъ «Libro di difinitioni compilato e descritto per Jacomo di Giovanni di Ser Minoccio cittadino di Siena». Quistione quarta.

.... Già più volte mi so' ricordata
Che ne la terra ne la qual nacqui io,
Un cavalier gentile ebbe sposata
 Una assai bella donna al parer mio,
Gentile e savia e di costumi ornata,
Da lui amata con sommo disio.
 Ma come advien ch'a l'huom senza pensata
Tal fiata inn un punto occore cosa
Che'n molto tempo non l'arie stimata,
 Così di questo avenne senza posa:
Un altro cavalier un dì scontrata
L'ebbe, e stimolla molto gratiosa;
 E fu la mente sua presto impacciata
Del piacer di colei, che'n nullo modo
Ad altra cosa potíe far pensata.
 E per volere sciogliier questo nodo
Deliberò di farle pur sentire
Ciò che col pensier suo à posto in sodo;
 La qual disposta a non volere udire
Nulla cosa di lui, ma come savia
Tacendo, avíe di ciò assai martíri.
 Nè per questo però costui cessava
Continuando pur sapere il tasto,
E fra sé stesso questo in sé parlava:

«Io ò veduto già essar contasto
Fra l'acqua e'l sasso, e una goccia sola,
Cadendo spesso, l' à forato e guasto».
Ma liei che non volíe di ciò parola
Di costui mai sentire, per tòrsi via
Questa noia da dosso, in fra sé sola
Ebbe pensata a tener questa via:
A domandar che facci alchuna cosa
Che non sie mai più facta o da far sia.
E così disse a chi facie la mossa
Mandata da l'amico: «Tu (mi) di' tanto,
Ch'i non posso far più a questa scossa,
Ma mi voglio acertar(e) che lui sia tanto
Disposto in ver di me a fare quello
Che a me piace e di questo fa vanto.
E per mie parte di' ch'i'vo'da ello
Del mese di gennaio in questa terra
Un giardin d'ogni fior fronzuto, e bello
D'alberi e fiori e fructi che la terra
Di maggio suol produrre; e questo dono
Facto che me l'arà, vinta la guerra
Voglio ch'egli abbi, e questo sie il suono.
E se questo non vuol(e), più non mi dia
Affanno, chè per me e' non è buono».
Ella stimò che cotal cosa sia
Inpossibile a fare, e però questa
A levarlo stimò fusse la via.
La qual domanda udita, senza resta
Disse di fare, e non pensò più punto
Che inpossibil fusse o disonesta,
Et che a cciò mai restarebbe punto,
Chè fornita l'arà; se non, istimi
Mai più sarà innanzi a lei congiunto.
Ma volendo ciò fare, ove i più fini
Maestri che trovar si possi in questo,
Cierchò di fuore e dentro da' confini;
Et non trovando chi ne sie maestro,
Quasi in disperatione e di sé tratto
Errando andava come un uom silvestro.

E un mattin con lui si fu scontrato
Un huom antico e magro in tal maniera
Tutto ne' vestimenti suoi stracciato,
Che ne la prima vista quasi (una) fiera
Veder li parve et in sé s'arestoe;
Ma quando questi a lui apressato era,
Con esso lui a parlar comincioe,
Domandandol di quel che gíe cercanno.
A cui il cavalier così parloe:
«Non voler tu sapere el mio affanno»;
E quei gli disse: «Tu forse erri molto
A non lo dir, se non ti torna danno;
Però che quel(lo) ched è in bisogno colto
D'ajuto o di consiglio, et vuòlo avere,
A non lo domandare è paço e stolto».
Conobbe il cavaliere che il parere
Di questo era dovuto, e disse allora:
«Poi che ti piace pur voler sapere
I fatti miei, ti dico in fino a ora
Che il morir mi sarebbe un conforto
Per esser or di tanto affanno fuora,
Nel qual m'à messo una donna ch'i' porto
Escolpita nel cor(e), che vuole un dono,
El qual promissi come un huomo stolto;
E per questo so' messo in abandono,
Chè da me vuole un giardin di gennaio
Fiorito e bel(lo), pien d'ogni fructo buono;
E non trovando chi pel mie denaio
Mi possa questo fare, io vo smarrito,
Nè dove gente sia più non apaio.»
«Se tu avesse questo in te sentito
Che la virtù nell'huomo sta nascosa
E non ne la presentia e nel vestito,
Più presto aresti a me questa tuo cosa
Manifestata; ma questo ti dico,
Che assai volte si vede tal cosa,
Che uno che sarà molto mendico
Di vestimenti, sarà copioso
Di gran virtù et oltre agli altri rico.

Ma che daresti tu a chi fusse oso
A proveder più presto al tuo bisogno
Che tu non stimi, e tornarti gioioso?»
«Chi mi facesse questo ch'io agognio,
Avendo come io ò molta riccheça,
La metà ne darei per tal bisogno.
Se questo a me facessi, in alegreça
Mi metteresti tanto, che dapoi
Non credarei sentire in me aspreça.
Io ti prometto, s'tu se' quel che puoi
Far questo a me, quel ch'i' t'ò promesso
D'osservarlo com'è detto fra noi».
«Io so' contento; andianne via adesso».
E così si tornaro a la cittade,
E presto fece quel ch'avie promesso;
E' sarie lungo a dir la qualitade
Di quello, ma ciaschuno stimi questo,
Se a chiedare a lingua può beltade
In sé aver(e), che non fu mai maestro
Che col pennello ne fesse un sì bello,
Nè potrebbe mai fare com'era questo.
E quando il cavalier(e) veduto à quello,
Tu puoi pensar se'n sé si rallegroe,
Chè non poteva mai credare ad ello;
E molti giorni poi più aspettoe
Con lui tenendo sempre il poveretto,
Il qual quanto potè sempre onoroe.
E il tempo venuto a ciò electo
D'una solenne festa che allora
Celebrar si dovie con gran dilecto,
Quel cavalier mandò sença dimora
A quella, a dir ch'egli avie proveduta
A servar la promessa sua ognora
Che ella voleva. Il che ella saputa,
Non credendo però che fusse vero,
Con compagnia onesta fu venuta
Et vide ben ch'egli avie fatto intero
Quello che domandato per lei fue,
Et a farlo stimò gran magistero;

Dicendo poi: «Io ti prego che tue
Aspetti che miser di fuor cavalchi,
Chè non trapassarà un díe o due,
Acciò che poi sença sospetto varchi
El tempo che con meco tu star vuoi,
E pregoti di questo non t'amarchi».
E queste fece sol per pensar poi
Se lei potesse trovar modo o via
A non voler seguire e pensier suoi;
E tutta piena di malinconia
Si stava, non trovando alchun rimedio
A non seguir quel che promesso avia.
Vedendola il marito in questo tedio,
La domandò più volte: «Abimi detto
Qual cosa è quella che ti dà asedio?»
La qual per non voler(e) ch'alcun sospetto
In lui entrasse et avesse cagione
Di credar lei avere in sé difetto,
Rispondeva, che nulla lesione
Avea in sé di nuovo, e che ell'era
Quale soleva e di quella stagione,
Sença pensare che'n nulla manera
Far non si può, volendo altri mostrare
Un falso vero o far contraria cera.
E per questo el marito a contastare
La cominciò, dicendo: «Io vo' sapere
Il ver di questo, e più non mel celare».
La donna, che vedíe più non potere
Celar quel che'l marito saper vuole,
Non potendo partir(e) dal suo volere,
Tutto gli disse con brevi parole
Dal primo dì per infino a quel punto
Quel che stato era: or più seguir non vuole.
Quando el marito sentì questo sunto,
Pensò alquanto, e bene ebbe compreso
Che non per macular(e) fe' questo agiunto;
E però disse a lei: «Non ti dar peso
Di questo, nè al cor malinconia,
Perchè l'animo tuo ò ben compreso;

Ma voglio ben che tengha questa via,
Che tu oservi quel che ài promesso,
Et non entrar poi più in tal follia».
La donna a pianger cominciò adesso
Dicendo: «Prima Idio mi dia la morte,
Che io niente commetta tale excesso».
Allora il cavaliere con più accorte
Parole disse: «Fa' quanto ti dico,
Chè chiaro m'è che se' prudente e forte,
Et ben conosco il tuo atto pudico;
E però fa' d'oservar la promessa
A chi di te si mostra tanto amico».
Vedendo ella el marito farle pressa
Che questo facci, solo una compagnia
Prese et a casa a quello andò sé stessa;
El qual trovò, come si convenia,
Solo con quel ch'avie fatto quell'orto,
Che fu cagion della suo ricadia.
Come costui ebbe costei escorto,
Ch'ell' era quella per la quale in pene
Et in affanni era stato a torto,
Si maravigliò molto, et a lei fene
Buona acoglienza e tutto amirativo,
Vedendo el modo e'l tempo, in fra sé stene,
Dicendo poi a lei: «Tu mi fai privo
D'inmaginar, perchè questa venuta
In tal modo tu facci qui arrivo».
Al quale ella rispose: «Io son venuta
Per fare il tuo piacere e per pagare
Quel che a te per patto son tenuta;
E però fa' di me quel che ti pare».
Ma elli allor le disse: «Io vo' sapere,
E ti prego che nol debbi celare,
Se del marito tuo questo è volere,
O se con lui di questo alcuna cosa
'Ai ragionato ò voluto asapere».
Al qual ella narrò a la suo posa,
E come lei da lui era mandata
A lui, perchè li par debita cosa,

Per satisfare a quel ch'era ubrigata.
Il che vedendo, quanto grande fusse
La liberalità per lui usata
Dal suo marito, a contemplar si mosse,
E similmente la gran villania
Di quel che contra tal uom villan fosse,
E'n sé dispose di seguir tal via,
Di por da parte ogni suo desidero
E a lui et a lei far cortesia.
Et a lei disse con viso sincero:
«Ciò ch'aver debbo è ben satisfatto,
E così per acetto ò tutto intero;
Sì che a casa vi tornarete ratto,
E il marito vostro per mie parte
Di tanto dono a me sie ringratiato;
Et oltre a ciò, se io ò usato arte
A far cosa che non fusse dovuta
Contra di lui, del perdono usi l'arte».
La donna ch'era di virtù compiuta
Lui ringratiò; e la licentia presa,
El suo ritorno a casa non rifiuta,
Et al marito tutta quanta stesa
Ebbe parlando la cosa mostrata,
Nulla parendo in questo esser offesa.
Ma'l povar(o) huomo, quando la cosa andata
Vide in tal modo, disse al cavaliere:
«Quest'è stata per me mala pensata,
Chè poi che dell'affanno alcun piacere
Non ái avuto, forse dir vorrai
Che di nulla pagar(e) non sie dovere;
Et perchè i'so ben chiar che tu sai,
Che se nulla di ciò non ái avuto,
La cagion non è mia e non fu mai».
Il cavaliere a lui come saputo:
«Conosco ben da te esser servito
Et a te observare i'son tenuto;
Et però prima che di questo sito
Ti parti, prendarai il tuo dovere,
Chè da nullo non vo' ti si' enpedito».

E cominciò dicendo: «El mio avere
Ti mostrarò· et arotti consegnato
Di tutto la metà a tuo volere».
E quindi cominciando da l'un lato
Lé posessioni, castella e argenti,
Gioie, denari, ogni cosa à contato,
Ancora ensieme tutti e pannamenti,
E d'ogni cosa insieme fe' duo parti,
E l'una ne li de' a' suoi talenti.
Costui avendo in sé pensati i fatti,
Come eran iti, volse in sé avere
Quel costume che stato era negli altri,
Dicendo a lui: «Se quel cavaliere
Di liberalità usò in sé l'arte,
E tu di cortesia volesti avere
Il pregio, a me da l'animo si parte
D'esser villano, perchè non ái avuto
De l'affanno piacer tutto, nè parte;
E tutto questo ch'a me è dovuto,
Io tel rilasso, e niente ne voglio,
E basti a me d'averti conosciuto.
Dammi licentia, ch'io partir mi voglio
E ritornaromi dove mi trovasti,
E là mi restarò, come far soglio».
Ora di questo ne son gran contasti
A difinir chi fu più liberale
Di questi tre; e questo vo' che basti
A la mia lunga quistione, la quale
Avendo udita, voi, non però in fretta,
Diciate qual di questi tre più vale;
E questo (il) dichiarir(e) da voi s'aspetta.

J. Strobl, Buchbinderei
München, Aventinstr. 12|I

Mo1,

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Weselowski, Aleksander N.

Boccaccio, jego sreda i swerstniki

Bd.: 2

S.-Peterburg 1894

Biogr. 106 nd-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11570232-9